

Министерство культуры Свердловской области
Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Уральский государственный
архитектурно-художественный университет
Уральский государственный педагогический университет
Фонд поддержки и развития Ленинского
и Академического районов города Екатеринбурга
«Добрососедство»

ТРИНАДЦАТЫЕ ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 года)*

Екатеринбург • 2023

ББК 28.89(235.55) УДК

908(470.5)(063)

Д 23

Редакционная коллегия

И.В. Побережников, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук

(ответственный редактор)

В.Г. Железкин, канд. ист. наук

С.А. Корепанова, канд. ист. наук

Г.Е. Корнилов, д-р ист. наук

Г.А. Кругликова, канд. ист. наук

Е.В. Максимовских, секретарь оргкомитета чтений

В.А. Шкерин, д-р ист. наук

Д 23 Тринадцатые Татищевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 г.): / отв. ред. И.В. Побережников; М-во культуры Свердловской области; СОКМ им. О.Е. Клера; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Урал. гос. архитектурно-художественный ун-т; Урал. гос. пед. ун-т.; Фонд поддержки и развития Ленинского и Академического районов города Екатеринбурга «Добрососедство» – Екатеринбург, 2023. – 482 с.

ISBN 978-5-91357-030-7

В материалах Чтений нашли отражение вопросы деятельности В.Н. Татищева, проблемы сохранения и актуализации культурного наследия, истории уральской промышленности, общественной жизни и духовной культуры Урала в широкой исторической ретроспективе. Сборник рассчитан на историков, краеведов, всех, кто интересуется историей Урала.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда поддержки и развития Ленинского и Академического районов города Екатеринбурга «Добрососедство»

© Свердловский областной краеведческий музей
им. О.Е. Клера, 2023

ISBN 978-5-91357-030-7

© Текст: авторы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

И.Н. Юркин

Петр I на металлургических заводах: первые посещения и их значение	8

А.М. Сафронова

В.Н. Татищев как первый русский ученый-энциклопедист	19

А.М. Пашков

В.И. Геннин в 1710–1713 годах	31

Е.В. Алексеева, Т.Ю. Быстрова, В.В. Литовский, С.А. Патрушев

Атлас индустриального наследия Большого Екатеринбурга: цель и задачи создания	39

СЕКЦИЯ I. ИСТОРИЯ УРАЛА. XVII – НАЧАЛО XX В.

С.Д. Батищев

Публикации уральского лесничего Н.Г. Мальгина в «Горном журнале» (1860-е гг.)	46

Д.А. Васьков

Торговля калмыцким ясырем в Западной Сибири в XVII веке	53

Г.К. Всеволожский

Представления офицеров Белгородского пехотного полка о героизме в войнах периода правления Петра I	62

Н.Д. Грачев

Борьба со старообрядчеством в поселке Шемахинского завода в первой половине в 1890-х гг.	67

Л.А. Дашкевич

Благотворительная деятельность Екатеринбургского Общества Милосердия во имя Святителя Николая	73

Л.А. Долгих

Из истории посещения принцессами Баттенбергскими Нижнетагильского горного округа	81

Е.В. Злобарева

Опись имущества как исторический источник: специфика содержания, информационный потенциал	85

А.П. Карпеева

Доктор Спасский – санитарный врач Воткинского завода	88

Н.Б. Кончаковская

Структура семей пермских горожан в конце XIX в.	94

Н.С. Корепанов

Имя «Екатеринбург»: чья была идея?	101

И.Б. Короткова, Н.С. Корепанов	
Рукопись А.С. Ярцова «Российская горная история»: научное и издательское решение	105
Е.А. Курлаев	
О дате основания города Каменска-Уральского	115
Д.А. Лобанов	
Горнозаводские войска на Урале во второй половине XVIII в.	120
В.П. Микитюк	
Предприниматель и общественный деятель Константин Ястребов	126
И.А. Новиков	
У истоков краеведения Южного Урала: В.Н. Татищев и П.И. Рычков	137
Н.Н. Новиченков	
Взаимоотношения Верхотурского воеводы А.В. Беклемишева с В. де Генниным	149
М.Б. Огнетова	
Военные деятели из рода Демидовых	154
Д.С. Ошивалова	
Профессиональная подготовка земских учителей Пермской губернии во второй половине XIX в. (на примере Камышловского уезда)	158
Н.А. Паромова	
Тюменские купцы-благотворители	161
И.А. Попп	
Маргинализация региональных акторов пореформенного периода на примере деятельности мирового судьи А.В. Белоусова	170
Г.А. Пудов	
Уральский сундучный промысел на российских выставках (вторая половина XIX – начало XX века): мастера, произведения, награды	179
В.Д. Пузанов	
Военная реформа Петра I в Сибири и русские экспедиции на Иртыш	190
Т.В. Смирнова	
Приобретение малолетних «инородцев» Н.Н. Демидовым в начале XIX в.	199
О.И. Сони́на	
Павел Карпинский – управляющий Кыштымским горнозаводским округом	205
А.Н. Торопов	
Материалы по истории заводского хозяйства Яковлевых в XVIII–XIX вв. в Центральном государственном архиве Кировской области	210

Е.В. Шимонек

Владимир Ардашев – двоюродный брат В.И. Ленина 214

СЕКЦИЯ II. ИСТОРИЯ УРАЛА. XX – НАЧАЛО XXI В.**А.Б. Бардин**

Программы экономических реформ
кандидатов в народные депутаты СССР
от Свердловской области 222

М.В. Бекленищева

Ладислав Шупка: роль в развитии дружеских связей
Среднего Урала и Чехословакии 230

Ю.В. Гунгер

Из истории екатеринбургских шахмат 236

Л.Ю. Елтышева

Кунгурское техническое, Губкина, училище.
145 лет истории 244

А.В. Жарков

Уровень образования населения Свердловской области
по материалам Всесоюзной переписи 1989 г. 253

К.И. Зубков

Региональная политика Уральской области и формирование
стратегии освоения Севера (1920-е гг.) 258

А.П. Килин

«Торгаши» и «торговцы» в годы нэпа: проблема
социальной стратификации 268

А.А. Конов

Уральский электромеханический институт
инженеров железнодорожного транспорта в историческом
пространстве Урала второй половины XX века 276

Е.В. Лукьянова

Александр Владимирович Григорьев (Мари) –
провинциальный художник в контексте российской
государственности 286

Н.В. Матвеева

Качканарский городской округ как объект изучения
и сохранения истории индустриального развития
Свердловской области 292

И.Н. Танкиевская

Конструкторско-монтажное бюро Ленинградского
металлического завода в Верхней Салде
в годы Великой Отечественной войны 298

В.В. Филатов

Опыт организации студенческих строительных отрядов
в Магнитогорском горно-металлургическом институте
в 1970-е годы 307

СЕКЦИЯ III.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А.Н. Афанасьева

- Произведения уральских фаянсовых заводов в собрании
Екатеринбургского музея изобразительных искусств:
к проблеме изучения 317

Е.В. Борщ

- Гравюры французских книг XVIII века из библиотеки
Кронебергов в собрании Свердловского областного
краеведческого музея 327

Л.А. Будрина

- Произведения русских камнерезов в акварелях в жанре
интерьер: вкус, политика, атрибуция 336

О.А. Бухаркина

- Коллекция документов участника Гражданской войны
на Урале, советского работника Я.Н. Собанцева в собрании
Свердловского областного краеведческого музея 343

Л.М. Васильева

- Памятник императору Александру II и воткинским
мастерам литья 347

С.Е. Винокуров

- «Кукурузная лихорадка» в камне: частный эпизод творчества
уральских камнерезов 1950–1960-х гг. 353

М.Ю. Данков, Д.А. Проц

- «Мемории» царя Петра (о коллекции предметов
петровского времени в фондах национального музея
Республики Карелия) 360

Н.Н. Зипунникова

- Формирование юрико-музейного пространства:
историко-правовой сюжет об интеграции образования,
науки, культуры (из практик Уральского государственного
юридического университета имени В.Ф. Яковлева) 375

В.С. Ившин

- Архитектурно-строительная документация раннесоветского
периода как исторический источник по виртуальным
историческим реконструкциям г. Свердловска
1920-х – 1930-х гг. 384

А.Ю. Казакова

- Опыт работы редактора над исторической рукописью
(на материале труда А.С. Ярцова «Российская горная
история») 394

А.Н. Карфидов

- Имя Петра Первого в Невьянске 401

М.А. Козлова	
Личность в индустриальном наследии Урала: тагильский цемент	407
Л.А. Коновалова, Л.В. Козырева	
Социальное значение выставочного проекта «Уральские перекрестки. В поисках пути»	412
О.В. Кораблева	
История музея в лицах (1919–1962)	418
А.Г. Крицкая, С.Е. Винокуров	
Коллекция художественного стекла в Екатеринбургском музее изобразительных искусств: формирование, состав, проблемы изучения	427
Г.А. Кругликова	
Культурное наследие в системе современного образования России	434
Е.П. Кушниренко	
Образ Петра Великого в работе с детской аудиторией музея на примере передвижной выставки «Великий Петр»	440
А.М. Логинова	
Сибирский шах и мат: шашки и шахматы в тобольской резной кости второй половины XX века	446
Т.В. Мельникова	
«Скажи имя свое»: о метаморфозах названия одного уральского золотого самородка	450
С.П. Постников	
Комплексная программа Свердловского архитектурного института (УрГАХУ) «Каменный пояс» как фактор сохранения историко-культурного наследия Урала	459
О.Н. Просникова	
Екатеринбургский монетный двор – исторический бренд Екатеринбурга	463
О.А. Шипицына	
Специфика изучения архитектурно- индустриального наследия Урала: ансамблевый потенциал исторической промышленной территории	472
Список сокращений	480

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 94(47).05

И.Н. Юркин*

ПЕТР I НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ: ПЕРВЫЕ ПОСЕЩЕНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Ключевые слова. *Петр I, А.А. Виниус, Н.Д. Демидов, Каширские заводы, Тульские заводы*

Аннотация. *Проанализированы сведения о посещении Петром I в 1695 и 1696 гг. Каширских и Поротовских металлургических заводов. Обсуждается возможная связь этих визитов с начальной историей Тульского завода Никиты Демидова. Указаны связанные с темой мемориальные актефакты. Определено значение первых посещений заводов Петром I для развития металлургической базы на Урале.*

I.N. Yurkin**

PETER I AT METALLURGICAL PLANTS: FIRST VISITS AND THEIR SIGNIFICANCE

Keywords. *Peter I, A.A. Vinius, N.D. Demidov, Kashira plants, Tula plants*

Abstract. *Information about visits by Peter I in 1695 and 1696 is given. Kashirsky and Porotovsky metallurgical plants. The possible connection of these visits with the initial history of the Tula plant of Nikita Demidov is discussed. Some memorial acts related to the theme are named. The importance that the first visits to factories had for the development of a metallurgical base in the Urals was noted.*

1. При характеристике экономики петровской эпохи общепринятым является выделение металлургии в качестве промышленной отрасли, в которой крупное производство развивалось особенно

* **Юркин Игорь Николаевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва, Россия); e-mail: ig-yurkin@yandex.ru.

** **Yurkin Igor Nikolaevich**, Doctor of Historical Sciences, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS, Chief Researcher (Moscow, Russia); e-mail: ig-yurkin@yandex.ru.

успешно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнивать число крупных промышленных предприятий (в своем большинстве мануфактур) в начале и конце этого периода. Оценки разных исследователей различаются, но прогресс неоспорим. Увеличение – в несколько раз.

Огромную роль в достижении этого успеха сыграла государственная промышленная политика, выбор которой определяла воля государя. Понятно, что не все законодательные акты писал Петр, идеи не всех преобразований принадлежали лично ему. Но окончательные решения по ключевым вопросам, по крупным проектам принимал царь. Немного найдется периодов в экономической истории России, когда субъективный фактор играл столь значимую роль, какую играл он в петровскую эпоху.

Как формировалась эта волящая субъективность? Чтобы возникло личное отношение к объекту, необходимо иметь о нем представление. Если говорить о промышленном производстве, то особенно важна личная с ним встреча: его посещение, визуальное, а для Петра еще и мануальное взаимодействие. С годами накопленная им «необъятная масса технических познаний» (выражение В.О. Ключевского [1, с. 29]) – во многом результат вот такого – лицом к лицу – изучения им природы и технической культуры.

Можно позавидовать историкам русского флота. Им известны факты биографии Петра, оставившие след в оформлении его отношения с судоходству и судостроению. Ботик на Яузе, корабли первой флотилии на Плещеевом озере в Переславле, две поездки в Архангельск и закладка там корабля, провозглашенное Думой по подсказке монарха «Морским судам быть», воронежское кораблестроение, «Гото Предестинация», путешествие на корабле «Отворённые врата» по Азовскому морю... Все это неплохо изучено и не раз описано.

Историками металлургии типологически сходные факты и процессы в истории Петра, насколько нам известно, не прослежены. Эта статья – о том, как попали в Петра семена знаний, связанных с металлургией и кузнечным делом и как они прорастали.

2. Первое прикосновение Петра к миру металлургии произошло, вероятно, в 1690 г. В тот год трагическая случайность унесла жизнь владельца Тульских, Каширских и Олонекских заводов Христиана Марселеса. Детей у него не было. Хотя заводы могли перейти к родственникам по боковой линии, этот хорошо сбалансированный

комплекс был разделен и передан лицам, из которых только Бутенант фон Розенбуш имел отношение к нему прежде – при разделе он получил Олонецкие заводы [2]. Заводы подмосковные (Тульские и Каширские) были отданы дяде царя боярину Л.К. Нарышкину, прежде отношения к металлургии не имевшему. Можно предположить, что этому способствовала царица Наталья Кирилловна, которая руками 17-летнего сына сделала брату поистине царский подарок.

О личном знакомстве царя с крупным металлургическим производством можно говорить начиная с 1695 г. Но еще раньше в его окружении появился обладавший познаниями в области металлургии дьяк Андрей Виниус¹. Его отец, голландский купец А.Д. Виниус, организовал компанию, построившую первые в России вододействующие железные заводы с полным циклом переработки руды². Когда сыну Андрею шел шестой год, отца завода лишили. Но вполне вероятно, что сын успел на нем побывать, что оставило след в памяти и повлияло на формирование интересов. Интерес проявился, когда в 1675–1676 гг. А.А. Виниус вместе с другими «охотниками» искал медную и серебряную руду в Прикамье. Проявился и позже – в 1690-х – начале нулевых, когда строил на Урале казенные доменные заводы.

Сближение Виниуса с молодым Петром произошло на рубеже 1680–1690-х гг., когда Виниус, прежде служивший в качестве дьяка в Аптекарском приказе, был переведен в приказ Посольский. Именно он, в прошлом переводчик, учил Петра голландскому языку, единственному иностранному, которым тот овладел³. Отношение между учеником и учителем сложились самые теплые.

Однако Голландия – страна не металлургическая; знакомясь с ней, интерес к металлургии зажечь невозможно. К тому же

¹ В окружении Петра были и другие лица, знавшие о металлургии, возможно, не меньше, чем Виниус – например, упомянутый Г. Бутенант фон Розенбуш и В. Меллер, оба владевшие заводами.

² Когда-то автор даже предполагал, что Андрей Андреевич родился на этих самых заводах – Тульских, они же Городищенские. Последующие разыскания позволили установить, что место его рождения находится за пределами России.

³ По свидетельству составителя «Достопамятных повествований и речей Петра Великого», Петр «довольно уже голландский язык разумел» – он читал голландские газеты [3, № 1]. Юст Юль уверяет, что беседовал с ним на голландском [4, с. 87–88]

внимание Петра все больше оттягивала чуждая огню стихия воды. Виниус верно служил Петру в этом его увлечении: в 1693 г. сопровождал его в поездке в Архангельск. Впрочем, на следующий год с ним туда не поехал, остался в Москве обеспечивать работу почты¹. Тем не менее, несомненно, разговоры учителя и ученика металлургии эпизодически касались. Не исключено даже, что оба бывали в Москве на Пушечном дворе, где могли наблюдать некоторые металлургические процессы. Да и в психологическом профиле молодого Петра присутствовали черты (о них далее), способные направить внимание к «огнедействующим» технологиям (на них остановлюсь).

Однако до середины 1690-х гг. свидетельств соприкосновения Петра с доменной металлургией не имеем.

3. Чтобы неизбежное случилось, требовался импульс – событие. Им стала встреча Петра с крупным металлургическим заводом.

Она произошла в 1695 г., когда Петр возвращался в Москву из первого Азовского похода. Дорога, которая вела в столицу, пересекала речку Скнигу – место, где стояли Каширские железные заводы², первый в России чисто переделный комплекс, перерабатывавший чугуны, выплавленный домнами Тульского завода.

Сведения о посещении Петром Каширских заводов имеются в дневнике побывавшего там одновременно с ним генерала Патрика Гордона.

15 ноября: «...Приехал на железные заводы... Отдыхал..., затем отправился ко двору и был весьма привечен Его В-вом, всеми вельможами и особенно Львом Кирилловичем... – владельцем сих заводов... После полудня отправился с Его В-вом на завод и выковал широкую плиту».

16 ноября: «Снова на заводах».

17 ноября: «Королевское угощение. Вечером у Тихона Никит. [Стрешнева] с Его В-вом и веселились» [5, с. 424].

Как понимать «отправился на завод»? На заводах в широком смысле слова, включающем не только производственный комплекс, но и селения при нем – Гордон и так уже находится. В данном

¹ Он помимо прочего много лет руководил заморскими почтовыми линиями.

² Вот станы этой дороги на участке между Тулой и Москвой по росписи приблизительно 1700 г.: Тула, деревня Вашана, Железные заводы на реке Скниге, село Липицы, Серпухов, село Лопасня, село Молоди, стан на Пахре, Москва.

случае подразумевается, что жилая застройка и усадьба, где веселились, это одно, а заводы, хотя они и рядом, – все же другое. «На заводы» отправлялись, чтобы осмотреть производство.

Автор дневника рассказ о посещении сжал до единственной детали, привлекающей внимание уже в силу этой ее уникальности. Гордон выковывает «широкую плиту» или, в другом переводе текста, «широкую полосу». Трудно сказать, какой перевод точнее, поскольку по смыслу события допустимы оба варианта. Речь может идти и о железных досках (латных, дверных), и о связанном железе строительного назначения – на передельных заводах выпускали и то, и другое. Благодаря описанию Каширских заводов (всего их было четыре), составленному в 1690 г., т. е. всего за пять лет до посещения их Петром, можно определить, на каком из них могли побывать гости [6, с. 85].

Хотя дневник об этом умалчивает, допустимо предположить, что не один Гордон держал в тот день молот. Ковал и Петр, но подробности царских, нередко экстравагантных развлечений политкорректный Гордон в своем *Diary* часто опускает. Угадывая за спиной Гордона-молотобойца силуэт царя, вспомним подмеченную В.О. Ключевским черту психологического портрета Петра:

«Руки его были вечно в работе, с них не сходили мозоли. За ручной труд он брался при всяком представлявшемся к тому случае. В молодости (Петру в дни пребывания на заводе шел 24 год. – *И.Ю.*), когда он еще многого не знал, осматривая фабрику или завод, он постоянно хватался за наблюдаемое дело. Ему трудно было оставаться простым зрителем чужой работы, особенно для него новой: рука инстинктивно просилась за инструмент, ему все хотелось сработать самому» [1, с. 29]. За царскую «охоту к ремеслу»¹ приходилось «расплачиваться» и окружению. Вот и Гордон, которому шел уже седьмой десяток (по тем временам старость), после трудной военной работы славно отдохнул на заводах: помахал там молотом. Заметим: на второй день после получения им из Москвы известия о смерти сына.

Заводы Петра несомненно заинтересовали. Два дня и два подряд их посещения! С этого времени в собственных и приближенных лиц письмах с дороги на Воронеж и обратно станет появляться помета «с заводов».

¹ Тоже выражение В.О. Ключевского.

4. Впечатлениями от первой встречи с заводами царь, можно думать, делился с Виниусом, в котором находил заинтересованного слушателя. Но приязнь к миру огня и раскаленного металла складывалась и безотносительно к Виниусу, сама по себе.

Нас не удивляет (привыкли) утверждение об особой роли в микрокосме Петра воды и всего, что с ней связано. Огонь был еще одной органически близкой Петру стихией. «Марсовы потехи», любимые Петром, это всегда огни, дым, грохот. Показателен расцвет при нем искусства фейерверков. Их огненные букеты расцветали под облаками не только потому, что на символическом языке что-то декларировали и чему-то зрителя учили (о чем довольно много писали исследователи – см., например [7]). В них еще и не обремененное смыслами восхищение опасной и прекрасной огненной стихией. В них же ее покорение: Петр часто лично руководил «огненной потехой», сам поджигал заряды – свидетельства этого многочисленны.

Ну, и, конечно пожары. Упоминания о царских поездках на них встречаем в эпистолярии: о них пишет Петр, пишут, зная интерес, ему. (Виниус Петру в 1698 г., апреля 15: «А и Вулканус почасту здесь бродит, уже трижды был в соседстве моем, и в прошлой неделе, естли б не ветра, противной, быть было и мне от него пограблену» [8, с. 709].) О них же – у авторов дневников, записок. Вот, например, Берхгольц о пожаре в Москве 21 января 1722 г.: «Император Петр I, по обыкновению своему, с величайшей поспешностью явился на пожар...». (Обратим внимание на слова «по обыкновению».) Любопытно, что окружение не только прощало ему это нецарское увлечение (впрочем, попробовало бы осудить), но находило ему полное оправдание. Берхгольц, продолжая приведенную выше цитату: «...явился на пожар и для примера другим работал там в огне, как самый простой страж огня (на современном языке пожарник. – И.Ю.), что имело отличные действия».

«Огнедействующие» заводские технологии – в этом ряду. Их искры, дымы, мощное тепло, специфические звуки не привлечь Петра не могли.

5. Насколько нам известно, еще никто не пытался связать достоверно известные посещения Петром Каширских заводов с начальной историей первого демидовского завода на реке

Тулице. Напомним, что Никита Демидович Антюфеев (в будущем Демидов), будучи оружейным мастером Преображенского полка и получив в этом качестве за труды мельницу на Тулице, построил на ее месте металлургический завод. Данных, касающихся тех событий, мало. Но положение на хронологической оси важнейших событий более или менее точно установлено: известно, что Никита подал прошение отдать ему мельницу «в жалованье на оружейное дело» 31 марта 1694 г., что за этим последовал указ, удовлетворивший просьбу, а в 1694/95 г. (точные даты неизвестны) – указы, разрешившие строительство завода [9, с. 55].

Логично предположить, что царь разрешил строить новый завод лишь после того, как посмотрел, что такие заводы из себя представляют. Но когда он мог с подобными познакомиться? Никита получил разрешение до 1 сентября 1695 г., т.е. раньше посещения царем Каширских заводов. Согласовать события позволяет предположение, что до начала сентября Петр уже заезжал на какие-то заводы. На какие именно? Может быть, на Тульские (Городищенские)? Этот вариант хорош тем, что там Петр мог увидеть полный цикл переработки руды, тогда как на Каширских только передел. Но он же и плох: данных о посещении Петром Тульских заводов нет, а для столь раннего периода в хронике поездок Петра для поездки на них трудно выкроить подходящее время. Остается предположить, что Петр разрешил Демидову строить его завод до того, как первый раз увидел металлургическую мануфактуру. Категорически невозможным это не кажется. С Демидовым царь был к тому времени, скорее всего, уже знаком и сам факт его службы при Преображенском полку свидетельствует о том, что он себя зарекомендовал. Для более позднего времени известны хорошие отношения Демидова с Виниусом – последний принадлежал к числу покровителей тульского кузнеца. Если они к 1695 г. уже познакомились, что не исключено, то ходатайствовать за Демидова перед царем мог и Виниус.

Все это пока довольно туманно. Но остающаяся неопределенность не мешает утверждать главное: что 1695 год – время, когда идеи большой металлургии уверенно проникают в сознание Петра и закрепляется в нем.

5. Закрепление пришлось на следующий 1696 год, в котором Петр, возвращаясь в Москву из похода под Азов, посетил Каширские

заводы повторно¹. Из дневника Гордона узнаем, что его автор застал Петра на заводах 11 сентября, и что царь покинул их 17-го [10, с. 58, 59]. В Москву, как видим, он не спешил. Виниус готовил в столице его и войск торжественную встречу², а на ее подготовку требовалось время.

О неделе, проведенной на заводах в том году, Гордон сообщает в дневнике еще меньше, чем о прошлом своем визите. Все, что он записал, – что приехавший к нему сын Теодор «в приготовленной речи поздравил Его В-во с безопасным возвращением и славными свершениями» [10, с. 59]. Однако представить царившую в те дни на Скинге атмосферу – атмосферу праздника – не сложно. Навстречу Петру из Москвы выехали друзья, везя с собой то веселие, к которому столица только готовилась. Но, думаем, там не только веселились. Годом раньше Петр ковал и заставлял ковать других – любовь к этой кузнечной физкультуре он сохранил до конца жизни.

Мануфактурой на Скинге список металлзаводов, посещенных Петром в том году, не исчерпывается. Гордон записал, что 17 сентября «Его В-во отправился к железному заводу на Протве»³. Больше об этой поездке Петра в дневнике, к сожалению, не сказано ничего – Гордон в ней его не сопровождал, поскольку отправился в Серпухов.

Впоследствии Петр побывает на Каширских заводов не раз, причем произойдет это по воле уже не Марса, а Нептуна. С 1696 г. начнутся поездки царя в Воронеж, самая короткая дорога из Москвы в который лежала через Тулу, а значит – через заводы на Скинге [12, с. 5–6].

А вот пришлось ли ему посетить упомянутые первые в России вододействующие доменные и передельные Тульские (они же Городищенские) заводы – этого до сих пор не знаем. Однако среди 14 поездок Петра в Воронеж были такие, в отношении которых

¹ Сохранившиеся до наших дней старейшие постройки сел, возникших на месте Каширских заводов – храм во имя св. Александра Римского в «столице» этих заводов селе Ченцове и храм во имя свт. Димитрия Ростовского в селе Дмитриевском – относятся к более позднему времени – 1758 и 1813 гг. соответственно.

² Учтем, что протокола подобных торжеств не существовало – не копировать же встречу полков, возвращавшихся из Крымских походов 1687 и 1689 гг.

³ Существует выполненная по описанию 1690 г. графическая реконструкция этого завода, выполненная Н.Б. Баклановым [11, с. 24, 25]. Благодаря ей можем приблизительно представить, что увидел на нем Петр.

можно предполагать, что на пути туда или обратно он посетил и это нерядовое предприятие.

6. Свидания Петра с большой металлургией продолжались. Поскольку тема статьи – первые с ней его встречи, на поздних остановимся коротко.

Петра часто называют основателем Липецких металлургических заводов. Во всяком случае он на них бывал, чему свидетельство – сохраненный в чугуне отгиск его ладони. Тиражированная в начале XIX в. его копия имеется во многих музеях России¹.

Он бывал и на Олонецких заводах, наиболее близких от города, заложенного в устье Невы. По его воле здесь появлялись новые предприятия, а один из заводов был назван в его честь Петровским.

Не позабыл Петр и заводы Подмосковья. Подробности посещения в 1724 г. завода Истинского (принадлежал тому же владельцу, что и Поротовский) отразились в зафиксированных еще в XVIII в. исторических анекдотах [3, № 81; 13, № 3]. Поздние встречи с этими заводами имели иную, чем первые, мотивацию. Молодость прошла, деяния сильно подорвали здоровье. Для лечения мочекаменной болезни Петру рекомендовали минеральные воды. Он пил их за границей, пил в России – сначала олонецкие, потом истинские, отмечал их благотворное на здоровье воздействие. В промежутках отдыхал, то есть, понятно, трудился. Даже токарный станок на Истинский завод привез.

А металлургия? А кузнечная работа? По словам Я. Штелина, Петр «избрал себе... упражнением не только... учиться, но даже при плавлении и ковании пособлять... своими руками и тянуть в полосы железо. Научившись... вытянул одного осмнадцать пуд и каждую полосу означил своим штемпелем. Причем его свиты камер-юнкеры и бояра (представьте картину – *И.Ю.*) носили уголья, разводили огонь, раздували оной мехами и другие работы... должны были отправлять». Как видим, Гордон был не последним, кто, сопровождая Петра в горячих цехах, с ним в них трудился.

¹ Например, в Петербургской Кунсткамере. Восьмигранная чугунная плакетка имеет на обороте надпись: «Снимок с оттиска руки ПЕТРА ВЕЛИКАГО сделанного ИМ на песке в основанном ИМ-же чугунно-литейном заводе в 1707 г. в г. Липецке. Подлинник хранится в здании Липецких минеральных вод. Исп. на заводе Бр. Миловановых в Липецке».

Прелестны прибавленные к этой истории детали: как Петр, отковав свои пуды, потребовал плату за работу и, получив, обновил башмаки, которые в трудах истоптал. История из тех, которые, если их не было, следовало бы придумать.

«Из числа сих, его величеством своеручно скованных железных полос, находится еще одна полоса с царским клеймом на Миллеровом железном заводе при означенной реке Истие, да еще другая, которую сей монарх в Олонце при Ладожском озере сковал, сохраняется в Кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук» [13, № 3]. Одна из полос с надписью «его величества работа» представлена в нынешней экспозиции петровской кунсткамеры.

7. Может показаться, что страницы биографии Петра, на которых мы остановились, не имеют прямого отношения к Уралу. Действительно, история строительства первых уральских доменных заводов начинается скорее с Виниуса, чем с Петра. Опираясь на административный ресурс (подчиненный ему Сибирский приказ), думный дьяк по собственной инициативе организует разведки железных руд, их экспертизу, подбор мастеров. Но без одобрения и помощи Петра его, Виниуса, мечтам в реальность – в первый чугуи и первое железо – было бы не воплотиться. Если бы Петр не побывал в нужное время на нужных металлургических заводах (мы их назвали), он не проникся бы планами строить другие подобные. (Не из теории же было ему брать идеи развития тяжелой промышленности. Тем более, что представления об экономике он имел, по его же признанию, слабые¹. А железа, благодаря импортному шведскому металлу, в стране до войны хватало.) Без Виниуса и первых встреч с подмосковными заводами первые уральские мануфактуры были бы, конечно, построены, но, полагаем, позже. Посещения Петром тех заводов заложили фундамент, на который опирался успех всей петровской металлургии.

Непосредственное отношение к Уралу имеет и то, как уже определившийся в оценке значения металлургии Петр манипулировал Демидовым, вынуждая его перенести производственную

¹ «Хоть и слышали, однако ж, что Петр I сам не один раз жаловался, что из правительственных дел нет ничего для него труднее торгового дела и что никогда не мог составить себе ясного понятия об общей связи торговли, но верно, что у него были очень здравые мысли о полезном и вредном для торговой промышленности в его царстве...» [14, с. 89] (курсив наш).

площадку на Урал. Найти рычаг, которым можно было бы повлиять на заводчика, причем так, чтобы он сам захотел отправиться за тридевять земель, смог именно Петр. Но Петр – уже бывавший на металлургических заводах и способный представить, чем, выбирая, станет руководствоваться Демидов.

О первых встречах Петра с металлургией дошло до нас немного. Ну ковал, ну веселился... – и что? Лет через восемь-десять, покидая строящуюся Петропавловскую крепость, он, садясь в шлюпку, кинет взор на стоящий неподалеку первый свой крошечный домик. И скажет: «От малой хижины возрастает город... Всему время при помощи Божией» [3, № 93].

Согласимся с Великим: От малой хижины...

Библиографический список

1. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. – М.: Мысль, 1989. – 398, 1 с.
2. Юркин И.Н. Генрих Бутенант и российская металлургия последней четверти XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. № 2 (171). – С. 33–43.
3. Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – СПб.; М.: Пушкинский фонд; Третья волна, 1993. – С. 247–326.
4. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – СПб.; М.: Пушкинский фонд; Третья волна, 1993. – С. 85–125.
5. Гордон П. Дневник. 1690–1695. – М.: Наука, 2014. – 618, [2] с.
6. Юркин И.Н. Петр Железный (Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы). 2-е изд. – Тула: Дизайн-коллегия, 2022. – 440 с.
7. Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. – М.: УРСС, 2002. – 303 с.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Гос. тип. Т. 1. (1688–1701). 1887. – XXII, XXXII, 888, ЛП с.
9. Юркин И.Н. Демидов Первый. Опыт жизнеописания. – М.: Международный Демидовский фонд, 2021. – 320 с.
10. Гордон П. Дневник. 1696–1698. – М.: Наука, 2018. – 323, [1] с.

11. Бакланов Н.Б., Мавродин В.В., Смирнов И.И. Тульские и Каширские заводы XVII в. – М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. – 160 с.
12. Юркин И.Н. Петр Алексеевич между Москвой и Воронежем: несколько дорожных сюжетов // Тульский краеведческий альманах. Вып. 19. – Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2022. – С. 5–14.
13. Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – СПб.; М.: Пушкинский фонд; Третья волна, 1993. – С. 327–366.
14. Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. – С. 9–104.

УДК 001.891(470.5)“17”+001.9+94(470)“17”

А.М. Сафронова*

В.Н. ТАТИЩЕВ КАК ПЕРВЫЙ РУССКИЙ УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

Ключевые слова. *В.Н. Татищев, ученый-энциклопедист, науки, Россия.*

Аннотация. *Автор, проанализировав многогранную деятельность В.Н. Татищева, доказывает, что он являлся по существу первым русским ученым-энциклопедистом, внесшим вклад в формирование и развитие целого ряда наук в России: истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, географии, этнографии, археологии, лингвистики, статистики, педагогики, геологии, палеонтологии, экономики и др.*

А.М. Safronova**

V.N. TATISCHEV AS THE FIRST RUSSIAN SCIENTIST-ENCYCLOPEDIST

Keywords. *V.N. Tatishchev, scientist-encyclopedist, science, Russia.*

* **Сафронова Алевтина Михайловна**, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: alevtina.safronova@gmail.com.

** **Safronova Alevtina Mikhailovna**, Doctor of History, Professor, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: alevtina.safronova@gmail.com.

Abstract. *The author, based on the research of multi-faceted activity of Tatishchev, proves that he deserves to go down in Russian history as the first Russian scientist-encyclopedist who contributed to the formation and development of a number of sciences in Russia: history, source study, secondary historical disciplines, geography, ethnography, archeology, linguistics, statistics, pedagogy, geology, paleontology, economy and others.*

В.Н. Татищев никогда не был членом российской Академии наук, не имел никаких официальных научных званий, лишь одна научная работа в виде статьи была опубликована под его именем при жизни. Но его звезда на небосклоне российской науки светит очень ярко. Недаром академик Российской академии образования С.О. Шмидт назвал Татищева «зодчим отечественной науки» [1, с. 451].

Место Татищева в истории российской науки окончательно определилось во второй половине XX в. благодаря активной публикации его трудов и новым исследованиям ученых. Но до сих пор нет обобщающих работ о его научном наследстве. Попробуем хотя бы в общих чертах обозначить вклад этого уникального ученого, имевшего домашнее образование, но не устававшего учиться всю жизнь, в развитие различных отраслей нашей науки.

Почти половину жизни, около 30 лет, Татищев посвятил собиранию материалов и написанию своего главного труда – *«Истории Российской»*, с которой берет свое начало российская история как наука. Эту работу Татищев совмещал с административной деятельностью в Москве, Екатеринбурге, Самаре, Астрахани, писал, находясь в столице, особенно плодотворно работал в последние годы в Болдинском уединении. Во введении и 1-й части много томного труда Татищев впервые сформулировал теоретические положения исторической науки в России, поставил вопрос о знаниях, необходимых для ее написания, о необходимости критики источников. Он не просто излагал события, но пытался раскрыть их причины, причем делал это с позиций рационализма. Такой подход был новым для исторической мысли того времени. Татищев осветил историю России, начиная с древних славян, кончая 1613 г., вступлением на престол Романовых [2].

Впервые Татищев создал широкую источниковую базу исследования: списки летописей, сказания и хождения, Русская Правда, Судебник 1550 г., Книга Большому Чертежу, Степенная книга,

Хронограф, повести и сказания, Четьи Минеи, Прологи, архивы Казани, Астрахани, Сибири и многое другое [3, с. 39–53]. Первым в русской историографии он привлек труды античных авторов, широко использовал сочинения историков Средневековья, Нового времени, упомянул более 300 имен только иностранных авторов, не считая ссылок на произведения безымянных и сборники [4, с. 355].

В.Н. Татищев считается родоначальником русского источниковедения. Он впервые дал классификацию источников на основе степени достоверности, первый поставил вопрос о необходимости критики источников, чтобы «басен за истину не признать». В этом отношении Татищев «был не только <...> на уровне своего века, но и пролагал в разработке этих проблем в России первые пути. <...> А в вопросах толкования источников и в понимании значения вспомогательных исторических дисциплин для развития истории он превосходил историков и более позднего времени» [4, с. 368–374]

Татищев внес вклад в основание ряда вспомогательных исторических дисциплин. Он первым четко поставил вопрос о необходимости знания хронологии и генеалогии, «без которых история ясною и верною быть не может». Дал определение хронологии, раскрыл ее значение для изучения истории, дал определение эры, описал летоисчисление древних народов, в том числе славян [4, с. 358–359]. Считая, что история герба тесно связана с историей государства, Татищев много внимания уделил гербам, написал главу об их истории, но, отослав кому-то на отзыв, не получил обратно, черновик затерял. Поэтому сведения о гербах на страницах Истории кратки, но и здесь находим: теоретическое объяснение сущности герба, историю русского государственного герба до Петра I включительно. В главе 44-й имеется описание киевского герба, «Белой Руси» и др. В примечаниях к тексту Татищев большое внимание уделил вопросам метрологии, в т.ч. денежному счету, дал свое объяснение отдельным мерам и денежным единицам: золотник, «скура», «серебряники», гривна, рубль, осьмина. При этом «некоторые его объяснения не устарели до сих пор, а для первой половины XVIII века были совершенно новым явлением [4, с. 360, 368].

Имя Татищева вошло и в историю российской археографии. В составе летописей в 1734 г. он обнаружил текст Судебника Ивана IV, вслед за этим, вероятно, в 1737 г. – Русскую Правду. В связи

с намерениями Академии наук издать древние законодательные акты Татищев подготовил к публикации тексты этих источников вместе с указами, последующими за Судебником, снабдил их примечаниями, предисловиями. А.И. Андреев раскрыл работу историка над этими текстами [5].

Имя Татищева прочно вошло и в историю географии России. В 1719 г. он был определен Петром I к межеванию земель и составлению обстоятельной географии страны с ландкартами, составил проект этой работы, на протяжении последующих 15 лет занимался другими делами, но продолжал интересоваться этими проблемами. В 1734 г. в связи с назначением главой заводов Урала и Сибири именной инструкцией Татищеву поручалось составление ландкарт этой территории силами геодезистов и обстоятельное географическое описание. Для сбора сведений Татищев разработал анкету из 92 пунктов и разослал ее через губернатора во все города Сибири. Несмотря на скудость полученных ответов в декабре 1736 г. было готово 12 глав «Общего географического описания всея Сибири», основанного также на различных источниках русских и иностранных авторов. В марте 1737 г. эта работа получила одобрение Кабинета министров, который по просьбе Татищева разослал указы в Сибирскую и Казанскую губернии о присылке сведений, необходимых Татищеву для составления описания. В мае 1737 г. Кабинет поручил Татищеву составление ландкарт всей России, в августе – еще и генеральной карты страны. В связи с этим Татищев составил детально разработанный вопросник из 198 пунктов, ответы на которые могли дать много нового для работы над географией. Во время руководства Оренбургской комиссией Татищев приступил к составлению «Общего географического описания всея России», но успел закончить лишь введение к нему (1744). В 1739 г. Татищев написал краткую географию «Руссия или как ныне зовут, Россия», а во время пребывания в Астрахани (1741–1745) – географию Астраханской губернии и сопредельных с ней областей. Последний труд, представленный Сенату, пока не отыскан. В 1745 г. Татищев отправил в Академию наук «Книгу Большому Чертежу», открытую им для науки, подготовил ее к печати, снабдил своими примечаниями. В 1747 гг. составил «почтовую книгу Российскую» или «книжку расстояниям мест» и отправил в Академию наук. Под руководством Татищева

были исправлены и составлены заново десятки карт Поволжья, Урала и Сибири, отправлявшиеся в Академию наук и сыгравшие свою роль при подготовке первого российского атласа 1745 г. [6].

Татищев сыграл важную роль и в становлении этнографии. Анкета Татищева 1734 г. «явилась первой в истории не только русской, но и мировой науки программой собирания этнографического материала». В ней есть вопросы о названиях и самоназваниях народа, его происхождении, территории проживания, религии, народной медицине, обрядах, обычаях, фольклоре и т. д. На страницах «Истории Российской» он описал обряды народов, наблюдавшиеся им лично: при рождении, наречении имени младенцу, свадьбах, погребениях. В «Лексиконе российском» имеются специальные статьи об абхазцах, башкирах, болгарях, вогуличах (манси), кабардинцах, каракалпаках и других народах. Особое внимание Татищев уделял вопросам исторической этнографии, в частности, вопросам этногенеза, и его «с полным правом можно назвать создателем исторической этнографии в России. <...> Вопросы происхождения народов, живущих или живших на территории Русского государства, их этнические связи и классификация – центральные вопросы 1 части «Истории Российской». Татищев дает первую в русской литературе лингвистически-этнографическую классификацию народностей и племен на территории Российской империи, правда, не лишенную ошибок из-за недостатка сведений; формулирует мысль об автохтонности славян в Европе и их древности [7].

Татищева считают «одним из зачинателей русской археологической науки». В анкету 1737 г. он включил несколько вопросов, посвященных изучению археологических памятников Урала и Сибири. По сути, это первая в России развернутая программа археологических исследований, которую по научному уровню можно сравнить с лучшими западноевропейскими инструкциями того времени. Он требовал представления описаний, зарисовок, чертежей остатков древних построек, каменных баб, надписей, старинных произведений искусства, утвари, оружия и т. д. Недаром М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер высоко оценили достоинства указаний Татищева и положили их в основу своих анкет. Начинать археологические исследования Татищев предлагал со сбора сведений о древних городищах и других памятниках старины, имеющих в уезде, о каменных бабах или камнях с надписями, которые

следовало прорисовать на бумаге. Специальное внимание уделил взаимоотношениям с властями, необходимости отсылки найденных предметов в Академию наук. Он сформулировал положения о методах раскопки курганов: сначала установить точные размеры памятника, зафиксировать глубину залегания, дать ориентировку на местности, соблюдать осторожность при вынимании глиняных горшков с надписями и т. д. Будучи губернатором Астрахани сам обследовал болгарские и золотоордынские городища по Средней Волге, Каме, Нижнему Поволжью, Ахтубе; бывал в Подонье и других местах. Вещественные источники использовались Татищевым для изучения начальных этапов истории, о которых письменных данных сохранилось мало, например, для установления границ проживания ряда древних народов на территории нашей страны [8].

Как отмечают известные специалисты в области лингвистики, *В.Н. Татищеву принадлежит несомненный приоритет в постановке и посильном решении ряда общих языковедческих проблем* [9–11]. Он первым указал на языки как памятники истории, отметил, что предания, сказания за дописьменный период свидетельствуют о прежних местах обитания народов, путях их переселения; а названия городов, рек, озер становятся важным историческим источником.

Татищев первым выделил славянскую, тюркскую, финно-угорскую и палеоазиатскую семьи языков. На целое столетие Татищев предвосхитил основной тезис сравнительно-исторического языкознания о происхождении родственных языков из одного «прародительского» языка. Подобные мысли, высказанные в 1786 г. англичанином У. Джонсоном, вошли во все учебные пособия, а идеи Татищева только во второй половине XX в. получили признание и приоритет. Татищев первым среди русских ученых поставил вопрос о необходимости реформы русского алфавита и правописания, научном изучении языков народов, населявших Россию.

Имя Татищева вошло и в историю фольклора. Он составил сборник русских пословиц, из Екатеринбурга в феврале 1736 г. отправил его в Академию наук. В него вошло 1339 пословиц, среди них крылатые выражения, и сейчас используемые в нашем языке: «Шила в мешке не утаишь», «Шемякин суд», «Упрям как бык» и др. Две пятых пословиц, сохраненных Татищевым для потомков, в более ранних известных на сегодняшний день сборниках не встречаются. Эта уникальная работа Татищева увидела свет

только через два столетия, в 1961 г. [12, с. 47–64]. Во время руководства заводами Урала и Сибири В.Н. Татищев составлял и языковые лексиконы народов Урала и Сибири.

Имя Татищева навечно вошло и в историю педагогики России как выдающегося теоретика и практика. В 1721 г. он открыл первые школы при казенных заводах Урала и прилегающих к ним слободах, в 30-е гг. XVIII в. сформировал широкую сеть учебных заведений почти при всех казенных заводах, открыл первые школы немецкого, латинского языков, рисования. Для школ он написал замечательные инструкции, в которых развил мысли о роли учителя в жизни учеников, о необходимости соединения обучения школьников с профессиональным трудом и разработал широкую программу профессионального обучения и программу нравственного воспитания учащихся.

В.Н. Татищеву принадлежит первый проект создания в России Академии ремесел (художеств) с отделениями архитектуры, живописи, скульптуры, механики (1730). Возглавить это учреждение должен был сам Татищев, отделение архитектуры – Еропкин, живописи – Каравакк, скульптуры – Растрелли, механики – один из профессоров Академии наук.

В 1733 г. он представил Анне Ивановне проект реорганизации сети учебных заведений в России, предусматривавший открытие 2-х университетов, 4-х гимназий, от 120 до 200 семинарий для детей мужского и женского пола, 2-х академий ремесел, академии «для исправления языка, сочинения потребных книг и для переводов» путем перераспределения средств за счет баснословно богатых средств, выделенных на открытие кадетского корпуса. В «Рассуждении о ревизии» поголовной и касающемся до оной», написанном в связи с проведением второй ревизии в России в 1747 г., Татищев выдвинул идею открытия приходских училищ в городах и селах для обучения детей горожан и крестьян грамоте и использования в качестве учителей заштатных церковнослужителей. Эта идея, правда, с расширенной программой, приобрела силу закона в 1803 г. в результате реформы образования Александра I. Татищев первым в отечественной историографии сформулировал задачу изучения культуры и просвещения России в контексте ее политической истории и мы можем считать его первым исследователем истории образования в нашей стране [13].

В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» Татищев обосновал пользу просвещения для государства и различных групп населения, охарактеризовал его историю в Европе, состояние училищ, домашнего и заграничного образования в России, внес предложения по реорганизации школ; рассмотрел ряд педагогических проблем: о возрастных особенностях организма человека, необходимости раннего обучения детей (с 5 лет), использовании достижений западноевропейских наук в постановке обучения и воспитания в России, влиянии окружающей среды на воспитание и др. Татищев предложил создать специальный орган управления всеми учебными заведениями и наукой в России и сформулировал главные задачи этого органа [14, с. 51–132]. Как известно, Министерство народного просвещения появилось в 1802 г.

Имя Татищева вошло и в историю российской статистики как представителя описательной школы, пытавшейся дать обобщенные исследования хозяйства России с помощью статистических методов. В «Разсуждении о ревизии поголовной и касающемся до оной» он раскрыл понятие «ревизии», дал краткую историю их проведения в мире, высказал замечания по поводу второй ревизии в России и внес ряд интересных предложений: в частности, обязать духовенство при приходах «содержать книги порядочно, всякого села и деревни особливую тетрадь», на одной странице записывать всех наличных мужчин и женщин, на другой отмечать новорожденных, умерших, выбывших; на особых листах указывать прибывших от ревизии до ревизии и, как уже отмечалось, предложил ввести совсем уж необычное для России новшество: объявлять в сказках, сколько где обученных письму, сколько у какого прихода обучается, «дабы губернаторы и Правительствующий сенат могли о том ведать и противящихся тому владельцев или управителей штрафом пристойным принудить, и оной штраф в указе объявить, дабы большой страх неразсудным учинить» [14, с. 373, 377]. Претворение предложения Татищева в жизнь привело бы к появлению в России нового вида статистических данных – о грамотности населения.

Татищев внес вклад и в развитие естественных наук. Он – автор первой в мировой литературе статьи о мамонтах, опубликованной в 1725 г. на латинском языке во время его пребывания в Швеции в “Acta literaria Sveciae”, переизданной дважды отдельно в Швеции

(1725 и 1729) и в Англии (в “Acta germanica”, 1743). В ней содержались ответы на вопросы: что представляют собой мамонтовые кости; что говорят о них жители мест, где их находят; каково мнение ученых о них, и мнение самого Татищева. Благодаря этой статье имя Татищева вошло в историю палеонтологии – науки о вымерших растениях и животных. В 1729–1730 гг. Татищев дважды писал статьи о мамонтах для русского читателя, но оба раза она публиковалась в первом нашем научно-популярном журнале «Примечания» к Ведомостям в изложении И.Г. Гмелина [14, с. 3–7, 36–50].

Имя Татищева вошло и в историю геологии как совокупности наук о строении Земли, её происхождении и развитии. Исследуя карстовые явления в районе Кунгура, Татищев в противоположность распространенным представлениям о возникновении пещер вследствие землетрясений или всемирного потопа пришел к выводу, что они возникают в результате медленного процесса растворения и размыва известняков гипса. Исследования Татищева в этой области дали возможность считать его основоположником отечественного карстоведения [15].

Татищев поставил вопрос о причинах землетрясений, описал их виды: «простые» и «великие» (последние – по литературе), обозначил места, где землетрясения происходили в России, могут происходить, изложил свои взгляды на геологическую деятельность подземных вод: писал о подземных реках, химическом составе вод и химических осадках. Представил в Академию наук свои рассуждения о 30-летних периодах прибавления и убавления воды в Каспийском море [16].

В своих географических сочинениях Татищев дал сводку известных в России полезных ископаемых и много содействовал поискам и разведке руд на Урале и в Сибири. Татищев был предшественником Ломоносова в разработке теории происхождения горючих полезных ископаемых. В 1730 г. он писал о растительном происхождении каменных углей: по его мнению, одни угли возникли из древесных остатков, другие – из тины, то есть из ила органического происхождения. И. Гмелин, опубликовав статью Татищева в своем изложении в 1732 г., заменил оригинальный взгляд Татищева общепринятым в то время, согласно которому угли возникают «из каменного масла и земли, соединенных купоросной кислотой» [17].

Как экономисту Татищеву был присущ широкий государственный кругозор, проявлявшийся на любом административном посту. Отметим его идеи на примере Урала. В 1722 г. он первым обосновал целесообразность развития на Урале и в Сибири не только горнозаводской, но и других отраслей промышленности: предприятий по производству стали, проволоки, жести, ножей; мануфактур по производству стеклянной посуды и бумаги. Сталь, проволоку, необходимые заводам и населению, привозили тогда из-за границы; ножи, хотя и изготовлялись в России, но плохого качества, поэтому ввозились из Англии и Голландии. Стеклянной посудой, бумагой, по мысли Татищева, можно было бы обеспечивать не только Россию, но и вывозить в Закавказье и Персию. Часовой мастер с помощью обученных математике уральских школьников мог бы наладить производство не только башенных, но и столовых, стенных часов. Татищев предложил отказаться от единственной дозволенной дороги в Сибирь через Верхотурье, где с товаров и денег бралась 10 % пошлина и узаконить путь через Екатеринбург [18, с. 102–104]. Татищев выдвинул идею устройства прямого более дешевого водного сообщения между Екатеринбургом и Архангельском для вывоза за границу уральского железа путем строительства канала Кама – Северная Двина (через Южную Кельтму, Северную Кельтму, Вычегду), осуществленного в первой трети XIX в. с введением в строй Северо-Екатерининского канала [19, с. 83–84].

Татищев стоял у истоков камнерезного искусства Урала: предлагал на Екатеринбургском заводе завести камнерезное и гранильное дело. В своем указе Канцелярии 1737 г. наметил широкую программу использования цветного камня, которая была осуществлена только к концу XVIII в.: предложил из цветных камней делать не только мелкие изделия, но и «изрядные сосуды... такие видим из Китая и Персии привозят, дорого продают»; «плитками тонкими разрезая, каминны и стены в знатных домах к великому украшению убирать». По мнению академика А.Е. Ферсмана, само выражение «культура камня» введено в обиход именно Татищевым [20, с. 10].

Даже беглый обзор научных направлений, в которые Татищев внес свой вклад, свидетельствует об энциклопедичности его познаний. Не случайно, наверное, что именно Татищев стал

автором первого в нашей стране энциклопедического словаря – «Лексикона российского исторического, географического, политического и гражданского», опубликованного впервые в 1793 г. [14, с. 153–360].

Как справедливо отметил С.О. Шмидт, «Татищев был как бы рожден для того, чтобы стать президентом нашей Академии наук. И Академии тогда особенно был нужен такой руководитель – ученый разнообразных талантов и эрудит, деятельный и пытливый организатор науки, коренной русский, обладавший опытом государственной деятельности, убежденный в необходимости подготовки ученых из среды соотечественников и в то же время с большим уважением относившийся к зарубежным ученым и достижениям науки и техники. Но Татищев не стал членом Академии наук, и сочинения его при жизни не были напечатаны.

Лишь посмертно, правда еще в XVIII столетии и при содействии именно членов Академии наук, к нему стала приходить слава, все возрастая с годами и столетиями. <...> Ныне о нем существует обширная литература в нашей стране и за рубежом – Татищев признан одним из самых выдающихся и разносторонних деятелей XVIII века – “века Просвещения”. <...> Татищев первым из русских стал в ряд крупных европейских ученых и явился прямым предшественником великого Ломоносова. У истоков многих современных наук имя Василия Никитича Татищева» [1, с. 453, 455].

Опираясь на материалы исследователей многогранной деятельности В.Н. Татищева, полагаю, что он по праву достоин называться первым русским энциклопедистом в истории нашей страны.

Библиографический список

1. См.: Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. – М.: РГГУ, 1997. – 612 с.
2. Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. – М.; Л.: Наука, 1962–1968.
3. См.: Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» // В.Н. Татищев. История Российская. – М.; Л.: Наука, 1962. – Т. 1. – С. 39–53.
4. См.: Николаева А.Т. Некоторые вопросы источниковедения в «Истории Российской В.Н. Татищева» // Труды МГИАИ. – М., 1963. – Т. 17. – С. 337–374.
5. См.: Андреев А.И. Примечания В. Н. Татищева к «Древним русским законам» // Ист. записки. – М., 1951. – Т. 36. – С. 252–262.

6. См.: Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по географии России // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1950. – С. 3–34.
7. См.: Степанов Н.Н. В.Н. Татищев и русская этнография // Очерк истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М.: Наука, 1956. – Вып. 1. – С. 75–81.
8. См.: Гурвич Д.М. В.Н. Татищев и русская археологическая наука // Сов. археология. – 1956. – Т. 26. – С. 153–164.
9. См.: Пирмаханова У.Б. О лингвистическом наследии В.Н. Татищева // Проблемы диахронного анализа грамматического строя русского языка: Сб. трудов. – М., 1977. – Вып. 10. – С. 91–97.
10. См.: Пирмаханова У.Б. В.Н. Татищев как лексикограф // Географические и хронологические пределы распространения русской лексики: Лингвистический сборник. – Вып. 2. – М., 1978. – С. 122–132.
11. См.: Кондрашов Н.А. Лингвистические взгляды В.Н. Татищева // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 81–89.
12. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XIX веков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 289 с.
13. См.: Сафронова А.М. В.Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 299 с.
14. Татищев В.Н. Избранные произведения. – Л.: Наука, 1979. – 464 с.
15. См.: Иванов А.Н. В.Н. Татищев как исследователь карстовых явлений // Вопросы истории естествознания и техники. – 1957. – Вып. 4. – С. 86–93.
16. См.: Иванов А.Н. Вопросы динамической геологии в сочинениях В.Н. Татищева // Вопросы истории естествознания и техники. – 1965. – Вып. 19. – С. 132–135.
17. См.: Иванов А.Н. Труды В.Н. Татищева в области геолого-географических наук // Уральский археографический ежегодник за 1971 год. – Свердловск: [б. и.], 1974. С. 191–193.
18. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. – М.: Наука, 1985. – 368 с.
19. См.: Юхт А.И. В.Н. Татищев и экономическое развитие России в первой половине XVIII века // История СССР. – 1986. – № 3. – С. 81–98.
20. См.: Семенов В.Б., Шакинко И.М. Уральские самоцветы. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. – 288 с.

УДК 94(470)

А.М. Пашков*

В.И. ГЕННИН В 1710–1713 ГОДАХ

Ключевые слова. В.И. Геннин, Петр I, Я.Н. Римский-Корсаков, осада Кексгольма, Литейный двор в С.-Петербурге.

Аннотация. Статья посвящена важнейшему периоду в жизни В.И. Геннина. Раскрыты причины его быстрого карьерного взлета (решающая роль при взятии шведской крепости Кексгольм и др.). Особое внимание уделено конфликту В.И. Геннина с вице-губернатором Санкт-Петербургской губернии Я.Н. Римским-Корсаковым из-за строительства Литейного двора в С.-Петербурге. Чтобы уберечь В.И. Геннина Петр I сначала отправил его на войну в Финляндию, а в сентябре 1713 года сделал начальником Олонецких Петровских заводов.

А.М. Pashkov**

V.I. GENNIN IN 1710–1713

Keywords. V.I. Gennin, Peter I, Ya.N. Rimsky-Korsakov, the siege of Kexholm, the Foundry yard in St. Petersburg.

Abstract. The article is devoted to the most important period of V.I. Gennin. The reasons for his rapid career rise are revealed (the decisive role in the capture of the Swedish fortress Kexholm, etc.). Special attention is paid to V.I. Gennin's conflict with the vice-governor of St. Petersburg province Y.N. Rimsky-Korsakov over the construction of the Foundry Yard in St. Petersburg. In order to protect V.I. Gennin, Peter I first sent him to Finland for the war; and in September 1713 made him the head of the Olonets Petrovsky factories.

Биография видного горного деятеля первой половины XVIII века В.И. Геннина стала предметом исследования в трудах В.Н. Берха [1], А.П. Глаголевой [2], М.М. Максимова [3], Н.С. Корепанова [4], Д.О. Серова [5, с. 148–164] и других ученых. Однако некоторые моменты его жизни по-прежнему недостаточно

* Пашков Александр Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия); e-mail: pashkov@petrsu.ru.

** Pashkov Alexandr Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia); e-mail: pashkov@petrsu.ru.

изучены. В частности, неясно, чем руководствовался Петр I, когда в 1713 году назначил В.И. Геннина начальником Олонецких Петровских заводов.

В.И. Геннин поступил на русскую службу в мае 1698 года фейерверкером в Оружейную палату. В 1701 году он перешел на службу в артиллерию с чином поручика, в 1702 году был произведен в капитаны, а в 1706 году в майоры.

Карьера В.И. Геннина пошла в рост в 1710 году. К этому времени он приобрел влиятельных покровителей – руководителя Новгородского приказа генерал-майора артиллерии и генерал-фельдцейхмейстера (начальника артиллерии русской армии) Я.В. Брюса и его старшего брата обер-коменданта Петербурга (с 1704 года) генерал-майора Р.В. Брюса. В марте 1709 года Я.В. Брюс добился увеличения месячного оклада В.И. Геннину до 51 рубля [6, с. 115].

В марте 1710 года русские войска осадили Выборг, в мае В.И. Геннин прибыл в русский лагерь под Выборгом во главе небольшой артиллерийской команды и участвовал в обстреле города. После того как 14 июня Выборг был взят В.И. Геннин получил первую на русской службе денежную награду – двухмесячное жалованье (102 рубля).

Вскоре после взятия Выборга, 30 июня, Петр I отправил на захват другой шведской крепости Кексгольм (ныне Приозерск) отряд генерал-майора Р.В. Брюса (3 драгунских и 2 пехотных полка и 2 гренадерских роты). В этом отряде находился и В.И. Геннин. Осада Кексгольма началась 9 июля. Русские начали окружать его своими укреплениями – апрошами¹ и кетелями². 7 августа началась бомбардировка крепости.

Р.В. Брюс поручил ему снять план Кексгольма. План был готов в середине августа. Там были обозначены крепостные укрепления, шведские батареи, протоки реки Вуоксы, а также расположение русских войск, русские апроши и кетели и позиции мортир³.

¹ Апроши – устарелый военный термин, название ходов сообщения, глубоких извилистых узких рвов между параллелями, отрываемых для скрытого и безопасного подступа к осажденной крепости.

² Кетель (кессель) – устарелый военный термин, позиция, на которой установлены мортиры.

³ Мортира – короткоствольное орудие для навесной стрельбы по укрытым целям.

Этот план 22 августа был отправлен генерал-адмиралу графу Ф.М. Апраксину, а затем был представлен Петру I.

Фактически В.И. Геннин сыграл ключевую роль во взятии Кексгольма. 2 сентября полковник Э.С. Манштейн и артиллерии майор В.И. Геннин были направлены в апроши, «и повелено им, ежели кого завидят на валу из шведских офицеров, чтоб позвал к себе на пороль¹». Из крепости вышел шведский капитан Тоуб, «с которым наши парламентары довольный разговор имели». Шведа убеждали в бесперспективности дальнейшего сопротивления и в готовности русских войск к штурму, с началом которого защитники Кексгольма чтобы «никакого доброго акорду² не ожидали».

В итоге шведы согласились пойти на переговоры. Вечером 7 сентября с предложениями о сдаче города («аккордными пунктами») Р.В. Брюс отправил в Кексгольм В.И. Геннина и капитана Киселева. В тот же вечер В.И. Геннин вернулся в русский лагерь в сопровождении капитана Тоуба. На следующий день, 8 сентября, договор о сдаче Кексгольма был заключен и в 4 часа пополудни туда вошли русские войска [7, с. 454].

Таким образом, В.И. Геннин сыграл важную роль в захвате этой шведской крепости, и его заслуги были оценены. За Кексгольм В.И. Геннин получил сразу три награды: золотую медаль с алмазами стоимостью 150 рублей и деревню Азилу в Кексгольмском уезде с 60 дворами [подробнее об истории этого имения В.И. Геннина см.: 8] и в конце того же 1710 года произведен в подполковники. Кроме того, именно он был отправлен к Петру I и 10 сентября доложил царю о взятии Кексгольма. В ноябре 1710 года В.И. Геннин был направлен в Москву к московскому коменданту М.П. Гагарину, руководителю Монастырского приказа А.И. Мусин-Пушкину и руководителю Преображенского приказа Ф.Ю. Ромодановскому. А.И. Мусин-Пушкину и Ф.Ю. Ромодановскому он должен был передать текены (чертежи) семи городов, занятых в 1710 году русской армией, для публикации и распространения среди населения. Интересно, что для А.И. Мусин-Пушкина царь Петр передал с В.И. Генниным для публикации «книгу историческую о войнах

¹ Пороль (пароль) – обещание, клятва, честное слово, в данном случае гарантия безопасности при переговорах.

² Аккорд (аккорд) – устарелый военный термин, означающий договор о сдаче города, крепости на определенных условиях.

древних цесарских». В письме же М.П. Гагарину содержалось распоряжение отлить по приложенному чертежу 13 12-фунтовых пушек.

Роль В.И. Геннина в событиях под Кексгольмом была отмечена в сборнике реляций о победах русских войск над шведами «Книге Марсовой», впервые изданной в январе 1713 года: «В 7 день после полудни в 8 часу послан в город с писмами артиллерной маеор Генник, да с ним капитан Киселев. Тоя ж ночи маеор Генник из города возвратился назад» [9, с. 85].

Итак, до 1710 года В.И. Геннин был одним из многих иностранных офицеров русской армии, а после 1710 года он стал офицером, отличившемся при взятии Кексгольма и лично известным Петру I.

О том, чем В.И. Геннин занимался в 1711 году, сведений очень мало. В «Собственноручной записке» В.И. Геннина, составленной им в 1743, он упоминает, что «обучал артиллерии» российских дворян [1, кн. 5, с. 105]. Этим обучением он мог заниматься только в 1711 году.

В конце 1711 года начались подготовительные работы по постройке в Петербурге пушечно-литейного двора и порохового («зелейного») завода. Хотя их строительством занимался обер-комендант Петербурга Р.В. Брюс, можно предположить, что В.И. Геннин, с учетом его опыта как военного инженера, тоже участвовал в этой работе.

Кроме того, около 1 января 1712 года в Петербург вернулся Петр I. В честь его возвращения в Петербург В.И. Геннин по указанию князя А.Д. Меншикова устроил праздничный фейерверк на льду Невы «пред полаты Его княжеской светлости чрез подполковника Генника». По этому поводу была издана специальная брошюра [10].

В начале 1712 года началось строительство Литейного двора. Р.В. Брюс как обер-комендант Петербурга и начальник петербургского гарнизона использовал на этих работах солдат. Но он был обременен множеством других занятий и, кроме того, не будучи инженером-строителем, стремился снять с себя ответственность за постройку Литейного двора. 11 марта 1712 года Р.В. Брюс обратился к Петру I с «всеподданнейшим доношением» с просьбой снять с него обязанности строителя. В тот же день царь Петр поручил достраивать Литейный двор В.И. Геннину, повелев ему за средствами к строению Литейного дома, т.е. за работными людьми,

материалами и деньгами, обращаться к вице-губернатору Петербургской губернии Я.Н. Римскому-Корсакову [11, с. 36].

Но вскоре работа застопорилась. Хотя по царскому приказу Я.Н. Римский-Корсаков должен был ежедневно присылать на строительство по 100 рабочих людей, но это распоряжение постоянно нарушалось. Только 20–21 июня на стройку Литейного двора прибыло всего лишь 72 человека. Но и они работали только до 13 июля, затем были отозваны. Вновь рабочие люди в количестве 40 человек прибыли только 5 сентября. В.И. Геннин жаловался Р.В. Брюсу в донесении от 9 декабря 1712 года, что с 13 июля по 5 сентября, «когда была лучшая рабочая пора, рабочих людей от него не было, и в том учинилась остановка». Другой проблемой была нехватка белого кирпича, который возили из Москвы, хотя В.И. Геннин еще 24 мая подал Я.Н. Римскому-Корсакову роспись с подробным перечислением необходимых материалов. Ситуация осложнялась тем, что в декабре 1712 года Петр I потребовал у графа Ф.М. Апраксина собрать у Р.В. Брюса и В.И. Геннина и представить ему сведения о том, достроен ли Литейный пушечный двор и началось ли там литье пушек.

Ситуация вокруг строительства Литейного пушечного двора и порохового завода привела к конфликту между В.И. Геннином и вице-губернатором Петербургской губернии Я.Н. Римским-Корсаковым. О характере этого конфликта ценную информацию дает письмо В.И. Геннина Петру I от 6 марта 1713 года [12, с. 513–514].

Главной претензией В.И. Геннина к Я.Н. Римскому-Корсакову было то, что тот фактически провалил обеспечение стройки пушечного Литейного двора и пороховых заводов в Петербурге рабочей силой, лесом, кирпичом и всем необходимым. В.И. Геннин пожаловался на него генерал-адмиралу графу Ф.М. Апраксину и завершил письмо такими словами: «...ежели оной Литейный двор и зелейные заводы не будут нынешнего лета достроены, дабы то на мне не взыскалось».

Данная жалоба подействовала. Литейный двор и пороховые заводы были достроены в 1713 году. Но В.И. Геннин нажил себе двух влиятельных врагов: петербургского вице-губернатора Я.Н. Римского-Корсакова и его начальника – всесильного петербургского генерал-губернатора А.Д. Меншикова.

В начале 1713 года В.И. Геннин получил задание наладить переливку медных пушек, но из-за саботажа со стороны Я.Н. Римского-

Корсакова до марта эта работа сделана не была. В.И. Геннин вновь пожаловался Ф.М. Апраксину.

После этого Я.Н. Римского-Корсаков пригласил В.И. Геннина к себе домой и разразился в его адрес гневной тирадой: «Для чего ты на меня письма даешь, будто я в остановке литья виноват; ты ведай себе, что я всегда буду чист, и ты в том деле останешься и будешь виноват; не на меня доносишь, но на светлейшего князя».

В.И. Геннин ему отвечал: «Ты надеешься на князя и своих неправдивых мамонских подарков..., а мне не чем подарить, я бедный сирота, надеюсь на Бога и Государя своего милостивого, понеже он правду любит, и подарки у него не пособят».

В этой ситуации В.И. Геннин обратился за защитой от Я.Н. Римского-Корсакова непосредственно к Петру: «А я теперь, Государь мой, хотя и прав перед Богом, и мое радование сколько мочи было и подано для вышеупомянутых строений и пороховой мельницы больше сорока доношений, однако погибели опасаяся, понеже у него альянц не малый, и грозит мне князем; и у него, вице-губернатора страху Божьего никакого нет, надеется на свое богатство. Помилосердствуй, Государь, не покинь меня, раба своего, во истинно я и так перед срок свой сед стал, и человек перед срок свой в том опасении умирает».

Петр I разобрался в ситуации и взял В.И. Геннина под свою защиту. Весной 1713 года, накануне вторжения русской армии в Финляндию, В.И. Геннин был назначен начальником полевой артиллерии. В его распоряжении находилось 11 пушек, понтонный парк, снабженный принадлежностями для устройства и исправления мостов, 20 фурманов (повозок) с амуницией, полевая кузница и «подлекарский сундук с припасами», а также большой запас подков. По штату в отряде числилось 162 лошади, 64 канонира, 20 денщиков, 8 бомбардиров, 5 офицеров, 12 штык-юнкеров, сержантов и капралов, 3 медика, 2 кондуктора и 16 «ремесленных людей» (кузнецов, плотников и других) [13, с. 150]. Вероятно, в связи с укомплектованием отряда личным составом появилось распоряжение Петра I на имя коменданта Выборга М. Неклюдова от 27 июня о выделении В.И. Геннину «толикого количества солдат» Выборгского гарнизона «с лопатами и прочими снастьми» [14, с. 76, 383].

После взятия 15 июня 1713 года Гельсингфорса В.И. Геннину было поручено возведение оборонительных сооружений на рейде

Гельсингфорской гавани. Он подготовил чертеж и составил план работ. Ф.М. Апраксин отправил В.И. Геннина вместе с его планом и чертежом для их утверждения к Петру I.

В сентябре 1713 года Петр I перевел В.И. Геннина из Петербурга, назначив начальником Олонецких Петровских заводов.

Участь Я.Н. Римского-Корсакова была печальной: в 1714 году в рамках огромного «подрядного дела» он был арестован по обвинению в казнокрадстве и смещен с должности. 27 ноября его подвергли пытке на дыбе. В сообщении о приговоре по этому делу было сказано: «...Корсакова, что он, не удоволься Его царского величества жалованием, 5000 рублями в год, ...подрядался ставить правиант и фураж дороною ценою имьянами крестьян своих, и из казны роздал денег больше 200.000 рублей, которых и собрать вскоре невозможно, тако ж и сам брал себе денег из казны немалое число, били кнутом и на вечное житье в Сибирь, отобрав все его пожитки и деревни, кроме отцовских деревень». 6 апреля 1715 года на Троицкой площади Петербурга Я.Н. Римскому-Корсакову зачитали приговор он был публично бит кнутом и сослан, но не в Сибирь, а по некоторым данным в одно из его имений [5, с. 236, 263, 267, 284, 309].

Итак, в 1710–1713 годах В.И. Геннин показал себя честным и ответственным специалистом. Эти его качества импонировали Петру I, который фактически взял его под защиту и спас от расправы, которой ему угрожал Я.Н. Римский-Корсаков. Благодаря царю Петру В.И. Геннин сначала оказался в составе действующей армии в Финляндии, а затем был назначен комендантом Олонецкого уезда и начальником Олонецких Петровских заводов. Успешно проявив себя на этом поприще, летом 1722 года В.И. Геннин был направлен на Уральские заводы.

Библиографический список

1. Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. – Кн. 1. – С. 51–168; Кн. 2. – С. 113–172; Кн. 3. – С. 89–143; Кн. 4. – С. 85–132; Кн. 5. – С. 87–149; Кн. 9. – С. 85–108.
2. Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 247 с.
3. Максимов Н.Н. Русский геологоразведчик В.И. Геннин. – М.: Недра, 1966. – 56 с.

4. Корепанов Н.С. Геннин на Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 278 с.
5. Серов Д. О. Люди и учреждения Петровской эпохи. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 440 с.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1 (январь – декабрь 1709 г.) / Под. ред. Б.Б. Кафенгауза. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 526 с.
7. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 2. – М.: Изд-во «Кругъ», 2004. – 656 с.
8. Петрова М.И. Сподвижник Петра I. В.И. Геннин и его имение Асила в Хийтольском погосте Кексгольмского уезда // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 2 (179). – С. 101–107.
9. Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификацей и на разных местах преславных баталий, учиненных над войски Его Королевскаго Величества Свейского. – СПб.: 1713. – 146 с.
10. Изъявление фейерверка Которой по повелению Его Княжой Светлости учинен на щастливое Его Царскаго Величества в Санктпитерзбурх пришествие, Генваря в 1 день нового года нынешняго 1712. в Санктпитерзбурхе пред полаты Его княжой Светлости. Чрез подполковника Генника. (Петербург, 1712, январь). – СПб.: б. и., 1712. – 4 с.
11. Родзевич В. Историческое описание С.-Петербургского Арсенала за 200 лет его существования. 1712–1912 гг. – СПб.: Типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1914. – 626 с.
12. Материалы для истории русского флота. Ч. 3. Балтийский флот. / Сост. С.И. Елагин. – СПб.: Тип. Морского мин-ства, 1866. – 726 с.
13. Мышлаевский А.З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. – СПб.: Воен. тип., 1896. – 672 с.
14. Письма и бумаги Петра Великого. – Т. 13. – Вып. 2. – М.: Древлехранилище, 2003. – С. 678 с.

УДК 94(470.5):725.4

**Е.В. Алексеева, Т.Ю. Быстрова,
В.В. Литовский, С.А. Патрушев*****АТЛАС ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
БОЛЬШОГО ЕКАТЕРИНБУРГА:
ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ СОЗДАНИЯ¹**

Ключевые слова. Промышленная агломерация, промышленное наследие, методология, ревалоризация, атлас, Большой Екатеринбург.

Аннотация. В статье обоснована актуальность, представлены цели, алгоритм и результаты создания и апробации методологии ревалоризации промышленного наследия на примере Атласа промышленного наследия Большого Екатеринбурга.

**E.V. Alekseeva, T.Yu. Bystrova,
V.V. Litovsky, S.A. Patrushev******CREATING THE INDUSTRIAL HERITAGE ATLAS
OF GREATER EKATERINBURG:
PURPOSE AND OBJECTIVES**

Keywords. Industrial agglomeration, industrial heritage, methodology, revalorization, atlas, Greater Ekaterinburg.

Abstract. The article substantiates the relevance, presents the goals, algorithm and results of the creation and testing of the

* **Алексеева Елена Вениаминовна**, доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: alekseeva167@mail.ru.

** **Alekseeva Elena Veniaminovna**, Doctor of History, Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: alekseeva167@mail.ru.

* **Быстрова Татьяна Юрьевна**, доктор философских наук, профессор Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: taby27@yandex.ru.

** **Bystrova Tatyana Yuryevna**, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: taby27@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области в рамках научного проекта № 20-49-660009 «Промышленное наследие Большого Екатеринбурга: методология изучения, принципы презентации, актуализация ценности».

industrial heritage revalorization methodology on the example of the Industrial Heritage Atlas of Greater Ekaterinburg.

Несмотря на то, что необходимость создания металлургического производства стала причиной основания Екатеринбурга в 1723 г., а промышленность (горно-металлургическая, машиностроительная и пр.) являлась основой для последующего развития будущего города и близлежащих территорий, накопившееся за три века истории промышленное наследие не получило комплексного осмысления представителями гуманитарных наук, не воспринимается большинством населения как ценность, слабо используется в муниципальной практике как ресурс для создания привлекательного образа города, мало привлекается властями для укрепления идентичности на территории крупнейшей агломерации Среднего Урала, выстраивания межпоколенческой преемственности, осознания разнообразия и значимости созданного на Среднем Урале историко-культурного достояния для российской и мировой истории. Задача статьи – представить цели, задачи, алгоритм и результаты создания и апробации методологии ревалоризации индустриального наследия на примере Атласа индустриального наследия Большого Екатеринбурга¹.

Создание и апробация методологии ревалоризации (сохранения через новое использование) индустриального наследия формирующихся мегаполисов является фундаментальной научной задачей, требующей не только знания исторической ценности этого наследия, но и видения его места и потенциала в трансформирующейся

¹ Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю., Литовский В.В., Патрушев С.А. Большой Екатеринбург. Атлас индустриального наследия. Рукопись (33 п. л., около 500 карт, схем, илл.).

* **Литовский Владимир Васильевич**, доктор географических наук, зав. сектором Института экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: vlitovskiy1@yandex.ru.

** **Litovsky Vladimir Vasilyevich**, Doctor of Geography, Head of the Sector at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: vlitovskiy1@yandex.ru.

* **Патрушев Сергей Анатольевич**, консультант-эксперт ОП СО, член президиума СРО ВООПИиК (Екатеринбург, Россия); e-mail: istok.65@mail.ru.

** **Patrushev Sergey Anatolievich**, consultant-expert of the Public Chamber of the Sverdlovsk Region, member of the Presidium of the Sverdlovsk Regional Branch of the Russian Society for the Protection of Historic and Cultural Monuments (Ekaterinburg, Russia); e-mail: istok.65@mail.ru.

градопланировочной и экономической системе. Разработка такой методологии, в том числе, предполагает выявление, сведение в единую систему наиболее ценных выразительных объектов наследия промышленной эпохи, их сущностный анализ, изучение и адаптацию лучших российских и мировых практик в сфере инфраструктурных, архитектурно-стилевых, эстетико-функциональных решений использования индустриального наследия, оптимальных для презентации и восприятия городской среды в максимально аутентичном историческом ландшафте [1]. Создание такой методологии применительно к Большому Екатеринбургу¹ [2] связано с определением, анализом и учетом действия исторических, геоэкономических, культурологических, географических факторов формирования наследия, созданного за почти триста лет развития Екатеринбурга и близлежащих горнозаводских поселений.

Целью создания Атласа индустриального наследия Большого Екатеринбурга являлась разработка и апробация методологии изучения, актуализации, презентации социокультурного, градостроительного, экономического потенциала индустриального наследия исторически сложившихся горнозаводских поселений, тяготеющих ныне к вхождению в агломерацию Большой Екатеринбург, таких как Арамиль, Берёзовский, Билимбай, Верхняя Пышма, Дегтярск, Первоуральск, Полевской, Ревда, Среднеуральск, Сысерть.

Новизна подхода заключается в фокусировке исследовательского внимания на индустриальном наследии перспективной агломерации заводских поселений, сконцентрированных вокруг Екатеринбурга, в комплексности и мультидисциплинарности его изучения, реализуемых через взаимодействие культурологического, философского, исторического, географического подходов к проблеме. Авторским коллективом впервые предложен и реализован комплексный подход к индустриальному наследию Екатеринбурга, нацеленный на создание методологии, подходов и практик его выявления, исследования и эффективного использования

¹ В соответствии с планами Администрации Екатеринбурга, в муниципальное образование «Большой Екатеринбург» последовательно включаются территории в окружности от 25 км до 50 км и даже 100 км. В качестве оптимального для превентивного учета и защиты индустриального наследия в таком перспективном образовании нами было избрано среднее по размерам: с радиусом окружности в 50 км.

в современных условиях для получения мегаполисом сравнительных преимуществ, дополнительных доходов и имиджевых выгод в важной социокультурной сфере, связанной с рациональным использованием локального наследия.

Исследование имеет практико-ориентированный экспертный характер и содержит конкретные научные рекомендации по ревалоризации объектов индустриального наследия Большого Екатеринбурга.

К достижению цели вело решение ряда исследовательских задач:

- формирование корпуса библиографии, включающей региональные, российские и зарубежные ресурсы по тематике индустриального наследия городов-заводов на основании анализа выявленной историографии по теме исследования;
- разработка глоссария терминов, раскрывающих предметное поле индустриального наследия в заявленной области;
- определение объектов индустриального наследия, расположенных в пределах перспективной агломерации Большой Екатеринбург;
- выявление географических особенностей развития территории Большого Екатеринбурга и формирования его индустриального наследия в исторической ретроспективе, в отношении к инновациям того времени и доминирующим транспортно-хозяйственным парадигмам;
- определение опорного каркаса индустриального наследия Большого Екатеринбурга, возможностей его ревалоризации в масштабе агломерации для целей развития туризма, просветительно-образовательной, выставочной и иной деятельности для повышения имиджа города, получения синергетических эффектов от целостного использования индустриального наследия городами-спутниками;
- конкретизация и уточнение историко-биографических, историко-архитектурных и других данных об объектах индустриального наследия Большого Екатеринбурга и их авторах, владельцах, пользователях;
- определение методики и направлений архитектурно-стилевой и художественно-эстетической деятельности по ревалоризации объектов индустриального наследия, в том числе на основе анализа существующего мирового опыта;

- выявление наилучших «сценических (смотровых) площадок» для презентации индустриального наследия развивающегося мегаполиса;

- разработка концепции полноцветного иллюстрированного Атласа индустриального наследия Большого Екатеринбурга;

- подготовка научного текста, геоатрибутивов, схем, иллюстративного материала (архивных, фотографических, художественных изображений исторического ландшафта, зданий и старопромышленных территорий, оборудования и механизмов, персоналий и т.д.) для полноцветного иллюстрированного Атласа индустриального наследия Большого Екатеринбурга;

- апробация результатов исследования на научных конференциях, в музейно-выставочных пространствах города и области, среди специалистов и экспертов по индустриальному наследию региона.

В результате решения названных задач разработана и апробирована методология изучения, актуализации, презентации социокультурного, градостроительного, экономического потенциала индустриального наследия исторически сложившихся горнозаводских поселений, тяготеющих ныне к вхождению в агломерацию Большой Екатеринбург, в результате чего впервые в историографии создан Атлас индустриального наследия Большого Екатеринбурга.

С опорой на большой пул имеющихся исторических, экономических, культурологических, историко-архитектурных, краеведческих работ о Екатеринбурге и городах, входящих в перспективную агломерацию, логику рассмотрения регионального хозяйства как совокупности исторически сменяющихся более передовых и конкурентоспособных энергопроизводственных циклов, доказана особость и раскрыта внутренняя целесообразность планировочной структуры и пространственных качеств Большого Екатеринбурга, обусловленные как его исходным индустриальным характером и статусом «центрального места», так и эволюцией образующих его локаций на разных периодах с XVIII по XXI вв. Это позволило преодолеть «замкнутость на себя» некоторых источников по отдельным районам Екатеринбурга и городам «Большого Екатеринбурга» и подчеркнуть закономерности более общего порядка.

Выделены сущностные черты индустриального наследия города в историческом единстве заводских и горнорудных комплексов Урала, включающих в себя цеха и другие производственные

здания, инфраструктуру, оборудование и технологии; поселений, изначально возникших в целях горнозаводской деятельности; преобразованных естественных ландшафтов с измененным составом воды, растительности и почвы; разветвленных транспортных сетей; производственной и городской инфраструктуры; характерной социальной и административной структуры; развитой системы выработки и передачи специальных (инженерно-технических) знаний и навыков; своеобразного менталитета уральцев, отражения их идентичности в повседневности и декоративно-художественном творчестве, кустарно-промышленном производстве [3].

Определены основные подходы по комплексной работе с индустриальными объектами и площадками, представленные в тексте в связи с конкретными объектами и территориями «Большого Екатеринбурга» [4].

Исследованы основы устойчивости исторически-сложившейся системы расселения малых индустриальных городов Урала, специфика архитектуры промышленных зданий и комплексов, повседневной культуры региона. Показано, что работа с историко-культурным наследием в таких городах является весомым фактором мобилизации их неиспользованных ресурсов. Введенные в научный оборот методики и кейсы работы с историко-культурным наследием в разных регионах мира отобраны с учётом текущих экономических, демографических, социальных процессов в малых российских городах и исторических поселениях, что повышает эффективность их возможного использования [5].

Разработан и опубликован глоссарий терминов, раскрывающих предметное поле индустриального наследия. Помимо собственно глоссария в издание вошли тематические блоки, освещающие организационные и правовые основы, связанные со сферой российского, регионального и мирового индустриального наследия [6, 7].

На основании анализа выявленной отечественной и зарубежной историографии по теме исследования сформирован корпус библиографии, включающий региональные, российские и зарубежные публикации и ресурсы по тематике индустриального наследия городов. Библиография включает около 1000 позиций, составляющих 23 раздела: Основные международные акты и конвенции, определяющие необходимость сохранения культурного и индустриального наследия; Ревалоризация: теория и практика; Зарубежные

публикации по индустриальному наследию и реновации городов; Индустриальный туризм; Городская промышленная археология; Агломерации; Общие работы по уральской экономической географии, истории, культуре, экономике и краеведению; Идентичность; Архитектура и градостроительство; Промышленное искусство; Индустриальное наследие Урала; Актуализация наследия в контексте развития городов и регионов [8]; Литература по городам (Екатеринбург, Арамилы, Березовский, Билимбай, Верхняя Пышма, Дегтярск, Первоуральск, Полевской, Ревда, Среднеуральск, Сысерть).

Библиографический список

1. Алексеева Е.В. Индустриальное наследие городов-заводов: зарубежные подходы к изучению, сохранению, использованию // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 сентября 2020 г., Ижевск) / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2020. – 360 с. – С. 12–19.
2. Литовский В.В. Пространственное развитие Большого Екатеринбурга и его лимитирующие факторы // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. – 2020. – № 1 (44). – С. 16–19.
3. Литовский В. В., Быстрова Т. Ю., Алексеева Е.В., Патрушев С.А. Водно-энергетические ресурсы уральского города-завода как объект индустриального наследия // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. – № 4. – 2021. – С. 11–19.
4. Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю. Ревалоризация индустриального наследия в городской агломерации: пример Большого Екатеринбурга // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2022. – Т. 28. – № 2. – С. 97–109.
5. Быстрова Т.Ю. Индустриальные малые города: актуализация наследия. – Екатеринбург: TATLIN, – 2022. – 208 с.
6. Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю. Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. – Екатеринбург: TATLIN, – 2021. – 164 с.
7. Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю. Глоссарий терминов индустриального наследия: методология создания // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. – № 3. – 2021. – С. 46–51.
8. Патрушев С.А. Университетский парк-театр архитектуры городов-заводов Урала: художественно-архитектурный 3D «портретный» образ горного пространства на географической карте России // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 сентября 2020 г., Ижевск) / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2020. – 360 с. – С. 78–89.

СЕКЦИЯ I

ИСТОРИЯ УРАЛА. XVII – НАЧАЛО XX В.

УДК 94(47).072:930.2

С.Д. Батищев*

ПУБЛИКАЦИИ УРАЛЬСКОГО ЛЕСНИЧЕГО Н.Г. МАЛЬГИНА В «ГОРНОМ ЖУРНАЛЕ» (1860-е гг.)

Ключевые слова. *«Горный журнал», уральские лесничие, уральские заводы.*

Аннотация. *Автор реконструирует и интерпретирует идеи известного уральского лесничего XIX в. Н.Г. Мальгина о проблемах и перспективах развития лесного дела на горно-заводском Урале.*

S.D. Batishchev**

PUBLICATIONS OF URAL FORESTER N.G. MALGIN IN THE “MINING JOURNAL” (1860s)

Keywords: *“Mining magazine”, Ural foresters, Ural plants.*

Abstract. *The author reconstructs and interprets the ideas of the famous Ural forester of the 19th century N.G. Malgin about the problems and prospects for the development of forestry in the mining plant Urals.*

Николай Глебович Мальгин (1808–1885) служил в 1857–1874 гг. главным лесничим уральских горных заводов. Однако его личность и деятельность пока не привлекали пристального внимания историков, за исключением подготовленного им в 1872 г. проекта по наделению горнозаводского населения Урала земельными наделами [1]. Также акцентировалось внимание на Мальгине, как активном участнике Податной комиссии [2]. В прочих работах его фамилия упоминалась в назывном порядке наравне

* Батищев Сергей Дмитриевич, аспирант Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru.

** Batishchev Sergey Dmitrievich, graduate student, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru.

с другими видными деятелями лесного дела на Урале [3]. Краткие биографические сведения об этом человеке представлены в статье Н.Н. Чернова [4].

Н.Г. Мальгин – выпускник Санкт-Петербургского лесного института. Трудовой путь лесничего начал на Златоустовском заводе (1834–1835 гг.), продолжил на Воткинском заводе (1835–1839 гг.), затем был переведен на Гороблагодатские заводы [4]. Первые публикации Мальгина в «Лесном журнале» посвящены развитию лесного хозяйства и охоте в Гороблагодатском горном округе [5; 6; 7]. В 1843–1845 гг. он находился в командировке в Германии, после которой вернулся на горнозаводской Урал. В этот период появляются первые его публикации в «Горном журнале», основанные на впечатлениях о поездке [8; 9].

В настоящей статье принята реконструкция идей Мальгина о развитии лесного дела в России и на Урале на материалах его статей, опубликованных в «Горном журнале» в 1860-х гг.

Статья «О необходимости надзора над хозяйством в горнозаводских лесах» была опубликована в августе 1860 г. Автор начал ее общим рассуждением о наступлении особенного периода в развитии горнозаводского промысла, совпадающего с «эпохой уничтожения обязательного труда» [10, с. 255]. Он сдержанно относился к идее расширения аграрных занятий горнозаводского населения Урала, поскольку «неминуемое распространение сельской населенности, естественно, сделало бы горную промышленность невозможной» [10, с. 256]. В связи с этим возникает и угроза чрезмерной вырубki леса из-за роста населения, занятого сельским хозяйством.

Предстоящее освобождение от крепостной зависимости Н.Г. Мальгин оценивал положительно, считая, что реформа в конечном итоге приведет к народному процветанию. Процветание же горнозаводского населения напрямую зависит от развития горнозаводской промышленности. А этого развития не будет, если «не только не будет изъято от влияния Правительства, но и если оно не будет поставлено в более рациональное, в более обеспеченное положение» [10, с. 259]. На примере Франции, Дании и некоторых других стран Мальгин показывал, что в Европе с давних времен правительства ограничивают частное лесопользование ради сохранности лесных массивов. В России таких ограничений не было,

поэтому «положение пользования лесами не могло не породить в народе убеждения, что право владения не составляет еще права исключительного пользования» [10, с. 266]. То есть рубить лес для себя может всякий, даже если лес не находится в его собственности. Такая установка господствовала в сознании горнозаводского населения. Первые законодательные меры в России в отношении частных лесных угодий стали появляться лишь в 1840-х гг.

В своей статье Н.Г. Мальгин отмечал, что важность лесных массивов для страны в целом, дает государству право контролировать деятельность отдельных владельцев леса. Первое правительственное узаконение, выразившее патерналистское отношение государства к частным лесным владениям, появилось, как отмечал автор статьи, «в виде опыта» в 1849 г. Оно касалось нескольких уездов (например, Петербургского), на которые распространялись правила, предусмотренные для казенных владений (в частности обязательное наличие лесной стражи). Под наблюдением государственных ведомств находились и леса, которыми наделялись крестьяне по условиям освобождения от крепостной зависимости. Беспокойство уральского лесничего вызывал регулярный рост лесосек, не позволявший эффективно следить за сохранностью лесных угодий и соблюдением узаконений о пользовании лесом. Автор кратко касался состояния дел в частных заводах и приходил к сокрушительному выводу: «все частные леса находятся в жалком положении» [10, с. 278].

Подытоживая свои наблюдения о состоянии лесного дела в помещичьих и частных заводских комплексах, Н.Г. Мальгин делал следующую ремарку: «понятие о значении личной выгоды слишком эластично для того, чтобы на нем одном построить здание истинного благосостояния государственного и народного хозяйства» [10, с. 278]. Этими словами автор выражает опасение за сохранность лесов, которые не находятся под прямым контролем со стороны государства. Он критиковал промышленников, которые гонясь за сиюминутной выгодой, не думают о долгосрочной перспективе. Повышение производства металлов за счет ускоренного уничтожения леса Мальгин называл «спекулятивной политикой» [10, с. 281] и считал, что движение в прежнем направлении угрожает в дальнейшем серьезными проблемами. Мальгин писал об опасности попадания в зависимость от иностранных металлов

в случае непоправимого истощения топливной базы. Он также отмечал вероятность того, что горнозаводское население Урала будет вынуждено полностью перейти к аграрному труду, «к которому многочисленный класс горнорабочих совсем неспособен» [10, с. 281]. Есть и опасность изменения климата в регионе. Между тем экономической необходимости наращивать объемы металлургического производства, по мнению Мальгина, не было, поскольку его экспорт не велик из-за дороговизны российских металлов, которая в ближайшем будущем еще возрастет в связи с полным переходом на вольный наем рабочих. В пользу этого тезиса Мальгин приводил европейский опыт: «Швейцария, обладающая прекрасными и богатыми железными рудами, считает более выгодным для народного благосостояния оставлять их втуне, именно по бедности в лесах, а металлы получать из стран соседних» [10, с. 284].

Н.Г. Мальгин положительно оценивал инструкцию министра финансов Е.Ф. Канкрин (1830 г.) по устройству лесной части на Урале, но при этом отмечал, что на практике она оказалась недостаточно эффективной. Основная причина этого, по мнению автора, заключалась в «несоответственности этого специального лесного закона с общим, основным горнозаводским законодательством, которым не определено по казенным заводам достаточно средств на выполнение требований специального лесного закона» [10, с. 290]. Сказывалась и нехватка специалистов по лесному делу. Подробный анализ эволюции лесного законодательства и его применению на заводах Урала относительно первой половины XIX века показан в статье В.В. Шибаетова, поэтому останавливаться на этом вопросе мы не станем [11].

В статье «Углеобжигательная печь Соколовского на Урале» Н.Г. Мальгин сообщал, что эта печь была изобретена еще в начале XIX в., но нашла применение лишь на Залазнинском заводе Вятской губернии. На основе наблюдений за ее работой Мальгин заключил, что печи дают хороший выжиг и уголь высокого качества, но «ставятся обыкновенно только по речкам; следовательно, все насаждения, не орошаемые ими непосредственно, а также нагорные и стоящие на местах болотистых не могут уже разрабатываться на уголь» [12, с. 225]. Другой существенный недостаток – это чрезмерная вырубка леса: «потери от печной разработки леса до такой степени огромны и очевидны, что и потому только

и не были замечены в течение 30-летия, что дело это никому не было известно, кроме тех, кому оно приносило выгоды» [12, с. 227]. В заключение статьи Мальгин приходил к следующему выводу: «угольные печи должны навсегда остаться чуждыми порядочному лесному хозяйству» [12, с. 228].

В публикации «О лесозономическом значении увеличения народонаселения в горнозаводских дачах Урала» Н.Г. Мальгин отмечал, что «по мере приближения к периоду 9 народной переписи, все 20 заводских округов, имеющих казенные леса, принуждены были еще более нарушать нормы расхода леса, для удовлетворения заметно уже возросших потребностей увеличивавшегося населения» [13, с. 166]. Он приводил статистические выкладки на основе ревизских переписей и делал вывод о том, что население на Урале в среднем удваивается раз в 37 лет. Следовательно, потребность в лесе увеличивается стремительно, из-за чего «наибольшее пространство горнозаводских дач Урала находится на пути верного банкротства» [13, с. 169]. Среди других причины, из-за которых ухудшается ситуация в лесном деле, автор называл неправильный выпас (без пастуха) скота, уничтожавший «естественные древесные всходы» и «уменьшение лесной площади, как необходимое следствие разработки рудников, особенно же золотых приисков, и самовольных или отведенных расчисток под уголья» [13, с. 172]. Упоминались и природные бедствия – пожары, наводнения и т. д., но они по сравнению с человеческим фактором, были не столь значимы.

Н.Г. Мальгин акцентировал внимание на том, что посессионные заводы имели примерно равное количество леса с казенными, но «пользуются ... правом вырубать почти втрое большее количество для действия своего, тогда как для удовлетворения жителей, нормы посессионных дач почти одинаковы с нормами казенных на этот же предмет» [13, с. 174–175]. Мальгин метафорически замечал, что «лес не цветник, разводимый в несколько дней» [13, с. 175], поэтому необходимы более активные меры государства по охране лесных угодий. В частности, надо принять закон «о безусловном не нарушении рациональных оснований пользования лесом» [13, с. 176]. Возможно и закрытие некоторых заводов (каких конкретно, Мальгин дипломатично не называл).

В статье «Об упрощенных гидротехнических устройствах для сплава леса» Н.Г. Мальгин высказал мнение, что европейские

гидротехнические устройства мало подходят для Урала: «у нас прочные монументальные постройки должны быть заменены простейшими, такими именно, которые бы не выступали из общего строя наших производительных средств и своею дешевизною, и простотой вошли бы в общий уровень прочих местных условий» [14, с. 2]. Автор обращал внимание на выгоды сплава леса: «цена угля из сплавленного леса, включительно с его сухопутной перевозкой обходится заводам все еще немного дешевле, чем при заготовке старинным способом из куреней» [14, с. 3].

Статья Н.Г. Мальгина «О применении различных технических и экономических мер к лесному хозяйству Уральских горных заводов» вышла в 1865 г. В этой публикации автор вновь критиковал состояние современного ему лесного дела на Урале. В частности, Мальгин писал, что «при нынешнем лесном хозяйстве горные заводы пользуются не всею надземною и совсем не пользуются всею подземною древесною массой. Из первой совершенно пропадают мелкие вершины, все сучья и ветви, образующие от 15 % до 22 % всей нормальной лесопроизводительности или прироста; последняя, в виде пней и корней, составляет тоже до 18 %» [15, с. 156]. И это, по его мнению, яркий пример нерационального ведения лесного хозяйства на большинстве заводов Урала. Большой ущерб лесу наносило и неконтролируемое (из-за малочисленности лесной стражи) получение дегтя. Эта практика получила широкое распространение, поскольку приносила легкий доход. Мальгин выступал сторонником внедрения корчевания для получения подземной древесины для выжига угля, которая по своим качествам не уступает надземной. Но, по его свидетельству, корчевания внедряется медленно из-за негативного отношения рабочих к этому непривычному для них делу.

Выступая за сохранение лесных массивов, Н.Г. Мальгин считал необходимым ужесточить законодательство по охране лесных угодий, более строго контролировать деятельность промышленников и горнозаводского населения по вырубке леса, постепенно внедрять технологические новинки в лесное дело. Он был одним из немногих, кто на страницах «Горного журнала» прямо затрагивал вопросы, связанные с лесным делом. Большинство иных авторов этого журнала этот вопрос упоминали в своих статьях вскользь.

Библиографический список

1. Алеврас Н.Н., Перминова Н.П. Проект Н.Г. Мальгина 1872 г. как исторический источник по истории земельных отношений на Урале в пореформенный период // Уральский археографический ежегодник за 1971. – Свердловск, 1974. – С. 42–51.
2. Неклюдов Е.Г. Горная реформа в России вторая половина XIX – начало XX века: от замысла к реализации. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 608 с.
3. Лушникова Н.М. К истории лесной промышленности на горнозаводском Урале // Вопросы истории капиталистической России. – Свердловск, 1972. – С. 283–290.
4. Чернов Н.Н. К 200-летию генерал-майора Н.Г. Мальгина // Леса России и хозяйство в них – 2009. – Вып. 2 (32). – С. 71–73.
5. Мальгин Н.Г. Некоторые сведения о введении правильного лесного хозяйства в дачах Воткинского и Гороблагодатских заводов // Лесной журнал. – 1841. – Ч. III. – Кн. II. – № 8. – С. 159–241.
6. Мальгин Н.Г. Некоторые сведения о произростании сибирского кедра // Лесной журнал. – 1842. – Ч. II. – Кн. 3. – С. 332–361.
7. Мальгин Н.Г. Некоторые сведения о водящейся в Гороблагодатских лесах дичи, и об охоте на оную // Лесной журнал. – 1842. – Ч. 4. – Кн. 2. – С. 227–248.
8. Мальгин Н.Г. О переугливание дров в Пруссии малыми кучами // Горный журнал. – 1844. – № 4. – С. 27–51.
9. Мальгин Н.Г. О валке дерева с пнями и корнями // Горный журнал. – 1845. – № 3. – С. 371–387.
10. Мальгин Н.Г. О необходимости надзора над хозяйством в горнозаводских лесах // Горный журнал. – 1860. – № 8. – С. 255–298.
11. Шibaев В.В. История лесного законодательства и управления лесным хозяйством уральских горных заводов в первой половине XIX века // Документ. Архив. История. Современность. – 2014. – № 14. – С. 55–77.
12. Мальгин Н.Г. Углеобжигательная печь Соколовского на Урале // Горный журнал. – 1861. – № 11. – С. 218–228.
13. Мальгин Н.Г. О лесоэкономическом значении увеличения народонаселения в горнозаводских дачах Урала // Горный журнал. – 1864. – № 4. – С. 163–176.
14. Мальгин Н.Г. Об упрощенных гидротехнических устройствах для сплава леса // Горный журнал. – 1864. – № 10. – С. 1–48.
15. Мальгин Н.Г. О применении различных технических и экономических мер к лесному хозяйству Уральских горных заводов // Горный журнал. – 1865. – № 8. – С. 155–173.

УДК 94(47).047+94(57)

Д.А. Васьков*

ТОРГОВЛЯ КАЛМЫЦКИМ ЯСЫРЕМ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Ключевые слова. Торговля, пленные, ясырь, ойрат-калмыки, Западная Сибирь, XVII век.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с пребыванием в русских городах Сибири ойрат-калмыков. В первой половине XVII в. русские власти всячески ограничивали торговлю калмыцкими невольниками. Со второй половины столетия она стала полностью легальной. Основным местом покупки калмыцких ясырей была Ямышевская ярмарка.

D.A. Vaskov**

KALMYK YASYR TRADE IN WESTERN SIBERIA IN THE 17TH CENTURY

Keywords. Trade, Prisoners, Yasyr, Oyrat-kalmyks, Western Siberia, 17th century.

Abstract. The article deals with issues related to the stay of Oirat-Kalmyks in the Russian cities of Siberia. In the first half of the 17th century the Russian authorities in every possible way restricted the slave trade. It has become completely legal since the second half of the century. The main place to buy Kalmyk prisoners was the Yamysh Fair.

Ойрат-калмыки были главными кочевыми соседями русских в степях урало-сибирского региона в XVII в. История отношений между двумя народами давно привлекает внимание исследователей и имеет длительную историографическую традицию. Первым историком, обратившимся к проблемам русско-калмыцких отношений, был один из основоположников исторической науки в России – академик Г.Ф. Миллер. В его фундаментальной «Истории Сибири» собран большой фактический материал, что будет определять значимость этого труда еще для многих поколений исследователей.

* Васьков Дмитрий Александрович, старший преподаватель кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: dvaskov@mail.ru.

** Vaskov Dmitry Aleksandrovich, senior teacher, Department of Russian History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: dvaskov@mail.ru.

Из работ монографического характера только последних трех десятилетий, посвященных различным аспектам переселения калмыков в Поволжье, их отношений с русскими в Сибири, можно назвать труды М.М. Батмаева, М.Л. Кичикова, Г.О. Авляева, К.Н. Максимова, В.И. Колесника, В.Ш. Бембеева, В.Т. Тепкеева и др. Русско-калмыцкие торговые отношения были затронуты в трудах О.Н. Вилкова. Военные аспекты отношений между русскими и калмыками рассматриваются в многочисленных работах курганского историка В.Д. Пузанова. Однако до сих пор не исследованными остаются вопросы, связанные с проникновением и пребыванием представителей этого этноса в русских владениях в Сибири, поскольку в ходе контактов какая-то часть кочевников оказывалась в русских городах и острогах. Можно выделить несколько основных путей, посредством которых калмыки оказывались у русских: военный плен; добровольный выход на подконтрольную русским властям территорию, обычно с последующим принятием подданства; продажа своими же соотечественниками в качестве ясырей.

Торговля ясырем в Сибири XVII в. была достаточно распространенным явлением. Похолоплением аборигенов и торговлей ими часто «промышляли» русские служилые и торговые люди, бухарцы, юртовские татары и др. Правительство стремилось регламентировать эту сферу, что не всегда удавалось. Еще в 1598 г. было издано распоряжение, согласно которому русским людям в Сибири запрещалось осуществлять куплю-продажу пленных из числа местного населения [1, с. 103; 2, с. 386]. Жесткие запреты вводились в отношении похолопления ясачных людей, это же относилось и к представителям тех этносов, принятие которыми русского подданства казалось вопросом времени. До начала 1620-х гг. в Москве всерьез надеялись на принятие ойратами подданства русского царя. Однако из-за разного понимания сторонами условий взаимных отношений эти иллюзии вскоре развеялись. В октябре 1623 г. вышел указ, запрещавший пропускать в Москву калмыцких послов, прибывавших в Уфу или Тобольск, «для того что калмаки люди многие и воинские, и они б к Москве пути не узнали, чтоб не учили также приходить на наши украины изрывом, что и нагайские люди, а прибыли в них нет никоторые и ссылке быть с ними не о чем: люди неученые, безграмотные, к ним грамот присылать не для чего, прочитатъ не знают и сами писать не умеют»

[3, с. 132]. В этой связи жесткий запрет на владение в отношении добровольно вышедших к русским или купленных ойратов часто не действовал. Ограничения относились только к военнопленным, которых запрещалось похолоплять и крестить, что опять-таки не всегда соблюдалось. Чтобы еще больше не озлоблять ойратских тайшей правительство запрещало делать это в отношении захваченных во время военных действий для последующей возможной размены пленными. Так, в 1632 г. тобольские и тарские служилые люди совершили поход в степь в ответ на враждебные действия царевича Девлет-Гирея, татарских «изменников» и союзных им калмыков, нападавших на ясачные волости. При этом «колмацких людей чорасцов побили и ясырь поимали и привезли в Тарский город, а на Тарском городе тобольские и тарские служилые люди и татарове продавали тот ясырь сибирским служилым людям, которые шли от соляных озер» [4, с. 458–459]. Вскоре после этого дербетский тайша Далай отправил своих послов в Тобольск, которые объявили, что их тайша «ясырь государевых волостей в своих улусех сыскивает» и предлагает организовать размен пленными. Тобольский воевода князь Ф.А. Телятевский разослал распоряжение по всем городам и острогам Западной Сибири с требованием: «у ково есть того погрому ясырь колмацкой, и те б люди тот ясырь являли, приводя в съезжую избу, а у себя б того ясырю не таили, и не крестили, и не продавали; а будет хто тех ясырей учнет у себя таити, и тем людям быти от государя в великой опале» [4, с. 459]. При этом уточнялось, что «людей спрашивать, у ково они тот ясырь покупали и что за которово ясыря или за ясырку денег дали; а которые будет люди учнут приводити ясырь, а скажут, что тот ясырь крещен или которым ясырем молитва дана, и вам бы, господа, тех людей допрашивать и сыскивать подлинно, которой поп тем ясырем молитву давал или крестил и хто кум и кумы были, да к тому сыску попом и тем людям, которые что в сыску и в роспросе скажут, велети руки приложить, да тот сыск и ясырь и тому ясырю роспись прислати в Тоболеск тотчас не мешкая» [4, с. 459].

Однако, ограничения и запреты все равно часто не соблюдались, и со временем правительство пошло навстречу служилым людям в плане возможности владения ясырем с правом осуществления торговых сделок. Соборное Уложение 1649 г. отменяло царский указ 1623/24 г. и разрешало «татар и татарченков в Астарахани

и в Сибири покупати всяким людям попрежнему, опричь воевод и всяких приказных людей» [5, с. 229; 2, с. 387]. Таким образом, со второй половины XVII в. жители Сибири получили право покупать ясырь у неподвластных России народов, и с этого времени торговля калмыцкими пленными стала полностью легальной.

Интересно отметить, что изменение номенклатуры товаров в русско-ойратской торговле в сторону увеличения сделок по купле-продаже ясыря в целом прослеживается по данным таможенных книг Сибири. Так, томская таможенная книга 1624–1627 гг. зафиксировала за период с 1 марта по 20 августа 1627 г. 144 случая продажи лошадей, из которых 31 лошадь (21,5%) жители Томска купили у приезжих калмыков. В этой же книге зафиксировано всего 4 факта продажи калмыками ясыря (дети и подростки от 7 до 13 лет по цене от 7 до 12 руб). Покупателями выступили: томский воевода О.Т. Хлопов, купивший «малово 12 лет» и «девку 13 лет», письменный голова С.В. Чаплин и жилец И. Гордыдов, купившие по одному ясырю. При этом три невольника были «Алтынова улусу черных мугал» и один «трухменец» [6, с. 114–115], т.е. ойраты продавали в Томске не соотечественников, а детей своих главных противников. Ситуация меняется во второй половине столетия. Например, в таможенной книге Тюмени за 1672/73 г. в качестве собственно калмыцкого товара на местном рынке фигурируют в основном ясыри (19 фактов купли-продажи, 27 невольников). При этом было продано всего 6 голов «колмацкого» скота и только 3 калмыцких коня [7, с. 28, 35, 37, 40, 42, 45, 52, 62, 65, 73]. Впрочем, следует помнить, что резкое и значительное сокращение доли пригона калмыцких лошадей и скота в сибирские города во второй половине столетия было связано с успехами в развитии местного животноводства [8, с. 183].

С самого начала русско-ойратских отношений в Сибири стороны были заинтересованы во взаимовыгодной торговле. Основным местом, где калмыки сбывали свои товары (в основном скот, некоторые виды пушнины и ясырь) был Тобольск. Торговля осуществлялась также в Уфе, Таре, Томске и с перерывами в Тюмени. Важным пунктом торгового обмена была ежегодная ярмарка в районе соленого озера Ямыш (ныне оз. Тузкала в 50 км к югу от современного Павлодара), из которого русские добывали поваренную соль и снабжали ею всю Западную Сибирь. Как писал неизвестный автор «Описания новые земли, сиречь Сибирского царства»

(не ранее 1683 г.), помимо бухарцев с русскими в районе озера торговали и «калмыки со всякими своими товары, с лошадми и со всяким скотом, и с ясырем» [9, с. 76]. Источники не зафиксировали точную дату первой торговли с кочевниками в районе озера. Но, по всей видимости, стихийные торговые отношения начались практически сразу же с началом регулярных экспедиций, т. е. с 1613 г. По крайней мере, служилые люди в 1626 г. докладывали, что с калмыками они, «ходячи к Ямышу озеру, выдаютца и торгуют», хотя и происходило это «не по вся годы» [10, стб. 341]. Среди товаров, которыми торговали калмыки, служилые люди называли «лисиценка красные полские, и бобришка, и корсаки, и овчины, и тулупы овчинные, а болши того рухляди иные никакие не выдали, да и та рухлядь не многая; а болших товаров никаких нету, толко де, государь, продают много лошадей и рогатого скота; а купя, государь, лошади и рогатой скот в города провадить страшно от них же от калмацких людей» [10, стб. 341–342]. Как видно, применительно к этому времени нет упоминаний о торговле ясырем. Конечно, рабами торговали, но в крайне небольшом количестве.

Впрочем, покупать рабов русские могли не только в районе озера Ямыш. Хорошо известно, что торговыми операциями по возможности занимались участники русских посольств в калмыцкие улусы. Так, в августе 1625 г. в Тобольск от детей царевича Ишима вернулось посольство, которое возглавлял сын боярский Богдан Аршинский. Свою миссию Б. Аршинский и его служилые использовали не без выгоды для себя, т.к. привезли из улусов 104 лошади, 3 быков, 15 овец, а также «5 ясырей купленных». Вместе с ними в Тобольск также вернулись татары и бухарцы, которые ездили в улусы по торговым делам. Они в общей сложности привезли «колмацкие купли 237 лошадей, ... 315 овец, 4 верблюда, 8 ясырей мунгальских и киргиских, а трухменских 115 лисиц красных, шуба лисья, 417 корсоков, полшубы корсочьи, 1020 овчин и мерлушек, 4 тулупа, 15 войлоков» [3, с. 141]. Любопытно, что указанные 8 ясырей не были собственно ойратами. Это свидетельствует о том, что сами ойраты прежде всего продавали пленных, которых они захватывали в ходе столкновений с восточными монголами, казаками, ногаями и др. Также приведенные данные говорят о том, что сделки по купле-продаже ясыря хотя и были регулярными, но в первой половине столетия занимали совсем небольшой сегмент в общем объеме русско-ойратской торговли.

Причины, заставлявшие калмыков продавать своих же соотечественников, были разными. Часто это было вызвано нуждой и тяжелым материальным положением. Это явление было характерно не только для ойратов, но и для любого традиционного кочевого общества. Так, Юрий Крижанич в своей «Истории о Сибири» (около 1680 г.) при описании Ямышевской ярмарки, где русские ежегодно торговали с ойратами, пишет, что наряду со скотом калмыки продавали русским «также рабов и рабынь – своих свойственников и собственных детей. Если проданные в рабство начинают горевать, то калмыки говорят им: “Ступай, бедняга, и не грусти: тебе будет там лучше – не будешь так голодать, как голодал у нас”. Таким образом в Сибири нет ни одного человека с какими бы то ни было средствами, который не имел бы одного или более рабов или рабынь из калмыков» [9, с. 185–186]. Тем самым Крижанич свидетельствовал, что ойраты в русских городах Сибири были, и, судя по всему, в немалом количестве, в основном, правда, в качестве холопов. У нас нет оснований не верить ученому хорвату, который в тобольской ссылке провел без малого 15 лет – с 1661 по 1676 г. – и имел возможность досконально ознакомиться с особенностями местной жизни. Эти сведения в целом перекликаются с наблюдениями посла в Китай Избранта Идеса, побывавшего в Тобольске в июле 1692 г.: «Имеется в этом городе и области много калмыцких татар-рабов, живут также давно взятые в плен калмыцкие князья» [11, с. 84].

В то же время ойраты могли «сбывать» в соседние государства в качестве ясырей политических противников и преступников. В этой связи интересный случай произошел в Москве 12 января 1632 г., когда принимали калмыцкого посла Мурзея. Дьяки Посольского приказа были озадачены тем, что «прислали к царскому величеству тайши их челом ударить калмытцкого ясыря, и они б сказали, какой человек тот калмытцкой ясырь?». Послы ответили: «Прислал с ними того ясыря царскому величеству челом ударить Байбагишев сын, а тот ясырь их колматцкого родства, зовут его Нотучкеем, Конухин сын. Отец де ево, Конуха, был тайша обышной, и убил тайша Байбагишева деда, имяни ему не упомянат, а после того убил и Байбагиша. И Байбагишевы де дети, собрався с своим родством, того Нотучкеева отца убили, *а жон их и братью и детей розпродали в розные государства, а иных розослали для того, чтоб от них вперед дурна какова не было* (курсив наш – Д.В.). А того

Конухина сына Нотучкея Байбагишев сын прислал ко государю челом ударить в холопство» [3, с. 173].

Что касается вопроса о количестве продаваемых в русские уезды ойратских невольников, то дать на него четкий ответ пока не представляется возможным. Главным источником тут могли бы быть таможенные книги сибирских городов, но, во-первых, они не в полном объеме сохранились (особенно по первым десятилетиям XVII в.), а во-вторых, в них не всегда и недостаточно полно отражалась реальная картина. Обратимся к трем таможенным книгам: Тюмени за 1672/73 г., Тобольска за 1673/74 г. и Тары за 1674/75 г. В первых двух книгах ежемесячно зафиксированы факты купли-продажи ясыря, при этом в тобольской книге по каждому месяцу даже отдельно выделен раздел «збор таможенной с ясыря». Тюменская книга отмечает продажу за весь период 27 невольников, в Тобольской книге зафиксирована купля-продажа 34 ясырей. Однако у нас есть основания полагать, что в обеих книгах отражены далеко не все факты продажи «живого» товара. Об этом в первую очередь свидетельствует состав продавцов. Если в Тюмени покупателями ясырей выступили 9 служилых людей разных категорий, 2 посадских человека, ямской охотник, крестьянин, торговый человек и вдова, что вполне ожидаемо, то продавцами также числятся в основном служилые (4 чел), крестьянин и посадский человек. Другим продавцом в Тюмени был некий «Абдула Албы» – «калмыцкий выходец», судя по имени российский подданный, принявший ислам, и продавший двух своих соотечественников рейтару и служилому человеку [7, с. 40, 43]. Согласно таможенной книге Тобольска, продавцами ясырей выступили: 9 служилых людей, 3 тобольских бухарца, 3 торговых человека, 2 посадских человека, захребетный татарин, ясачный татарин и посланец Нерус [12, с. 12, 13–14, 22, 37–39, 46–48, 62, 70, 82, 93, 99–100, 154]. Получается, за исключением прибывшего в Тобольск в составе посольской миссии посланца, продавцами ясырей выступили подданные русского царя, что свидетельствует о вторичности сделок, зафиксированных в книгах. Российские подданные перепродавали уже приобретенных у калмыков невольников. Факты непосредственной продажи калмыками жителям Сибири рабов в книгах по не ясным пока причинам не засвидетельствованы. Тарская книга 1674/75 г. среди прочих калмыцких товаров зафиксировала

только один факт торговли ясырем – 1 марта 1675 г. жена служилого татарина продала за 6 руб «ясыря колмацкую женку» ясачному татарину Тунусской волости [13, с. 92]. Опять-таки и в этой книге зафиксирован факт только вторичной перепродажи ясыря.

При этом есть свидетельства, которые подтверждают сведения Ю. Крижанича и И. Идеса о действительно большом количестве продаваемых калмыками своих соотечественников. В декабре 1677 г. служилые люди, ходившие как обычно за солью к озеру Ямыш, докладывали в Tobольске, что у озера с калмыками из-за каких-то недоразумений «учинилась драка», в ходе которой 7 служилых «биты насмерть, а иные многие биты ж». После этого, правда, с калмыками помирились, взяли из озера соль и «купили у них, калмыков, после драки за аманатами лошадей с полтретьяста да ясырю калмыцкого у Ямыша-озера и на дороге куплено с 300 и больши» [14, с. 318]. Таким образом, только за один раз служилые люди приобрели у ойратов свыше 300 невольников. Отражен ли этот факт в таможенных книгах – не известно.

Любопытно отметить еще такой факт, что торговля ясырем за одним-единственным исключением совсем не отражена в данных таможенных книг Туринска, Томска, Березова, Пельма за 1670–80-е гг. Только в таможенной книге Пельма за 1677/78 г. сообщается о тобольском стрельце Омелке Политове, который 5 марта 1678 г. продал за 8 руб. пельмскому стрельцу 12-летнего калмыцкого ясыря Алешку и за 8 же руб. 8-летнего калмыка Шадрука приехавшему в Пелым соликамскому торговому человеку. Оба ясыря несколькими годами ранее были куплены им у Ямыша-озера [7, с. 117]. Таким образом, ойратские пленные в основном концентрировались в наиболее крупных городах Западной Сибири, расположенных ближе к степному пограничью и соответственно имевшие с кочевниками непосредственные и более устойчивые торговые связи. Поэтому неудивительно, что больше всего калмыков проживало в Tobольске, Тюмени и Таре и их окрестностях.

По данным таможенных книг, чаще всего покупателями живого товара выступали служилые люди. Однако известно, что калмыцкие ясыри были и у посадских людей и даже крестьян. Так, тобольская книга за 1673/74 г. зафиксировала, что покупателями ясырей выступили 10 торговых людей, 6 служилых, 1 посадский человек и 1 бухарец.

Купленные ясыри в основном пополняли категорию холопов. Чаще всего они были дворовыми людьми, но могли использоваться и в земледельческом хозяйстве. Есть весьма фрагментарные и отрывочные сведения о том, что ойраты пополняли категорию ясачных людей в Тарском уезде. Известны случаи, когда калмыки становились боевыми холопами у детей боярских и тобольских дворян. Практически все холопы-калмыки имели возможность выкупа на волю. В случае принятия крещения бывший калмык и его потомки быстро утрачивали свою идентичность. При этом в документах различного учета сибирского населения, относящихся к рубежу XVII–XVIII вв. в отношении новоиспеченного новокрещена обычно указывалось помета «родом калмык» или «из калмык». Однако такие указания уже не делались применительно к его детям, что не позволяет идентифицировать потомков ойратов среди прочего населения сибирских уездов. Тем не менее, ойрат-калмыки несомненно оставили свой след среди старожилов Западной Сибири. И тем самым они внесли неповторимое своеобразие в и без того пестрый этнический облик населения урало-сибирских городов.

Библиографический список

1. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. – Новосибирск: Наука, 1991. – 401 с.
2. Каменецкий И.П. Торговля ясырем в Сибири в XVII в.: правовое регулирование, состав и использование труда невольников // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Параллель, 2016. С. 385–390.
3. Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Вост. лит., 1959. – 352 с.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. – М. : Вост. лит., 2000. – Т. 2. – 796 с.
5. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. – 512 с.
6. Таможненные книги сибирских городов XVII в. Вып. 2. Туринск, Кузнецк и Томск / Авт.-сост.: Башкатова З.В., Соколовский И.Р., Каменецкий И.П., Есипова В.А. Гл. ред. Резун Д.Я. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. – 124 с.

7. Таможенные книги сибирских городов XVII в. Вып. 4. Тюмень, Пелым / Авт.-сост.: Башкатова З.В., Курилов В.Н., Соколовский И.Р. Гл. ред. Д.Я. Резун – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2001. – 152 с.
8. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М.: Наука, 1967. – 324 с.
9. Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. – М., 1890. – 250 с.
10. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. – СПб., 1884. – Т. 8. – 700 с.
11. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай. (1692–1695) / Вступит. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. – М.: Глав. ред. Вост. лит., 1967. – 404 с.
12. Таможенные книги сибирских городов XVII в. Вып. 5. Тобольск, Кетск. / Авт.-сост.: Д.В. Раев, И.Р. Соколовский. Гл. ред. Д.Я. Резун. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2002. – 216 с.
13. Таможенные книги сибирских городов XVII в. Вып. 1. Сургут и Тара / Гл. ред. Д.Я. Резун. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1997. – 124 с.
14. Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. документов / Сост. Г.И. Слесарчук. – М.: Вост. лит., 1996. – 560 с.

УДК 94(47).05

Г.К. Всеволожский*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОФИЦЕРОВ БЕЛГОРОДСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА О ГЕРОИЗМЕ В ВОЙНАХ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I

Ключевые слова. *Русское дворянство, «сказки», героизм, массовые источники, Белгородский пехотный полк.*

Аннотация. *Автор поднимает вопрос восприятия офицерами петровской эпохи сражений Северной войны и других военных конфликтов первой четверти XVIII века. Рассматривается такой массовый источник как офицерские сказки. На основе сказок офицеров Белгородского пехотного полка изучены представления офицеров той эпохи о героическом.*

* **Всеволожский Георгий Константинович**, магистр, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: goshavs@mail.ru.

** **Vsevolozhsky Georgii Konstantinovich**, Master, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: goshavs@mail.ru.

G.K. Vsevolozhsky**

REPRESENTATIONS OF OFFICERS OF THE BELGOROD INFANTRY REGIMENT ABOUT HEROISM IN THE WARS OF THE REIGN OF PETER THE GREAT

Keywords. *Russian nobility, “skazki”, heroism, mass sources, Belgorod infantry regiment.*

Abstract. *The author raises the question of the perception of the battles of the Northern War and other military conflicts of the first quarter of the 18 century by officers of the Peter the Great era. Such a mass source as “skazki” is considered. Based on the “skazki” of the officers of the Belgorod Infantry Regiment, the ideas of the officers about the heroic are studied.*

Период правления Петра I – время масштабных преобразований во всех сферах общества, в том числе и в социальной. Наибольшее значение социальная реформа Петра оказала на дворянство. Именно при Петре начался процесс его консолидации из различных служилых групп XVII в. Среди факторов, определивших новое положение дворянства, исследователи отмечают введение Табели о рангах [1, с. 47], Подушную подать [2, с. 165], военно-административную реформу 1708–1712 гг. [3, с. 90]. Однако процесс создания нового сословия не может быть описан только перечислением Петровских указов. Важно выявить непосредственные факторы дворянской консолидации.

Учитывая, что почти всю первую четверть XVIII в. дворяне находились в регулярной армии, созданной для нужд Северной войны, разумной видится попытка искать факторы консолидации в их службе. При этом основное наше внимание будет направлено не на сами сражения кампаний первой четверти XVIII в., а на их восприятие, на их осмысление, на ту память, которую они оставили у офицеров. Наша задача – увидеть войну глазами её обычных участников, собственно, это то, чем занимается военная антропология. И в нашем случае, когда все офицеры одновременно являлись дворянами, военная антропология очень тесно сближается с социальной историей.

В связи со всем вышесказанным видится полезным рассмотреть представления офицеров о героизме. Эти представления лучше помогут понять особенности восприятия войны офицерами XVIII в.,

дадут возможность увидеть, насколько схожим или отличным было восприятие войны для разных людей, которые служили тем не менее в одном полку.

Современные исследователи считают героизмом выдающиеся по своему общественному значению поступки, требующие от человека готовности к самопожертвованию [4, с. 90]. Здесь обратим внимание на то, что действие называется выдающимся, экстраординарным, то есть, выходящим за практику обычного честного выполнения долга.

Основным источником моего исследования является офицерская сказка. Офицерская сказка – это документ учета служилого населения. Этот документ использовался верховной властью для получения информации о кадровом составе армии. В рациональном государстве Петра было необходимо знать о каждом винтике в государственном механизме. «Сказки» представляют собой краткое описание офицером своего происхождения, истории повышений, рассказ о сражениях, в которых тот участвовал, сведения об имуществе. Источниковедческий анализ показывает, что сказки использовались офицерами для самопрезентации, авторы стремились показать свои заслуги перед государством. Таким образом, текст сказок является не просто фиксацией реальности, а скорее выражением представлений офицеров об идеальной карьере.

Несмотря на то, что сказки имеют повторяющуюся рубрику, в них можно найти уникальные сведения. Информация о героических действиях как раз относится к такому типу сведений. Она встречается далеко не во всех сказках, и свидетельствует о том, что у автора сказки имелись основания указать о своей доблести. То есть, он считал некоторые свои действия не просто добросовестным исполнением приказа, а чем-то большим, заслуживающим отдельного внимания. По сути, это и есть представление о героическом, пусть офицер этого и не заявляет. Увидеть сведения о героическом можно в той части сказки, где офицер рассказывает о битвах, в которых он участвовал.

Мной взяты сказки офицеров Белгородского пехотного полка, написанные в 1720 г. (43 человека) [5, с. 1281–1322.]. Почему именно этот полк, и почему вообще именно полк? Полк выбран как достаточно автономная социальная система, существующая в пространстве отдельно от других полков. В то же время полк

относительно удобен для анализа ввиду численности офицерского состава. Белгородский пехотный полк, созданный в начале 1697 г. в Преображенском как 4-й Московский выборный полк, имеет славную историю сражений. Можно отметить, что за стойкость в Полтавской битве ему объявил благодарность Пётр Первый, однако ко времени подачи сказок полк уже несколько лет стоял гарнизоном в Нарве. То есть, ключевые битвы полка были для офицеров делом прошлого, и они лишь вспоминали их. А мы знаем, что память, тем более в коллективе имеет свойство отбирать какие-то наиболее яркие черты событий. Таким образом конструируется образ прошлого, в том числе и прошлого героического.

Одним из самых часто встречаемых в сказках полка героическим действием является руководство подразделением, возможность возглавить который офицер получал не по званию, а в случае неординарных обстоятельств, например, смерть командира или его отсутствие по иным причинам. Такие действия должны были показать, что офицер не теряется в экстренной ситуации и может быть полезен при возможном повышении.

К примеру, подполковник Петр Роберт пишет, что «на Полтавской баталии командовал 2 батальонами», то есть, выполнял задачу, которую выполняли полковники. Поручик Иван Домогацкий пишет, что, будучи в 1709 г. подпоручиком «в Полтавской битве был за капитана, так как того убили, а поручика ранили». Адьютант Осип Кудаев пишет, что под Теннингом в 1712 г. командовал ротой, будучи прапорщиком.

Важным на войне было взятие в плен врага. Офицеры также старались указать на такую доблесть. Так, подпоручик Князь Семен Иванович Вяземский пишет, что в сражении у Соколки взял в плен шведского барабанщика. Это имело значение, так как именно по сигналам барабанщика осуществлялись все действия войск.

Поручик Иван Домогацкий рассказывает, что «при Опошне взял в плен шведского майора, а затем капрала». Он находился в специальной партии, которая состояла из 26 рядовых, одного капрала и его – подпоручика. Эта партия была послана в лес, и помимо капрала взяла в плен 6 рядовых шведов.

Еще одним важным проявлением героизма является особая стойкость в бою. Связана она с ранениями, которые, разумеется, офицеры мужественно переносили.

Например, капитан Никифтор Сангарёв «был ранен в 1702 году во время Ингерманландской кампании, правая нога пробита выше колена пулей насквозь». Прапорщик Иван Толочков «при Полтаве был в редуте с господином бригадиром Айгустова», где и получил ранение. Мы знаем и то, как проходило его лечение. Толочков после Полтавы был отправлен в Курск до 1710 г. с полковником Мякининым. В левую руку в двух местах был ранен полковой профос Дмитрий Семёнов всё в том же Полтавском сражении.

Упорное сопротивление связано не только с ранениями, но и с людьми, которые своим примером вдохновляли полк, помогали выдержать натиск противника. В Белгородском полку таким безусловно являлся бригадир Савва Айгустов, который руководил полком до 1711 г. После 1711 г. его следы теряются, известен указ Петра, который требует найти Айгустова, так как тот дезертировал из полка во время пребывания того в Польше. Несмотря на такой бесславный конец, в полке продолжают упоминать, что сражались в Полтавской битве именно рядом с опальным бригадиром. Что интересно, упоминают его офицеры, знавшие бригадира лично. Так о господине Айгустове пишет тогдашний полковой квартирмейстер ныне капитан Федор Лужин, тогдашний адъютант ныне поручик Филипп Холин, а также несколько капитанов, которые были тогда поручиками и капитанами.

Подводя итог, стоит отметить, что исследование обнаружило и на основе повторений выделило такие типы героизма, как взятие в плен офицеров противника, руководство подразделением после смерти командира, упорное сопротивление, часто связанное с ранениями, образ храбрых командиров, с которыми офицеры сражались рядом. Это показывает наличие у офицеров достаточно схожих представлений о героическом.

Схожие представления вполне могли стать основной для последующей консолидации, так как они объединяли офицеров разного происхождения, достатка, звания. Именно ментальные факторы, в том числе и представление о героизме, могли стать основной для дворянской консолидации.

Вместе с этим нельзя преувеличивать значение нашего исследования. Разумеется, для окончательных выводов нужна работа с несоизмеримо большим массивом источников, тем не менее, текущее исследование показывает перспективность такой работы.

Библиографический список

1. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. – М., 1974. – 395 с.
2. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России 1719–1728 гг. – Л., 1982. – 296 с.
3. Петрухинцев Н.Н. Власть и дворянство на национальных окраинах в 1720–1730-е годы // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. – М., 2012. – С. 89–116.
4. Шнейдер Л.Б. Представления о славе и героизме в контексте становления гражданской активности личности // Вестник РМАТ. – М., 2015. – №2. – С. 85–92.
5. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2 т. Том 1 / Сост., вступительная статья, оформ. К.В. Татарникова. – М., 2015. – 1352 с.

УДК: 94(470.5).082:271.2+908

Н.Д. Грачев*

БОРЬБА СО СТАРООБРЯДЧЕСТВОМ В ПОСЕЛКЕ ШЕМАХИНСКОГО ЗАВОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ В 1890-х гг.

Ключевые слова. *Метрические книги, старообрядчество, крестьянство.*

Аннотация. *Проанализированы метрические книги православной церкви Шемахинского завода за 1890–1895 гг. и заметка местного священника, опубликованная в Пермских епархиальных ведомостях в 1895 г. Они позволяют проследить ход и результаты борьбы, основные способы агитации по присоединению к православию среди старообрядцев Шемахи.*

N.D. Grachev**

THE STRUGGLE AGAINST THE OLD BELIEVERS IN THE VILLAGE OF THE SHEMAKHA FACTORY IN THE FIRST HALF OF THE 1890s

Keywords. *Parish registers, old believers, peasants.*

* **Грачев Никита Денисович**, студент V курса, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: nikitagrachev.21@mail.ru.

** **Grachev Nikita Denisovich**, 5th year Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia); e-mail: nikitagrachev.21@mail.ru.

Abstract. *The parish registers of the Orthodox church of the Shemakha factory for 1890–1895 and a note by a local priest published in the newspaper “Permskie eparkhialnyye vedomosti” in 1895 are analyzed. They allow us to trace the course and results of the struggle, the main methods of agitation for joining Orthodoxy among the Old Believers of Shemakha.*

В середине XVIII в. на реке Уфа возникла Сорокинская деревня с судовой пристанью Демидовых. Позже ее новый владелец Л.И. Расторгуев в начале 1810-х гг. основал неподалеку железоделательный завод. Постепенно рядом с заводом по правому берегу р. Шемаха начали основывать домохозяйства сорокинские крестьяне и переселенцы из Кыштымского заводского поселка. Так как заводское поселение и деревня находились близко друг к другу, к 1830-м гг. слились, образовав Шемахинский заводской поселок. Конфессиональный состав местных жителей складывался из нескольких христианских течений: официальное православие, старообрядчество (поморцы и беглопоповцы) и единоверие, возникшее в начале XIX в. [2, с. 157; 3, с. 119, 123].

С 1830-х гг. у местных православных священников остро встала проблема с массовым распространением раскола среди жителей Шемахи: число старообрядцев равнялось, а в иные годы даже превышало число православных. Так, на начало 1890-х гг. отмечалась приверженность расколу двух третей населения [3, с. 120; 6, с. 316].

В 1895 г. в «Пермских епархиальных ведомостях» вышла заметка священника православной церкви Шемахи «о борьбе с старообрядческим расколом», в которой завуалировано были отмечены факты компактного и добрососедского проживания в Шемахе представителей различных христианских течений [6, с. 315–318]. Раметка упоминалась в сообщении С.Д. Батищева [1, с. 264–267], но ее источниковедческий потенциал остался далеко не исчерпанным.

Автор постарается расширить представление о вышеупомянутой «борьбе» в Шемахинском поселке, дополнив материалами, полученными из метрических книг православной церкви Шемахи за 1890–1895 гг.

В первую очередь определим автора заметки, который подписан как «Свящ. П. О.». Содержание метрических книг начала 1890-х гг. показывает, что в Свято-Троицкой православной церкви

Шемахинского поселка служил священник Павлин Салафиилович Осокин. Он приехал сюда не позже 19 сентября (1 октября) 1890 г., вместо умершего священника Андрея Лапина. В свою очередь, Осокин оставил Шемахинский приход не ранее 29 августа (10 сентября) 1895 г., т. е. незадолго до выхода очередного номера Пермских епархиальных ведомостей с его заметкой 16 (28) сентября 1895 г. [4, л. 2 об. – 3, 16 об. – 17, 476 об. – 478; 6, с. 318]. Дальнейшая его судьба остается неизвестной.

После начала службы в сентябре 1890 г. Павлин Осокин, по его же словам, знавший старообрядчество по книгам, столкнулся с его приверженцами в обыденной жизни. Желая искоренить раскол, он лично проводил первые беседы с его «поборниками», но нужных результатов это не принесло. Православные прихожане также предлагали священнику «не вступать в бесполезную борьбу с расколом». Но нашлись и сторонники, поддержавшие начинания П.С. Осокина. В заметки они указаны как ревнители православия. По определению священника, это «простецы крестьяне знакомые по жизни с раскольническими заблуждениями», знавшие «до точности, живя вблизи и в постоянном житейском общении с раскольниками» основы старообрядческого мировоззрения [6, с. 316].

Организовав команду по изучению раскольнических идей у шемахинских жителей, «ревнители» стали устраивать у себя или в домах старообрядцев частные беседы по богословским вопросам. Позже к ним подключился сам П.С. Осокин. В богословских спорах «ревнителям» удалось одержать верх над идейным лидером местного раскола (часовенного согласия) Иваном Семеновичем Слесаревым из Нязепетровска. Также одним из результатов было обращение нескольких семей в православие. Назовем главных помощников Осокина: Л.Е. Ершов, А. Алабушев и Е.С. Ципушин [6, с. 317].

Представленная информация позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, старообрядцы Шемахи без особых затруднений были готовы идти на контакт с православными, принимали их у себя дома и даже обсуждали с ними вопросы веры. Во-вторых, православные жители тесно контактировали с раскольниками, хорошо знали их мировоззрение. Идею православного священника по борьбе с расколом считали «бесполезной», потому что неудобств от соседей старообрядцев не исходило и трудностей при общении с ними не возникало.

Из числа указанных выше «ревнителей» более всего известно о Ефреме Семеновиче Цыпушине (Цыпушеве), родом из деревни Буйнов соседней Поташинской волости Красноуфимского уезда [4, л. 75 об.–76, 369 об.–370]. Во время развернувшийся кампании священника П.С. Осокина две семьи братьев Е.С. Цыпушина из соседнего села Тюльгаш перешли в единоверие: 3 (15) апреля 1892 г. семья Петра Семеновича Цыпушева, 22 марта (3 апреля) 1894 г. семья Евтихия Семеновича Цыпушева [4, л. 124 об.–125, 369 об.–370]. В записях о присоединении указаны только дети. Отсутствие взрослых обуславливается тем, что на момент рождения они были крещены в церкви и записаны в ранних метрических книгах, но впоследствии уклонились в раскол.

Остальные ревнители: Л.Е. Ершов и А. Алабушев в метрических книгах за 1890–1895 гг. не выявлены. Однозначно можно сказать, что они не были коренными шемахинцами. Так, в 1858 г. в списке крестьянских семейств Шемахинского завода данные фамилии не встречаются [5, л. 109–111 об.].

Отметив основных действующих лиц и способы ведения борьбы с расколом, рассмотрим, каких результатов они добились.

Таблица

**ПРИСОЕДИНЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ШЕМАХИНСКОГО ЗАВОДА
К ПРАВОСЛАВНОМУ ПРИХОДУ**

Год	Основные события
1	2
1890	Начало деятельности П.С. Осокина по борьбе с расколом в Шемахинском поселке. 25 ноября (7 декабря) было совершено первое миропомазание 10-летней дочери старообрядца З.Ф. Золотова, в восприемниках которой указана жена священника Варвара Ивановна
1891	Присоединения, связанные с необходимостью вступления в брак: четыре случая с января по февраль. 31 марта (12 апреля) впервые миропомазаны сразу две дочери К.П. Булдакова (вероисповедание не указано). В мае и декабре зафиксировано два случая, когда одновременно с крещением младенца были присоединены к православному приходу его старшие братья и сестры. Родители в произошло единственное миропомазание взрослого: Николай Федотович Кислов, 43 года, вероисповедание также не указано.

Продолжение таблицы

1	2
1891	В записях об умерших указаны 4 раскольницы, скончавшиеся с июня 1888 г. по январь (февраль) 1891 г. и похороненные на кладбище старообрядцев.
1892	Вероисповедание «из раскола» исчезает при записи миропомазанных детей: указывается православие и реже единоверие, т. е. формальная приверженность родителей к одному из двух шемахинских приходов. Но в записях о бракосочетавшихся старообрядцы указывались даже с точным духовным течением: часовенное или поморское согласия. С марта по октябрь выявлено 14 случаев присоединения к православию детей.
1893	Ситуация с присоединенными и одновременно венчающимися старообрядцами аналогична предыдущему году. Со 2 по 4 (с 14 по 16) марта были совершены миропомазания 14 детей из 9 семей.
1894	Исчезает практика присоединения и венчания одновременно. Единственный случай – 20 июля (1 августа). За год миропомазано 17 детей, отношение к религии все также указывается как православие или единоверие.
1895	Допущены к миропомазанию два молодожена, а их венчания перенесены на другие числа. С февраля по апрель к православному приходу присоединились еще 9 человек.

Составлено автором по: ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 33. Д. 19. Л. 24 об.–25, 54 об.–57, 60 об., 64 об., 67 об., 82 об., 95 об.–97, 98 об., 104 об.–105, 108 об.–109, 110 об.–113, 141 об.–144, 145 об.–147, 148 об., 150 об.–152, 155 об.–158, 172 об.–174, 196 об.–197, 199 об.–203, 204 об., 205 об., 224 об.–226, 227 об.–229, 280 об., 317 об., 320 об.–326, 328 об., 330 об.–333, 343 об., 351 об., 402 об., 464 об.–469 об., 485 об.–487.

Таким образом, всю борьбу П.С. Осокина с расколом можно разделить на три периода:

1. Осень 1890–1891 гг. Приезд священника в Шемахинский заводской поселок. Изучение религиозного состава местного населения. Неудача первых попыток привлечения старообрядцев в официальное православие, опробование разных способов, отразившихся в метрических книгах. Приобщение к борьбе «ревнителей» официального православия, родом из других селений, и проведение частных бесед на дому у раскольников.

2. 1892–1893 гг. Максимальная результативность по количеству миропомазанных старообрядцев с сохранением прежней ситуации с венчающимися молодыми раскольниками. Начало устранения упоминаний старообрядчества в метриках с заменой на изначальное вероисповедание крестьян: православие и единоверие.

3. 1894 – лето 1895 гг. Спад показателей присоединения к православному приходу, связанный, на наш взгляд, с более настойчивыми и решительными требованиями самого священника, например, прекращение практики миропомазания молодоженов старообрядцев. После отъезда в начале сентября П.С. Осокина развернутая борьба с расколом практически завершилась.

Дальнейшее изучение метрических книг православной церкви с 1896 г., а также единоверческой церкви за 1890–1895 гг. могут дать дополнительные сведения о процессе присоединения старообрядцев к местным приходам.

Библиографический список

1. Батищев С.Д. Как на Шемахинском заводе с раскольниками пытались бороться: из опыта провинциального священника (1895 г.) // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., г. Челябинск, 15 мая 2019 г. – Челябинск, 2019. – С. 264–267.
2. Грачев Н.Д. Зарождение «мнимого» единоверия среди старообрядцев Шемахинского завода в 1857–1861 гг. // Шаг в историческую науку: материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Екатеринбург, 2022. – С. 154–158.
3. Грачев Н.Д. Источники по истории формирования населения Шемахинского заводского поселка в фондах уральских архивов // Историко-культурное наследие в институциональном измерении: материалы II Уральского историко-архивного форума. – Екатеринбург, 2022. – С. 119–124.
4. Метрические книги православной и единоверческой церквей Шемахинского завода за 1890–1895 гг. // ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 33. Д. 19.
5. Ревизская сказка Сорокинской судовой пристани наследников купца Расторгуева за 1858 г. // ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2882.
6. Свящ. П. О. Шемахинский завод. Заметка о борьбе с старообрядческим расколом // Пермские епархиальные ведомости. – 1895. 16 сентября. – № 18. Отдел неофициальный. – С. 315–318.

УДК 94(470.5)

Л.А. Дашкевич*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА МИЛОСЕРДИЯ ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Ключевые слова. *Благотворительность, русская православная церковь, история Екатеринбурга в начале XX в.*

Аннотация. *Статья посвящена деятельности Екатеринбургского Общества милосердия во имя Святителя Николая, значительную часть участников которого составляли священнослужители. Во время Первой мировой войны Общество вело активную благотворительную деятельность: оказывало помощь нуждающимся семьям, принимало в свой приют осиротевших детей военнослужащих, в здании приюта был открыт небольшой лазарет для раненых и больных воинов.*

L.A. Dashkevich**

CHARITABLE ACTIVITIES OF THE EKATERINBURG RELIEF SOCIETY IN THE NAME OF SAINT NICHOLAS

Keywords. *Charity, Russian Orthodox Church, history of Ekaterinburg at the beginning of the 20th century.*

Abstract. *The article is devoted to the activities of the Ekaterinburg Relief Society in the name of St. Nicholas, a significant part of the participants of which were clergymen. During the First World War, the Society was active in charitable activities: it provided assistance to needy families, accepted orphaned children of military personnel into its shelter, and a small infirmary for wounded and sick soldiers was opened in the shelter building.*

Благотворительная деятельность Екатеринбургского Общества милосердия во имя Святителя Николая весьма незначительно

* Дашкевич Людмила Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия); e-mail: ldash54@mail.ru.

** Dashkevich Liudmila Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Center for Methodology and Historiography, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: ldash54@mail.ru.

отражена в уральской историографии, очевидно, потому, что действовало оно недолго, в 1912–1918 гг. Работало Общество милосердия по уже сложившейся в России практике деятельности благотворительных организаций. В его состав входили действительные и почетные члены. Почетными членами являлись влиятельные особы и лица, сделавшие значимые благотворительные пожертвования. Действительные члены ежегодно вносили в казну организации в качестве взносов определенную сумму денег. В 1913 г. Общество объединяло 120 чел., в 1915 г. – 118. Руководил благотворительной организацией Совет, в который входили и священники (Ф. Коровин, И. Уфимцев, А. Меледин, Н. Дягилев, М. Суворов, Н. Буткин), и миряне (К.П. Ястребов, Н.Г. Уваров, Л.И. Рупинская, А.Е. Анкудинова и Л.А. Вибке). Во главе Совета Общества милосердия стоял протоиерей Л. Игноратов, покровителем являлся епископ Екатеринбургский и Ирбитский Серафим. Горожане воспринимали вновь появившуюся благотворительную организацию как православное братство. Этому способствовали состав Общества милосердия (значительную часть организации составляли священнослужители), и направления его деятельности.

Небольшие капиталы организации позволяли ей первоначально оказывать лишь небольшую помощь наиболее нуждающимся жителям города Екатеринбурга. Позднее главной целью благотворителей стало призрение нищих и безнадзорных детей. Большую роль в помощи маленьким «бродяжкам» сыграл Дамский комитет, объединивший женщин – участниц Общества милосердия. В 1912–1915 гг. Дамским комитетом руководила супруга екатеринбургского полицмейстера Л.И. Рупинская. В декабре 1912 г. Общество милосердия открыло в съемном помещении на улице Спасской Детское убежище. Задачи приюта, обозначенные его организаторами в отчете за 1913 г., вполне соответствуют распространенным в педагогике начала XX в. представлениям о пользе общественного воспитания безнадзорных детей в закрытых детских учреждениях. Основатели Детского убежища хотели отучить ребят от улицы, изъять их «от ее тлетворного влияния, приучить к труду, привить хорошие привычки и научить всему необходимому для человека» [1, с. 962]. В первые месяцы Детское убежище посещали ежедневно около 40 детей, ночевка их здесь не предусматривалась, в приюте стояли лишь 3 кровати. Скоро, однако,

участники благотворительного общества убедились в том, что после закрытия приюта их питомцы, как обычно, отправляются нищенствовать (или, как они говорили, шли «на стрельбу») в самые оживленные части города – попрошайничали около театра, кинематографа и на других бойких местах. На вопрос, почему они это делают, имея и одежду, и еду от приюта, дети заявляли, что родители или опекуны заставляют их нищенствовать и не пускают домой, если они ничего не принесут. Совет общества поручил участковым дамам, членам Дамского комитета, проверить семейное положение воспитанников приюта. Обследование показало, что значительная часть ребят жила в социально неблагополучных семьях. Здесь были «дети алкоголиков, которые подвергались дома постоянным побоям, были и такие, которых родители посылали собирать, эксплуатируя ребенка и его ремесло, были сироты, которых еле-еле держали родственники или хозяйки» [1, с. 963]. Желая помочь воспитанникам, «несчастливым в семейном отношении», Совет общества решил преобразовать дневное убежище в Дом милосердия для постоянного проживания в нем сирот и наиболее нуждающихся детей в возрасте от 4 до 14–15 лет. За небольшую плату сюда стали принимать и ребят из бедных многодетных семей. К концу 1913 г. комплект воспитанников Дома милосердия составил 65 чел. (32 девочки и 33 мальчика) [1, с. 964]. Все расходы по содержанию приюта покрывались за счет членских взносов, тарелочного сбора по церквям, доходов от благотворительных спектаклей, концертов и лотерей. Любопытно, что значительную часть денежных поступлений Общество милосердия получало именно из последних источников. Согласно отчету организации за 1913 год, в кассу Общества милосердия в течение года поступило 6231,9 руб., в их числе: членские взносы 462,00 руб. (7,4 %), частные пожертвования 1572,44 руб. (25,2 %), тарелочный сбор по церквям 1178,47 руб. (18,9 %), проценты с капитала, содержащегося на сберегательной книжке и в процентных бумагах 48,32 руб. (0,8 %), доходы от благотворительных спектаклей 446,89 руб. (7,2 %), от лотерей 2231,52 руб. (35,8 %), другие мелкие поступления 292,26 руб. (4,7 %). Благотворительные спектакли в пользу «детей улицы» в 1913 г. дало Общество любителей драматического искусства. Спектакли ставились в городском театре, театре Казанцевой и Верх-Исетском театре. Помимо денежных поступлений,

Общество милосердия получало от различных благотворителей материальные пожертвования. Сюда передавались одежда и обувь для детей, ткани, продукты питания (крупы, мясо, рыба, мука, яйца, масло, творог, картофель, капуста и пр.). В 1915 г. благотворитель К.П. Ястребов подарил приюту корову [2, с. 12]. Еще одну корову Общество приобрело на собственные деньги. Имелась в приюте и другая живность. В 1915 г. благотворительная организация получила от продажи телят 28 р., поросят – 15 р. Благодаря собственному хозяйству и пожертвованиям горожан, питание приютских питомцев было достаточно сытным.

Для того, чтобы приучить воспитанников к дисциплине, руководители приюта пытались заполнить весь их день полезными занятиями. Вставали ребята в 7 часов утра, через полчаса шли на утреннюю молитву, в 8 часов – на завтрак. После завтрака дети старшего возраста уходили в школу (в 1913 г. туда было отправлено 16 человек, в 1915 г. – 28), а младшие занимались с воспитательницей приюта. В полдень школьники возвращались в здание приюта, обедали и занимались мастерствами (в 1913 г. на обучение к сапожному мастеру было отдано 11 чел.) или посещали занятия и беседы с воспитательницей. Иногда для детей устраивались праздники и чтения с туманными картинками. В 5 часов все дети пили чай, после чего старшие готовили уроки, а младшие играли. Ко сну младшие воспитанники отправлялись в 8 часов вечера, а старшие в 8.30.

К занятиям мастерством организаторы приюта старались приучить как можно больше воспитанников. Хозяйственные работы в приюте выполняли все дети. Девочки на кухне мыли посуду, чистили овощи, приучались к стирке и чистке белья, следили за приготовлением кушаний. Мальчики занимались уборкой комнат, двора и огорода. Летом питомцы приюта ходили в лес за грибами, а затем под наблюдением взрослых солили их на зиму. В 1915 г. вся починка обуви для детей велась в приютской мастерской. Двоих мальчиков Общество отправило учиться в слесарную мастерскую и типографию, одного – на службу в контору. Девочки под надзором швеи работали над починкой и изготовлением белья, шили одежду. «Домашним образом» они изготавливали даже пальто для выхода в школу старших воспитанников. Некоторые вещи детского изготовления (вышитые полотенца, кружева, абажуры,

плетеные мешки) Дамский комитет разыгрывал во время лотерей. Иногда детей привлекали к работе на местных фабриках и в магазинах. В отчете за 1915 год сообщается, что ребята пробовали заворачивать конфеты на кондитерской фабрике Т.А. Афонинной, но эта работа была признана скучной и не особенно полезной для детей «в воспитательном отношении». В конце года им поручили делать «бумажные ручки для ношения покупок» по заказу магазина Моисеевой [2, с. 4].

Жизнь воспитанников приюта была организована в соответствии с церковным календарем. Отчет Общества милосердия за 1915 год отмечал, что строй жизни детей был поставлен так, чтобы воспитать в них «религиозное чувство, привычку подчиняться церковному уставу, так близкому народному сердцу и сознанию» [2, с. 5]. Детей учили молитвам и церковному пению, для чего в приют приглашался ученик псаломщической школы. В праздничные дни все питомцы приюта под наблюдением воспитательницы ходили в церковь при архиерейском доме. Накануне воскресных дней всенощные молебны совершались в здании самого приюта. Обязательно соблюдался пост. На пятой неделе Великого поста дети говели и причащались.

Все вопросы, касавшиеся проблем приюта, решались на собраниях Совета Общества милосердия и Дамского комитета. Отчет Общества за 1915 г. отмечает, что заведование приютом почти целиком находилось в руках Дамского комитета. Непосредственный надзор за детьми в приюте был возложен на заведующую-воспитательницу (она занималась по преимуществу с девочками), и дядьку (он был приставлен к мальчикам). Медицинскую помощь детям оказывал врач городской больницы И.Г. Упоров. Главную опасность для детей представляли инфекционные болезни – сыпной тиф, дифтерит, чесотка. Лечение в городской больнице, куда отправлялись больные дети, стоило достаточно дорого. В первый год существования приюта Общество милосердия задолжало городской управе за лечение детей 500 рублей. После ходатайства благотворителей управа согласилась списать этот долг и в дальнейшем разрешила Обществу лечить детей в городской больнице бесплатно.

Распространению болезней во многом способствовало размещение детей в небольшом и плохо оборудованном помещении, которое, к тому же, как отмечено в отчете общества, было сырым

и холодным. Большую помощь в решении вопроса о перемещении питомцев приюта в новое здание оказала участница Дамского комитета А.Е. Анкудинова. В 1913 г. она пожертвовала Обществу милосердия 5 тыс. рублей с условием, что будет куплен дом, часть которого она получит для пожизненного проживания. Комиссия, избранная на заседании Совета Общества, согласилась с этим и выбрала для покупки двухэтажный дом с флигелем и хозяйственными постройками, принадлежавший В.И. Гаврилову. Стоимость имения Гаврилова составляла 16 тыс. рублей. Владелец дома согласился получить за дом 5 тыс. рублей сразу после заключения сделки, а остальные – в течение 10 лет с начислением 4 % годовых. Новое здание приюта потребовало большого ремонта, смета которого, составленная инженером И.Л. Фальковским, составила 3250 руб. [3, с. 103]. Для того, чтобы собрать необходимые для ремонта средства, решено было привлечь пожертвования горожан и дать благотворительный концерт хора архиерейских певчих. Концерт состоялся 9 марта 1914 г. в зале общественного собрания и имел большой успех. Заметка в Екатеринбургских епархиальных ведомостях сообщает, что публики в зале было так много, что «чувствовалась теснота и духота» [4, с. 229]. Духовный концерт принес Обществу милосердия свыше 500 рублей. Не назвавший себя благотворитель пожертвовал на ремонт дома 1000 руб. [2, с. 12]. Почетный попечитель приюта Н.К. Бревнов оплатил установку в здании электрического освещения. В новое здание приют был переведен 20 мая 1914 г. Отремонтированное и оборудованное помещение Дома милосердия оказалось вполне удобным и просторным, хотя, как и предполагалось, три комнаты в нем были отведены благотворительнице А.Е. Анкудиновой.

С началом мобилизации и военных действий в 1914 г. благотворительная деятельность Общества милосердия расширилась. На экстренном заседании Совета Общества 21 июля 1914 г. было решено принять на содержание детей из солдатских семей и открыть в здании приюта небольшой лазарет на 5 кроватей для раненых и больных воинов. Сбор пожертвований на эти цели взял на себя Дамский комитет. К концу 1914 г. больничное помещение было вполне оборудовано. Сумма пожертвований на лазарет в 1914 г. составила 460 руб. 10 коп. В 1915 г. Дамский комитет Общества милосердия передал на содержание лазарета и детей

воинов 1330 руб. [2, с. 18]. Помимо этого, для шитья солдатского белья благотворители создали в здании приюта специальную мастерскую. Совет Общества милосердия обратился к жителям Екатеринбурга с просьбой о пожертвованиях и личном участии в работе мастерской. На собственные деньги и жертвования были закуплены швейные машины и необходимые для шитья материалы. Белье и простыни, пошитые в мастерской, использовались для оборудования лазарета и приюта, излишки же (12 простынь, 60 рубашек, 60 кальсон) в 1915 г. Общество милосердия отправило в Комитет Красного Креста. Лазарет был открыт 26 октября 1914 г., церемонию его освящения провел сам епископ Екатеринбургский и Ирбитский Серафим. В отчете Общества за 1915 г. отмечено, что в лазарете были размещены офицеры.

По решению Совета общества от 21 июля 1914 г. в штатное число воспитанников приюта вошли 10 детей из семей мобилизованных или погибших солдат. Руководители организации отмечали, что, если бы у Общества были дополнительные средства, оно смогло бы принять еще 50 детей, разместив детские кровати во флигеле дома и на втором этаже. Эти площади сдавались внаем для того, чтобы оплатить расходы по покупке дома. За помощью в решении материальных вопросов Совет решил обратиться к городской управе, направив туда для переговоров заместителя председателя и руководительницу Дамского комитета Л.И. Рупинскую [5, с. 663]. Эти переговоры, очевидно, принесли определенный успех. При обсуждении сметы Екатеринбургской городской думы на 1915 г. был поднят вопрос об оказании помощи Обществу милосердия пособием в 300 руб. Присутствовавший на заседании думы представитель духовенства и член Общества милосердия Ф. Коровин попросил увеличить это пособие. Городской голова А.Е. Обухов поддержал эту просьбу. Он заявил: «Братство с начала войны первое отозвалось с своей помощью, приютив ребят, оставшихся после мобилизации сиротами, причем помогло городу без всяких условий, надеясь, что город не останется в долгу» [6, л. 78]. По постановлению собрания думы от 12 февраля 1915 г. Обществу милосердия было предоставлено пособие в 500 руб., что позволило увеличить количество призываемых в приюте детей до 80 человек. В 1916–1917 гг. это городское пособие сохранилось.

В 1915 г., с наплывом в город беженцев, Общество милосердия решило предоставить свободные площади в приютском доме для временного размещения детей из эвакуированных семей, выделив для этого комнату, в которой обычно проходили собрания Совета общества милосердия. На заседании 21 августа 1915 г. руководители организации отметили, что из-за сокращения притока благотворительных пожертвований Общество милосердия не имеет достаточных капиталов для оборудования дополнительных мест. Решено было обратиться за необходимой помощью к Комитету по призрению беженцев в Екатеринбурге. Помощь комитета, однако, оказалась совсем небольшой. В отчете о поступлении средств в кассу Общества милосердия за 1915 год отмечено лишь благотворительное пожертвование в 32 руб. от председательницы Комитета по призрению беженцев.

Несмотря на большие заботы по обустройству приюта, благотворительное общество продолжало оказывать помощь нуждающимся семьям. В 1913 г. денежные пособия от благотворительной организации получили 34 семьи, материальные (мясом, мукой, чаем, сахаром) – 109 семей [1, с. 969]. В годы войны выдача пособий бедным семьям сократилась. Согласно отчету Общества милосердия за 1915 г., эта статья благотворительности составила всего 297 руб. 48 коп. Деньги были выданы шести семействам [2, с. 19].

Подводя итоги, можно заметить, что деятельность Общества милосердия играла значимую роль в решении социальных задач города Екатеринбурга, особенно в годы войны. Это было замечено и горожанами, и государством. В 1916 г. «за усердную работу по призрению бедных детей» Общество получило высочайшую благодарность [7, с. 325]. Современные историки признают, что создание подобных общественных организаций было одним из элементов реформирования русской православной церкви, повышения ее авторитета [8, с. 139], что было чрезвычайно важно в сложных общественных условиях начала XX в., когда религиозно-нравственные качества населения подвергались серьезным испытаниям, а общим явлением среди интеллигенции стала «теплохладность», или безразличие к вере.

Библиографический список

1. Отчет о деятельности Екатеринбургского общества милосердия за 1913 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1914. – № 44. Отдел неофициальный.
2. Отчет о деятельности общества милосердия в 1915 году // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1916. – № 13. Особое приложение.
3. В обществе милосердия // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1914. – № 5. Отдел неофициальный.
4. Духовный концерт // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1914. – № 11. Отдел неофициальный.
5. В Обществе милосердия // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1914. – № 30. Отдел неофициальный.
6. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1991.
7. В обществе милосердия // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1916. – № 39. Отдел неофициальный.
8. Нечаева М.Ю. Православные общественные организации и гражданское общество в России на рубеже XIX–XX вв. // Quaestio Rossica. – 2014. – № 3. – С. 124–141.

УДК 94(470.5)“1914”

Л.А. Долгих*

**ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЩЕНИЯ
ПРИНЦЕССАМИ БАТТЕНБЕРГСКИМИ
НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА**

Ключевые слова. *Виктория Баттенбергская, Нижнетагильский горный округ.*

Аннотация. *Автор излагает подробности путешествия принцессы Виктории Баттенбергской и её дочери Луизы по территории Нижнетагильского горного округа летом 1914 года. Насыщенная программа и тщательно продуманный маршрут позволили продемонстрировать именитым путешественницам красоту и уникальность местной природы, богатство недр и промышленную мощь Урала.*

* Долгих Людмила Анатольевна, Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, зав. отделом природы (Кунгур, Россия); e-mail: miladolgikh@yandex.ru.

** **Dolgikh Lyudmila Anatolyevna**, Kungur Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Head of the Department of Nature (Kungur, Russia); e-mail: miladolgikh@yandex.ru.

L.A. Dolgikh**

FROM THE HISTORY OF THE VISIT OF THE PRINCESSES OF BATTENBERG TO THE NIZHNY TAGIL MINING DISTRICT

Keywords. *Victoria Battenberg, Nizhny Tagil Mining District.*

Abstract. *The author describes the details of the journey of Princess Victoria of Battenberg and her daughter Louise through the territory of the Nizhny Tagil Mining District in the summer of 1914. A rich program and a carefully thought-out route allowed famous travelers to demonstrate the beauty and uniqueness of the local nature, the wealth of mineral resources and the industrial power of the Urals.*

Летом 1914 г. состоялось путешествие по Пермской губернии сестры российской императрицы Александры Федоровны и Великой княгини Елизаветы Федоровны принцессы Виктории Баттенбергской и её дочери Луизы, будущей королевы Швеции [1, с. 100]. В числе объектов, включенных в программу знакомства высоких гостей с главными достопримечательностями Урала, были Нижнетагильский завод и Авроринский прииск [2, л. 32]. Архивные материалы и публикации в периодических изданиях Пермской губернии сохранили подробности этого путешествия.

От столицы губернии до центра Нижнетагильского округа именитые путешественницы добрались по Уральской Горнозаводской железной дороге [3, с. 3]. 14 июля около часа дня поезд с иностранными принцессами, вице-губернатором и сопровождающими лицами прибыл на станцию Нижний Тагил [2, л. 30]. На тройках высокие гости были доставлены на берег заводского пруда, где их торжественно встретили представители заводской администрации. Волостной старшина Троицко-Алексеевской волости И.М. Пестов от имени населения Нижнетагильского завода приветствовал гостей и поднес хлеб-соль, а также наполненные кедровыми шишками бураки, изготовленные местными мастерами. От завода именитым гостям были вручены два образца местного малахита. Купец И.Ф. Уткин подарил драгоценный камень «хризолит» (так в прошлом на Урале называли демантоид). Встречали принцесс и ученицы местной гимназии. Одна из девочек произнесла приветственную речь на немецком языке, чем вызвала особую благодарность

Ее Высочества. После этого высокие гости продолжили путешествие на заводском пароходе «Тагил», который прошел по пруду, а затем вверх по реке Тагил [4, с. 3].

Находившиеся на палубе принцессы любовались окрестностями. «Впереди парохода шла моторная лодка с оркестром духовой музыки. Вслед за пароходом двинулась целая флотилия красиво убранных цветами лодок переполненных народом. Вдоль берега пруда также стояли толпы народа, провожавшие пароход криками ура и бросанием шапок вверх», – писали газеты того времени [4, с. 3]. По свидетельству очевидцев, принцесса Виктория осталась довольна игрой оркестра и соблаговолила подарить музыкантам букет цветов.

Судно доставило путешественниц до станции заводской узкоколейной железной дороги. Именитые особы сошли на берег, где были встречены хором Нижнесалдинского завода, исполнившим «Многие лета» и несколько народных песен. Далее высокие гости разместились в роскошно декорированном вагоне и в сопровождении хора отправились до станции Черноисточинского завода. Здесь они были радушно встречены местным населением, «главным образом старообрядцами, которые поднесли Ее Высочеству хлеб-соль», старинный женский головной убор – кокошник и «старинного письма книгу “Каноны”, очень ценную для старообрядцев, написанную по преданию более 200 лет назад» [4, с. 3]. Ученицы местной школы вручили «букеты белых водяных лилий, помещенных в старинный кувшин, каких сейчас не найти нигде, кроме музеев» [4, с. 3]. Присутствовавший при встрече хор православной церкви исполнил народный гимн, а хор старообрядцев один из своих канонов. Поблагодарив за приветствие и подарки, принцессы вернулись в вагон, и поезд двинулся до станции Урал.

Сойдя с поезда и разместившись в экипажах, «под звуки оркестра и крики народа их высочества отбыли на Авроринский прииск, находящийся приблизительно в 9 верстах» [4, с. 3]. Здесь именитые гости, радушно встреченные приисковыми и заводскими рабочими, получили огромное количество подарков. В числе подношений оказались коллекционные образцы уральского малахита, железный и медный подносы, выкованные вручную из одного куска металла бокалы и графин, визитная карточка из кровельного железа, ящик для визиток из карельской березы, сундук для

хранения образцов и прочие изделия местных кустарей. Вручили высокородным путешественникам и продукцию заводов Нижнетагильского округа: три железных узла, три образца рельсов, и три образца кровельного железа. Почетных гостей крупнейшего демидовского прииска запечатлели местные фотографы. Приняв щедрые подношения, их высочества перешли на драгу и ознакомились с процессом добычи платины. В память о сокровищах уральских недр принцессам были вручены 4 платиновых самородка, из числа добытых за последнее время в Нижнетагильском округе. Вечером, на квартире управляющего прииском, был дан обед в честь именитых гостей, сопровождавшийся игрой духового оркестра, пением хора [4, с. 3]. Около 9 часов вечера принцессы и их свита отбыли на лошадях на станцию «Урал», украшенную праздничной иллюминацией и заполненную толпой народа [2, л. 32]. Все промежуточные железнодорожные станции и разъезды на пути следования высоких гостей были залиты массой огня. По узкоколейке высокородные путешественницы вернулись в освещавшийся яркими прожекторами Нижний Тагил [2, л. 29]. Находившийся на горнозаводской линии поезд доставил принцесс в Екатеринбург [4, с. 2].

Пребывание Виктории Баттенбергской и ее дочери Луизы на Тагильской земле было непродолжительным. Однако насыщенная программа и тщательно продуманный маршрут позволили продемонстрировать именитым путешественникам красоту и уникальность местной природы, богатство недр и промышленную мощь Урала.

Библиографический список

1. Долгих Л.А. Из истории посещения Урала принцессами Баттенбергскими // Четырнадцатые всероссийские научные чтения памяти ильменского минералога В.О. Полякова. – Миасс, 2013.
2. ГАПК. Ф. 65. О. 2. Д. 514.
3. Отъезд Их Высочеств в Нижний Тагил // Пермские губернские ведомости. – 1914. – 15 июля.
4. Путешествие Их Высочеств по Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. – 1914. – 17 июля.

УДК 93/94

Е.В. Злобарева*

ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ, ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Ключевые слова. *источниковедение, история повседневности, вещный мир, социальная стратификация, XVIII век.*

Аннотация. *В работе раскрывается потенциал такого исторического документа, как опись имущества. Предпринимается попытка проследить содержание описей нескольких представителей уральской горной администрации 1730-х – 1740-х гг. и сделать некоторые предварительные выводы об общем и частном их вещного мира, а также сопоставить содержание документа с биографией человека.*

E.V. Zlobareva**

INVENTORY OF PROPERTY AS A HISTORICAL SOURCE: SPECIFICS OF CONTENT, INFORMATION POTENTIAL

Keywords. *source studies, the history of everyday life, the material world, social stratification, 18 century.*

Abstract. *The work reveals the potential of such a historical document as an inventory of property. An attempt is made to trace the contents of the inventories of several representatives of the Ural mining administration of the 1730s–1740s and to draw some preliminary conclusions about the general and particular of their material world, as well as to compare the contents of the document with the biography of a person,*

История повседневности – сравнительно молодое направление исторических исследований, сформировавшееся в XX в. В центре ее внимания находится комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев

* Злобарева Екатерина Вячеславовна, студентка III курса Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: ekaterinazlobareva@mail.ru.

** Zlobareva Ekaterina Vyacheslavovna, 3rd year Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: ekaterinazlobareva@mail.ru.

населения, поведение людей и их эмоциональные реакции на различные жизненные события [1, с. 3]. Повседневность в широком смысле – это все, что окружает человека в его обыденной жизни. Вещи человека позволяют выявить его интересы, увлечения, род занятий, состав семьи, социальный статус и многое другое. Все это можно узнать, изучив описи имущества.

В зависимости от ситуации опись имущества могла быть частью судебно-следственной документации, например, если имущество описывалось из-за долгов, а могла быть и самостоятельным документом – посмертная опись. Для составления описи создавалась небольшая команда из 3–4 человек, в которую входили делопроизводитель и оценщики имущества. В отличие от делопроизводителя, оценщики не были государственными служащими.

Первая из рассмотренных нами описей составлена на имущество Мирона Яковлевича Вистицкого, 1703 г. р., происходившего из детей боярских Невьянской слободы и служившего в Сибирском обер-бергамте, а затем (с 1728 по 1732 гг.) – управителем Чусовских казенных пристаней [2, с. 80–81]. От него осталось немного драгоценностей, пара икон, но зато разнообразный текстиль и множество предметов посуды. По описи можно предположить состав его семьи: вероятно, у него были жена и ребенок. Об этом свидетельствуют пункты: «рубашка женская льняная поношенная; шубка женская стринная камчатая зеленая на полах кружево шелковое цветное на белечем меху; телогрейка кытайчетая децкая подбита зенденым; положек децкой» [3, л. 150–153].

Другая опись была составлена по смерти Иоганна Гейнша, учителя-иностранца, прибывшего на Урал по контракту в 1735 г. Опись включает большое количество бытовых предметов: посуду из серебра, фарфора, меди, олова и хрустала; предметы мужского, женского и детского гардеробов («шапок детских тафтяных алых с сетками серебряными две»). В статье А.М. Сафроновой говорится: «Вероятно, Гейнш был молодым человеком, недавно женатым ... Он прибыл в Екатеринбург с женой и малолетним шурином, братом жены. В середине сентября 1737 г. в семье родился сын Иоганн, но жена, видимо, скончалась во время родов или вскоре после них» [4, с. 318–319]. Также опись позволяет узнать и об увлечениях членов семьи: шитье, садоводство, карточные игры, чтение литературы. Об этом говорят такие пункты, как «нитей

белых тонких два, потолще два ж мотка; разных семен в семнадцать бумашках; карты новые одне; книг разных немецких в переплетах сорок девять, о немецких комедиях семнатцать, о русских таких же дватцать три».

В описи имущества капрала М. Барышникова перечислена посуда из различных материалов, предметы мужского, женского и детского гардеробов, немного драгоценностей и икон, а также пистолет.

Сопоставив три описи, обозначим общее и различное в их содержании. Для этого всю совокупность представленных в них предметов разделим на группы. Во всех описях есть схожие предметы, например оловянная посуда. Олово хорошо сохраняет прохладу напитков, не впитывает запахи, оловянная посуда доступна по стоимости. Наравне с оловянной широко использовалась посуда из дерева и меди. Во всех трех описях встречаем скатерти, одеяла, простыни. Анализ описей показывает схожесть гардероба трех фигурантов. Так в гардеробах Барышникова и Гейнша присутствуют детские вещи, а у Вистицкого их нет, но в его описи имеется «положек децкой». Иконы упомянуты во всех изучаемых описях. Кроме того, в описях имущества Барышникова и Вистицкого, вероятно, обнаруживаются нательные кресты, а у Гейнша их нет. Лошади присутствуют в описях Барышникова и Гейнша. Иной скотины в описях не указано. Только у Барышникова достаточно подробно описано жилье – «изба с сенями, с двором, огорожен заплотом, ворота в столбах, доски напиленные, 9 бревен не тосты, ухват один, кочерга изломана, стол небольшой, слюденные окна, горница без потолка и без верха» [3, л. 152]. Из предметов досуга в описи имущества Гейнша обнаруживаются нити и карты. Вероятно, жена увлекалась вышиванием, а он карточными играми [4, с. 320]. Отметим и группу предметов, связанную с профессиональной деятельностью владельцев: в описях имущества Вистицкого и Барышникова имелись пистолеты, а у Гейнша подобных вещей не находим.

Таким образом, описи имущества позволяют устанавливать состав семьи, увлечения, интересы человека, сферу профессиональной занятости, а также уровень благосостояния, т. е. отчасти реконструировать его образ жизни.

Библиографический список

1. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «Истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5.
2. Цеменкова С.И., Черноухов А.В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. – 446 с.
3. ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 37.
4. Сафронова А.М. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2016. – Вып. 16.

УДК 908 (614.543.3)

А.П. Карпеева***ДОКТОР СПАССКИЙ – САНИТАРНЫЙ ВРАЧ
ВОТКИНСКОГО ЗАВОДА**

Ключевые слова. *Воткинск, Воткинский пруд, доктор Спасский, химический анализ воды.*

Аннотация. *Ираклий Александрович Спасский (1850–1923) – доктор медицины, один из первых санитарных врачей Воткинска. В 1904 г. он опубликовал в городе Вятке материалы своих исследований «Санитарные очерки Воткинского завода. Химический анализ вод, употребляемых в пищу и питье жителями Воткинского завода». Публикация хранится в фондах Музея истории и культуры г. Воткинска и до сего времени материалы, представленные здесь представляют интерес для специалистов разных научных направлений: от историков и краеведов, до экологов и гидрологов.*

A.P. Karpeeva****DOCTOR SPASSKY – THE MEDICAL SPECIALIST
OF THE VOTKINSK FACTORY**

Key words. *Votkinsk, Votkinsk's pond, Doctor Spassky, chemical analysis of water*

* **Карпеева Алла Павловна**, ученый секретарь МАУ «Музей истории и культуры г. Воткинска» (Воткинск, Россия); e-mail: allalununya@gmail.com.

** **Karpeeva Alla Pavlovna**, Scientific Secretary of the UIA “Museum of History and Culture of Votkinsk” (Votkinsk, Russia); e-mail: allalununya@gmail.com.

Abstract. *Irakli Aleksandrovich Spassky (1850–1923) – medical doctor, one of the first medical specialists of Votkinsk city. In 1904 he published in the city of Vyatka the materials of his researches “Sanitary essays of the Votkinsk’s plant. Chemical analysis of waters used for food and drink by citizens of the Votkinsk factory. The publication is kept in the collections of the Museum of History and Culture of Votkinsk and till these days these materials are relevant to specialists in various scientific fields: from historians and local historians, to ecologists and hydrologists.*

«Заводской пруд есть истинный кормилец жителей нашего селения...», – писал один из первых санитарных врачей Воткинска, доктор медицины Ираклий Александрович Спасский (1850–1923) в своей книге «Санитарные очерки Воткинского завода. Химический анализ вод, употребляемых в пищу и питье жителями Воткинского завода» [1, с. 191].

История пруда теснейшим образом связана с историей Воткинского завода. В 1757 г. владелец Гороблагодатских заводов граф П.И. Шувалов получил разрешение на строительство нового железоделательного завода на реке Вотка. Спустя два года, 21 сентября 1759 г., были пущены в действие два кричных молота. Завод начинался с плотины, длина ее составляла почти 382 сажени, она стала самой большой из числа построенных ранее на Урале и образовала пруд «наибольший поперечник которого 2 версты, в длину вверх по реке Вотке 15 верст» [1, с. 112].

22 июля 1866 г. «Вятские губернские ведомости» опубликовали «Сообщение из Воткинского завода», в котором писалось: «Заводской пруд, по обширности и глубине своей, имеет полное право на название большого озера... На двух сторонах его раскинуто 3 тысячи домов, с 16 тысячами жителей, а в середине обширный завод с его фабриками. В длину всей плотины пруда рассажен прямолинейный бульвар, по середине которого стоит памятник в ознаменование посещения Воткинского завода, в 1837 г., Государем-Наследником.» [2, л. 45].

В 1899 г. та же газета опубликовала иное описание санитарного состояния пруда и заводского поселка: «...завод в санитарном отношении имеет массу вопиющих недостатков, несмотря на то, что здесь когда-то кем-то была основана санитарная комиссия, которая, говорят, существует и поныне, но этому трудно верить...

Рис. 1. Семья Спасских, 28 июня 1892 г. [7, с. 6]

На заводской пруд (а водою этого пруда пользуется добрая половина всего населения) сваливаются под видом чистого снега всякие отбросы со дворов обывателей. Отхожее место на рынке устроено чрезвычайно близко к мясным рядам и пруду» [3, л. 11]. Судя по стилю и знанию положения «изнутри», можно предположить, что эта статья принадлежит перу И.А. Спасского.

Его отец, Александр Яковлевич, служил в Вятской казенной палате. В семье было семь сыновей и три дочери. Старший из сыновей, Николай Александрович (1846–1920), был литератором, краеведом, статистиком и библиофилом. Братья Аркадий (1848–1880) и Валериан (1849–1876) учились в Петербурге. Аркадий – на естественно-историческом факультете университета, Валериан – в Медико-хирургической академии. Оба принимали участие в народническом движении и в 1869 г. на короткий срок были заключены в Петропавловскую крепость. Окончив курс академии, Валериан Александрович работал земским врачом в с. Сернур Уржумского уезда. Павел Александрович (1859–1920) работал земским врачом в Уржуме [4]. Таким образом, можно говорить о целой когорте врачей Спасских (рис. 1).

Ираклий Александрович окончил Петербургскую медико-хирургическую академию и с 1876 г. служил земским врачом при Ижевском оружейном заводе. Здесь он подготовил материалы

для диссертации на степень доктора медицины «Опыт изучения влияния некоторых работ ижевских оружейников на их здоровье и физическое развитие», которую успешно защитил в своей «alma mater» в 1888 г. Обследования ижевских рабочих Ираклий Александрович начал весной 1880 г. и продолжил в 1881 и 1883 гг. Как пишет автор, ему пришлось «вдали от центров, приходилось составить программу совершенно самостоятельно, не имея возможности пользоваться чужою опытностью». В 1884 г. земский врач Спасский был переведен в Воткинский завод, поэтому обрабатывать ижевские материалы пришлось «вдали от места наблюдений» [5].

Приступив к работе в Воткинском заводском госпитале в 1885 г., И.А. Спасский продолжил исследования на тему, волновавшую его не только как ученого, но и как врача, обеспокоенного состоянием здоровья своих пациентов и окружающей среды. Уже в 1896 г. в «Календаре Вятской губернии» был опубликован его материал «Состав населения Воткинского завода по сравнению с другими Уральскими горными заводами». В работе была дана характеристика населения завода по полу, возрасту, семейному положению, роду занятий и составу хозяйства (размер дома, наличие домашнего скота и пр.).

Но наиболее интересный материал, не потерявший своей актуальности и значимости в наше время, собран Спасским в его втором исследовании «Санитарные очерки Воткинского завода. Химический анализ вод, употребляемых в пищу и питье жителями Воткинского завода» (1904 г.): «Воткинский железоделательный и паровозо-судостроительный завод расположен по обе стороны реки Вотки, вытекающие из болот и лесов северной части Сарапульского уезда Вятской губернии и впадающей в четырех верстах от завода в реку Сиву, изливающуюся, в свою очередь, в 70 верстах от завода в реку Каму... При начале завода в реку Вотку впадают две небольшие речки, притекающие сюда тоже с севера Сарапульского уезда – Шаркан и Березовка. Несколько южнее от впадения этих двух речек река Вотка запружена огромной капитальной плотиной, пролегающей поперек заводского поселения на протяжении 400 сажен. Выше этой плотины и образовался огромный заводской пруд и слияния трех вышеупомянутых речек Вотки, Шаркана и Березовки... Заводской пруд имеет более или менее округлое очертание, северный и восточный берега его гористые,

остальные же низменные. Северный берег покрыт лесом и необитаем. С северо-западной стороны вливаются реки Воткка и Шаркан, с северо-восточной – речка Березовка. Восточный берег пруда довольно круто поднимается, начиная от самого пруда и переходит в высокую песчаную гористую местность... Весь восточный берег пруда по склону к воде, застроен селением и представляет самую лучшую и здоровую часть завода. Улицы в этой части завода почти всегда сухи и чисты, так как имеют естественный уклон к пруду, – почва же здесь чисто песчаная. ... По восточному берегу пруда селение тянется не менее 2–3 верст... Западный берег пруда первоначально довольно низменный, а в расстоянии полуверсты от пруда полого понимается на довольно большую высоту (20–30 саженьей) и переходит в сухую лесную местность. Почва восточной части завода сырая, глинистая, холодная. ... С южной стороны пруд загражден плотиной, ниже которой и расположены фабричные и заводские здания. Ниже плотины из фабричной ограды вытекает река Вотка и направляется прямо на юг. На протяжении одной версты по обоим берегам этой части реки раскинута большая часть селений завода. Оба берега реки вначале низкие, в особенности же левый берег, который несколько южнее переходит прямо в болото. Большая часть селения находится в низменной части правого берега реки Вотки и только небольшая часть селения раскинулась на возвышенной местности. ... Если выехать на середину заводского пруда и посмотреть на селение, то оно представляется в виде узкой полосы, опоясывающей с трех сторон бассейн пруда и со всех сторон окруженной холмами. Вполне понятно после этого, что заводское селение модно обозреть со всех сторон, с какой бы сторону к нему не подъехал» [1, с. 111–113].

Сделав подробное описание Воткинска начала XX столетия, И.А. Спасский обратил внимание на качество прудовой воды: «это огромная даровая сила многих заводских фабрик., источник для питья большинства населения; ...источник рыболовного промысла., доставляющего доход многим жителям., пруд доставляет неисчерпаемый запас воды для всяких хозяйственных нужд, стирки, мытья, купанья, тушения пожаров и проч. Но воткинцам показалось этого мало, и они приспособили свой пруд для удовлетворения еще одной житейской нужды, а именно для вывоза и свалки навоза и великого рода нечистот и тем отравили и испортили в сущности

недурную воду пруда...» [1, с. 191–192]. Спасский брал пробы воды и подвергал их химическому анализу. Из полученных данных он сделал вывод, что «прудовая вода имеет весьма мало растворимых веществ, в ней мало хлора, серной кислоты и окислов азота, она мягкая, в ней очень мало извести и еще менее магнезии. В воде много всевозможных инфузорий и таких следов загрязнения, как яйца различных глистов, водящихся в кишечнике человека... Обнаруживается, что прудовая вода негодностью своей почти всецело обязана “особой заботливости” воткинских обывателей. В камской и сивинской воде ничего подобного не наблюдается» [1, с. 192–195].

Деятельность доктора Спасского по сохранению чистоты пруда не нашла поддержки и одобрения у местных жителей. Во время мартовской забастовки 1902 г. его «под руки вывели из госпиталя, всячески оскорбляя его и обвиняя в том, что он чинит препятствия для жизни в Воткинске простым людям: требует запретить проезд зимой по пруду с Нагорной части в Зареку и Конанок, не дает женщинам мыть белье». [2, л. 71]. Невзирая на сильнейшее потрясение, доктор продолжал свою работу и спустя два года дал четкие рекомендации, как сохранить качество прудовой воды. «Я считаю этот вопрос весьма важным, и полагаю уместным рекомендовать следующие меры: запретить свозить на пруд в зимнее время не только нечистоты, но и простой снег, в котором весьма нередко оказывается навоз и прочее; запретить укреплять берега навозом; запретить мытьё на берегу пруда белья и одежды; уничтожить базарные зимние стоянки на льду пруда и в прочее время года и на отмелях прудовых; по возможности не пролагать зимних дорог по пруду» [1, с. 196–197].

Ираклий Александрович работал в Воткинске до 1911 г., а с 1914 г. трудился в Вятке, специализируясь на лечении туберкулеза. В 1918–1919 гг. Спасский работал в Вятской губернской больнице, где некоторое выполнял обязанности заведующего психиатрическим отделением, а также преподавал в фельдшерской школе и занимался частной практикой [6]. К сожалению, многое в его биографии по сей день остается «за кадром».

Библиографический список

1. Спасский И.А. Санитарные очерки Воткинского завода. Химический анализ вод, употребляемых в пищу и питье жителями Воткинского завода. Вятка, 1904.

2. МАУ «Музей истории и культуры г. Воткинска». Коллекция документов основателя музея В.Н. Ступишина. Д. 98.
3. МАУ «Музей истории и культуры г. Воткинска». Коллекция документов Ф.В. Стрельцова. Д. 31.
4. Пентина Н.Б. Земский врач Павел Александрович Спасский. Герценка: Вятские записки: [научно-популярный альманах]. Вып. 4 / Киров. гос. универс. обл. науч. Библиотека им. А.И. Герцена Электронный ресурс. URL:https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number4&ELEMENT=gerzenka4_5_1
5. Русских С.Б. Земский доктор об ижевских оружейниках. Библиотечный краеведческий блог «Край удмуртский». Электронный ресурс. <https://udmkrai.unatlib.ru/?p=2216>
6. Рашковский А.Л. Как работали и сколько зарабатывали вятские врачи в 1918 году. Электронный ресурс. <http://www.besttoday.ru/read/8234.html>.
7. Александр Сергеевич Шкляев. Основатель Пермской научной гидрометеорологической школы (к 100-летию со дня рождения). / Под ред. Д.Е. Клименко; сост. В.А. Шкляев, Н.А. Калинин, А.Б. Китаев, А.П. Лепихин, Д.Е. Клименко. Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Пермь, 2019. 92 с.: с ил. [Электронный ресурс] <https://elis.psu.ru/node/595382>

УДК 94(47).083

Н.Б. Кончаковская*

СТРУКТУРА СЕМЕЙ ПЕРМСКИХ ГОРОЖАН В КОНЦЕ XIX В.

Ключевые слова. *Семья, город Пермь, средняя людность, нуклеарная семья, Первая Всеобщая перепись Российской империи 1897 г., типология семьи П. Ласлетта.*

Аннотация. *Автор рассматривает состав городской семьи на примере г. Перми конца XIX в. по материалам Всеобщей переписи Российской империи 1897 г. и документам церковного учета населения – исповедным (рописям) ведомостям. Выявлены распределение семей по людности и структуре. Использование данных источников позволяет изучать семьи, принадлежавшие к разным городским сословиям и социальным группам.*

* **Кончаковская Наталия Борисовна**, соискатель, Институт истории и археологии УроРАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: natalia_konchak@mail.ru.

** **Konchakovskaya Nataliya Borisovna**, PhD student, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: natalia_konchak@mail.ru.

N.B. Konchakovskaya**

THE STRUCTURE OF FAMILIES OF PERM CITIZENS AT THE END OF THE 19 CENTURY

Key words. *Family, Perm, average population, nuclear family, the First General Census of the Russian Empire in 1897, typology of the family of P. Laslett.*

Abstract. *The author considers issues of the structure of the city family of Perm at the end of the 19 century. The author revealed the distribution of families by average population in families (according to statistics). A study of the structure of the city family was undertaken according to the documents of church registration of the population – «Ispovednye vedomosti». Using these sources allows you to study families belonging to different estates and social groups.*

В конце XIX в. в России происходили значимые по своему масштабу процессы модернизации, в первую очередь эти изменения проявлялись в городах. Губернская Пермь являлась одним из наиболее крупных по численности населения среди городов Пермской губернии, интенсивно развивавшимся центром модернизации. Данный период здесь был озаглавлен демократизацией отношений в молодежной среде, процессами женской эмансипации, развитием товарно-денежных отношений и пр., что могло приводить к изменениям в семейной структуре.

Важным в исследованиях состава городской семьи конца XIX в., является привлечение разных источников – как статистических, так и первичных документов учета населения, например, посемейных списков. По данным Первой Всеобщей переписи 1897 г. можно сделать анализ показателей людности, проследить распределение семей по количеству членов семьи, сравнить эти значения с аналогичными в других городах и уездах Пермской губернии. Людность является одной из значимых характеристик количественного состава семьи, этот показатель обозначает число входивших в нее лиц. Количественный состав семьи по мнению отечественных исследователей связан с хозяйственной деятельностью семьи, ее социальным положением, образом жизни, внутрисемейными отношениями и т.д. [3, с. 160; 5, с. 220–238].

Информативным статистическим источником по определению средней людности семьи для исследователей являются материалы

Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В данных Переписи содержатся сведения о распределении семей по средней людности, а также указано число мужчин и женщин, входивших в них.

Согласно таблице 1, составленной по сведениям Переписи, средняя людность семей в Перми была ниже аналогичного значения по городам губернии и составлял 3,5 человека (меньше только в Ирбите – 2,9 человека). Для сравнения, в Екатеринбурге средняя людность семьи насчитывала 3,8 человек, в большинстве остальных городов 3,9–4,5 человек. В пореформенное время по оценке Е.Ю. Алферовой средний размер городской семьи на Урале насчитывал 5–6 человек, к концу XIX в., как мы видим, этот показатель стал ниже. Для сравнения, в Тобольске (как и в среднем в городах Западной Сибири) в конце XIX в. средняя людность семьи составляла 4,2 человека [3, с. 143]. Средняя людность семьи Перми была ниже значения (4,3 человека) и по городам Европейской России [5, с. 232].

Таблица 1

Количество и средняя людность семей
в городах и уездах Пермской губернии, 1897 г.*

Города / уезды	Число семей	Число человек в семьях	Средняя людность семей**
Пермь	8 503	29 512	3,5
Екатеринбург	7 448	28 347	3,8
В городах	31 758	117 527	3,8
В уездах (без городов)	544 627	2 613 698	4,8

* Составлено по: [6, с. 3,4]

** отношения общего количества людей в семьях к числу семей

Как показывает таблица 2, в Перми проживали в большинстве семьи, небольшие по численности – здесь достаточно много имелось одиночек – людей, не имевших семьи и семей, состоявших из двух человек – 25,0 %. Доля последних была больше, чем аналогичная в среднем в городах. Доли семей из трех человек и более в Перми были ниже значений по остальным городам губернии и по Екатеринбургу. В последнем, например, проживало меньше семей, состоявших из двух человек – 22,0 %; показатели количества семей остальных категорий распределялись более «плавно». В Перми насчитывалась самая низкая в губернии доля семей, состоявших из пяти, шести или десяти человек.

Таблица 2

Численность семей в городах и уездах
Пермской губернии, 1897 г., абс. знач./% *

Состав семьи	Пермь	Екатеринбург	В городах	В уездах (без городов)
2 чел.	2130/25,0	1638/22,0	7212/22,7	62 705/11,5
3 чел.	1662/19,5	1406/18,9	5883/18,5	75 984/14,0
4 чел.	1304/15,3	1111/14,9	4881/15,4	85 348/15,7
5 чел.	915/10,8	931/12,5	3767/11,9	85 402/15,7
6–10 чел.	1375/16,2	1583/21,3	6335/19,9	200 197/36,8
11 и более чел.	29/0,3	43/0,6	147/0,5	13 735/2,5

* Составлено по: [6, с. 3,4].

В Перми в структуре семей, состоявших из двух и более человек, количество женщин было больше количества мужчин в среднем в 1,14 раза, для сравнения, в Екатеринбурге – в 1,16 раза. В остальных городах в семьях данной категории преобладали женщины – в среднем их было больше, чем мужчин в 1,13 раза.

Более полное представление о семье дает анализ ее структуры, однако для него не подходят агрегированные данные статистики. Мы предприняли попытку использования в качестве источника документы церковного учета населения – исповедные ведомости (росписи) православных церквей. Данный источник представляет собой официальный документ, предназначенный для отчета приходских священников перед Духовной консисторией [8]. Исповедные ведомости – это ежегодные посемейные списки прихожан церкви по основным городским сословиям и социальным группам, которые составлялись приходским клиром. В списках делались отметки о посещении исповеди каждым членом семьи, поэтому дети до 1 года могли не учитываться при их составлении. Глава семьи указывался в списке первым, затем записывались остальные члены семьи, вначале супруга главы семейства с детьми, потом другие родственники.

Наиболее значимые исследования по изучению структуры семьи в городах Пермской губернии в рассматриваемый период были проведены В.В. Белослудцевой (мещанские семьи конца XIX – начала XX вв. по посемейным спискам гг. Перми и Чердыни) и Ю.В. Боровик (исследование, посвященное семьям старообрядцев г. Екатеринбурга) [1,2]. Нами обработаны исповедные ведомости Градо-Пермской Свято-Троицкой церкви г. Перми за 1897 г. [4, л. 1–45]. В данных документах прихожане распределены

по социальным группам: духовенство, военные и статские (гражданские) чиновники, купцы, мещане. В ведомости включены также разночинцы. Следует учитывать, что подавляющее число военных и гражданских чиновников составляли дворяне. Исповедные ведомости зафиксировали представителей следующих сословных групп: 31 человек из духовенства, 220 – из чиновников военных, 74 – из гражданских, 106 – из купцов, 1574 – из мещан и 213 из разночинцев. Крестьяне в данных списках отсутствуют.

Для изучения структуры семьи по данным исповедных ведомостей можно распределить все семьи, указанные в списках, по типам семейной организации, используя одну из классификаций семей современной исторической демографии. Ее разработка принадлежит П. Ласлетту и широко используется в заграничных исследованиях по истории семьи [7, с. 136–138]. Из предложенных в ней типов семей нами было отобрано 5: 1-й представляют собой отдельно проживающие одиночки; 2-й – группа родственников или неродственников, не образующих семьи, но ведущих общее хозяйство; 3-й – простая малая (нуклеарная) семья, состоявшая только из супругов или супругов с неженатыми детьми (в т. ч. семьи вдов и вдовцов с неженатыми детьми); 4-й – расширенная семья, состоящая из супружеской пары с детьми и родственников, не находившихся друг с другом в брачных отношениях (мы включили в данную категорию семьи вдов и вдовцов (с неженатыми детьми), проживавшие вместе с родственниками или группой родственников, без супружеских пар); 5-й – составная, или сложная семья, включавшая две или более супружеские пары. В эту категорию включаются и большие патриархальные отцовские или братские семьи, включавшие несколько поколений одного предка, образующих 3–5 и более супружеских пар.

По результатам исследования, сгруппированным в таблице 3, видно, что у горожан преобладали простые нуклеарные семьи – супруги (или вдовцы и вдовы) с неженатыми детьми. Семьи духовенства относились в большей степени к простым нуклеарным, среди них совсем не было составных семей. Большинство семей мещан относились также к нуклеарным семьям. Часть мещанских семей были расширенными за счет проживания вдов с женатыми сыновьями. Также около 13 % мещанских семей относились к составным семьям (из нескольких супружеских пар). Среди

Таблица 3

СТРУКТУРА СЕМЬИ У ПРИХОЖАН СВЯТО-ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ
г. ПЕРМИ, 1897 г., абс. знач. /%*

Сословие	Типы семей					Всего семей
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	
Духовенство	1/14,3	–	5/71,4	1/14,3	–	7
Дворяне (военные чиновники)	14/20,0	4/5,7	42/60,0	8/11,4	2/2,9	70
Дворяне (гражданские чиновники)	7/26,9	1/3,8	12/46,2	4/15,4	2/7,7	27
Купцы	–	–	12/50,0	8/33,3	4/16,7	24
Мещане	47/13,4	6/1,7	182/51,7	72/20,5	45/12,8	388
Разночинцы	4/8,3	1/2,1	27/56,3	4/8,3	12/25,0	51
Всего по приходу	73/13,9	12/2,3	268/50,9	97/18,4	65/12,3	567/100

* Расчеты автора по: [4 л. 1–45]

них больше всего было братских семей. У разночинцев сложилась аналогичная ситуация, но больше насчитывалось составных семей (25 %).

Представители дворянства – военные, гражданские чиновники, либо придерживались сингулярного образа жизни, либо проживали в нуклеарных семьях. Высокий процент вдов, живших самостоятельно, не в семьях детей, по сравнению, например, с мещанами, может быть связан с организацией призрения вдов на муниципальном и государственном уровне, выплате пенсий. Семьи, представленные группой родственников, более распространенными были среди военных чиновников.

В купеческой среде насчитывался самый высокий процент расширенных и достаточно много составных семей (суммарно на них приходилась половина), среди купцов не было зафиксировано одиночек и семей, состоящих из группы родственников. Овдовевший родитель чаще всего проживал вместе с одним (или несколькими) своими женатыми сыновьями.

В Перми проживало большое количество одиноких вдов, а также вдов с несовершеннолетними неженатыми сыновьями и незамужними дочерьми. Так, в среде духовенства насчитывалась одна одинокая вдова, среди военных чиновников было записано 9 таких вдов из 14 одиночек, среди гражданских чиновников – 4 из 7; у разночинцев – 1; у мещан, на которых приходилось большинство семей – из 47 одиночек насчитывалось 35 вдов. Среди купеческих

семей вообще не было одиноких вдов и вдовцов. Вдовы с нежелательными детьми были представлены в 2 из 5 нуклеарных семей духовенства, в 7 из 42 семей военных чиновников, 6 из 12 семей гражданских чиновников, 5 из 12 купеческих семей, 35 из 182 мещанских семей, 6 из 27 семей разночинцев.

В целом, среди прихожан Градо-Пермской Свято-Троицкой церкви г. Перми больше всего насчитывалось двухпоколенных семей (более 60 %). По величине средней людности семей прихода самыми большими были семьи купцов и духовенства – 4,4 чел., затем по убыванию идут семьи разночинцев и мещан – соответственно 4,2 и 4,1 чел., военных чиновников 3,1 чел., гражданских чиновников 2,7 чел. (самый низкий показатель) [4, л. 4–45]. Семьи духовенства чаще всего были нуклеарными с большим количеством детей – до 7 чел. В семьях купцов количество детей нередко составляло 2–4 чел. (максимально 5 детей), при этом большая людность насчитывалась в составных семьях (до 15 человек), в которые могли входить родители и сыновья с женами и детьми. Большая доля расширенных семей у купцов за счет семей, включавших вдову, ее женатого сына с детьми; также часть расширенных семей включала родственников не по прямой линии. В составе нуклеарных мещанских семей нередко встречались супружеские пары в возрасте старше 50 лет без детей. Данная тенденция способствовала уменьшению доли расширенных и составных семей в их среде по сравнению с купечеством. Количество детей в мещанских нуклеарных семьях часто достигало 3–4 чел. (максимально 5–6 чел.) Среди разночинцев достаточно высокой была доля нуклеарных семей в среднем с 3–4 детьми, как и у мещан, но чаще встречались семьи с большим количеством детей (6–7 чел.). Составные семьи не были такими большими, как у купцов. Следует отметить, что по приходу в целом преобладающая часть нуклеарных семей была представлена супружеской парой с детьми (возраст мужа до 40 лет).

Семьи Перми в большинстве были небольшими по людности и преимущественно нуклеарными по структуре, что отражало изменения в семейно-брачных отношениях горожан, происходивших в позднеимперский период.

Библиографический список

1. Боровик Ю.В. Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX вв.: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга: дис. ... докт. истор. наук. – Екатеринбург, 2021.
2. Белослудцева В.В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. истор. наук. – Пермь, 2006. – 27 с.
3. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – 384 с.
4. Государственный архив Пермского края. Ф. 197. Оп. 1. Д. 40.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXXI: Пермская губерния. – СПб.: Тип. Т-ва Художественной печати, 1904. – 301 с.
7. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. – М., 1979. – С.136–145.
8. Фролова Т.А. Городская семья в XIX в.: на материалах Ярославской губернии: втореферат дис. ... канд. истор. наук. – Иваново, 2008. – 411 с.

УДК 94(470.5)“1723”

Н.С. Корепанов***ИМЯ «ЕКАТЕРИНБУРГ»: ЧЬЯ БЫЛА ИДЕЯ?**

Ключевые слова. *Основание Екатеринбурга 1723 г., наименование, В. де Геннин, В.Н. Татищев.*

Аннотация. *В статье рассматривается вероятность совместной идеи В. де Геннина и В.Н. Татищева назвать строившийся в 1723 г. Исетский завод Екатеринбургом. Общеизвестно подобное предложение Геннина в письме жене Петра I Екатерине от 12 июня 1723 г. Однако по двум авторским документам Татищева, составленным в Кунгуре в середине июня, можно судить, что название было ему известно еще до письма Геннина.*

* **Корепанов Николай Семенович**, научный сотрудник, Музей истории Екатеринбурга (Екатеринбург, Россия); e-mail: nk-ekb@yandex.ru.

** **Korepanov Nikolay Semyonovich**, Senior Researcher, Museum of Ekaterinburg History (Ekaterinburg, Russia); e-mail: nk-ekb@yandex.ru.

N.S. Korepanov**

THE NAME “EKATERINBURG”: WHOSE IDEA?

Key words. *The foundation of Ekaterinburg in 1723, historical name, V. Tatishchev, W. de Hennin.*

Abstract. *The article is devoted to the historical episode of giving the name for the mining works on Iset river in 1723 as Ekaterinburg. It is generally known the offer of general Wilhelm de Hennin in the letter to wife of Peter I Catherine (future Russian empress). But two archival documents by the authority of Vasily Tatishchev (famous administrator and historian) are testifying that he knew about this idea before Hennin's letter.*

С момента основания Екатеринбург отличался от прочих уральских заводов. Даже необычное, нехарактерное название его подчеркивало, что это не рядовой завод, а своего рода заводская «столица». В этот период имя заводу обычно давалось по имени реки. Поэтому любопытно выяснить, откуда взялось название «Екатеринбург».

Вопрос об авторстве идеи названия никогда всерьез не ставился, а единственная имеющаяся в литературе версия историками не оспаривалась (не считая того времени, когда все связанное с основанием Екатеринбурга приписывалось В.Н. Татищеву, а имя В. де Геннина не упоминалось вовсе). Однако при ближайшем рассмотрении вопрос этот не столь однозначен.

Общеизвестно, что предложение именовать строившийся в 1723 г. Исетский завод Екатеринбургом предложил Вильгельм де Геннин в письме жене Петра I Екатерине от 12 июня 1723 г.: «Оную крепость и завод осмелился именовать до указа Катериненбурх» [1, с. 91]. В тот же день новое название мелькнуло в текущей документации, а именно в указе командиру Тобольского полка на строительство майору Иоганну Брюкхаузену «[солдата – Н.К.] Прокопья Быкова бить кнутом пред полком, и быть [ему – Н.К.] вместо каторжной работы вечно на Катеринбур[г]ских заводах» [2]. Ответное письмо Екатерины с согласием на именование «Катириненбург» было подписано 28 августа 1723 г. [1, с. 429–430; 3]

В распоряжениях Геннина, следовавших после 12 июня, и в местной переписке сохранялось название «Исетский завод» или «Исетские заводы». Вплоть до его распоряжения берг-фогту Ивану

Патрушеву на Уктусский завод от 31 июля того же года: «По получении сего указа перевесть тебе Обер-бергамт со всеми делами и с подьячими сюда в Катериненбур[г]ские заводы августа к 1-му числу сего году, понеже за дальностию Обер-бергамта никаких дел вершить невозможно» [4]. Место своего пребывания Геннин впервые тогда обозначил, как «Катериненбур[г]ской завод». И после переезда Обер-бергамта Вилим Иванович использовал исключительно новое название (т. е. еще до получения формального согласия Екатерины) и подписывался таким образом: «Генерал-маеор Вилм Геннин. Катериненбур[г]ские заводы. Августа в 2 д[ень] 723 г.» [5] или «Генерал-маеор В. Геннин. Экатериненбурх, августа 3 дня 1723 году» [6] и т. д.

По нашему мнению, в основании Екатеринбургa день 1 (12) августа 1723 г. несравненно важнее, чем 7 (18) ноября, когда состоялся пробный пуск кричных молотов, что считается ныне исторической датой основания. Именно 1 августа 1723 г. Екатеринбург стал Екатеринбургом, превратился в центр управления заводским краем.

Известно, что весь май 1723 г. капитан Василий Татищев по распоряжению Геннина находился на строительстве крепости Горный Щит на южных подступах к будущему Екатеринбургу. А 4 июня получил указ ехать на строительство пермских Ягошихинского и Пыскорского заводов (на Исеть он прибыл по вызову Геннина днем или двумя ранее). 10 июня Татищев отправился в путь, 15 июня достиг Кунгура. 18 июня отправил из Кунгура письмо Геннину, где, в частности, говорилось: «Велел дорогу до верх Бисерти измерить и столбы поставить. А до верх Бисерти, Ваше превосходительство, повелите измерить и столбы поставить от нового ль завода новоназначенною дорогою или от Уктуса. Того ради на другой стороне столбов велел только подписывать “от КатеринЪ”» [7, с.161].

20 июня Татищев распорядился о том же, своей рукой написав определение для местного земского комиссара и земских старост: «Чтоб послали 6 человек работников и дали веревку добрую ста сажен для меры дороги... И мерить от Кунгура до верховья Бисерти по новопрочищенной дороге и ставить столбы четверогранные, на которых надписывать с одной стороны “от Кунгура” и под тем версты число, а на другой стороне “от Катерино”. И оные подписи

выдалбливать и затирать, смешав сажу с смолою. И где дорога не прямо – тамо исправлять. А для оного брать к кунгурским в прибавку от деревни до деревни по 2 мужика и по 2 лошади» [8].

Итак, выехав с Уктуса за два дня до отправки памятного письма Геннина, Татищев уже знал точное или хоть примерное название, которое получит строящийся на Исети завод. Точно знал, что в названии его прозвучит имя Катерина.

Далее следует подчеркнуть несколько моментов.

Во-первых, нельзя забывать, что отношения между Генниным и Татищевым совершенно расстроились лишь в 1727 г., после критики последним качества казенной уральской меди. А в 1723 г. отношения их были вполне доверительными, даже товарищескими, несмотря на недавнее следствие одного над другим и на разницу в возрасте и в чинах. «Благородный г-н капитан Василий Никитич, здравствуй!» [9]. Не ко многим в ту пору обращался подобным образом Вилим Иванович. Поэтому уместно допустить, что вопрос, имеющий важное политическое значение – имя государыни! – они предварительно и весьма серьезно обсудили. Во всяком случае, имели такую возможность в первых числах июня.

Во-вторых, отметим, что Татищев, в отличие от Геннина, всегда придавал большое значение смысловой форме, лично разрабатывал символы, придумывал названия. Так, в начале 1720-х гг. по его настоянию трижды менялось название местного органа Берг-коллегии. Случалось, расписывал он и новые структуры (наверху не утверждаемые), всегда с броскими названиями – Угорское начальство, Горнозаводская провинция и т. д. В 1734 г., в свой второй приезд на Урал, он изменил название генниновского Обер-бергамта на Канцелярию Главного правления заводов, разработал и ввел в употребление – не просто перевел с немецкого! – русские названия горных чинов. Он же в 1730-е гг. разработал рисунки заводских клейм и конторских печатей, некоторые из них с отсылкой к библейской и античной символике. Так что тема державности в названии города, о чем Геннин, может быть, и не задумался, для Татищева была весьма важна.

Наконец, в-третьих, напомним введение по инициативе Татищева после 1734 г. названия «Екатеринск», фактическое переименование города (это название продержалось до конца 1730-х гг.). Традиционно это объясняют стремлением отказаться от неметчины

в бироновскую эпоху, либеральной фрондой и т. п. В нашем понимании, здесь проявилось скорее уязвленное самолюбие Татищева, несправедливо отодвинутого от руководства в 1722 г. и пытавшегося взять административный реванш. Но может быть, так звучало первоначально предложенное или одно из предложенных Татищевым названий? Подчеркнем, что в собственноручном определении его от 20 июня 1723 г. ясно читается «о» в конце названия. Катериновский завод?

Далее можно домысливать, но основной вывод все же напрашивается: название «Екатеринбург» придумал не один человек.

А 6 сентября 1723 г. генерал-майор вызвал капитана с Пыскорского завода: «Ко мне милостивый Его величества указ о тебе прислан. И того ради, не мешкав, ехать к нам, в Катериненбург» [7, с. 159].

Библиографический список

1. Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Под ред. М.О. Акишина. – Екатеринбург: Банк культурной информации. 1995.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21а. Л. 160 (126 в новой нумерации).
3. Там же. Д. 23а. Л. 158.
4. Там же. Д. 24. Л. 170.
5. Там же. Д. 25. Л. 968.
6. Там же. Д. 24. Л. 173.
7. Цит. по: Исторический архив. – 2016. – № 4.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21а. Л. 689 об.–690 (665 об.–666).
9. Там же. Л. 397 (378).

УДК 622

И.Б. Короткова, Н.С. Корепанов*

РУКОПИСЬ А.С. ЯРЦОВА «РОССИЙСКАЯ ГОРНАЯ ИСТОРИЯ»: НАУЧНОЕ И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ РЕШЕНИЕ

Ключевые слова. *Аникита Ярцов, Урал XVIII–XIX вв., историческая рукопись, горнозаводская промышленность, издательство.*

* **Короткова Ирина Борисовна**, генеральный директор, ООО «Издательский дом БАСКО» (Екатеринбург, Россия); e-mail: pressa@basko.ru.

* **Корепанов Николай Семенович**, научный сотрудник, Музей истории Екатеринбурга (Екатеринбург, Россия); e-mail: nk-ekb@yandex.ru.

Аннотация. Статья кратко характеризует рукопись начала XIX в. Аникиты Ярцова «Российская горная история» и представляет ее издание. А. Ярцов, выдающийся горный специалист и администратор XVIII – начала XIX в., находясь в отставке, подготовил 11 томов рукописи по истории и современному для него состоянию горной промышленности России. Рукопись прежде не публиковалась. Екатеринбургский издательский дом БАСКО уже опубликовал 6 томов рукописи.

I.B. Korotkova, N.S. Korepanov**

MANUSCRIPT A.S. YARTSOV “RUSSIAN MINING HISTORY”: SCIENTIFIC AND PUBLISHING SOLUTION

Keywords. *Anikita Yartsov, the Urals of the XVIII–XIX centuries, historical manuscript, mining industry, publishing house.*

Abstract. *The article briefly describes the manuscript of the beginning of the 19 century by Anikita Yartsov “Russian mining history” and presents its publication. A. Yartsev, an outstanding mining specialist and administrator of the 18 – early 19 centuries, while in retirement, prepared 11 volumes of the manuscript on the history and current state of the Russian mining industry. The manuscript has not been published before. Nowadays the Ekaterinburg publishing house Basko has published 6 volumes of the manuscript.*

В настоящее время в издательском доме БАСКО реализуется масштабный научный и издательский проект – публикация известной, но до недавних пор малодоступной даже для специалистов рукописи А.С. Ярцова «Российская горная история».

Аникита Сергеевич Ярцов (Ярцев; 1736–1819) – заметный в истории российской промышленности XVIII–XIX вв. специалист и администратор, добившийся в своей деятельности выдающихся результатов. Родился в Екатеринбурге в семье горного офицера, учился в Екатеринбургских школах. Семья жила на Алтайских, Красноярских, Верх-Исетском заводах, в Екатеринбурге. С 1754 г. А.С. Ярцов состоял на горной службе, в 1758–1762 гг. учился

** Korotkova Irina Borisovna, BASKO Publishing House LLC (Ekaterinburg, Russia); e-mail: pressa@basko.ru.

** Korepanov Nikolay Semyonovich, Senior Researcher, Museum of Ekaterinburg History (Ekaterinburg, Russia); e-mail: nk-ekb@yandex.ru.

в Московском университете, одновременно при Берг-коллегии (очевидно, при Московской берг-конторе) приобрел квалификацию пробирного мастера. В 1762–1771 гг. руководил строительством Климковского и Холуницкого железоделательных заводов в Вятской провинции; возглавлял заводское хозяйство генерал-прокурора Сената Александра Глебова в Вятской провинции (Климковский, Холуницкий, Уинский, Шермяитский заводы). В 1771–1780 гг. возглавлял заводы Олонцкого края, где руководил строительством Александровского пушечного завода. В 1780–1796 гг. (после коренной реорганизации горного ведомства) находился на службе в гражданском ведомстве: занимал должности советника Петербургской гражданской палаты, директора Петербургского горного училища, вице-губернатора Владимирской губернии.

В 1797–1802 гг. А.С. Ярцов в чине действительного статского советника занимал учрежденную (фактически восстановленную) должность главного горного начальника Уральских заводов. К его непосредственным заслугам этого периода следует отнести воссоздание разрушенной в ходе реформы 1781 г. системы регионального горного управления, вывод края из серьезного кризиса, строительство вблизи Екатеринбурга Нижнеисетского стального завода, многократное увеличение добычи золота и превращение золотодобывающей отрасли в одну из наиболее прибыльных отраслей хозяйства Российской империи. Особо требуется подчеркнуть, что в тогдашних своих распоряжениях, а затем и в рукописи А.С. Ярцов первым из администраторов и ученых активно использует слова «Урал», «Уральский» и определяет Урал с его заводами и заводскими землями как единый регион, вне зависимости от существующих административных границ.

В 1802–1806 гг. А.С. Ярцов входил в сенатскую комиссию по составлению свода законов по горному ведомству (проект Горного положения, 1806).

После отставки (1806) и, надо полагать, до последней возможности А.С. Ярцов работал над рукописью по истории и современному ему состоянию горнозаводской промышленности России. После его кончины рукопись была передана в Горный департамент и в конечном счете оказалась в библиотеке Петербургского горного института. Подробные данные об этом приведены в статье директора библиотеки С.О. Никиташиной [1].

В настоящее время рукопись А.С. Ярцова «Российская горная история» составляет 7 частей, переплетенных в 11 томов:

- 1) предисловие, история происхождения «славяно-русских, куманских и исторских» (очевидно, славянских, тюркских и финно-угорских) народов;
- 2) история и описание Замосковных заводов (т.е. заводов Центральной России);
- 3) история и описание Олонецких заводов;
- 4) история и описание Уральских заводов (4 тома);
- 5) история и описание Алтайских заводов;
- 6) история и описание Нерчинских и Красноярских заводов;
- 7) история и описание заводов и горного дела Северного Кавказа, Грузии и Таврической губернии (2 тома).

Известно о публикации нескольких фрагментов рукописи и отдельных высказываний А.С. Ярцова в научной и краеведческой литературе (в т. ч. с повторным цитированием). Тем не менее сколько-нибудь значимых выдержек из рукописи до недавних пор не было. Среди исследовательских работ о горной службе А.С. Ярцова и о его главном аналитическом труде особо выделим статью екатеринбургского историка Э.А. Пензина [2].

Вероятно, наиболее серьезная попытка публикации рукописи была предпринята известным историком Урала В.В. Данилевским. Известно, что конце 1940-х гг. он работал с рукописью (вероятно, с привлеченными специалистами), подготовил машинописную расшифровку нескольких томов, в т. ч. «Уральской части». Об этом историк написал в одной из своих работ, где высоко отзывался как о личности А.С. Ярцова, так и о его рукописи, привел из нее несколько цитат и анонсировал ее издание [3]. По неизвестной причине книга Ярцова в то время так и не вышла в свет.

После ознакомления с машинописной расшифровкой 1940-х гг. нынешние составители убедились в недопустимо высоком количестве неточного и ошибочного прочтения авторского текста. Возможно, это и явилось одной из причин отказа от издания. Кроме того, составители машинописного текста игнорировали авторские зачеркивания, в ряде случаев содержащие ценную информацию или же личные (иногда весьма эмоциональные) оценки автора. Наконец, авторский текст никак не был прокомментирован.

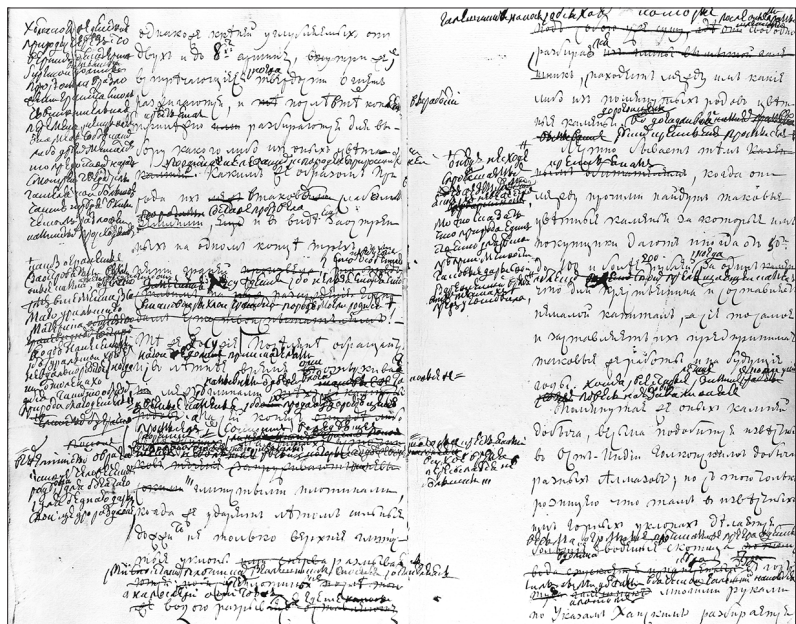

Рис. 1. Разворот рукописи с обильной авторской правкой

В этой связи в издательском доме было принято принципиальное решение готовить оригинальную расшифровку рукописи без использования машинописной копии 1940-х гг. и с составлением исторических и археографических комментариев (включающих все авторские зачеркивания), словаря редких слов и терминов и т.д.

Особо следует подчеркнуть чрезвычайную сложность расшифровки именно «Уральской части» труда А.С. Ярцова. Собственно рукопись представляет собой беловой текст, написанный рукой секретаря с последующей авторской правкой: зачеркиваниями, всевозможными вставками слов, фраз и целых абзацев, переносами и разрывом текста, подклейками или подшивками новых листов и т.д. При этом наиболее серьезная правка затронула именно «Уральскую часть», превратив ее, по сути, в отредактированный автором черновик. Более того, основная часть третьего и почти половина четвертого тома «Уральской части» написаны непосредственно

рукой А.С. Ярцова, также с последующей правкой. В отличие от каллиграфического почерка секретаря, авторский почерк гораздо менее разборчив и более емко: при расшифровке и последующем электронном наборе объем информации на странице, написанной автором, обыкновенно превосходит объем, написанный секретарем, более чем в два раза. К тому же лексика и орфография, использованные А.С. Ярцовым, намного архаичнее, относятся, скорее, к первой половине XVIII века.

За 2018–2022 гг. в издательском доме БАСКО изданы четыре тома «Уральской части» рукописи [4], «алтайский» том и том с названием «Нерчинская часть». В настоящее время идет работа над историей и описанием Замосковных заводов (т.е. заводов Центральной России). Расшифровка рукописи ведется по полученным при сканировании файлам.

При подготовке рукописи «Российской горной истории» к изданию и при разработке археографического оформления проведены консультации с основными рецензентами – докторами исторических наук И.Н. Юркиным и И.В. Побережниковым. Был использован опыт составителя и научного редактора издания Н.С. Корепанова, ранее подготовившего три сборника документов XVIII в. и несколько разделов к сборникам документов коллективного составления.

Еще раз подчеркнем: ввиду отсутствия окончательного авторского варианта текста наш издательский дом и составители не посчитали возможным игнорировать зачеркивания и не выделять поздние вставки. При подготовке к изданию зачеркнутые автором слова и фразы отмечаются в основном тексте отточиями и переносятся в раздел археографических примечаний каждого тома; поздние вставки выделены в основном тексте квадратными скобками. Подобное оформление, несомненно, затрудняет чтение, но сохраняет главную особенность рукописи – ее характер черновика. Мы посчитали, что публикация рукописи спустя два века после написания требует сохранить каждое слово автора.

Впрочем, в четвертом томе мы посчитали возможным пропустить многостраничное дословное цитирование опубликованных нормативных актов начала XIX в.; при этом к пропускам текста даны ссылки на «Полное собрание законов Российской империи».

В тексте рукописи часто встречаются собственные авторские примечания и комментарии, некоторые из них занимают более

страницы. В беловом тексте они приведены либо под строкой листа, либо в конце параграфа; при публикации их расположение сохранено.

Орфография и пунктуация в издании приближены к современным, с сохранением авторской стилистики. Орфография авторских вставок заметно отличается от секретарской и также передана в издании: «Екатеринбурх», «Чюсовая», «чюгун», «безконечный», «зделать» и т.п. Ее архаика придает рукописи неповторимый колорит XVIII в., ярко характеризует личность А.С. Ярцова – состарившегося заводчанина, оставшегося мыслями в ушедшей эпохе. Написание топонимов в опубликованном труде дается без изменений, в т. ч. с их разночтениями. Последний пункт особенно касается названий заводов: в рукописи обычно приводится по несколько вариантов написания.

Безусловно, четыре «уральских» тома – наиболее масштабная и серьезная, а для автора и наиболее трудоемкая часть рукописи. По «Уральской части» мы теперь судим о научном методе и исследовательском уровне автора.

Первый том содержит географическое описание края, краткую историю горного дела (начиная с XVI в.), историю и описание Екатеринбургского и ближних к нему заводов, а также Березовских золотых промыслов. Расчеты доходов от золотодобычи позволяют назвать этот том первым экономическим трудом на уральском материале, а самого автора – первым уральским экономистом. Второй том посвящен заводам восточного склона Урала к северу от Екатеринбурга; третий том, самый объемный, – заводам Южного Урала и левобережья Камы. Четвертый, заключительный, том содержит описание заводов правобережья Камы и притоков рек Вятки и Вычегды, а также итоговые данные о доходах от уральских заводов, актовый материал. На основании приведенных в четырех книгах упоминаний можно судить, что работа над ними, включая и позднюю правку, велась в 1810–1815 гг.

Также, судя по отзывам самого автора, материалом к написанию послужили документы Берг-коллегии, собранные в архиве его сыном Николаем (выполнявшим секретарские функции), данные с мест от его корреспондентов, состоявших на управительских должностях, и, очевидно, данные, накопившиеся в собственном архиве Аникиты Сергеевича за время его службы на Урале. Весьма

любопытны личные воспоминания и оценки автора, ибо работа имеет и отчасти и мемуарный характер.

А.С. Ярцов активно использует печатные труды и приводит развернутые цитаты из них. В основном это касается книги Ивана Филипповича Германа «Описание заводов, под ведением Екатеринбургского горного начальства состоящих» (Екатеринбург, 1808) и первого издания книги «Хозяйственное описание Пермской губернии» (Пермь, 1804). Особо отметим неизбывные критические высказывания А.С. Ярцова в адрес И.Ф. Германа – как по поводу его управительского метода, так и относительно приведенных в его книге данных. Несомненно, это первый случай книжной полемики на уральском материале. Полагаем также, что, консерватор по складу, А.С. Ярцов считал своего фактического преемника, модерниста И.Ф. Германа почти антиподом, а работу свою принял ради заочного спора с ним.

В этой связи требуется хотя бы краткая оценка труда самого А.С. Ярцова, сравнение его с известными работами Вильгельма де Геннина «Описание уральских и сибирских заводов» и того же И.Ф. Германа.

Мы предполагаем, что А.С. Ярцов имел намерение подготовить среди прочего – а может быть, и в первую очередь! – курс истории российского горного дела для учащихся Петербургского горного кадетского корпуса (бывшего Петербургского горного училища, впоследствии горного института). Как помним, сам он хорошо был знаком с жизнью высших учебных заведений. Во всяком случае, четкая структура томов: деление текста на параграфы с изолированным содержанием, достаточно выдержанный порядок описания заводов, обязательное объяснение автором встречающихся технических терминов (иногда и очевидное стремление лишний раз избежать их) – очень напоминает учебное пособие. С учетом этой особенности в издательском доме БАСКО принято решение о дизайнерском исполнении томов в традициях печатного дела России первой половины XIX века.

При этом следует помнить, что А.С. Ярцов готовил свою работу, находясь в отставке, не имея административных возможностей, которыми, естественно, пользовались В.И. Геннин, И.Ф. Герман, директор Горного департамента А.Ф. Дерябин и др., чьи труды в гораздо большей степени имели характер сборников присланных

с мест материалов. Поэтому следует согласиться с мнением рецензента издания И.Н. Юркина: несмотря на более сильное авторское начало, «Российская горная история» заметно уступает масштабом книге В.И. Геннина [5].

В череде первых историков уральских заводов следует особо упомянуть еще одного автора. Дело в том, что среди источников для написания «Российской горной истории» иногда называют работу горного специалиста Павла Егоровича Томилова [6]. Первоначально мы также придерживались этого мнения [7]; однако подробное знакомство с четырьмя «уральскими» томами рукописи позволяет однозначно это опровергнуть: А.С. Ярцов, скорее всего, не был даже знаком с работой П.Е. Томилова.

Вообще, работа с рукописью и с сопутствующими архивными материалами неизбежно привела (и, несомненно, еще приведет) к пересмотру некоторых сложившихся в историографии утверждений.

Так, например, выяснилось, что А.С. Ярцов на год старше, чем это указано во всех формулярных списках (и на основании этого попало во все поздние упоминания о нем): возраст себе он сбавил при поступлении в университет.

Также требуется опровергнуть утверждение о внедрении на Урале вагранок по его почину. Судя по рукописи, А.С. Ярцов не был склонен преуменьшать свои заслуги; о вагранках же в «Уральской части» его труда нет ни единого упоминания. Скорее всего, внедрение их на Урале следует связывать с именем И.Ф. Германа.

И, судя по всему, требует серьезного уточнения история открытия и начала разработки березовских золотых россыпей. Дело в том, что описанные в первом и четвертом «уральских» томах характер верхового залегания золота в районе Березовских промыслов и принципы его добычи, введенные по настоянию А.С. Ярцова, свидетельствуют о фактическом открытии россыпей уже на рубеже XVIII–XIX вв. (хоть самого слова «россыпи» и не было тогда произнесено).

Новизну материала мы стремились подчеркивать в предисловии к каждому тому «Уральской части», а также в исторических комментариях.

Наряду с предисловием, комментариями, словарем терминов и приложениями (исторические меры веса, длины и т.д.; таблица

военных, гражданских и горных чинов по табели о рангах) каждый том издания содержит обильный картографический материал. В основном это планы заводов конца XVIII – начала XIX в. из собрания Государственного архива Свердловской области. В «Уральской части» рукописи в общей сложности упомянуто около 15 планов и карт (однако в собрании библиотеки СПбГТУ они отсутствуют). В трех томах опубликованы в цвете около 140 планов и карт, в четвертом томе – еще более 30 планов; многие планы и карты опубликованы впервые.

Обилие однотипных заводских планов, составленных приблизительно в одно время, привело издателей к мысли подготовить в качестве итогового приложения к «Уральской части» отдельный альбом. Он издан в дизайнерском исполнении в формате папки с названием «Уральские горные заводы. Планы конца XVIII – начала XIX в.», содержит 40 планов. В него включены исключительно планы заводов, получивших впоследствии и сохранивших до настоящего времени городской статус. К «алтайскому» и «нерчинскому» томам выпущены аналогичные альбомы «Уральская медеплавильная промышленность. Планы и чертежи XVIII – первой половины XIX в.» и «Плотины уральских заводов. Планы и чертежи XVIII – начала XIX в.» К тому «Российской горной истории», посвященному заводам Центральной России, планируем выпустить альбом «Уральская чугуноплавильная промышленность. Планы и чертежи XVIII – первой половины XIX в.»

Мы полагаем, что публикация рукописи А.С. Ярцова является значимым событием культурной и научной жизни Урала и всей России.

Библиографический список

1. Никиташина С.О. А.С. Ярцов и его рукопись «Настоящая Российская горная история» // Историческая роль Екатерины II в развитии горнозаводского дела в России : доклады науч.-практ. конф. – СПб.: Петербургский горный институт, 2000. – С. 42–45.
2. Пензин Э.А. А.С. Ярцов – горный деятель и ученый // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 4. – С. 322–323.
3. Данилевский В.В. Русская техника. – Л., 1949. – С. 70.
4. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. – Екатеринбург: Баско, 2018. Кн. 1. – 378 с.; Екатеринбург: Баско, 2019. Кн. 2. – 295 с.; Екатеринбург: Баско, 2020. Кн. 3. – 424 с.
5. Юркин И.Н. «Российская горная история» и ее автор А.С. Ярцов (о личном начале в сочинении по истории промышленной

- отрасли // История науки: источники, памятники, наследие. К 150-летию со дня рождения президента АН СССР В.Л. Комарова. – М., 2019. – С. 366.
6. Описания заводов хребта Уральского, составленные пермским берг-инспектором П.Е. Томиловым // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. – Свердловск, 1956. – С. 147–295.
 7. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. Кн. 1. С. 283.

УДК 63.3(470.5)

Е.А. Курлаев*

О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА КАМЕНСКА-УРАЛЬСКОГО

Ключевые слова. Первые заводы Урала, Каменский завод, Каменск-Уральский, история металлургии.

Аннотация. Автор вновь поднимает проблему обоснованности датировки основания Каменск-Уральского, колеблющуюся между 1682 г. и 15 октября 1701 г. Прослеживает сложившиеся традиции отсчета основания первых городов-заводов с момента выплавки первого металла. На основании новых данных предлагает альтернативные даты основания города: с возникновения Каменской слободы, либо от плавки в «старой домне» 25 ноября 1700 г.

Е.А. Kurlaev**

ABOUT THE DATE OF THE CITY OF KAMENSK-URALSKY

Keywords. Kamensky plant, Kamensk-Uralsky, history of metallurgy.

Abstract. The author again raises the problem of the validity of dating the founding of Kamensk-Uralsky, which fluctuates between 1682 and October 15, 1701. He traces the established traditions of counting the foundation of the first manufacturing cities from the moment the first metal was smelted. On the basis of new

* Курлаев Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: kurlaev@el.ru.

** Kurlaev Evgenii Anatol'evich, Candidate of Historical Sciences, Senior Fellow, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: kurlaev@el.ru.

data, he proposes alternative dates for the founding of the city: from the appearance of Kamenskaya Sloboda, or from smelting in the "old blast furnace" on November 25, 1700.

Вопрос о дате основания г. Каменск-Уральского Свердловской области был вновь поднят в связи с недавним обращением в Институт истории и археологии УрО РАН от имени муниципального автономного учреждения культуры «Каменск-Уральский краеведческий музей имени И.Я. Стяжкина» о необходимости подтверждения того, что первое поселение на территории города Каменск-Уральского возникло в 1682 г., а, следовательно, этот год нужно считать датой основания города. В письме имеются отсылки на упоминания о праздновании юбилея заводского поселка Каменский завод в 1882 г. Однако, после Великой Отечественной войны историю города стали считать только с 1701 г., с момента пуска Каменского металлургического завода. Официальная дата пуска Каменского завода (15 октября 1701 г.) была принята как дата основания города властями и горожанами.

Упоминание 1682 г., как исходной даты основания города, связано с указом от 3 февраля этого года царя Федора Алексеевича тобольскому воеводе: «разрешить игумну Успенского монастыря с братьею на Исете реке в урочище плавить руду под монастырский обиход». В июне этого же года тобольским сыном боярским Ф. Рукиным с людьми из Колчеданского острога уже осуществлялся отвод земли с рудниками на р. Железенке и лесных угодий по правому берегу р. Исети [1, с. 351–352]. Однако даты первой плавки и начала деятельности Железенского поселья Далматовского Успенского монастыря (далее – ДУМ) не выявлено. Эти события могли произойти и в последующие годы.

Вслед за проведенным межеванием было начато строительство рабочего поселка с заводом. Здесь жили плавильные мастера, «деловые» люди и заведовавший производством старец Питирим. Железо получали прямо из руды в малых печах, затем его проковывали под молотом.

Остатки завода были обнаружены и исследовались археологом Нижнетагильского музея А.И. Рассадович в 1976 г. Его местонахождение обнаружено на мысу правого пойменного берега р. Каменки вблизи впадения ее в р. Исеть. При раскопках были зафиксированы контуры плавильного амбара. Обломки шлака, кирпичей

и воздуходушных трубок подтвердили здесь производство именно кричного железа сыродутным способом [2, с. 7–11]. В настоящее время это место – парковая зона г. Каменск-Уральского. Расстояние от плотины Каменского металлургического завода до местонахождения Железенского поселя ДУМ более 4 км по прямой.

При расследовании об отмежевании земель Колчеданскому острогу были опрошены крестьяне-старожилы Катайского острога. Они в частности сказали: «а в том отводе на речке Каменке построил Успенского Далматова монастыря игумен Исаак деревню и пришлох многих крестьян поселил, а назвав в челобитье своем ту речку Железенкою, а их де прежней отвод той земли утаил и к досмотру их на те земли не призывал и от той де ево селитбы и крестьян чинитца им беломестным казаком и крестьяном теснота и в пашнях и во всяких угодьях умаление» [3, л. 213 об.].

Еще до строительства Каменского завода в 1695 г. при отмежевании земель возникли разногласия в названии реки: «Железенка» или «Каменка», а так же принадлежности земли монастырю или жителям соседних государственных слобод. В документе упоминается, что «на речке Каменке построил Успенского Далматова монастыря игумен Исаак деревню». Конкретное местонахождение деревни не указано. Я считаю, что она находилась в устье р. Каменки, где и были обнаружены остатки завода.

Иной точки зрения придерживается сотрудник краеведческого музей г. Каменска Л.В. Зенкова. Ссылаясь на рисунок Н. Витсена, она считает, что монастырское поселение, численностью более 40 дворов находилось непосредственно вблизи завода, внутри острожной стены [4, с. 65].

Действительно, на рисунке Витсена внутри острожной стены изображены не менее 40 крестьянских дворов. Одна группа разместилаь вдоль берега Каменки, повторяя ее изгиб. Другие две располагаются отдельно в глубине ограды. Кроме них на рисунке изображена церковь и некое дымящееся производство. Заводская плотина с вододействующими колесами не указана. Голландские поясняющие надписи на чертеже не переведены, но под рисунком имеется пояснение: «Каменский металлургический завод, основанный на р. Каменка в 1698 году» [5, с. 968].

На нем изображен Каменский завод, строительство которого началось в 1700 г. или дата основания неверно указана. И уж точно

это не деревня Далматовского монастыря, находящаяся внутри острога рядом с храмом. Что же это? Полагаю, что на рисунке изображена Каменская слобода, в пределах которой и начали строить Каменский завод. О ней нет сведений в исторической литературе и известных документах о населенных пунктах Тобольского уезда, а лишь в приводимых нами ниже источниках.

Из выписки для думного дьяка Андрея Андреевича Вину-са от 28 сентября 1699 г. было известно, что к моменту начала строительства завода на этом месте уже стояла Каменская слобода, насчитывающая более 40 дворов. Это была спорная земля, на которой вероятно рядом с монахами селились государственные крестьяне. Спор решился не в пользу монастыря и р. Каменка с прилегающими залежами руды отошла к казне.

Каменская слобода нередко упоминается в документах при строительстве Каменского завода: «В нынешнем 1700 году декабря в 19 писали к нам великому государю с Верхотурья стольник и воевода Козьма Козлов с товарищи. Присланных на Верхотурье с Москвы мастеров ... велели они выслать в Тобольской уезд к железным заводам на речку Каменку для того, что к верхотурским заводам плотинной мастер из Каменской слободы приехал в поздних числах» [6, л. 4].

Чтобы не было ложного представления, что слободой могли называть строящийся завод, приводим выдержку из документа, где Каменская слобода упомянута наряду с другими слободами Верхотурского уезда. «Для того что ту руду возят и копают наши Великого Государя крестьяне по наряду Катайского, Колчеданского острогов, Багаряцкой, Камышевской, Каменской слобод без найму по наряду, те которые наряжены к плотинному делу. А те де руды от заводов с версту или меньше » [6, л. 65]. И такие документы не единичны.

Строительство Каменского завода началось с появления царского указа от 13 марта 1700 г. По указу тобольские воеводы должны были назначить управляющего стройкой – «приказчика доброго», который смог бы заставить крестьян за снятые с них подати возить на стройку строевой лес, дрова, уголь, руду. Приказчику предстояло привлечь к работе и одновременному обучению новым ремеслам местных мастеров, чтобы при необходимости приступить к возведению новых заводов. Уже летом 1700 г. должна была заработать доменная печь, а из первого чугуна требовалось

вылить, а затем вычистить и испытать стрельбой 2–3 пушки небольшого калибра и несколько мортир. Здесь же предполагалось начать литье бомб и ручных гранат.

К 23 апреля 1700 г. все затребованные сведения и чертеж прилегающих земель поступили в Сибирский приказ. Строительство Каменского завода возглавил тобольский сын боярский Иван Астраханцев. По «сказке» плотинного мастера Е. Яковлева при наличии всего необходимого завод с 1 домной и 2 молотовыми предполагалось построить к 6 декабря 1700 г. За столь многообещающее начало, «крадение» и «поспешение» 26 апреля 1700 г. тобольские воеводы удостоились царской похвалы. В послании из Москвы признавался факт малолюдства в строительстве, и воеводам давалось право на собственное усмотрение приписывать к заводу ближайшие слободы.

25 ноября 1700 г. Иван Салманов докладывал в Сибирский приказ, что Каменский завод был практически готов, за исключением домной печи. Тем не менее, сибирские мастера плавилы железо в «старой домне» (возможно, в сыродутных печах – *Е.К.*), а московские мастера не работали, ссылаясь на то, что «новая домна» не была построена. В итоге по официальной точке зрения завод выдал первый металл только через год – осенью 1701 г. из «новой» домны [6, л. 294 об.–295 об.].

В качестве альтернативы дату основания Каменского завода можно считать с основания Каменской слободы, на территории которой был построен завод. Либо вести отсчет от плавки металла «в старой домне», упомянутой 25 ноября 1700 г., т. е. годом ранее официальной даты. Считается ли местонахождение монастырского железоделательного завода, находящееся в 3 км от центра, территорией г. Каменск-Уральского и отсчитывать дату основания города с 1682 г., решать городским властям. Но эта дата не столь очевидна на роль «точки отсчета» для юбилеев города.

Библиографический список

1. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1875. – Т. 9.
2. Рассадович А.И. Археологический отчет Нижнетагильского краеведческого музея об археологической экспедиции 1976 г. Архив Института археологии РАН. Р-15925.
3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1444.

4. Зенкова Л.В. Каменский завод в рисунках, чертежах и планах за 200 лет // Каменские чтения. Сб. мат-лов историко-краеведческой конференции, 16 мая 2014 г. / Каменск-Уральский краеведческий музей им. И.Я. Стяжкина. – Каменск-Уральский, 2014.
5. Николаас Витсен. Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. – Амстердам: Pegasus, 2010. – Т. 2. – 1225 с.
6. РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 47.

УДК 908

Д.А. Лобанов*

ГОРНОЗАВОДСКИЕ ВОЙСКА НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Ключевые слова. Урал, горные заводы, воинские формирования.

Аннотация. В статье рассматривается история воинских формирований горнозаводского ведомства на Урале во второй половине XVIII в., их состав, численность, особенности организации и несения службы.

D.A. Lobanov**

MINING TROOPS IN THE URALS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Key words. The Urals, mining plants, military formations.

Abstract. The article tells about the history of military formations of the Gornozavodsk department in Ural region in the second part of the 18th century. The structure of these formations, their number, details of organization and service performance.

Во второй половине XVIII столетия основной военно-полицейской силой на горных заводах Урала оставались подразделения горного ведомства.

После создания Пермского наместничества, в соответствии с «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» были упразднены органы управления казенными заводами, а все горные учреждения перешли в ведение Пермской казенной

* Лобанов Дмитрий Алексеевич, учитель истории МАОУ «Гимназия № 10» (Пермь, Россия); e-mail: dm_loban@mail.ru.

** Lobanov Dmitry Alekseevich, History Teacher “Gymnasium № 10” (Perm, Russia); e-mail: dm_loban@mail.ru.

палаты [1, т. 20, с. 229]. Для этого в составе казенной палаты была создана специальная Горная экспедиция. В ноябре 1790 г. горные экспедиции были освобождены от участия в делах казенных палат, а управления ими было передано вице-губернаторам [1, т. 23, с. 181]. Вместе с заводами и горными учреждениями в ведение казенной палаты перешли и горнозаводские воинские команды.

К 1781 г. на Урале были размещены следующие горные воинские части:

1. 1-я и 2-я Екатеринбургские роты. Штат рот был составлен в 1737 г. По нему в двух ротах полагалось иметь 330 человек;

2. Екатеринбургская артиллерийская команда из 40 человек. Штат команды был так же составлен в 1737 г. (на жалование и амунизию двух рот и артиллерийской команды каждый год должно было отпускаться 5148 руб.);

3. Екатеринбургская монетная рота. Рота была создана в 1759 г. «при Московской монетной экспедиции для Екатеринбургского передела». В роте служили 266 человек. На жалование и амунизию ежегодно должно было отпускаться 6473 руб. 88 ½ коп.;

4. Воинская команда при Пермском соляном правлении при казенных соляных промыслах в селе Дедюхине. Штат команды был утвержден 20 октября 1771 г., по которому в команде числились 1 сержант, 2 капрала и 25 солдат.

Все горнозаводские воинские подразделения содержались за счет казенных заводов, сумма на их содержание ежегодно включалась в цену железа [2].

До конца столетия были также созданы:

– воинская команда Ведомства Экспедиции мраморной ломки и прииску разных камней в начале 1780-х гг.;

– в 1792 г., после передачи банковских Богословских заводов в казну, рота при этих заводах в составе 97-ми человек. На жалование и амунизию роты ежегодно должно было выделяться 2151 руб. 55 ½ коп. Так же из прибыли заводов [3].

23 февраля 1781 г. Пермский наместник Е.П. Кашкин, на основании полученного им именного указа от 30 января приказал составить новые штаты казенных заводов Пермской губернии. В инструкции о создании штатов про воинские команды говорилось: «Две учрежденные по штату 1737 года в Екатеринбурге роты артиллерийскую команду, равно из выделенных из рот учрежденных

при московской монетной экспедиции для екатеринбургского передела, сколько тех там числятся оставить до будущего внутреннего распоряжения о батальонах по пермскому наместничеству, с положенными на них суммами на которые, кроме монетной поелику число оной неопределяемое, в год исходило пять тысяч триста рублей семьдесят восемь копеек» [4].

Не смотря на указанные в штатах суммы, финансирование горных воинских команд было далеко от положенного. В 1781 г., согласно ведомости расходов Пермского наместничества, казенной палатой было потрачено на екатеринбургских артиллерийских служателей 7 руб. 95 $\frac{1}{4}$ коп. На жалование и провиант «екатеринбургским и берг-коллежским чинам» – 19 руб. 41 $\frac{1}{2}$ коп. [5].

В 1800 г. было приказано содержать горнозаводские команды «на положении штатных рот, по которому производится в жаловании и на амуницию артиллерийской команде и двум горным ротам 9071 руб. 33 $\frac{1}{2}$ коп., монетной роте 9923 руб. 12 $\frac{1}{4}$ коп. банковской роте 2473 руб. 8 $\frac{3}{4}$ коп. Приложив к сему провиант и крупу по сложным нынешним ценам, всего выходило на содержание сих воинских команд около 34533 руб. 65 $\frac{1}{2}$ коп.» [6].

В связи с подчинением казенной палате, 1-я, 2-я Екатеринбургские роты и Екатеринбургская артиллерийская команды в течение 1782 г. переводились на квартиры в Пермь. По состоянию на 4 июля на постое в Перми по обывательским квартирам находились военнотружущие Екатеринбургских рот: сержант, каптенармус, 2 солдата и барабанщик; Артиллерийской команды: сержант, 2 капрала, канонир, 27 фузилеров, барабанщик, а также сержант Монетной роты [7].

Согласно месячным рапортам коменданта в городе Перми с января по май 1797 г. согласно штатам, должны были находиться следующие чины горных рот и артиллерийской команды: «В 1-й и 2-й Екатеринбургских ротах: Капитанов – 2; Поручиков – 2; Подпоручиков – 2; Прапорщиков – 2; Сержантов – 4; Унтер-офицеров – 6; Капралов – 12; Писарей – 2; Рядовых – 288; Барабанщиков – 6; Цирюльников – 2; Профосов – 2; Деньшиков – 10. В артиллерийской команде: Штык юнкер – 1; Сержант – 1; Капралов – 2; Канониров – 12; Фузелеров – 24; Денщик – 1» [8].

С июня 1797 г. горные роты в составе пермского гарнизона не числились. Видимо, это связано с воссозданием Берг-коллегии

и реформированием системы горного управления, объявленным указом от 19 ноября 1796 г. [9].

При Екатеринбургских ротах Пермским приказом общественного призрения в апреле 1784 г. была создана гарнизонная школа. Школа находилась в Екатеринбурге и была подчинена екатеринбургскому коменданту. В школе обучались 103 ребенка, дети нижних чинов 1-й горной роты, Монетной роты, команды ведомства Экспедиции мраморной ломки и прииску разных металлов, екатеринбургской штатной команды [10].

Основной задачей горных рот было несение гарнизонной службы, охрана казенных заводов, сопровождение караванов с казной и металлом. Так на 25 января 1797 г. из числа чинов двух рот в «городах на посылках и в ... командировке» находились: 4 сержанта, 2 унтер-офицера, 47 рядовых и барабанщик, в «Екатеринбурге и по заводам в караулах» поручик, 2 унтер-офицера, 8 капралов, 132 рядовых, 3 барабанщика, профос и «по размежеванию земель» – 2 рядовых. Собственно, в Перми несли службу «в городском карауле»: сержант, капрал, 28 рядовых, в нижнем земском суде 3 рядовых, при работном доме – рядовой, при воспитательном доме – рядовой, при рекрутском присутствии – поручик, прапорщик и рядовой, «при казенных материалах» – капрал и 5 рядовых, «у разных должностей» 2 капрала, 20 рядовых, капитан и рядовой числились «не прибывшими к комендантам» [11].

Из послужных списков офицеров рот известно, что в основном чины отправлялись в командировки с караванами в Санкт-Петербург, но были и другие места. Так подпоручик 2-й роты Александр Мороков в 1780 г. сверх комплекта был командирован в Таганрог [12].

Служба офицеров в горнозаводских войсках была не престижной и не предполагала быстрой карьеры. В указе, которым горные офицеры Колывано-Воскресенского горного начальства приравнялись к артиллерийским офицерам, отмечалось, что «произведенные из российских людей в горные штаб- и обер-офицеры... в таком от служащих в армейских и гарнизонных полках штаб- и обер-офицеров презрении, что не хотят их и за офицеров признавать; а на гауптвахтах, или при ином каком карауле часовые оным горным офицерам и чести ружьем не отдают, поставяя их за мастеровых людей, а не за офицеров; и как из того

им презрения следует, что из дворянства в горную науку ни кто идти не хочет» [1, т.15, с. 697]. При создании Пермского наместничества одна из просительниц хлопотала о переводе горного офицера из Нерчинска на Урал: «... сей бедной офицер дворянин и притом порядочного поведения человек..., но сие время продолжал он службу прапорщиком в Сибири в Нерчинском горном батальоне, а как в оном производства чинами нет по штату, то и был он в сем чине десять лет, служа не только без пороку, но и с усердием. Сие объявлено в данном ему от военной коллегии пашпорте... данных ему от батальона и от главного тех Нерчинских заводов командира генерал-майора Бессермана о службе его хороших аттестатов...» [13].

Командирами Екатеринбургских роты и артиллерийской команды к моменту открытия наместничества были: первый – поручик Александр Саламатов и второй – капитан Сергей Ерапольсков, артиллерийской команды – штык-юнкер Михаил Медветчиков. Впрочем, капитан Ерапольсков только числился командиром роты. Еще 22 марта 1778 г. по приказу главного командира артиллерии асессора Аболианинова он был послан в Санкт-Петербург с казенным железным караваном. В 1780 г., находясь в командировке в столице, капитан «помре», о чем сообщил находившейся с тем же караваном прапорщик Шмелев. Как сказано в документе: «объявил, что действительно умре». Но, поскольку «настоящего повеления о выключении ево к ротным делам не прислано», то капитан продолжал числиться на службе и состоять в должности командира роты, как минимум, до начала 1781 г.[14]

Из 11 обер-офицеров и сержантов 1-й, 2-й Екатеринбургских горных рот и артиллерийской команды только двое происходили из дворянского сословия, у одного имелось 14 собственных крестьян, у второго 20 крестьян числилось за его отцом. Происхождение остальных было: двое из обер-офицерских детей, один из сержантских детей, трое из солдатских детей и один из монастырских крестьян. Два офицера имели необычное для воинских частей Урала происхождение: «прусской нации офицерский сын греческого вероисповедания» и «из обер-офицерских детей турецкой нации греческого вероисповедания». Обер-офицерские, солдатские и сержантские дети, в большинстве своем, были потомками чинов тех же Екатеринбургских рот. Офицеры имели разный образовательный уровень. Трое умели только читать

и писать по-русски, у двоих к этим знаниям добавлялось знание «части арифметики», в послужных списках прочих офицеров и сержантов отмечены знания геометрии, тригонометрии, артиллерии, умение составлять межевые чертежи, один офицер знал немецкий язык. Боевой опыт имелся только у шести офицеров, из них только двое участвовали в войнах с внешним врагом, остальные – в боях против войск Е. Пугачева [15].

Летом 1797 г. горнозаводские воинские команды были переведены снова из Перми в Екатеринбург, а «указом Правительствующего Сената от 16-го марта 1801 года, сравнены сии команды, касательно их управления таковыми же Колыванским заводом, где бывшие батальоны ... повелели именовать горною штатною командою, утвердив для оной и новый штат» [16].

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
2. ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 114. Л. 310–311; Ф. 316. Оп. 1. Д. 17. Л. 106.
3. Там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 114. Л. 310–311.
4. Там же. Ф. 316. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
5. Там же. Ф. 316. Оп. 1. Д. 20. Л. 151, 154.
6. Там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 114. Л. 311.
7. Там же. Ф. 316. Оп. 1. Д. 31. Л. 62–133.
8. Там же. Ф. 65. Оп. 2. Д. 683. Л. 1–10.
9. Там же. Ф. 65. Оп. 2. Д. 683.
10. Там же. Ф. 316. Оп. 1. Д. 73.
11. Там же. Ф. 65. Оп. 2. Д. 683. Л. 2.
12. РГВИА. Ф. 490. Оп. 5 (216). Д. 495. Л. 992, 994, 996.
13. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.
14. РГВИА. Ф. 490. Оп. 5 (216). Д. 495. Л. 992.
15. Там же. Ф. 490. Оп. 5. Д. 495.
16. ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 114. Л. 311.

УДК 94(470.5)“18/19”

В.П. Микитюк*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КОНСТАНТИН ЯСТРЕБОВ

Ключевые слова. *Предпринимательство, сельскохозяйственное птицеводство, «лишенец».*

Аннотация. *Статья посвящена екатеринбуржцу Константину Павловичу Ястребову, его предпринимательским начинаниям и его роли в деятельности Екатеринбургского отдела Российского общества сельскохозяйственного птицеводства. Кроме того, в статье рассказывается о попытках Ястребова в конце 1920-х – начале 1930-х гг. добиться отмены решений органов советской власти о лишении его пенсии и избирательных прав.*

V.P. Mikityuk**

BUSINESSMAN AND PUBLIC FIGURE KONSTANTIN YASTREBOV

Keywords. *Entrepreneurship, agricultural poultry farming, “lishen”.*

Abstract. *The article is devoted to Ekaterinburg resident Konstantin Pavlovich Yastrebov, his entrepreneurial endeavors and his role in the activities of the Ekaterinburg department of the Russian Society of Agricultural Poultry Breeding. In addition, the article describes Yastrebov's attempts in the late 1920s and early 1930s to have the decisions of the Soviet authorities to deprive him of his pension and voting rights reversed.*

После окончания Гражданской войны в Екатеринбург возвратилось немало бывших предпринимателей. Их судьбы складывались по-разному. Некоторые в период НЭПа вернулись к предпринимательским делам, другие устроились на работу в советские учреждения, третьи, находясь в преклонном возрасте, тихо доживали свой век, стараясь не привлекать внимания властей.

* Микитюк Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра экономической истории, Институт Истории и Археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: vmikitjuk@mail.ru.

** Mikityuk Vladimir Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Fellow, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: vmikitjuk@mail.ru.

Многим из этих людей, за которыми прочно закрепилось презрительное наименование «бывшие», приходилось совсем несладко. Чьи-то квартиры не раз обыскивались, кого-то неоднократно арестовывали, третьих лишали каких-то благ, в том числе избирательных прав. «Бывшие» сравнительно редко протестовали против произвола властей, так как понимали, что будет только хуже. Исключения, впрочем, случались. В нашей статье, речь пойдет о Константине Павловиче Ястребове, который лишившись пенсии и избирательных прав, сделал попытку добиться справедливости.

Константин Ястребов родился в Екатеринбурге 29 ноября 1862 г. [1, л. 46]. Его родителями были екатеринбургские мещане Павел Петрович и Фелицата Платоновна Ястребовы. Глава семьи не принадлежал к коренным екатеринбуржцам: он прибыл на Урал, будучи мещанином г. Плес Костромской губернии. Обосновавшись в Екатеринбурге, П.П. Ястребов пополнил ряды ремесленников. Как правило, его аттестовали гравером по камням и металлам.

Дела Ястребовых складывались по-разному. Какое-то время они шли в гору, что позволило Павлу Петровичу стать домовладельцем: он смог приобрести усадьбу № 32 на Коробковской улице. Усадьба состояла из деревянного одноэтажного дома, двух флигелей, служб и бани. На ее территории располагалась и мастерская, в которой трудились Павел Петрович и его сын Николай.

Наличие кое-какого достатка позволило родителям определить юного Константина в Екатеринбургское реальное училище. Однако светлая полоса в жизни сменилась темной, что не преминуло сказаться и на судьбе реалиста. Его обучение было прервано. По-видимому, родители решили, что сыну пора самому зарабатывать на жизнь. В 1878 г. Константин Ястребов стал служащим Богословского горного округа: ему удалось занять должность смотрителя на Ивдельских золотых приисках, причем новоявленному служащему было всего 16 лет.

Трудоустройство сына не слишком улучшило материальное положение Ястребовых: оно продолжало ухудшаться. В конце 1883 г. их дом за долги перед городским общественным банком был выставлен на публичные торги [2, с. 691]. Каким-то образом Ястребовы выкрутились: дом остался их собственностью, но его владельцем стал числиться Николай Павлович Ястребов.

Во время всех этих событий Константин Ястребов находился далеко от Екатеринбурга. Какое-то время он продолжал работать на золотых промыслах, а затем был призван на военную службу и сменил холодный Богословский Урал на жаркую Среднюю Азию: в 1884–1887 гг. он находился на территории современного Узбекистана. Отслужив, Константин Ястребов продолжил трудовую деятельность. Но на Урал он не вернулся, а отправился в Олекминский горный округ (Якутская область), снова устроившись на золотые прииски. Начав службу на приисках Витимской системы в 1887 г., Константин Павлович окончил ее только в начале XX в.

По-видимому, именно в Якутии у Ястребова появилось новое увлечение – разведение домашней птицы. Это хобби Константин Павлович надеялся со временем превратить в бизнес-проект. Стремясь пополнить багаж знаний, он после оставления службы на Алтае стал слушателем агрономических курсов в С.-Петербурге и Казани.

В 1902 г. Константин Павлович вновь стал жителем Екатеринбурга. По его утверждению, в том же году он стал служащим городского попечительства о бедных, с ходу заняв должность заместителя его председателя [3, л. 2]. Однако подобной организации на тот момент в городе не было. В городе действовала ее предтеча – комитет по разбору и призрению нищих, причем руководящие должности в нем занимали городской голова и члены городской управы. По утверждению же Ястребова он работал в попечительстве в 1902–1919 г.

Некоторое время спустя после возвращения в Екатеринбург Константин Ястребов женился на купеческой дочери Евгении Федоровне Соловьевой. Соловьевых знали на Урале как крупных торговцев мануфактурой. Городские сплетники именовали их «миллионщиками», но надежных доказательств того, что родители невесты обладали миллионным состоянием не выявлено. Однако без сомнения они были вполне состоятельными людьми и могли дать своей единственной дочери приличное приданное. К моменту свадьбы отца невесты уже не было в живых – Федор Филиппович Соловьев, в прошлом крестьянин Вязниковского уезда Владимирской губернии, а затем, начиная с марта 1857 г., екатеринбургский купец, скончался 3 июня 1893 г. [4, л. 146].

Его супруга, Матрена (Матрона) Ульяновна, после смерти мужа, продолжала вести коммерческие операции. Вероятно, выдавая

дочь замуж, она надеялась заполучить в лице зятя помощника в торговом деле. Но этого по каким-то причинам не произошло. Видимо, ни у Ястребова, ни у его молодой жены душа к мануфактурной торговле не лежала.

По неясной причине венчание молодых состоялось не в Екатеринбурге, а в Москве. Произошло это 4 декабря 1904 г. К слову сказать, супруга К.П. Ястребова не была родной дочерью Ф.Ф. и М.У. Соловьевых. Она была подброшена к дому Соловьевых, и бездетная пара удочерила ее. В 1905–1907 гг. у четы Ястребовых появилось трое детей. Сын Валерий, родившийся 24 октября 1907 г., умер в возрасте трех недель [5, л. 32, 77]. Несколько ранее у четы Ястребовых появились две дочери, Вера и Варвара, причем Вера, подкинутая к ястребовскому дому в июне 1906 г., была удочерена Константином Павловичем и Евгенией Федоровной.

Отказавшись от мануфактурной торговли, Ястребовы без дела не остались. Константин Павлович занялся разведением домашней птицы. Хлопотное птичье хозяйство в основном содержалось при усадьбе Ястребовых на Фетисовской улице, правда, не всегда, при одной и той же усадьбе. Вероятно, перемещение птицеводного хозяйства было связано с тем, что Ястребовы после свадьбы получили одну усадьбу на Фетисовской, а после смерти М.У. Соловьевой, скончавшейся 29 января 1913 г. [6, л. 83], другую, на той же Фетисовской улице.

Разводя сельскохозяйственную птицу, Ястребовы постепенно расширяли дело. Став владельцами дачного участка в д. Шарташ, они вскоре разместили близ дачи молочную ферму, причем ее основной владелицей какое-то время считалась Е.Ф. Ястребова. Позднее Константин Павлович утверждал, что ферма не была коммерческим предприятием, но есть факты, противоречащие этому. В местной прессе появлялись объявления, рекламирующие продукцию ястребовского заведения: «Ферма Е.Ф. Ястребовой. Фетисовская ул., д. № 15. Молочные продукты всегда свежие» [7, с. 4]. В других объявлениях более конкретно указывалось, какие молочные продукты производятся на ферме Ястребовых. Так, в начале 1914 г. Ястребовы рекламировали масло сливочное парижское (60 коп. фунт), сметану сливочную (30 коп. фунт), творог (5 коп. фунт), сливки обыкновенные (40 коп. бутылка), сливки сепарированные (60 коп. бутылка). Рекламную деятельность Ястребовы вели довольно вяло.

Ястребов, занимаясь птицеводством, одновременно уделял немало времени общественной жизни. В короткое время он стал членом ряда общественных организаций, в т. ч. действительным членом городского отдела Российского общества покровительства животных, членом-жертвователем вольного пожарного общества. Кроме того, он вступил в ряды местного комитета Российского общества Красного Креста. В вышеперечисленных организациях Ястребов вел себя крайне сдержанно, ограничиваясь уплатой членских взносов и периодическим участием в общих собраниях.

Совсем иначе Ястребов вел себя в Екатеринбургском отделе Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, в которое он вступил в 1903 г. Эта молодая организация, возникшая в 1896 г., в начале 1900-х гг. находилась на грани ликвидации. Кризис общества в основном был вызван деятельностью председателя правления общества, горного инженера Н.И. Шлезигера, который был прекрасным специалистом в деле разведения домашней птицы и сыграл едва ли не решающую роль в создании местного отдела Российского общества сельскохозяйственного птицеводства. Правда, очень быстро обнаружилось, что Шлезигер обладает непростым характером. Он был грубоват и порой высокомерен: мог назначить общее собрание — и не прийти на него. Такое поведение председателя правления привело к оттоку членов. Осенью 1903 г. Н.И. Шлезигер покинул правление, и началось возрождение общества, которое, в частности, выразилось в увеличении его численности и организации выставок.

Среди неофитов был и К.П. Ястребов, причем он не только был избран в члены общества, но и вошел в состав правления. Авторитет Константина Павловича среди товарищей по увлечению быстро рос, что нашло отражение в выборе его на разные должности. 15 августа 1904 г. Ястребов был выбран членом комитета, которому было поручено провести выставку домашней птицы. 5-я очередная выставка состоялась 12–14 сентября 1904 г. в Харитоновском саду и привлекала много экспонентов: «Экспонаты преимущественно породистая птица. Гвоздем выставки обещает быть витрина по очистке пуха и пера, которая будет работать. Большие коллекции птиц ставят Е.И. Бакина и И.С. Лебедев. Участвуют экспоненты из Шадринска гг. Салазкин и Мокеев, из с. Катайского г. Пушкирев, местные г-жи Е.Н. Ожегова, Н.П. Бакина, М.Л. Коцинская,

М.А. Дягилева, гг. Шикеданц, Ястребов, Яниев, Чадов, Дорн, Трусов и др.» [8, с. 3]. Участие в этой выставке принесло Константину Павловичу бронзовую медаль.

К 1908 г. Константин Павлович стал одной из центральных фигур в екатеринбургском отделе Российского общества сельскохозяйственного птицеводства. 23 января 1908 г. на его квартире состоялось общее собрание членов самостоятельной организации, на котором был избран новый председатель правления – Константин Павлович Ястребов, позднее не один раз переизбиравшийся на эту должность. Первый год пребывания на посту председателя для Ястребова получился весьма бурным, так как назрел вопрос об изменении правил участия в выставках: на обсуждение поступило три варианта, причем один из них был представлен Константином Павловичем. В октябре 1908 г. птицеводы провели три собрания, посвященные обсуждению представленных проектов правил. Лишь третье собрание принесло результат: «Правила о выставках утверждены лишь после продолжительных и горячих дебатов, вызванных главным образом введением в правила параграфов, влекущих удаление с выставки экспонатов тех лиц, которые допустят фальсификацию птицы и некорректное отношение к выставке или к отделу. Вопрос о времени осенней выставки птицеводства за неимением в виду помещения для нее оставлен открытым. Затем на том же собрании решено составить и отпечатать иллюстрированный справочник отдела птицеводства, причем расходы по изданию справочника председатель отдела общества г. Ястребов взял на себя, а доход от распродажи его предоставил в пользу отдела» [9, с. 2].

В последующие годы Ястребов внес большой вклад в деятельность самостоятельной организации. Он руководил работой правления, организуя его заседания, своевременно проводил общие собрания, а также предпринимал значительные усилия по организации новых выставок, которые, по сути дела, являлись главным направлением деятельности екатеринбургских любителей птицеводства. Организация выставок была делом сверхтрудным, так как отдел не располагал сколько-нибудь существенными средствами и не имел своего выставочного помещения. Председателю отдела и его коллегам по правлению приходилось ежегодно вести переговоры об аренде какого-нибудь помещения. Так, для 10-й выставки удалось нанять часть Уральского горного училища (1909 г.),

13-я выставка прошла в частном доме В.Е. Ятеса (1912 г.), 15-я выставка удобно разместилась в саду мужской гимназии (1914 г.).

Интерес горожан и жителей сел, расположенных близ Екатеринбурга, к выставкам постепенно рос. Это, в частности, выразилось в росте числа посетителей. Если на первых выставках посетители исчислялись сотнями, то в 1909 г. выставку за три дня посетило до 1500 человек. Интерес к выставке проявляли птицеводы других населенных пунктов, порой весьма отдаленных. Так, на выставку 1909 г. поступил экспонат из Екатеринославской губернии [10, с. 3].

Константин Павлович и его единомышленники много сделали для популяризации птицеводства в крестьянской среде. Пресса, описывая очередную выставку, отмечала: «Председателем выставочного комитета г. Ястребовым, а также и его членами даются подробные указания по уходу и вскармливанию птицы, а крестьянам раздаются брошюры. Надо отметить, что интерес к выставке, устраиваемой ежегодно, заметно прогрессирует, возрастает также и интерес к ней крестьян, считавших ее раньше лишь “барской” затеей. Теперь крестьянин охотно покупает породистых петухов, уступаемых им для удобства за пуд пшеницы за штуку» [10, с. 3.]. Для привлечения крестьян птицеводы стали практиковать на выставках открытие отделов козоводства и кролиководства.

Возглавляя правление екатеринбургского отдела Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, К.П. Ястребов проявил себя умелым организатором. Во многом благодаря его эффективному руководству отдел продолжал действовать даже в условиях Первой мировой войны.

Начиная со второй половины 1900-х гг., авторитет К.П. Ястребова как общественного деятеля постепенно рос, поэтому его все чаще рассматривали как кандидата на занятие разных выборных должностей. Так, в 1907 г. он был избран на должность старосты Покровской церкви, действовавшей при мужской гимназии. Занимая эту должность, Ястребов смог сделать немало полезного. 6 декабря 1912 г. за заслуги по министерству народного просвещения он был пожалован серебряной медалью для ношения на шее на Владимирской ленте.

Не редкостью для К.П. Ястребова было участие в благотворительных акциях. Их организаторы часто обращались к горожанам

за пожертвованиями деньгами и вещами. Если деньги сразу шли в дело, то вещи использовались для проведения лотерей. К.П. Ястребов не раз откликался на просьбы организаторов акций. Так, он сделал пожертвования вещами для лотереи, организованной 4 мая 1914 г. семейно-педагогическим кружком. 22 февраля 1916 г. он сделал пожертвование для новой лотереи: прибыль от нее поступила в фонд местного общества борьбы с чахоткой. В этот же период он тесно сотрудничал с обществом милосердия, делая ему разные пожертвования вещами. В 1915 г. Ястребов передал детскому убежищу общества милосердия «тика 29 аршин, ситцу 47 аршин, коленкору серого 60 аршин, 3 шали, 2 мешка шерсти, пимов 5 пар, 12 подушек перовых», а также корову [11, с. 6].

Занимаясь общественной деятельностью, Ястребов не забывал о своем хозяйстве, сделав его образцовым. Кроме того, он время от времени экспериментировал, создавая новые типы клеток и кормушек, а также разработал оригинальную смесь для птичьего корма. В нее вошли сушеная крапива, клевер, костяная и овсяная мука, жженная известь, анис, овес, пшеничная мякоть, сушеное мясо. Пропорции этой смеси Ястребов не разглашал [12, с. 3].

С началом Первой мировой войны предпринимательская деятельность Ястребовых столкнулась с рядом препятствий, причем все большей помехой для них становилась быстро растущая дороговизна, коснувшаяся практически всего. С каждым годом Ястребовым приходилось увеличивать расходы на содержание птичника и коровьего стада, так как быстро росли цены на корма. Немалых расходов требовало содержание коровника в зимнее время, поскольку дороговизна дров в военные годы стала притчей во языцех.

Реагируя на ухудшающуюся обстановку, Ястребовы в 1915 г. решились на радикальные меры: «Имеющий вблизи города довольно обширную молочную ферму К.П. Ястребов в последнее время решил таковую ликвидировать. Такое решение вызывается весьма высокими ценами и почти полной невозможностью иметь хорошего качества кормовые средства, вследствие чего содержание скота стоит очень дорого, несмотря на то что скот на ферме г. Ястребова весь породистый с весьма большой удойностью» [13, с. 5].

Впрочем, сведений о полной ликвидации фермы Ястребовыми не выявлено. Вероятно, они распродали часть скота, но ферму,

пусть в ограниченном размере, все-таки сохранили. Стоит отметить, что экономическая ситуация в период мировой войны менялась, и не всегда в сторону ухудшения. Определенные сектора экономики приспособлялись к новой реальности, благодаря чему наступала стабилизация, хотя и временная. В качестве примера такой адаптации можно привести деятельность Константина Ястребова, который в условиях войны сделал ставку на развитие кролиководства, и небезуспешно.

Если в 1914–1917 гг. Ястребовым удавалось справиться с разными трудностями, то в последующие годы им пришлось намного тяжелее. С органами советской власти отношения у К.П. Ястребова не заладились. Национализация, активно проводившаяся большевиками, коснулась и Константина Павловича. В мае 1918 г. ферма Ястребова была передана городскому продовольственному комитету». Позднее семейство Ястребовых лишилось и своих усадеб.

Несмотря на сложные отношения с советской властью, К.П. Ястребову удалось сравнительно благополучно пережить период Гражданской войны. Он даже успел послужить в Красной Армии, проработав некоторое время кассиром в головном эвакуункте 5-й Армии. После окончания войны бывший предприниматель трудился в разных советских учреждениях. Проблемы со здоровьем заставили его отказаться от продолжения трудовой деятельности, ситуацию несколько скрасила возможность получать пенсию. Впрочем, именно она и стала новым источником проблем для Ястребова: в 1929 г. некий бдительный свердловчанин направил в соответствующие органы письмо, в котором выразил возмущение тем, что бывший капиталист смог стать советским пенсионером.

С этого момента для Константина Ястребова наступили сложные времена. Сначала он был исключен из числа пенсионеров. Ястребов смог добиться отмены этого решения, но ненадолго. Советские чиновники, не нашедшие формальных поводов для лишения Константина Павловича пенсии, отметили, что это можно было бы легко сделать, если бы бывший капиталист был поражен в правах, прежде всего лишен избирательных прав. Эта мысль не пропала. В 1930 г. Ястребов сперва лишился избирательных прав, а затем утратил возможность получать пенсию.

И на этот раз К.П. Ястребов не смолчал. Он написал ряд заявлений в различные инстанции. В заявлениях он протестовал против

произвола и требовал отмены решений о прекращении выплаты пенсии и лишения избирательных прав. В выражениях Константин Павлович не стеснялся. Бдительного гражданина, начавшего компанию травли, он обвинил в том, что тот просто сводит с ним личные счёты. Обвинения в том, что он в дореволюционное время был коммерсантом и владельцем фабрично-заводского предприятия, Ястребов начисто отмел, причем последнее обвинение Константин Павлович назвал «нелепым и необоснованным» [5, л. 1]. Стоит при этом заметить, что, отстаивая свои права, Ястребов порой приводил сведения, выглядящие недостоверными.

В своих заявлениях К.П. Ястребов старательно приводил доказательства того, что всю его деятельность можно считать трудовой, никак не связанной с предпринимательством и эксплуатацией наемного труда. Эти документы четко свидетельствуют, что Ястребов был человеком неробкого десятка. Кроме того, они говорят, что он неплохо ориентировался в советской действительности и был неплохо знаком с действующим законодательством. Так, ставя себе в заслугу пропаганду в дореволюционное время кролиководства, Константин Павлович указывал, что последнее занятие усиленно пропагандируется советской властью [5, л. 3]. Протеста против лишения избирательных прав, он ссылался на инструкцию о выборах в Советы, которая рекомендовала «восстанавливать в правах торговцев и промышленников, если они имеют не менее 5 лет общественно-полезного труда» [5, л. 3 об].

Доказывая свою правоту, Константин Павлович постарался заручиться поддержкой людей, знавших его в дореволюционный период. Среди последних оказались горный инженер А.Н. Кузнецов, врачи Л.В. Лепешинский и И.Г. Упоров и другие. Как правило, знакомые Ястребова свидетельствовали в его пользу. Так, А.Н. Кузнецов заявил: «Будучи коренным уральским жителем, я сим свидетельствую и подтверждаю, что т. Ястребов К.П. никогда торговлей не занимался, имел в с. Шарташе образцовую молочную ферму и образцовое птицеводство, имевших в свое время большое культурное значение, как показательные хозяйства, не преследующих коммерческих целей» [5, л. 11].

Никакие аргументы ни на избирательные комиссии, ни на пенсионную кассу не действовали. Напротив, заявления свидетелей порой использовались против Ястребова. Так, врач И.Г. Упоров

указал, что он иногда лечил животных на ферме Ястребовых. Это дало повод советским чиновникам записать его в число ястребовских наемных работников.

В конце концов, все жалобы К.П. Ястребова были отклонены. К сожалению, сведений о его дальнейшей жизни не выявлено.

Биография Константина Павловича Ястребова является ярким примером нелегкой судьбы тех россиян, которым привелось жить и работать на крутом витке истории, повлекшим за собой радикальные изменения почти во всех областях жизни. В новой советской действительности людям, зачисленным в ряды «бывших», места чаще всего не было.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 181.
2. Объявление // Екатеринбургская неделя. – 1883. – № 46. – 2 ноября.
3. ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 6. Д. 9635.
4. ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 874.
5. ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 77.
6. ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 214.
7. Объявление // Уральская жизнь. – 1911. – № 6. – 9 января.
8. К выставке птицеводства // Урал. – 1904. – № 2087. – 11 сентября.
9. Общее собрание // Уральский край. – 1908. – № 219. – 8 октября.
10. На выставке птицеводства // Уральский край. – 1909. – № 279. – 31 декабря.
11. Отчет о деятельности общества милосердия за 1915 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1916. – № 13. – Отдел неофициальный. – Приложение. – 27 марта.
12. Новое изобретение // Уральский край. – 1910. – № 1. – 1 января.
13. Ликвидация скотоводного хозяйства // Зауральский край. – 1915. – № 81. – 12 апреля.

УДК 908 (471.5)

И.А. Новиков*

У ИСТОКОВ КРАЕВЕДЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА: В.Н. ТАТИЩЕВ И П.И. РЫЧКОВ

Ключевые слова. Краеведение, Южный Урал, В.Н. Татищев, П.И. Рычков, «Топография Оренбургская», «Горнозаводская топография».

Аннотация. Автор рассматривает роль краеведов-первопроходцев В.Н. Татищева и П.И. Рыčkова в изучении Южного Урала в 1730–1770-е гг. Показаны и проанализированы основные направления их деятельности: изучение природы Южного Урала, определение границы Европы и Азии, изучение сибирских древностей, создание «Истории Оренбургской», «Топографии Оренбургской губернии» и «Горнозаводской топографии».

I.A. Novikov**

AT TRE ORIGINS OF TRE LOCAL HISTORY OF TRE SOUTHERN URALS V.N. TATISCHEV AND P.I. RYCHKOV

Keywords. *Local history, Southern Urals, V.N. Tatishchev, P.I. Rychkov, “Orenburg Topography”, “Mining Topography”.*

Abstract. *The author examines the role of the pioneering local historians V.N. Tatishchev and P.I. Rychkov in the study of the Southern Urals in the 1730s – 1770s. The main directions of their activity are shown and analyzed: the study of the nature of the Southern Urals, the definition of the border of Europe and Asia, the study of Siberian antiquities, the creation of the “History of Orenburg” “Topography of Orenburg province” and “Mining Topography”.*

2022 год – столетие организованного краеведческого движения в России. Прошедшая в декабре 1921 г. в Москве Первая всероссийская краеведческая конференции приняла решение о создании

* Новиков Игорь Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия); e-mail: novikovia69@mail.ru.

** Novikov Igor Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History and Law, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia); e-mail: novikovia69@mail.ru.

Центрального бюро краеведения (ЦБК), который стал руководящим органом краеведческого движения в РСФСР в 1920-е гг. [13, с. 10; 14, с. 16]. Органы власти были заинтересованы в деятельности обществ краеведения: «Массовые возникновения обществ краеведения не является очередным увлечением, не порывом. Это насущные запросы каждого самоопределяющегося края – это есть следствие современной политики СССР. Через краевые организации государство быстрее подойдет к разрешению проблем производства, к изучению производительных сил страны и быстрее докажет мировому капиталу мощь и силу республики» [34].

Основы краеведческих исследований Южного Урала были заложены в 1730–1770-е гг. одновременно с освоением края и строительство заводов на его территории. Первопроходцами выступили В.Н. Татищев и П.И. Рычков. На протяжении двух с лишним веков их жизнь и деятельность находится в центре внимания отечественной историографии, в том числе и на современном этапе. Это обуславливается широким кругозором интересов и занятий В.Н. Татищева и П.И. Рычкова, вкладом в развитие России и ее регионов. В память о В.Н. Татищеве уже четверть века, с 1997 г. в Екатеринбурге проводятся «Татищевские чтения». Из современных исследователей наследия Василия Никитича отметим: Н.Н. Алеврас, М.А. Киселева и А.И. Торопицына [1; 10; 11; 12; 31; 32] и других. Интересные находки о предках В.Н. Татищева сделала Т.В. Вересова из Пскова [4; 5; 6]. Не меньшее внимание уделяется и П.И. Рычкову, его научному наследию, осмыслению, переизданию его трудов: А.В. Ефремовым, И.В. Кучумовым, Г.П. Матвиевской, В.В. Сидоровым [8; 16; 17; 19; 27]. А.М. Русанов и М.А. Долгов подготовили статью к 300-летию П.И. Рычкова [24]. Рассмотрели его как регионоведа В.В. Литовский В.В. и А.И. Татаркин [18], но только О.В. Гугнина определила П.И. Рычкова как краеведа [7]. Поэтому, по большей части, вклад В.Н. Татищева и П.И. Рычкова в краеведческие исследования, отнесение их к краеведам осталось в не поля зрения исследователей. Интересной и прорывной в этом направлении, по нашему мнению, представляется работа историка и краеведа из Петрозаводска А.М. Пашкова «Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века» [22].

Василий Никитич Татищев – не только государственный деятель: начальник Уральских заводов (1720–1722), главный начальник

Уральских заводов (1734–1737), руководитель Оренбургской экспедиции (комиссии) (1737–1739), Астраханский губернатор (1741), но и ученый: один из основателей исторической науки в России, географ, естествоиспытатель и краевед-исследователь тех мест, куда его отправляло государство для служения Родине.

В.Н. Татищев поражал современников широтой интересов и познаний. Его идеи вписываются в систему нового мировоззрения, выражавшегося в отходе от провиденциализма к рационализму. Основой мировоззрения стала теория естественного права. Как и большинство ее последователей, он был приверженцем сильной исполнительной власти, выступал за соответствие действующего законодательства естественным законам. Судьба Василия Никитича была сложной. При жизни он более был известен как инженер и чиновник-администратор. Позднее с его именем связывали только исторические изыскания, написание «Истории Российской». Он был сыном своей эпохи: и воином, и финансистом, и администратором, и дипломатом, и политиком, и ученым. Живя на рубеже «старой» и «новой» России, В.Н. Татищев воплощал в себе черты переходной эпохи, когда в одном человеке легко уживались грубость и любезность, обаяние и надменность, внешний лоск соседствовал с варварством и жестокостью [21, с. 7]. Эти противоположные черты в полной мере были свойственны и ему.

В марте 1720 г. В.Н. Татищева отправили на Урал во главе группы специалистов для обследования горнозаводской металлургической промышленности огромного Урало-Сибирского региона и для организации управления горнозаводской промышленностью Урала. Второе прибытие В.Н. Татищева на Урал состоялось в 1734 г.: в Екатеринбурге он стал во главе канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов. Во время пребывания В.Н. Татищева продолжилось строительство новых заводов. Он оказывал покровительство рудознателям, что привело к расширению разведанных запасов сырья. Крупнейшим из найденных месторождений было открытие железной руды на горе Благодать. В.Н. Татищев писал Анне Иоанновне, что «руды множество, весьма хороша и богата» [28, с. 162, 167].

10 мая 1737 г. по повелению Анны Иоанновны В.Н. Татищев стал во главе Оренбургской экспедиции (комиссии). Благодаря его деятельности в 1736–1737 гг. были заложены первые южноуральские

крепости: Чебаркульская, Челябинская, Миасская и Еткульская. Старший брат В.Н. Татищева Иван в 1737 г. стал первым воеводой образованной на новой территории Исетской провинции [35], занимая должность в течении двух лет [20, с. 622–623, 800]. Провинция была образована экстрактом В.Н. Татищева от 14 июля 1737 г. [36].

Для освоения новой территории и заселения Южного Урала В.Н. Татищев 2 ноября 1736 г. повелел: «Крепости или же редуты по дороге к Оренбурху по общему определению генерал-поручика и статского советника Кирилова четыре построены и всем надлежащим удовлетворены, в которых ныне гарнизоны содержатся Сибирские гарнизонные солдаты, а понеже в Сибирской губернии солдатства малое число <...> повелено из пограничных Сибирских слобод ис крестьян набрать 1000 человек и употреблять их для розездов и охранения границ как с башкиров так и Зенгорских калмык <...>» [37], а спустя неделю, 10 ноября, что «<...> для осмотра той дороги послать геодезиста, инженерного ученика изнаюсчих из Течи и Калмацкого броду крестьян двух человек <...>» [38].

За недолгое время пребывания на Урале на государственных должностях: начальника Уральских заводов (1720–1722), главного начальника Уральских заводов (1734–1737), руководителя Оренбургской экспедиции (комиссии) (1737–1739) – В.Н. Татищев в силу своей кипучей энергии находил время заниматься и научной деятельностью по изучению Урала. Мы выделим два его направления: во-первых, в определении прохождения границы между Европой и Азией, во-вторых, в изучении природы и примечательных особенностей мест на территории Урала, в том числе Кунгурской ледяной пещеры.

В своих работах, посвященных географии России, В.Н. Татищев при описании территории России пишет об Уральских горах, что «горы оные поворотили прямо к северу, даже до моря Ледовитого <...> и зовутся сии горы по-татарски Урал, по-русски Пояс Каменной. И оба сии имена едино значат. Сии горы разграничивают как Азию от Европы, так Сибирь от России» [29, с. 49].

Кроме того, он приводит примеры, доказывающие, что Уральские горы следует считать границей между Европой Азией: «ис сих гор как на восток в Сибирь или Азию, так на запад в Европу происходят великое множество рек малых и великих <...> Уфа <...> Теча, Миас, Уй <...> Сии реки не токмо течением, но и водами

разнствуют, по которому рыбы на обеих сторонах находятся разных родов <...> и вкусом различны. <...> В европейских же реках раков довольно, а в сибирских нигде нет и не знают. В Перми множество тараканов, а в Сибири их не знали, однакож ныне во многих пограничных местах оной гад показался. <...> на западной – кедров и горохового дерева, почитай, нет, но в Сибири великое множество. Сии и сему подобные обстоятельства подають притчину утверждать сии горы за границу между Азиею и Еуропою» [29, с. 50–51].

В 1734 г., при втором назначении на Урал, в силу данной ему инструкции, помимо вопросов управления заводами, 13-й пункт определял задачи В.Н. Татищева, относящиеся к изучению обширного края [23, с. 293]. Поэтому по прибытии на Урал в октябре 1734 г. он рассылает во все города края анкету с 92 вопросами исторического, географического и этнографического содержания, которые должны были уточнить картографию мест, прежде всего для определения природных ресурсов региона в целях расширения заводского строительства и составления карт региона. Спустя три года, в 1737 г., В.Н. Татищев представил «Предложение о сочинении истории и географии», в котором он расширил необходимые ему знания до 198 вопросов. В 1738 г. он составляет карты реки Яик (сегодняшний Урал) и ряда пограничных районов. Работает над «Общим географическим описанием Сибири», где им также дается обзор природных богатств края [1, с. 162; 167].

До сегодняшнего времени анкета-вопросник до нас не дошла, но которую возможно восстановить по присланным ответам из провинциальных канцелярий [30, с. 111–112]. Во втором ее разделе, вперемежку, встречаются вопросы и по географии, например:

2. <...> прибавление и убавление воды морской.
3. Когда начинают деревья расцветать, и когда отпадают листья на котором дереве. <...>
8. Есть ли воды или колодец лекарственные, и как ими лечатся.
9. Слышен ли у них бывает гром и в которые месяцы.
10. Сколько велик плод приносят в землю положенные семена.
11. Какие животные и дикие звери в той земле находятся и как их ловят.
12. Живут ли у них дятля и в которое время прилетают и отлетают.
14. Надлежит значить генерально все травы, которые в той стороне в какия-нибудь лекарства употребляют.

15. Обретаются ли там отравы или пауки, или каковыя другия вредительныя вещи.

16. Знают ли северное сияние, и часто ль бывает [9, с. 39]. <...>

Также для сочинения им «основательно географии», В.Н. Татищев предписывал присылать описания «сверх положения мест городов, рек, озер, гор и протчаго нужно описание народов живущих»:

1. Как они свои земли, владения именovali и ныне теми именами именуют.

2. Имена городов.

3. Рек.

4. Озер.

5. Гор и что на их языке значит, и от какой причины то звание сказывают [9, с. 40].

В силу возложенных на него обязанностей по управлению горных заводов и деятельности Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев в поездках по служебным делам по Уралу и части примыкающей к нему Западной Сибири примечал особенности местности, проживающих на ней народов, их занятия, природу, интересовался происхождением и качеством полезных ископаемых. Знал он и о высшей точке Южного Урала – горе Ямантау, «что в переводе с татарского звучит Худая гора» [29, с. 137]. Кроме рукописей и бумаг по географии и истории Урала и Сибири, Академия наук в 1734–1739 гг. неоднократно получала от В.Н. Татищева карты, составленные под его руководством геодезистами Оренбургской экспедиции [2, с. 96].

Благодаря присланным ответам и географическим исследованиям В.Н. Татищева о Среднем и Южном Урале, эта территория в первой половине XVIII в. была наиболее изученной по сравнению с другими районами России. Кроме того, он рассматривал Уральские горы как единое целое: обширную горную систему, называя ее «знатнейшую во всей Российской империи». В.Н. Татищев ввел в географию топонимы «Урал» и «Уральские горы» [3, с. 7]. Известный историк, краевед, основатель Союза краеведов России С.О. Шмидт считал, что с составленного В.Н. Татищевым «Лексикона», доведенного им до буквы «к» берет свое начало историческая география [33, с. 54]. Необходимо согласиться с мнением известного исследователя В.Н. Татищева историка

А.Г. Кузьмина, что, как и многие деятели, выросшие в петровское время, Василий Никитич Татищев стремился от практических дел к научным знаниям, а научные знания немедленно старался применить на практике [15, с. 111].

Изучение горнозаводской промышленности Южного Урала началось практически одновременно со строительством заводов. В 1759 г. опубликована «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии», а в 1762 г. – «Топография Оренбургской губернии» П.И. Рычкова, в которой впервые дана оценка сырьевых ресурсов южноуральского горнозаводского района, приведены сведения о строительстве заводов и рабочей силе. Его работа преследовала, прежде всего, практическую цель и должна была помочь при проведении политики государства в освоении южной части горнозаводского Урала. П.И. Рычков идеализировал жизнь заводских людей. Выступления горнозаводского населения против заводчиков объяснялась ими не жестокостью эксплуатации на заводах, а ленью и нежеланием работать [26, с. 139–141, 276–286].

Петра Ивановича Рычкова по праву можно назвать первым краеведом горнозаводского Южного Урала. Он вошел в историю и более известен как географ и историк, экономист и естествоиспытатель, первый член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук (в январе 1759 г.). На формирование его мировоззрения, научных и философских взглядов оказал влияние В.Н. Татищев. Хотя, первоначально, на нового командира Оренбургской комиссии ее бухгалтер не произвел впечатление и, даже В.Н. Татищев приказал «ево Рычкова скованного держать» [25, с. XVI]. Однако, увидев в нем одаренную личность, который не просто бухгалтер, а интересуется прошлым и настоящим нового региона России, стал поддерживать научные изыскания своего сотрудника. Взгляды и воззрения П.И. Рычкова сформировались под воздействием В.Н. Татищева, который ценил его как специалиста по народам юго-восточной окраины России. Многие направления исследований П.И. Рычкова стали продолжением научной тематики В.Н. Татищева. Оставил свой след на формирование П.И. Рычкова, как исследователя, и Г.Ф. Миллер [25, с. XVI–XVII].

За почти сорок лет пребывания в Оренбургском крае и на Южном Урале научные исследования выступали дополнением к государственной службе П.И. Рычкова. Последний период своей

жизни, с марта по октябрь 1777 г., он возглавлял горнозаводскую администрацию Урала, занимая должность главного командира Екатеринбургского заводского правления [39]. Несмотря на то, что на этом посту П.И. Рычков пробыл менее полугода, он успел развернуть кипучую деятельность [40]. Кроме того, сохранилась его обширная переписка с Сибирским губернатором Д.И. Чичериным, который высоко оценивал назначение П.И. Рычкова, считая, что «разнобоярщина в сем соседственном месте была мне в тягость <...> теперь я уверен, что все сии непорядки прекратятся <...>» [41].

Получив назначение в Екатеринбург, он сразу же поручил, подведомственному Оренбургскому горному начальству, составить описание южноуральских горных заводов. Для этого им была 10 июня 1777 г. разработана анкета, состоящая из семи пунктов, и разослана на заводы: «При возложении на меня вышеозначенных Екатеринбургских дел к должности моей принадлежит и то, чтоб сочинить на все тамошнее правление такую же топографию, какова мною сочинена и в печать издана об Оренбурге с топографическим и историческим лексиконом, к чему о каждом медном и железном заводе потребно следующие мне известии.

1. В котором году и по какому указу заводы построены и нынешние содержатели оные тель самые по просьбе коих завод строены или после кого по наследству и чрез покупку же имеет.

2. Много ль плавильных печей или домен на каждом заводе <...> есть ли разбивные и расковочные молоты и другие фабрики в каком количестве состоит.

3. Плотины и фабрики сколь велики и на каких именно реках построены, и те реки в какие впадают.

4. Меди, чугуна и железа посколку пудов в год выплавляется и куда отправляемо бывает сухим или водным путем, и далеко ль от каждого заводу сухопутные болшие реки и пристани и продукты оные заводы к каким портам и куда отправляются сухим или водным путем.

5. Сколько при коем заводе записные по отвыденные рудников и далеко ль от заводу далные и самые ближние.

6. Леса употребляемые на строении и на жжение угля какого болше качества, достаточно ль оные на все заводские потребности, и в каком они разстоянии от завода.

7. Покупные и приписные к заводам крестьяне и мастеровых людей много ль, и те приписные крестьяне в каком разстоянии от заводу жительствоуют, как те жительство их называются и сколько в котором жительству душ положенные в подушный оклад, на каких землях они поселены, то есть покупные они ль заводчиками, или тех жительство старинные. Того ради Оренбургское горное начальство сочиния о всем том обстоятельное и верные ведомости одождается прислать при репортах на мое имя в Екатеринбург как возможно наискорее, и не ожидая вторичных о том подтверждений, о чем от меня и еще куда надлежало предложении послан» [42]. Среди приславших ответы с описанием значатся Златоустовский и Саткинский заводы Л.И. Лугинина [43]. Однако преждевременная смерть П.И. Рычкова помешала закончить данное начинание.

Таким образом, государственная деятельность В.Н. Татищева нашла отражение в управлении горнозаводской промышленности Урала, в строительстве заводов и крепостей, в основании новых городов: Екатеринбурга и Перми, Ставрополя-на-Волге и Челябинска и многих других, в покровительстве старшему брату Ивану, поставленного во главе Исетской провинции. Незаурядный талант В.Н. Татищева проявился в изучении Среднего и Южного Урала: в определении, что граница между Европой и Азией проходит Уральскому хребту, в изучении сибирских древностей, им положено начало научного краеведения по изучению Южного Урала. П.И. Рычков продолжил начинания В.Н. Татищева. Благодаря трудам П.И. Рычкова Оренбургский край и Южный Урал стали известны далеко за пределами России. «История Оренбургская», «Топография Оренбургской губернии» и незаконченная «Горнозаводская топография» стали основой для следующих поколений исследователей-краеведов Южного Урала.

Библиографический список

1. Алеврас Н.Н. Татищев Василий Никитич, государственный деятель, историк, географ, руководитель Оренбургской экспедиции (330 лет со дня рождения) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2016 / сост. И.Н. Пережогина, Р.Р. Хайретдинова. – Челябинск: ЧОУНБ, 2015. – 344 с. – С. 159–169.

2. Андреев А.И. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири // Советская этнография. – 1936. – № 6. – С. 93–103.
3. Архипова Н.П. В.Н. Татищев – первый географ Урала // Первые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург: Ин-т ист. и археологии УрО РАН; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 1997. – 238 с. – С. 7–9.
4. Вересова Т.В. Архивные источники о псковских вотчинах Никиты Алексеевича Татищева // Литературоведческий журнал. – 2020. – № 3 (49). – С. 133–143.
5. Вересова Т.В. Где родился автор «Истории Российской?» // Московский журнал. История государства Российского. – 2021. – № 9. – С. 53–57.
6. Вересова Т.В. Малая родина В.Н. Татищева: поиски истины в исторических архивах Москвы и Санкт-Петербурга // I Международная научно-практическая конференция, 22–23 ноября 2018 г. / Госуд. архив. Псковской обл. и др.; сост. В.Г. Кузьмин, В.П. Волкова. – Псков: Логос, 2019. – 173 с. – С. 11–17.
7. Гугнина О.В. Персоналии в курсе исторического краеведения: Петр Иванович Рычков // Колпинские чтения по краеведению и туризму: материалы межрегион. с междунаро. участием науч.-практ. конф. 26 марта 2019 г. / отв. ред. С.И. Махов, Н.Е. Самсонова, Д.А. Субетто, В.Д. Сухоруков; науч. ред. А.А. Соколова. В 2-х ч. Ч. 1. – СПб.: РПГУ им. А.И. Герцена; ЛОИРО, 2019. – 388 с. – С. 212–216.
8. Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков: Историк и просветитель. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. – 120 с.
9. Историко-географическая анкета Татищева // Советские архивы. – 1985. – № 5. – С. 38–41.
10. Киселев М.А. В.Н. Татищев и становление картографирования Урала в начале 1720-г гг. // Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.): материалы / отв. ред. И.В. Побережников; М-во культуры Свердловской области; СОКМ им. О.Е. Клера; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Урал. гос. архитектурно-художественный ун-т; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2020. – 416 с. – С. 14–20.
11. Киселев М.А. Государственная деятельность В.Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевским заводом) // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 31–38.

12. Киселев М.А. Проект Горного и Заводского устава В.Н. Татищева: от замысла до реализации // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 108. – № 4. – С. 38–50.
13. Козлов В.Ф. Первая всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и его роль в организации краеведческого движения // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Владимир, 27–28 мая 2011 г.) / Отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. – М.: Издат. центр «Краеведение», 2012. – 512 с. – С. 10–19.
14. Козлов В.Ф. Центральное бюро краеведения (ЦБК) как руководящий орган краеведческого движения в 1920-е гг. // Шестые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Можайск, 1–2 июня 2012 г.) / Отв. ред. В.Ф. Козлов; сост. А.Г. Смирнова. – М.: Издат. центр «Краеведение», 2012. – 816 с. – С. 16–30.
15. Кузьмин А.Г. Русское просветительство XVIII в. // Вопросы истории. – 1978. – № 1. – С. 106–125.
16. Кучумов И.В. Научный интерес бухгалтера: история Башкортостана в трудах русского историка // Родина. – 2001. – № 11. – С. 41–44.
17. Кучумов И.В., Смирнов Ю.Н. Первый труд по истории Башкортостана // Рычков П.И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. – Уфа, 2001. – XXX с.; 295 с. – С. V–XXX.
18. Литовский В.В., Татаркин А.И. Петр Иванович Рычков: у истоков российского регионоведения // Вестник Уральского отделения Российской Академии наук. Наука. Общество. Человек. – 2012. – № 3. – С. 47–53.
19. Матвиевская Г.П. Жизнь и деятельность П.И. Рычкова. – Оренбург: Губерния, 2008. – 606 с.
20. Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 2008. – 831 с.
21. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 397 с.
22. Пашков А.М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. – 302 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. Т. IX. 1733–1736. № 6559. – СПб.: Типогр. II Отд. Собст. Его Импер. Вел-ва Канц., 1830. – 1022 с.
24. Русанов А.М., Долгов М.А. Памяти первоисследователя Оренбуржья П.И. Рычкова (к 300-летию со дня рождения) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 12 (131). – С. 10–12.

25. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2001. – XXX с.; 295 с.
26. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – 309 с.
27. Сидоров В.В. П.И. Рычков – летописец Южного Урала. – Уфа: ИЦ Уфим. фил. МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. – 111 с.
28. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750. – М.: Наука, 1990. – 436 с.
29. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. – М.: Госуд. изд-во географ. лит-ры, 1950. – 248 с.
30. Титова Э.Д. В. Н. Татищев и изучение народов Сибири в XVIII в. // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 6. – С. 110–114.
31. Торопицын И.В. В.Н. Татищев и социально-экономическое развитие России первой половины XVIII века. – Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2001. – 252 с.
32. Торопицын И.В. Проведение В.Н. Татищевым административной реформы в Уфимском уезде (Башкирии) в 1737–1738 гг. // В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России в прошлом и настоящем: материалы междунар. науч. конф., 5–7 октября 2006 г. / сост. В.В. Ишин, И.В. Торопицын. – Астрахань: Астрахан. ун-т, 2006. – 302 с. – С. 60–69.
33. Шмидт С.О. Зодчий наук // Родина. – 1989. – № 3. – С. 53–55.
34. АЗГО. Ф. И-107. Оп. 1. Д. 60. Л. 11.
35. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 139. Л. 891 об; Там же. Оп. 13. Д. 757. Л. 90.
36. Там же. Оп. 3. Д. 139. Л. 889, 891 об.
37. Там же. Л. 141 об.
38. Там же. Л. 165 об.
39. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 3. Д. 1364. Л. 412; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 89. Л. 4.
40. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 89.
41. Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 8945. Л. 4.
42. Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 304. Л. 1.
43. Там же. Л. 14–15 об.

УДК 94(470.5)“17”

Н.Н. Новиченков*

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЕРХОТУРСКОГО ВОЕВОДЫ
А.В. БЕКЛЕМИШЕВА С В. ДЕ ГЕННИНЫМ**

Ключевые слова. Горнозаводское производство, таможенный центр, государственная дорога в Сибирь, начальник Сибирских заводов.

Аннотация. Автор анализирует взаимоотношения верхотурского воеводы и управляющего Сибирскими заводами, их взаимовыгодное сотрудничество на примере Лялинского медно-плавильного завода.

N.N. Novichenkov**

**THE RELATIONSHIP OF THE VERKHOTURSKY VOIVODE
A.V. BEKLEMISHEV WITH V. DE GENNIN**

Key words. Mining works, customs center, tsar's road to Siberia, governor of the Siberian plants.

Abstract. The author analyzes the relations between Verkhotursky governor and the governor of governmental Siberian plants, their mutually beneficial cooperation on the example of Lyalya copper-smelting plant.

Первая четверть XVIII века. В муках рождался горнозаводской Урал. В декабре 1701 г. домна Невьянского завода, построенная верхотурским воеводой Кузьмой Петровичем Козловым, дала первый чугун. Однако к началу 1720 г. казенное горнозаводское производство на Урале оказалось в запущенном состоянии. Одной из главных причин была неэффективность системы управления государственными металлургическими предприятиями. По традиции, руководство строительством и надзор за заводами поручалось воеводам и другим представителям местной администрации.

Специфика же промышленного производства требовала выделения отрасли в специальное управление. Посланный Берг-коллегией

* Новиченков Николай Николаевич, директор ГБУК СО «Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник» (Верхотурье, Россия); e-mail: museum_verh@mail.ru.

** Novichenkov Nickolay Nikolaevich, Director of the Verkhoturys State Historical-Architectural Museum-Reserve (Verkhoturys, Russia); e-mail: museum_verh@mail.ru.

на Урал в марте 1720 г. капитан-поручик В.Н. Татищев учредил горную канцелярию или Сибирское высшее горное начальство, которое по его замыслу должно было обладать всей полнотой не только производственной, но и административно-судебной власти в делах, касающихся горнозаводской отрасли. Однако попытка горных властей расширить свои полномочия за пределы заводского процесса, наткнувшись на сопротивление местной администрации: от отказа присылать крестьян на заводские работы, до отказа выдавать горным служащим подводы, фураж и дрова. В свою очередь Татищев, превышая свои полномочия, отбирал опытных подьячих из страдавших от кадрового голода воеводских канцелярий, вмешивался в воеводское судопроизводство. Так, без ведома верхотурского воеводы, по приговору Татищева был наказан приказчик Мурзинской слободы верхотурский сын боярский В.Н. Стадухин. На Татищева писали многочисленные жалобы.

Весной 1722 г. на Урал прибыл генерал-майор артиллерии В.И. де Геннин с поручением «все худые порядки которые заводам противны, исправить и исследовать». Подчиненная ему комиссия была наделена чрезвычайными полномочиями, согласно которым ей была подчинена горнозаводская власть, а местная администрация должна была, выполнять распоряжения главы комиссии. В обращениях к воеводам Геннин ссылался на государеву волю, но в ответ получал явный или скрытый саботаж. В рапортах и письмах на имя Петра I де Геннин умолял государя: «Того ради прошу, чтоб из кабинета Вашего Величества, дать мне полномочный указ, чтоб они (воеводы) были под моею командою, а без моей бытности – кому оные заводы поручены будут...»; «Пошли указ, чтоб Вядские, Кунгурские, Соликамские, Верхотурские ... воеводы и камериры под моей командой быт, покамест я исправлю и размношу твоих заводы, чтоб они мне лучше боялись и слушал» [4, с. 280].

В этой связи можно вспомнить исключение из общей картины – взаимоотношения В. де Геннина с верхотурским воеводой Алексеем Васильевичем Беклемишевым (1723–1727).

Беклемишевы – старинный московский род, ведущий себя «из Прус». Представители его никогда не поднимались высоко и обыкновенно именовались детьми боярскими. В 1699 г. среди стряпчих и дьяков числился сорок один представитель этого рода. Из этого

же рода происходили матери двух известных российских деятелей: Д.М. Пожарского и М.Ф. Голенищева-Кутузова. Во второй половине XVII в. Беклемишевы четырежды сидели на воеводствах в Туруханске, Туринске, Тюмени, Тобольске [3, с. 80–84].

Летом 1723 г. В. де Геннин приказал верхотурскому воеводе осуществлять общее руководство строительством медеплавильного завода на реке Ляле: «дабы он того дела не отлучался без ведома нашего, и в том строении имел радетельное старание». Отправив процитированный указ Беклемишеву в 20-х числах июля, Геннин 3 августа известил промеморией о своем решении Тобольскую губернскую канцелярию, предложив незамедлительно подтвердить назначение верхотурского воеводы к горным делам. Впрочем, «доколе от губернии указ и не прислан будет, велел я ему работников давать и протчие припасы готовить», – писал Геннин. Обязанности «эксекютора» по горной части пришлось Беклемишеву по душе. Прикрываясь «неотменными» делами по заводскому строительству, воевода получил возможность не подчиняться губернским властям, прибегая к покровительству «господина генерала-маэора». Геннин, в свою очередь, благоволил к воеводе и выказывал к нему дружеское отношение: «Государь мой Алексей Васильевич, здравствуй на лета многа! Благодарен за Вашу показанную ко мне любовь будучи в Верхотурье» [4, с. 285–286].

Беклемишев умело использовал как покровительство Геннина, так и противоречие между губернскими и горными властями. Пользуясь покровительством Геннина, поручившего ему в 1723 г. курировать работы по строительству Лялинского завода, воевода отказался переделывать «против обрасцу» окладные книги за 1722 г., а верхотурским крестьянам «править никаких податей ... не велел» на том основании, что они заняты на заводских работах. Временно руководящий губернией князь С.М. Козловский и земский камерир М.А. Барютин вступили в переписку с Сибирским обер-бергамтом и жаловались на верхотурского воеводу вице-губернатору, но ни жалобы, ни посылки в Верхотурье «понудителей» не помогли. Беклемишев при поддержке Геннина сумел доказать, что его радение о горном деле имеет первостепенную важность. За всем этим потеряли актуальность претензии к Беклемишеву по поводу неправильного составления финансовой отчетности. Воевода перешел в контрнаступление и обвинил «во обидах

и разорениях гражданским жителям и крестьяном, и во взятках с целовальником государевых денег» поручика Лапина, посланного из Тобольска расследовать его прегрешения перед камерирусской конторой. Дело, тянувшееся год, закончилось в пользу верхотурского воеводы [4, с. 453].

В указе Петра I от 20 ноября 1723 г. верхотурский воевода, наряду с вятским и соликамским, был обвинен в том, что «в строении заводов чинитца... остановка». Государь требовал, чтобы «к строению и содержанию заводов наших без медления давали людей и протчее потребное, не отписываясь. А ежели кто по сему указу не исполнит, тот будет наказан яко преступник указу» [2, с. 73]. Геннин жаловался на верхотурского воеводу в феврале-марте 1723 г., когда Беклемишев лишь заступал на воеводство, а ответ Петра последовал только в ноябре, когда у воеводы и горного начальника уже установились дружеские отношения.

О взаимоотношениях губернских и горных властей и метании между ними верхотурского воеводы говорит такой случай. В 1723 г. в руки горных властей попало несколько воров, допрос которых вывел на притон в Камышловской слободе, в доме верхотурского сына боярского Прокопия Булгакова. Фамилия притонодержателя насторожила сыщиков, т. к. земским комиссаром Камышловского дистрикта в то время служил Алексей Булгаков. В Тобольске решили, что дело следует изъять из ведения горных властей и поручили арест подозреваемого верхотурскому воеводе Беклемишеву. На губернский указ, полученный в Верхотурье 10 марта 1722 г., воевода ответил 12 апреля, что по ранее состоявшемуся определению губернской канцелярии «вышеписанная Камышловская и другие пышминские слободы отданы к Уктусским заводам под ведение господину генералу-мазору Генину, а на Верхотурье те слободы ни в чем ведать не велено. А оной Булгаков живет в вышеписанной Камышловской слободе и ныне под ведением у одного господина генерала-мазора Генина». Верхотурская отписка оказалась для губернских чиновников неожиданностью: получалось, что губерния сама благословила горную администрацию «на полную мочь» в рамках определенной территории, но о том забыла. Вскоре выяснилось, что и притонодержатель был не Булгаковым, а Булдаковым. Земский комиссар Камышловской слободы А. Булгаков писал в рапорте В. Геннину от 24 июня

1723 г.: «На той промемории подписано о Прокофье Булдакове, а не о мне» [4, с. 290–293].

Стараниями В.И. де Геннина на Урале появился новый медеплавильный регион. Указом от 14 июня 1725 г. предписывалось: «Правительствующий Сенат по донесениям генерал-майора Геннина приказал учинить следующее: на Сибирских заводах из готовой, и которая впредь поставлена будет, делать из чистой меди платы и клеймить в середине цену. А на каждом угле герб...» [5, с. 33]. Первые образцы плат были изготовлены в октябре 1725 г. московскими денежными мастерами, командированными на Урал. На срединных чеканах де Геннин велел обозначить номинал, слово «Екатеринбурхъ» и год, на угловых чеканах – российского двуглавого орла.

В Государственном Эрмитаже хранится медная плата, в центре которой отчеканено: «1 рубль, Екатеринбургъ, 1725». Экземпляр интересен надписью в верхней части монеты: «Первая плата из меди Верхотурских Лялинских заводов, которые строены при воеводе господине Беклемишеве». Эта монета – знак совместной деятельности начальника Сибирских заводов и верхотурского воеводы. Участник экспедиции В. Беринга И. Гмелин, посетив Верхотурье и Лялинский завод в 1742 г. записал в «Путешествии по Сибири»: «Первую добытую руду быстро переработали и завод пришел в упадок, пока тогдашний наместник генерал – майор фон Генин не заинтересовался галечником, содержащим ... медные руды, которые затем использовали на заводе. Это дало возможность несколько оживить работу» [1, с. 58–60].

Библиографический список

1. Гмелин И. Путешествие в Сибири. – Соликамск: Соликамск, 2012.
2. Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926) закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. – Екатеринбург: РГ-Урал, 2012.
3. Новиченков Н.Н. «По указу Великого Государя и по приказу губернатора Сибири ... на Верхотурье, коменданту...». Верхотурские воеводы и коменданты XVIII века. – Реж: Лазурь, 2022.
4. Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). – Екатеринбург: Волот, 2007.
5. Просникова О.П. Екатеринбургский монетный двор. – СПб.: Первоград, 2021.

ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ИЗ РОДА ДЕМИДОВЫХ

Ключевые слова. Военная служба, Отечественная война 1812 г., Демидовы, родословная роспись.

Аннотация. В статье представлены обобщенные сведения о представителях известной династии горнозаводчиков Демидовых, имеющих отношение к военной деятельности. Даны краткие сведения о представителях рода, которые имели генеральский чин, участвовали в военных действиях. Представленная информация датируется периодом XVIII–XIX вв.

М.В. Ognetova**

MILITARY FIGURES FROM THE DEMIDOV FAMILY

Keywords. Military service, Patriotic War of 1812, Demidovs, pedigree painting.

Abstract. The article presents generalized information about the representatives of the famous dynasty of Demidov miners related to military activities. Brief information is given about the representatives of the genus who had the rank of general, participated in military operations. The information presented dates back to the period of the 18–19 centuries.

Хорошо известны заслуги рода Демидовых как знаменитых уральских горнозаводчиков. Рассмотрим иные аспекты деятельности представителей династии горнопромышленников Демидовых. Среди более 180-ти известных по мужской линии представителей рода Демидовых, которые включены в мужскую поколенную родословную роспись Демидовых, составленную и выверенную Е.И. Красновой по состоянию на 2007 г., имелись личности, проявившие себя не только в области горного дела и металлургии, но и в других областях деятельности. Так, Демидовы оставили свой след в истории и культуре России, проявили себя в сфере государственной и военной, научной деятельности; среди них было немало творческих личностей.

* **Огнетова Марина Борисовна**, главный специалист отдела по делам архивов, Администрация города (Нижний Тагил, Россия); e-mail: m.ognetova@yandex.ru.

** **Ognetova Marina Borisovna**, Chief Specialist of the Archives Department, City Administration (Nizhny Tagil, Russia); e-mail: m.ognetova@yandex.ru.

У основателя династии Никиты Демидовича Антуфьева (1656–1725) было три сына: Акинфий, Григорий и Никита. Акинфий получил основное наследство отца. Григорий с Никитой были отделены отцом при жизни. Акинфий Никитич Демидов (1678–1745) основал 17 железоделательных и медеплавильных заводов и управлял ими лично, проводив большую часть времени на Урале. После смерти Акинфия Никитича его наследство было распределено между его сыновьями: Прокофием, Григорием и Никитой. Наиболее известная и богатая ветвь Никиты Акинфиевича Демидова оказалась единственной, сумевшей сохранить заводы до революции 1917 г.

Немало Демидовых имели отношение к военной деятельности [1]. В XVIII–XIX вв. в чине генерала значилось шесть представителей династии с VI по IX поколение [2]: потомки сыновей Н.Д. Антуфьева (№ 3 родословной росписи):

– младшего Никиты (4): генерал-майор Демидов Григорий Евдокимович (1756–1826; VI поколение, № 28) был комендантом Азова; генерал-майор артиллерии Демидов Николай Петрович 1-й (1784–1851; VII поколение, № 54) – герой Аустерлица, участник войны 1812 г., изображен на картине барона Жерара «Bataille d'Austerlitz le 2 decembre 1805» (1810 г.), хранящейся в Галерее битв в Версале; генерал-адъютант, генерал от инфантерии Демидов Николай Иванович (1771–1833; VII поколение, № 58) был директором Пажеского корпуса [3]; генерал-майор Демидов Виктор Никитич (1823–1904; VIII поколение, № 83);

– старшего Акинфия (2): генерал-лейтенант, генерал Свиты Демидов Петр Григорьевич (1807–1862; VIII поколение, № 72) участвовал в Польской и Венгерской кампаниях; генерал-лейтенант светлейший князь Николай Петрович Лопухин-Демидов (1836–1910; IX поколение, № 106). По указу Александра II от 17 января 1816 г. титул светлейшего князя и фамилия Лопухин-Демидов передавался старшему в роде.

Звание гофмаршала при Павле I имел Демидов Григорий Александрович (1765–1827; VII поколение, № 42), правнук Акинфия Никитича Демидова. Был женат на княгине Екатерине Петровне Лопухиной – дочери сенатора, генерал-поручика П.В. Лопухина. Его внук генерал-лейтенант Николай Петрович Демидов 2-й (1836–1910; № 106) получил разрешение именоваться светлейший князем Лопухиным-Демидовым [2].

Трое Демидовых имели в XVIII в. высокий чин бригадира: Иван Иванович (№ 30), Степан Евдокимович (№ 27) и Аммос Евдокимович (№ 29).

В связи с празднованием 200-летия Отечественной войны 1812 г. на сайте Министерства обороны РФ размещены биографии и портреты более ста участников той войны и в их числе – Николая Никитича Демидова (1773–1828; № 23) В краткой биографии указано: «В начале Отечественной войны 1812 года в присутствии императора Александра I торжественно обязался собрать на свои средства полк. 1-й егерский полк Московского ополчения, шефом которого был назначен Н.Н. Демидов, был сформирован в июле 1812 года и в составе 1-й Западной армии принял участие в Бородинском сражении» [4]. Екатеринбургские историки А.С. Черкасова и А.Г. Мосин также указывают: «Николай Никитич Демидов еще в юности служил в армии в качестве адъютанта Г.А. Потемкина, финансировал строительство военных кораблей на Черном море, а в 1812 году не только сформировал и экипировал целый полк, но и принял личное участие в Бородинской битве и других сражениях, за что был награжден орденами святой Анны I степени и святого Владимира III степени» [5]. Демидовский полк участвовал в Бородинском сражении в составе корпуса Н.А. Тучкова на Старой Смоленской дороге. Ополченцы выносили раненых с поля сражения, конвоировали пленных, участвовали в строительстве укреплений. После Бородинской битвы полк, как и все Московское ополчение, был распределен между 1-ой и 2-ой Западными армиями. 30 марта 1813 г. по высочайшему повелению московские ополченцы были распущены [6].

В РГВИА хранятся документы, имеющие отношение к нашей теме:

– рескрипт Александра I генералу от инфантерии Ф.В. Раstopчину об утверждении в должности командиров полков Московского ополчения от 8 августа 1812 г., в котором в частности указано: «...тайному же советнику Демидову, обер-прокурору графу Дмитриеву-Мамонову и действительному камергеру князю Гагарину, во уважение того, что они собственным своим иждивением формируют полки, всемилостивейше повелеваю именоваться шефами сих формируемых ими полков»;

– список генералов Московского ополчения от 31 октября 1812 г., представленных М.И. Кутузовым к награждению за участие

в Бородинском сражении: «1-го егерского полка шеф, т. с. Демидов с начала ополчения Московской военной силы, употребляя всевозможные способы к усовершенствованию вверенного ему полка, привел полк в две недели к окончанию и выступил к соединению с армиями, а 26-го числа командовал резервом Московской военной силы, из коей большая часть людей откомандировалась или в подкрепление корпуса генерал-лейтенанта Тучкова или же для выносу раненых с места сражения, а потом до самого назначения сего полка в армию показал себя самым деятельным и исправным начальством» и др. [7]

Архивные источники подтверждают факт, что Н.Н. Демидов не только снарядил за свой счет 1-й егерский полк Московского ополчения, но и сам участвовал в военных действиях, в том числе под Бородино, Тарутино, Вязьмой и Красным. 3 декабря 1812 г. князь М.И. Кутузов письменно «по поручению императора» объявил ему «монаршее благоволение». За участие в Бородинском сражении Н.Н. Демидов также был награжден орденом св. Екатерины I-й степени и орденом св. Владимира III-й степени. Его сын Павел Николаевич Демидов (1798–1840; № 46) участвовал в том же сражении в возрасте 14 лет и «за отличие награжден чином» прапорщика. В составе Демидовского полка в Бородинском сражении участвовали и другие представители династии Демидовых: Лавр Львович (1778–1857; № 38), Петр Львович (1780–1857; № 39) и Сергей Васильевич (1780–1824; № 51).

Библиографический список

1. Генералитет российской императорской армии и флота. Электронный ресурс. http://rusgeneral.ru/general_d1.html
2. Краснова Е.И. Такие разные Демидовы: сб. статей. – СПб.: СП-ГУТД, 2007. – 147 с. Электронный ресурс. http://history-fiction.ru/books/all_14/section_10_1/book_3744/
3. История Нижнего Тагила от основания до наших дней. Электронный ресурс. http://historyntagil.ru/1_38.htm
4. Демидов Николай Никитич. Биография. Электронный ресурс. www.mil.ru/et/hero/htm
5. Черкасова А.С., Мосин А.Г. На благо любезного Отечества // Демидовский временник. – Кн.1. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1994.

6. Бочкова А.В. Демидовы на Бородинском поле. Электронный ресурс. <https://ozersk.bezformata.com/listnews/demidovi-na-borodinskoy-pole-borodino/6456152/>
7. РГВИА. Ф 1. Оп.1. Д. 3574. Ч.1. Л.81–81 об; Ф. 102. Оп. 208-а. Д. 3. Л.67; Д.61. Л. 57–60.

УДК 37.014.2

Д.С. Ошивалова*

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ЗЕМСКИХ
УЧИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(НА ПРИМЕРЕ КАМЫШЛОВСКОГО УЕЗДА)**

Ключевые слова. *Земский учитель, Камышловский уезд, образование.*

Аннотация. *В статье приводится анализ статистических материалов по профессиональной подготовке учителей Камышловского уезда во второй половине XIX века. Материалы официальной и земской статистики позволяют сделать вывод о преобладании среди учителей начальных народных училищ выпускников средних образовательных учреждений и о запуске процесса феминизации образования в Камышловском уезде*

D.S. Oshivalova**

**PROFESSIONAL TRAINING OF ZEMSK TEACHERS
IN THE PERM PROVINCE IN THE SECOND HALF
OF THE 19 CENTURY (ON THE EXAMPLE
OF KAMYSHLOV DISTRICT)**

Keywords. *Education, Kamyshlov district, zemstvo teacher.*

Abstract. *The article provides an analysis of statistical materials for the Kamyshlov district in the second half of the 19th century. After evaluating the professional training of zemstvo teachers, the author concludes that secondary education predominates among folk teachers and that the process of feminization of education has been launched in the Kamyshlov district.*

* **Ошивалова Дарья Сергеевна**, студентка IV курса, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: oshivalova.01@mail.ru.

** **Oshivalova Daria Sergeevna**, 4th year Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia); e-mail: oshivalova.01@mail.ru.

Введение «Положения о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. [1], закрепившего право представителей всех сословий на доступное начальное образование, породило потребность в учителях для начальной народной школы. Пермская губерния не обладала высокими показателями обеспеченности образовательных учреждений учительскими кадрами. Ситуация объяснялась неразвитостью системы педагогического образования и непривлекательностью профессии учителя особенно в начальной народной школе [2].

Компенсировать кадровый голод частично смогли, расширив круг женских учебных заведений, которые давали ученицам возможность получить учительскую профессию, обучившись в специальных педагогических классах. Важным средством для профессионального роста, безусловно, является самообразование, но при высокой занятости учителей обучением не только детей школьного возраста, но и просвещением взрослого населения, низкий уровень заработной платы не позволяли выделить деньги и средства на закупку методической литературы и педагогической прессы. Тем не менее, совместными усилиями администрации, педагогической общественности и местных органов самоуправления, направленными на повышение престижа учительской профессии и создания условий для их профессионального роста посредством создания библиотек и педагогических музеев, организации учительских курсов и съездов качество подготовки учительских кадров заметно выросло [3], о чем свидетельствуют статистические данные 1890-х гг.

Памятная книга Пермской дирекции [4] содержит сведения о профессиональной подготовке учителей начальных народных училищ в Камышловском уезде в 1890–1891 учебном году [4, с. 220–237].

Среди учителей мужского пола подавляющее большинство (41 %) имело только начальное образование, из которых 55 % окончили Камышловское уездное училище, еще 18 % – Челябинское духовное училище. Среднее образование имели 33 % учителей-мужчин, 22 % прошли только часть гимназического курса (неоконченное среднее) образование. Среди учителей со средним образованием преобладали выпускники Благовещенской учительской семинарии (56 %) и Пермской духовной семинарии (22 %). Все помощники учителей мужского пола имели начальное образование (4 человека), полученное в Камышловском уездном училище

(50 %), в Екатеринбургском окружном училище (25 %) и в Екатеринбургском 4-классном училище (25 %) [4, с. 220–237].

Среди женского персонала начальных народных училищ Камышловского уезда преобладали выпускники средних учебных заведений: 76 % учительниц и 86 % помощниц учителей, у 5 % было неоконченное среднее образование. Почти у четверти учительниц – 24 % и у 9 % помощниц учителей было домашнее образование. Абсолютное большинство женского персонала со средним образованием окончили курс в Камышловской женской прогимназии – 47 % учительниц и 74 % помощниц [4, с. 220–237].

Статистика конца XIX в. демонстрирует относительно невысокий уровень, как профессиональной, так и общеобразовательной подготовки учителей начальной школы в Камышловском уезде, среди них преобладали люди со средним полным или неоконченным образованием. Только учителя-женщины, закончившие гимназии имели азы учительской профессии, т.к., закончив восьмой педагогический класс, имели представления о методике и дидактике и опыт практической работы. В этой связи женщины на педагогическом поприще оказались более востребованными и адаптированными, чем и объясняется их преобладание в начальных народных училищах Пермской губернии. В Камышловском уезде, как и других, был запущен процесс феминизации образования.

Библиографический список

1. Хронос: Всемирная история в интернете. Электронный ресурс. <http://hrono.ru/dokum/1800dok/18640714.php> (дата обращения: 28.09.2022).
2. Елисафенко М.К. У истоков педагогического образования на Урале: 1871–1910 гг. // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 2 – С. 7–14.
3. Елисафенко М.К. Повышение профессионального уровня подготовки учителей начальной школы во второй половине XIX – начале XX в. // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4. – С. 40–45.
4. Раменский А.П. Памятная книжка Пермской дирекции народных училищ за 1890–91 учебный год. – Пермь: Тип. Губернской Земской Управы, 1892. – 260 с.

УДК 9.908

Н.А. Паромова*

ТЮМЕНСКИЕ КУПЦЫ-БЛАГОТВОРИТЕЛИ

Ключевые слова. *Текутьев, театр, братья Колокольниковы, коммерческое училище.*

Аннотация. *Большую роль в развитии образования и культуры уездной Тюмени сыграли щедрые благотворители купцы. А.И. Текутьев открыл театр, общедоступную библиотеку, четыре учебных заведения. С.И. и В.И. Колокольниковы коммерческое училище, которое входило в десятку лучших в России.*

N.A. Paromova**

TYUMEN MERCHANT-PHILANTHROPISTS

Keywords. *Tekutyev, theater, Kolokolnikov brothers, for-profit school.*

Abstract. *Generous merchant benefactors played a large part in the development of education and culture of provincial Tyumen. A.I. Tekutyev started a theater, a public library, and four educational institutions. S.I. Kolokolnikov and V.I. Kolokolnikov started a for-profit school, which ranked among top ten in Russia.*

Уездные города обширной Российской империи благоустройством, а также культурными, образовательными и медицинскими учреждениями по большей части были обязаны своим щедрым благотворителям. Тюмень – изначальный русский город Сибири. Располагаясь на реке Туре, он служил перевалочным торговым пунктом между Европейской Россией и бескрайней Сибирью.

В 1859 г. городской голова купец 2-й гильдии Кондратий Кузьмич Шешуков (1802 – после 1879) на свои средства построил и открыл первую начальную женскую школу, которая через два года стала училищем 2-ого разряда, а в 1871 г. – прогимназией. Шешуков стал основоположником женского образования в Тюмени, он входил в попечительский совет прогимназии, реального училища и других учебных заведений.

* **Паромова Наталья Александровна**, искусствовед, независимый исследователь (Тюмень, Россия); e-mail: paromovan@mail.ru.

** **Paromova Natalya Aleksandrovna**, Art Historian, Independent Researcher (Tyumen, Russia); e-mail: paromovan@mail.ru.

Купец 1-гильдии Прокопий Иванович Подаруев (1827–1900) выстроил по проекту петербургского архитектора С. Воротилова роскошное здание для Александровского реального училища. Сейчас это памятник архитектуры федерального значения, в нем располагается Институт Северного Зауралья. Подаруев оказывал реальному училищу, считавшемуся лучшим в Сибири, большую финансовую помощь. Благотворителю принадлежит идея строительства первого не только в Тюмени, но и в Сибири водопровода. Для осуществления этого проекта он внес значительные средства.

Купец 1-гильдии Семен Михайлович Трусов (? – 1881) построил сиропитательное заведение, названное Владимирским в честь приезда на промышленную выставку в Тюмень великого князя Владимира Александровича. Заведение открылось в 1871 г. Позже к нему была пристроена домовая церковь св. преп. Симеона Богоприимца. В приюте действовала церковно-приходская школа, воспитанников обучали различным ремеслам и старались трудоустроить. Здание приюта сохранилось, ныне в нем размещается православный духовно-просветительский центр.

Купец 1-гильдии Иван Петрович Воинов (? – 1886) открыл первый в Тюмени и в Сибири родильный дом и на свои средства оснастил его всем необходимым. Сделал он это в честь спасения императора Александра II от покушения в 1871 г. Государь лично поблагодарил купца. Но из-за сложных бюрократических проволочек роддом и больничное отделение женских болезней в полном объеме были открыты только в 1891 г. После кончины благотворителя все хлопоты взяла на себя его супруга. Роддом проработал 111 лет, здесь родилось не одно поколение жителей Тюмени. Свою работу он прекратил в 2002 г., историческое здание было снесено.

Купец 1-гильдии Николай Мартемьянович Чукмалдин (1836–1901) был путешественником, книгочеем и коллекционером. У директора Александровского реального училища, известного ученого И.Я. Слобцова, он выкупил коллекцию артефактов археологии, флоры и фауны, ранее находившуюся в учебном музее. Чукмалдин сделал музей общедоступным для жителей города. Кроме того, им была собрана библиотека редких рукописных и старопечатных книг, среди которых «Триодь постная» XV в. и «Библия» Франциска Скорины XVI в. (в мире сохранилось всего 438 ее экземпляров).

Библиотека была передана реальному училищу. Также благотворитель основал фабрику-школу для развития знаменитого сибирского коврового промысла, который сохранился до наших дней в Ишиме.

Купец 1-гильдии Иван Иванович Игнатов (1833–1915) – известный сибирский пароходовладелец, дядя писателя М.М. Пришвина. Построил под Тюменью первый судостроительный завод на Туре в деревне Мысовской и открыл там народное мужское и женское училища, которые содержал на свои средства. Игнатов построил первую в Тюмени электростанцию. Внес вклад в издательское дело. Благотворитель оказывал финансовую помощь многим учебным заведениям города.

Можно далее продолжить этот славный список благотворителей, но особо выделить хочется купца 1-й гильдии Андрея Ивановича Текутьева (1838–1916), бывшего городским головой в 1899–1910 гг. Список его благодеяний для города поражает. Не случайно именно А.И. Текутьеву в Тюмени, на бульваре, носящем его имя, был открыт в 2008 г. памятник (скульптор А. Антонов). Публикаций об этом неоднозначном человеке местные краеведы написали больше, чем о других купцах. В 2017 г. издана монография С.Н. Кубочкина «Текутьев. Жизнь под шум скандалов».

Родился Андрей Иванович в деревне Борки в крестьянской многодетной семье, крещен был в церкви св. великомученицы Екатерины села Созоново. Год рождения 1838-й (а не 1839-й, как указывается некоторыми краеведами) установил С.Н. Кубочкин по метрическим книгам. Родители были неграмотными, но Андрей Текутьев грамоту одолел «самоуком». В 1843 г. семья переехала в Тюмень, где отец занялся выделкой кож. Андрей в возрасте 12 лет начал трудиться в хлебной лавке. В 15-ть он уже был старшим приказчиком, а в 17 лет стал управлять лавкой самостоятельно. Через три года, в 1857-м, А.И. Текутьев женился на крестьянке Тавдинской волости Евдокии Яковлевне Петрушиной. В это время хозяин лавки продал ее из-за карточных долгов. Помог Андрею Текутьеву купец А.Т. Тимофеев. Видя деловую хватку парня, он дал взаймы 300 руб. для открытия самостоятельного торгового дела.

В заголовке книги С.Н. Кубочкина недаром присутствует слово «скандалы»: они сопровождали Текутьева постоянно. Этот сибирский самородок имел суровую внешность, сложный характер, обладал недюжинной физической силой. Он не брал взятки, прези-
рал

чиновников, которые, не делая по службе того, что положено, вымогали деньги. Андрей Иванович удивлял своих компаньонов трезвым образом жизни, не пил даже шампанского, не любил карточной игры. Как хозяин жестко относился к пьющим рабочим и налагал на них штрафы. В Ялуторовске на ярмарке, где Текутьев продавал скот, купленный в уездных селах у крестьян, случается скандал – обнаружили фальшивые 25-рублевые купюры. В деле были замешаны крестьяне, у которых он приобрел скот для продажи. Текутьев попал под следствие. Прямых доказательств его участия не нашлось, и Андрея Ивановича освободили, но оставили «в сильном подозрении».

Ему снова помог Тимофеенков: дал 100 мешков муки-крупчатки в кредит, чтобы продать ее с возов на Базарной площади. «Никто тогда не знал, даже, наверное, и сам Андрей Иванович, что это предложение Тимофеенкова станет первым маленьким шагом к его миллионному состоянию» [1, с. 17]. Крупчатка не была ходовым товаром, т. к. дороже муки грубого помола. Текутьев предлагал купить мешок крупчатки, объясняя, что такая мука качеством выше, а это выгоднее, и предлагал на пробу 10 фунтов муки бесплатно. В первый день ушло 10 мешков. Далее количество выросло до 500. Он сам таскал мешки до 150 кг, получал товар с курганских и шадринских мельниц, позже взял двух помощников, а через три года значительно расширил дело. Основу своего состояния Текутьев нажил тяжелым упорным трудом, энергией и предприимчивостью. Вел оптовую торговлю, держал лавку, строил мельницу на окраине Тюмени – огромный пятиэтажный корпус, оснащенный современным оборудованием. В 1880 г. Текутьев уже был купцом 2-й гильдии. Кроме трех мельниц имел несколько торговых лавок, свечное и мыловаренное производства, лесопилку, а также баржи и пароходы для перевозки грузов.

В 1885 г. в Тюмень пришла из Екатеринбурга железная дорога. Далее рельсовый путь должен был идти на Шадринск и Курган. Текутьев выдвинул идею строительства дороги на Омск в полной и обоснованной уверенности, что это гораздо выгоднее не только для Тюмени, но и для торгово-промышленного развития Сибири. Он направил записки в Министерство финансов, в Министерство путей сообщения и лично Николаю II (Андрей Иванович к этому времени был уже купцом 1-й гильдии и имел право обращаться

к императору). Затем сам поехал в Петербург, где посещал высокопоставленных чиновников, министров, давал деньги для изысканий и проектов. И, наконец, после многих отказов и споров в апреле 1909 г. Комиссия по железнодорожному строительству большинством голосов пришла к решению о сооружении за счет казны железной дороги Тюмень–Ялуторовск–Омск. В этом огромная заслуга А.И. Текутьева.

Огорчаясь тем, что в Тюмени царят невежество, скука, пьянство, «грязные вертепы». Андрей Иванович задался целью открыть театр. Для этого он капитально перестроил здание мучного склада на ул. Иркутской (сейчас Челюскинцев). В 1890 г. открылся первый театральный сезон, принесший убыток в 5000 руб. Это не остановило Текутьева, он по-прежнему содержал труппу. Ставили «Ревизора» и «Отелло», мелодрамы, оперетки, детские спектакли с раздачей конфет. В местной прессе постоянно появлялись критические статьи. Одни ругали хозяина театра за репертуар, другим не нравится игра актеров, третьим – плохое освещение и буфет, скрипучие полы, неудобные лестницы, отсутствие курительной комнаты, дороговизна билетов. Другие купцы подтрунивали за то, что театр каждый год приносит хозяину убытки от 4-х до 6-ти тысяч. В одной из статей Андрея Ивановича обвинили в неосведомленности в театральном деле, в сокрытии бенефисных денег (180 руб. присвоил себе бухгалтер). Это переполнило чашу терпения Текутьева. Он решил отказаться от содержания постоянной труппы и сделать ставку на выступления гастролирующих актеров, любительские спектакли, лекции и детские праздники.

В Тюмени играли знаменитые актеры: Мамонт Дальский, Павел Орленев, Владимир Касторский. Здесь выступал выдающийся скрипач Константин Думский, прошел поэтический вечер Константина Бальмонта. В 1903 г. состоялся концерт первого баса Мариинского театра К.Т. Серебрякова и оперной примадонны М.И. Долиной, а также выдающегося тенора А.М. Лабинского (детство и ранняя юность которого прошли в Тобольске и Тюмени). И все это благодаря Андрею Ивановичу Текутьеву, которому содержание театра обошлось в 100 тыс. руб.

В 1899 г., в возрасте 60-ти лет, Андрей Иванович выиграл выборы на должность городского головы. В стране праздновалось 100-летие А.С. Пушкина, и первая речь городского головы Тюмени

была о том, как достойно отметить эту знаменательную дату. На открытие публичной бесплатной библиотеки имени Пушкина Текутьев пожертвовал 1249 руб. и затем ежегодно давал на ее содержание 1000 руб. Желая почтить память великого поэта, Андрей Иванович также открыл начальную школу в принадлежащем ему большом каменном доме на Потаскуе. Обучение, пособия и учебники были для учеников бесплатными.

Текутьев оставался хозяином города 11 лет. Он занялся мощением улиц (ранее мостовые были только на двух), улучшением водоснабжения, санитарной и пожарной службами. Пожары были бедствием деревянной Тюмени. На протяжении 30 лет городская дума старалась организовать Общество взаимного страхования от пожаров, но этого добился именно Текутьев. На Базарной площади построили новые павильоны. Был построен земляной мост через овраг, перекрывавший путь к железнодорожному вокзалу. Большой проблемой для заречной части города были весенние разливы реки Туры. Текутьев, добавив 1300 руб. к отпущенным казной средствам, занялся строительством дамбы. Он же настоял на необходимости городской телефонной связи.

Тем не менее, газеты продолжали допускать негативные высказывания по поводу Текутьева. Причина была в том, что Андрей Иванович делал финансовые проверки и жестко относился к мздоимцам, был нетерпим к пьянству. С большими усилиями ему удалось убедить думу закрыть часть питейных заведений, тогда как чиновные люди считали, что это хорошая и верная статья дохода городского бюджета. Бюджет Тюмени был недостаточным для полноценного развития инфраструктуры, и Текутьев решил повысить арендную плату на землю. Городской голова несколько раз пополнял бюджет города за свой счет, выделяя значительные суммы – 9600, позже 11800 руб. На свои средства он построил больницу на 128 мест, хирургический корпус, купил первый в городе рентгеновский аппарат. Строил Романовское училище к 300-летию правящей династии, школу для ремесленных учеников. Идею строительства школы в тюремном замке для детей, которые находились там вместе с отбывавшими наказание родителями, Андрею Ивановичу подсказала супруга Евдокия Яковлевна. Служил он безвозмездно, отказавшись от жалования.

Не забыл Андрей Иванович и свою родную деревню Борки: построил и открыл там двухклассное училище. Дети учились

бесплатно. В апреле 1918 г. в здании школы останавливались на ночлег бывший император Николай Романов, Александра Федоровна и их дочь Мария. Дом сохранился до сих пор. Большую сумму пожертвовал благотворитель и на строительство церкви.

В 1906 г. указом императора Николая II А.И. Текутьев был награжден званием Почетный гражданин города Тюмени. 11 января 1909 г. Текутьев отказался от должности городского головы «по случаю своего расстроенного здоровья» [1, с. 117]. У супругов Текутьевых было восемь человек детей, но все умерли в младенчестве. В 1913 г. Андрей Иванович похоронил жену в северном приделе Спасской церкви, старостой которой он был, а три года спустя упокоился рядом и сам.

Большую роль в деле развития образования в Тюмени сыграли братья Колокольниковы – Степан Иванович (1867–1925) и Виктор Иванович (1881–1941), совладельцы «Торгового дома Колокольников и Н-ки». Их отец, крупнейший предприниматель, известный в Сибири купец 1-й гильдии Иван Петрович Колокольников торговал чаем, сахаром медом со своей пасеки и мукой. Он был женат на Марии Дмитриевне Пятковой, женщине деловой и умной, которая продолжила дело после кончины супруга.

Степан Иванович окончил Московское реальное училище и Московскую практическую академию коммерческих наук. Он был избран в 1906 г. депутатом в Государственную Думу первого созыва Тобольским губернским избирательным собранием, был членом партии кадетов. Тесно сошелся с князем Г.Е. Львовым, первым министром-председателем Временного правительства. После прихода к власти большевиков Колокольниковы и Львов уехали в Тюмень, где и остались до августа 1918 г.

Степан Иванович построил новое здание женской гимназии, был ее главным попечителем (ныне в этом здании – один из корпусов Тюменского госуниверситета). Он был женат на Марии Николаевне Голдобиной, дочери томского купца. Их единственный сын Олег умер в раннем детстве. Мария Николаевна активно помогала мужу в деле строительства здания гимназии. В своем доме на улице Царской (ныне Республики) она открыла бесплатную школу для детей из беднейших семей. Давала желающим уроки музыки, трудилась в начальной школе, которую открыли и содержали братья Колокольниковы. Когда братья открыли коммерческое училище,

Мария Николаевна два года руководила им без оплаты, затем должность директора перешла к В.И. Колокольникову. Позднее она была инспектрисой, преподавала чтение в младших и подготовительных классах, работала в Обществе трезвости, выступила инициатором создания Дома трудолюбия.

В годы гражданской войны М.Н. Колокольникова работала в госпитале для раненых Белой армии, который располагался в их доме. И уже находясь с супругом в эмиграции в США, она работала библиотекарем в Колумбийском университете. Была знакома с пианисткой из России Зинаидой Григорьевной Фосдик, которая познакомила ее с Н.К. Рерихом и его женой, с композитором С.В. Рахманиновым [2].

Виктор Иванович окончил в Тюмени Александровское реальное училище. В 1903 г. он служил вольноопределяющимся в Маньчжурии, в 1904 г. участвовал в Русско-японской войне, получил тяжелое ранение в ногу и был награжден Георгиевским крестом.

В 1910 г. братья Колокольниковы начали строить на улице Никольской (сейчас Луначарского) четырехклассную школу на 180 учеников. Почти все ученики были из бедных семей и находились на полном обеспечении Колокольниковых. На праздники Рождества и Пасхи детям раздавались щедрые подарки. Учили их по программе начальной школы: читать, писать и считать. Девочек также учили шить и готовить, мальчиков – столярному делу. Школа считалась образцовой по своему устройству и проработала восемь лет. В 1919 г. ее национализировали. Сейчас это вечерняя школа, здание является памятником архитектуры.

Одновременно братья Колокольниковы взяли на себя ответственный и огромный труд по организации коммерческого училища. Вначале училище занимало помещение большого деревянного двухэтажного дома на Подаруевской улице (сейчас ул. Семакова), которое сдал в аренду инженер И.П. Попов. Здание было приведено в порядок, обустроено и приспособлено под учебное заведение. Здесь учились дети всех сословий. В некоторых семьях пожелали отдать своих дочерей в коммерческое училище. Поэтому именно в Тюмени, впервые в России началось совместное обучение девочек и мальчиков, «в виде опыта» разрешенное министерством. Плата за обучение была самой низкой в стране – 50 руб. за год, плюс 6 руб. за горячие завтраки. Малоимущим ученикам давалось

денежное вспомоществование. Приезжие снимали квартиры, которые бедным ученикам оплачивались. Те ученики, которые оканчивали курс училища на «отлично» получали звание «кандидата коммерции».

На высоком Затюменском мысе, на Никольской площади началось строительство нового здания. В книге «Тюмень архитектурная» авторы Б.А. Жученко и С.П. Заварихин пишут, что Колокольниковы купили проект у известного столичного архитектора В.К. Олтаржевского, который впоследствии получил за него золотую медаль на выставке в Париже [3]. Но в некоторых публикациях есть версии, что архитектором коммерческого училища является И.И. Рерберг. В биографии Олтаржевского изложен факт, что он вместе с Ребергом строил в Москве здание Северного Страхового общества, и тот, как инженер-строитель, наблюдал и контролировал ход работ. Скорее всего, то же было и во время строительства коммерческого училища в Тюмени [4].

Коммерческое училище Колокольниковых является одним из красивейших зданий областного центра, визитной карточкой исторической архитектуры города. На проект, строительство, оборудование, мебель, оснащение классов, лабораторию, спортивный и кинематографический зал учредители Колокольниковы израсходовали полмиллиона рублей. Таких учебных заведений в России было немного. Тюменское училище входило в десятку лучших. За просветительскую деятельность в пользу родного города, Тюменская городская дума ходатайствовала присвоить Степану Ивановичу Колокольникову звание Почетного гражданина Тюмени. Но началась Первая мировая война и должной награды он так и не получил, ходатайство затерялось.

В училище в 1915–1916 гг. обучалось 272 ученика. В смутное время 1917–1918 гг. несмотря ни на что, занятия продолжались. В 1918 г. состоялся первый выпуск. Училище просуществовало с 1910 по 1919 гг. и было национализировано. В советское время здесь располагались различные учреждения. Сейчас здесь находится два учебных заведения: Тюменский строительный институт и Тюменский индустриальный университет.

Память о бескорыстном труде братьев С.И. и В. И. Колокольниковых и А.И. Текутьеве на благо образования и культуры родного города Тюмени хранят музеи. Хранят здания, построенные ими,

которые сформировали архитектурный облик старого городского центра. Хранят благодарные потомки, жители города.

Библиографический список

1. Кубочкин С.Н. Текутьев. Жизнь под шум скандалов. – Тюмень: Тюменский Дом печати, 2017.
2. Иванова Н.А., Огнева Е.Я. Мария Николаевна Колокольникова. Неизвестные факты биографии и родословной // Вестник Тюменского Государственного университета. Гуманитарные исследования. – Т. 7. – № 4. – С. 262–278.
3. Жученко В.А., Заварихин С.П. Тюмень архитектурная. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984.
4. Типикина Л.А., Аксюта В.Н. И все же: Кто архитектор Частного Коммерческого училища в Тюмени? // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея 2006. – Вып. 22. – Тюмень: Сити-Пресс, 2010. – С. 78–86.

УДК 008:94(47).084

И.А. Попп*

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВОГО СУДЬИ А.В. БЕЛОУСОВА

Ключевые слова. *Маргинализация, судебная реформа 1864 г., земство, мировой суд, Пермская губерния, провинция.*

Аннотация. *В статье рассматривается жизнь и деятельность участкового мирового судьи А.В. Белоусова в разрезе позитивной и негативной маргинализации в пореформенный период. Автор пришел к выводу, что реформы Александра II смогли сформировать корпус общественных деятелей, которые в молодости сменили профессиональную деятельность в соответствии со своей востребованностью, динамично продвигались по общественной карьерной лестнице, творчески*

* Попп Иван Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: popp82@mail.ru.

** Popov Ivan Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia); e-mail: popp82@mail.ru.

подходили к службе и заслужили доверие со стороны жителей отдаленной от центра провинции. Для анализа интегральных модернизационных процессов пореформенного периода Российской империи, опираясь на просопографические методы исследования, необходимо изучать деятельность конкретных региональных чиновников и общественных деятелей, оказывавших влияние на реализацию реформ в отдельных регионах страны.

I.A. Popp**

MARGINALIZATION OF REGIONAL ACTORS OF THE POST-REFORM PERIOD ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF A MAGISTRATE A.V. BELOUSSOV

Key words. *Marginalization, judicial reform of 1864, zemstvo, magistrate, Perm province, province.*

Abstract. *The article deals with the life and work of the district magistrate A.V. Belousov in the context of positive and negative marginalization in the post-reform period. The author came to the conclusion that the reforms of Alexander II were able to form a corps of public figures who, in their youth, changed their professional activities in accordance with their demand, dynamically moved up the social career ladder, had a creative approach to service, and earned the trust of the inhabitants of a remote from the center province. To analyze the integral modernization processes of the post-reform period of the Russian Empire, using the prosopographic research methods, it is necessary to study the activities of specific regional officials and public figures who influenced the implementation of reforms in certain regions of the country.*

В культурологии, социологии, психологии и философии уже разработана и активно применяется междисциплинарная концепция «маргинальности», которая обладает необходимой эвристичностью [1, с. 3], «тесно сопряжена с процессами социальной трансформации, социальной динамики» [9, с. 3], «промежуточности», «нестабильности социальных позиций, невозможности привязанности к социальной референтной группе» [8, с. 5], конфликтности личности с новой культурной средой, «в которую она попадает или которая формируется вокруг нее» [1, с. 4]. Маргинализация направлена на изучение изменений социального положения групп и индивидов, утраты прежнего социального статуса,

социальной среды, а также смены системы ценностных ориентиров, связанных с резким социально-экономическим и социально-культурным переструктурированием общества в целом [11, с. 119–123].

По мнению М.С. Ивановой «маргинализация» – это процесс вытеснения индивидов или целых социальных групп за рамки существующей общественной структуры в результате социальных или иных трансформаций, который является неоднозначным и определяющим следующие важные аспекты: 1) позитивные (рационализация представлений о действительности, секуляризация сознания, фильтрация и рациональный отбор культурных ценностей, преодоление традиционного типа мышления, лидерский и инновационный потенциал, адаптация социальной структуры к вызовам, увеличение творческого потенциала, социальная динамика, горизонтальная и вертикальная мобильность и модернизация общественной структуры в ответ на новые вызовы); 2) негативные (конфликтогенность маргинального сознания, деформация и дестабилизация социальной структуры, нарастание социальной напряженности, аномичность маргинализованных элементов). При этом исследователь отметила, что проблемы позитивного потенциала маргинализации, ее адаптивных и трансформационных функций, структуры и динамики изучены недостаточно [9, с. 5, 7, 13–14; 10, с. 162–169]. Особую роль отрицательные и положительные последствия маргинализации приобретают в период реформ и интенсификации модернизационных процессов, когда возрастают ритмы социальных изменений.

Автор использует в статье термин «актор» или «социальный актер» (*social actor* – деятель), означающий того, кто совершает действия, занимается социальной деятельностью. В этой связи «актор» как и «маргинал» обязан быть «интеллектуально развитым» лидером, «с более широким мировоззренческим горизонтом» [19, с. 219–223]. Особую роль такие «акторы» приобретают в период реформ Александра II, когда в рамках реализации земской, судебной и других буржуазных реформ были созданы основы самоорганизации соответствующих социальных категорий, их вовлечения в более интенсивную жизнь и поле социальной активности. Поэтому на примере жизни и деятельности отдельных чиновников, администраторов и общественных деятелей можно

исследовать позитивные и негативные процессы маргинализации, проявившиеся на уровне развития системы местного управления.

Одним из таких «акторов» пореформенного периода был Александр Васильевич Белоусов. Он родился в поселке Петрокаменского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии 15 февраля 1854 г. в семье дьякона Свято-Троицкой церкви Василия Андреевича Белоусова и его жены Анны Филипповны. 2 сентября 1864 г. молодой человек поступил на обучение в Далматовское духовное училище, где за четыре года окончил «полный курс наук», характеризовался «очень хорошим» поведением, «хорошими» способностями и «довольно усердным» прилежанием. Видимо Александра не привлекал сан священника: в ноябре 1870 г. он обратился в Пермскую духовную консисторию с прошением, в результате которого был «уволен из духовного звания в гражданское ведомство» [2, л. 2–7], а уже 28 января 1871 г. поступил в штат Пермской палаты уголовного и гражданского суда канцелярским служителем второго разряда [18, л. 99–100].

Через полтора года 4 октября 1872 г. был определен помощником столоначальника третьего уголовного стола палаты. В связи с проведением судебной реформы 1864 г. на территории Пермской губернии и упразднением соединенной палаты уголовного и гражданского суда А.В. Белоусов с 1 сентября 1874 г. был «оставлен за штатом». За три с половиной года работы в палате Александр Васильевич лишь однажды был в отпуске 28 дней [2, л. 2 об.]. Почти полтора года (1 сентября 1874 г. по 24 января 1876 г.) А.В. Белоусов вынужденно находился в отставке [2, л. 43]. В это время молодой канцелярский служащий явился к исполнению воинской повинности, но «по освидетельствовании признан совершенно неспособным к военной службе, а потому освобожден навсегда от службы» [2, л. 4]. 24 января 1876 г. определен канцелярским чиновником Екатеринбургского окружного суда, председателю которого А.В. Белоусов сразу подал прошение о выдаче «свидетельства на вступление в законный брак с дочерью чиновника девицей Любовью Николаевной Кутелевой». Вскоре появились дети Александр (1877 г.р.), Мария (1880 г.р.) и Борис (1882 г.р.) [2, л. 8–10].

28 августа 1876 А.В. Белоусов определен исправляющим должность помощника секретаря гражданского отделения Екатеринбургского окружного суда. В ноябре этого же года указом

Правительствующего сената он был произведен в коллежские регистраторы [2, л. 3, 10 об.]. В январе 1878 г. молодой человек подал докладную записку председателю Екатеринбургского окружного суда, в которой «покорнейше просил... в случае, когда откроется вакансия, определить судебным приставом». Видимо, положительные характеристики из Далматовского духовного училища проявились и в усердной работе в структурах общих судебных учреждений: «Гарантией для определения меня судебным приставом может служить полуторалетняя моя служба помощником секретаря гражданского отделения и рекомендация г. товарища председателя» [2, л. 13].

На этом основании уже в марте 1878 г. определен исправляющим должность судебного пристава при Екатеринбургском окружном суде. При этом Белоусов впервые принял присягу. В апреле 1878 г. А.В. Белоусов прибыл в Нижнетагильский завод для службы в качестве судебного пристава. В конце 1878 г. указом Правительствующего сената он «произведен за выслугу лет в губернские секретари» [2, л. 10–19]. 21 января 1881 г. Белоусов определен секретарем гражданского отделения Екатеринбургского окружного суда с присвоением гражданского чина коллежского секретаря. Для завершения всех формальностей по должности судебного пристава было опубликовано объявление об «увольнении в отставку» бывшего судебного пристава для «вызова лиц, имеющих какие-либо взыскания, подлежащие удовлетворению из залога г. Белоусова, предъявить установленным порядком свои претензии до истечения шести месяцев со дня напечатания настоящего объявления». Однако никто не предъявил исковых требований и залог был возвращен Александру Васильевичу [2, л. 31–32 об.; 14, с. 144].

За семь лет работы в Екатеринбургском окружном суде А.В. Белоусов фактически не отлучался со службы, в среднем зарабатывая около 1200 рублей в год, смог купить в г. Екатеринбурге собственный дом. В июне 1882 г. Александр Васильевич написал заявление на краткосрочный отпуск. Председатель Екатеринбургского окружного суда поинтересовался у председательствовавшего в гражданском отделении суда «о степени возможности удовлетворить сей просьбы». Начальник Белоусова позитивно отнесся к двухнедельному отпуску, приложив положительную характеристику о его деятельности в дни заседаний [2, л. 10–11, 35–35 об., 42 об.].

Уровень образования и имущественный ценз позволяли Белоусову претендовать на должность мирового судьи и в начале февраля 1883 г. он был избран Пермским губернским земским собранием мировым судьей по Шадринскому судебному-мировому округу. В конце февраля 1883 г. секретарь гражданского отделения Екатеринбургского окружного суда подал прошение на имя его председателя об увольнении и выдаче удостоверения, «долженствующее служить мне видом на свободный проезд от Екатеринбурга до Шадринска» и в этот же день получил требуемый документ [2, л. 37, 40]. Уже 1 марта 1883 г. А.В. Белоусов вместе с известным мировым судьей М.И. Капустиным [17, с. 51–54], переехавшим из Пермского уезда, приняли присягу и возглавил четвертый мировой участок. Указом Правительствующего сената от 25 января 1884 г. № 1524 Белоусов был утвержден в должности мирового судьи по Шадринскому округу [2, л. 41, 45].

Здесь избранный мировой судья становится под начало председателя Шадринского съезда мировых судей Евгения Ивановича Кыштымова [15, с. 362], который проявил себя талантливым организатором и энергичным руководителем. Шадринская общественность называла Евгения Ивановича «альфой и омегой Шадринской земской расправы», «вождем нашего земства» и характеризовала его как человека «стойкого в убеждениях, разумно и честно относившегося к земским интересам». Шадринское общество «без боязни шло на его правый суд... Человек этот вместе с добросовестным отношением к делу соединяет в себе редкую по обширности память» [3, л. 705].

Авторитетный судья Кыштымов отстаивал интересы своих мировых судей в любой ситуации. Так, в 1884 г. гласный Степанов поднял в Шадринском уездном земском собрании вопрос об уменьшении вознаграждения участковым мировым судьям. Тут же «вспыхнул господин мировой судья и земский гласный Евгений Иванович Кыштымов... лег грудью, приводя всевозможные доводы» [4, с. 328–329]. В результате председатель съезда мировых судей смог отстоять прежнее жалование своим коллегам, подсчитав все расходы по деятельности шадринского участкового мирового судьи за 1883 г., оказалось, что личные нужны оставалось только около 1800 рублей: «Пусть всякий беспристрастный человек по совести скажет, можно ли такое содержание назвать чрезмерным,

несоответствующим тому тяжелому труду, который несет мировой судья. Лет десять тому назад в Шадринске на это жалование можно было жить хорошо, но теперь, когда жизнь сделалась вдвое и втрое дороже, мировые судьи, в особенности семейные, едва перебиваются кое-как, сводя концы с концами» [5, с. 382].

Действительно, мировой судья Белоусов как многодетный отец не мог не чувствовать сильной поддержки от председателя съезда мировых судей Кыштымова, чутко следившего за правами своих подопечных: «Суд тогда только может стоять на надлежащей высоте, когда лица, избранные для отправления правосудия, будут обеспечены материально в достаточной степени, когда они будут поставлены в независимое положение, и когда нужда не будет стоять за их плечами и парализовать их деятельность. Это старая истина, давно всем известная!» [5, л. 381].

Мировой судья Белоусов переизбирался на очередные трехлетия уже на шадринских уездных земских собраниях в 1885 г. и 1888 г. Деятельность молодого судьи не отличалась от остальных шадринских мировых судей и была довольно эффективной, так как в 1885 г. Шадринская уездная земская управа отметила, что «хотя труды мировых судей при возрастающих к ним доверии крестьянского населения в этот период времени весьма значительно увеличились, но, тем не менее, управа полагает оставить прежнее число участков, потому что до сих пор не замечалось ни малейшей медленности в отпращивании правосудия благодаря предшествовавшим счастливым выборам настоящего состава гг. судей» [13, с. 151].

Именно в годы службы мировым судьей стало ухудшаться его общее состояние здоровья. Например, в 1883 г. вновь избранный судья четвертого участка получил медицинское свидетельство «в том, что с первых числе 7 июня месяца до 2 июля сего года он был болен острым ревматизмом, почему к месту своего служения в срок прибыть не мог». 22 марта 1887 г. в семье Белоусовых родился четвертый ребенок – Римма, но, видимо, после этого жена умирает, а 3 сентября 1889 г. А.В. Белоусов «вступил во второй законный брак» с дочерью коллежского асессора Зинаидой Афанасьевной Лозинской [2, л. 47, 50–51].

Семейная жизнь продлилась меньше месяца: «В метрической книге Екатеринбургской епархии Шадринского уезда Мехонского села Свято-Троицкой церкви за 1889 г. в третьей части об умерших

под № 173 значится: сентября двадцать пятого дня умер, сентября двадцать восьмого дня погребен мировой судья 3 участка Шадринского уезда, коллежский секретарь Александр Васильевич Белоусов, 35 лет, умер скоропостижно» [2, л. 52]. В газете Екатеринбургская неделя от 8 октября 1889 г. появилась небольшая заметка из села Мехонского Шадринского уезда, где «покончил с собой двумя выстрелами в рот мировой судья 3-го участка г. Белоусов» [6, л. 830]. В связи со смертью указом Правительствующего сената 30 декабря 1889 г. Белоусов был исключен из состава служащих по Шадринскому судебному-мировому округу [2, л. 56; 16, С. 37].

На решение мирового судьи уйти из жизни повлияли факторы негативной маргинализации, которые связаны с эффектами «неопределенности, промежуточности, переходности, окраинности» [1, с. 4]. Именно эти ситуации воздействовали на судью, усугубившихся при проблемах со здоровьем, семейных неурядицах, опасности потери социального статуса и смогли привести к разрушительным изменениям. Кроме того, трансформация векторов развития молодого Белоусова, «пограничность» в разных социально-культурных группах и смена профессиональных ориентиров несомненно наложили «определенный отпечаток на его психику» и привели впоследствии к деструктивному поведению [12, с. 3].

О дальнейшей судьбе четверых малолетних детей, оставшихся без родителей, практически неизвестно, однако в 1901 г. 19-летний Борис Александрович Белоусов обращался в Екатеринбургский окружной суд с прошением «о выдаче копии формулярного списка о службе отца его, служившего мировым судьей в Шадринском уезде... для предоставления такового в какое-либо учреждение для поступления на службу» [2, л. 58–60].

А.В. Белоусов относился к молодым людям, воспитывавшимся в пореформенное время интенсивной модернизации страны. Несмотря на возможности самореализации в рамках церковной иерархии, Александр Васильевич целенаправленно изменил собственное социальное положение в соответствии с принципами позитивной маргинализации: преодолевает традиционный тип мышления, быстро адаптируется к новым социальным структурам и связывают свою деятельность с судебной системой и земским самоуправлением. Работа участковым мировым судьей составляла особый этап жизни, когда Белоусов приобрел неоценимый судейский

опыт благодаря системе выборных судебных учреждений. Реализация реформ в отдаленной от центра губернии помогла семинаристу увидеть необходимость перемены сферы деятельности в соответствии со своей востребованностью, однако в период неопределенности, связанных с проблемами со здоровьем, смертью первой жены, воспитанием малолетних детей, а также предстоящей контрреформой с ликвидацией мирового суда, Белоусов не выдержал факторов негативной маргинализации и не оставил себе шансов на дальнейшую плодотворную деятельность в условиях новой трансформации земских и судебных институтов.

Библиографический список

1. Аверина М.В. Концепция маргинальности как инструмент анализа социокультурной динамики: на примере сферы спорта: автореф. дис. ... доктора культурологии. – СПб., 2015. – 39 с.
2. ГАСО. Ф. 11. Оп. 11. Д. 86.
3. Екатеринбургская неделя. – 1882. – № 46.
4. Екатеринбургская неделя. – 1884. – № 18.
5. Екатеринбургская неделя. – 1884. – № 21.
6. Екатеринбургская неделя. – 1889. – № 40.
7. Забелина Н.В. Маргинализация пожилых людей в условиях социокультурной трансформации России: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Курск, 2006. – 22 с.
8. Зарубин Е.Н. Маргинализация российского студенчества: структурный аспект: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Новочеркасск, 2004. – 26 с.
9. Иванова М.С. Маргинализация современного российского общества: структурный анализ : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Краснодар, 2011. – 26 с.
10. Иванова М.С. Маргинализация и ее динамика в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2 (14). – С. 162–169.
11. Кирилук С.С. Маргинализация России: грядущие трудности управления // Вестник ЧелГУ. – 2006. – № 4. – С. 119–123.
12. Кирилук С.С. Феномен маргинальности: проблема устойчивости бытия личности: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Челябинск, 2006. – 26 с.
13. О выборе мировых судей // Журналы шестнадцатого очередного Шадринского уездного земского собрания и доклады управы. – Шадринск, 1886. – Т. 1. – С. 151–152.
14. Пермские губернские ведомости. – 1881. – № 27.

15. Пермские губернские ведомости. – 1882. – № 69.
16. Пермские губернские ведомости. – 1890. – № 9.
17. Попп И.А. Участковый мировой судья Михаил Иванович Капустин: «Ум и знания создали ему репутацию одного из самых умных людей в Перми...» // История государства и права. – 2016. – № 7. – С. 51–54.
18. РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949.
19. Чистякова О.А. Миграционные процессы и маргинализация культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2016. – № 4 (189). – С. 219–223.

УДК 745.51

Г.А. Пудов*

**УРАЛЬСКИЙ СУНДУЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ
НА РОССИЙСКИХ ВЫСТАВКАХ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА):
МАСТЕРА, ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАГРАДЫ**

Ключевые слова. *Выставка, сундучный промысел, кустарь, фабрикант, экспонент.*

Аннотация. *Статья посвящена одному из аспектов истории уральского сундучного центра – участию хозяев мастерских и кустарей в выставках разного уровня, которые проводились в России во второй половине XIX – начале XX в. Публикуются сведения о количестве экспонентов и представленных ими изделиях. Участие уральцев в выставках анализируется на фоне общей истории горнозаводского сундучного дела. Сделан вывод, что выставки далеко не всегда отражали текущее состояние сундучного промысла и его роль в культурной и экономической жизни Урала; появление на выставках уральских сундучников зависело не столько от положения дел в промысле, сколько от ситуации, сложившейся в выставочном деле. Подчеркивается, что выставки оказывали положительное воздействие на развитие уральского сундучного производства.*

* Пудов Глеб Александрович, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела народного искусства Государственного Русского музея (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: narodnik80@list.ru.

** Pudov Gleb Aleksandrovich, Candidate of Art Criticism. State Russian Museum. Senior Researcher of the Department of Folk Art (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: narodnik80@list.ru.

G.A Pudov**

THE URAL CHEST CRAFT AT RUSSIAN EXHIBITIONS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: MASTERS, WORKS, AWARDS

Key words. *Exhibition, chest craft, handicraftsman, manufacturer, exhibitor.*

Abstract. *The paper deals with one of the aspects of the history of the Ural chest production – the participation of workshop owners and handicraftsmen in exhibitions of various levels, which were held in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The article contains information about the number of exhibitors and their products. The participation of the Ural people in exhibitions is analyzed against the background of the general history of the Ural chest craft. It is concluded that exhibitions did not always reflect the current situation in the chest production and its role in the cultural and economic life of the Urals; the appearance of Ural chests masters at exhibitions depended not so much on the state of the craft as on the situation in the exhibition area. Exhibitions had a positive influence on the development of the Ural chest production.*

В научной литературе, посвященной истории сундучного производства Урала, упоминания об участии уральских сундучников в выставках встречаются часто. Называются конкретные выставки, экспоненты и изделия, которые они представили. Как правило, исследователи перечисляют следующие выставки: Сибирско-Уральскую научно-промышленную (Екатеринбург, 1887), Казанскую научно-промышленную (1890), XVI Всероссийскую промышленную и художественную (Нижний Новгород, 1896), Всероссийскую кустарно-промышленную (Санкт-Петербург, 1902) и Кустарно-сельскохозяйственную (Нижний Тагил, 1908)¹. Однако ни в одной из работ не содержится анализа приводимой информации. Например, нет ответов на вопросы: кто именно принимал участие в выставках, каковы были причины этого, отражало ли участие в выставках текущее положение сундучного промысла и его значение для кустарной промышленности Урала (и России в целом), были ли активны уральцы как экспоненты выставок на

¹ Это монографии и статьи Е.Н. Хохловой, В.А. Барадулина, Т.И. Шубиной, Э.Р. Меркушевой, Г.А. Пудова, Н. А. Щекотова и др. исследователей.

фоне представителей других центров производства, какое влияние оказывали выставки на развитие сундучного промысла и т.д.

Цель настоящей статьи – определение основных особенностей выставочной деятельности уральских сундучников во второй половине XIX – начале XX вв. В круг задач входят обобщение и анализ информации выставочной литературы (каталогов, указателей и проч.).

Одно из первых указаний на участие уральских сундучников в выставках – это сведения о мастере Андрее Петровиче Карманове, приводимые М.Я. Киттары в Обзрении мануфактурной выставки. Она была организована в Санкт-Петербурге в 1861 г. Исследователь упоминал «сундуки деревянные, обитые жостью, крестьянина А.П. Карманова (из Невьянского завода Пермской губернии), очень хорошей работы» [1, с. 316]. Вероятно, наград мастер не получил, поскольку его фамилия не встречается в списке награжденных экспонентов.

Следующим крупным смотром, на котором появились уральские сундучники, стала Сибирско-Уральская выставка 1887 г., которая состоялась в Екатеринбурге. Она стала вехой в развитии промышленности и общественной жизни Урала. Выставка проводилась «для ознакомления публики с результатами научных исследований, с продуктами промышленности Сибири и Урала, и для устройства постоянного помещения для музея Уральского общества любителей естествознания» [2, с. 28]. А конкретно кустарный отдел устраивался «с целью поднятия кустарных промыслов на надлежащую высоту, знакомства публики с разнообразием их, в видах распространения кустарных изделий в наибольшем количестве, чем то, какое они имели» [2, с. 37]. По каталогу в Кустарном отделе значился 841 экспонент, по данным О.Е. Клера – 1675, в т.ч. 1196 участников из Пермской губернии. Наибольший вклад принадлежал Екатеринбургскому уездному земству (500 экспонентов) [2, с. 79].

Сундучный промысел предстал мощной промышленностью с развитым разделением труда, при котором множество мелких («детальных») мастерских зависело от «центральных» заведений, производивших окончательную сборку сундуков [3, с. 31]. Хозяева этих «фабрик» раздавали материал кустарям, получали от них детали будущих сундуков (петли, замки, ручки и проч.), затем

сбывали последние на ярмарках: Нижегородской, Ирбитской, Ишимской, Крестовской, Шадринской, Камышловской и Троицкой. Известный исследователь кустарной промышленности, земский статистик Е.И. Красноперов писал: «Сундучное производство старинное, почти исключительно сосредотачивающееся в Невьянском и Быньговском заводах» [3, с. 34]. Существовали мастерские со столетней историей [4, с. 27, 29]. На выставке было представлено множество сундучных мастерских: Г.П. Алексеева, С.И. Баранникова, В.И. Белова, Ф.П. Белова, С.Ф. Богомолова, А.Е. Ведунова, А.Е. Данилова, П.Я. Кокушкина, В.И. Меринова и многих других¹. Надо особо отметить, что это были не только «центральные», но и «детальные» заведения. П.Я. Кокушкин и В.И. Меринов были награждены медалями.

Представление о внешнем виде сундуков и шкатулок, о том, как они экспонировались, может дать фотоснимок В.Л. Метенкова, который хранится в Омском государственном историко-краеведческом музее². Изделия поставлены «горками». Снизу располагаются большие «зеркальные» сундуки или сундуки, декорированные «морозом» по жести, сверху – шкатулки, украшенные таким же образом. Вероятно, это – изделия сундучной мастерской Петра Яковлевича Кокушкина (Нижнетагильский завод), которого современники именовали «сундучным королем».

По мнению Е.И. Красноперова, сундучный промысел играл весьма значительную роль в культурной и экономической жизни Среднего Урала. Земский статистик называл его «одним из лучших украшений кустарной промышленности нашего края» [3, с. 36, 39]. Исследователь полагал, что учреждение склада для сбыта изделий, организация артели и предоставление кредитов кустарям может быть действенным средством помощи сундучному промыслу. Также Е.И. Красноперовым упоминался сундучный промысел в деревне Синицыно Кунгурского уезда, основателем которого в середине XIX в. стал крестьянин Давид Иванович Калинин. Он научился этому делу в Невьянске и Нижнем Тагиле.

¹ Если считать все мастерские, так или иначе связанные с сундучным промыслом, то в Сибирско-Уральской выставке приняло участие 37 «фабрик».

² Инв. № Ф-25859.

Таким образом, на Сибирско-Уральской выставке сундучный промысел был впервые представлен с достаточной полнотой. Это позволило исследователям дать справедливую оценку ситуации, сложившейся в нем в 1870–1880-е гг.

В 1890 г. в Казани состоялась научно-промышленная выставка. Она проводилась с 15 мая по 16 сентября и была организована по инициативе Общества естествоиспытателей при Казанском университете. В ней приняли участие и уральские сундучники: А.С. Алексеев, П.Я. Кокушкин, А.М., Д.И., П.А. и М.Е. Селянкины, братья Розановы, М.Д. Синицын и И.Г. Штукин. Последние три экспонента представляли город Пермь, Кунгурский уезд и город Кунгур (соответственно). Следует отметить, что названные лица, это, по большей части, – первые имена в уральском сундучном промысле, хозяева крупнейших мастерских. Таким образом, уже при перечислении экспонентов-уральцев становится очевидным, что сундучный промысел предстал на выставке в ограниченном виде. Кроме того, «предположено было, чтобы кустарная промышленность Пермской губернии была выражена на Казанской выставке в *немногих, но лучших образцах* [курсив мой – Г. П.] всех тех отраслей промышленности, какие в каждом уезде представляются, на основании имеющихся исследований, более или менее значительными» [5, с. 1]. Масса мастеров-«детальщиков» и некоторые крупные хозяева заведений на выставку не попали.

Что же заставляло богатых сундучников участвовать в крупных выставках? Как справедливо писала М.Ю. Лачаева, «выставка открывала перед серьезными производителями новые социальные и экономические горизонты и эта сторона подчеркивалась и в периодической печати, и в правительственных документах» [6, с. 107].

По сравнению с 1887 г. в промысле произошли изменения. Е.И. Красноперов указывал, что производство сундуков начало «упадать» вследствие конкуренции других регионов России. Например, в Тюмени они были дешевле из-за дешевизны материала, а «во внутренней России» сложились лучшие условия сбыта [7, с. 8]. Исследователь писал, что только тогда «поправится» уральский сундучный промысел, когда материал (дерево) станет более дешевым [5, с. 37]. При этом после Сибирско-Уральской выставки 1887 г. местными земствами был учрежден банк и товарный склад для помощи кустарям, присылались образцы и инструкторы.

Самая крупная промышленная выставка дореволюционной России состоялась в Нижнем Новгороде в 1896 г. XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка проходила с 28 мая (9 июня) по 1 (13) октября 1896 г. Это было событие огромной значимости не только для Нижнего Новгорода, но и всей России. В городе тщательно подготовились к выставке: построили здания драмтеатра, суда, биржи Волго-Камского банка, гостиниц, пустили первый в России электрический трамвай, устроили фуникулеры. Одновременно с выставкой был проведен Всероссийский промышленный съезд.

Сундучный промысел находился в Кустарном отделе, которым заведовал Александр Михайлович Воронцовский. Здание Кустарного отдела было спроектировано академиком В.В. Суслевым и занимало площадь 500 квадратных саженей (на современный счет – около 2276 квадратных метров). В отделе были собраны экспонаты 37 губерний. 1275 кустарей участвовали в выставке при посредстве земств, приблизительно такое же число – самостоятельно, за собственный счет привезя экспонаты в Нижний Новгород.

Из числа уральцев в ней участвовали: Ф.С. Белов (Мудрых), Е.П. Бородин (Быньги), А.С. Ведунова [8, с. 268; 9, с. 8], В.И. Меринов [8, с. 296; 9, с. 226, отд. XI], В.Л. Недорезов [9, с. 250], П.В. Недорезов [8, с. 314], Г.Е. Подвинцев [10, с. 212 (ч.3)], П.А. Селянкин [11, с. 231], Н.Я. Ягупов (Невьянск), Г.Т. Киселев (г. Бирск Уфимской губернии), братья Розановы (г. Пермь) [10, с. 65 (ч. 3)]. Среди экспонентов названы как хозяева крупных мастерских, так и мастера, чьи заведения имели крайне незначительные объемы производства. Перед выставкой были проведены исследования кустарной промышленности Пермской губернии. Их результаты нашли отражение в «Очерке состояния кустарной промышленности в Пермской губернии», вышедшем в свет в 1896 году. Обработку материалов, поступавших с мест, выполнил Е.И. Красноперов. По этим данным, промысел далеко вышел за границы поселков Невьянского и Быньговского заводов [12, с. 334], однако под влиянием неблагоприятных факторов ухудшение его состояния продолжилось. Связанный с ним быньговский промысел по производству сундучных замков также постепенно приходил в упадок. Стало быть, в выставочной литературе эта ситуация нашла отражение: если на казанской выставке 1890 г.

были представлены «сливки» уральского сундучного дела, его фасад, за которым скрывалось мощное производство в виде многочисленных мастерских, то выставка 1896 г. продемонстрировала разрозненные заведения разного уровня. При этом количество крупных «фабрик» явно сократилось, им на смену пришли более мелкие мастерские. Тем не менее, нижегородская выставка лишь частично отразила ситуацию, сложившуюся в промысле в конце XIX в. Причина лежит именно в названной разрозненности – и, возможно, случайности – представленных на выставке уральских сундучных заведений.

Следующей крупной выставкой, на которой были представлены изделия уральских мастеров-сундучников, стала Всероссийская кустарно-промышленная выставка, проходившая в Санкт-Петербурге в 1902 г. Она была организована Министерством земледелия и государственных имуществ, состояла под покровительством императрицы Александры Федоровны. Экспонаты были разбиты на 19 групп и размещены в Таврическом дворце. Одновременно с выставкой проходил съезд деятелей кустарной промышленности.

В выставке приняли участие уральцы А.С. Алексеев [13, с. 153], В.И. Меринов [13, с. 154] (Невьянск), Пологов [13, с.153; 14, с. 117] (Невьянск или Реж), Ф.Е. Тюшков [13, с. 154; 14, с. 123] (Невьянск), Е. Шадрин [13, с. 153; 14, с. 118], А. Шелесков [13, с. 153; 14, с. 118] (Невьянск или Реж), А. Широков [13, с. 154] (Невьянск), Н.Е. Данилов [13, с. 153; 14, с. 115] (Быньги или Реж), О.П. Лаптев [13, с.152; 14, с. 115] (Нижний Тагил). Несмотря на то, что, по словам М.Ю. Лачаевой, «сочетание «полезности» и «блистательности» делало выставки особенно привлекательными в глазах публики и экспонентов» [6, с. 108], тенденция к уменьшению количества уральских мастеров-сундучников, принимавших участие во Всероссийских смотрах, продолжилась. Надо отметить, что среди них уже почти не было хозяев крупных мастерских. Не исключено, что некоторую роль здесь сыграло недоверие, которое питали к Всероссийским выставкам многие фабриканты. К тому же известно, что «при подготовительных работах ко Всероссийской кустарно-промышленной выставке губернская управа задавалась целью собрать *средние* [курсив мой – Г. П.] образцы изделий по тем отраслям кустарной промышленности, которые имеют более или менее серьезное значение в местной экономической жизни» [13, с. III].

По выставочной литературе невозможно судить о состоянии сундучного промысла в начале XX в., поскольку новых сведений не было. В каталоге петербургской выставки просто перепечатали сведения из вышеназванного «Очерка состояния кустарной промышленности...» (1896). И все же контингент участников подтвердил, что никаких изменений в промысле не произошло.

В 1908 г. в Нижнем Тагиле проводилась Кустарно-сельскохозяйственная выставка. Ее участниками стали сундучники Е.Ф. Гаев (денежная награда за хорошее качество сундуков), О.П. Лаптев (диплом на большую бронзовую медаль за высокое качество сундуков), М.Я. Новожилов (почетный отзыв за хорошие сундуки) и Е.С. Щербаков из Нижнетагильского завода (почетный отзыв за изготовление сундуков). Тем не менее, «экспертной комиссией установлен недостаток как об внешней отделке изделий, так и прочности изготовления: например, желательна прочная вязка сундука, художественная отвечающая требованиям времени разрисовка и окраска сундука, подносов, бураков и прочего» [15, с. 127; 16, с. 369].

Кустарно-сельскохозяйственная выставка в Нижнем Тагиле отразила, скорее, не современное состояние уральского сундучного промысла, а «общественную активность» экспонентов-сундучников. Это доказывается сведениями из книги «Мелкие промышленные заведения Пермской губернии», изданной в Перми в один год с выставкой. В Верхотурском уезде отмечено 15 сундучных заведений, в Пермском – 5, в Кунгурском – 4, Осинском – 2, Екатеринбургском – 21, Камышловском – 2 и в городе Ирбите – 1 [17, с. 28, 62, 84, 106, 174–176, 194, 148]. Именно это издание, а не выставочная литература, дает верную картину развития сундучного промысла Урала в первом десятилетии XX в.

Об участии уральских сундучников в других выставках дореволюционной России упоминания единичны. Например, в Казанской международной выставке, проходившей летом 1909 г., приняли участие тагильчанин Н.Н. Попов и невянец И.И. Рогожин [18, с. 3, 13 (табл.)]. Первый представил сундуки различных размеров, раскрашенные и покрытые листами жести, шкатулку, лежанку, а также «сундучок-погребец для азиатской посуды». Второй – «горку» из шести сундуков, окованных белым железом, «горку» из шести сундуков, обитых печатным железом, простые окрашенные сундуки,

шкатулки, различные сундуки с «зеркальными» и «бронзовыми» стенками, замки, погребцы и другие предметы. Оба экспонента были хозяева крупных («центральных») мастерских. Уральский сундучный центр на этой выставке удостоились следующего отзыва: «Про этот промысел можно сказать одно, что он падает. Выставленные сундуки были крайне непрочны, замки, скобки и вообще вся работа оставляет желать много лучшего» [18, с. 38]. На кустарной и сельско-хозяйственной выставке, устроенной в Перми осенью 1910 г. к приезду П.А. Столыпина, «кустарями Верх-Нейвинского завода представлены художественной отделки шкатулки и кустарями Невьянского завода Богомоловым и Рогожиным очень изящные, обитые рисунчатой жестию, сундуки разных фасонов» [19, с. 18]. И, наконец, во Второй Всероссийской кустарной выставке, организованной в Петербурге в 1913 г., принял участие невянец В.И. Недорезов, который представил сундуки, шкатулки и жестяные листы для обивки сундуков [20, с. 93]. Его сундучная мастерская, основанная в 1895 г., часто упоминается в статистической литературе начала XX в.

Три последние упомянутые выставки не могут дать представления об уральском сундучном промысле, они лишь сообщают сведения о некоторых мастерских: разнообразии и качестве их продукции, объемах производства.

Следует указать, что, как показывает анализ выставочной литературы, уральские сундучники едва ли не чаще других участвовали в смотрах разного уровня. Это свидетельствует не только значительных финансовых возможностях уральцев, но и об особенностях их менталитета. И участие в выставках приносило свои плоды: во второй половине XIX – начале XX вв. Средний Урал был одним из самых известных центров сундучного производства в России.

Анализ более чем полувекового участия уральских сундучников в выставках, которые проводились в дореволюционной России, приводит к следующим выводам:

1. В выставках (особенно Всероссийских) принимали участие, как правило, хозяева крупных мастерских, имевшие целью сделать рекламу своей продукции.
2. Выставки далеко не всегда отражали текущее состояние сундучного промысла и его роль в культурной и экономической жизни

Урала (гораздо более информативны в этом отношении издания, связанные с торговлей на Нижегородской ярмарке); участие/неучастие в выставках уральских сундучников зависело не столько от положения дел в промысле, сколько от ситуации, сложившейся в выставочном деле.

3. По сравнению с представителями других сундучных центров, уральцы были одними из самых активных участников выставок.

4. Выставки оказывали положительное воздействие на развитие уральского сундучного производства: они улучшали сбыт изделий, сближая производителя и покупателя, расширяли географию продаж сундуков и шкатулок.

Библиографический список

1. Киттары М.Я. Обзорение санктпетербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 года. – СПб.: Тип. Лермантова, 1861. – 330 с.
2. Корепанова С.А. Сибирско-Уральская научно – промышленная выставка 1887 года. Из истории выставочной деятельности в XIX в. // Очерки истории Урала. Вып. 18. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – 135 с.
3. Красноперов Е.И. Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской промышленной выставке в г. Екатеринбурге в 1887 году. Вып. 1. – Пермь: Пермское губ. земство, 1888. – 170 с.
4. Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. Уральского общества любителей естествознания в г. Екатеринбурге. – Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1887. – 340 с.
5. Красноперов Е.И. Кустарные промыслы и ремесла на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. – Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1891. – 103 с.
6. Лачаева М.Ю. Приглашается вся Россия... Всероссийские промышленные выставки (XIX – XX начало в.): Петербург, Москва, провинция. – М.: ТЦ «Сфера», 1997. – 167 с.
7. Каталог казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Пермское кустарное отделение / сост. по поручению Пермской губ. земской управы Е.И. Красноперов. – Казань: тип. Н.А. Ильашенко, 1890. – 73 с.
8. Общий указатель Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде. – М., 1896. – 542 с.

9. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. – М.: Рус. товарищество печ. и изд. дела, 1896. – 90 с.
10. Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде 1896 г. – СПб., 1896. – 468 с.
11. Список экспонентов Всероссийской художественной и промышленной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде, удостоенных похвальных наград. – М., 1897. – 451 с.
12. Красноперов Е.И. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. – Пермь: Тип. губ. земской управы, 1896. – 365 с.
13. Каталог с объяснительным текстом коллекций по кустарной промышленности, представленных губернским и уездными земствами Пермской губернии на ...Всероссийскую кустарно-промышленную выставку 1902 года в С.-Петербурге. – Пермь: Тип. губ. земской управы, 1902. – 239 с.
14. Указатель ... Всероссийской кустарно-промышленной выставки 1902 г. – СПб.: Тип. В.С. Балашов и К, 1902. – 432 с.
15. Доклады Верхотурского уездного земского собрания 39-й очередной сессии 1908 года. – Нижний Тагил: Тип. П.А. Кузнецовой, 1908. – 280 с.
16. Щекотов Н.А. Обзор коллекции сундуков из Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» // Художественные чтения: мат-лы X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 275-летию уральской лаковой росписи по металлу, 21–22 октября 2021 г. – Нижний Тагил: МЗ «Горнозаводской Урал», 2021.
17. Мелкие промышленные заведения Пермской губернии / Кустарное отделение Пермской губ.зем. управы. – Пермь: Электро-тип. губ. земства, 1908. – 236 с.
18. Об участии губернского и уездных земств Пермской губернии на Казанской международной выставке в 1909 году. – Пермь, 1909. – 77 с.
19. Кустарная и сельско-хозяйственная выставка при Пермской губернской управе. – Пермь: Электро-тип. губ. земства, 1910. – 33 с.
20. Указатель Второй Всероссийской кустарной выставки в Санкт-Петербурге 1913 года, устроенной Главным управлением землеустройства и земледелия. – СПб.: Тип. «Якорь», 1913. – 788 с.

УДК 94 (571)

В.Д. Пузанов*

ВОЕННАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I В СИБИРИ И РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НА ИРТЫШ

Ключевые слова. Драгуны, солдаты, кавалерия, линия, кочевники, экспедиция.

Аннотация. Образование Сибирской губернии стало началом реформ на громадном пространстве востока России. В результате экспедиции Бухольца и основания русских крепостей на р. Иртыш в крае были сформированы Сибирский драгунский и Московский и Санкт-Петербургский пехотные полки. Позднее формирование новых гарнизонных полков продолжилось. В 1720 г. в Сибири был сформирован Тобольский гарнизонный солдатский полк. Реформы Петра I стали началом перестройки всех военных сил Сибири.

V.D. Puzanov**

MILITARY REFORM OF PETER I IN SIBERIA AND RUSSIAN EXPEDITIONS TO THE RIVER IRTYSH

Keywords. Dragoons, soldiers, cavalry, line, nomads, expedition.

Abstract. The formation of the Siberian province was the beginning of new reforms in the vast space of eastern Russia. As a result of the expedition of Bukholets and the foundation of Russian fortresses on the river. Irtysh in the region formed the Siberian Dragoon and Moscow and St. Petersburg infantry regiments. Later, the formation of new garrison regiments continued. In 1720, the Tobolsk garrison soldier regiment was formed in Siberia. The reforms of Peter I were the beginning of the restructuring of all the military forces of Siberia.

Большие изменения в организации служилого мира Сибири происходят в эпоху Петра I, в эпоху глубоких реформ государственной жизни России. Как показал В.О. Ключевский, главной задачей стоявшей перед Петром I было преобразование военных сил России: «...реформа оказала глубокое действие и на склад

* Пузанов Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор Шадринского государственного педагогического университета (Шадринск, Россия); e-mail: alan1971@bk.ru.

** Puzanov Vladimir Dmitrievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Shadrinsk State Pedagogic University (Shadrinsk, Russia); e-mail: alan1971@bk.ru.

общества и на дальнейший ход событий» [1, с. 79]. По данным С.Ф. Платонова, «воинская повинность при нем перестала быть повинностью одних дворян, стрелецких и солдатских детей, да «гулящих» охотников». [2, с. 569].

Военные реформы Петра I продолжали реформы его деда Михаила Федоровича и отца Алексея Михайловича по строительству полков «иноземного строя» и в Сибири. В июне 1667 г., в Тобольске началось формирование первого драгунского полка в Сибири. Всего к 1691 г. полк драгун был укомплектован до 1000 человек набором в слободах Тобольского уезда самих драгун и беломестных казаков [3, ф. 214, ст. 100, л. 460].

Образование Сибирской губернии стало началом новых реформ на громадном пространстве востока России. 14 января 1711 г. Петр издал указ министрам: «разделить по губерниям полки, первой в армии будущая, потом в гарнизонных по данным табелям», которые теперь надлежало содержать из доходов, положенных в прошлом году на губернии [4, с. 35].

Важные данные по истории реформ в Сибири дает Черепановская летопись. В 1710 г. по указу его Величества и определению Сената вся Россия была разделена на губернии, «тогда и Сибирское воеводство губернию быть определено» [3, ф. 196, оп. 1, д. 1543, л. 116 об.]. Как известно, указ Петра I о формировании в России восьми губерний был издан еще в 1708 г., однако до 1710 г. управление государством происходило при помощи старых институтов. Только после Полтавской победы в управлении государством происходят глубокие изменения, связанные с учреждением губерний. Князь М.П. Гагарин имел большой опыт управления. В 1691 г. он служил вторым воеводой Иркутска, когда первым воеводой был его старший брат И.П. Гагарин. В 1693–1695 гг. М.П. Гагарин был воеводой Нерчинска и Даурского края и участвовал в торговле с Китаем. В 1706 г. М.П. Гагарин возглавил Сибирский приказ, и стал «генеральным президентом и Сибирских провинций судьей», а в 1707 г. стал комендантом Москвы. В 1706 г. он был отправлен царем в Сибирский приказ судьей. В 1707–1708 гг. стольник М.П. Гагарин был «Генеральной президент и Сибирских провинций судьей» [5, л. 32].

Позднее в боярских списках 1709–1710 гг. М.П. Гагарин отмечен в списке служилых людей Государева двора, но уже в главном

разделе «думные и ближние люди» как «Генеральный президент и московский комендант и Сибирских провинций судья». Только в списке 1711 г. Гагарин впервые отмечен как «Губернатор Сибирской губернии». В списке 1713 г. Гагарин отмечен просто как «Губернатор» [6, л. 32].

По данным Сибирского летописца, Сибирский губернатор М.П. Гагарин прибыл «для управительства» в Сибирь в 1711 г. из Москвы, но доехал только до Верхотурья [7, с. 40–45]. В 1711 г. было составлено расписание полков полевой армии, а в 1712 г. гарнизонных войск. 7 февраля 1712 г. консилия министров приказала расписать регулярные полки по губерниям, откуда производилось их содержание, а также определила количество гарнизонных войск в каждой губернии [3, ф. 9, оп. 1, д. 29, л. 29].

В 1711 г. началось формирование гарнизонных полков в Сибири. В 1711 г. в Тобольске был сформирован губернаторский эскадрон под командой капитана Ланга, бывшего корнета шведской армии [8, с. 41–45]. К марту 1712 г. губернаторский эскадрон насчитывал уже 1 вахмистра, 3 капралов, 68 драгун. К маю 1712 г. в эскадроне состояло 88 драгун [3, ф. 214, кн. 1561, л. 34–51]. В 1711 г. из «служилых людей старых служб» был сформирован Сибирский гарнизонный драгунский полк [3, ф. 9, оп. 1, д. 29, л. 35]. М.Д. Рабинович отмечал, что 2 гарнизонных пехотных полка Санкт-Петербургский и Московский были сформированы в Сибири в 1712 г. [9, с. 70]. По штату 1712 г. гарнизонный пехотный полк должен был состоять из 1483 человек, из них 1275 служащих и 208 неслужащих [3, ф. 9, оп. 1, д. 29, л. 34].

Губернатор Сибири князь Гагарин в письме Петру I писал, что для строения и удержания крепостей по р. Иртыш достаточно будет людских ресурсов Сибири, из России надо прислать только офицеров и инженеров. Всего, по мнению Гагарина, на случай войны с ойратами Джунгарии в крепостях Сибири надо было иметь 2–3 регулярных полка из местного сибирского населения, «а те полки набрать в Сибири» [10, с. 135]. Петр поручил руководство экспедицией одному из своих старых сподвижников капитану гвардии, подполковнику Ивану Бухольцу.

Иван Бухольц начал службу в качестве жильца Государева двора. В боярских списках 1700–1703 гг. как «дворянин в начальных людях» отмечен Дмитрий Филиппов сын Буколтов [11, л. 648].

В списке 1703 г. напротив данных дворянина отмечено, что он умер [12, л. 240]. В боярских списках 1712, 1713 гг. Абрам Дмитриев сын Буколтов и Иван Дмитриев сын Буколтов отмечены в списке группы служилых людей Государева двора как «жильцы в офицерах, в гусарах, в копейщиках и рейтарах» с 1689 г. [13, л. 432]. В списке 1699 г. «начальным людям и урядником» Иван Буколтов и Авраам Буколтов (вариант фамилии Бухольц) отмечены в качестве 18 поручиков Преображенского полка. В более ранних списках офицеров полка эти фамилии не упоминаются [14, с. 150]. 24 февраля 1699 г. в документах полка отмечен брат Ивана поручик Аврам Буколтов, который получил государево жалование 5 аршин кармазину доброго и атласу портище [15, с. 93]. По данным ведомости от 21 февраля 1709 г., в Преображенском полку служили в 14 роте капитан Авраам Буколтов, а в 16 роте капитан Иван Буколтов [16, с. 318].

Иван Бухольц родился около 1672 г. 15 января 1722 г. в списке Сената был отмечен подполковник Иван Дмитриев сын Бухалцов, которому было 49 лет. 5 марта 1722 г. на смотре Сената Бухольц был отмечен, как офицер, который «годится к лучшему делу», 19 августа 1722 г. решением Сената было приказано Бухольца с полком из Сибирской губернии отправить на восток на рубеж Китая. В 1731 г. произведен в бригадиры. В 1733 г. по списку в Сенат из Военной коллегии был написан бригадиром и комендантом в городе Селенгинске Сибирской губернии [17, с. 680]. В 1740 г. по просьбе Бухольца русский посол Л. Ланг ходатайствовал перед правительством об отставке офицера, и сообщал, что бригадир «древен и в ногах болезнь имеет» [18, с. 170].

По данным доношения в Сенат губернатора Гагарина, «по имянному Его царского величества указу определен в Сибирскую губернию подполковник Бухольц для строения новых городов» [3, ф. 248, кн. 373, л. 50]. Иван Бухольц получил в команду 15 человек, которые должны были в Сибири стать командирами новых полков, Петр I дал ему сержанта и 7 солдат Преображенского полка, а в Москве от Военной коллегии с ним был отправлен майор, 2 капитана, 2 поручика, 2 прапорщика. Бухольц должен был ехать в Тобольск и «взять там у губернатора 1500 человек воинских людей и с ними идти на Ямыш озеро, где велено делать город» [3, ф. 196, оп. 1, д. 1543, л. 145]. Позднее силы экспедиции Бухольца

были увеличены. Так в указе Гагарина отмечалось, что в экспедицию повелено определить 2000 человек пехоты, 500 драгун и 500 казаков [10, с. 130]. В феврале 1715 г. по указам комендантам и приказчикам Сибири было велено «в Тобольске и других городах служилого чина набрать солдат». Из посадских людей, дворовых, архиерейских, монастырских и слободских крестьян собирали рекрута с 20 дворов. Рекруты этого набора в Сибири были отданы «в команду» И.Д. Бухольца [7, с. 45].

В реальности подготовка похода заняла долгое время и потребовала долгих усилий Бухольца. По данным Черепановской летописи, Бухольц приехал в Тобольск 13 ноября 1714 г. и был, как он позднее отмечал, «без команды» по 9 января 1715 г. В январе 1715 г. в Тобольске были собраны рекруты, и началось обучение. В результате, только в июле 1715 г. Бухольц отправился в экспедицию на юг [3, ф. 196, оп. 1, д. 1543, л. 152]. В январе 1715 г. Бухольц принял в команду всего 495 человек. Зимой и весной 1715 г. Бухольц принимал рекрут, взятых губернскими властями и начал учить их воинским упражнениям. В Сибири готовили к походу артиллерию и всякую амуницию. В 1715 г. Бухольц принял в Тобольске драгун и солдат, подготовка которых вызвала его критику – «таких, которые ничего экзерциции не знали и не стреливали, и с негодным ружьем, у них же ни палашей, ни лядунок, ни партупеев, ни перевезей и ничего воинского не было». В Тобольске, по данным Бухольца, не было даже пушек, годных в поход, станков и другой аммуниции [3, ф. 9, р. 23, л. 32].

30 июня 1715 г. отряд Бухольца выступил из Тобольска на 32 дощениках и 27 больших лодках. К экспедиции присоединились еще 12 дощеников торговых. 24 июля отряд пришел к Таре, где дождался подкреплений из новых драгун, набранных в слободах. К сожалению, эти драгуны не были обучены военному делу. Бухольц писал, что в результате из Тары с ним на юг отправилось 2795 человек войска всякого чину людей [3, ф. 9, р. 23, л. 32]. На Таре отряд получил 1500 лошадей, на которых Бухольц посадил драгун и отправил верхом для защиты экспедиции от набегов, чтобы отряд был извещен о нападении. Кроме того, около тысячи офицеров и рядовых имели при себе собственных лошадей [3, ф. 196, оп. 1, д. 1543, л. 153]. 8 августа 1715 г. Бухольц писал, что войска нынешней осенью отправится далее на юг, хотя и поздно

[3, ф. 9, р. 23, л. 32]. 8 августа 1715 г. в отряде служили 1056 человек Санкт-Петербургского полка, 1067 человек Московского полка, 604 драгун, 70 артиллеристов, всего 2797 офицеров и солдат. В полках служили только 7 капитанов (2, 5), 18 поручиков (8, 7, 2, 1), 10 прапорщиков (5, 3, 2) [3, ф. 9, р. 23, л. 30].

1 октября отряд прибыл к озеру Ямыш, а 29 октября была заложена русская крепость, которую быстро удалось построить. Иван Бухольц выбрал место на р. Иртыше и началось строительство крепости. Земляной вал крепости был построен за 13 дней с 29 октября по 10 ноября [3, ф. 196, оп. 1, д. 1543, л. 154]. Во время строительства крепости на озере Ямыш, пришли новые известия о трудности дальнейшего похода на Эркет за золотом. Бухольц отмечал, что по данным проводников – «вожей», которые были в Еркете, от озера Ямыш туда надо было идти 12 недель и больше, причем через жилище контайши – правителя Джунгарии.

Главной проблемой для продолжения экспедиции были кочевники Сибири. При этом, по данным полковника, только войска контайши насчитывали более 60 тысяч человек. Кроме ойратов около русского отряда находились отряды Казачей орды, «которые по все годы к слободам тобольским бывают и берут людей» [3, ф. 9, р. 23, л. 32]. Бухольц писал секретарю Петра I А.В. Макарову, что надеется только на Бога, количество людей в русском отряде оставляло мало возможностей при встрече с кочевниками, но заявлял, что будет идти на юг, пока это будет возможно. В письме Бухольц просил Макарова просить царя освободить его от такого поручения, а если это не возможно, то просить указа царя о прибавке войск в экспедиции [3, ф. 9, р. 23, л. 32 об.].

29 декабря 1715 г. Бухольц писал от озера Ямыш, что не может идти до Экрета «за малолюдством», в отряде осталось только 2536 человек, которые были должны строить новые крепости и оставаться в них в качестве гарнизонов [3, ф. 9, р. 23, л. 36 об.]. К 29 декабря 1715 г. в отряде Бухольца осталось 977 чел. Санкт-Петербургского полка, 973 чел. Московского полка, 533 чел. драгун, 56 чел. артиллеристов, всего 2536 чел. Кроме того в отряде служили 38 гарнизонных казаков из городов Сибири, 27 служилых татар и толмач и других всяких чинов людей. Всего в отряде осталось 2656 человек, на вооружении которых имелось 2711 фузей [3, ф. 9, р. 23, л. 34].

В феврале 1716 г. контайша Джунгарии отправил на р. Иртыш большое войско под командой своего двоюродного брата знаменитого полководца ойратов, «великого воина», по характеристике Г.Ф. Миллера, Черен Дондука, владения которого находились на озере Нор-Зайсан [19, с. 485]. Ночью на пятницу в Сырную неделю 9 февраля 1716 г., в мороз войско ойратов в 10 тысяч всадников неожиданно напало на русский лагерь. Кочевники захватили лошадей у крепости, взяв в плен или убив караульных, а затем напали на русский лагерь. В результате прихода войска ойратов корпус Бухольца был отрезан от связи с городами Сибири. В осажденном гарнизоне начались заразные болезни, от которых умирали 20–30 чел. в день. В осаде проявилась слабая подготовка экспедиции в Сибири. В крепости был проведен военный совет, который решил оставить укрепление и уйти на север. 28 апреля 1716 г. укрепления крепости были срыты, русское войско погрузилось на 18 дощеников и отправилось вниз по р. Иртыш [3, ф. 196, оп. 1, д. 1543, л. 165–167].

На устье р. Оми Бухольц начал строить Омскую крепость [19, с. 489]. 17 сентября 1716 г. губернатор Сибири М.П. Гагарин направил письмо вице-канцлеру барону П.П. Шафирову с жалобой на действия Бухольца в Сибири, где сообщал, что «от господина Бухальца мне обида великая и ругательство во многих делах» [20, с. 60]. По данным Гагарина экспедиция Бухольца «по запросам его» обошлась казне в 114 тыс. руб. и закончилась оставлением построенной Ямышевской крепости. Гагарин полагал, что крепость осаждали всего 5000 кочевников, которые стояли далеко от укреплений. Ямышевскую крепость могли бы оборонять от кочевников всего сто чел., а Бухольц имея под командой около 2 тыс. солдат бросил ее. По мнению губернатора, Бухольц за 1714–1716 гг. «не зделал ни малого дела» и не мог ничего сделать и за 30 лет «не чаю я по его уму зделать» [20, с. 61]. В результате экспедиции Бухольца в Сибири оказались «государевой казне великие убытки» и большая потеря людей.

В это время Петр I решил продолжить исследование р. Иртыш [21, с. 112]. 18 января 1719 г. он дал указ майору гвардии Ивану Михайловичу Лихареву провести следствие о делах губернатора Гагарина и о походе Бухольца. В мае 1720 г. Лихарев с отрядом всего в 440 чел. и артиллерией в 30 пушек и 6 мортир начал

путешествие на 34 плоскодонных лодках и обследовал озеро Зайсан, а затем 12 дней плыл по течению р. черного Иртыша. Лихарев построил крайнюю на юге по р. Иртыш Усть-Каменогорскую крепость в 181 версте от Семипалатной крепости на р. Иртыш и в октябре 1720 вернулся в Тобольск [22, с.289]. 22 октября 1721 г. на торжествах по случаю заключения Ништадского мира Лихарев был произведен из майоров гвардии в бригадиры [16, с. 540].

В результате экспедиций Бухольца Ступина и Лихарева на р. Иртыш были построены 5 русских крепостей в которые были отправлены новые гарнизонные полки и часть сибирских служилых людей. Полковник Ступин из Семипалатной крепости сообщал, что под его командой состоит только 1848 «всякого чину людей» [3, ф. 248, оп. 7, кн. 373, л. 317]. Согласно табели от 1 марта 1717 г. о количестве людей в Санкт-Петербургском и Московском полках в экспедиции имелось 460 драгун в драгунском батальоне, 847 человек в Санкт-Петербургском полку, 842 человека в Московском полку, 132 артиллерийских служителей – всего 2281 человек и 71 мастеровых людей [3, ф. 248, оп. 7, кн. 373, л. 52].

Главным местом сосредоточения гарнизонных полков стали крепости по р. Иртыш. После строительства Верх-Иртышских крепостей к 1719 г. в дальних Семипалатной, Убинской и Усть-Каменогорской остались 1695 человек из регулярных команд Санкт-Петербургского и Московского полков, в ближние крепости Омскую, Ямышевскую, Железинскую командировали служилых людей «в гарнизоны посылаются казаки и казачьи дети из Тобольска и других городов» всего 1047 человек. Губернатор Сибири князь Черкасский определил численность гарнизонов 5 крепостей в 750 казаков, к 1722 г. там состояло несколько больше служилых людей – 782 казака.

В результате экспедиции Бухольца и основания 5 крепостей на р. Иртыш количество гарнизонных полков в Сибири было увеличено до 3. Политика Петра I в Сибири привела к созданию Иртышской линии – русских крепостей по Иртышу, которые положили начало укрепленным сибирским линиям на востоке России. Результатом русских военных экспедиций в 1715–1720 гг. был переход под власть России всего р. Иртыша и усиление русского влияния на юге Западной Сибири. Реформы Петра I в Сибири – формирование гарнизонных полков в крае, создали новую систему военной защиты Сибири XVIII в.

Библиографический список

1. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. – М.: Мысль, 1987. – 431 с.
2. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории. – М.: Высш. школа, 1993. – 736 с.
3. РГАДА. Ф. 9; Ф. 196; Ф. 214; Ф. 248.
4. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. 11. – Вып. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 609 с.
5. Боярский список 1708 // Захаров А.В. Информационно-поисковая система «Боярские списки XVIII в.» Электронный ресурс. <http://zaharov.csu/bspisok.pl>
6. Боярский список 1711 // Захаров А.В. Указ. соч.
7. Сибирский летописец, летопись конца XVII – начала XVIII столетий. – Тобольск, 1892.
8. Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. – М.: РГГУ, 2005. – 209 с.
9. Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725. – М.: Сов. Россия, 1977. – 112 с.
10. Памятники сибирской истории XVIII в.: в 2 кн. / ред. А.И. Тимофеев. – СПб.: Тип. МВД, 1882. Кн. 1.
11. Боярский список 1700 // Захаров А.В. Указ. соч.
12. Боярский список 1703 // Захаров А.В. Указ. соч.
13. Боярский список 1713 // Захаров А.В. Указ. соч.
14. Бобровский, П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Прил. к т. 2. – СПб., 1904. – VIII, 243 с.
15. Бобровский, П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Прил. к т. 1. – СПб., 1900. – VIII, 260 с.
16. Гистория Свейской войны [Поденная записка Петра Великого]: в 2-х вып. Вып. 1 / сост. Т.С. Майкова, под общ. ред. А.А. Преображенского. – М.: Кругъ, 2004. – 635 с.
17. Сенатский архив. Т. 7: Протоколы Правительствующего сената 1750, 1751 и 1752 гг. – СПб.: Сенат. тип., 1897. – 746, 32 с.
18. Русско-китайские отношения в XVIII в.: в 2 т. Т. 1: 1700–1725: материалы и док. / сост. Н.Ф.Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука, 1978. – 704 с.
19. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 3. – М.: Вост. лит. 2005. – Т. 3. – 598 с.
20. Походная канцелярия Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого / изд. подготовили Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. – СПб.: ИД «Мир». 2011. – Ч. 3. – 416 с.
21. Акишин М.О. Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого. Присоединение Сибири к России. Историко-правовое исследование. – Saarbrücken, 2017.

22. Бородаев В.Б. Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. – Барнаул, 2015. – 416 с.

УДК 323.1+94(470.5+571.5)

Т.В. Смирнова*

ПРИБРЕТЕНИЕ МАЛОЛЕТНИХ «ИНОРОДЦЕВ» Н.Н. ДЕМИДОВЫМ В НАЧАЛЕ XIX В.

Ключевые слова. *Купчие крепости, калмыки, каракалпаки, дворовые крепостные люди, «иностранцы», обращение в христианство, Петропавловский Меновой двор, «рабство в Сибири».*

Аннотация. *Автор анализирует факт приобретения владельцем Нижнетагильских заводов Н.Н. Демидовым в начале 1800-х гг. малолетних «иностранцев» (калмыков, каракалпак, девочек и мальчиков). Купчие крепости из научного архива Нижнетагильского музея-заповедника раскрывают эту неизвестную ранее страницу истории заводчиков Демидовых и дополняют картину «рабства в Сибири» в начале XIX в.*

T.V. Smirnova**

THE ACQUISITION OF UNDERAGE “FOREIGNERS” BY N.N. DEMIDOV IN EARLY 19TH CENTURY

Keywords. *Deeds of purchase (“merchant fortresses”), ethnic politics, Kalmyks, Karakalpaks, courtyard serfs, “foreigners”, conversion to Christianity, Petropavlovsk Exchange Yard, “slavery in Siberia”.*

Abstract. *The author analyzes the fact that NN. Demidov, the owner of the Nizhny Tagil factories, acquired underage “foreigners” (Kalmyks, Karakalpaks, girls and boys) in the early 1800s. The deeds of purchase (“merchant fortresses”), from the scientific archive of the Nizhny Tagil Museum-Reserve reveal this previously unknown chapter in the history of Demidov breeders and embellish the picture of “slavery in Siberia” in early 19th century.*

* Смирнова Татьяна Владимировна, научный сотрудник исторического отдела, Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» (Нижний Тагил, Россия); e-mail: t.v.smirnova00@mail.ru.

** Smirnova Tatyana Vladimirovna, Research Scientist of the Historical Department of Nizhny Tagil Museum-Reserve “Mining and Work Ural” (Nizhny Tagil, Russia); e-mail: t.v.smirnova00@mail.ru.

В данной статье рассматривается проявление легального «рабства в Сибири», которое существовало в XVIII – начале XIX вв. Первым историком, упоминавшем о «рабстве в Сибири» в XVIII–XIX вв., был П.А. Словцов (1767–1843), выдающийся сибирский просветитель, автор «Исторического обозрения Сибири» [1]. Изучению истории этого явления было посвящено исследование историка, публициста, этнографа С.С. Шашкова (1841–1882) «Рабство в Сибири», опубликованное в «учено-литературном» журнале «Дело» [2]. Статья С.С. Шашкова полностью посвящена изучению темы «сибирского рабства», которое он рассматривал как следствие освоения Россией сибирских территорий. «Азиатцы», попадавшие к русским в плен во время вооруженных столкновений, набегов на их селения, подавления бунтов, превращались в живой невольничий товар. Такими же невольниками становились у «азиатцев» русские пленники.

Также эта проблема подробно изучалась в статьях и диссертации И.А. Мальцева [3, 4, 5]. Если в XVII в. русские приобретали в Сибири рабов, прежде всего, путем захвата пленных, а также путем покупки и долгового закабаления, то в XVIII в. плен стал менее обильным источником рабства, поскольку почти вся территория Сибири уже была включена в состав России. Однако освоение русскими южных территорий Сибири и расширение соприкосновения России с Джунгарией¹ и с казахскими государственными образованиями вновь привели к активизации покупки рабов на границе. В России «рабство в Сибири» легально существовало в XVIII – первой половине XIX вв. [3, с. 71–72].

В законах XVIII – первой половины XIX в. «рабы» именовались либо по этническому признаку: «азиатцы», «киргизы», «калмыки», либо как «невольники», «пленники», «невольники азиатские» и реже – «рабы». В исторической литературе закрепился термин «рабы» для обозначения этой категории зависимого населения [3, с. 74].

Правило обязательного обращения пленников в христианскую веру действовало уже в XVIII в. «Ясырей» (пленников) освобождали и возвращали «инородцам» только некрещеных. Этот факт

¹ Джунгарское ханство – ойрат-монгольское государство, существовавшее в XVII–XVIII вв. на территории, которая в настоящее время относится к Казахстану, Киргизии, Китаю, России, Монголии [6].

подтверждает и Высочайший указ от 21 мая 1733 г. [7, с. 131–132]. Чтобы сделать невозможным освобождение пленников, русские их обыкновенно крестили. «...Крещение ... давало крестителю полное право собственности на окрещенного им, он владел таким рабом, продавал его, оставлял в наследство по завещанию» [2, с. 176].

В научном архиве Нижнетагильского музея-заповедника хранятся документы, датируемые 1807–1811 гг., – купчие крепости на приобретение владельцем Нижнетагильских заводов Николаем Никитичем Демидовым малолетних «инородцев» – калмыков, каракалпаков – девочек и мальчиков для причисления их к дворовым крепостным людям и обязательного обращения их в христианскую веру до «истечения» трех лет со дня приобретения [8, 9, 10, 11, 12].

В дореволюционной России купчие крепости – это нотариальный акт приобретения в собственность имущества, а в первой половине XIX в. и приобретения крепостных людей. Торговля людьми в России к началу XIX в. была делом вполне обыкновенным, хотя правила купли-продажи крепостных и их цена менялись много раз.

Все купчие крепости как деловые документы писались на гербовой бумаге и составлялись по определенному образцу, но некоторые отклонения в тексте допускались. Писали эти документы в 1800–1810-х гг. писцы (письмоводитель 14 класса, коллежский регистратор 14 класса).

Во всех изучаемых купчих крепостях речь идет о приобретении малолетних калмыков, каракалпаков мещанами, которые выменяли их на Петропавловском меновом дворе и передавали права на них Н.Н. Демидову, в основном, в счет долга. В купчих крепостях приводятся имена малолетних «инородцев» – Анбудеку и Ульменю (так звали «азиатской породы» девочек-калмычек), Сержан и Мазана (мальчики «карыкалпатской породы»), два малолетних «калмычка» по имени Дослетбай и Битина [8, 9, 10, 11, 12].

В Сибири и Астрахани малолетние дети калмыков и киргизов могли быть проданы в рабство родителями или оказаться захваченными в плен в результате набега и потом проданными. Таких покупных «рабов» закон разрешал держать у себя и купцам. Об этом своеобразном рабстве подробно рассказывается у С.С. Шашкова. Императрица Анна Иоанновна в своем указе от 16 ноября 1737 г.

узаконила это право: «Калмык и других наций, которые, как известно, крещены бывают и хозяевам достаются больше малолетние... позволяется всякому таких покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег, с одною запискою в губернских и воеводских канцеляриях» [13, с. 351–352]. Главным же основанием «сибирского рабства» послужил закон Коллегии иностранных дел от 9 января 1757 г., который разрешал «привозимых киргизами разных наций пленников, всякого звания людям по недостатку в Сибири таких людей, которым по указам крепостных людей иметь велено, покупать и на товары выменивать...» [2, с. 183].

Начало ограничению «рабства» было положено указами от 23 мая 1808 г. «О водворении кочующих по близости Оренбургской линии Киргизцев» и «О распространении правил о водворении Киргизцев, и о покупке Российским поданным Киргизских детей по всей Сибирской линии». Теперь покупать и выменивать детей казахов разрешалось при условии их освобождения по достижению ими двадцатипятилетнего возраста [14, с. 277–278]. По указу от 1808 г. невольник, женившийся, по достижении им 25-летнего возраста, был свободен с женою и детьми, даже если он женился на крепостной своего хозяина. Сенат подтвердил указ от 13 февраля 1819 г. и объявил, что «киргизы и калмыки, доселе купленные состоят в двух разных положениях: одни суть кои куплены до указа 1808 г., а другие после онаго; первые крепки приобретателям их по жизнь, вторые до 25-ти-летнего возраста» [2, с. 25, 30].

Указ от 8 октября 1825 г. «О времени служения Киргиз-Кайсаков, Калмыков и других Азиатцев, приобретенных меною до 1808 года и после оного и о воспреещении на будущее время приобретать людей сего рода меною и куплею» окончательно запретил продажу в рабство малолетних киргизов и калмыков [15, с. 520–525].

На обороте купчей крепости иногда ставили казенную печать – Петропавловской пограничной таможни. Под печатью или ее рукописным изображением указывалась сумма пошлины – 1 рубль или 52 ½ копейки [10, 11].

Во всех изучаемых нами купчих крепостях встречается название Петропавловский Меновой («Меновный») двор, который зародился на территории Петропавловской крепости.

Купчие крепости, хранящиеся в научном архиве Нижнетагильского музея-заповедника, на приобретение малолетних «инородцев» подтверждают представление о Н.Н. Демидове как об убежденном стороннике крепостного труда. Меценат, филантроп, участник Отечественной войны 1812 г., предприниматель, театрал, коллекционер, Н.Н. Демидов пользовался трудом крепостных, приобретал в качестве слуг детей калмыков и каракалпаков. Такое сочетание различных черт личности было присуще типичному российскому вельможе, барину в конце XVIII – начале XIX вв.

Библиографический список

1. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири [электронный ресурс] / П.А. Словцов. – Санкт-Петербург : тип. И.Н. Скороходова, 1886. – URL: http://az.lib.ru/s/slowcow_p_a/text_0030.shtml (дата обращения 12.08.2022).
2. Шашков С.С. «Рабство в Сибири» // Дело: учено-литературный журнал. – 1869. – № 1. – С. 163–187; № 3. – С. 1–32. – URL: http://az.lib.ru/s/shashkow_s_s/text_1869_01_rabstvo_v_sibiri_oldorfo.shtml (дата обращения 12.08.2022).
3. Мальцев И.А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 2007. – Вып. III. – С. 71–77.
4. Мальцев И.А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в первой половине XIX в. // Клио. – 2008. – № 4 (43). – С. 67–71.
5. Мальцев И.А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / И.А. Мальцев [Место защиты: С.-Петерб. ин-т истории РАН]. – Санкт-Петербург, 2009. – 276 с. – URL: Джунгарское_ханство [электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/https://ru.wikipedia.org/wiki/Джунгарское_ханство (дата обращения 12.08.2022).
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. IX. – 1022 с.
7. Купчая крепость о ишимском мещанином Куприяном Васильевым сыном Васильевым действительному камергеру и командору Николаю Никитичу Демидову мальчика «карыкалпатской» народности [Рукопись]: 30.08.1807. – Место хранения: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Научный архив. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 61–61 об.

8. Купчая крепость о продаже ишимским мещанином Филипом Степановым Максимовым действительному камергеру и командору Николаю Никитичу Демидову девочки-калмычки [Рукопись]: 05.11.1810. – Место хранения: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Научный архив. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 52–52 об.
9. Купчая крепость о продаже тобольским мещанином Василием Яковлевым Рымаревым тайному советнику, действительному камергеру и командору Николаю Никитичу Демидову двух мальчиков калмыков [Рукопись]: 28.02.1808. – Место хранения: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Научный архив. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 58–58 об.
10. Купчая крепость о продаже тобольским мещанином Василием Яковлевым Рымаревым тайному советнику, действительному камергеру и командору Николаю Никитичу Демидову девочки-калмычки [Рукопись]: 21.09.1810. – Место хранения: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Научный архив. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 72–72 об.
11. Купчая крепость о продаже 3й гильдии купцом Дмитрием Половным действительному камергеру и командору Николаю Никитичу Демидову мальчика «карыкалпатской» народности [Рукопись]: 30.10.1811. – Место хранения: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Научный архив. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 60–60 об.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. X. – 995 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXX. – 1404 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XL. – 631 с.

УДК 94(470.5)“18”

О.И. Сониная*

ПАВЕЛ КАРПИНСКИЙ – УПРАВЛЯЮЩИЙ КЫШТЫМСКИМ ГОРНОЗАВОДСКИМ ОКРУГОМ

Ключевые слова. Павел Михайлович Карпинский, управляющий Кыштымским горным округом.

Аннотация. Автор поднимает проблему сохранения исторической памяти о Павле Михайловиче Карпинском, талантливом горном инженерере, крупнейшем организаторе металлургии Урала. Всю жизнь верой и правдой он служил на 17-ти горных заводах. Особое внимание уделял развитию Кыштыма, центра Кыштымского горного округа, последнего места службы. Его имя неразрывно связано с производством первосортного железа и художественного чугунного литья, которые принесли славу России.

O.I. Sonina**

PAVEL KARPINSKY – MANAGER OF THE KYSHTYM MINING DISTRICT

Keywords. Pavel Mikhailovich Karpinsky, manager of Kyshtym Mountain District.

Abstract. The author raises the problem of preservation historical memory of Pavel Mikhailovich Karpinsky. He was a talented mountain engineer and the largest organizer of metallurgy of Ural. He worked his whole life in 18 mountain factories. He made a great afford for the development of Kyshtym mountain district, it's the last place, where he served. His name is inextricably linked with the production of first-class iron and artistic iron casting, which brought glory to Russia.

Павел Михайлович Карпинский родился в 1843 г. на Урале, в поселке Березовского завода Березовских золотых промыслов [1]. Его отец, горный инженер Михаил Михайлович Карпинский, был известен как «авторитет по золотому делу». По окончании Горного института в 1864 г. подпоручик П.М. Карпинский был

* Сонина Ольга Илларионовна, член клуба краеведов «Тихое зимовье» (Кыштым, Россия); e-mail: sonina.olya2014@yandex.ru.

** Sonina Olga Illarionovna, the Member of the Club of Local Historians «Quiet Winter Quarter» (Kyshtym, Russia); e-mail: sonina.olya2014@yandex.ru.

П. М. Карпинский. 1885 г.

направлен в распоряжение Главного начальника Уральских горных заводов. По прибытию в Екатеринбург был командирован на Добрянский завод графини Строгановой для испытаний паровых котлов. Затем он служил в Гороблагодатском округе смотрителем Кушвинского и Верхнетуринского заводов. В 1869 г. по засвидетельствованию начальства «об отлично-усердной службе и трудах» был пожалован орденом св. Станислава 3-й ст. В 1870 г. состоял на службе при Уфимском губернаторе чиновником особых поручений [2]. В 1872 г. был назначен управляющим Нижнеисетского завода, в 1875 г. – смотрителем Березовских золотых промыслов, управляющим Сысертских заводов, в 1880 г. – управляющим Омутнинского горного округа. Деятельность П.М. Карпинского находила положительную оценку в Горном ведомстве: в 1876 г. он был произведен в коллежские асессоры, в 1879 г. стал надворным советником с правом старшинства, в 1891 г. – статским советником [3].

Занимался П.М. Карпинский и общественной деятельностью. В течение двух трехлетий (1876–1882 г.) он состоял почетным мировым судьей, а в 1885 и 1886 гг. председательствовал в Глазовском уездном земском собрании [2]. В 1878 г. председательствовал в комитете общественного здоровья Сысертского завода [4].

Главная же деятельность П.М. Карпинского проявилась в Кыштымском горном округе, куда по приглашению владельцев он приехал с семьей в мае 1887 г. [5]. Ему было предложено жалование в 20 тыс. руб. в год. Первое на новом месте постановление Карпинского от 24 мая 1887 г. гласит: «Согласно распоряжения Господ владельцев переданного Бароном Владимиром Владимировичем Меллер-Закомельским 18 мая в Главное Заводов Правление о выданной мне им доверенности, я с сегодняшнего числа вступил в управление заводами» [6].

По мере возможности П.М. Карпинский проводил техническую модернизацию всех семи заводов округа. Старый кричный способ

производства железа был заменен пудлинговым. «В первые пять лет своего управления отремонтировал и перестроил все водяные сооружения во всех заводах..., расширена пристань в Нязепетровском заводе..., что дало возможность строить и спускать в реку Уфу барки большого размера, следовательно, и большой вместимости для груза: вместо 10 тыс. стали грузить до 18 тыс. – это значительно удешевило караванную операцию..., во многих местах Нязепетровского завода было спрямлено русло р. Уфы в тех местах, где барки или разбивались или садились на отмели, образовавшихся в извилинах этой быстрой реки..., для сопровождения каравана и подачи помощи во время аварий сооружен мелкосидящий пароход турбинной системы. Он ходил по Уфе против течения, которое местами было до 14 верст в час. Караваны стали плавать быстрее, и аварий почти не бывало» [2].

В 1892 г. П.М. Карпинский был избран в члены Главного правления заводами и стал называться главноуправляющим Кыштымским горным округом. В 1899 г. он подал в Главное правление предложения по переустройству заводов: производство железа перенести в Кыштым, Касли сделать главным чугунолитейным заводом округа и пр. Д.И. Менделеев, посетивший Кыштым в том же году, писал: «Когда я поговорил денек с господами Дружиниными и с многоуважаемым ... Павлом Михайловичем Карпинским, то стали еще полнее мои посильные суждения о том, какими мерами можно расшевелить Урал». Карпинского Менделеев называл «несравненным эрудитом» [7]. Для производства электроэнергии в 1901 г. на территории Верхнекыштымского завода была построена газогенераторная станция. Несколько позднее построена канатная дорога через заводской пруд, сокращающая путь доставки руды к доменным печам [8].

Большое развитие при Карпинском получила выставочная деятельность округа. Вступив в должность, он спешно взялся за подготовку к Урало-Сибирской выставке. Округ на выставке получил большую серебряную медаль. В 1887–1892 гг. П.М. Карпинский вместе с заводчиком В.Г. Дружининым провел большую работу по освоению производства на Каслинском заводе скульптуры малых форм. На должность управителя Каслинского завода они пригласили талантливого горного инженера Б.И. Копылова, а для съемки альбома с продукцией – екатеринбургского фотографа В.Л. Метенкова.

На Всемирной Колумбовой выставке 1893 г. Каслинский завод был отмечен бронзовой медалью, на Всероссийской Нижегородской выставке 1896 г. округ получил право ставить на изделиях изображение герба России. При посещении выставки императорской четой Карпинский от лица заводчиков Кыштымского горного округа поднес ей скульптуру «Россия» Н.А. Лаврецкого. В 1897 г. Карпинский был пожалован орденом св. Анны 2 степени. После получения золотой медали Стокгольмской выставки 1897 г. округ пригласили к участию во Всемирной выставке в Париже 1900 г. Кыштымские заводы и их сотрудники были удостоены медалей выставки всех достоинств, а Карпинский стал золотым лауреатом.

Большое внимание П.М. Карпинский уделял подготовке технических кадров. При Кыштымском и Каслинском заводах работали клубы заводских служащих с библиотеками, выписывались для бесплатного пользования около двух десятков журналов и газет. В Кыштыме была открыта 4-х классная женская гимназия. По приглашению Карпинского терапевт А.К. Бухвостов стал главным врачом округа. Открыли аптеку и родильный дом. В конце XIX в. Кыштым, не имевший статуса города, «по своему внешнему благоустройству и торгово-промышленной деятельности является одним из самых значительных пунктов Пермской губернии, превосходя в этом отношении большинство уездных городов» [9]. Никогда не пренебрегал рабочим человеком, П.М. Карпинский говорил: «Кыштымский народ трудолюбивый и любит правду, но бедность его задавила» [10].

В начале 1900-х гг. в округе были найдены богатые месторождения меди. Правление решило заводы переоборудовать в медеплавильные. «Павел Михайлович не сочувствовал таким крупным переворотам, связанными с огромным задолжением капитала» [3]. Согласно его прошению 17 апреля 1901 г. П.М. Карпинский был уволен с госслужбы «с мундиром и чином», но продолжил служить в Кыштыме до прибытия нового управляющего 31 декабря 1904 г. [11].

Находясь на пенсии П.М. Карпинский помогал своим преемникам советами в горном деле и в отношениях с людьми. В 1905 г. заводчики вызвали его в Петербург, где он работал консультантом, затем – директором правления, но эта деятельность его не удовлетворяла: «Мое место на Урале – здесь я лишний». Здоровье его

ухудшилось. 13 февраля 1907 г. он вернулся в Кыштым. Скончался П.М. Карпинский утром 18 июня 1907 г. «Со смертью Карпинского исчез “последний из могикан” старого Урала. Таких управляющих на Урале не осталось. Это был управляющий старого типа, вершитель судеб, владыка округа», – писал русский и советский металлург М.А. Павлов [12].

Кыштыму Карпинский посвятил два десятилетия своей жизни. В 2021 г. на здании железнодорожного вокзала Кыштыма появилась бронзовая памятная доска с горельефом П.М. Карпинского, созданная местным скульптором Ю.Л. Борисенковым. Ее изготовил за свой счет директор литейной мастерской Екатеринбурга И.Ю. Дубровин. По инициативе краеведов клуба «Тихое зимовье» и при поддержке администрации Кыштымского городского округа в 2022 г. семейное захоронение Карпинских на старом кладбище приобрело достойный вид. Расходы по его благоустройству взял на себя Кыштымский радиозавод (директор В.А. Маркин).

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 213. Л. 748 (об).
2. Дружинин М.Г. П.М. Карпинский (Некролог) // Горный журнал. – 1908. – Т. 1. – № 2. – С. 182–185.
3. Сардак Л.Л. Павел Михайлович Карпинский // Материалы к истории художественного литья из чугуна. – СПб, 2008. – С. 56–69.
4. Эпидемия оспы в школах. Сысерть // Екатеринбургская неделя. Екатеринбург – 1883. – № 14.
5. Сони́на О.И. Павел Михайлович Карпинский – «последний из могикан» Старого Урала // Материалы межрегион. научно-практич. конф. «Художественное литье из чугуна России и Европы. История и современность» / под ред. М.А. Кондрусева, Ю.С. Полюшкина. – СПб: Арт-Экспресс, 2013. – С. 98–119.
6. Сони́на О.И. Павел Михайлович Карпинский – Главноуправляющий Кыштымского горного округа // Альманах «Тихое зимовье». – Челябинск: Дом печати, 2019. – Вып. 1.
7. Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 году: По отчетам о поездке, совершенной с Высочайшего соизволения, по поручению г-на Министра Финансов // Издание Министерства финансов, по департаменту Торговли и Мануфактур. – СПб, 1900.
8. Аношкин М. Про город Кыштым. – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во. 1968.
9. Пономаренко Е. Планировка и формирование ансамблей центров Кыштымо-Каслинских заводов на Южном Урале в XVIII–XIX веках //

Краеведение Челябинской области. Электронный ресурс. <http://www.kraeved74.ru/pages/article159.html>

10. Устинов И. П. Воспоминания о П.М. Карпинском // Музей Кыштымского машиностроительного объединения.
11. Книга ... постановлений г. Управляющего заводами с 22 мая 1901 г. по 26 мая 1919 г. // Кыштымский историко-революционный музей.
12. Павлов М.А. Воспоминания металлурга. – Киров, 1992.

УДК 930.253

А.Н. Торопов*

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЗАВОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЯКОВЛЕВЫХ В XVIII–XIX ВВ. В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова. *История Урала, Яковлевы, металлургические заводы, Центральный государственный архив Кировской области, Холуницкий горнозаводской округ.*

Аннотация. *Статья посвящена характеристике материалов по истории заводского хозяйства Яковлевых в Центральном государственном архиве Кировской области. В этом архиве хранятся документы по данной теме XVIII–XIX вв., потому что в состав заводского хозяйства Яковлевых входил Холуницкий горнозаводской округ.*

А.Н. Торопов**

MATERIALS ON THE HISTORY OF THE YAKOVLEV FACTORIES IN CENTRAL STATE ARCHIVE OF THE KIROV REGION

Keywords. *History of the Urals, Yakovlevs, metallurgical plants, Central State Archive of the Kirov region, Kholunitsky Mining and Metallurgical District.*

* **Торопов Андрей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, ассистент кафедры документоведения, архивоведения и государственного управления, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: Atoropoff@rambler.ru.

** **Toropov Andrey Nikolaevich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Assistant at the Department of Document Management, Archival Studies and History of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: Atoropoff@rambler.ru.

Abstract. *The article is devoted to the review of materials on the history of the Yakovlev factories in the Central State Archive of the Kirov region. This archive holds documents on this topic of the 18–19 centuries, because Yakovlevs, owned Kholunitsky Mining and Metallurgical District.*

В 1769 г. один из крупнейших российских предпринимателей своего времени Савва Яковлевич Яковлев (Собакин) купил Холуницкий Новотроицкий железоделательный завод, Климовский чугуноплавильный завод, а также Уинский и Шермятский медеплавильных завода у генерал-кригс-майора Александра Ивановича Глебова за 150 тыс. рублей. Климовский и Холуницкий заводы находились в Слободском уезде Вятской провинции [3, л. 328]. Они были построены Глебовым соответственно в 1762 и 1764 гг. на государственной земле. Эти предприятия стали основой Холуницкого горнозаводского округа, который с 1769 по 1738 гг. принадлежал династии Яковлевых [2].

Сын Саввы Яковлева, Иван, в 1800 г. построил в Холуницком округе Боровской вспомогательный чугуноплавильный и железоделательный завод. Следующий владелец округа, сын Ивана Саввича Александр, достроил Чернохолуницкий завод в 1810 г., построил вспомогательные заводы Богородский в 1813 г. и Нижнетроицкий в 1815 г. [4, ф. 582, оп. 14, д. 105, л. 13 об.]. Александр Иванович Яковлев окончательно разорился в 1820-е гг. Из-за болезни он не мог сам управлять заводами и погряз в долгах. Указом Сената от 19 марта 1829 г. было предписано «приступить ныне же к продаже Холуницких Яковлева заводов с публичного торга». Продажа была поручена Московскому губернскому правлению, поскольку правительство опасалось, что в Вятской губернии не найдется людей, способных купить заводы [5, л. 28]. С торгов, состоявшихся 10 апреля 1838 г., Холуницкие заводы были куплены Д.Д. Пономаревым [1, с. 7].

При изучении нахождения Холуницких заводов в составе заводского хозяйства Яковлевых можно обратить внимание на следующие фонды Центрального государственного архива Кировской области: «Главное управление Холуницкими горными заводами А.Ф. Поклевского-Козелл» (? – 1918 г.): Ф. 491, 277 ед. хр.; «Климовский чугуноплавильный завод» (1762–1918 гг.): Ф. 492, 43 ед. хр.; «Белохолуницкий железоделательный завод» (1764–1918 гг.):

Ф. 495, 189 ед. хр.; «Чернохолуницкий чугуноплавильный и железоделательный завод» (1810–1918 гг.): Ф. 493, 61 ед. хр.

Однако источников по истории Холуницкого горного округа интересующего нас периода в этих фондах сохранилось крайне мало. Тем более что указанные материалы находятся в неудовлетворительном состоянии и пока недоступны для пользователей архивной информацией в читальном зале. Но в данных фондах имеются материалы по истории округа середины XIX в., то есть в следующие десятилетия после того, как А.И. Яковлев перестал быть владельцем этих заводов. Из этих архивных документов можно выявить некоторые отрывочные сведения, относящиеся к интересующему нас этапу развития горнозаводского округа. К этой группе материалов по истории заводского хозяйства Яковлевых можно отнести, например: сведения о выплавке чугуна и железа, прошения и материальные пособия за 1860 г. [4, ф. 491, оп. 1, д. 14]; переписку заводовладельца А.Д. Пономарева с Главной Петербургской конторой за 1861–1862 гг. [Там же, д. 15]; сведения о действии Холуницкого завода за 1842–1843 гг. [4, ф. 495, оп. 1, д. 5].

Гораздо большее значение для нашей темы имеют материалы из фондов «Канцелярия вятского губернатора» (1796–1917 гг.): Ф. 582, 71547 ед. хр. и «Вятское губернское правление» (1796–1918 гг.): Ф. 583, 124 002 ед. хр. В этих фондах имеется большое количество исторических источников XVIII–XIX вв., в которых содержатся сведения о заводах Холуницкого округа, производстве металлургической продукции, работниках предприятий. Можно назвать следующие выявленные дела: статистические сведения о Вятской губернии за 1796 год [4, ф. 582, оп. 140, д. 303-а]; рапорт конторы Главнохолуницкого завода Вятскому Губернатору от 26 января 1835 г. с изложением причин забастовки рабочих Холуницкого завода [4, ф. 582, оп. 81, д. 703]; ведомости о фабриках и заводах за 1834 г. [Там же, оп. 140, д. 150]; дело о волнении крестьян, приписанных к Холуницким заводам Яковлева, 1815–1825 гг. [4, ф. 583, оп. 602, д. 676]; дело об увольнении владельцем Холуницких заводов Яковлевым управителя заводов Ваганова, 1819–1821 гг. [Там же, д. 849]; дело по жалобе крестьян Слободского уезда о невыдаче им заработанных денег конторою Холуницких заводов, 1830–1831 гг. [Там же, д. 1060]; дело о наказании розгами крестьянина Вятского уезда Хлебникова управителем

Климковского завода Яковлева, 1830–1831 гг. [Там же, д. 1068]. В этих делах могут содержаться только краткие сведения по интересующей нас теме, либо может содержаться гораздо более подробная и, соответственно, очень важная информация. Так в ведомости о фабриках и заводах за 1834 г. только перечисляются заводы «Климковский, Боровской, Чернохолуницкий, Главнохолуницкий, Богородской, Нижнетроицкий Надворного Советника Яковлева» в Слободском уезде, а в ведомости Холуницкого завода 1809 г. дается перечень работников [4, ф. 582: оп.140, д.150, л.148; оп. 6, д. 829, л. 134 об.].

Таким образом, документов по истории Холуницкого горно-заводского округа в ЦГАКО намного меньше, чем в фондах Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Пермского края и Государственного архива Свердловской области. На наш взгляд, это связано с тем, что основные вопросы управления Холуницкими заводами в указанный период решались за пределами Слободского уезда. Тем не менее, и в этом архиве выявлено большое число материалов по интересующей нас теме и можно предположить, что дальнейшая работа даст новые сведения по истории округа, позволит раскрыть неизвестные страницы истории заводского хозяйства Яковлевых. Большую помощь исследователям могут оказать мероприятия по совершенствованию системы доступа к архивным документам и справочно-поисковым средствам архива.

Библиографический список

1. Холуницкие заводы действительного статского советника Альфонса Фомича Поклевского-Козелл Вятской губернии Слободского и Глазовского уездов. – Вятка, 1890.
2. Торопов А.Н. Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII – начале XIX в. Автореферат дисс. ... уч. ст. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2004.
3. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1299.
4. ЦГАКО. Ф. 491; ф. 492; ф. 493; ф. 495, ф. 582; ф. 583.
5. ГАПК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1.

УДК 929.5

Е.В. Шимонек*

**ВЛАДИМИР АРДАШЕВ – ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ
В.И. ЛЕНИНА**

Ключевые слова. Ардашевы, генеалогия, В.И. Ленин, Екатеринбург, Пермь, Скачковы.

Аннотация. Автор по архивным документам прослеживает основные этапы жизни и деятельности Владимира Ардашева. Выявляются его родственные связи с купеческим родом Скачковых.

E.V. Shimonek**

VLADIMIR ARDASHEV, THE FIRST COUSIN OF V. LENIN

Keywords. Ardashevs, genealogy, Ekaterinburg, Vladimir Lenin, Perm, Skachkovs.

Abstract. The author traces the main stages of life and activity of Vladimir Ardashev using archival documents. Family ties with merchant family Skachkovs were exposed.

Владимир Александрович Ардашев родился в г. Перми 25 мая 1870 г. в семье покойного на тот момент надворного советника Александра Федоровича Ардашева и его жены Любови Александровны. Запись о его рождении 25 мая и крещении 1 июня содержится в метрической книге Петропавловского собора г. Перми. Восприемниками при обряде крещения были Пермской духовной семинарии инспектор священник Василий Иванович Огнев и жена коллежского советника Анна Евграфовна Каврайская [1, л. 19 об.–20].

Как выше уже упоминалось, младший ребенок родился уже после смерти своего отца. Надворный советник Александр Федорович Ардашев умер от воспаления легких за три месяца до рождения своего последнего сына 8 февраля 1870 г. в возрасте 57 лет [Там же, л. 63 об.]. Запись о его кончине также была сделана

* Шимонек Елена Васильевна, заместитель директора – главный хранитель фондов, Екатеринбургский муниципальный центр хранения архивной документации (Екатеринбург, Россия); e-mail: shimonek_ev@ekadm.ru.

** Shimonek Elena Vasilyevna, Deputy Director – Chief Keeper of the Fonds of the Ekaterinburg Municipal Center for Storage of Archival Documentation (Ekaterinburg, Russia); e-mail: shimonek_ev@ekadm.ru.

в Петропавловском соборе г. Перми. Александр Федорович был сыном священника, окончил Вятскую духовную семинарию, но решил пойти на гражданскую службу, поступив в 1836 г. на место канцеляриста Пермского губернского правления [2, ф. 11, оп. 11, д. 49, л. 19]. В 1839 г. он перевелся на службу в Пермскую казенную палату, в которой и служил до окончания своей карьеры. По его прошению в связи с состоянием здоровья 20 августа 1864 г. был уволен в отставку в чине надворного советника [Там же, л. 20 об.].

Как известно, Любовь Александровна Ардашева, урожденная Бланк, была сестрой матери В.И. Ленина Марии Александровны и, следовательно, приходилась ему тетей. А Владимир Александрович Ардашев был одним из многочисленных двоюродных братьев Владимира Ильича. При этом они с Лениным были и тезками, и одногодками.

Владимир Александрович, как и его старший брат Виктор, стал профессиональным юристом, окончив в 1893 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом I степени [2, ф. 11, оп. 11, д. 48, л. 2 об.]. Уже 16 августа 1893 г. он подал прошение председателю Екатеринбургского окружного суда: «Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящие от Вас распоряжения о зачислении меня в кандидаты на судебные должности при Екатеринбургском окружном суде...» [1, л. 7]. Наверно, Екатеринбург был выбран местом службы потому, что здесь обосновался старший брат Александр. Братья Дмитрий и Виктор Ардашевы тоже были неподалеку, в других уездных центрах Пермской губернии – Верхотурье (ныне Свердловской области) и Шадринске (ныне Курганской области). С их помощью молодому человеку легче было начинать службу и карьеру, чем приехав в абсолютно незнакомый город.

В формулярном списке Владимира Ардашева, составленном по состоянию на 13 июля 1910 г., перечислены все этапы его служебной деятельности при Екатеринбургском окружном суде. 23 октября 1893 г. он был определен младшим кандидатом на судебные должности. Тогда же ему был присвоен чин коллежского секретаря [2, ф. 11, оп. 11, д. 48, л. 2 об.–3]. 13 мая 1895 г. Владимир Ардашев был определен старшим кандидатом на судебные должности [Там же, л. 3]. С 9 сентября по 1 декабря 1895 г. он исправлял должность судебного следователя 1-го участка Шадринского

уезда. 4 января 1896 г. был командирован в помощь к исправляющему должность судебного следователя 7-го участка Екатеринбургского уезда с правом самостоятельного производства следствий. С 27 января был прикомандирован к исправляющему должность судебного следователя 5-го участка того же уезда. С 13 февраля по 30 марта исправлял должность судебного следователя 5-го участка того же уезда [Там же, л. 3 об.–4]. С 20 апреля по 24 июня исправлял должность городского судьи г. Камышлова. С 8 июля по 8 декабря исправлял должность судебного следователя 5-го участка Верхотурского уезда. 1 марта 1897 г. был прикомандирован к 4-му участку Камышловского уезда. Наконец, 20 мая 1897 г. приказом по Министерству юстиции Владимир Александрович был причислен к штату с откомандированием на должность судебного следователя 4-го участка Камышловского уезда [Там же, л. 4 об.–5].

Чтобы получить постоянную должность в ведомстве Министерства юстиции, в Российской империи недостаточно было иметь специальное образование. Нужно было еще несколько лет прослужить на временных должностях, помотаться по разным захолустьям, продемонстрировать свои знания и профессиональные навыки. И только после этого, так сказать, испытательного срока соизволением высшего начальства кандидат на судебные должности получал постоянное место службы.

5 июня 1897 г. В.А. Ардашев получил свою первую награду – серебряную медаль в память царствования императора Александра III [Там же, л. 4 об.–5]. 23 октября он был произведен в чин титулярного советника [Там же, л. 5 об.–6]. 23 октября 1899 г. Екатеринбургский окружной суд в общем собрании отделений вынес следующее определение: «Состоя на службе с 1893 г. и занимая должность судебного следователя в течение двух с половиной лет, титулярный советник Ардашев успел заявить себя с прекрасной стороны, как своим трудолюбием и знанием дела, так и безупречными нравственными качествами, а потому имеет, по мнению суда, полное право на перевод в лучший участок, каким является 3-й участок Камышловского уезда с квартирой в г. Камышлове, сравнительно с 4-м участком того же уезда, камера которого помещается в Талицком заводе...» [2, ф. 11, оп. 11, д. 49, л. 103]. 30 декабря того же года он был переведен на должность судебного

следователя 3-го участка Камышловского уезда. 23 октября 1899 г. получил чин коллежского асессора. 15 декабря 1901 г. был назначен товарищем (заместителем) прокурора Екатеринбургского окружного суда. 23 октября 1903 г. ему был присвоен чин надворного советника, тот самый чин, на котором прервалась карьера его отца [2, ф. 11, оп. 11, д. 48, л. 5 об.–6].

1 января 1907 г. Владимиру Александровичу пожалован второй, и последний орден в его карьере – орден св. Анны III степени. 23 октября того же года Ардашев был произведен в чин коллежского советника. 27 июня 1910 г. он был назначен членом Екатеринбургского окружного суда. [Там же, л. 6 об.–7]. В определении суда о нем только лестные строки: «Назначение В.А. Ардашева общее собрание признает в особенности желательным и целесообразным ввиду, во-первых, того, что В.А. Ардашев, человек средних лет, деятельный, энергичный и оказался бы весьма полезным деятелем в уголовном отделении, а во-вторых, и того, что назначение В.А. Ардашева на должность члена суда не повело бы за собою значительного промедления в явке к должности...» [Там же, л. 12 об.].

23 октября 1910 г. Ардашев получил очередной чин статского советника [Там же, л. 6 об.–7]. В формулярном списке указано, что сам он не имеет имения родового или благоприобретенного, а у родителей есть 250 десятин земли с мельницей в Лаишевском уезде Казанской губернии. Жалованья на момент составления формулярного списка Ардашев получал 1600 руб. в год, а кроме того 600 руб. столовых, 600 руб. квартирных и 500 руб. канцелярских. Итого в год выходило 2300 руб. [Там же, л. 2 об.].

Женился Владимир Ардашев достаточно поздно. В метрической книге Градо-Камышловского Покровского собора за 1907 г. под № 39 имеется запись о бракосочетании 2 июля товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда, надворного советника Владимира Александровича Ардашева, 37 лет, первым браком, и камышловской купеческой дочери Марии Алексеевны Скачковой, 25 лет, так же первым браком. Свидетели по жениху: камышловский мещанин Степан Михайлович Гуляев и шадринский мещанин Илья Александрович Плынов. Свидетели со стороны невесты: почетный гражданин Камышлова Дмитрий Николаевич Григорьев и крестьянин Владимирской губернии Ковровского уезда Хотимовской волости деревни Суземеевой Федор Васильевич

Комаров [2, ф. 6, оп. 16, д. 161, л. 132 об.–133]. Вскоре, 5 апреля 1908 г., в семье родилась старшая дочь Ольга [2, ф. 11, оп. 11, д. 48, л. 9]. Через два года на свет появилась еще одна дочка, которую назвали Лидия. В метрической книге Вознесенской церкви г. Екатеринбург за 1910 г. под № 25 имеется запись о рождении 18 февраля и крещении 12 марта девочки Лидии. Родители: коллежский советник Владимир Александрович Ардашев и его законная жена Мария Алексеевна. Восприемниками при обряде крещения были дети чиновника Юрий Александрович и Ксения Александровна Ардашевы, племянники отца, дети его старшего брата Александра [2, ф. 6, оп. 13, д. 143, л. 15 об.–16].

Формулярный список статского советника, члена Екатеринбургского окружного суда Владимира Александровича Ардашева заканчивается короткой фразой: «11 декабря 1911 г. умер» [2, ф. 11, оп. 11, д. 48, л. 6 об.–7]. Прошение его вдовы Марии Алексеевны о назначении ей с детьми пенсии проливает свет на обстоятельства его смерти: «Муж мой, член Екатеринбургского окружного суда, статский советник Владимир Ардашев, будучи командирован общим собранием суда в город Камышлов на сессию с присяжными заседателями 22–30 ноября сего года, по возвращении с сессии в город Екатеринбург 2 текущего декабря почувствовал себя нездоровым и спустя три дня слег в постель, ввиду констатированного врачами заболевания воспалением легких. В ночь на 12 текущего декабря муж мой умер...» [Там же, л. 23]. Медицинское свидетельство врача М. Соколова, датированное февралем 1912 г., которое подтверждает смерть Ардашева от воспаления легких, указывает также на ревматизм, которым он страдал: «...заседая в Тагиле в 1909 г. заболел суставным ревматизмом и пролежал в постели около двух месяцев...» [Там же, л. 36].

Пенсия была положена чиновнику только после выслуги в 25 лет. На момент смерти В.А. Ардашев успел выслужить 18 лет, 1 месяц и 18 дней [Там же, л. 21]. Формально пенсия вдове и детям Владимира Александровича положена не была. Однако Екатеринбургский окружной суд направил в Министерство юстиции ходатайство о назначении семье Ардашева пенсии в размере 1000 руб. в год. Была ли она назначена, по документам проследить не удалось.

Необходимо еще сказать несколько слов о Марии Алексеевне Ардашевой, урожденной Скачковой, и ее семье. Она была дочерью

потомственного почетного гражданина Екатеринбурга, но родилась 15 октября 1882 г. в Красноярске [Там же, л. 8 об.]. В период брака с В.А. Ардашевым имела дом в Екатеринбурге доходностью 1500 руб. в год [Там же, л. 9 об.]. Отец Марии Алексеевны, Алексей Максимович Скачков, был человеком с непростой судьбой. В 1874 г. весь Екатеринбург был буквально потрясен кровавой драмой, разыгравшейся в стенах мужской гимназии. 15 мая 1874 г. гимназист Алексей Скачков, придя на квартиру к директору Екатеринбургской мужской гимназии Якову Ивановичу Предтеченскому (располагалась в одном здании с гимназией), произвел в него несколько выстрелов из револьвера. Как написано в архивных документах: «...Скачков, придя в кабинет, выстрелил в него, Предтеченского, и еще сделал по нем два выстрела в зале, когда он вышел из кабинета, и раз в передней...» [2, ф. 11, оп. 11, д. 21, л. 40 об.]. Через два дня после этого трагического происшествия, 17 мая, Предтеченский скончался от полученных ран. Убийца был сыном екатеринбургского купца 1-й гильдии Максима Михайловича Скачкова. Семья жила в собственном доме на Фетисовской улице (ныне ул. Б. Ельцина).

Предыстория этого ужасного происшествия такова. Директор Предтеченский застал Алексея Скачкова курящим в туалете, за что немедленно исключил из гимназии. Такое наказание ставило крест на дальнейшей судьбе провинившегося школяра. Не имея аттестата об окончании гимназии, невозможно было получить какое-либо образование. Ни одна другая гимназия Российской империи не приняла бы в свои стены исключенного за такой проступок. Молодой человек в самом начале жизненного пути лишился всех планов и свойственных юности мечтаний. Он пытался извиняться, просил о прощении, но директор был непреклонен. Результатом этого конфликта стало уголовное преступление. Два с лишним года продолжалось следствие. Суд над Алексеем Скачковым состоялся в декабре 1876 г. Свидетель Павлов, сторож гимназии дал следующие показания: «Скачков, придя в гимназию, просил доложить о себе Предтеченскому, причем сказал: “если директор не спит, доложи, а если спит, так не буди”». Павлов рассказал, что видел, как Скачков, преследуя Предтеченского, стрелял из револьвера и слышал потом разговор Предтеченского со Скачковым. На слова Предтеченского «что ты сделал?» Скачков отвечал «больше мне

ничего не нужно было». Павлов показал, что приведенный в сторожку Скачков спросил его, можно ли закурить папироску. Свидетель ответил Скачкову «не знаю», но тот сказал «кажется, можно» и закурил [Там же, л. 49].

На суде Алексей признал свою вину: «Скачков не отрицает нанесения смертельных ран Предтеченскому, но говорит, что не помнит, как произошло это» [Там же, л. 43 об.]. Адвокаты защиты пытались добиться признания гимназиста недееспособным, встал вопрос о его психической полноценности. Лечащим врачом Алексея Скачкова был Виктор Андреевич Туржанский, отец известного уральского художника Л.В. Туржанского. Он же выступал экспертом предварительного заключения. В.А. Туржанский с коллегами провели полное обследование Алексея Скачкова и «не нашли в нем расстройства умственных способностей», выявив у своего пациента лишь порок сердца и туберкулез [2, ф. 11, оп. 11, д. 20, л. 59 об.–60]. Только 22 декабря суд вынес приговор по делу об убийстве директора гимназии Я.И. Предтеченского, гласивший: «...екатеринбургского купеческого сына Алексея Максимова Скачкова, 18 лет, по лишении всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ сослать на житье в Енисейскую губернию с воспреещением всякой отлучки из места, назначенного для его жительства в продолжение трех лет, и потом выезда в другие губернии или области Сибири в продолжение десяти лет...» [2, ф. 11, оп. 11, д. 21, л. 21].

В документах Государственного архива Свердловской области также имеется формулярный список камышловского городского головы Алексея Максимовича Скачкова, составленный на 10 августа 1910 г. Из него можно почерпнуть следующие сведения. Не имеющий чина и знаков отличия, потомственный почетный гражданин А.М. Скачков, 52 лет, православного вероисповедания, вступил в службу в 1902 г. Обучался в Екатеринбургской классической гимназии, но курса не окончил. Женат на Александре Осиповне, возраст которой 41 год. Имеет дочь Марию, которая «находится в замужестве». Имущественное положение Скачкова – каменный дом с флигелем, службами и пустопорожним местом, оцененный в 3500 руб. Жена имущества не имеет. Получает содержание как городской голова 1200 руб. и как председатель сиротского суда – 300 руб. в год. Всего – 1500 руб. [2, ф. 11, оп. 11, д. 660, л. 1 об.–2].

Служба Алексея Максимовича началась 20 января 1902 г. с должности гласного Камышловской городской думы [Там же]. Городские думы тогда избирались на четыре года. 18 июня 1906 г. он избран был снова гласным на следующее четырехлетие [Там же, л. 4 об.–5]. 27 мая 1908 г. собранием Камышловской городской думы Скачков был избран на должность городского головы на оставшийся до следующих выборов срок [Там же, л. 7 об.–8]. 7 марта 1910 г. Алексей Максимович вновь избран гласным городской думы на очередной срок, а уже 22 мая он был выдвинут из состава думы на пост городского головы на 1910–1914 гг. [Там же, л. 9 об.–10].

Кроме своей думской деятельности А.М. Скачков активно участвовал в общественной жизни Камышлова. 3 октября 1906 г. он был избран почетным мировым судьей по Камышловскому уезду [Там же, л. 5 об.–6]. В отличие от думы мировые судьи избирались на трехлетие. И 8 октября 1909 г. Алексей Максимович снова был избран почетным мировым судьей по уезду на следующий срок [Там же, л. 8 об.–9]. С 18 июня 1908 г. он состоял председателем Камышловского сиротского суда [Там же, л. 7 об.–8]. Всех его общественных должностей и не перечислить. Алексей Максимович был и председателем правления Камышловского общества взаимного кредита, и почетным попечителем Камышловской мужской прогимназии, и председателем Камышловского городского попечительства о бедных, а также членом различных училищных, епархиальных и попечительных советов при всех учебных заведениях города.

Тема изучения биографии и деятельности Владимира Александровича Ардашева, а равно и его родословных связей, требует дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 314,
2. ГАСО. Ф. 6. Оп. 16. Д. 161; Ф. 6. Оп. 13. Д. 143; Ф. 11. Оп. 11. Д. 20, 21, 48, 49, 660.

СЕКЦИЯ II ИСТОРИЯ УРАЛА. XX – НАЧАЛО XXI В.

УДК 94(470)

А.Б. Бардин*

ПРОГРАММЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ КАНДИДАТОВ В НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ СССР ОТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова. *Выборы народных депутатов, история Свердловской области, экономика перестройки, реформы перестройки.*

Аннотация. *В рамках исследования развития экономики СССР в эпоху перестройки подверглись программы кандидатов в депутаты, которые баллотировались в марте 1989 года на Съезд народных депутатов. Автором осуществлён сравнительный анализ экономических программ кандидатов в народные депутаты СССР от Свердловской области. Их анализ показал, что экономические программы кандидатов не играли ключевой роли с точки зрения поддержки избирателей. Победа (или поражение) кандидата были предопределены его политическим прошлым, отношением к Б.Н. Ельцину.*

А.В. Bardin**

PROGRAMS OF ECONOMIC REFORMS OF CANDIDATES FOR PEOPLE'S DEPUTIES OF THE USSR FROM SVERDLOVSK REGION

Keywords. *Elections of people's deputies, history of the Sverdlovsk region, economy of perestroika, perestroika reforms.*

Abstract. *As part of the study of the development of the economy of the USSR in the era of perestroika, the programs of*

* **Бардин Артём Борисович**, магистр истории, научный сотрудник Музея Бориса Ельцина; аспирант Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); научный руководитель – Клинова Марина Александровна, доктор исторических наук; e-mail: bardapple@mail.ru.

** **Bardin Artem Borisovich**, Master of Historical Sciences, Researcher at the Boris Yeltsin Museum (Ekaterinburg, Russia); e-mail: bardapple@mail.ru.

candidates for deputy who ran for the Congress of People's Deputies in March 1989 were examined. The author carried out a comparative analysis of the economic programs of candidates for deputies of the USSR from the Sverdlovsk region.

Экономическая история перестройки является темой широких дискуссий в отечественной исторической науке. Кризис политики ускорения привел руководство СССР к убеждению, что благодаря демократизации и созданию новых институтов законодательной власти будет найдено решение по преодолению экономического кризиса. С этой целью 26 марта 1989 года состоялись всесоюзные выборы Съезда народных депутатов – нового высшего органа законодательной власти. От Свердловской области на Съезд народных депутатов баллотировалось 28 кандидатов на 14 мест от региона. Два кандидата конкурировало за место на Съезде народных депутатов от 25-го Свердловского национально-территориального округа РСФСР. За 13 мест от территориальных избирательных округов Свердловской области в первом туре голосования конкурировали 26 кандидатов (в самом конкурентном избирательном округе – под № 298 в Каменске-Уральске – баллотировалось сразу 4 кандидата [21, с. 2]).

Центральным пунктом программ практически всех кандидатов в народные депутаты от Свердловской области являлись экономические преобразования. Содержание проектов реформ каждого отдельного депутата во многом определялось их профессиональным статусом и электоральными запросами избирателей. В программах кандидатов чаще всего фигурировали темы расширения хозрасчета, увеличение прибыли местных советов за перераспределения налогов на места, предоставление трудовым коллективам большую самостоятельность по принятию решений в управлении предприятия. Наиболее радикальными предложениями по реформированию экономики являлись демонтаж командно-административной системы и монополизации экономики. Не редко в программах кандидатов предлагаются и этатисткие предложения, такие как государственные дотации и регулирование цен. В некоторых программах могли одновременно присутствовать как предложения радикального реформирования, так и государственного регулирования.

Наиболее радикальную программу предложил кандидат в народные депутаты Г.Э. Бурбулис, работавший заместителем директора

Института повышения квалификации Минцветмета СССР и избиравшийся по Ленинскому территориальному избирательному округу № 292. В целях преодоления отчуждения власти и экономических свобод от народа Г.Э. Бурбулис предложил «искоренение экономических основ, политических структур и социальной базы командно-административной системы <...> развитие территориального и местного хозрасчета [4, с. 2]». Г.Э. Бурбулис выиграл в первом туре у единственного конкурента А.Я. Эппа, который также выступал с радикальной программой построения «товарного (рыночного) социализма» и разрушением административно-командной системы [27, с. 2].

В Каменск-Уральском территориальном избирательном округе № 298 два кандидата, являвшиеся директорами предприятий, в своей экономической программе критиковали ведомства и призывали к усилению хозрасчета. Так, А.И. Брижан (директор Синарского трубного завода), предлагал радикальную программу слома командно-административной системы [3, с. 2]. Его оппонент по округу И.П. Романенко (генеральный директор Уральского производственного объединения гидравлического и нефтепромышленного машиностроения) предлагал ту же самую борьбу с ведомствами, которые «свои узковедомственные интересы ставят выше интересов народных и общечеловеческих» [21, с. 2]. Б.И. Краснокутский (председатель правления колхоза имени Я.М. Свердлова) практически всю программу сосредоточил на проблемах колхозной системы, предлагая усовершенствовать государственное материально-техническое снабжение сельского хозяйства [13, с. 2]. В программе В.П. Шевалева, (директора Каменск-Уральской средней школы № 12) экономическая умеренная программа свелась к выплате производителем твёрдого процента от прибыли в местный Совет [26, с. 2].

Схожая ситуация была и в Серовском территориальном избирательном округе № 304, где директор Богославского алюминиевого завода А.В. Сысоев предложил введение специальных договоров «между предприятиями и ведомствами с обоюдной экономической ответственностью», при которых последние должны были возмещать ущерб в случае убыточности [24, с. 2]. Его оппонент В.А. Бирюков, старший слесарь, ориентировался на голоса молодых избирателей и ограничился программой увеличения государственных

субсидий на образование [1, с. 2]. В.А. Бирюков смог одержать победу в первом туре.

У кандидатов в Первоуральском территориальном избирательном округе № 303 П.П. Пьянкова (старший вальцовщик новотрубного завода) [20, с. 2] и Е.В. Кирина (секретаря парткома комбината) [12, с. 2] основы экономических программ также умеренны и сводились к расширению самостоятельности предприятий и хозяйственной системы. П.П. Пьянков победил в первом туре.

В Красноуфимском территориальном избирательном округе № 300 баллотировались директор Кашкинского леспромхоза М.П. Бурцев и доярка Красноуфимской селекционной станции Л.Ф. Мочалина. Интересен избирательный округ тем, что кандидаты не использовали переход на территориальный хозрасчет как цель достижения в своих программах: М.П. Бурцев предложил создать кооперацию между городом и селом в целях решения Продовольственной программы [5, с. 2], а Л.Ф. Мочалина – реконструировать предприятия перерабатывающей промышленности [17, с. 2]. М.П. Бурцев набрал достаточное количество голосов для победы в первом туре выборов. Обе программы являлись примерами программ по государственному регулированию в экономической системе.

Ирбитский территориальный избирательный округ № 297 стал уникальным в Свердловской области тем, что это единственный округ, от которого был выставлен в кандидаты профессиональный военный. Командующий войсками Уральского военного округа А.М. Макашов выдвинулся в кандидаты с оппонирующей программой против директора Тавдинского лесокомбината В.В. Гоосена. Была подвергнута критикой идея В.В. Гоосена создать «платные государственные хозрасчетные учреждения здравоохранения и просвещения [8, с. 2]» и предложено сделать ставку на развитие государственного сектора экономики, а не кооперативного [15, с. 2]. А.М. Макашов смог выиграть в первом туре выборов.

В Нижнетагильском территориальном избирательном округе № 302 кандидатами стали первый заместитель председателя Нижнетагильского горисполкома Н.И. Данилов [9, с. 2] и оператор крупносортового цеха Нижнетагильского металлургического комбината В.А. Ярин [28, с. 2]. Оба кандидата в своих программах сделали акцент на территориальном хозрасчете как главном пункте

экономической программы и практически ничем не отличались. Однако, В.А. Ярин смог уверенно выиграть оппонента.

По Орджоникидзевскому территориальному избирательному округу № 294 баллотировались секретарь парткома научно-производственного объединения «Машиностроительного завода» В.А. Волков и гендиректор «Уралмаша» И.И. Строганов. Экономическая программа В.А. Волкова являлась умеренной и подразумевала «самостоятельность производственных объединений, заводов и других подразделений народного хозяйства [7, с. 3]» одновременно с сохранением государственного регулирования цен. И.И. Строганов в схожей экономической программе особое внимание акцентировал на перекачке материальных ресурсов Среднего Урала за его пределы без должной выгоды для региона, что необходимо исправить за счет внедрения территориального хозрасчета [23, с. 2]. Победа В.А. Волкова в первом туре была достигнута с большим перевесом голосов, во многом, благодаря поддержке Б.Н. Ельцина на XIX партконференции. В Кировском территориальном избирательном округе № 293 сложилась схожая ситуация: звеньевой строительной бригады А.А. Захаров [10, с. 2] выиграл выборы у директора Института экономики Уральского отделения АН СССР В.П. Чичканова [25, с. 3], благодаря поддержке Б.Н. Ельцина в своих программных тезисах.

В Свердловском национально-территориальном избирательном округе № 25 выдвинули кандидатуры вице-президент Академии наук СССР Г.А. Месяц и первый заместитель председателя облисполкома А.Н. Нестеров. Программа А.Н. Нестерова с экономической точки зрения уникальна обещанием увеличения производства конкретных продуктов на проценты текущей пятилетки и призывом электората к непрофильным сельскохозяйственным работам [18, с. 3], т.е. предложением усиления консервативного государственного контроля. Г.А. Месяц шел с более прогрессивной умеренной программой, которая предполагала «сделать трудовые коллективы реальными хозяевами средств производства и того, что они производят [16, с. 2]». В результате того, что ни один из кандидатов не набрал больше половины голосов избирателей, были проведены повторные выборы за двое суток до открытия Съезда народных депутатов. А.Н. Нестеров из-за большого отставания в голосах не стал выдвигать кандидатуру и во втором туре выдвинулся

грузчик по разовым трудовым отношениям Л.С. Кудрин, ранее работавший судьей. Программа Л.С. Кудрина отличалась демократическим радикализмом, а в экономической части предлагалось «добиваться экономической свободы личности путём демополизации экономики, расширения самостоятельности предприятий, развития индивидуального и кооперативного секторов экономики [14, с. 3]». На итоговых выборах 23 мая 1989 года по Свердловскому национально-территориальному округу Л.С. Кудрин смог одержать победу, набрав более чем на 40 тыс. больше голосов, чем Г.А. Месяц [22, с. 1].

Особого внимания два территориальных избирательных округа – Камышловский под № 299 и Алапаевский под № 296. В первом из них баллотировался Л.Ф. Бобыкин (первый секретарь Свердловского областного комитета КПСС) [2, с. 2], во втором – В.М. Власов (председатель исполкома областного Совета народных депутатов) [6, с. 3]. Высшие партийные чиновники Свердловской области выдвигались с программами полной поддержки КПСС и курса умеренного экономического курса перестройки, но с большим отрывом проиграли оппонентам в первом туре. Секретарь Сухоложского горкома КПСС А.К. Измоленов, предлагавший избавиться от диктата министерств и ведомств и внедрить «нормальные товарно-денежные отношения» [11, с. 3], уверенно выиграл партийного руководителя региона. И.В. Прудников (инженер Невьянского механического завода) набрал в три раза больше голосов, чем руководитель регионального Совета, предложивший ввести государственный контроль над распределением продуктов [19, с. 3].

Экономические программы реформ практически всех кандидатов предусматривали продолжение курса реформ и создание новой экономической модели хозрасчета. Кандидаты, выдвигающиеся от предприятий (преимущественно директорский корпус), делали особый акцент на диктате министерств и ведомств, который необходимо преодолеть через предоставление хозрасчетной автономии предприятиям. Несмотря на формальное существование пятилетних планов, лишь кандидаты от партийного аппарата Свердловской области упоминали о его существовании в своих экономических программах. Кандидаты с радикальными реформистскими взглядами в программах указывали на непрерывную связь экономических проблем с политическим строем, который, по их представлениям,

отчуждал «трудящихся от собственности на средства производства и от политической власти» [16, с. 3]. Практически все кандидаты, настаивавшие на радикализации экономического реформирования, происходили из социальной группы научно-технической интеллигенции и баллотировались в территориальных округах внутри города. Среди кандидатов в депутаты не были представлены те, кто настаивал бы на полном переходе к рыночной экономике западного типа (вполне возможно, чтобы была возможность пройти регистрацию через окружные собрания). Примечательно, что взгляды кандидатов на экономические преобразования не зависели от территории выдвижения. Экономические программы не выходили за пределы социалистической парадигмы.

Большая часть экономических программ являлись умеренными: настаивающими на большей самостоятельности экономических субъектов. Практически все кандидаты, представлявшие директорский корпус, также представляли умеренные взгляды по реформированию экономики. В своих базовых положениях в отношении экономической реформы большинство программ были умеренны, практически идентичны и могли повторяться у кандидатов, шедших от одного и того же избирательного округа. Тем не менее, в Свердловской области, судя по количеству победивших кандидатов с радикальными программами, заметно увеличение симпатии избирателя к экономическим переменам. Это касалось и побед кандидатов с программами по усилению государственного контроля, т.к. они демонстрировали боязнь ухудшения и так не лучшего положения в экономике из-за ее перестройки. По итогам исследования можно констатировать, что экономические программы кандидатов не играли ключевой роли с точки зрения поддержки избирателей. Во многих случаях победа (или поражение) кандидата было предопределено его политическим прошлым, в частности по отношению к Б.Н. Ельцину.

Библиографический список

1. Бирюков В.А. Возможности оцениваю трезво... // Уральский рабочий. – 1989 – 28 февраля.
2. Бобыкин Л.Ф. Идеи перестройки – в жизнь // Уральский рабочий. – 1989. – 10 марта.
3. Брижан А.И. Старьё – на слом // Уральский рабочий. – 1989. – 1 марта.

4. Бурбулис Г.Э. Стать хозяевами своей страны! // Уральский рабочий. – 1989. – 23 марта.
5. Бурцев М.П. Наша малая Родина // Уральский рабочий. – 1989. – 14 марта.
6. Власов В.М. Программа формировалась годами // Уральский рабочий. – 1989. – 5 марта.
7. Волков В.А. Верю в будущее! // Уральский рабочий. – 1989. – 10 марта.
8. Гоосен В.В. Для себя и потомков // Уральский рабочий. – 1989. – 4 марта.
9. Данилов Н.И. Настала пора упорной экономической работы // Уральский рабочий. – 1989. – 5 марта.
10. Захаров А.А. Его величество рабочий класс // Уральский рабочий. – 1989. – 7 марта.
11. Измоденов А.К. Депутат – прежде всего законодатель // Уральский рабочий. – 1989. – 2 марта.
12. Киршин Е.В. Человек – это то солнце... // Уральский рабочий. – 1989. – 22 февраля.
13. Краснокутский Б.И. Вернись домой... // Уральский рабочий. – 1989. – 1 марта.
14. Кудрин Л.С. Счастлив тот, кто свободен // Уральский рабочий. – 1989. – 3 мая.
15. Макашов А.М. От имени народа и для народа // Уральский рабочий. – 1989. – 22 марта.
16. Месяц Г.А. Подумать о человеке! // Уральский рабочий. – 1989. – 8 марта.
17. Мочанина Л.Ф. Если стану депутатом... // Уральский рабочий. – 1989. – 10 марта.
18. Нестеров А.Н. Людей надо накормить // Уральский рабочий. – 1989. – 8 марта.
19. Прудников И.В. Вместе с избирателями // Уральский рабочий. – 1989. – 5 марта.
20. Пьянков П.П. Разбиться, но выполнить // Уральский рабочий. – 1989. – 22 февраля.
21. Романенко И.П. Твёрдо обещаю // Уральский рабочий. – 1989. – 1 марта.
22. Сообщения окружной избирательной комиссий Свердловского национально-территориального избирательного округа № 25 РСФСР об итогах повторного голосования по выборам народного депутата СССР, состоявшегося 23 мая. Уральский рабочий. 25 мая 1989 г.
23. Строганов И.И. Интересы людей – прежде всего // Уральский рабочий. – 1989. – 10 марта.

24. Сысоев А.В. Сегодня нужен прорыв в экономике // Уральский рабочий. – 1989 – 28 февраля.
25. Чичканов В.П. Судьбу Урала – в руки народа! // Уральский рабочий. – 1989. – 7 марта.
26. Шевалев В.П. Альтернативы нет! // Уральский рабочий. – 1989. – 1 марта.
27. Эпп А.Я. Главное – внимание к человеку // Уральский рабочий. – 1989. – 18 марта.
28. Ярин В.А. «Не от имени народа, а вместе с ним» // Уральский рабочий. – 1989. – 5 марта.

УДК 94(47).084.9

М.В. Бекленищева*

ЛАДИСЛАВ ШУПКА: РОЛЬ В РАЗВИТИИ ДРУЖЕСКИХ СВЯЗЕЙ СРЕДНЕГО УРАЛА И ЧЕХОСЛОВАКИИ

Ключевые слова. *Иностранные студенты, побратимские связи, международное сотрудничество.*

Аннотация. *В 1953 г. Уральский политехнический институт окончил чехословацкий студент Ладислав Шупка. После он работает на заводе «Шкода» в Западночешской области ЧССР, становится его руководителем. Начинается сотрудничество Уралмаша и Шкоды, а затем устанавливаются побратимские связи Свердловской и Западночешской областей, которые охватили тысячи жителей. В докладе прослеживается участие Шупки в развитии побратимских связей регионов.*

M.V. Beklenishcheva**

LADISLAV SHUPKA: THE ROLE IN THE DEVELOPMENT OF FRIENDLY RELATIONS BETWEEN THE MIDDLE URALS AND CZECHOSLOVAKIA

Keywords. *International students, twinning relations, international cooperation.*

* Бекленищева Мария Владимировна, лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: bekmv88@yandex.ru.

** Beklenishcheva Mariia Vladimirovna, Researcher at the International Center for Demographic Research, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: bekmv88@yandex.ru.

Abstract. *In 1953 Ladislav Shupka, a Czechoslovak student, graduated from the Ural Polytechnic Institute. After that, he works at the Skoda plant in the West Bohemian region of the Czechoslovak Republic, becomes its head. Cooperation between Uralmash and Skoda begins, and then twinning ties are established between the Sverdlovsk and West Bohemian regions, which have covered thousands of residents. The report traces the participation of Shupka in the development of twinning ties of the regions.*

В период с 1946 по 1960 год высшее образование в вузах Свердловска получали более тысячи иностранных студентов. В Уральском политехническом институте прошли обучение 60 чехословацких студентов. Один из них – Ладислав Шупка. Познакомимся с ним поближе. Он родился в 1928 году, после окончания средней школы учился 4 года в машиностроительном техникуме в Брно, а потом в течение года работал техником на заводе «Конструктива» Чехословацких строительных заводов в Праге. В октябре 1948 года начал учиться в Пражском политехническом институте, окончил первый курс механического факультета. В сентябре 1949 года Шупка получил стипендию правительства на обучение в СССР. Приказом № 969 от 5 октября 1949 года Ладислав Шупка был зачислен на 2 курс инженерно-экономического факультета Уральского политехнического института по специальности «Экономика и организация машиностроительной промышленности».

Наш герой прилежно учился, проводя за занятиями по 12 часов ежедневно, принимал участие в работе научно-технических кружков. Выступал с докладами на научно-практических конференциях. Так, например, совместно с другими чехословацкими студентами им был сделан доклад «Чехословакия на пути к социализму» (Фото 1).

Для скорейшей адаптации иностранных студентов в вузах создавались землячества, во главе которых избиралось бюро. Л. Шупка являлся членом бюро, вел большую общественную работу в землячестве.

Значительные усилия по адаптации студентов из зарубежных стран прилагали сотрудники вузов, стремясь сделать их пребывание максимально комфортным. Отметим, что 100 % иностранных студентов обеспечивались общежитием, стипендия иностранцев была выше стипендии их советских соучеников. Если стипендия

Фото 1. Чешские студенты готовят доклад
«Чехословакия на пути к социализму». Л. Шупка в центре.
(Фото из фондов Музейно-выставочного комплекса УрФУ)

советских граждан в 1949 году составляла 320–420 рублей, повышенная стипендия (за отличные оценки) варьировалась от 525 до 600 руб., то стипендия иностранных студентов в 1946–1960 гг. составляла 500–580 рублей. Для скорейшего включения в образовательный процесс проводились занятия по русскому языку. Стоит сказать, что преподаватели очень доброжелательно относились к студентам, а при заинтересованности последних во всестороннем постижении профессии, не жалели сил и времени для разъяснения материала. Это в полной мере касалось и иностранных студентов, многие из которых по окончании вуза поддерживали переписку со своими преподавателями [1]. В дни каникул для иностранных студентов был организован отдых в санаториях или путешествия по СССР. К примеру, в зимние каникулы 1950–1951 учебного года 10 болгарских, венгерских и чехословацких студентов были направлены в дома отдыха [2, с. 231].

Как и все студенты Л. Шупка проходил практику на предприятиях Свердловской области. В частности, его преддипломная практика прошла на Турбомоторном заводе в г. Свердловске. Во время производственной практики он принимал участие в разработке мероприятий по улучшению работы цеха. Как отмечал руководитель дипломного проекта «По глубине анализа, содержательности предложенных мероприятий, по высокой степени самостоятельности

работы над проектом, по практической ценности по тщательному его оформлению, последний заслуживает отличной оценки, т. Ладислав Шупка – присвоения звания инженера-экономиста» [3, л. 29 об.]. Как отмечает Т.Ю. Красовицкая, «правительство СССР стремилось создать в странах, откуда прибывали студенты, новые профессионально-социальные группы общества. Дипломы инженеров советских вузов планировалось использовать как средство создания влиятельных просоветских групп в социальной иерархии» [4, с. 8].

По итогу учебы в 1953 году Шупка получил диплом с отличием, а также рекомендацию для прохождения аспирантуры и научно-педагогической деятельности. Однако, судьба распорядилась по-другому. После окончания вуза в конце 1950-х – 1960-е годы Шупка работает на одном из предприятий концерна «Шкода» в Западночешской области, становится его руководителем. Здесь то и проявился в действии принцип обучения иностранных студентов в советских вузах «возвратить домой друзьями СССР».

В июле 1958 года на 25-летие Уралмашзавода по приглашению уралмашевцев прибыла делегация с завода им. Ленина из г. Пльзень. Был подписан договор о дружбе между «Уралмашем» и Машиностроительными заводами «Шкода». Стало развиваться сотрудничество свердловского завода Уралмаш и Шкоды. Начался обмен делегациями. Делегации Уралмаша в Пльзени встречал лично директор машиностроительного завода Ладислав Шупка [5, 6, 7], что свидетельствовало о его расположении к советским коллегам. Приезжали делегации Шкоды в Свердловскую область. Всего в 1958–1966 гг. Уралмашзавод посетило 19 чехословацких делегаций. Среди них были секретарь ЦК КПЧ Кольдер, зам. заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК КПЧ Скала, первый секретарь горкома КПЧ г. Пльзень Карда и, конечно же, Ладислав Шупка [8, л. 20].

Итак, у истоков дружбы Шкоды и Уралмаша, а в перспективе и Свердловской и Западночешской областей стоял выпускник свердловского вуза Ладислав Шупка. В 1966 году в соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 26 марта 1966 года [9, л. 77] Свердловская область была породнена с Западночешской областью Чехословакии [10, л. 43]. Побратимские связи регионов развивались с 1966 по 1991 год, охватив тысячи жителей Среднего

Урала и Западной Чехии. Сотрудничество развивалось в самых разных отраслях: прямые производственные связи предприятий, культурные обмены, спортивные соревнования, обмен школьными группами в пионерских лагерях, интеротряды и многое другое.

После известных событий 1968 года в Чехословакии проводилась политика известная как Нормализация. В рамках Нормализации в конце июня 1970 года Министром инвестиций и технического развития Чехословакии становится Ладислав Шупка [11], занимавший эту должность до 1983 года. Параллельно в 1976 году Шупка был избран в Федеральное Собрание Чехословакии. Парламент был двухпалатный: Палата народа и Палата наций. Ладислав Шупка был избран в Палату наций и переизбран в 1981 году, таким образом он являлся депутатом парламента с 1976 по 1986 год.

Годы нахождения Л. Шупки в правительстве и парламенте Чехословакии характеризовались развитием сотрудничества СССР и ЧССР. Так, например, товарооборот СССР с Чехословакией в 1970 году составил 2193,2 млн рублей, в 1975 году – 3911,2 млн рублей, в 1980 году – 7184,0 млн рублей, а в 1985 г. – 13462 млн рублей, т.е. за 15 лет внешнеторговый оборот увеличился почти в 7 раз [12, с. 53].

Помимо Ладислава Шупки в Пльзени работали многие выпускники вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Волгограда и Свердловска. Большинство из них трудилось на машиностроительных заводах Шкода, в том числе 8 выпускников УПИ. Они также сохранили теплое отношение к alma mater и Свердловску, поддерживая связи как с Шупкой, так и с городом-побратимом [13].

В рамках развития побратимских связей в 1975 году Западную Чехию посетило 250 свердловчан, в 1979 г. – 675, а в 1982 г. – 991 человек, в те же годы в Свердловской области было принято соответственно 452 чел., 638 чел. и 927 чел. Прямые связи с побратимами имели в 1975 г. – 10 предприятий и организаций, в 1979 г. – 16, а в 1982 г. – уже 30 [14, л. 88].

В 1976 году правительством Чехословакии был учрежден орден Дружбы. Орденом Дружбы могли быть награждены граждане иностранных государств, которые способствовали установлению, укреплению и развитию дружественных отношений с Чехословацкой Социалистической Республикой, особенно в политической, экономической, культурной, научной и научно-технической сферах,

или тех, кто внёс значительный вклад в развитие дружбы, сотрудничества и мирного сосуществования между народами. Впервые награда вручалась в 1978 году, в тот же год 13 июля Советник-посланник, полномочный министр, торговый представитель ЧССР в СССР Эмиль Мишовски вручил Уралмашу награду Чехословакии орден «Дружба» [15]. Таким образом, Уралмаш одним из первых получил высокую награду.

Подводя итоги, можно констатировать, что задача по формированию влиятельных просоветских групп на предприятиях и в правительстве Чехословакии была успешно решена. Ладислав Шупка стал связующим звеном между двумя ключевыми направлениями международных связей Свердловской области, развивавшихся в советский период.

Библиография

1. Викторова А. Лучшая из наук // Вечерний Свердловск. – 1986. – 25 ноября.
2. Каплюков В.В. «Документы ЦДООСО об обучении в вузах Свердловска иностранных студентов в конце 40-х – 50-е гг. XX века.» – Вопросы истории Венгрии и российско-венгерских отношений: сборник научных статей. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2018. С. 223–233.
3. Личное дело Л. Шупки // Архив УрФУ.
4. «Возвратить домой друзьями СССР...»: Обучение иностранцев в Советском Союзе 1956–1965. Документы / отв. сост. Т.Ю. Кра-совицкая, М., 2013. – 699 с.
5. У чешских машиностроителей // За тяжелое машиностроение. – 1959. – 10 марта.
6. Мы привезли привет от друзей // За тяжелое машиностроение. – 1959. – 26 мая.
7. В братской республике // За тяжелое машиностроение. – 1964. – 30 апреля.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) Ф. 4, Оп. 69, Д. 150, Л. 20.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 69. Д. 106. Л. 77.
10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 69. Д. 150. Л. 43.
11. Агишев Ю. Министр ЧССР – выпускник УПИ // Уральский рабочий. – 1970. – 21 июля.
12. Каменская Е.В. Экономическое сотрудничество Свердловской области и Чехословакии в 1950-х – 1980-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России

- в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: УрО РАН, 2018. – Т. 2. – С. 51–59.
13. Шмидт М. Спасибо, друзья // Уральский рабочий. – 1978. – 29 апреля.
14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 101. Д. 237. Л. 88.
15. Широков Н. Дружба и братство дороже всего // Уральский рабочий. – 1978. – 14 июля.

УДК 908(470.54-25)

Ю.В. Гунгер*

ИЗ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ШАХМАТ

Ключевые слова. *Екатеринбург, шахматный турнир, победитель турнира, Л.Я. Френкель, А.А. Ардашев, биографические сведения.*

Аннотация. *Статья посвящена становлению и развитию шахматной игры в городе Екатеринбурге. Большую роль в этом сыграли первые шахматные турниры 1912 и 1915 годов. Дана характеристика и биографические сведения победителей Льва Яковлевича Френкеля и Александра Александровича Ардашева.*

Y.V. Gunger**

FROM THE HISTORY OF EKATERINBURG CHESS

Keywords. *Ekaterinburg, chess tournament, tournament winner, L.J. Frenkel, A.A. Ardashev, biographical information.*

Abstract. *The author examines the initial history of the development of the chess game in the city of Ekaterinburg. Describes the first chess tournaments of 1912 and 1915, provides biographical information about their winners Lev Yakovlevich Frenkel and Alexander Alexandrovich Ardashev.*

В конце декабря 1912 года в Екатеринбурге состоялся организованный при Общественном собрании большой шахматный турнир из пятнадцати сильнейших любителей. О чем московский «Шахматный вестник» сообщал: «Каждый с каждым играл по одной

* Гунгер Юрий Владимирович, директор, Краснотурьинский краеведческий музей (Краснотурьинск, Россия); e-mail: bogoslovsk1@mail.ru.

** Gunger Yuri Vladimirovich, Director, Krasnoturyinsky Museum of Local Lore (Krasnoturyinsk, Россия); e-mail: bogoslovsk1@mail.ru.

партии. Призы получили: 1-й – Л. Френкель (+14 из 14-ти), 2-й – Б. Онуфриев (+11 ½), 3-й – Л. Калугин (+10), 4-й – А. Ардашев (+9 ½), 5-й и 6-й – Л. Лихтерман и В. Еленев (+8 ½). Самостоятельного шахматного кружка в Екатеринбурге не существует: собираются в местном Общественном собрании. Поговаривают об устройстве собственного кружка, устав которого предполагается выработать в самом близком будущем» [1, с. 31].

Об участниках турнира удалось собрать некоторые сведения.

Владимир Алексеевич Еленев – судебный следователь 5-го участка Екатеринбургского уезда, коллежский асессор [2, с. 42].

Л.К. Лихтерман (1880–1955) – врач-стоматолог, имевший зубную лечебницу по «Успенской улице, дом Дмитриева, рядом с магазином «Зингер». Похоронен на Михайловском кладбище Екатеринбурга [3].

Александр Александрович Ардашев – известный екатеринбургский нотариус.

Леонид Петрович Калугин – земский начальник 8-го участка (Верх-Исетский завод) Екатеринбургского уезда, штабс-капитан запаса [2, с. 42; 4, с. 46].

О занявшем второе место в турнире, пока можно лишь предположить, что это Борис Васильевич Онуфриев, сын известного екатеринбургского акушера-гинеколога, хирурга и общественного деятеля Василия Михайловича Онуфриева. В мае 1919 года Б.В. Онуфриев был химиком химлаборатории Попечительства о бедных [5].

Лев Яковлевич Френкель родился в 1872 [? 1873] году в семье бухгалтера Товарищества сахарных заводов в Минской губернии. В 1892 году окончил гимназию в Одессе, в 1898-м – отделение естественных наук физико-математического факультета Киевского университета. В 1898–1900 годах совершенствовался в Италии и Франции в области химии и микробиологии, в т.ч. в парижском Пастеровском институте. С июня 1900 года Л.Я. Френкель заведовал исследовательским отделом Химико-бактериологического института Ф.М. Блюменталя в Москве [6, с. 1082].

В декабре 1900 – январе 1901 года Френкель принял участие во 2-м Всероссийском шахматном турнире в Санкт-Петербурге, заняв 7-е место. Лев Яковлевич выиграл партии у С. Антушева, А.Ф. Гончарова, Ф.И. Дуз-Хотимирского, В.И. Ненарокова, Л. Фокина

и С.И. Шарова, сыграл вничью с В. Боярковым, Б.П. Григорьевым, С.Ф. Лебедевым, В.И. Табунщиковым и Э.С. Шифферсом, проиграл Л. Генике, В.Н. Куломзину, К.В. Розенкранцу, М.И. Чигорину и Д.М. Яновскому [7, с. 20–21]. Санкт-Петербургское шахматное собрание внесло Л.Я. Френкеля в «Список сильнейших русских игроков» [7, с. 217].

С 1902 года Софья Ильинична и Лев Яковлевич Френкели проживали в Кургане Тобольской губернии. Здесь у них родился сын Илья. В 1907 году Френкели проживали в Омске, а работал Лев Яковлевич в химико-бактериологической лаборатории [7, с. 217].

С гимназических времен Л.Я. Френкель был участником кружков «для образованных рабочих», затем самостоятельно изучал марксистскую литературу. В Кургане и Омске он сотрудничал с местными социал-демократами, за что в 1907 году был арестован и административным порядком выслан на Алтай, но уже через несколько месяцев, в том же 1907 году, переведен в Екатеринбург [6, с. 1082].

Илья Френкель, известный поэт (автор гимна Коминтерна и бессмертной песни «Давай закурим»), вспоминал об отце: «Екатеринбург помню четко. Длиннющий бульвар с чахлыми тополями. Пруд в середине города. Нашу квартиру во флигеле на дворе фабрики Круковского... Я помню его сорокалетним, – он занимался спортом, отлично катался на колесных коньках-роликах и даже выступал в екатеринбургском цирке в качестве партнера по танцам с одной заезжей англичанкой. Когда у нас гостил мамин брат дядя Сеня, они с папой нередко боролись – французская борьба – и учили нас, малышей, различным приемам: «нельсону», «полунельсону», «тур-де-бра» и «тур-де-ту». И дядя Сеня, более юный, далеко не всегда клал папу на лопатки... Папа делал кефир в лаборатории. Для продажи – этим жили» [8, с. 9, 59].

Как оказалось, промышлял Френкель совсем не кефиром. В 1910 году реклама химико-бактериологической лаборатории Л.Я. Френкеля, располагавшейся на улице Клубной¹, 8 (телефон № 447), предлагала «медицинские исследования (мочи, мокроты, крови и т.д.), санитарные исследования (воды, воздуха и пищевых продуктов) и технические исследования (руды, угля, воды, почвы

¹ Ныне улица Первомайская.

и т.д.)), а также «качественные анализы муки, зерна, отрубей и проч.». Кроме того, Френкель осуществлял представительство петербургского Тентелевского химического завода: «“Крысиный мор” – лучшее средство против крыс и мышей; безвредно для людей, домашних животных и птиц». От фирмы «Франц Гугерсгофф» Френкель предлагал оборудование лабораторий, физических кабинетов, лабораторное стекло, посуду и реактивы [9, с. 131, 184, 191].

В 1911 году лаборатория Л.Я. Френкеля продолжала «производить исследования медицинские, санитарно-гигиенические и технические», предлагая еще «дезинфекцию формалином помещений». Кроме того, Френкель стал редактором издававшегося И.С. Ушаковым торгово-промышленного справочника «Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал» [10, с. 1, 44, 64, 142, 145].

Во Всероссийском турнире сильнейших любителей 1911 года, проходившем в октябре – ноябре 1911 года в Санкт-Петербурге, представлявший Екатеринбург Л.Я. Френкель разделил 17–18 места с Н.И. Косолаповым [11, с. 192]. В декабре 1912 года Френкель стал победителем уже упоминавшегося шахматного турнира в Екатеринбурге.

Рис. 1. Партия Л.Я. Френкель – Н.И. Косолапов. 1911 г.

В 1912 году химико-бактериологическая лаборатория переехала на Вознесенский проспект¹, 22, телефон остался прежним – 447. Здесь же располагалась редакция «Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал», редактором-издателем которого был Л.Я. Френкель. Принимались объявления на 1913 год, а «ввиду того, что Екатеринбург является центром Урала и находится в узле важнейших железнодорожных магистралей, а также близ водной системы», редакция надеялась «быть полезной не только коммерсантам Урала, но и коммерческому миру разных городов России» [12, с. 2, 25]. Известно, что в 1912 году Френкель возобновил связи с социал-демократическим подпольем [6, с. 1082].

Также известно, что «Весь Екатеринбург» в 1913 году издан не был. Поэтому есть основания предполагать, что Френкель в этом году уехал из Екатеринбурга.

Сведения о нем обнаруживаются в 1915 году в Москве. В апреле Московский шахматный кружок посетил мастер из Вильны² А.И. Рабинович, давший сеанс одновременной игры на 28 досках (17 партий выиграл, 6 окончил в ничью, 5 проиграл). Отдельные партии он сыграл с В.И. Ненароковым и «с известным сильным любителем Л.Я. Френкелем, участником нескольких Всероссийских турниров, переселившимся на жительство в Москву из Екатеринбурга». У Ненарокова маэстро выиграл, а Френкелю – проиграл [13, с. 156].

В октябре 1915 года в Московском шахматном кружке прошел «в высшей степени интересный для московских шахматистов турнир при участии маэстро Александра А. Алехина» [14, с. 307]. Л.Я. Френкель играл в турнире неудачно и покинул его после 6-го тура [15, с. 1–2]. В шахматном турнире по переписке 1915 года Френкель выиграл у ответственного редактора «Шахматного вестника» С.П. Симсона [16, с. 338].

В апреле 1916 года «Шахматным вестником» Л.Я. Френкель был внесен в сотню «выдающихся русских, польских и финляндских шахматных любителей» Российской Империи [17, с. 103–104].

В феврале 1917 года Л.Я. Френкель стал членом РСДРП(б). С марта этого года заведовал химическим бюро Союза земств и городов, с ноября – член и секретарь Совета московской милиции

¹ Ныне улица Карла Либкнехта.

² Ныне Вильнюс.

(участвовал даже в оперативной работе), с июня 1918 года – член правления Товарищества «Проводник». В октябре 1918 – июне 1920 года Лев Яковлевич был председателем правления завода «Каучук» [6, с. 1082].

И.Л. Френкель вспоминал: «Отец после Октября стал директором резинового завода. Тогда мы жили на Плющихе, в доме, который папа отвоевал для рабочих «Каучука». Люди ходили работать на Усачевку, труба завода была видна с Плющихи, и гудок слышен... Каучуковцы считались сознательными рабочими. Другие предприятия лихорадило, частыми были простои, там преуспевали анархисты, меньшевики и эсеры, – «Каучук» давал фронту гражданской войны оболочки аэростатов, резину и другую продукцию бесперебойно, день и ночь» [8, с. 60].

В июле – декабре 1920 года Л.Я. Френкель заведовал производственным отделом Резинотреста, в январе – ноябре 1921 года – был членом правления Консервдревтреста [6, с. 1082].

«Словарь шахматиста» 1929 года называл Л.Я. Френкеля «московским шахматистом I кат., с успехом выступавшим до войны» [18, с. 467–468], хотя и теперь в рейтинге участников московских шахматных чемпионатов он имел довольно высокое 38 место с процентом выигрышных партий – 30,8 [19, с. 110]. Своих молодых партнеров он называл пижонами: «Уж слишком долго они думают и потом делают не лучший ход».

В 1930 году в «Шахматном вестнике» появилась редакционная статья, раскритиковавшая книгу Э. Ласкера «Разумная карточная игра». Редакции было обидно видеть «уже сошедшего с шахматной сцены старика в новом, но уже позорном амплуа», также она ожидала от Ласкера «большей принципиальности; то обстоятельство, что он закончил свою карьеру столь бесславно, отшатнет от него многих советских шахматистов» [20]. Френкель вступился за маэстро на страницах шахматного журнала «64»: «Если мы обратимся к новой книге Эм. Ласкера, то увидим, что Ласкер вовсе не скатился «от философии и шахмат к картам», а предпринял углубленную разработку теории вероятности в применении к ряду игр» и «думаем, что только под «горячую руку» можно говорить о том, что Ласкер продался за деньги, что он этой книгой «бесславно закончил свою карьеру» и что «от него должна отшатнуться вся советская шахматная общественность» [21, с. 20–21].

В Большом Московском чемпионате 1931 года Лев Яковлевич играл неважно. О чем в журнале «64» писали: «Совсем плохо идут ветераны Панченко и Френкель, добившиеся таких хороших результатов в турнире 1-й категории минувшего года» [22, с. 79].

В течение трех лет Френкель переводил «Спартака» Р. Джованьоли, изданного в 1936 году, за что был принят в Союз писателей СССР [8, с. 60]. Умер он в 1943 году в Москве.

Вернемся в Екатеринбург. Здесь в ноябре 1915 года Общественное собрание организовало 2-й шахматный турнир из 11 участников, приготовив для победителей 6 призов: «малахитовый ящик с шахматами» и 5 брелоков «из драгоценных камней с золотыми цифрами соответственно порядку призов». Был установлен специальный приз за наилучшую партию турнира [23, с. 344]. Победителем стал А.А. Ардашев (12 выигранных партий), вторым – О.А. Шапиро (7,5), третьим – А.Е. Кузнецов (7), четвертым – Л. Лихтерман (5,5).

Отто Абрамович Шапиро – помощник присяжного поверенного Екатеринбургского окружного суда [2, с. 43]. Л.К. Лихтерман – уже известный нам по 1-му шахматному турниру врач-стоматолог. Личность А.Е. Кузнецова остается пока неизвестной.

Александр Александрович Ардашев (1863–1933) стал сильным шахматистом, еще учась в Казанском университете. Студентом этого же университета был его двоюродный брат В.И. Ульянов (Ленин), и они часто проводили время за игрой в шахматы [24, с. 40].

Кроме двух вышеупомянутых турниров, председатель Екатеринбургского шахматного клуба Ардашев организовывал матчи и сеансы игры с именитыми шахматистами.

Ничего пока неизвестно об участии в этих мероприятиях выдающихся российских шахматистов С.М. Левитского, проживавшего в 1905–24 годах на прииске Глубоком Нижне-Туринского завода, и К.В. Розенкранца, проживавшего в 1913–18 годах в Богословске¹. Проживавший там же в 1916–17 годах Федор Иванович Дуз-Хотимирский, выигравший в 1909 году партию у действующего чемпиона мира Э. Ласкера, активно участвовал в шахматной жизни Екатеринбурга [25, с. 93–105]. Но это тема отдельной статьи.

¹ Ныне город Карпинск Свердловской области.

Биография А.А. Ардашева хорошо известна, поэтому, добавим к ней лишь несколько малоизвестных фактов. В июле 1919 года, когда к Екатеринбург приблизились красные войска, толпы беженцев хлынули в Сибирь. Часть их оказалась в Томске, в том числе Карл Вильямович Розенкранц и Александр Александрович Ардашев. Тогда и состоялся шахматный турнир с участием известных шахматистов К. Трейбала, К.В. Розенкранца, А.А. Ардашева, Кузьмина, Губеева, Попова и сильнейших томских игроков. К сожалению, итоги турнира неизвестны [26].

В феврале 1921 года в Екатеринбург состоялся организованный Ф.И. Дуз-Хотимирским групповой турнир (40 участников). 1-е место в турнире занял сам Дуз, 2-е – В.А. Кузнецов, 3-е – Лурье, 4-е – Миллер, 5-е и 6-е разделили Герцык и Лукин. А.А. Ардашев призового места не занял, хотя имел шансы на успех [27].

В начале 1920-х годов Ардашев переехал в Москву, работал в Совнарком. Уйдя на покой, получал персональную пенсию и по-прежнему увлекался шахматами. В 1928 году получил два патента на усовершенствование шахматных часов и изобрел счетчик, фиксирующий количество ходов и затраченное на них время [28, с. 44, 64].

Библиографический список

1. Шахматный вестник. – 1913. – 15 января.
2. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 г. – Пермь, 1912.
3. Уральская жизнь: газета политическая, общественная, литературная и экономическая. – 1916. – 30 декабря.
4. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии. 1914 г. – Пермь, 1914.
5. Продажа химической лаборатории // Отечественные ведомости: орган национальной и государственной мысли (Екатеринбург). – 1919. – 31 мая.
6. Крапивин М.Ю. Проблемы организации бытового обслуживания зарубежных гостей Советской России в условиях перехода страны от войны к миру (1921 год) // Новейшая история России: Междисциплинарный научно-теоретический журнал. – 2020. – Т. 10. – № 4.
7. IV Всероссийский шахматный турнир: сб. партий. – СПб, 1907.
8. Френкель И.Л. Река времен. Страницы из книги моей жизни. – М., 1984.
9. Весь Екатеринбург: торгово-промышленный справочник на 1910 г. – Екатеринбург, 1910.

10. Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал: торгово-промышленный справочник на 1911 год. – Екатеринбург, 1911.
11. Шахматы: энциклопедический словарь. – М., 1990.
12. Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал: Торгово-промышленный справочник на 1912 год. – Екатеринбург, 1912.
13. Шахматный вестник. – 1915. – 15 мая.
14. Шахматный вестник. – 1915. – 15 ноября.
15. Шахматный вестник. – 1916. – 1 января.
16. Шахматный вестник. – 1915. – 15 декабря.
17. Шахматный вестник. – 1916. – 15 апреля.
18. Словарь шахматиста. – М., 1929.
19. Шахматы: ежемесячный журнал. – 1929. – № 6.
20. Шахматный листок. – 1930. – № 7.
21. Шахматы в рабочем клубе. – 1930. – № 20–21.
22. Шахматы в рабочем клубе. – 1931. – № 5–6.
23. Шахматный вестник. – 1915. – 15 декабря.
24. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. – Т. 1. – М., 1970.
25. Гунгер Ю.В. Война и шахматы // Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах. – 2021. – № 28.
26. Магазишникова Т. История томских шахмат. 100 лет назад // URL: https://vk.com/chess70?w=wall-66380876_2005 (дата обращения 07.02.2021).
27. Листок шахматного кружка Петрогубкоммуны. – 1921. – № 9.
28. Плотников И.Ф. Двоюродные братья В.И. Ленина (Ульянова) Ардашевы и их родословная. – Екатеринбург, 2005.

УДК 96(470.5)“18/19”

Л.Ю. Елтышева*

КУНГУРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ, ГУБКИНА, УЧИЛИЩЕ. 145 ЛЕТ ИСТОРИИ

Ключевые слова. *Училище, благотворительность, техники, школа-завод, колледж.*

Аннотация. *В статье рассматривается история Кунгурского технического. Показана его роль в подготовке кадров*

* **Елтышева Лариса Юрьевна**, зав. отделом истории, Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Кунгур, Россия); e-mail: Larisa-1408@yandex.ru.

** **Yeltysheva Larisa Yurievna**, Head Department of History, Kungur Historical, Architectural and Art Museum-Reserve (Kungur, Russia); e-mail: Larisa-1408@yandex.ru.

специалистов и рабочих массовых профессий на протяжении практически полутора столетий. Изучена роль выдающихся кунгурцев в развитии технического образования в регионе.

L.Y. Eltysheva**

KUNGUR GUBKIN TECHNICAL COLLEGE. 145 YEARS OF HISTORY

Keywords. *Charity, technology, factory school, college.*

Abstract. *The article discusses the history of the Kungur Gubkin technical college.*

История одного из старейших учебных заведений на Урале связана с именем кунгурского купца-мецената А.С. Губкина (1816–1883). Крупнейшим актом его благотворительности стало учреждение им в г. Кунгуре технического училища для обучения юношей различным ремеслам. Этим он решил оказать содействие распространению технических знаний не только в городе и губернии, а по всему восточному краю Европейской России и Западной Сибири, где недостаток специалистов-техников был особо ошутим [1, с. 88].

Автором проекта был петербургский архитектор Р.Р. Генрихинсен, руководил строительными работами инженер-техник В.И. Ясинский [2, с.53]. Штатный комплекс учащихся полагался по уставу 300 человек. Поступить в техническое училище могли юноши, окончившие курс городских училищ, или выдерживали предварительные испытания в объеме курса этих училищ. 17 июля 1877 года состоялось торжественное открытие училища, на котором присутствовали: представители из Министерства финансов много именитых граждан из Перми, Екатеринбурга и Кунгура. Первым директором училища был утвержден В.И. Ясинский. А.С. Губкин был назначен почетным попечителем училища, которое стало носить его имя – Кунгурское техническое, Губкина, училище. 2 июня 1876 года в письме Пермского губернатора Министерству Народного Просвещения сообщается, «что в Кунгуре купец Губкин построил училище и устроил помещение для мастерских, лаборатории и других хозяйственных надобностей, снабдив классы и мастерские нужными пособиями, мебелью, станками и прочим, употребив на это до 400 000 рублей, кроме этого, на содержание

в будущем, он внес процентными бумагами в Пермское Казначейство 400 000 рублей; общая сумма 800 000 рублей. Устроенное им в Кунгуре 6-ти классное училище принимает в первый класс детей не старше 14 лет, во второй не старше 15 лет. Окончившие курс получают звание «подмастерья» этого заведения» [3, с. 11]. 31 мая 1877 года Министерство Финансов России был утвержден устав, согласно которому училище входило в его ведение [2, с. 56].

Штатный комплекс учащихся полагался по уставу 300 человек, в числе которых допускалось: бесплатных, детей бедных родителей – 40 чел. и приходящих 80 чел. с платою 50 руб. в год, остальные принимались пансионерами, то есть живущими в училище с платой по 230 руб. в год.

Поступить в техническое училище могли юноши, окончившие курс городских училищ, согласно положению 31 мая 1872 года, или выдерживали предварительные испытания в объеме курса этих училищ. Учебная программа училища включала предметы: Закон Божий, русский язык, алгебра, краткая тригонометрия, черчение геометрическое и проекционное, черчение и рисование техническое, чистописание, лепка из глины, пение. Кроме этого, каждый воспитанник по роду избранной специальности, согласно программе, должен был практиковаться над выработкою различных форм типичных деталей машин и орудий, а в последних двух классах заниматься в литейной мастерской, знакомясь с формовкою и обливкою предметов из глины и чугуна [2, с. 57].

В двухэтажном флигеле, пристроенным к главному зданию училища, площадью 193 кв. сажень, были помещены учебные мастерские, в которых учащиеся проходили производственную практику. На первом этаже находились мастерские: слесарная и токарная по металлу, со слесарными столами и тисками, с 16 ножными токарными станками, с 5 ручными сверлильными станками приводимые в движение паровым двигателем, другие станки – сверлильный, долбежный, строгательный, точильный [4, с. 321]. На втором этаже – столярная, токарная, резная по дереву, с 20 верстаками, 9 ножных токарных по дереву станков, 2 для распиловки дерева, приводимые в движение паровым двигателем. Далее во дворе, в продолжение этого флигеля, находилось помещение для паровой 15-сильной машины и парового котла, выписанных из Англии, паровая, литейная, кузница с двумя двухсторонними горнами

и химическая лаборатория. В учебных мастерских изготавливались: сенокосилки, молотилки, сеялки, токарные, сверлильные и другие станки; разные технические приспособления: ручные и столовые тиски, разводные гаечные ключи, висячие и дверные замки и другая продукция. Все это оборудование, станки использовались впоследствии на предприятии более века, составляя производственную основу экскаваторного и машиностроительного завода. Ежегодный доход от продажи изделий мастерских достигал 3500 руб. [5, с.462].

С 20 октября 1883 года училище было принято Государем Императором под свое покровительство и стало 4-классным. За особые труды и значительные пожертвования по учреждению технического училища в Кунгуре А.С. Губкину пожалован орден св. Владимира 3 степени в июле 1872 года [6, с. 51]. В августе 1873 года он был первым удостоен звания почетного гражданина г. Кунгура [1, с. 89]. 5 июня 1878 года был пожалован чином статского советника за значительные пожертвования на устройство Технического училища. Пожертвованные на устройство мастерских 25000 рублей в 1883 г. были последним актом благотворительности А.С. Губкина в его жизни. Учащиеся Кунгурского Технического, Губкина, училища были участниками многих выставок. На Сибирско-Уральской научно промышленной выставке в Екатеринбурге училище получило сразу две награды: малую серебряную медаль за хорошие работы по черчению, и большую серебряную за изготовление ручной молотилки. В 1890 году на научной промышленной выставке училище получило Похвальный лист за ручную отделку молотилки. В 1896 году – диплом 2-го разряда за слесарные механические изделия и отличное исполнение по графическому искусству. В 1901 году училище награждено малой серебряной медалью.

20 мая 1902 года был утвержден новый устав, составленный применительно к уставу низших технических училищ. Стали готовить учащихся по специальности – мастер машинно-строительного дела [5, с. 458]. С 1882 года с должности преподавателя, воспитателя, инспектора, а затем, с 1902 года, и директором, начал свой трудовой путь в училище Ф.Ф. Скурский. К 1896 году появилось первое издание учебника Ф.Ф. Скурского «Курс электротехники». В 1906 году Пермское издательство выпустило уже двухтомник

«Краткого курса электротехники» Ф. Скурского. Эти издания были одобрены Министерством Народного Образования и были приняты к использованию многими учебными заведениями. После введения курса электротехники, выпускников Кунгурского технического, Губкина, училища стали принимать на работу различные заводы; электрические станции в Перми, Екатеринбурге, С.-Петербурге [5, с. 211]. К 1907 году училище окончило и работало по различным специальностям 414 человек. Многие продолжали учебу в высших учебных заведениях в России и за рубежом [8, с. 460]. Учебно-производственные мастерские Кунгурского технического, Губкина училища в годы Первой мировой войны выполняли военные заказы. Слесарно-токарные мастера К.М. Картышев и А.Д. Порозов ездили на Пермские пушечные заводы, где знакомились со способами изготовления частей снарядов, делали съемку чертежей. Вследствие военно-промышленной мобилизации мастерских училища с 17 августа 1915 г. здесь приступили к выполнению военных заказов. Для работы в мастерских по выпуску военной продукции привлекались ученики старших классов технического училища. Изготавливали трехдюймовые головки для снарядов, диафрагмы для шестидюймовых и 48-миллиметровых шрапнелей из готовых стальных болванок, поступающих с Пермского пушечного завода, патроны, ручные гранаты образца 1914 г., чугунные снаряды к бомбому. Получен был так же заказ на изготовление образцов кинжала для пехотных частей. На снарядах, выпускаемых мастерскими технического училища, ставилось клеймо «КУ». В 1915 г. мастерскими технического училища было изготовлено военной продукции на сумму 5245 руб. [7, с. 291]. До 1919 г. эти мастерские были исключительно учебными, и в них обучалось до 150 человек учащихся. В 1915 году в Кунгуре готовились отметить 100-летний юбилей А.С. Губкина, и на заседании городской Думы было принято решение: переименовать Кожевенную улицу в Губкина, учредить стипендию в Техническом училище имени А.С. Губкина, на площади перед Техническим училищем которой так же хотели дать учредителя, поставить ему памятник в виде бронзового бюста на гранитном пьедестале [8, с. 14].

В 1918 году Кунгурское Техническое, Губкина, училище было реорганизовано в механический техникум. В годы Гражданской войны оборудование мастерских технического училища было

эвакуировано частями белой армии в Красноярск. После Гражданской войны мастерские технического училища были сильно разрушены. В 1919 г. в мастерских со штатом 13 человек было 10 неработающих станков по металлу, кузница в два горна, чугуно-литейная мастерская. В 1923 г. в мастерские техникума передали оборудование из национализированных частных механических заведений Сычева и Мозжерина. Поступили необходимые, сильно изношенные и требующие ремонта станки и с других заводов. Все это пришлось восстанавливать за счет средств от выполнения заказов. Чинили механическое оборудование для заводов, сельскохозяйственные машины и орудия, нефтяные двигатели. Наладили производство токарных и строгальных станков для обработки металла, оборудование для мельниц, маслобоен, лесопильных и кожевенных заведений, чугунное и медное литье. Рабочие мастерских, общим штатом 13 человек, выполняли помимо учебных целей, работы по ремонту сельхозинвентаря для района и ремонт оборудования заводов. Всего в 1923 г. было выпущено продукции на сумму более 12 тыс. рублей, в мастерских работало более 60 человек [10, с. 2–3].

В 1923 г. мастерскими заведовал Н.П. Петрович Тимшин (1893–1957), уроженец г. Кунгура, выпускник Кунгурского технического, Губкина, училища со званием «мастер по машиностроительному делу». Мастерские техникума оказали серьезную помощь первым сельскохозяйственным артелям в ремонте инвентаря. Н.П. Тимшин одновременно исполнял обязанности заведующего мастерскими и заведующего механическим техникумом, занимаясь его восстановлением. В 1927 г. восстановленный уже техникум дважды был намечен для перевода в г. Пермь и Лысьву, как расположенный в сельскохозяйственном районе и не имеющий производственной базы для практики студентов. Пришлось доказывать нецелесообразность этого перевода и создавать свою производственную базу путем развития производственной деятельности своих мастерских [11, с. 3]. В 1928 году механический техникум реорганизуется в машиностроительный. В школе-заводе обучались не только кунгуряки, но жители близлежащих регионов.

Исходя из планов первой пятилетки решением правительства для обеспечения квалифицированными кадрами гигантов машиностроения Урала мастерские в 1931 г. были реорганизованы

в школу-завод, которая подготовила для Уральского завода тяжелого машиностроения им. Орджоникидзе 1200 квалифицированных рабочих. К 1931 г. в штате мастерских было 162 человека, из них 125 рабочих. Директором школы-завода был назначен Н.П. Тимшин, заведующий учебной частью по подготовке кадров – выпускник технического училища А.К. Шаламов. Наиболее опытные рабочие стали мастерами производственного обучения. Техническим руководителем механического цеха был назначен В.Я. Далингер [10, с. 2–3]. Уроженец Кунгура Далингер Владимир Яковлевич (1906–1956) учился на подготовительных курсах Кунгурского механического техникума, который окончил в 1926 году. Практику проходил учеником слесаря в ремонтных мастерских школы-завода. После техникума поступил на заочное отделение Уральского индустриального института [12, с. 1–2]. На следующий год Далингер как партийный выдвиженец по комсомольской путевке был принят на завод № 10 имени Ф.Э. Дзержинского. В 1927 г. он стал техническим директором завода. В 1936 г. в цехе № 2 завода произошла авария. В.Я. Далингер был арестован, более года находился под следствием по обвинению в контрреволюционной организации правых на оборонном заводе. В марте 1940 г. В.Я. Далингер был освобожден за отсутствием доказательств вины. В годы Великой Отечественной войны генерал инженерной службы В.Я. Далингер руководил оборонным предприятием г. Молотова. Впоследствии был заместителем министра общего машиностроения СССР. Был награжден орденом Ленина [13, с. 9]. Производственный план школы завода составлял три миллиона рублей. К концу 1931 г. штат школы-завода составлял 684 человека, из них 248 производственных рабочих. За год было отлито почти 550 тонн чугунного литья. Для такого количества обучающихся требовалось расширение производственных мастерских. С июня 1931 года были начаты первые строительные работы по расширению чугунно-литейного цеха – закончены в ноябре 1931 года, механического цеха – закончены в феврале 1932 года. С 1931 года началась постройка кузнечного и модельного цехов, которые были закончены в 1932 году. Началось строительство специального цеха для производства разливочных машин, который впоследствии был построен в 1934 г. и стал сборочным. За год в школе-заводе было отлито 1440 тонн чугунного литья, изготовлено 140 строгальных станков «Шепинг»,

135 токарно-винторезных. Предприятие выпускала большой ассортимент продукции, часть из которых шла на оборудование собственных мастерских. Выполнялись заказы Уралмашстроя, Лысвенского завода, Магнитстроя, кунгурских кожзаводов, железной дороги, лесозавода им. Степана Халтурина и других предприятий. Кроме этого, на заводе производился ремонт сельскохозяйственных машин и нефтяных двигателей. К концу 1932 г. в школе-заводе работали и обучались уже 2132 человека. Поставленные задачи перед Кунгурским механическим школой-заводом были выполнены [10, с. 5].

В январе 1933 года когда школа-завод по постановлению Правления Всесоюзного Объединения Тяжелого Машиностроения была передана «Уралэкскаваторстрою» для реорганизации ее в Кунгурский экскаваторный завод. Планировалось выпускать до 150 экскаваторов в год. Выпускались неполноповоротные экскаваторы на гусеничном ходу марки М-1ДВ с ковшом 0,35 куб. м. Первый кунгурский экскаватор этой марки был собран в сентябре 1934 г. В 1937 г. Кунгурский экскаваторный завод приступил к освоению и выпуску новых моделей экскаваторов. Это универсальный полноповоротный экскаватор Д-0,35 м³ на гусеничном ходу, и универсальный полноповоротный экскаватор Д-0,25, с полным сменным оборудованием и ковшом на автомобильном ходу. Универсальный неполноповоротный экскаватор Д-0,35 «Кунгурец» серийно выпускался на Кунгурском экскаваторном заводе до 1940 г. Всего за свою короткую историю Кунгурский завод выпустил 291 экскаватор. Экскаваторы с маркой Кунгурского экскаваторного завода работали на многих стройках страны – Ленинградской, Московской, Донецкой областях, на стройках Дальнего Востока, Березниках и других крупных стройках страны [11, с. 15]. В 1939 г. Кунгурский экскаваторный завод был перепрофилирован на выпуск нефтяного оборудования и соответственно был передан из системы «Главстроймаша» в ведение «Главнефтемаша». Стал называться Кунгурский машиностроительный завод, начав тем самым новую страницу своей вековой истории.

В годы Великой Отечественной войны в здании техникума разместился эвакуогоспиталь, занятия проводились в общежитии. В 1957 году при техникуме сооружается станция технического обслуживания по проекту, составленному учащимся IV курса Басановым, под руководством преподавателя В.Г. Сербуленко.

Строительные работы вели учащиеся техникума. В 1960 году техникум преобразован в нефтяной, а затем в автомеханический. В 1971 году хозяйственным способом был сооружен двухэтажный пристрой площадью 1700 кв. м. В нем разместились учебно-производственные мастерские, котельная, служебно-бытовые помещения, два спортзала, тир, лыжная база. Типовой проект был значительно улучшен: кирпичные колонны квадратного сечения заменили толстостенными трубами, гипсовые перегородки – перегородками из цветных стеклоблоков, тяжелые деревянные двери – полустеклянными [14, с. 49]. Техникум был постоянным участником ВДНХ, отмечен 12 дипломами I, II, III степеней, 9 выпускников стали лауреатами Государственной, Ленинской премий, 15 выпускников получили ученую степень кандидатов и докторов наук. В 1977 году Указом Верховного Совета СССР в связи со 100-летием и за достигнутые успехи в подготовке специалистов Автотранспортный техникум награжден орденом Знак Почета [14, с. 90]. Созданный при учебном заведении спортклуб «Техник» подготовил 30 мастеров спорта. 26 августа 1992 года Кунгурский автотранспортный техникум был реорганизован в автотранспортный колледж. В 1997 году отмечался 120-летний юбилей Кунгурского Технического, Губкина, училища. 30 мая 1997 года состоялось торжественное открытие барельефа, посвященного основателю А.С. Губкину. Авторами барельефа стали кунгурские художники, члены Союза художников А.В. Овчинников и Р.А. Габбасов. В 1999 году на базе колледжа создано представительство Пермского политехнического университета. В июне 2002 года Кунгурский автотранспортный колледж отметил 125-летний юбилей. На здании колледжа у парадного входа справа располагаются две мемориальные доски: «В этом здании в годы Великой Отечественной войны с 11.X-41 по 1.XII-45 находился эвакуогоспиталь» (установлена в мае 1985 г.); «В этом здании учился организатор первой маевки 1898 года в г. Кунгуре и на Урале Евгений Петрович Поморцев» (установлена в 1967 г.). Слева находится мемориальная доска: «Здесь в 1898 г. был создан первый в Кунгуре марксистский кружок» (установлена в 1967 г.). В июне 2022 года Кунгурский автотранспортный колледж отметил 145-летний юбилей.

Библиографический список

1. Пермские Епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1884.
2. Архив КМО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 172.
3. РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 472.
4. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 гг., пятый период, часть вторая с 1695–1701 гг. – Пермь, 1887.
5. Журналы Кунгурской городской Думы. – Кунгур. 1907.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 160. Д. 64.
7. Архив КМО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 335.
8. Журналы Кунгурской городской Думы. – Кунгур, 1909.
9. Архив КМО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 248. Л. 14.
10. Веретенников Л.Д. Краткая история развития Кунгурского машиностроительного завода. – Кунгур, 1989.
11. Автобиография Тимшина Н.П. // ККМ НА № 191.
12. Архив КМО. Ф. 277. Оп. 2. Д. 84.
13. ККМ НА № 624.
14. Веретенников Л.Д. Краткая история развития Кунгурского машиностроительного завода. – Кунгур, 1989. – С. 2–3.
15. Варзаков В. Кунгурская школа автомехаников. – Пермь, 1978.

УДК 94 (470.5)“1989”

А.В. Жарков***УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ
ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1989 Г.**

Ключевые слова. *Уровень образования, свердловская область, перепись населения.*

Аннотация. *Основой анализа послужили данные всесоюзной переписи 1989 года об уровне образования населения Свердловской области, произведено сравнение этого показателя со сведениями по РСФСР. Сделаны выводы о том, что в целом уровень образования населения области был сравнительно высоким, но показатели среднего специального, высшего и незаконченного высшего образования отставали от общереспубликанского уровня.*

* **Жарков Александр Владимирович**, младший научный сотрудник Центра экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: alessandro2017@mail.ru.

** **Zharkov Alexander Vladimirovich**, Junior Researcher of the Center for economic history, Institute of history and archeology of the UB of the RAS (Ekaterrinburg, Russia); e-mail: alessandro2017@mail.ru.

A.V. Zharkov**

EDUCATIONAL LEVEL OF THE POPULATION OF THE SVERDLOVSK REGION ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE 1989 ALL-UNION CENSUS

Keywords. *Educational level, Sverdlovsk Region, population census.*

Abstract. *The author analyzed the data of the all-union census of 1989 on the educational level of the population of the Sverdlovsk Region. They are compared with the indicators of the RSFSR. Conclusions are drawn that, in general, the educational level of the population of the region was relatively high, but the indicators of secondary specialized, higher and incomplete higher education lagged behind the republican level.*

Всесоюзная перепись населения 1989 года была последней, проведенной в СССР. В её материалах отражены результаты политики советского руководства в образовательной сфере. Представляет интерес анализ образовательного уровня Свердловской области как важного промышленного региона страны.

Под уровнем образования понимается отношение числа лиц, получивших образование определенной ступени (от начального до высшего), к общей численности населения в возрасте 15 и более лет, выраженное в промилле (‰), то есть на 1000 человек населения. Исчисление в процентах используется при наличии больших показателей образования, а также при сравнении показателей разных групп населения.

Согласно сведениям, представленными в Таблице 1, в возрасте 15 лет и старше каким-либо образованием обладали 98 % мужчин и 91 % женщин Свердловской области.

Более всего было обладателей среднего общего образования – 34 % у мужчин и 25 % у женщин, несколько меньше – лиц с неполным средним (26 и 21 % соответственно) образованием. Среднее специальное образование имели 16 % мужчин и 21 % женщин. Существенно меньше было лиц с начальным образованием – 12 % среди мужчин и 13 % среди женщин. Законченным высшим образованием обладали 90,8 % мужчин и 91,9 % женщин, а незаконченным – соответственно 13,4 и 14,4 %.

Среди горожан (см. табл. 1) общая доля образованных лиц была больше, чем на селе – на 3 % у мужчин и на 11 % у женщин. Доля лиц

Таблица 1

Число лиц, имевших образование в возрасте 15 лет
и старше среди городского и сельского населения
Свердловской области в 1989 г., %

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе					
			высшим	незак. высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	938,5	91,4	14,0	187,2	287,6	231,5	126,8
	муж.	975,1	90,8	13,4	156,3	338,6	256,8	119,1
	жен.	908,0	91,9	14,4	212,9	245,1	210,5	133,2
Городское	оба пола	946,0	99,9	15,2	196,9	294,8	224,5	114,5
	муж.	978,8	100,2	14,7	166,4	343,7	247,4	106,3
	жен.	919,0	99,7	15,7	221,9	254,7	205,8	121,3
Сельское	оба пола	886,2	32,0	5,1	119,7	237,1	280,1	212,2
	муж.	950,6	29,0	4,9	89,6	304,9	318,8	203,4
	жен.	827,7	34,7	5,3	147,0	175,5	245,0	220,2

Подсчитано по: [1, с. 408–413].

с начальным образованием в городе была почти в 2 раза меньше, чем в сельской местности. Существенно меньше было в городе и лиц с неполным средним образованием – соответственно 78 и 84 % у мужчин и женщин от уровня жителей села. Носителей среднего общего образования среди горожан было больше на 13 % у мужчин и в 1,5 раза у женщин, а среднего специального – соответственно в 1,9 и 1,5 раза. В 3 раза больше среди горожан было и лиц с незаконченным высшим образованием, а с законченным – в 3,5 раза у мужчин и в 2,9 раза у женщин.

В городе у мужчин были выше, чем у женщин, показатели неполного среднего, среднего общего и высшего образования, а у женщин, наоборот, показатели начального, среднего специального и незаконченного высшего (табл. 1). Аналогичной по всем ступеням образования была ситуация и в деревне, кроме высшего, показатели которого были выше у женщин.

Таблица 2

Число лиц, имевших образование
в возрасте 15 лет и старше в 1989 г. среди городского
и сельского населения РСФСР, ‰*

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с					
			высшим	незак. высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	935,2	112,7	17,1	192,1	274,2	210,1	129,0
	муж.	973,2	116,7	17,4	165,5	323,3	231,4	118,9
	жен.	903,5	109,4	16,8	214,3	233,2	192,3	137,4
Городское	оба пола	954,3	135,8	20,7	212,5	287,2	198,5	99,7
	муж.	982,3	140,8	21,1	184,5	332,1	214,5	89,3
	жен.	931,1	131,7	20,3	235,8	249,8	185,2	108,3
Сельское	оба пола	880,5	46,6	6,8	133,8	237,0	243,4	212,8
	муж.	947,4	48,4	6,7	111,8	298,4	279,2	202,8
	жен.	823,9	45,1	6,9	152,5	185,1	213,1	221,2

* Подсчитано по: [2].

В сравнении с РСФСР (табл. 2) в Свердловской области общий удельный вес образованных лиц был незначительно больше среди всего населения и в сельской местности, но незначительно меньше у горожан. Носителей начального образования в области среди всего населения было незначительно больше у мужчин и немного меньше у женщин, в сельской местности показатели мужчин также были незначительно выше республиканских, а женщин – незначительно меньше (рис. 1). В городе же лиц с начальным образованием было больше на 12 % среди женщин и на 19 % среди мужчин.

Удельный вес лиц с неполным средним образованием в Свердловской области был больше, чем в РСФСР, у всех категорий населения на величину от 9 до 15 % (рис. 1). Носителей среднего общего образования в области было немного больше: среди всего населения – на 5 %, в городе – на 3 % среди мужчин и на 2 % среди женщин, в сельской же местности их было на 2 % больше у муж-

чин и на 5 % меньше у женщин. Лиц со средним специальным образованием было меньше во всех категориях населения, но при этом у женщин отставание было от 1 до 6 %, а у мужчин – от 6 % среди всего населения до 20 % в деревне.

Носителей незаконченного высшего образования в области было существенно меньше во всех группах населения (рис. 1). Показатели женщин составляли 77 % от уровня РСФСР и в городе, и на селе, а среди всего населения 86 %. Мужские же показатели были ниже – 70 % в городе, 73 % – в сельской местности и 77 % среди всего населения. Примерно такой же масштаб отставания имели и областные показатели высшего образования; существенно большим оно было только у сельских мужчин, среди которых доля лиц с высшим образованием составляла только 60 % от республиканского уровня.

Таким образом, в 1989 г. население Свердловской области имело сравнительно высокий уровень образования. Большая его часть и в городе, и в деревне имела образование от неполного среднего и выше, хотя в деревне удельный вес лиц с начальным и неполным средним образованием был выше, чем в городе, а со средним общим, специальным, а также высшим и незаконченным высшим – намного ниже. При этом женщины по некоторым ступеням образования превосходили мужчин. В сравнении с общероссийским

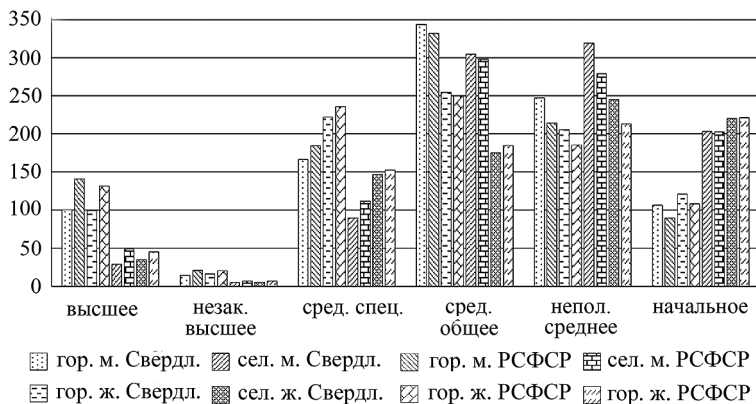

Рис. 1. Уровень образования городского и сельского населения Свердловской области и РСФСР, %

уровнем, в регионе были выше показатели неполного среднего образования, в основном немного больше – среднего общего. Показатели начального образования были существенно больше среди горожан, но примерно равны республиканским в сельской местности. Однако удельный вес лиц со средним специальным, высшим и незаконченным высшим образованием отставал от общероссийского уровня.

Библиографический список

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года / Статистический комитет СНГ. – Микрорепрод. изд.: [Б.м.], 1992–1993. – Т. 6. Уровень образования населения СССР. Ч. 1. – 629 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР и союзных республик по возрасту и уровню образования. РСФСР [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly: [сайт]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_edu_89.php?reg=2 (дата обращения: 02.06.2022)

УДК 94(470.5)“1920”

К.И. Зубков*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА (1920-е гг.)

Ключевые слова. *Уральская область, районирование, север, тобольский округ, стратегия, колонизация.*

Аннотация. *В статье рассматриваются мотивы включения в состав образованной в 1923 г. Уральской области территорий тобольского севера, основные направления политики уральских властей по их освоению и развитию. Дается анализ достижений и проблем региональной политики уральской области на своих северо-восточных окраинах, ее вклад в формирование ранней советской стратегии освоения Севера.*

* **Зубков Константин Иванович**, кандидат исторических наук, заведующий центром методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

** **Zubkov Konstantin Ivanovich**, Candidate of Historical Sciences, Head of the Centre for Methodology & Historiography, Institute of History and Archaeology, the Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

K.I. Zubkov**

REGIONAL POLICIES OF THE URAL OBLAST' AND FORMING OF THE NORTHERN DEVELOPMENT STRATEGY (1920s)

Keywords. *Ural oblast', regionalization, North, Tobol'sk district, strategy, colonization.*

Abstract. *The article discusses the motives for incorporating the territories of the Tobol'sk north into the ural oblast' formed in 1923, the main directions of the ural authorities' policies for their exploitation and development. An analysis is focused on the achievements and problems of the regional policies of the Ural oblast' in its northeastern outlying areas, its contribution to the forming of the Early Soviet strategy for the northern development.*

Образованная 3 ноября 1923 г. Уральская область стала не только первым в советской России опытным полигоном районирования многопрофильного индустриального региона, но и одним из тех крупных областных объединений, которые формировали раннюю советскую стратегию освоения Севера. С точки зрения общих принципов районирования, северные окраины России ставили перед плановиками труднейшие задачи. При их слабой естественнонаучной и геологической изученности, суровом климате, очень редком населении и огромных пустынных территориях, не существовало сколько-нибудь ясных представлений о том, в каком направлении и какими методами, с опорой на какие ресурсы должно происходить развитие Севера. Такой стратегической ясности не обнаруживается не только в документах начала 1920-х гг., но даже в материалах первого пятилетнего плана (1928/29–1932/33 гг.), где развитие Севера имело не более чем маргинальное значение. Признаки перехода к промышленной переработке сырьевых биоресурсов Севера обнаруживались лишь в планах для Северного края, где, в силу близости к центру страны и – что важно – к заграничным рынкам, намечалось развивать лесопиление и лесопереработку, замшевое производство на базе местного оленеводства, механизацию рыбного (трескового) промысла. Для перспективных же, обеспечивавших базу индустриализации минеральных богатств Европейского Севера страны – печорских углей и нефти Ухты – еще никаких планов не определялось, поскольку их «промышленное

значение... еще не было установлено». Остальной же Север, фактически, оставался в прежнем положении – «страны с низким уровнем хозяйственного развития, являющийся в целом резервом для более далеких времен», где «[ч]астичная эксплуатация лесов и горных богатств, намечаемая для пятилетия, не может иметь пока решающего значения» [1, с. 231, 521–522, 533, 534]. Это объясняет, почему в начале 1920-х гг. районирование Севера сводилось к установлению над его отдельными сегментами административной юрисдикции расположенных к югу, уже оформившихся в хозяйственном отношении крупных областей, краев и автономных республик и к перспективной привязке развития северных окраин к хозяйственному профилю последних.

Решению ВЦИК о временном («до разрешения общего вопроса о районировании Сибири») включении районов Тобольского Севера (Березовский и Сургутский уезды и северная часть Тобольского уезда бывшей Тюменской губернии) в виде отдельного округа в состав Уральской области [2, с. 1] предшествовали несколько раундов острых дискуссий и бюрократических схваток между Уралом и Сибирью. И для руководства поэтапно организуемой с 1921 г. Уральской области, и для представителей Сибревкома, который в 1923 г. только приступал к районированию Сибири, были характерны лишь интуитивное осознание ценности громадного природно-ресурсного потенциала Тобольского Севера и довольно ориентировочные представления о возможных направлениях его развития. Проходившее в Омске в августе 1923 г. Межгубернское совещание по районированию Сибири выявило не только основные аргументы сторон в споре за обладание Тобольским Севером, но и первые советские подходы к стратегии освоения Севера в целом.

Представители Омского губисполкома, следуя госплановской методологии районирования, настаивали при создании намечаемой Обской (Западно-Сибирской) области на соблюдении принципа хозяйственной однородности и потому объясняли целесообразность включения Тобольского Севера в ее состав необходимостью объединить под одной административной «крышей» всех территорий Западной Сибири, отличающихся преобладанием непромышленных секторов хозяйства. В их представлении, Обская область, как единый «район сельскохозяйственного назначения», должна

была включать три широтные хозяйственные зоны: южную – земледельческую, среднюю – «животноводственную» и северную – «лесоводственную и рыболовственную», каковую и должен был образовать Тобольский Север. Громадные лесные массивы Тобольского Севера должны были быть сориентированы на снабжение древесиной степных аграрных районов и на экспортные поставки леса с использованием речной системы Обь-Иртышского бассейна и трассы Северного морского пути¹.

Позиция Урала по вопросу интеграции Тобольского Севера имела ряд существенных преимуществ. Прежде всего, ожидалось, что Урал, как регион промышленной специализации, будет в большей степени заинтересован в разработке минеральных ресурсов Севера, что виделось важнейшей предпосылкой его будущей индустриализации. Хотя территория Тобольского Севера в целом оставалась неизученной в геологическом отношении, уже в первых предплановых разработках уральцев высказывались предположения, что районы Полярного Урала, сложенные теми же горными породами, что и Средний Урал, могут содержать крупные рудные запасы [3, с. 480]. В дальнейшем состояние минерально-ресурсной базы северных районов оставалось в поле зрения уральских плановиков. Помимо выявленных запасов местных полезных ископаемых (глины, краски) и обширных торфяников Обь-Иртышского бассейна, в прилегающей к Уралу части Березовского района, по левым притокам Северной Сосьвы, констатировались признаки железных и медных руд, угля, марганца и даже нефти [4, с. 248]. Сколь бы важным ни было такое видение перспектив, суровые природно-климатические условия Тобольского Севера, его слабая изученность и непосильная капиталоемкость возможных промышленных разработок отдаляли переход этого края на рельсы индустриализации. Гораздо более актуальным и осязаемо-реальным для Урала виделся еще один путь масштабного вовлечения ресурсов Тобольского Севера в промышленное развитие – использование его почти нетронутых лесных запасов (почти 42 млн га) для нужд уральской металлургии, в которой с начала XX в. обнаружили явные признаки топливного кризиса. На Омском совещании представитель Уральской плановой комиссии

¹ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 52–52 об.

Б.В. Дидковский, резко критикуя омских плановиков за односторонний взгляд на лесное хозяйство, убедительно доказывал, что лес – это, прежде всего, важнейший промышленный ресурс, способный создать чрезвычайно жизненную экономическую связь Урала с Тобольским Севером. Примером этому могло служить успешное лесопромышленное освоение района Тавды, соединенного в 1916 г. железной дорогой с Екатеринбургом¹. По мнению уральских плановиков, рационально поставленная эксплуатация лесов Тобольского Севера не только позволяла решить критическую проблему поставок древесного угля на металлургические заводы Урала. Она также открывала перспективы производства и экспорта ряда других ценных видов лесной продукции (строевой ассортимент, продукты сухой перегонки древесины и др.). Рассматривалась также возможность организации плавки уральских железных руд на древесном угле в местах его производства (в первую очередь, на сплавных реках Обь-Иртышского бассейна) для вывоза на экспорт высококачественного чугуна [3, с. 479]. Из этих проектировок вырастала целая программа пространственного сдвига промышленного ядра Урала на восток. В 1924 г. видный ученый-металлург, проф. В.Е. Грум-Гржимайло всесторонне обосновал новую северо-восточную ориентацию хозяйства Уральской области, связав ее именно с перспективами вовлечения в промышленный оборот лесных богатств Тобольского Севера и расширения на заводах Урала производства высококачественного древесноугольного чугуна. Уральское металлургическое хозяйство, расширяющее через производство древесного угля зону своего влияния на западную часть Обского бассейна, должно было, по мнению ученого, сформировать «Урал будущего», определить его новые границы².

Реализация этой масштабной программы зависела, однако, от успешного решения другой критической проблемы – развития современных путей сообщения. К началу 1920-х гг. пионерная роль железнодорожного транспорта в освоении Севера уже прочно овладела умами плановиков; он позволял преодолеть зависимость развития удаленных от центра окраин от конфигурации речных етей и сезонного характера движения по ним. По мнению

¹ Там же. Л. 55

² ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2331. Л. 14 об.

В.Е. Грум-Гржимайло, кардинально решить проблему интеграции лесных районов Тобольского Севера с горнозаводским Уралом должна была Северо-Сибирская магистраль (Сороки–Котлас–Тобольск), с дальнейшим выходом на Томск или Енисейск. Вместе с этим, в качестве первого шага, предлагалось строительство целой системы дополняющих сплавные реки небольших железнодорожных веток, связывающих крупные уральские заводы с районами первоочередных лесозаготовительных работ (Самский рудник–Лозьвинская пристань, Лозьвинская пристань – верховья Пелыма, Надеждинский завод – верховья Пелыма и др.)¹. Поскольку сооружение широтных железнодорожных магистралей в условиях северной тайги и болот представляло огромные технические сложности и требовало неподъемных капитальных затрат, внимание уральских плановиков сфокусировалось на реализации менее амбициозного и практически осуществимого проекта – прокладке железной дороги Тавда–Тобольск (187 км), которая должна была служить продолжением уже действующей линии Екатеринбург–Тавда. Новая железная дорога должна была обеспечить кратчайший (480 км) путь от центра Уралобласти до Тобольска, открывая тем самым прямой выход с Урала в Обь-Иртышский речной бассейн. Из ретроспективной оценки первых итогов районирования можно заключить, что уральское руководство смотрело на прокладку дороги Тавда–Тобольск, как и в целом на транзитную транспортную роль Тобольского Севера, как на один из ведущих мотивов, оправдывающих его присоединение к Уральской области. Линия Тавда–Тобольск должна была, в одном направлении, давать выход лесным богатствам Севера на внутренний рынок страны, а в другом – обеспечивать организацию вывоза уральской и сибирской продукции по Оби и Иртышу на внешние рынки [5, с. IX]. Прокладка новой железной дороги была включена в «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.» как одна из важнейших плановых установок, определяющих экономическое будущее Урала [6, с. 577]. Однако, ни хорошо обоснованное многоцелевое назначение линии Тавда – Тобольск, ни довольно небольшие сметные затраты на ее строительство (20 млн руб. в ценах 1927 г.) не спасли ее судьбу. Хотя ее строительство было включено в план

¹ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2320. Л. 46 об.–47.

первой пятилетки для РСФСР по разделу нового железнодорожного строительства и планировалось к завершению в пределах этого же пятилетия [7, с. 103 (III)], она так и не была построена.

Срыв реализации железнодорожного проекта был обусловлен многими причинами и связан с общим изменением курса экономической политики страны. Перед Уралом со стороны центра все настойчивее ставилась задача перевода его металлургической отрасли с древесного угля на кокс из Кузнецкого бассейна; в преддверии перехода к индустриализации конъюнктура экспорта, расцветшая в первые годы НЭПа, уже не рассматривалась как определяющая задача для региональных экономик. Этот поворот в политике знаменовал собой и закат идеи масштабной лесопромышленной колонизации Тобольского Севера. К 1925 г. сплав древесины по рекам Обь-Иртышского бассейна для нужд уральской металлургии составил 210 тыс. куб. сажень (в основном из бассейнов Туры и Тавды)¹, но дальнейший его рост лимитировался полной неосвоенностью лесных массивов и отсутствием наземных путей сообщения. К 1927 г. освоение лесных массивов Тобольского Севера рассматривалось еще как перспективная, требующая предварительных изысканий, а не актуальная задача [8, с. 117–118].

Хотя Уральская область, доказывая необходимость включения в свой состав Тобольского Севера, подходила к задаче его освоения, отталкиваясь от идеи масштабной лесопромышленной колонизации, объективно на первый план в текущей жизнедеятельности районов Тобольского Севера выходила задача не столько изменения традиционной модели «комбинированного промыслового хозяйства», сколько его восстановления, или, как подчеркивал один из уральских плановиков, «усовершенствования и частичной реконструкции сложившегося “хозяйственного порядка”» [9, с. 78–79]. При переходе же от восстановительной фазы НЭПа к развернутому индустриальному строительству, в силу исключительно напряженной программы индустриализации Уралобласти, освоение далеких, окраинных территорий Севера, по понятным причинам, не могло быть выделено даже в качестве хозяйственного приоритета областного значения.

На недостаток внимания и профессионализма в подходе Уралобласти к развитию промыслового хозяйства Тобольского округа,

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 577. Л. 26–27.

на применение к Северу шаблонов и практик управления, характерных для развитых и обжитых районов, в частности, указывали делегаты II Тобольского окружного съезда Советов в декабре 1924 г. По мнению ряда делегатов, насущные проблемы подъема промыслового хозяйства Севера как бы терялись между главными задачами, на которые ориентировалась область, – восстановлением промышленности и развитием аграрной экономики¹. Не менее острая критика звучала и со стороны самих уральских плановиков. Один из них, освещая «Генеральный план хозяйства Урала...», весьма невысоко оценивал результаты хозяйственной работы областного руководства на Севере, указывая как на недостаток на отсутствие в плане какой-либо «наметки перспектив пушного и рыболовного хозяйства». Далее он писал: «Тобольский Север, занимающий обширную часть территории Уральской Области и представляющий собой весьма большое своеобразие в структуре своего хозяйства, не нашел еще себе достаточного места и признания в построениях генерального плана. Прошло уже почти пять лет, как район этот включен в орбиту Урала, пора вплотную подойти к организации там хозяйства...» [10, с. 13]. Солидная ежегодная поддержка Тобольского округа в виде дотации из фонда регулирования Уралобласти в размере 33 % его доходного бюджета [5, с. IX], к сожалению, не искупала недостатков в организационно-экономической и управленческой работе.

В декабре 1927 г. на I Уральском областном совещании по советскому строительству работников национальных меньшинств, посвященном подведению итогов восстановительного периода, отмечалось, что Тобольский Север, в явном контрасте с другими округами и районами Уралобласти, характеризовался самыми низкими, неудовлетворительными темпами восстановления своего хозяйства до довоенного уровня. Пушные заготовки на Тобольском Севере составили лишь 71,5 % к довоенному уровню, а их доля в общих заготовках пушнины Уральской области даже снизилась – с 55 до 38 %. Рыбная промышленность Севера ни по валовой продукции, ни по доле в общеуральском производстве к концу 1927 г. еще не достигла довоенного уровня². Большой

¹ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2415. Л. 77, 78, 78 об.

² ГАСО. Ф. 88р. Оп. 5. Д. 308. Л. 82–83.

проблемой стало заметное уменьшение добычи рыб ценных пород: красной рыбы – 71,4 %, белой – 44,6 % к довоенному уровню. Из всех промысловых отраслей Севера лишь оленеводство приблизилось к довоенному уровню, однако здесь, как и в других отраслях северного хозяйства, наблюдался беспрецедентно низкий уровень товарности. Промышленность – важнейший ориентир развития во всех советских планах – к 1928 г. находилась на зачаточном уровне. За исключением рыбоконсервного производства Уралгосторга, во всем Тобольском округе имелось лишь 10 небольших промышленных заведений с общим числом 175 рабочих и валовой стоимостью продукции в 812,7 тыс. руб. [4, с. 250, 251]. Любопытно, что специальная комиссия областной РКИ, обследовавшая весной 1926 г. состояние экономики Тобольского Севера пришла к выводу, что баланс затрат на развитие этого края и отдачи от него мог быть – в силу отсутствия какого-либо иного экономического развития – сведен к простому балансу товарообмена с северными территориями, т.е. соотношению стоимости ввозимых на Север потребительских товаров и продуктов и стоимостью вывозимой оттуда промысловой продукции. Оказалось, что в среднем за период 1923–1925 гг. на Тобольский Север было завезено товаров и продуктов на сумму около 4 млн. руб., а общая продукция края, состоящая из пушнины, рыбы, продукции оленеводства, ягодного и кедрового промыслов (плюс учитываемые в активе побочные заработки населения и заработная плата рабочих и служащих), составила за этот же период в среднем 3,9 млн. руб. (правда, с колебаниями в сторону уменьшения или увеличения по отдельным годам). Это состояние можно было характеризовать в целом как застойное равновесие¹.

Хотя включение Тобольского Севера в состав Уральской области было во многом мотивировано ролью Урала как сильного региона, обладающего крупным промышленным и культурным потенциалом, общая отсталость, огромное число проблем, накопившихся в северном промысловом хозяйстве, и определенная «несовместимость» траекторий развития регионов приводили к тому, что систематическая финансовая и материально-техническая поддержка северного развития со стороны Урала могла в 1920-х гг. принести

¹ ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 650. Л. 150–150 об.

лишь очень скромные результаты. Их можно характеризовать скорее как стабилизацию и преодоление кризиса, но не уверенное развитие.

Библиографический список

1. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. – Т. III. Районный разрез плана / Госплан СССР. – М.: Изд-во «Плановое хозяйство», 1930. – 606 с.
2. Материалы по районированию Урала. – Т. I. – [Отд. оттиск]. – М.: Изд. УралЭКОСО, 1923. – 31 с.
3. Материалы по районированию Урала. – Т. III. Предварительное описание округов. – Екатеринбург: Изд. УралОблЭКОСО, 1923. – 499 с.
4. Районы Уральской Области: схематические характеристики районов и округов, основные статистические показатели, карты районов и округов. – [Отд. оттиск из издания «Населенные пункты Уральской Области»]. – Свердловск: Издание Орготдела Уралобл-исполкома и Уралстатуправления, 1928. – 378 с.
5. Урал после районирования / С предисл. Д.Г. Сулимова. – Свердловск: Изд. Уралсовета, 1926. – XIX, 151 с., 8 карт.
6. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). – Свердловск: Уралплан, 1927. – XIII, 728, [113] с.
7. Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР (1928/29 – 1932/33 гг.). – Т. I. – М.: Изд. Госплана РСФСР, 1929. – 184 (Ч. I), 560 (Ч. II), 231 (Ч. III) с.
8. Воскобойников М. Значение Уралобласти для государственной колонизации // Весь промышленный и торговый Урал, 1927 / [ред. Д.М. Бобылев]. – Свердловск: Газетное изд-во Уралобл-исполкома, [1927]. – С. 113–118.
9. Бобылев Д. По вопросу реконструкции промышленного хозяйства Приполярного Севера // Хозяйство Урала. – 1926. – № 12. – С. 78–83.
10. Степанов П. Вопросы генерального плана хозяйства Урала // Хозяйство Урала. – 1928.

УДК 94(47+282.247.42)“1921/1929”+339.16.012.32-051 А.П. Килин*

«ТОРГАШИ» И «ТОРГОВЦЫ» В ГОДЫ НЭП: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Ключевые слова. *Нэп; частная торговля; стратификация; профессионализация; адаптация.*

Аннотация. *Категория частных торговцев в 1920–1930-е гг. Не была однородной, а ее облик – далеко не столь однолинейно выразителен, как его изображала пропаганда. В орбиту предпринимательских отношений втягивались миллионы рядовых граждан. Торговля в условиях дефицита товаров повседневного спроса перестала быть профессиональной сферой деятельности, а превратилась в образ жизни человека, в способ адаптации, дающий шанс на выживание, т. е. С одной стороны становилась массовой профессией, с другой, депрофессионализировалась. В экстремальных условиях, когда традиционные системы производства и распределения давали сбои, происходил процесс, обратный общественному разделению труда, фактически – регресс, а гражданин был вынужден примерять на себя роль не только потребителя и производителя, но и торгового посредника.*

А. P. Kilin**

“SELLERS” AND “TRADERS” IN THE YEARS OF NEP: THE PROBLEM OF SOCIAL STRATIFICATION

Keywords. *NEP; private trade; stratification; professionalisation; adaptation.*

Abstract. *The category of private traders in the 1920s and 1930s was not homogeneous, and its appearance was far from as one-sidedly expressive as propaganda portrayed it. Millions of ordinary citizens were drawn into the orbit of entrepreneurial relations. Trade in conditions of a shortage of everyday goods ceased to be a professional field of activity, but turned into a way of life of a person, into a way of adaptation that gives a chance for survival,*

* **Килин Алексей Павлович**, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru.

** **Kilin Alexey Pavlovich**, Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin (Ekaterinburg, Russia), e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru.

i.e. on the one hand, it became a mass profession, on the other, it was deprofessionalised. In extreme conditions, when the traditional systems of production and distribution failed, there was a process that was the reverse of the social division of labour, in fact, a regression, and the citizen was forced to try on the role of not only a consumer and producer, but also a trade intermediary.

В задачи стратификационного подхода входит ранжирование людей по их месту в социальной структуре общества. По определению П. Сорокина, «Социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она находит свое выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны» [1, с. 302].

По мнению В.И. Ильина изучение социальных различий и иерархий, а также механизмов поддерживающих их, является предметом социологии, на который почти не претендуют другие науки. «Проблематика социальных различий и социального неравенства просматривается как ключевая в социологии как ключевая на всех этапах ее развития» [2, с. 10].

Очевиден и тот факт, что социальный статус предпринимателей существенным образом, менялся, когда он перемещался из одного социального поля (по П. Бурдье) в другое [3, с. 40–41]. Контраст между экономическим и политическим полем в раннесоветском обществе был разителен.

Ф. Бродель, рассматривая общество как «множество множеств», настаивал на детальном рассмотрении «социальной иерархии» (предпочитая этот термин понятиям «стратификация» или «классовая структура»), он призывал не ставить знак равенства между купцом и буржуа или капиталистом [4, с. 462]. Следуя этому примеру, полагаем, что нельзя ставить знак равенства между частным торговцем, нэпманом или капиталистом.

Примечательно, что в современной России исследователи социального статуса торговцев, выделяют аналогичные идентификационные критерии и сталкиваются с целым рядом сходных проблем. «Социальный статус торговцев городских рынков выступает интегральным показателем положения данной группы

в социальной структуре регионального социума, определяемым как объективными (род деятельности, доход, доступ к власти, уровень образования, стандарты потребления, семейный статус, гендерная принадлежность), так и объективно / субъективными (самоидентификация с социальным слоем, самооценка экономического положения, престиж профессии, система мотивации, индивидуально-личностный потенциал и др.) переменными» [5].

В рамках данного исследования наше внимание привлекают не только профессиональные торговцы, но и граждане, вовлеченные в этот вид деятельности на временной основе и под давлением внешних негативных факторов. Их нельзя относить к предпринимателям, но можно говорить об использовании ими торгово-посреднической деятельности как метода адаптации к неблагоприятным обстоятельствам. Свою торговлю они воспринимали как временное занятие на период безработицы и с торговцами себя не ассоциировали.

Биографии бывших торговцев свидетельствуют о проблеме профессиональной самоидентификации. Быть торговцем для них означало не только относиться к определенной профессиональной группе. Как правило, под термином «торговец» подразумевалось нечто большее. Даже признавая сам факт торговли, гражданин дистанцировался от слоя профессиональных торговцев, крайне негативно характеризуя своих коллег по цеху. В сводках ОГПУ по Тобольскому округу находим пример градации продавцов на «торговцев» и «торгашей»: «В деятельности частной торговли, вольного рынка можно отметить, что сами торговцы указывают на большое развитие торгашей, которых распространилось больше, чем покупателей и говорят, что с таким ростом торговцев, продавать товар будет некому» [6, с. 548].

Даже выбирая патент на занятие торговлей, граждане имели полное право не отождествлять себя с торговцами, например, в ситуации, когда сотрудники финансовых или правоохранительных органов вынуждали брать патент крестьянина, который реализовывал на рынке продукцию своего хозяйства. Грань между профессиональными торговцами и людьми, занимающимися ей в качестве дополнительного промысла, была весьма условной, в том числе и по причине административного произвола.

Критерий отделения «настоящих» торговцев от «ненастоящих», являлся факт эксплуатации чужого труда. Очевидно стремление

граждан избежать дискриминации исключительно по профессиональному признаку. В заявлении одного из «лишенцев» читаем: «Лишать избирательного права настоящего нэпмана, это другое дело. Настоящий нэпман живет исключительно спекуляцией чужого труда» [Там же]. Примечательно переключение в применении термина «спекуляция» с перепродажи товаров на неэквивалентное использование человеческих ресурсов.

Ценным историческим источником являются результаты бюджетных обследований частных торговцев, в частности, исследование Г.П. Падучева, проведенное на материалах Воронежской губернии. В нем особо отмечается: «Обследование должно было охватить исключительно торговцев средних и крупных, а именно торговцев третьего, четвертого и пятого разрядов, так как составители анкеты считали, что торговец этой категории все же до известной степени успел уже сложиться в более или менее типичную экономическую и социальную единицу, в отношении которой представляется возможным, хотя бы даже с некоторыми оговорками, делать те или другие средние выводы» [7].

Именно эти – «настоящие» торговцы являлись объектом изучения Г.П. Падучева, к которым он питает явную симпатию. «Среди розничников [III разряд – А.К.] наиболее устойчивой и характерной фигурой, накладывающий отпечаток на всю данную группу, является торговец, доход которого составляет 75 или даже 100 руб. в месяц. Торговец этот отличается особой активностью, старается преодолеть все стоящие на его пути препятствия. Он уже не прочь занять деньги в банках и потому состоит членом Общества Взаимного Кредита. Стремясь приобрести товар на возможно более льготных условиях, он вступает в Товарищество “Частный Розничник” и находит у себя средства для уплаты паевого взноса в это Товарищество. Днем он довольно часто заходит в Рыночный Комитет. Его можно встретить и в канцелярии финансового инспектора, где он, яростно размахивая руками, с различными оттенками в голосе, ожесточенно доказывает, что начисленную на него сумму налога следует уменьшить вдвое, или втрое. В случае надобности, он подает жалобу в Губернскую Налоговую Комиссию и затем уже обивает все пороги и стучится во все двери Губфинотдела. Он является постоянным и активным участником всех собраний, созываемых Обществом Взаимного Кредита, “Частным Розничником”,

Рыночным Комитетом и т. д. На этих собраниях он себя держит с чувством собственного достоинства, с полным сознанием принадлежащих ему здесь прав. Свой сторублевый ежемесячный доход он, конечно, стремится повысить, что ему в некоторых случаях и удается, хотя это и не представляет, может быть, столь частого явления. Но, так или иначе, а все же можно определенно констатировать, что в целом положение розничника, по данным анкеты, вырисовывается как довольно тяжелое» [7, с. 60].

Борьба с многоукладностью, огосударствление экономики и унификация моделей хозяйственного поведения с неизбежностью приводили к усилению нажима на частный сектор. В этой связи закономерным выглядит стремление частника к большей изоляции от государственного сектора, к формированию автаркичной системы, которая минимизировала бы внешнее вмешательство, обеспечила бы его относительно стабильное существование в ближайшей перспективе.

Нелегальные и полунелегальные формы предпринимательства, воспринимавшиеся через призму классовой борьбы, привлекали внимание современников [8, 9], в особенности замкнутый круг частного сектора хозяйства в качестве яркого примера реализации и функционирования частнокапиталистического уклада в экономике нэпа [6, с. 407–414, 10]. По нашему мнению, замкнутый круг частного сектора хозяйства явился результатом политики государства и ответной реакцией частного сектора на ограничение сферы его влияния в экономике. В то же самое время, самим фактом своего существования он давал повод оппонентам говорить о борьбе частного и государственного секторов экономики, государственного и частнопредпринимательского укладов. Представленный в более совершенном, законченном и чистом виде, как частнопредпринимательский уклад, круг демонстрировал более высокую экономическую эффективность. Сформированный в рамках нэповской многоукладной экономики, он рассматривался как открытая угроза, как пример возрождения капитализма, не только экономическая, но и идеологическая диверсия против нового строя.

Полагаем, что оценка замкнутого круга исключительно в системе координат «капитализм – социализм» может быть поставлена под сомнение. Помимо того, что рыночная экономика и капитализм не являются тождественными понятиями (Ф. Бродель), это

был шаг назад по сравнению с той системой, которая на рубеже XIX–XX вв. воспринималась как капиталистическая, а в качестве инновации это явление можно рассматривать исключительно в период свертывания нэпа. По сути, это был пример архаизации рыночных механизмов, пример ретроинновации, корни которой уходят в прошлые века. Ф. Бродель приводит пример «противорынка» XVIII в., который противопоставляется более развитым рыночным институтам в виде биржевой торговли: «Наконец развивается то, что английские историки называют выражением *private market* в противоположность *public market*. Последний находится под бдительным контролем городских властей, в то время как первый ускользает от всякого контроля. Этот *private market*, который задолго до наступления XVIII в. стал устанавливать по всей Англии систему прямых закупок товаров у производителей, нередко с предварительной оплатой, закупок у крестьян, находившихся вне сферы рынка, шерсти, зерна, полотна и т. п., – означал организацию, в противовес традиционной регламентации рынка, самостоятельных коммерческих цепочек, весьма длинных и свободных в своих действиях, и которые, впрочем, без всякого стеснения пользовались этой свободой» [11, с. 32–33]. Соответственно в товарных биржах было намного больше капиталистического, чем в замкнутом круге, но первые были под контролем государства, а второй – нет, соответственно в нем видели большую угрозу.

Полагаем, что замкнутый круг демонстрировал жизнеспособность и эффективность частнопредпринимательского уклада в сложившихся экономических и политических условиях. Его существование могло быть достаточно длительным, но не предполагало бурный рост и интенсивное развитие. Эта система позволяла вовлекать в оборот разнообразные ресурсы, обеспечивать занятость (самозанятость) населения, удовлетворять потребительский спрос, а в общем плане решать экономические и социальные проблемы на локальном уровне.

В идеологическом плане замкнутый круг использовался как символ угрозы и самим своим существованием служил оправданием репрессивной политики государства в отношении частника. К угрозам были отнесены: чрезмерные наценки, которые могли отразиться на благосостоянии граждан (социальное направление); уход от налогов (фискальное); стремление дистанцироваться

от прямого государственного регулирования (административное); сокращение сырьевой базы госсектора за счет создания конкуренции на рынке (сырьевое); оценка замкнутого круга как пятой колонны, на которую эмигранты и контрреволюционеры хотели опереться с целью реставрации капитализма в России (идеологическое).

Замкнутость круга не стоит переоценивать, поскольку его существование был предопределено действиями властей. С одной стороны осуществлялся нажим и жесткое администрирование по отношению к участникам, в которых видели реальных конкурентов за ресурсы. С другой стороны «агенты и соучастники частного капитала в государственном аппарате» (Ю. Ларин) в какой-то мере обеспечивали благоприятную среду для функционирования этой системы.

Недостатки государственной торговли и распределительной системы в целом приводили к рурализации городской жизни, к необходимости рабочему заниматься сельским хозяйством и торговлей в процессе адаптации к ситуации, при которой повсеместно господствовал дефицит продовольствия и товаров повседневного спроса. В этом контексте смычка города и деревни воплощалась в сочетании аграрных и индустриальных видов деятельности в жизни горожан и сельских жителей на индивидуальном уровне, а не как процесс согласование интересов двух господствующих классов. Происходило размывание границ между городом и деревней, не за счет более высокого уровня производительных сил, а в рамках архаизации и универсализации хозяйственных практик отдельного человека, что противоречило тенденции на углубление общественного разделения труда.

Подводя итоги, можно констатировать, что категория частных торговцев не была однородна. В орбиту предпринимательских отношений втягивались миллионы граждан государства. Торговля переставала быть сферой деятельности профессионалов, а превратилась в образ жизни человека, в способ выживания, как следствие — торговая деятельность «депрофессионализируется». Торговля была распространена настолько, что в нее были втянуты практически все без исключения слои населения, вследствие этого, она становится массовым видом деятельности и, одновременно, теряет очертания профессии.

Социальная стратификация граждан, занимавшихся в 1920–1930-е гг. торговлей может быть основана на различных принципах:

экономическом (разряд торговли, уровень дохода, размер оборота, ассортименте, опт или розница, времени торговли и т. п.) и классом (нэпман, буржуй, пролетарий и т. п.). Значительную роль играла самоидентификации гражданина, которую он демонстрировал и отстаивал. Исходно негативная оценка торговой деятельности привела к необходимости трансформации социального статуса торгового посредника, который в процессе становления культуры советской торговли в 1930-е гг. преобразился из частного предпринимателя в наемного служащего или работника прилавка.

Библиографический список

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Общ. ред., сост. и предисл., А.Ю. Согомонова]. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
2. Ильин В.И. Социальное неравенство. – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 280 с.
3. Бурдые П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко; пер. с фр.: Е.Д. Вознесенская и др. – М.: Socio-Logos, 1993. – 333 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: [в 3-х томах]. Т. 2: Игры обмена / Пер. с фр. Л.Е. Куббея; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
5. Ульянкина О.В. Социальный статус торговцев городских рынков в условиях современной России: региональный аспект: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. – Саранск, 2014. – 178 с.
6. Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 606 с.
7. Падучев Г. П. Частный торговец при новой экономической политике (по данным бюджетного обследования). Воронеж: Издание Воронежского Губпросторга, 1926. – 106 с.
8. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. – М.: Гос. из-во, 1927. – 312 с.
9. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. / Кондурушкин И.С.; Предисл.: Курский Д.И. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – 254 с.
10. Гринвальд Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. / Под ред. и пред. В. Филова. – Саратов : Госиздат, Нижне-Волжское отделение, 1930. – 240 с.
11. Бродель Ф. Динамика капитализма: Пер. с фр. – Смоленск: ТОО «Полиграмма», 1993. – 123 с.

**УРАЛЬСКИЙ ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ УРАЛА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Ключевые слова. *Подготовка инженерных кадров, электрификация железнодорожного транспорта, железнодорожный институт, модернизационные процессы.*

Аннотация. *Автор исследовал процесс становления высшего железнодорожного образования на Урале в связи с коренной технической реконструкцией железнодорожного транспорта. На первом этапе шло формирование преподавательского состава вуза и создание его материальной базы, на втором этапе созданы условия для проведения научных исследований преподавателями, на третьем этапе происходил количественный рост выпускников.*

А.А. Konov**

**URAL ELECTROMECHANICAL INSTITUTE
OF RAILWAY TRANSPORT ENGINEERS
IN THE HISTORICAL SPACE OF THE URALS
OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY**

Keywords. *Training of engineering personnel, electrification of railway transport, railway institute, modernization processes.*

Abstract. *The author studied the process of formation of higher railway education in the Urals in connection with the radical technical reconstruction of railway transport. At the first stage, the formation of the teaching staff of the university and the creation of its material base took place, at the second stage conditions were created for scientific research by teachers, at the third stage there was a quantitative growth of graduates.*

* **Конов Алексей Александрович**, доктор исторических наук, доцент кафедры Управление в социально-экономических системах, философия и история, Уральский государственный университет путей сообщения (Екатеринбург, Россия); e-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

** **Konov Aleksey Aleksandrovich**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management in socio-economic systems, philosophy and history, Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg, Russia); e-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

С 2000 г. между специалистами не прекращаются дискуссии о путях и моделях развития высшего технического образования в России. Наиболее радикальные попытки реформ предпринимались в отношении высшего железнодорожного образования от передачи его в ведение Министерства науки и образования до создания единых укрупненных научно-образовательных кластеров. При этом не всегда учитывались географические и социально-экономические условия развития регионов, их ориентация на исторически сложившиеся внешние связи. Развитие высшего железнодорожного образования на Урале происходило в соответствии с задачами модернизации железных дорог региона и экономическими процессами, протекавшими в стране.

3 февраля 1956 г. принято постановление Совета Министров СССР «О Генеральном плане электрификации железных дорог», предусматривавшее перевод к 1970 г. на электрическую тягу 40 тыс. км железнодорожных линий. В период коренной технической реконструкции железнодорожного транспорта перед Свердловской дорогой были поставлены большие задачи – за десять лет перевести на электрическую и тепловозную тягу 1940 км железнодорожных линий и освоить ими 90 % грузооборота. Для обслуживания новой техники нужны были квалифицированные кадры. Для дорог Уральского региона их должен был готовить вновь созданный в 1956 г. Уральский электромеханический институт инженеров транспорта (УЭМИИТ) [1].

На первом этапе сотрудничество УЭМИИТа и дороги в 1956–1965 гг. заключалось в основном в развитии материальной базы вуза, формировании научно-педагогического коллектива и подготовке кадров. Научное сотрудничество только зарождалось. Руководители дороги большое внимание уделяли подготовке инженеров из числа практиков и рабочей молодежи. В результате совместной деятельности вуза и дороги количество инженеров на магистрали в этот период возросло вдвое. Техническая реконструкция, рост образовательного уровня кадров – все это позволило улучшить экономические показатели дороги. В течение 1956–1965 гг. грузооборот Свердловской магистрали ежегодно возрастал в среднем на 7,7 %, отправление грузов – на 37,7 %, на 12 часов сократился оборот вагонов, удельный вес электрической и тепловозной тяги достиг 89 %. Себестоимость

перевозок снизилась на 24 %, а рентабельность увеличилась в два раза [1, с. 119].

Проблема формирования преподавательского состава УЭМИИТ с самого начала стояла весьма остро. На первом этапе в институт была приглашена группа преподавателей из числа научных сотрудников Уральского отделения ВНИИЖТа и высококвалифицированных производственников с большим опытом инженерной и организаторской деятельности. На втором этапе становления института использовались внешние источники формирования педагогического коллектива, то есть приглашение на работу преподавателей из других вузов Свердловска, Москвы, Ленинграда. В комплектовании педагогических кадров существенную помощь оказали ЛИИЖТ, МИИТ. На третьем этапе, по мере развития института повышалось значение такого источника пополнения профессорско-преподавательского корпуса, как выпускники самого УЭМИИТа. Лучших из них институт направлял в аспирантуру вузов МПС [2, с. 14]. В результате к 1991 г. в институте насчитывалось 32 профессора, доктора наук, из которых 23 человека проработали в институте по десять и более лет, около половины их являлись его выпускниками. В 1980-е гг. развернулась подготовка научно-педагогических кадров в аспирантуре института [3, с. 56].

Большой интерес представляют данные по возрастному составу и научной квалификации преподавательского состава УЭМИИТа за 1972–1991 гг. (рис. 1–2) [4].

Диаграмма на рис. 1 показывает, что среди преподавательского состава УЭМИИТ преобладали преподаватели молодых возрастов – от 30 до 40 лет и от 40 до 50 лет, что объяснялось, в основном, их комплектованием из бывших выпускников вуза и аспирантов. Наименее благоприятными для преподавательского состава стали 1980-е гг., когда молодые преподаватели до 30 лет увольнялись из вуза в поисках более высокооплачиваемой работы, в том числе вуз покидали преподаватели старших возрастов – от 30 до 40 лет и от 40 до 50 лет. Напротив, доля преподавателей преклонного возраста (свыше 50 лет) в 1980-е гг. увеличивалась, что было связано с постепенным старением преподавательского состава. Сказывалась также сложившаяся за многие годы у пожилых преподавателей привязанность к своему вузу и преподавательскому коллективу.

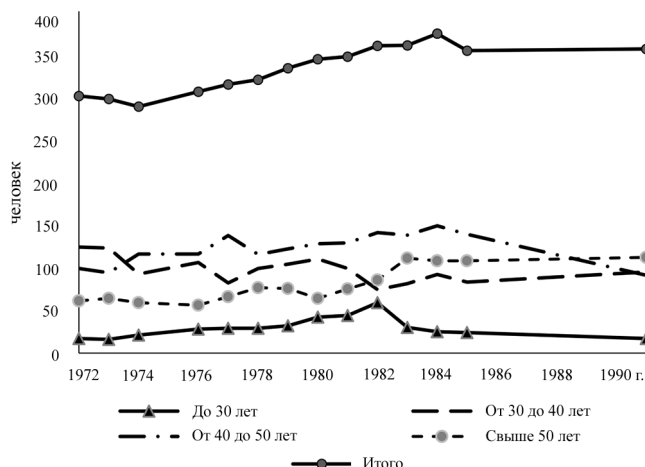

Рис. 1. Возрастная структура профессорско-преподавательского состава УЭМИИТ в 1972–1991 гг.

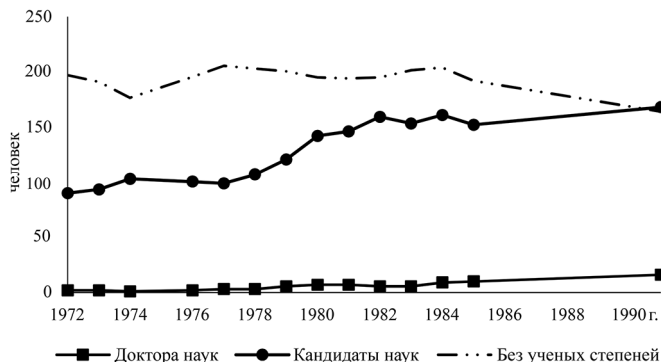

Рис. 2. Наличие ученых степеней у профессорско-преподавательского состава УЭМИИТ в 1972–1991 гг., чел.

Данные диаграммы на рис. 2 показывают, что в институте в 1970–1980-е гг. достаточно активно шла защита кандидатских диссертаций молодыми преподавателями и аспирантами. Напротив, работники с докторскими степенями составляли в этот период весьма незначительное количество – за 1972 по 1985 гг. было защищено всего 8 докторских диссертаций. С 1986 г. защита

докторских диссертаций заметно увеличивается: всего за 6 лет было защищено 6 докторских диссертаций, то есть на порядок больше, чем за предыдущие 14 лет. Во многом это было связано с завершением формирования в институте научных школ в области электроснабжения транспорта, вагонного хозяйства и созданием соответствующей материальной базы для проведения научных исследований. Особенностью института стала высокая доля преподавателей без ученых степеней и званий, которые состояли из инженеров-производственников, опытных организаторов и управленцев, а также из преподавателей, по тем или иным причинам, не защитившим диссертации. Несмотря на то, что доля преподавателей без ученых степеней и званий сокращалась, она оставалась достаточно высокой – даже в 1991 г. она составляла 47,4 % всего преподавательского состава.

Следующее десятилетие (1966–1975 гг.) экономика страны характеризовалась переходом к интенсивному хозяйствованию. Экономическая реформа 1965 г. дала мощный импульс развитию материального и интеллектуального потенциала железных дорог. Период 1960–1970-х гг. отмечен бурным развитием математических методов в экономике. Намеченная программа научно-технического прогресса на Свердловской дороге предполагала использование инженерного труда по широкому спектру вопросов. На Свердловской дороге в тот период создана система организации движения местных поездов по твердым ниткам графика (пермский метод), выполнены первые работы по экономической оценке графика движения поездов, на станции Свердловск-Сортировочный впервые на сети железных дорог решена задача планирования поездобразования на основе математического моделирования с применением ЭВМ [5]. Встала задача превращения вуза электромеханического профиля в железнодорожный политехнический.

Третий период (1975–1991 гг.) отмечен ростом подготовки инженеров без отрыва от производства, когда на железных дорогах неуклонно повышалась доля инженерного труда. Если в январе 1981 г. на Свердловской дороге работало 7305 специалистов с высшим образованием, то в декабре уже 9552. К учебному процессу активно привлекались наиболее квалифицированные специалисты управлений и отделений дорог, а также ученые, авторы и разработчики новой техники для железнодорожного транспорта [1, с. 121].

Рис. 3. Выпуски по основным специальностям очного обучения в УЭМИИТ в 1972–1991 гг., чел.

Большой интерес представляют статистические данные по выпускам инженеров на специальностях по очной форме обучения (рис. 3) [6].

Данные диаграммы 3 показывают, что наиболее востребованными среди молодежи были специальности, связанные с электрификацией железных дорог и автоматикой, телемеханикой и связью. Для этих специальностей были характерны самые большие по численности выпуски специалистов. В частности, сказалось стремление молодежи осваивать передовую железнодорожную технику, особенно компьютерную, оснащенную различными микропроцессорами. Вместе с тем следует учитывать и специфику модернизационных процессов на железнодорожном транспорте Урала, где приоритетным направлением совершенствования железнодорожного транспорта была электрификация и связанная с ней станционная и участковая автоматика. Намного меньшими по численности были выпуски по специальностям «эксплуатация железных дорог» и «вагоны и вагонное хозяйство», что объяснялось более поздним открытием этих специальностей в институте. Рост численности выпускников на строительных специальностях четко прослеживается с середины 1970-х гг. и до середины 1980-х гг.,

что связано с подготовкой строительных кадров и инженеров-путейцев для Байкало-Амурской магистрали, а также для новой железной дороги Тюмень–Тобольск–Сургут–Уренгой. Для всех специальностей характерно резкое сокращение выпуска специалистов к началу 1990-х гг., при этом особенно большой спад в подготовке специалистов произошел по строительным специальностям. Эта тенденция вызвана замедлением модернизационных процессов на железнодорожном транспорте Урала во второй половине 1980-х гг., а также стремлением молодежи поступать в другие вузы на экономические и коммерческие специальности, казавшиеся к началу 1990-х гг. более престижными и привлекательными.

Модернизационные процессы на железнодорожном транспорте Урала привели к появлению новых инженерных специальностей и профессий, как правило, связанных с электрификацией и информатизацией железных дорог (табл. 1) [2, с. 119, 146, 214].

Таблица 1

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
в УЭМИИТ в 1956–1991 гг.**

Период	Наличие инженерных специальностей в вузе
1	2
1956–1965 гг.	Электрификация железнодорожного транспорта; электровазы и электропоезда; электроснабжение железнодорожного транспорта; Автоматика, телемеханика и связь на железнодорожном транспорте; разработка, проектирование, строительство и эксплуатация устройств железнодорожной связи; Строительство железных дорог, путь и путевое хозяйство.
1966–1975 гг.	Электрификация железнодорожного транспорта; электровазы и электропоезда; электроснабжение железнодорожного транспорта; Автоматика, телемеханика и связь на железнодорожном транспорте; разработка, проектирование, строительство и эксплуатация устройств железнодорожной связи; Строительство железных дорог, путь и путевое хозяйство; Промышленное и гражданское строительство; Вагоностроение и вагонное хозяйство; Управление процессами перевозок на магистральных железных дорогах; Организация грузовой, коммерческой и пассажирской работы на предприятиях железнодорожного транспорта.

Продолжение таблицы 1

1	2
1976–1991 гг.	Электрификация железнодорожного транспорта; электро- возы и электропоезда; электроснабжение железнодорож- ного транспорта; Автоматика, телемеханика и связь на железнодорожном транспорте; разработка, проектирование, строительство и эксплуатация устройств железнодорожной связи; Микроэлектронные системы обеспечения безопасности движения поездов; Строительство железных дорог, путь и путевое хозяйство; промышленное и гражданское строительство; Вагоностроение и вагонное хозяйство; управление ваго- норемонтным предприятием; пассажирские вагоны; ваго- ны промышленного транспорта; Управление процессами перевозок на магистральных железных дорогах; организация грузовой, коммерческой и пассажирской работы на предприятиях железнодорож- ного транспорта; проектирование и эксплуатация станций и узлов; управление пассажирскими перевозками (сервис на транспорте)

Данные таблицы 1 показывают, что в 1956–1991 гг. на железно-
дорожном транспорте Урала происходило усиление специализа-
ции инженерного труда. Основными причинами появления новых
инженерных специальностей стали введение в перевозочный про-
цесс информационных технологий и совершенствование системы
управления грузовыми и пассажирскими перевозками, а также по-
высилась потребность в квалифицированных специалистах эконо-
мического профиля. Инженерные специальности на базе информа-
тизации и автоматизации производственных процессов появляются
с большим опозданием – к концу 1980-х гг., что обусловлено тех-
ническим отставанием советского железнодорожного транспорта
в области информационных технологий и микроэлектроники. Важ-
но отметить, что особенно интенсивно происходит формирование
новых инженерных специальностей в вагонном хозяйстве и в управ-
лении процессами перевозок, что связано с совершенствованием
конструкций грузовых вагонов и увеличением интенсивности дви-
жения грузопотоков в результате электрификации железных дорог.

В 1959 г. в УЭМИИТе был организован заочный факультет в со-
ответствии с приказом Главного управления учебных заведений

МПС от 20 июля 1959 г. Факультет был призван обеспечить подготовку инженерных кадров без отрыва от производства для Свердловской и Южно-Уральской железных дорог и транспортных предприятий Уральского региона. Первый набор составил 250 человек, обучавшихся по 14 специальностям. Первые 165 выпускников успешно закончили учебу в 1965 г. В целом же за 1959–1991 гг. факультет подготовил без отрыва от производства около 8 тыс. специалистов [3, с. 188]. Заочный факультет решал важные стратегические задачи кадрового обеспечения Свердловской железной дороги. В 1982–1983 гг. в связи с электрификацией участка Тюмень–Называевская на заочном отделении проведена переквалификация инженеров-тепловозников Тюменского отделения на инженеров электровозной тяги. В этом году объединенный Совет Свердловской железной дороги и Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта постановил довести численность инженерно-технических работников и мастеров, повышающих квалификацию на заочном отделении УЭМИИТа до 700–750 человек ежегодно, а также обеспечить ежегодный прием на заочное отделение института не менее 235 работников Свердловской дороги [7].

Введение на железных дорогах новой техники, совершенствование систем энергоснабжения железных дорог на Урале, внедрение новых видов станционной автоматики требовали повышения образовательного уровня студента-заочника, поэтому, на смену студенту-рабочему все чаще стал приходиться студент с дипломом о среднем техническом образовании. В 1970 г. среди зачисленных на заочное отделение института производственников техники составляли 36,5 %, в 1972 – 44 %, в 1973 – 47 %, в 1977 – 55 %, в 1984 – 62,5 % [8]. В 1990 г. по просьбе руководителей Свердловской дороги был открыт прием студентов на заочный факультет для обучения по программам ускоренного цикла (4,5 года) по специальностям «Вагоны и вагонное хозяйство», «Строительство железных дорог», «Путь и путевое хозяйство». Чтобы усилить приток абитуриентов ректор А.В. Ефимов в 1991 г. принял решение об открытии заочных отделений в филиалах вуза, что позволило не только сохранить набор, но и увеличить его. Ежегодно на заочном отделении обучалось в среднем около 800 человек [9, с. 71].

Всего за 1961–1985 гг. УЭМИИТом выпущено 16276 специалистов железнодорожного транспорта. По состоянию на 1983 г.

каждый второй инженер, работающий на Свердловской железной дороге, являлся выпускником УЭМИИТа: в службе сигнализации и связи выпускники института составляли 77%, в вагонной – 62%, в локомотивной – 54% [7]. Подготовленные в УЭМИИТе инженерные кадры успешно решали трудные проблемы эксплуатации и модернизации железнодорожного транспорта. Выпускники института работали руководителями и инженерно-техническими работниками станций, отделений и управлений железных дорог, руководителями и исполнителями проектов станций и узлов (в проектных организациях), инженерами-технологами в вычислительных центрах железных дорог. Выпускники строительного факультета – специалисты в области искусственных сооружений – разработали новые методы обследования и технические решения, обеспечивающие длительный, сверхнормативный срок эксплуатации мостов, виадуков и путепроводов Свердловской железной дороги. Предложенная концепция обновления виадуков продлила срок их эксплуатации на 50–60 лет [2, с. 204].

Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта стал базовым высшим учебным заведением для железнодорожного транспорта на Урале. Железные дороги региона получили возможность готовить специалистов, более приближенных к тем условиям, которые были на производстве. УЭМИИТ из узкоспециализированного учебного заведения в области электрификации железных дорог трансформировался в мощный научно-производственный и образовательный кластер Урала с разветвленной сетью филиалов, учебно-консультационных пунктов и со своей собственной социокультурной инфраструктурой.

Инженеры и ученые УЭМИИТа смогли решить труднейшие задачи модернизации железнодорожного транспорта Урала: они повысили пропускные способности железных дорог региона, обеспечили высокую надежность и качество энергоснабжения перегруженных перевозками железных дорог, своими научными разработками и изобретениями доказали возможность эксплуатации устройств автоматики в самых тяжелых природно-климатических условиях севера, участвовали в развитии железнодорожной сети Урала и Сибири.

Библиографический список

1. Ефимов А.В. Высшая школа – дороге // Железнодорожный транспорт. – 2003. – № 9. С. 119–121.

2. Дорога – это жизнь. 50 лет Уральскому государственному университету путей сообщения: Исторический очерк. 1956–2006 гг. / Под общ. ред. проф. А.В. Ефимова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
3. Уральская государственная академия путей сообщения / Под общ. ред. проф. М.Т. Крючкова и проф. Ю.Н. Тундыкова. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. – 256 с.
4. Архив УрГУПС. Отчеты о работе Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта за 1972–1991 гг.
5. Пермяков А.В. Экономические аспекты истории дороги // Железнодорожный транспорт. – 2003. – № 9. – С. 108–109.
6. Архив УрГУПС. Отчет о работе Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта за 1972–1973 учебный год. Л. 12; Отчет института за 1991/1992 учебный год. Екатеринбург, 1992. Л. 3.
7. Архив УрГУПС. Отчет о деятельности Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта за 1982/1983 учебный год. Свердловск, 1982. Л. 144, 148.
8. Архив УрГУПС. Отчет о деятельности Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта за 1984/1985 учебный год. Свердловск, 1985. Л. 99.
9. Дело его жизни. К юбилею А.В. Ефимова / авт.-сост. Е.Г. Красулина. – Екатеринбург: УрГУПС, 2020. – 355 с.

УДК 069

Е.В. Лукьянова*

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ (МАРИ) – ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ключевые слова. *Художник, образование, музей, экспонаты, лагерь.*

Аннотация. *В статье освещается деятельность горномарийского художника А.В. Григорьева в плане образования музея в провинциальном городе Поволжья. Его живое участие в революционной деятельности и поднятии уровня образования среди*

* Лукьянова Елена Викторовна, старший научный сотрудник отдела истории, культуры и искусства, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (Козьмодемьянск Россия); e-mail: len.luckyanova2015@yandex.ru.

** Lukyanova Elena Viktorovna, Senior Researcher at the Department of History, Culture and Art, Kozmodemyansky Cultural and Historical Museum Complex (Kozmodemyansk, Russia); e-mail: len.luckyanova2015@yandex.ru.

земляков внесло существенный вклад в утверждение нового строя на родине. Неутомимая работа по комплектованию фондов музея с последующим вовлечением его в ликвидацию безграмотности населения дала далеко идущие перспективы. Дальнейшее развитие музейного дела было продолжено, судьбу художника ждало политическое заключение.

E.V. Lukyanova**

**ALEXANDER VLADIMIROVICH GRIGORIEV (MARI)
IS A PROVINCIAL ARTIST IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN STATEHOOD**

Keyword: *Artist, education, Museum, exhibits, camp.*

Abstract. *The article highlights the activities of the mining artist A.V. Grigoriev in terms of the formation of a museum in a provincial town of the Volga region. His active participation in revolutionary activities and raising the level of education among fellow countrymen made a significant contribution to the establishment of a new system in the homeland. The tireless work on the acquisition of the museum's funds with its subsequent involvement in the elimination of illiteracy of the population has given far-reaching prospects. Further development of the museum business was continued, the fate of the artist was waiting for a political conclusion.*

В 2022 году исполнился 131 год со дня рождения Александра Владимировича Григорьева – основателя Козьмодемьянского музея. Родился он в семье сельских учителей, в деревне Атюлово Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Горномарийский район Республики Марий Эл). Окончил Казанскую учительскую семинарию, затем здесь же художественную школу. В 1915 году продолжил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Для обучения требовались деньги, поэтому Григорьев вел педагогическую деятельность, занимался репетиторством. Учеба закончилась в 1917 году, тогда же молодой художник активно влился в революционную деятельность.

В феврале 1917 года А.В. Григорьев вместе с московскими рабочими участвовал в захвате Городской думы. А в бурные дни революции, по декрету, подписанному В.И. Лениным, вместе с В.М. Свердловым (братом Я.М. Свердлова) был назначен членом Главного комитета Земского союза, просуществовавшего до 1918 года [1. с.40].

Еще во время учебы А. Григорьев, участвуя в спорах о будущем, вынашивал мысль о широком эстетическом воспитании подрастающего поколения, о распространении знаний в гуще народа (и не только русского), о сохранении и приумножении народных художественных традиций. С утверждением новой власти, провозгласившей политику в интересах широких народных масс, эти мечтания обрели реальность, могли воплощаться в жизнь. Встретившись с бывшими своими учителями из Казани П.А. Радимовым и Г.А. Медведевым, А.В. Григорьев вместе с ними вырабатывает интересный проект народного художественного образования, который авторы предлагали провести в жизнь в Казанской губернии, среди чувашского и марийского населения [2. с. 9–10]. В докладной записке было сказано следующее «...Для развития художественного вкуса и поднятия интереса к делу в глубоких народных массах должны быть организованы подвижные музеи художественных произведений и образцов прикладного искусства в сопровождении мастеров – инструкторов, которые должны объяснять и демонстрировать производства на месте...» [2. с. 9–10].

Осенью 1918 года А.В. Григорьев возвращается на родину, устраивается в село Еласы, что недалеко от его родной деревни, преподавателем русского языка, истории и рисования и посвящает себя поднятию образования, культуры родного народа. В Еласах он встретился с художником и поэтом П.А. Радимовым, который привез в Козьмодемьянск передвижную выставку из Казани, ставшей началом картинной галереи в провинциальном городке.

В 1918 году художники Казани комплектовали передвижную бесплатную выставку, называли ее Волжско-Камской. В нее вошли около 40 картин казанских художников и картины из частных собраний жителей Казани. Среди живописных произведений были работы Карла Брюллова, Ивана Айвазовского, Эжена Фромантена, русских передвижников и современных художников казанской школы – Николая Фешина, Василия Тимофеева, Григория Медведева, Павла Радимова. Идея выставки являлась очень замечательной – приблизить искусство к народу. Сопровождал её Павел Радимов. Художник смог показать выставку лишь в Козьмодемьянске, дальше ехать было опасно из-за Гражданской войны. Вдобавок ее фронтом и Казань оказалась отрезанной: её захватили белые. Возвращаться было некуда, Радимов остался в Козьмодемьянске,

встретился с Григорьевым в Еласах, где они организовали воскресную студию рисунка.

Как только фронт Гражданской войны отступил далее на восток, П. Радимов вернулся в Казань, картины же остались в Козьмодемьянске. А. Григорьев учительствовал недолго. В то бурное, кипучее время везде нужны были работники инициативные, преданные общественному делу, каким он и являлся. Летом 1919 года Григорьев ставится заведующим внешкольным подотделом [2. с. 14].

Мысль организации музея давно зрела среди козьмодемьянской интеллигенции: нужно было приступить к ее организации. Григорьев и местный учитель-краевед С.В. Бочкарев начали собирать экспонаты для музея и ходатайствовали перед городскими властями о выделении специального здания для их размещения. Музей получил второй этаж в национализированном доме купца Торсуева [1. с.14].

Открытие музея состоялось 7 сентября 1919 года. Директором его стал Бочкарев, затем эту работу выполняла жена А.В. Григорьева – Евгения Григорьевна. В основу экспозиций лег местный краеведческий материал: библиотека и наглядные пособия физического и других учебных кабинетов Педагогических курсов, поток добровольных пожертвований. Пополнение археологических фондов шло следующим образом: крестьяне, находя на своих участках невиданные кости невиданных зверей, доставляли всё это в город на своих подводах. От населения в музей попадали монеты и ассигнации, гербарии и документы. Поначалу в музее был лишь педагогический отдел, позднее открываются художественный и историко-археологический.

А.В. Григорьев едет в Казань к друзьям-одноклассникам: кто-то дарит ему картины, кто-то их продает. Он общается с известным знатоком искусства, коллекционером А.Ф. Мантелем и приобретает у него живописные и графические работы, в том числе картины Жуковского, Колесникова, Шильдера, Кокорева и рисунки Лукомского, Лансере, Митрохина, Нарбута и Имберс-Билибиной [2. с.22].

Вот некоторые выдержки из документов: «28.01.1921 г. Куплено чучело совы за 10 000 рублей», «Чучела ежа за 10 000 рублей, зайца за 20 000 рублей, голова лося – за 50 000 рублей», «С 6 июня по 22 июля 1920 г. потрачено на закупку картин 760 000 рублей» [3. с.6].

Создание музея было делом новым, никто не представлял, как и что делать. Трудности встречались на каждом шагу: нехватка

витрин, мебели, материалов и самое главное – рабочих рук. Приходилось своими руками создавать хоть что-нибудь временное, лишь бы придать гармонию в расположение коллекций.

Кроме творческой работы нужно было решать и повседневные проблемы. Заведующий музеем С.В. Бочкарев снова и снова обращается к городским властям: «Прошу принять меры к снабжению помещения дровами по возможности в пиленом виде, по расчету на 6 печей, во избежание порчи картин...» «Прошу обратиться ... с требованием о начале производства ремонтных работ в помещении музея по смете... Вместе с тем прошу также распоряжений о производстве работ по проводке электрического тока в музее от Народного дома».

Трудов, конечно, положено немало, и заведующий считает необходимым обратиться во внешкольный отдел с просьбой о вознаграждении сотрудников «за их напряженную организационную работу с 25 июля по 7 сентября, на которую уходило не по 6, а по 9 часов ежедневно. Причем за отсутствием рабочих приходилось не только служителю Пузырникову, но и зав. музеем и его помощнице Сидоровой принимать участие в подъеме, переноске и установке тяжелой мебели и пособий».

В ноябре месяца было принято решение оборудовать траурную комнату, где в январе месяца прощались с С.В. Бочкаревым – первым заведующим первого музея в Марийском крае.

Посещение музея в те годы было бесплатным, а сам музей был образовательным учреждением. После открытия всего за три месяца его посетило 3269 человек, в среднем 44 человека в день. К 1 декабря 1919 года музей имел 1400 экспонатов и 3000 томов книг [3. с.3].

К 1920 году коллекционная работа Григорьева увенчалась первой Козьмодемьянской выставкой картин, этюдов, эскизов, рисунков и прочего, приуроченной к 3-й годовщине социалистической революции. Тогда же деятельность Григорьева была высоко оценена. Постановлением исполкома Козьмодемьянского уездного совета от 4 ноября 1920 года музею присвоено его имя [2. с.22].

Следующим заведующим музея стал Сергей Федорович Пузырников, мариец из деревни Четнаево Горномарийского района. А.В. Григорьев так вспоминал историю его появления в музее: «В сентябре 1919 года открывался музей, перевозили вещи в отведенное здание. Со стороны за работой наблюдал молодой человек,

не решаясь подойти. Рабочие уже хотели поинтересоваться, что он тут высматривает, не вор ли? Парнишка собрал всё мужество и подошел сам: «Можно помогать вам? Я слышал, что здесь открываются музеи. Если есть возможность, я готов в нем работать, даже за мизерную плату. Хочется уйти из ресторана, где я работаю официантом – не хочу прислуживать». Вот так Сергей Федорович оказался в музее в должности сторожа. В 1920-м году он уже числится ответственным хранителем, а окончив курсы директоров, с середины 1921 года возглавлял музей в течение 17 лет. Пузырников организовывал экспедиции по сбору церковных ценностей, археологических и палеонтологических находок по району. Во время его руководства музей перебирался в Смоленский собор, где были проведены огромные ремонтные работы, оформлялись экспозиции [3. с.15].

Страшные 1930-е годы не пощадили ни С.Ф. Пузырникова, ни А.В. Григорьева. Оба были репрессированы, Пузырников был расстрелян, Григорьев сослан в Карагандинский лагерь [4. с.101].

Таким образом, годы Великой русской революции и гражданской войны не прошли бесследно в провинциальном Козьмодемьянске, здесь желание переустроить мир вылилось в создании музея, первого на территории Марийского края. Передовая местная интеллигенция нашла своего проводника в сферу искусства и культуры в лице А.В. Григорьева, сумевшего в непростое время собрать и сосредоточить в провинции творчество художников старого и нового времени.

Библиографический список

1. Кудрявцев В.Г. А.В. Григорьев – художник, педагог и общественный деятель // А.В. Григорьев. (1891–1961 г.) Сборник статей: сост. Л.А. Кувшинская. – Йошкар-Ола, 1991.
2. Сануков К.Н. Судьба художника. Изд. 2-е, доп. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2011. – 160 с.
3. 95 лет художественно-историческому музею. Юбилейный музейный выпуск. Козьмодемьянск, 2014.
4. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Том 2 – Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1997.

УДК 908+94(47)

Н.В. Матвеева*

**КАЧКАНАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОКРУГ
КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ключевые слова. Качканар, индустриальное развитие страны, Всесоюзная ударная комсомольская стройка, промышленность, туристический маршрут, горно-обогатительный комбинат.

Аннотация. Автор поднимает проблему сохранения памятников индустриального наследия страны, сосредоточенных на территории Качканарского городского округа, являющего собой яркий образец промышленного развития второй половины XX века. Раскрывается роль городского музея в определении стратегии работы в данном направлении, создании полноценного туристического маршрута, позволяющего на примере малого города раскрыть основные этапы истории региона и государства в целом.

N.V. Matveeva**

**KACHKANAR URBAN DISTRICT AS THE OBJECT
OF STUDY AND PRESERVATION OF THE HISTORY
OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF SVERDLOVSK REGION**

Keywords. Kachkanar, industrial development of the country, All-Union Komsomol shock construction site, industry, tourist route, ore mining and processing enterprise.

Abstract. The author raises the issue of preserving country's industrial heritage monuments concentrated on the territory of Kachkanar urban district which is a vivid example of the industry development of the second half of the 20 century. Reveals the role of the town museum in defining work strategies in this direction, creating fully fledged route which allows to reveal the main stages of the history of the region and the state at large.

* **Матвеева Наталья Владимировна**, кандидат исторических наук, заведующий музеем, Качканарский историко-краеведческий музей (Качканар, Россия); e-mail: gor.muzey@mail.ru.

** **Matveeva Natalya Vladimirovna**, Candidate of Historical Sciences, The Head of the Museum, Kachkanar Museum of Local History (Kachkanar, Russia); e-mail: gor.muzey@mail.ru.

Историко-культурное наследие Свердловской области отличается многообразием и богатством. Большой популярностью среди населения области и других регионов нашей страны пользуются культурные объекты и территории, связанные с деятельностью В.Н. Татищева, династии Демидовых, семьей императора Николая II. Набирает обороты такое направление как промышленный туризм. По-своему уникальным и пока недооценённым памятником индустриального развития страны и региона в XX веке является территория Качканарского городского округа.

Судьба Качканара, как и судьбы Комсомольска-на-Амуре, Магнитогорска, Братска неразрывно связана с периодом небывалого трудового энтузиазма 1930–1950-х гг. В Свердловской области – это один из двух населенных пунктов, построенных в рамках Всесоюзных ударных комсомольскихстроек, когда тысячи молодых людей со всей страны возводили среди необжитой тайги город и горно-обогатительный комбинат.

Свое название город получил от горы, рядом с которой расположился. Качканар – одна из самых высоких вершин Среднего Урала на территории Свердловской области, расположена вблизи географической границы Европа–Азия и имеет относительную высоту около 600 метров. Первые описания горы Качканар были сделаны в 1770 году академиком П.С. Палласом в книге «Путешествие по разным провинциям Российского государства». В оригинале гора названа Кушанар, в переводе указано название Кесканар [1, с. 14].

Весь горный массив содержит железнорудное месторождение. Качканарская руда – титаномагнетит, результат сочетания двух минералов – магнетита и ильменита – титанистого железняка [6, с. 233]. Однако, качканарские руды из-за низкого содержания (16–17%) железа мало интересовали промышленность, в связи с чем детальная разведка месторождения долгое время не проводилась. Наибольший вклад в геологическое изучение района внесли Э. Гофман, А.П. Карпинский, А.А. Краснопольский, Е.Н. Барбот де Марни, Н.К. Высоцкий [2, с. 16].

Начало планомерных исследований рудных залежей в районе горы Качканар приходится на начало 1930-х гг., когда под руководством И.И. Малышева, П.Г. Пантелеева и А.В. Пэка начались разведочные работы [2, с. 15].

В годы Великой Отечественной войны рудная база Урала значительно истощилась. Вот тогда и вспомнили о Качканаре. В 1946–1953 гг. выполнена детальная разведка месторождений Качканарской группы. 6 июня 1950 г. было принято постановление Совета Министров СССР «По ускорению промышленного освоения качканарских титаномагнетитовых месторождений».

На момент проектирования комбината в отечественной и мировой практике не было precedентов разработки месторождений с таким низким содержанием железа. Главная металлургическая ценность качканарской руды определялась наличием в ней ванадия (0,13 %), что делало ее природнолегированной. Таким образом, экономическая эффективность была достигнута за счёт комплексного использования руды (извлечение железа и ванадия) и эффективной схемы ее транспортировки и переработки. Также рентабельность обеспечивалась хорошей обогатимостью руды, минимальным содержанием вредных примесей (серы и фосфора), низким коэффициентом вскрыши. В пользу разработки месторождения сыграла близость к металлургическому комбинату – НТМК [2, с. 15].

25 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС были приняты директивы 6-й пятилетки, в которых содержалось предписание «обеспечить освоение новых железорудных месторождений, ввести в действие Качканарский горно-обогатительный комбинат на Урале». 14 сентября 1956 года приказом Министра чёрной металлургии СССР была организована дирекция строящегося комбината, в 1957 году создан трест «Качканаррудстрой», строительство комбината было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. 27 мая 1957 г. начался штурм тайги. Партия рабочих в 150 человек прорубала дорогу от поселка Валериановского к горе Долгой, расчищая площадь для плотины на реке Выя. В июне 1957 г. вырос палаточный городок. В будущем поселке вырубались просеки для первых улиц [1, с. 8].

Основу рабочих кадров, безусловно, составила молодежь близлежащих поселков и деревень. Приезжали выпускники техникумов, училищ, институтов. Навсегда в памяти города останутся моряки-балтийцы, прибывшие на строительство в 1960 году.

Уже в первый год стройки, несмотря на отсутствие в полном объеме финансирования, наряду со строительством комбината рабочими треста началось возведение объектов социально-культурной

сферы: клуба, столовой, детского сада. Была организована музыкальная школа, вечерний техникум, а через год и филиал института.

О том, как самоотверженно трудились строители, говорит тот факт, что уже по итогам второго года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым группа качканарцев была отмечена высокими государственными наградами.

А между тем строительство шло в тяжелейших условиях. Воду в Качканар доставляли бензовозами с реки Выи, люди стояли за ней в очередь. Хлеб привозили из Нижней Туры и поселка Ис. Но молодые юноши и девушки сделали все, чтобы строительство города и комбината шло без срывов. Приведем лишь небольшую хронику главных событий [5, с. 16].

В ноябре 1958 г. на станцию Качканар прибыл первый паровоз, грузы для строящегося комбината стали доставляться прямо до города. Поднимались корпуса дробильной и обогащательной фабрики, обустроивался Главный карьер, железнодорожная ветка Азиатская – Качканар пропустила первые составы со строительной техникой и материалами. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР №20 Качканар был объявлен рабочим поселком.

8 июня 1963 г. был получен первый концентрат. 30 сентября 1963 г. первая очередь ГОКа была пущена в строй.

В короткие сроки была построена аглофабрика. 28 декабря 1964 г. получен первый агломерат.

В конце 1966 года была сдана в эксплуатацию вторая очередь комбината на 16,5 млн. тонн сырой руды в год.

9 октября 1968 г. вышел Указ президиума Верховного Совета РСФСР о преобразовании рабочего поселка Качканар в город областного подчинения. [1, с. 63]

25 октября 1968 г. Указом президиума Верховного Совета СССР Качканарская городская комсомольская организация награждена орденом Трудового Красного Знамени. Среди уральских комсомольских организаций это было второй случай вручения столь высокой награды после комсомола Магнитки. [1, с. 69]

К концу 1973 г. комбинат вышел на проектную мощность – 33 млн тонн руды в год. Несмотря на относительно низкое содержание железа в руде, рентабельность комбината в 1975 г. превысила среднеотраслевую, а вложенные в строительство комбината средства полностью окупились в 1982 году. В 1970-х гг. комбинат

был крупнейшим в СССР по объемам переработки руды [2, с. 77]. Проектировщики предприятия учли и эстетический момент. Монументальные корпуса фабрик и карьеров, составляющие панораму комбината, по праву, могут считаться лучшими образцами промышленной архитектуры.

Наряду с горно-обогатительным комбинатом в городе действовали и другие крупные производственные предприятия, среди которых трест «Качканаррудстрой», Качканарский завод по ремонту горного оборудования, завод железобетонных изделий треста «Стройдеталь-70», завод железобетонных изделий «Запсибнефестрой».

В августе 1976 г. в Качканаре был открыт филиал Свердловского завода «Электроавтоматика», который в 1978 г. был преобразован в Качканарский радиозавод. Наряду с продукцией военно-промышленного комплекса на предприятии был налажен выпуск музыкальных инструментов, бытовой техники, поставка которых осуществлялась во все республики СССР. [4, с. 6]

Каждое из перечисленных выше предприятий внесло огромный вклад в строительство объектов социальной инфраструктуры города. Качканар стал школой передовых методов труда в строительстве и по праву считался одним из самых благоустроенных, современных и комфортабельных среди малых городов Свердловской области. Архитекторы-проектировщики сумели создать неповторимый колорит города, связав его панораму с первой достопримечательностью – горой Качканар. В результате все городские объекты как бы спускаются с вершины к глади «Качканарского моря» и к основанию горы. [6, с. 231]

Приведенные выше факты развития Качканарского городского округа, историко-культурного и индустриального наследия, которым он обладает, показывают, что на данной территории имеется уникальное сочетание природных, исторических и архитектурных объектов, которые заслуживают внимания со стороны различных категорий населения.

Однако весь этот богатый потенциал в полной мере до сих пор не используется. Наряду с относительной отдаленностью и закрытостью территории, одной из проблем было отсутствие в городском музее полноценной экспозиции, посвященной истории города. Благодаря взаимодействию с градообразующим предприятием,

администрацией города эту задачу удалось в большей части решить. В настоящее время граждане Качканарского городского округа и гости могут увидеть современную экспозицию, где сконцентрированы материалы о всех предприятиях и сферах жизни, истории развития этой местности. Второй задачей, которую необходимо планомерно решать, является информатизация музея, углубление и расширение экспозиционного пространства за счет использования интерактивного оборудования, которое позволит сохранить богатую документальную базу, более полно и качественно представить историческое наследие, а, значит, привлечет в музей представителей разных возрастных и социальных категорий и, прежде всего, молодежь. В свою очередь, решение данной проблемы неизбежно наталкивается на вопрос финансирования таких проектов. Выход из этой ситуации – привлечение различных инвесторов, участие в грантовых конкурсах и программах как государственных, так и частных. Также необходимо наладить эффективное взаимодействие с предприятиями города, музейно-выставочным центром ЕВРАЗ КГОК, выработать и запустить полноценный городской маршрут, на каждом этапе которого граждане и гости города могли получить полноценную информацию и качественное обслуживание. Сохранению и распространению исторического прошлого также будет способствовать превращение музея в социокультурный центр города, где реализуются выставочные, образовательные и иные культурные проекты, привлекающие значительную часть населения и способствующие расширению взаимодействия с другими учреждениями культуры города и региона. В свою очередь повышению привлекательности Качканарского городского округа должно способствовать создание продуманного индустриального уральского маршрута по малым городам Свердловской области или включение Качканара в уже существующие.

Библиографический список

1. Качканар. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 500 с.
2. Мельникова Н.В., Трифонов А.Н. Качканарский горно-обогаительный комбинат «Ванадий». Рубежи созидания. – Екатеринбург: «Рекламно-издательская группа «ПостМодерн», 2003. – 216 с.
3. Мой Качканар: Сб. статей. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1963. – 147 с.

4. Качканарский радиозавод «Форманта». – Екатеринбург: Издательство «Раритет», 2020. – 239 с.
5. Селянин Ф.Т. Сердце на скале. – Свердловск: Средне-Уральск. кн. изд-во, 1988. – 151 с.
6. Где ударил посох: культурно-исторические очерки. – Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2005. – 408 с.

УДК 94(62)62-05

И.Н. Танкиевская*

**КОНСТРУКТОРСКО-МОНТАЖНОЕ БЮРО
ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЗАВОДА
В ВЕРХНЕЙ САЛДЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Ключевые слова. *Эвакуированные предприятия на Урале, Ленинградский металлический завод, проектирование турбин.*

Аннотация. *В статье рассматривается деятельность эвакуированного в годы Великой Отечественной войны в город Верхняя Салда конструкторского бюро Ленинградского металлического завода. Выявлен его вклад в увеличение мощности электростанций Урала и страны. Приводятся фамилии выдающихся конструкторов, работавших в годы войны в этом городе.*

I.N. Tankievskaya**

**DESIGN AND ASSEMBLY BUREAU OF THE LENINGRAD
METAL PLANT IN VERHNYA SALDA DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Keywords. *Leningradsky metal plant, evacuated enterprises in the Urals, turbine design.*

Abstract. *The article examines the activities of the Leningrad Metal Plant design Bureau evacuated to Verkhnyaya Salda during the Great Patriotic War. His contribution to increasing the capacity*

* **Танкиевская Ирина Николаевна**, научный сотрудник, Верхнесалдинский краеведческий музей (Верхняя Салда, Россия); e-mail: tankiievskai@mail.ru.

** **Tankievskaya Irina Nikolaevna**, Researcher of the Verkhnyaya Salda Museum of Local History (Verkhnyaya Salda, Ekaterinburg); e-mail: tankiievskai@mail.ru.

of power plants in the Urals and the country. The names of outstanding designers who worked in this city during the war are given.

Энерговооружение страны, особенно в условиях военного времени, составляло основу поддержания обороноспособности государства. Ленинградский металлический завод (ЛМЗ), основанный в 1857 году, начал выпускать первые турбины в 1907 году. После революции он был одним из лидеров советской промышленности, занимая монопольное положение в области проектирования и производства паровых и гидравлических турбин для электростанций. Уже в самом начале войны возникла необходимость сохранения конструкторского бюро и перебазирования его вглубь страны с целью использования квалифицированных кадров по демонтажу и вывозу электростанций из зон, находившихся под угрозой вражеской оккупации, вводу в эксплуатацию новых мощностей и осуществления плановых ревизий и ремонтов действующих станций.

11 июля 1941 года ГКО принял решение об эвакуации конструкторского бюро ЛМЗ, технических архивов и уникального оборудования, предназначенного для производства турбин из Ленинграда в город Верхняя Салда Свердловской области на площадку завода «Стальконструкция».

С 17 по 25 июля было сформировано 4 эшелона из 211 вагонов для вывоза частично оборудования ЛМЗ. С этим железнодорожным составом эвакуировалось 256 инженеров с семьями [1]. В конце лета 1941 года в Верхнюю Салду прибыл эшелон с эвакуированными из Ленинграда сотрудниками завода и частью его оборудования

В этой сложной обстановке начала войны, случались ошибки, накладки в распоряжениях высшего руководства. В это же время 12 июля ГКО принимает Постановление «О создании заводо-дублеров по деформированным полуфабрикатам и фасонному литью из легких и ультралегких сплавов», которое предполагалось разместить на площадке завода «Стальконструкция», которому присваивался № 491.

Когда в Верхнюю Салду прибыло руководство завода № 491, директор завода «Стальмост» Василий Павлович Пшеничный отказал им, сказав: «Вы только еще в пути, а ленинградцы и донецкие товарищи уже здесь. Оборудование их разгружается, все железнодорожные пути забиты» [2, с. 60].

Вопрос этой напряженной ситуации разрешился в Москве, в аппарате ГКО через две недели. В Верхней Салде осталась только часть ЛМЗ – конструкторы, архив, монтеры и часть эвакуированного оборудования. Эта организация стала называться Конструкторско-монтажное бюро (КМБ). Конструкторы и монтажники жили в Верхней Салде с 1941 по 1944 гг. КМБ располагалось в здании заводоуправления бывшего завода «Стальмост», а конструкторы и их семьи были размещены в квартирах и домах местных жителей [3].

В городе Верхняя Салда на 1 января 1941 года проживало 18 430 человек, а на 1 января 1944 числилось 32 189 человека. Жилья не хватало. Большинство специалистов КМБ поселили в освободившиеся квартиры уехавших работников «Стальмоста», которые вместе с заводом переехали в Челябинск. Старая часть города была деревянной и практически в каждом доме проживали эвакуированные. Кроме этого в городе имелось 68 бараков, оставшихся от завода «Стальмост» и во время войны было построено 48 деревянных двухэтажных домов.

Верхняя Салда приняла не только весь достаточно большой штат конструкторского бюро с их семьями, но и два крупных завода, которые остались в городе и затем объединились в 1957 году, создав в дальнейшем крупнейшее титановое производство.

О достижениях КМБ неоднократно писалось в городской газете «Металлист», выходившей в Верхней Салде с 1942 года. Начальник КМБ Исаак Михайлович Шамраевский (1898–1961) также с 1941 по 1944 гг. находился в Верхней Салде. Руководил разработкой котла большой мощности высокого давления [4].

Главный конструктор – профессор Марк Иосифович Гринберг (1896–1957) прилетел в Верхнюю Салду только в декабре. Он и его семья поселились в доме специалистов – по тому времени очень современном, построенном по зарубежному проекту в 1934 году [5].

В составе КМБ было несколько отделов: котельное бюро, бюро паровых турбин, бюро водяных турбин, бюро насосов, монтажное бюро, бюро регулирования, отдел расчетов, сварочная лаборатория. Более двухсот специалистов и их семей проживали в Верхней Салде, но одновременно находилось не менее ста человек – остальные были в разъездах по всей стране.

Крупнейшей проблемой первого периода военной экономики на Урале была диспропорция между резко возросшим уровнем производства и недостаточной базой энергоснабжения.

Военная промышленность Урала разворачивалась невиданными темпами. Такой лавинообразный рост промышленности увеличил нагрузку на энергетику, существующие на Урале электростанции работали с огромным перегрузом. В первую военную зиму на СУГРЕСе случилась беда: у турбины № 2 мощностью 50 МВт сломался конец вала ротора турбины. Потеря такой мощности оставляла без электроэнергии производство нескольких городов. Правительство разрешило взять ротор подобной установки, приготовленной к монтажу для строящейся Богословской ТЭЦ. Ротор был доставлен менее чем за сутки. На ремонт турбины в СУГРЭСе по жестким нормам военного времени было дано 144 часа, но монтажный мастер, коммунист Лука Федорович Козак взял на себя обязательство закончить ремонт за 120 часов. Трое суток подряд гвардеец труда провел в машинном зале, руководя ремонтом, а он же свое обязательство перевыполнил и закончил ремонт за трое суток. Через 84 часа круглосуточной работы турбогенератор был включен в сеть под нагрузку.

Специалисты КМБ смонтировали турбоагрегат № 4 с Кураховской ГРЭС, котел № 6 эвакуированного с Сталиногорской ГРЭС и увеличили мощность СУГРЭСа.

Самая мощная в Европе быстроходная паровая турбина мощностью 100 МВт была изготовлена ЛМЗ перед войной. Она предназначалась для Сталиногорской ГРЭС. В период осеннего наступления 1941 года немцев под Москвой, турбину эвакуировали на Урал. После освобождения этого района в 1942 году, электростанцию стали восстанавливать, но по решению правительства мощную турбину оставили на Урале и установили на Челябинской ТЭЦ.

В 1942 году дефицит электроэнергии на Урале достиг катастрофических размеров. Перед конструкторами и монтажниками КМБ была поставлена задача разработать проекты увеличения мощности уральских электростанций, снабжающих энергией оборонные заводы и другие промышленные предприятия Урала. Одной из мер по разрешению этой проблемы явилось создание на Уральском турбинном заводе производственной базы для изготовления запасных частей для ремонта турбин на электростанциях. В годы войны

главный инженер КМБ Марк Иосифович Гринберг был одним из главных организаторов на Свердловском турбинном заводе производства запчастей для всего турбинного парка СССР.

Уральский турбинный завод, основанный в 1938 году, по плану должен был производить судовые турбины. В период Великой Отечественной войны большая часть площадей завода УТЗ была занята заводом № 76, выпускавшим моторы для боевых машин, а завод занимал только 25 % существующих производственных площадей. Новый турбинный завод, образованный в конце 1941 – январе 1942 года, начал со строительства новых цехов, создания структуры завода. Обком партии в постановлении от 20 июля 1942 года «О строительстве и пуске оборудования на Свердловском турбинном заводе» указал, что ход строительства ведется неудовлетворительно» [6]. В сложной обстановке военного времени, постановление ГКО исполнялось неудовлетворительно и только в 1943 году был сдан блок механических цехов, с запозданием на год. И только к концу войны на заводе создали законченный цикл производства от заготовительных до выпускающих цехов.

В 1942 году на заводе был начат выпуск судовых турбин по чертежам Ижорского завода и чертежам Кировского завода. И только к концу войны на заводе создается свой конструкторский отдел.

Всего предприятие в годы войны изготовило 69 судовых турбин. В декабре 1944 года была собрана паровая теплофикационная турбина АТ-25-2 на основе чертежей КМБ, что и определило специализацию завода по выпуску и модернизации теплофикационных турбин в дальнейшем. Инженеры и конструкторы КМБ, побывав на ряде заводов и гидростанциях Урала, осмотрев их состояние, в 1942 году наметили план мероприятий по расширению и повышению мощности и экономичности отдельных гидроэлектростанций [7].

Мастера и инженеры КМБ показывали образцы самоотверженной работы по скоростной сборке мощных турбин (инженеры Белявский и Шилин, мастер Пустошило). За высококачественный монтаж двух турбин на Новотагильском металлургическом заводе инженер Николай Васильевич Шилин был награжден орденом «Знак почета» [8]. Прodelав большую подготовительную работу в 1942 году, КМБ в 1943 году работало с опережением графика, выполняя и перевыполняя планы.

Конструкторы дали обещание увеличить в 1943 г. мощность уральских электростанций, снабжающих энергией оборонные заводы и другие промышленные предприятия Урала. Программа 1-го квартала 1943 года была выполнена досрочно к 26 марта. За один квартал было введено в эксплуатацию 5 паровых турбин, смонтировано еще 3 турбины, были выполнены несколько проектов по повышению мощности и экономичности малых гидротурбин на разных заводских станциях Союза. Программу второго квартала так же выполнили досрочно. К 1 мая сдали в эксплуатацию мощную турбину, смонтировали теплофикационную турбину, подготовили техническую документацию для обеспечения пуска мощного котлоагрегата [9].

Благодаря усилиям КМБ «некоторые уральские заводы обогатились мощнейшими турбинами, спроектированными скоростными методами» – так хвалились конструкторы на страницах газеты «Металлист» [10].

Учитывая хорошие результаты работы коллектива КМБ, ввод в строй ряда агрегатов на важнейших объектах, создание новых типов машин для производства, выполнение производственной программы на 1 полугодие – Наркомат тяжелого машиностроения СССР наградил значком «Отличника социалистического соревнования НКТМ» 11 лучших стахановцев и руководителей бюро, среди них: Шамраевский, Коваль, Лапшин, Левин, Сабелькис, Гортаков, Казак, Слоущер. Семернин, Климентенко, Федорович, Нефедов и другие. «Аттестатом отличника социалистического соревнования НКТМ» награждены 20 работников КМБ, среди них: Тукка, Савосько, Щеголев, Орлов, Балагуров, Хахин, Сахаров, Борисов, Уткина [11]. Работники КМБ неоднократно премировались денежными премиями.

«В декабре 1943 года на одном из предприятий Советского Союза был закончен монтаж турбины, которая по мощности не имела себе равной в мире. В монтажных работах этой турбины принимают участие выехавшие из Верхней Салды старший инженер Белявский и мастера Стиченко и Рожков», – сообщала газета «Металлист» в конце 1943 г. [12].

За 1943 год коллектив разработал технические проекты новых паровых агрегатов высокого давления, поставивших советскую энергетику на более высокую ступень передовой техники. Разработаны технические проекты пяти быстроходных турбин высокого

давления и мощности. По гидротурбинам созданы технические проекты двух принципиально новых машин и сконструирован типовый регулятор для серийных турбин.

Работники этого коллектива принимали активное участие в восстановлении энергохозяйства освобожденных районов – в Донбассе, на Кавказе, в Сталинграде, Воронеже и в других местах [13].

Для восстановления промышленности Донбасса необходимо было в первую очередь возродить его энергетику. Из разных городов Донбасса в конструкторско-монтажное бюро поступали заявки на изготовление необходимых чертежей, без которых нельзя провести ремонт турбин и электростанций. За короткий сравнительно срок для различных предприятий Донбасса было изготовлено 30 тысяч чертежей [14].

Коллектив Конструкторско-монтажного бюро в годовом рапорте тов. Сталину дал обещание изготовить технический проект новой серии турбин высокого давления. Для энергетики страны это означало переход на более высокую техническую ступень, так как более высокое давление и более высокий нагрев пара давал возможность добиться экономии топлива на 12–14 %. Дружными усилиями коллектива под руководством ведущих инженеров Зильбермана и Хейфеца, конструкторов Яблочкина и Гродского, и других специалистов КМБ был изготовлен технический проект шести типов такого рода турбин с унифицированными деталями. Это не только облегчало заводам строительство турбин, но и способствовало повышению их качеств. Конструкторы рапортовали, что по распоряжению наркомата коллектив КМБ уже приступил к изготовлению рабочих чертежей [15].

Серия турбин высокого давления, разработанная конструкторско-монтажным бюро ЛМЗ в Верхней Салде под руководством главного конструктора М.И. Гринберга, составила основу производства Ленинградского Металлического завода в послевоенный период. Турбина ВК-100 явилась первой в мире быстроходной одновальной турбиной высокого давления. Для турбин этой серии использовалась новая лопатка последней ступени рабочей длиной 665 мм., которая была разработана в Верхней Салде.

В составе Конструкторско-Монтажного бюро в Верхней Салде работал почти весь цвет научной конструкторской мысли, работавший после войны в области паровых турбин и котлов.

Шамраевский Исаак Михайлович (1898–1961) – начальник КМБ, Лауреат Сталинской премии, автор научных статей и справочников в области котлостроения.

Гринберг Марк Иосифович (1896–1957) – главный конструктор КМБ, профессор, доктор технических наук, пауреат двух Сталинских премий и Ленинской премии.

Гордский Олег Георгиевич – лауреат Ленинской премии. Один из создателей проекта серии турбин высокого давления в годы войны в Верхней Салде и уникальной турбины типа СВК-150.

Зильберман Александр Сергеевич (1909–1979) – профессор, советский конструктор паровых турбин. Лауреат Сталинской премии 1948 года за разработку конструкции и технологии производства паровой турбины высокого давления мощностью 100 тыс. кВт при 3000 об/мин.

Бушуев Михаил Николаевич (1899–1976) – Крупнейший специалист в области турбостроения, профессор ВТУЗа. В 1948 году ему присуждена Сталинская премия за создание и разработку технологии производства паровых турбин высокого давления мощностью 100 тыс. кВт. Главный редактор журнала «Энергомашиностроение».

Ковалев Николай Николаевич (1908–2003) – главный конструктор отдела водяных турбин ЛМЗ. Член-корреспондент АН СССР/РАН. Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и двух Сталинских премий.

Бутырин Александр Степанович (1905–1987) – конструктор турбин, лауреат Сталинской (1952) и Ленинской премии (1963).

Левин Арон Вульфович (1892–1959) – лауреат Сталинской и Государственной премий.

Хейфиц Моисей Залманович – лауреат Сталинской премии за создание и разработку технологии паровых турбин высокого давления мощностью 100 тыс. кВт.

Щеголев Глеб Степанович (1915–1983) – выдающийся ученый, крупный специалист в области гидротурбостроения, профессор, доктор технических наук, лауреат Государственных премий (1950, 1967), Герой Социалистического труда.

Вместе с отцом, инженером КМБ, находился в эвакуации в Верхней Салде Федорович Евгений Данилович – в будущем профессор Высшей школы атомной и тепловой энергетики, доктор

технических наук, член Международной энергетической академии, лауреат Премии Российской Федерации (1995).

Именно здесь, на Урале, был положен задел для выпуска серии паровых турбин высокого давления, позволивших поднять экономичность электростанций в послевоенные годы на 12–14 %. Впоследствии машины, созданные на основе этих разработок, прославили ЛМЗ на весь мир.

Таким образом, разработанная в Верхней Салде серия турбин высокого давления, после окончания войны и восстановления народного хозяйства стала основой технического развития электростанций СССР.

Библиографический список

1. Сергеев Н.С. Металлисты. История Ленинградского металлического завода им. XXII съезда КПСС. – Л.: Машиностроение, 1967. – 492с.
2. Постигая суть титана (1933–1956) / авт.-сост.: А.О. Ежов, Е.Г. Ежова. – Верхняя Салда: СВ-96, 2005. – Т. 1. – 216 с.
3. ГААОСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 8.
4. Официальный сайт «Силовых машин» // <https://museum.power-m.ru/plants/tkz/museum/persony/1946-2000/shamraevskii-isaak-mikhailovich/> (дата обращения 21/10/1922).
5. Официальный сайт «Силовых машин» // <http://museum.power-m.ru/plants/lmz/museum/persony/1917-1945/grinberg-mark-iosifovich/> (дата обращения 21/10/1922).
6. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 37. Д. 51. Л. 30–32.
7. Шамраевский И.М. Качественно и в срок // Металлист. – 1943. – 8 февраля.
8. Награждение инженера Шилина // Металлист. – 1943. – 14 мая.
9. Клятву вождю сдержали // Металлист. – 1943. – 16 апреля.
10. Ковалев Н. Повысили мощность установок // Металлист. – 1943. – 1 мая.
11. Передовики конструкторской мысли // Металлист. – 1943. – 1 октября.
12. Самая мощная турбина в мире // Металлист. – 1943. – 18 декабря.
13. Выполнили досрочно годовую программу // Металлист. – 1943. – 18 декабря.
14. Помощь освобожденному Донбассу // Металлист. – 1943. – 11 декабря.
15. Усиливаем энергетическую мощь страны // Металлист. – 1943. – 11 декабря.

УДК 94(62)62-05

В.В. Филатов*

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ В МАГНИТОГОРСКОМ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1970-Е ГОДЫ

Ключевые слова. *Строительные отряды, Магнитогорский горно-металлургический институт, студенты, трудовой семестр.*

Аннотация. *В статье проанализирована деятельность студенческих строительных отрядов Магнитогорского горно-металлургического института в 1970-е годы: формирование, обучение, места и условия работы, быт. Выявлено, что студенты внесли существенный вклад в строительстве объектов сельского хозяйства, в институте и в других сферах, в организации культурно-массовой и спортивной работы среди населения.*

V.V. Filatov**

THE EXPERIENCE OF ORGANIZING STUDENT CONSTRUCTION TEAMS AT THE MAGNITOGORSK MINING AND METALLURGICAL INSTITUTE IN THE 1970s

Keywords. *Construction teams, Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute, students, labor semester.*

Abstract. *The article analyzes the activities of student construction teams of the Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute in the 1970s: formation, training, places and working conditions, life. It is revealed that students have made a significant contribution to the construction of agricultural facilities, at the Institute and in other areas, in the organization of cultural and sports work among the population.*

* **Филатов Владимир Викторович**, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия); e-mail: v.philatov@mail.ru.

** **Filatov Vladimir Viktorovich**, Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk state technical University (Magnitogorsk, Russia); e-mail: v.philatov@mail.ru.

Созданные в 1960-е гг. первые студенческие строительные отряды показали свою значимость в трудовом воспитании студентов. В настоящее время вновь возрождается стройотрядовское движение. Поэтому весьма актуально исследовать положительные и отрицательные стороны организации и деятельности строительных отрядов, действовавших в период их становления и развития в 1970-е гг. в одном из ведущих технических вузов Уральского региона – Магнитогорском горно-металлургическом институте (МГМИ). Опыт работы студентов во время так называемого трудового семестра бесценен, поскольку воспитание современной молодежи на традициях старшего поколения назревшая необходимость. Архивные источники, впервые вводимые в научный оборот, периодическая печать и воспоминания современников позволили воспроизвести элементы трудового воспитания студентов того времени.

Исследование работы студенческих отрядов проводится историками различных регионов страны [1; 2; 3; 4]. Ученые освещают организационные стороны деятельности отрядов, их вклад в экономику. Менее подвержены изучению проблемы отдельных вузов в этом направлении. Цель данной статьи раскрыть опыт функционирования студенческих строительных отрядов МГМИ.

Официально студенческие строительные отряды (ССО) руководство страны признало в 1963 г., хотя первые самостоятельные строительные формирования молодежи появились в вузах во второй половине 1950-х гг. Не был исключением и МГМИ. Когда в 1956 г. началось строительство нового здания института, были созданы строительные группы из студентов. В 1960-е гг. это движение получило дальнейшее развитие. Магнитогорские студенты формировали строительные отряды в первую очередь для помощи селу, а также для осуществления работ на строительстве новых учебных корпусов МГМИ [5, с. 56–57, 76, 81–83, 88, 97–99, 100, 104–106, 113, 115, 120–121].

Государство было заинтересовано в развитии студенческого стройотрядовского движения, поскольку студенты трудились в свое свободное время на тех участках, где не хватало рабочих рук. Затраты на содержание ССО были минимальными, но отдача при всех издержках все же была существенной. Поэтому Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР регулярно рассматривали вопросы деятельности руководства

вузов по организации работы студенческих строительных отрядов¹. Администрация МГМИ вместе с партийным и комсомольским комитетами не только стремилась выполнять решения Министерств, но учитывала указания местных властных структур и собственные потребности в развитии студенческого движения.

В МГМИ уже с осени начинали готовиться к будущему летнему так называемому третьему трудовому семестру. Трудовой семестр становился обязательным элементом институтской жизни. На заседаниях ученого совета института, советах факультетов, ректорских совещаниях, партийного комитета, комитета ВЛКСМ обсуждали организационные моменты участия студентов в этом важном для страны деле. Заключение договоров, подготовку инвентаря комитет ВЛКСМ осуществлял через факультетские комсомольские бюро и штабы строительных отрядов. В феврале-марте заключились договора с администрацией совхозов и предприятий, где должны были работать студенты².

В апреле силами областного и институтского штабов проводилась учеба членов вузовских подготовительных штабов по производственной и политической секциям. Подготовительный штаб студенческого строительного отряда состоял из начальника штаба, его заместителя, ответственного за обучение мастеров, ответственного за агитацию и пропаганду³. Командирами отрядов утверждались комсомольские активисты, имевшие опыт работы в ССО⁴. На инженерные должности привлекали студентов-старшекурсников строительного факультета⁵.

Штабы планировали свою работу на лето, устанавливали контакты с комсомольскими организациями на местах⁶. Так, Василий Кочубеев, командир целинного отряда «Мирный», готовил студентов к трудовому семестру заранее. Он рассказывал студентам о буднях целинной жизни. В Наследницкий совхоз Брединского района приезжал заранее, обо всем договаривался с дирекцией.

¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска (далее – МКУ ГАМ). Ф. 60. Оп. 1. Д. 1557. Л. 78; Д. 1937. Л. 190, 190 об.

² МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1323. Л. 40.

³ Архив ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 534. Л. 97.

⁴ Магнитогорский рабочий. 1973. 6 июля.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1323. Л. 40.

⁶ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 35.

К приезду ребят уже было подготовлено жилье и обеспечен фронт работ¹.

Строительные отряды в МГМИ формировались на добровольной основе из числа студентов, выполнявших все требования учебного процесса. В их составе были студенты старших курсов с большим «целинным стажем», зарекомендовавшие себя с положительной стороны, не имевших троек в зачетных книжках². Хотя порой имелись случаи нарушения этих правил. Как отмечалось в решении коллегии Минвуза СССР (август 1977 г.), в некоторых вузах нарушался принцип добровольности формирования отрядов, допускалось зачисление в отряды студентов, имевших академические задолженности и медицинские противопоказания, а также не достигших 18-летнего возраста³.

Особую значимость деятельности строительных отрядов придавали традиционные торжественные проводы студентов на объекты их деятельности. Это были городские, районные и институтские митинги с участием представителей партийных и комсомольских структур, ректората института. Они начинались на центральной городской площади и завершались торжественным шествием студентов⁴. По прибытии на место дислокации в каждом отряде оформляли студенческие городки, отрядные линейки, устанавливали мачты и флаги стройотрядов⁵.

Количество студентов, участвовавших в стройотрядовском движении в СССР, постоянно возрастало. В 1971 г. в стране их насчитывалось более 400 тыс. студентов, а в 1974 г. – более 500 тыс. студентов⁶. Если в 1965 г. в МГМИ в ССО входило 570 человек, то в течение 1970-х гг. – от 1175 до 1568 студентов. Вместе со студентами трудились преподаватели, аспиранты и сотрудники⁷.

География дислокации строительных отрядов института была весьма обширна. Они находились в различных территориях

¹ Магнитогорский рабочий. 1971. 28 июля.

² Магнитогорский рабочий. 1979. 7 июля.

³ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1937. Л. 189, 190.

⁴ Магнитогорский рабочий. 1971. 7 июля; 1973. 6 июля; 1976. 7 июля.

⁵ МКУ ГАМ. Архив ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 40.

⁶ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 34; Магнитогорский рабочий. 1974. 4 декабря.

⁷ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1667. Л. 17; Д. 2068. Л. 32.

Советского Союза. Большая часть отрядов располагалась в сельской местности Челябинской области. Студенты участвовали в строительстве газопровода «Бухара-Урал», в электрификации железной дороги и строительстве в Свердловской, Курганской, Тюменской областях, Башкирии, на объектах Байкало-Амурской магистрали, в ликвидации последствий землетрясений в Дагестане и Киргизии и в других регионах. Кроме того, отряды посылались в Казахстан, Молдавию. Студенческий отряд студентов-проводников ЮУЖД сопровождал поезда по всей стране. Студенты трудились на различных городских промышленных предприятиях, в строительных организациях, прежде всего, в тресте «Магнитострой», работали пионервожатыми в пионерских лагерях и помощниками воспитателей детских клубов в г. Магнитогорске¹.

После того как студенты из Болгарии в конце 1960-х гг. окончили МГМИ установились дружеские отношения института с этим государством. Группа студентов МГМИ отправлялась осваивать целинные земли Болгарии. В свою очередь в Магнитогорск приезжал отряд Софийского горного института для работы в молочно-овощном совхозе².

В 1975 г. МВ и ССО РСФСР направило ректорам письмо об участии студенческих строительных отрядов в строительстве объектов учебных заведений³. Специально для строительства на объектах института была создана организация «МГМИ-строй»⁴.

Администрация вуза уделяла большое внимание обучению стройотрядовцев. Строительные отряды формировались на факультетах по различным направлениям деятельности⁵. Обязательным элементом подготовки отрядов являлись строительные курсы, на которых проводилось обучение студентов строительным специальностям⁶. Выполняя задания обкома КПСС, институт

¹ Магнитогорский рабочий. 1971. 7 июля; Магнитогорский рабочий. 1973. 6 июля; Магнитогорский рабочий. 1976. 7 июля; Магнитогорский рабочий. 1978. 7 июня; Магнитогорский рабочий. 1979. 29 августа; МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 39, 52; Д. 1323. Л. 40; Д. 1458. Л. 41.

² Магнитогорский рабочий. 1971. 10 июля.

³ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1557. Л. 80.

⁴ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 36.

⁵ Архив ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 467. Л. 428–438.

⁶ Архив ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 521. Л. 74.

готовил механизаторов для сельскохозяйственных работ в колхозах и совхозах области. Для данных студентов на первом курсе освобождался один день в неделю за счет уменьшения часов по физвоспитанию, учебному хору, работы в механических мастерских¹.

Студенты в большинстве случаев трудились на совесть. Нареканий со стороны принимавшей стороны практически не было. По вполне понятным причинам лучших результатов добивались студенты строительного факультета и те, кто работал в отряде не первый год. Порой приходилось переделывать работу прежде, чем появлялись уверенность и высокое качество². В некоторых отрядах вводился коэффициент выполнения работ, который позволял стимулировать студентов. Отряд разбивался на соревнующиеся между собой бригады. В конце дня подводились результаты³. Доцент кафедры электроснабжения промышленных предприятий института Л.А. Копцев вспоминал: «Многое же мы там узнали и приобрели навыков! После второго курса – «целина» в совхозе Северном. Там мы сами строили дома» [6, с. 65–66].

Отряд имени 50-летия ВЛКСМ института, занял в 1970 г. первое место в соревновании студенческих отрядов Челябинской области⁴. В 1972 г. первое место среди бригад – проводниц Челябинской области получили студентки механического факультета⁵. Во Всероссийском соревновании студенческих отрядов в 1974 г. Челябинский отряд, в который входил и отряд МГМИ, занял первое место⁶. Отряд в Болгарии нормы выполняли на 130–150 %. В Молдавии за ударную работу студенты были награждены грамотой штаба⁷.

Многое в организации работы зависело от местных руководителей. Так, в совхозах «Нагайбакский» и «Первомайский» студентов встречали хорошо, обеспечивали всем необходимым для работы⁸. Однако не везде все было благополучно. Коллегия Минвуза СССР отмечала в 1977 г., что деятельность отрядов нередко

¹ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1555. Л. 8.

² Магнитогорский рабочий. 1971. 18 августа.

³ Магнитогорский рабочий. 1971. 28 июля.

⁴ Магнитогорский рабочий. 1971. 3 июля.

⁵ Магнитогорский рабочий. 1972. 28 октября.

⁶ Магнитогорский рабочий. 1974. 4 декабря.

⁷ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1083. Л. 83 об.

⁸ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 37.

оценивалась только по производственным показателям, что приводило к увеличению продолжительности рабочего дня, перегрузке членов отрядов. Нередко нарушались условия договоров с хозяйственными организациями. Порой применялись сверхурочные работы с повышенной оплатой труда. Имели место случаи задержки отрядов на стройках сверх установленного срока, что затрудняло организованное начало учебного года. В отрядах были отмечены случаи травматизма¹. Подобное выявило и Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Не всегда студенты обеспечивались спецодеждой, средствами механизации, инструментами, строительными материалами, фронтом работ².

Не удалось избежать таких негативных явлений и магнитогорским студентам. В ряде хозяйств наблюдались необеспеченность строительными материалами, транспортом, отсутствие проектно-сметной документации, передача объектов так называемым шабашникам³; имелись случаи травматизма; в отряды направляли студентов, имевших академическую задолженность⁴. Некоторые отряды вынуждены были оставаться на несколько дней для окончания работ из-за несвоевременной поставки материалов. Иногда неправомерно снижались заработки до 300–400 руб.⁵ Порой из-за отсутствия работы отряды приходилось передислоцировать⁶. Недостатки выявлялись и на объектах строительства в самом институте.

Не все благополучно было с условиями проживания, питания студентов. Министерство высшего и среднего специального образования СССР в 1971 г. констатировало, что в ряде хозяйств отсутствовали нормальные условия для размещения, не хватало постельных принадлежностей, посуды, нарушались санитарные нормы. Отряды плохо обеспечивались продуктами питания⁷. Так, в Агаповском совхозе отсутствовало жилье, плохо организовали питание⁸. Сумма денежных расходов, приходившихся в среднем

¹ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1937. Л. 190, 190 об.

² МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1553. Л. 185.

³ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 37.

⁴ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1080. Л. 52.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 44.

⁶ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1667. Л. 17.

⁷ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1190. Л. 84.

⁸ Магнитогорский рабочий. 1974. 4 декабря.

на одного члена отряда, в течение 1970-х гг. увеличилась с 96 руб., в том числе 72 руб. на питание¹ до 151 руб., в том числе 120 руб. на питание². Однако не всегда питание было качественным.

В отрядах МГМИ стремились добиться высокой дисциплины, поскольку среди студентов находились так называемые трудные подростки, отправленные в отряды на перевоспитание органами милиции, численность которых доходила до 50 человек³. Нарушители дисциплины среди студентов наказывались вплоть до исключения из института⁴.

Студенты не только работали, но в свободное время организовывали культурно-массовые мероприятия для сельского населения. Селяне хорошо воспринимали выступления концертных бригад, лекторских групп, вечера отдыха. Местная молодежь откликалась на участие в состязаниях по футболу, волейболу, совместную сдачу норм ГТО, организацию спортивных секций. В сельской местности ежегодно организовывали учебно-консультационные пункты. Руками студентов создавались пионерские лагеря-спутники. Строительные отряды оказывали помощь в подготовке школ к новому учебному году, дарили школьникам библиотечки⁵.

Студенческие строительные отряды МГМИ оказывали существенную помощь селянам, институтскому строительству, городским и другим организациям. Они ежегодно осваивали от 2,5 млн руб. до 4,2 млн руб. капиталовложений⁶. Студенты строили помещения сельской инфраструктуры, жилые дома, общежития, овощехранилища, фермы, свинарники, школы, электрифицировали железные дороги, являлись проводниками в поездах, участвовали в субботниках по уборке овощей, работали на консервном комбинате, строили лагеря труда и отдыха и многие другие объекты⁷.

¹ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1558. Л. 13.

² МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2071. Л. 147.

³ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1323. Л. 40; Д. 1458. Л. 41.

⁴ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 52; Архив ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 449. Л. 9.

⁵ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 41; Д. 1191. Л. 383; Д. 1323. Л. 40; Д. 1667. Л. 17; Магнитогорский рабочий. 1971. 3 июля.

⁶ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1191. Л. 341; Д. 1810. Л. 36.

⁷ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1065. Л. 44; Д. 1558. Л. 10; Д. 1810. Л. 38; Д. 2071. Л. 201.

Бывшим стройотрядовцам пригодился полученный опыт в работе на руководящих должностях. Студент Б.Д. Реперчук стал главным инженером строительного управления № 1 треста «Магнитострой». Бывший командир отряда, секретарь комитета ВЛКСМ института А. Кравцов стал ответственным партийным работником в Казахстане. Командир строительного отряда Ю.В. Миронов возглавил институт повышения квалификации работников черной металлургии в Магнитогорске¹.

Значение студенческих строительных отрядов оценивалось не только рублями. Третий трудовой семестр способствовал трудовому воспитанию молодежи. Не только материальный интерес хорошо заработать во время каникул создавал мотивацию высокопроизводительного труда. Молодежь испытывала удовлетворение от того, что своим трудом помогала совхозам и колхозам в строительстве важных сельских объектов, показывая местной молодежи пример коллективизма, товарищеской взаимопомощи. В процессе работы формировались коллектив и личность. Работа в строительном отряде давала уверенность в себе, в своих силах, умение работать в коллективе. Как показало исследование, в строительных отрядах создавалась возможность проявить свои способности, получить важные качества руководителя. При всех издержках, связанных с организацией труда, порой необеспеченностью необходимыми материалами и механизмами, высокой идеологизированности стройотрядовского движения, нельзя не оценить существенный вклад студентов в экономику страны. Опыт деятельности строительных отрядов МГМИ тому свидетельство.

Библиографический список

1. Плетнев В.В. Студенческие строительные отряды в 1960–1980-е гг.: успехи, трудности, проблемы (на материалах ССО Саратовского государственного университета) // Вестник ТГУ. – 2008. – Выпуск 3 (59). – С. 341–345.
2. Власов С.А. Студенческие строительные отряды и их вклад в развитие народного хозяйства Дальнего Востока (1963–1991 гг.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2010. – № 2. – С. 3–8.

¹ Магнитогорский рабочий. 1978. 7 июня.

3. Бадмаев А.З. Студенческая молодежь Бурятской АССР в трудовом семестре 1966–1971 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С. 54–60.
4. Еременко О.А. Студенческие строительные отряды Ростовской области 1960–1980 гг.: страницы истории // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 5. – С. 258–263.
5. Филатов В.В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы: монография. В 4 кн. Кн. 4. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021. – 250 с.
6. История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях / гл. ред.-сост. В.В. Филатов – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. техн. ун-та, 2014. – 249 с.

СЕКЦИЯ III

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 738.3

А.Н. Афанасьева*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ УРАЛЬСКИХ ФАЯНСОВЫХ ЗАВОДОВ В СОБРАНИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова. *Екатеринбургский музей изобразительных искусств, уральский фаянс, фарфор, фарфорово-фаянсовые производства Урала, техника подглазурной печати.*

Аннотация. *В статье рассматриваются произведения из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств, созданные на уральских фаянсовых производствах в XIX веке – екатеринбургских фабриках братьев Чекановых и С.П. Афонина. В ходе атрибуционного исследования были выявлены немногочисленные источники, где приводятся сведения о рассматриваемых предприятиях или их владельцах. Все эти источники можно разделить на две категории: попытки систематизации в исследованиях отечественных искусствоведов первой половины – середины XX века, а также историко-археологические публикации последних лет. Наряду с проблемой малой степени изученности уральских производств, в статье анализируется продукция уральских фаянсовых производств с точки зрения художественно-декоративных приемов, а также источника их происхождения.*

* **Афанасьева Анна Николаевна**, старший научный сотрудник отдела декоративно-прикладного искусства, Екатеринбургский музей изобразительных искусств (Екатеринбург, Россия); e-mail: aafanaseva009@gmail.com.

** **Afanasyeva Anna Nikolaevna**, Senior Researcher, Decorative Arts Department, Ekaterinburg Museum of Fine Arts (Ekaterinburg, Russia); e-mail: aafanaseva009@gmail.com.

A.N. Afanasyeva**

WORKS OF THE URAL FAIENCE FACTORIES IN THE COLLECTION OF THE EKATERINBURG MUSEUM OF FINE ARTS: TO THE PROBLEM OF STUDY

Keywords. *Ekaterinburg Museum of Fine Arts, Ural faience, porcelain, porcelain, faience production of the Urals, underglaze printing technique.*

Abstract. *The article deals with works from the collection of the Ekaterinburg Museum of Fine Arts, created at the Ural faience production in the 19th century – the Ekaterinburg factories of the Chekanov brothers and S.P. Afonin. In the course of the attribution study, few sources were identified that provide information about the enterprises in question or their owners. All these sources can be divided into two categories: attempts to systematize in the studies of domestic art historians of the first half – the middle of the 20th century, as well as historical and archaeological publications of recent years. Along with the problem of a low degree of knowledge of the Ural industries, the article analyzes the products of the Ural faience industries in terms of artistic and decorative techniques, as well as the source of their origin.*

В XIX столетии наряду с центральными регионами Российской империи – Санкт-Петербургом и Московской губернией, где фарфорово-фаянсовое производство переживало период расцвета, характеризующийся повсеместным открытием частных заводов, появлением технических новшеств, позволяющих ускорить производственные процессы, развитием стилового разнообразия в оформлении выпускаемой фабриками продукции, не менее активно происходило становление этого сегмента художественной промышленности и на Урале. Это во многом было обусловлено торгово-экономическими условиями, сложившимися в Российской империи, а также популярностью украшенных печатью или незатейливой росписью недорогих фарфорово-фаянсовых изделий у широкого круга покупателей. Уже к началу XX века уральские керамические производства, вероятно, не выдержав конкуренции с более эффектно-декорированной продукцией заводов Товарищества М.С. Кузнецова начинают постепенно приходить в упадок.

Несмотря на такой непродолжительный период деятельности, характерный для фарфорово-фаянсовых предприятий уральского региона, искусствовед Б.В. Павловский (1922–1989) также отмечал особую роль этих производств в контексте развития декоративно-прикладного искусства Урала: «Уральский фарфор и фаянс не заняли такого же заметного места в истории русского декоративного прикладного искусства, как скажем камнерезное или чугунное художественное литье Урала, но тем не менее они вписали несколько интересных строк в историю русской керамики... Развитие фарфорового и фаянсового производства на Урале свидетельствовало о росте русской художественной промышленности» [1, с. 370–371].

В статье на примере произведений из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств (далее – ЕМИИ) подробно рассматриваются два екатеринбургских фаянсовых производства XIX века: анализируются сведения, приведенные в различных источниках, дающие представления об их деятельности и владельцах, отмечаются особенности художественно-декоративных приемов в оформлении продукции и их истоки.

В составе фарфоровой коллекции ЕМИИ наряду с комплексами западноевропейских и отечественных произведений XIX века также представлены редкие образцы уральских фаянсовых производств – блюдо и две тарелки выполненные в технике монохромной подглазурной печати. В собрание музея эти предметы поступили в 1990-е годы от разных частных коллекционеров в качестве даров.

Большое блюдо и одна из тарелок являются примерами продукции екатеринбургской фабрики братьев Чекановых, о чем свидетельствуют марки – на тарелке черным цветом под глазурью «Ф Чекановых» и штампом в тесте «Чекановых» (рис. 1), на блюде штампом «Бр. Чекановых» (рис. 2). Еще одна тарелка – образец ассортимента завода основанного московским купцом Симоном Панфиловичем Афоным в селе Уктус Екатеринбургского уезда. Марка на дне тарелки – черная подглазурная надпись «С.П. Афона» (рис. 3).

Информация об этих производствах крайне скупа. Так, согласно статистическим данным, подготовленным ХИ. Мозелем и изданным в 1864 году: «Из двух гончарных заведений, находящихся в г. Екатеринбурге, одно принадлежит крестьянину Московской

Рис. 1. Тарелка. Фабрика братьев Чекановых. 1850–1860-е гг.
 Российская империя, Пермская губ., Екатеринбургский уезд, г. Екатеринбург.
 Фаянс; печать подглазурная монохромная. 25×25.0×25.0. Инв. № Ф-577.
 Екатеринбургский музей изобразительных искусств (публикуется впервые)

Рис. 2. Блюдо. Фабрика братьев Чекановых. 1850–1860-е гг.
 Российская империя, Пермская губ., Екатеринбургский уезд, г. Екатеринбург.
 Фаянс; печать подглазурная монохромная. 3.6×39.1×29.5. Инв. № Ф-848.
 Екатеринбургский музей изобразительных искусств (публикуется впервые)

Рис. 3. Тарелка. Завод С. П. Афонина. 1840-е – 1870-е. Российская империя, Пермская губ., Екатеринбургский уезд, с. Уктус. Фаянс; печать подглазурная монохромная. 2,9×25,0×25,0. Инв. № Ф-655.

Екатеринбургский музей изобразительных искусств

губернии Афонину, а другое удельному крестьянину Чеканову. В первом из них работает 15 человек и выделяется разной глиняной посуды до 45 000 штук на сумму 1125 руб...Во втором работают 10 человек, в том числе 2 мастера и 8 рабочих, которые выделяют в год до 67 500 штук посуды на 1325 руб» [2, с. 350].

Атрибуция представленных в коллекции ЕМИИ предметов потребовала более детального знакомства с историей возникновения и деятельности двух этих предприятий.

Фабрика братьев Чекановых

Одно из первых кратких упоминаний о фабрике Чекановых находится в обзорном издании исследователя А.В. Селиванова (1851–1915) «Фарфор и фаянс Российской империи» 1903 года, где в разделе «Пермская губерния» среди четырех фарфорово-фаянсовых производств описывается деятельность фабрики Чеканова. Предприятие описывается как «выделывавшее фаянс и принадлежащее наследникам Александра Кирилловича Чеканова» [3, с. 152].

Более полным источником по систематизации фарфорово-фаянсовых производств Урала является небольшое издание 1926 года «Уральский фарфор и фаянс XIX века» пермского искусствоведа Н.Н. Серебренникова (1900–1966) [4]. Здесь история развития фабрики Чеканова (или Чекановых) дается более широко,

в частности – автором предположительно определятся период, когда предприятием управляли братья Чекановы и ставилась соответствующая марка – «до 1864» [4, с. 18]. Ссылаясь на ранее упоминаемого Мозеля, Серебренников отмечает, что после 1864 года указывается фабрика, «принадлежащая какому-либо Чеканову» (т.е. единственному владельцу) [4, с. 18]. При этом время основания фабрики в работе пермского специалиста не указывается.

В еще одном обзорном труде, посвященном русской керамике XVIII–XIX веков А.Б. Салтыкова (1900–1959) уже указывается год основания фабрики – 1846 [5, с. 126]. Любопытно, что Салтыков обозначает два завода «Чеканова» – Ивана Александровича – был владельцем в 1914 году [5, с. 126], и Александра Кирилловича – «в 1900 году значился принадлежащим» [5, с. 130]. Но сведения о существовании двух «одноименных» заводов в Екатеринбурге другими источниками не подтверждаются. Вероятно, такое разделение одного производства произошло в силу отсутствия достоверных данных.

Б.В. Павловский также отмечает «значительную роль фабрики Чеканова в развитии уральского фаянса», а также указывает на период 1850-х – 1870-х годов как самый плодотворный и узнаваемый в деятельности предприятия [1, с. 369].

Что касается справочных изданий – марочников, то чаще всего информация об уральских фарфорово-фаянсовых производствах и их марках зачастую в них отсутствует. Но стоит отметить, что в указателе Т. Дулькиной (2003) приводятся краткие сведения о заводе Чеканова и марка в виде надписи «Бр. Чекановы» черным цветом под глазурью [6, с. 316].

Важным блоком источников, помогающих раскрыть историю уральских фаянсовых производств, являются публикации историко-археологического характера. Так, в статье исследователя Г.Н. Саукова [7], опубликованной в сборнике XII Татищевских чтений, приводятся важные сведения о различных видах марок на продукции фабрики в разные периоды ее деятельности, а также о путях распространения продукции. Здесь же уточняется, что братья Александр и Мартин Кирилловичи Чекановы относятся ко второму поколению владельцев производством [7, с. 393] – период примерно датируемый исследователем 1870-ми – 1880-ми годами [7, с. 390–391].

Завод С.П. Афонина

Информация об истории развития другого уральского фаянсового производства – завода Симона Панфиловича Афонина – имеет еще более фрагментарный характер. Важно отметить, что в исследованиях отечественных искусствоведов первой половины – середины XX века описания этой фабрики практически отсутствуют, за исключением статьи Серебrenникова, где предприятие упоминается лишь как завод Шурова Андрея Федуловича [4, с. 20] (т. е. период, когда ее владельцем был уже зять Афонина) и переход производства с «выработки посуды к изготовлению изразцов» [4, с. 20]. Однако в справочном издании Фабрично-заводские предприятия Российской империи (1914) фабрика Шурова в объявлении № 1658 приводится в качестве изготовителя «кухонной и столовой посуды из белой глины» [8, с. 399].

Подробное описание некоторых клейм фабрики, а также информация по деятельности предприятия находится в одной из статей исследователей К.Н. Мергеновой и Г.Н. Саукова [9]. Из материалов статьи, основанных на документальных и археологических источниках, следует, что фабрика, основанная Афоным приблизительно в 1838–1845 годах (дата основания варьируется разными исследователями), перешла под управление Шурова после 1879 года [9, с. 282].

В большой статье историка Сергея Анатольевича Белобородова «Австрийцы» на Урале и Западной Сибири» в контексте истории старообрядчества также упоминаются семьи купцов Чекановых, Афоных и Шуровых и их деятельность на Урале [10].

Таким образом, вышеперечисленные источники можно разделить на искусствоведческие – первой половины – середины XX века, где представлены краткие описания уральских фаянсовых производств, и историко-археологические публикации последних лет, дающие чуть более подробные сведения о владельцах фабрик. Данные по рассматриваемым производствам в них сильно варьируются в связи со сложностью определения времени бытования тех или иных марок, а также отсутствием систематизированной архивной информации.

Традиции декора уральского фаянса

Представленные в коллекции ЕМИИ образцы производств Афонина и братьев Чекановых объединены общей техникой исполнения декора – методом подглазурной печати. Стоит отметить,

что большая часть продукции из ассортимента фаянсовых заводов Пермской губернии, на сегодняшний день находящейся в российских музейных собраниях, декорирована именно печатными монохромными сюжетами или орнаментами в черном, синем или красно-коричневом цветах.

Считается, что метод трансферной печати был разработан в Англии в 1750-х годах [11, с. 1], однако, несколькими годами ранее фарфор, украшенный подглазурной синей печатью появляется в Италии, что подтверждается предметами, созданными на фабрике Дочча во Флоренции в конце 1740–1750-х годах из собрания музея Виктории и Альберта [12]. Британские исследователи относят открытие и разработку этой техники в Англии сразу нескольким мастерам, особо выделяя фигуру гравера Роберта Хэнкока (Robert Hancock, 1731–1813), так как именно во время его работы на Вустерской фарфоровой мануфактуре подглазурная печать стала широко применяться для украшения фарфора [11, с. 30].

Перенос рисунка с медных досок на бумагу, оттиск с которой накладывался на фарфор или фаянс требовал меньших производственных затрат, в связи с чем выпускаемая продукция становилась более доступной для широкого круга покупателей. Уже к концу XVIII века английский фаянс украшенный печатными декорами распространяется не только в Англии, но и далеко за ее пределами. Художники стафффордширских мастерских разрабатывают основные типы декоров, отвечающих вкусам современников из среды небогатых горожан – цветочные мотивы, архитектурные пейзажи, морские бухты с изображением кораблей, а также сюжеты в стиле шинуазри. Как правило в центре таких изделий располагался основной сюжет, а борта были оформлены пышным растительным орнаментом.

В Российской империи мода на британский фаянс возникает уже в период царствования Екатерины II. Отечественные фаянсовые производства в первую очередь ориентируются на привозные английские образцы в создании форм и декоров [13]. Наиболее вероятно, что уральские мастера фабрик Афонина и братьев Чекановых в создании декоров своих изделий многое заимствуют из английского и подражающего ему русского фаянса: об этом свидетельствуют пейзажи с морскими бухтами, нехарактерные для Урала [14, с. 17–18], архитектурные мотивы в виде голландских

домиков, а также общий вид декоративного оформления, заполняющего все пространство предмета.

Важно отметить, что помимо предметов, представленных в коллекции ЕМИИ, немногочисленные образцы уральских фабрик находятся в других отечественных собраниях. В качестве примера можно отметить интересный комплекс предметов, демонстрирующий особенности и разновидности декоров уральского фаянса, хранящийся в Государственном историческом музее, где наряду с произведениями, выполненными в технике подглазурной печати можно обнаружить редкие изделия украшенные лаконичной росписью.

Изучение представленных в статье, а также выявление в музейных и частных собраниях других образцов продукции уральских фаянсовых заводов позволяет, с одной стороны, расширить представление о развитии художественной промышленности Урала в XIX веке, с другой – уточнить сведения о художественных и технологических особенностях уральского фаянса.

Библиографический список

1. Павловский Б. В. Искусство промышленного Урала: диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. – Свердловск, 1964. – 494 с.
2. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Часть II. – Санкт-Петербург, 1864. – 746 с.
3. Селиванов А. В. Фарфор и фаянс Российской империи: описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. – Владимир, 1903. – 175 с.
4. Серебренников Н. Н. Уральский фарфор и фаянс XIX века. – Пермь, 1926. – 27 с.
5. Салтыков А. Б. Русская керамика. Пособие по определению памятников материальной культуры XVIII – начала XX века. – Москва: Государственной издательство культурно-просветительной литературы, 1952. – 271 с.
6. Дулькина Т. Марки русского фарфора и фаянса. 1750–1960. – Москва: Издательство Ирины Касаткиной, 2003. – 420 с.
7. Сауков Г. Н. География распространения посуды фабрики Чекановых по письменным и археологическим источникам // XII Татищевские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2020 – С. 390–395.

8. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. – Издание второе. – Петроград, 1914. – 969 с.
9. Сауков Г.Н., Мергенева К.Н. Фаянсовая посуда уральских производителей XIX – начала XX века из раскопа городской усадьбы (Курган, ул. Куйбышева, 21): информационные возможности вещественного источника // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. – Москва, 2020. – С. 273–290.
10. Белобородов С.А. «Австрийцы» на Урале и Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой церкви – белокриничкогo согласия) – URL: <https://lai-urgi.urfu.ru/ru/izdaniya-laboratorii/ocherki-istorii-starobryadchestva-urala-i-sopredelnykh-territorii/sa-beloborodov-avstriicy-na-urale-i-v-zapadnoi-sibiri/> (дата обращения 11.01.2023).
11. Turner W. Transfer printing on enamels, porcelain and pottery: its origin and development in the United Kingdom. – London: Chapman and Hall; New York: Ceramic Studio Pub. Co., 1907. – 300 p.
12. Тарелка. Фарфоровый завод Дочча. Около 1750. Музей Виктории и Альберта // Victoria and Albert Museum – URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O278558/plate-doccia-porcelain-factory/> (дата обращения 11.01.2023)
13. Тарлыгина Д. Английский фаянс в России в XVIII–XIX веках // Журнал «Третьяковская галерея». – № 2, 2016 (51) – URL: <https://www.tg-m.ru/articles/2-2016-51/angliiskii-fayans-v-rossii-v-xviii-xix-vekakh> (дата обращения: 12.01.2023)
14. Афанасьева А.Н., Винокуров С.Е. «Кантон» в Европе: о чем рассказала атрибуция бельгийского блюда // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов XV Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – С. 11–18.

УДК 769.2(09)+75.056:7.035(44)

Е.В. Борщ*

**ГРАВЮРЫ ФРАНЦУЗСКИХ КНИГ XVIII ВЕКА
ИЗ БИБЛИОТЕКИ КРОНЕБЕРГОВ
В СОБРАНИИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Ключевые слова. *Французская книжная гравюра XVIII в.; редкая французская книга; библиотека Кронебергов; Свердловский областной краеведческий музей.*

Аннотация. *В статье публикуются результаты поиска и определения гравюр французских книг XVIII в. из собрания Свердловского областного краеведческого музея (Екатеринбург). Установлен круг источников – книг с гравюрами из личной библиотеки Алексея Ивановича Кронеберга (1824–1880). Приводится описание изданий. Проведен обзор гравюр по тематическому принципу. В ходе атрибуции гравюр выявлены работы французских иллюстраторов и гравёров XVIII в.*

E.V. Borshch**

**ENGRAVINGS OF FRENCH BOOKS OF THE 18TH CENTURY
FROM THE CRONEBERG'S LIBRARY
IN THE COLLECTION OF THE SVERDLOVSK
REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE**

Keywords. *French book engraving of the 18th century; rare French book; Kroneberg library; Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore.*

Abstract. *The article publishes the results of a search and identification of engravings of French books of the 18th century from the collection of the Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore (Ekaterinburg). The sources of the study are books with engravings from the personal library of Alexei Ivanovich Kroneberg (1824–1880). The engravings were reviewed by thematic principle. The works of French illustrators and engravers of the 18th century were identified during the attribution.*

* **Борщ Елена Викторовна**, кандидат искусствоведения, доцент, Уральский государственный архитектурно-художественный университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: ev_borshch@lenta.ru.

** **Borshch Elena Victorovna**, PhD (Art Studies), Associate Professor, Ural State University of Architecture and Arts (Ekaterinburg, Russia); e-mail: ev_borshch@lenta.ru.

В фондах Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера (далее – СОКМ) хранятся книги библиотеки Кронебергов, которая стала частью собрания Уральского общества любителей естествознания на рубеже XIX–XX вв. Коллекция, включающая 3 350 книг, была передана в УОЛЕ наследниками Алексея Ивановича Кронеберга, литератора и общественного деятеля (1824–1880) [1, с. 146]. Основателем книжного собрания являлся его отец Иван Яковлевич Кронеберг (1788–1838), переводчик древних языков, профессор императорского Харьковского университета. В библиотеке Алексея Ивановича, которая отличалась тематическим разнообразием, предположительно, находились книги его старшего брата – Андрея Ивановича, переводчика и критика (1814–1855) [2, с. 136]. Книжное собрание Кронебергов привез на Урал Алексей Иванович: в 1850-х гг., получив должность гувернера в семье промышленника П.Д. Соломирского, он переехал в поселок Сысертского завода Екатеринбургского уезда [3, с. 226].

Русские книги из коллекции Кронебергов изучались ранее: было установлено, что в уральских библиотеках хранится примерно 200 изданий гражданской печати из их собрания [4, с. 502; с. 548].

Французские книги XVIII в. из библиотеки Кронебергов привлекли наше внимание в рамках исследования, целью которого является поиск изданий с гравюрами, а задачами – атрибуция и художественная экспертиза. В фондах СОКМ были обнаружены интересующие нас издания. Их принадлежность была установлена на основании штампа «А.И. Кронеберг», опубликованного Е.П. Пироговой [5, № 150]. Проведем обзор изданий с гравюрами по тематическому принципу.

Гравюры литературно-художественных изданий

К сожалению, в коллекции Кронебергов почти нет литературных изданий, в которых встречаются лучшие образцы французской книжной гравюры XVIII в. – сюжетные иллюстрации и виньетки. Исключение составляет «Перевод в прозе Катулла, Тибулла и Галла» Пезе (1771) с фронтисписом и тремя виньетками по рисункам Ш. Эйзена [6]. Портрет с изображением автора, гравированный по рисунку О. де Сент-Обена, открывает «Полное собрание сочинений» А. Пирона (1776) [7]. В литературных изданиях иногда появляются документальные гравюры: в отдельном томе помещены 30 иллюстраций к книге «Путешествие юного Анахарсиса

по Греции» Ж.-Ж. Бартеlemi (1790) – карты, виды древностей и артефакты [8]. Привычные иллюстрации встречаются в переиздании романа «Путешествия Антенора в Грецию и Азию» Э.-Ф. Лантье (1802) с пятью жанровыми сценами К. Борне [9]. Еще два литературных издания оформлены ксилографическим декором. Виньетка с музыкальными инструментами украшает титульный лист «Новой коллекции избранных песен» (1732) [10]. Флоральные заставки и виньетки оживляют издание романа «Адель и Теодор» Ф. де Жанлис (1785) [11].

Гравюры научных и практических изданий

Значительная часть просмотренных изданий имеет научную и практическую тематику. По традиции, их дополняют гравюры: портреты, документальные и художественные иллюстрации, декор.

Лаконичное оформление отличает исторические издания. Виньетки замечены в двух книгах П. Бейля. На титульных листах «Различных сочинений» (1727) повторяется аллегорическая композиция по рисунку Б. Пикара [12]. То же верно по отношению к «Историко-критическому словарю» (1740) с виньетками по рисунку А. ван дер Верфа [13]. Историческая сцена служит фронтисписом для книги «Воспоминания о Бастилии» С.-Н. Линге (1783) [14].

Философские издания имеют минимум гравюр. Один аллегорический фронтиспис по рисунку предваряет текст книги «Христианская философия» Ж.-Ф. Дютуа-Мамбрини (1800) [15]. Геральдическая заставка по рисунку И.-Д. Коттена замечена в книге «Философские вопросы естественной религии» Ж.-Б. Обри (1782) [16].

Искусству и ремеслам посвящены четыре издания, особый интерес из которых представляет энциклопедия «Описания искусств и ремесел» Ж.-Э. Бертрана, сохранившаяся фрагментарно в двух вариантах. В издании 1781–1783 гг., помимо виньеток, помещено 277 гравюр – художественных изображений предметов и сцен труда [17]. В издании 1799 г. сохранилось 10 документальных гравюр на тему печати [18]. «Полное собрание трудов» А.-Р. Менгса (1787), немецкого художника, украшено элементами декора, напоминающими иллюстрации [19]. Портрет по рисунку К. Борне замечен в книге актрисы И. Клерон «Воспоминания и размышления о театральной декламации» (1799) [20].

Как оказалось, целый ряд изданий по естественным наукам включает гравюры по рисункам именитых французских иллюстраторов

XVIII в. Рисовальщику С. Леклерку принадлежит авторство заставки из двухтомника «Новая механика или статика» П. Вариньона (1725) с 64-ю чертежами и виньетками [21]. Художник Ш.-Н. Кошен является автором заставки и 13-ти иллюстраций из «Всеобщей истории путешествий» А.-Ф. Прево (1747), которую также дополняют 23 карты [22]. В издании «Школа огородничества» Комбле (1770) замечены три жанровые гравюры по его рисункам [23]. В книге «Краткая античная география» Ж.-Б. д'Анвиля (1782), помимо пяти карт, есть фронтиспис по рисунку Ю. Гравело [24].

В трех изданиях найдены иллюстрации художника Ж. де Сэва в жанре анималистики. В «Полных сочинениях» Ж.-Л. Бюффона (1774–1778) находятся 130 гравюр по его рисункам, не считая 22 документальные гравюры и карты [25]. В томе «Естественной истории птиц» Бюффона обнаружены 15 иллюстраций Де Сэва [26]. Четыре гравюры по его рисункам дополняют «Второе путешествие во внутренние районы Африки» Ф. Левайяна, где также есть три фронтисписа, карта и 13 анонимных иллюстраций по этнографии [27].

По рисунку живописца Ш. Монне гравирована заставка, посвященная принцу Конде, которая предвещает первый том грандиозного естественнонаучного издательского проекта «Академический сборник» (1755–1787). Он представлен 16-ю томами, в которых находится 249 документальных гравюр по медицине, ботанике и пр., не считая виньетки [28–31]. К этому изданию примыкает «Сборник воспоминаний или Коллекция академических документов» (1754, 1759), который дополняют 42 документальные гравюры и виньетки [32–33].

Значительная часть книг по естественным и точным наукам снабжена гравюрами малоизвестных и анонимных авторов.

Иллюстрациями для книг по географии обычно служили карты, а оформлением – ксилографические виньетки. Именно такими гравюрами дополнены «Портативный географический словарь» 1763 г. с двумя картами и «География древней Индии» д'Анвиля 1775 г. с тремя картами [34, 35].

Пояснительные документальные иллюстрации сопровождают издания по ботанике и зоологии, а именно: «Поучительные мемуары о том, как собирать различные диковинки естественной истории» Э.-Ф.Тюрго (1757) с 25-ю гравюрами, «Работы по естествознанию и философии» Ш. Бонне (1780) с пятью анонимными

гравюрами [36, 37]. Более разнообразны 26 анонимных гравюр из «Курса естественной истории» (1795), особенно изображения птиц в жанре анималистики [38]. В книге «Ботаника для женщин и любителей растений» А. Батча (1799) сохранились четыре листа гравюр с раскрашенными иллюстрациями [39].

Документальными иллюстрациями дополнены издания по химии. В книге «Уроки химии» Н. Лемери (1713) находятся 7 анонимных гравюр с изображением опытов, не считая ксилографический декор [40]. В книге К.-Э. Геллерта «Металлургическая химия» (1758) помещены две анонимные гравюры с видами оборудования, не считая двух таблиц [41]. В двухтомнике А.-Ф. Фуркруа «Начальные уроки естествознания и химии» находятся 16 иллюстраций с видами опытов, а также виньетки [42].

В изданиях по физике встречаются и документальные, и художественные иллюстрации. В многотомных «Уроках экспериментальной физики» Ж.-А. Нолле (1784) помимо портрета-фронтисписа и виньеток находятся 115 жанровых иллюстраций в стиле рококо [43]. Документальные иллюстрации преобладают в таких изданиях, как «Искусство плавления» Ф.Л. Эрмана (1787), где есть три гравюры с изображением опытов [44]; «Письма... по различным вопросам физики и философии» Л. Эйлера (1787), где замечены четыре схемы [45]; «Теория разумных существ» Ф. Пардю Фанжасас шестью гравюрами с изображением лабораторных предметов [46]. В книге «Элементарный трактат или принципы физики» М.-Ж. Бриссо (1789) есть 34 иллюстрации с жанровым оттенком, не считая декор [47].

Издания по геологии, прикладной математике и металлургии проиллюстрированы функционально, но могут быть украшены цветочными виньетками. Пятитомник «Теория земли» Ж.-К. де Ламетри помимо портрета-фронтисписа, имеет восемь документальных гравюр по минералогии [48]. Издание «Курс математики» Э. Безу, которое содержит 27 схем и чертежей, имеет растительный декор [49]. В книге «Искусство превращения кованого железа в сталь» Р.-А.-Ф. Реомюра, где есть 17 гравюр с изображениями на тему металлургии, находится геральдический и флоральный декор [50].

Несколько изданий с гравюрами посвящены ведению усадьбы, домашнему хозяйству. Как правило, они содержат документальные

иллюстрации и ксилографический декор. Именно так оформлен трехтомный «Экономический словарь» Н. Шомеля (1767) с двумя иллюстрациями, пояснительными рисунками в тексте и виньетками [51]. В книге «Теоретическое и практическое сельское хозяйство» (1796) находятся три документальных гравюры с видами орудий труда [52]. В издании «Сельское и гражданское хозяйство» Лалоза (1789–1792), не считая ксилографического флорального декора, есть три гравюры, представляющие садовые инструменты [53]. Сравнительно подробно проиллюстрирована книга «Садовник-флорист» Л. Лиже (1768), где есть 13 гравюр с видами инструментов и садовых построек, планами партера, не считая цветочных виньеток [54]. Руководство «Новый сельский дом» Ж.-Ф. Бастьена (1798) проиллюстрировано еще более детально: в двух томах сохранились 40 гравюр на тему сельского хозяйства, в том числе, жанровых [55]. Двухтомник «Новый королевский и буржуазный повар» Ф. Массиало (1742) содержит шесть иллюстраций по сервировке стола, не считая виньеток [56]. В книге «Искусство манежа» Ж.-Б. Синда (1774) есть семь документальных гравюр с изображениями лошадей и декор в стиле рококо [57].

Итак, на основании владельческих знаков СОКМ было обнаружено 57 изданий (124 экземпляра) французских книг с гравюрами XVIII в. из коллекции Кронебергов. Десятую часть составляют литературные издания. Примерно пятую часть занимают книги по гуманитарным наукам и искусству, значительную часть – книги по естественным наукам и практической деятельности. В результате атрибуции гравюр были установлены работы семи известных французских иллюстраторов XVIII в., принадлежащих, главным образом, научным изданиям. Наибольший художественный интерес представляют гравюры по рисункам Ш.-Н. Кошена и Ш. Эйзена. Изучение редких книг из коллекции Кронебергов дает повод заметить, что их библиотека имела научный и прагматический характер. Складывается впечатление, что владельцы мало интересовались французские библиофильские издания XVIII в.

Библиографический список

1. Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания, 1870–1929: из истории науки и культуры Урала. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. – 207 с.

2. Шабаршина О.В. Библиотека Алексея Ивановича Кронеберга: попытка реконструкции // Восьмые Татищевские чтения: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 27–28 мая 2010 года). – Екатеринбург, 2010. – С. 113–137.
3. Попп И.А., Черноухов Э.А. Алексей Иванович Кронеберг: провинциальный неудачник или успешный общественный деятель? // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2011. Т. 13. – № 1 (87). – С. 224–231.
4. Пирогова Е.П., Белобородов С.А. Сводный каталог гражданской печати XVIII – первой четверти XIX в. в собраниях Урала: в 2 т. Екатеринбург, 2005– 2007. – 528 с.
5. Книжные знаки в собраниях Урала / под ред. Е. П. Пироговой. – Екатеринбург, 2011. – 527 с.
6. Catulle, Tibulle, Gallus. Traductionen prose / [par A.-F.-J. Masson de Pezay]. 2 tomes. – Amsterdam; Paris: Delalain, 1771. – [342 p.]; 367 p.
7. Piron A. d'Oeuvres completes. 7 tomes. – Paris: Barrois, 1776. – Т. 1. – 398 p.
8. [Barthélemy J.-J.]. Recueil de cartes géographiques. – Paris: de Bure l'ainé, 1790. – 42 p.
9. Lantier É.F, de. Voyages d'Antenoren Grèceeten Asie. 3 tomes. – Paris: F. Buisson, 1802. – 372 p.; 390 p.; 364 p.
10. Nouveau recueil de chansons choisies. – La Haye. P. Gosse et J. Neaulme, 1732. – [380 p.].
11. [Genlis S.-F.]. Adèleet Théodore. 3 tomes. – Paris: M. Lambert, 1785. – Т. 1.– 519 p.
12. Bayle P. Oeuvres diverses. 4 tomes. – La Haye : P. Husson, 1727–1731. – Т. 2, 3. – 922 p.; 1096 p.
13. Bayle P. Dictionnaire historiqueet critique. 4 tomes. – Amsterdam: P. Brunel, 1740. – 732 p.; 913 p.; 831 p.; 804 p.
14. Linguet S.-N.-H. Mémoires sur la Bastille. – Londres: T. Spilsbury; Bruxelles: B. Le Francq, 1783. – 164 p.
15. Dutoit-Mambrini J.-Ph. La philosophie chrétienne. 4 tomes.– [S. l.]: [s.n.], 1800. – Т. 1. – 456 p.
16. [Aubry J.-B.]. Questions philosophiques sur la religion naturelle. – Paris: P.-T. Barrois, Belin, 1782. – 408 p.
17. Bertrand J.-É. Descriptions des arts et métiers. 19 tomes.– Neucha – [692 p.], 707 p., 658 p., 755 p., 755 p., 446 p., 692 p., 578 p. 698 p., 476 p., 560 p.
18. Bertrand J.-É. Descriptions des arts et métiers. – Paris: C. Volland, 1799. – Т. 20.– 288 p.
19. Mengs A.-R. Oeuvres complètes. 2 tomes.–Paris :Moutard, 1787. – Т. 2. – 392 p.

20. Clairon H. Mémoire setréflexions sur la déclamation théâtrale. – Paris: F. Buisson, 1799. – 387 p.
21. Varignon P. Nouvelle mécanique, ou Statique. 2 tomes.– Paris: C. Jombert, 1725. – 419 p., 480 p.
22. Prevost A.-F. Histoire generale des voyages. 21 tomes. – La Haye: P. de Hondt, 1747–1767. – T. 3.– 486 p.
23. [Combes, de]. L'École du jardin potager. 2 tomes. – Paris: P. Fr. Didot, 1770. – 536 p., 586 p.
24. Anville J.-B. Bourguignon d'Géographie ancienne abrégée. 3 tomes.– Paris, 1782. –T. 1. – 370 p.
25. Buffon G.-L. L. Oeuvres complètes. 25 tomes. – Paris: Impr. royale, 1774–1778. – T.1, 2, 4, 5, 7(1), 7(2), 8, 9. – 451 p., 458 p., 520 p., 473 p., 399 p., 340 p., 334 p., 230 p.
26. Buffon G.-L. L. Histoire naturelle des oiseaux. – Paris: Impr. royale, 1770. – T. 2. – 351 p.
27. Levaillant F. Second voyage dans l'intérieur de l'Afrique. 3 tomes. – Paris: H.-J. Jansen, 1795. – 358 p., 426 p., 527 p.
28. Collection académique, composée des mémoires, actes, ou journaux des plus célèbres académies. T. 1, 2. – Dijon: F. Desventes; Auxerre: F. Fournier, 1755. – 349 p., 328 p.
29. Collection académique. – Dijon: F. Desventes; Paris: M. Lambert; J. Desaint, 1757–1766. – T. 4–7. – 691 p., 713 p., 752 p.; 817 p.
30. Collection académique. 13 tomes. – Paris: Panckoucke, 1770–1787. – T. 4, 5, 8, 9. – 587 p., 508 p., 712 p., 720 p.
31. Collection académique. Partie française. 15 tomes. – Paris: G.J. Cuchet; Liege: C. Plomteux, 1781–1787. – T. 6, 11–15. – 612 p., 506 p., 475 p., 437 p., 416 p., 461 p.
32. Recueil de mémoiresou Collection de pièces académiques. 2 tomes. / édité par Ch.-J.-J. Berryat. – Dijon; Auxerre: F. Desventes: F. Fournier, 1754. – 844 p., 822 p.
33. Recueil de mémoiresou Collection de pièces académiques / édité par Ch.-J.-J. Berryat. – Dijon: F. Desventes; Paris: Panckoucke, A. Desventes de Ladoué, 1769. – T. 3. – 622 p.
34. Dictionnaire géographique-portatif. – Paris: Veuve Didot, 1763. – 790 p.
35. Anville J.-B. Bourguignon d' Antiquité géographique de l'Inde.– Paris: de l'impr. royale, 1775. – 261 p.
36. [Turgot É.-F.]. Mémoire instructif sur la manière de rassembler les diverses curiosités d'histoire naturelle. – Paris; Lyon: J.-M. Bruyset, 1758.– 252 p.
37. Bonnet Ch. Oeuvres d'histoire naturelleet de philosophie. 2 tomes. – Amsterdam: M.M. Rey, 1780. – T. 2.– 344 p.

38. Cours d'histoire naturelle. / [J.-B.-Fr. Hennebert, G.-G. de Beaurieu]. [7 tomes]. – Paris: Bossange; Tours: Letourmy, 1795. – T. 2–7. – 346 p., 416 p., 317 p., 483 p., 349 p., 317 p.
39. Batsch A.J.G. C. Botanique pour les femmes et les amateurs de plantes. – Paris, Strasbourg: Treuttel et Würtz, 1799. – 216 p.
40. Lemery N. Cours de chymie. – Paris: J.-B. Delespine, 1713. – 1020 p.
41. Gellert Ch. E. Chimie métallurgique. 2 tomes. – Paris: Briasson, 1758. – T. 1. – 308 p.
42. Fourcroy A.-F. Leçon élémentaires d'histoire naturelle et de chimie. 2 tomes. – Paris: hôtel Serpente, 1782. – 672 p., 848 p.
43. Nollet, J.-A. Leçons de physique expérimentale. 6 tomes. – Nouvelle édition. – Paris: Durand, 1784. – 406 p., 398 p., 420 p., 441 p., 486 p., 428 p.
44. Ehrmann F. L. Essai D'un art de fusion. – Strasbourg: J.G. Treuttel; Paris: Cuchet, 1787. – 370 p.
45. Euler L. Lettres à une princesse d'Allemagne sur différentes questions de physique et de philosophie. 3 tomes. – Paris: Royez, 1787–1789. – T. 1. – 326 p.
46. Para Du Phanjas, F. Théorie des êtres sensibles. 4 tomes. – Paris: Barrois l'aîné, C.-A. Jombert, Cellot, 1788. – T. 1. – 648 p.
47. Brisson, M. -J. Traité élémentaire ou principes de physique. 3 tomes. – Paris: Moutard, 1789. – T. 2, 3. – 510 p., 384 p.
48. La Métherie J.-C. de Théorie de la terre. 5 tomes. – Paris: Maradan, 1797. 477 p., 548 p., 493 p., 546 p., 535 p.
49. Bezout É. Cours de mathématiques [4 parties]. – Paris: Baudelot, Eberhart, An III–IV [1795–1796]. – P. 2–4, 4 (Suite). 357 p., 500 p., 440 p., 485 p.
50. Réaumur R.-A.-F. L'Art de convertir le fer forgé en acier. – Paris: M. Brunet, 1722. – 584 p.
51. Chomel N. Dictionnaire oeconomique. 3 tomes. – Paris: Ganeau, Bauche, Estienne, d'Houry, 1767. – 974 p., 919 p., 910 p.
52. Agriculture théorique et pratique [4 tomes.] – Paris: Dufart, 1796. – T. 3, 4. – 277 p., 288 p.
53. Lalauze C.-F.-A., de. Économie rurale et civile. 6 tomes. – Paris: Buisson, 1789–1792. – T. 1, 2, 4. – 504 p., 535 p., 394 p.
54. Liger L. Le Jardinier fleuriste. – Paris: Saugrain fils, 1768. – 434 p.
55. Bastien J.-F. La nouvelle Maison rustique. 3 tomes. – Nouvelle édition. – Paris: Déterville, Desray, 1798. – 889 p., 905 p.
56. Massialot F. Le Nouveau cuisinier royal et bourgeois. 2 tomes. – Paris: Prudhomme, 1742. 568 p., 556 p.
57. Sind, J.B. Freiherr, von. L'Art du manège. – Vienne (Paris): G. Desprez, 1774. – 358 p.

УДК 7.072.5:[736:75.023.22]

Л.А. Будрина*

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ КАМНЕРЕЗОВ
В АКВАРЕЛЯХ В ЖАНРЕ ИНТЕРЬЕР:
ВКУС, ПОЛИТИКА, АТРИБУЦИЯ**

Ключевые слова. Камнерезное искусство, акварель, жанр интерьер, малахитовая дипломатия, кросс-культурный обмен.

Аннотация. История русского камня и его участия в формировании образа и престижа страны зафиксирована в множестве документов. Особую их категорию составляют изображения интерьеров, выполненные в технике акварели. В статье анализируются памятники изобразительного искусства и их роль в реконструкции истории бытования покинувших Россию камнерезных произведений.

L.A. Budrina**

**PIETRA DURA RUSSIAN PIECES IN THE WATERCOLOR
INTERIEURS: TASTE, POLITIC, ATRIBUTION**

Keywords. Pietra dura, stonecutting art, watercolor, interior, malachite diplomacy, cross-cultural exchanges.

Abstract. The history of the Russian decorative stone and his role in the formation of the image and prestige of the country were represented in the different documents. A special kind of them represent the watercolor interior views. The article analyzes some art pieces and those role in the reconstruction of the history of the stonecutting art pieces what leaved Russia.

Изучение истории создания и последующей судьбы произведений русских камнерезов постепенно преодолевает рамки узкорегionalных или каталогизирующих отдельные коллекции исследований. Обращение к истории предметов, покинувших пределы России (большей частью – в качестве дипломатических подарков), их выявление, атрибуция и реконструкция бытования потребовали

* Будрина Людмила Алексеевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: ludmila.budrina@gmail.com.

** Budrina Ludmila Alekseevna, Candidate of Art History, Associate Professor of the Department of History of Art and Museology, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); e-mail: ludmila.budrina@gmail.com.

обращения к источникам самого разного характера. Наряду с архивными документами, мемуаристикой, музейными базами, чрезвычайно полезным стал анализ акварельных изображений интерьеров.

Получивший широкое распространение жанр интерьерной графики является чрезвычайно информативным источником. Так, помимо сведений о том, где именно находился тот или иной предмет обстановки на момент создания акварельного рисунка, эти изображения демонстрируют роль произведений русских камнерезов колористической программе интерьеров, в пространственных решениях парадных и жилых покоев. Несколько примеров, информационная составляющая которых была использована в предыдущих исследованиях, в этой статье будут рассмотрены с точки зрения обращения к акварелям как документирующим вкус и моду памятникам.

Обращение к информационному аспекту интерьерной акварели имел большое значение для реконструкции состава малахитовой коллекции Русского отдела первой Всемирной выставки в Лондоне в 1851 году и атрибуции составлявших ее предметов [1], а также позволил расширить представление о рекламном характере этого ансамбля [2, С. 186–188] и примененных для этого контрастных колористических решениях.

Для атрибуции целого ряда предметов из малахита, ранее входивших в коллекцию Демидовых, ключом стала акварель Э. Штеккера с видом Гобеленового зала виллы Сан-Донато из собрания Государственного Эрмитажа. Это произведение позволило идентифицировать разрозненные в настоящее время детали «великолепного сюрту» [3], восстановить историю двух пар роскошных ваз-канделябров [4]. Также этот графический лист позволила проанализировать особенности вкуса А.Н. Демидова, для которого был создан оригинальный интерьер с сочетанием шпалер XVII века, исполненных в соответствии с классицизмом «Большого стиля» Людовика XIV, ампирной мебели и произведений из малахита, созданных в 1820-е годы в соответствии с вкусом раннего историзма [5, С. 527–530].

Не менее интересным обращением к акварелям стал опыт работы над подарочным календарем «Искусство уральских мастеров в императорском дворце» [6], на страницах которого удалось

соединить произведения русских камнерезов, проектную графику с акварельными видами залов Императорского Эрмитажа и покоев Зимнего дворца. Это позволило показать восприятие работ из цветного камня современниками их создателей, подчеркнуть интерьеробразующую роль ряда крупных памятников.

Целый ряд атрибуций и ценных сведений удалось почерпнуть из акварелей европейских художников в рамках большого исследования, резюмированного книгой «Малахитовая дипломатия» [7]. Не имея возможности остановиться на всех графических произведениях, послуживших источниками ценной информации, остановимся на нескольких наиболее полно иллюстрирующих тезис о документальной ценности такого рода произведений.

В начале 1850-х годов Пруссию посетила известная чешская пейзажистка и мастер жанровой живописи Луиза Пьепенхаген (Luise Piepenhagen, 1825–1893). После посещения берлинского городского дворца она выполнила несколько акварелей с видами парадных интерьеров. Лист «Чайный салон короля Фридриха-Вильгельма IV в берлинском дворце» (1853) интересен как первая фиксация местоположения роскошной малахитовой жардиньерки — сделанного в 1834 году подарка русского императора Николая I принцессе Елизавете Людовике Баварской (1840–1861), супруге наследника прусского престола. Не сохранившееся сегодня произведение запечатлено в интерьере, насыщенном множеством менее масштабных предметов из малахита и других русских камней. Часть из них можно сегодня идентифицировать в собраниях Государственных прусских замков и садов Берлин-Бранденбурга в Потсдаме. Среди них, например, пара малахитовых кувшинов с золоченой бронзой (1830-е гг.), несколько малахитовых столиков, подсвечники и чашечки из этого же камня. Также акварель Л. Пьепенхаген свидетельствует о сохранении определенных декоративных программ интерьеров с крупными малахитовыми предметами. Позднеклассицистический интерьер со светлыми стенами оказывается дополнен не только ярким насыщенным зеленым цветом предметов из уральского камня, но и дополнен малиновым текстилем драпировок на окнах и обивки мебели. Эта программа впервые была реализована в 1809 году в Большом малахитовом салоне Большого Трианона [8, С. 28–29], затем к ней обратились при создании интерьера Гостиной императрицы в Зимнем дворце («Малахитовый зал», 1838–1839).

Акварель Эдуарда Гартнера (Eduard Gaertner, 1801–1877) запечатлевшая «Зеленую комнату принцессы Марианны в берлинском дворце» (1847), содержит изображение квадратной малахитовой чаши – одной из самых популярных моделей императорских гранильных фабрик 1830-х – 1840-х годов. Сопоставление размеров предмета, воспроизведенных на графическом листе обломов борта чаши и характерного завершения ножки позволило отметить соответствие этих элементов с деталями квадратной малахитовой чаши из потсдамских музеев. Таким образом, можно предположить, что этот предмет был подарком, вероятно, полученным принцессой Марией Анной Амалией Гессен-Гомбургской (1785–1846), любимой тетей императрицы Александры Федоровны. Любопытно, что в этом интерьере реализован другой принцип сочетания малахитовых предметов с окружающей обстановкой, который можно назвать «зеленое в зеленом». Этот прием, более характерный для созданных в 1840-х – 1850-х годах интерьеров петербургских дворцов Закревского и Юсуповых [8, С. 42–45], в берлинском варианте, возможно, был случайным – относительно камерный размер малахитовой чаши позволяет допустить ее второстепенную роль в декоративной программе зала.

Еще один пример атрибуционного значения интерьерных акварелей дает изображение «Столовой виллы Берг в Штутгарте» (1855), созданное Францем Хенрихом (Franz Heinrich, 1802–1890). Произведение зафиксировало расположение предметов в только что построенной вилле наследника вюртембергского престола и его супруги, великой княгини Ольги Николаевны. На акварели отчетливо можно определить расположение двух малахитовых ваз-бандо (в виде амфоры) работы мастеров петергофской гранильной фабрики, подаренных императором Николаем I, любящим отцом вюртембергской принцессы, в 1850 году. Появление предметов на художественном рынке в 1990-х годах сопровождалось странными атрибуционными данными, которые удалось исправить и обосновать с помощью изображения. Отметим, что в этом монументальном интерьере малахитовым вазам отведена роль одного из элементов декора, основное звучание которого задают светлые стены и потолок, ряды эффектных темно-серых колонн и яркий ковер на полу.

Эта же акварель зафиксировала и еще один малахитовый подарок, сделанный в том же году. Речь идет о большой круглой

чаше, выполненной на екатеринбургской гранильной фабрике в 1843 году по рисунку помощника директора фабрики по художественной части Александра Ивановича Лютина (1814–1884) и получившей пышный бронзовый постамент работы петербургского бронзовщика Феликса Шопена (1813–1892) в 1845 году. Долгое время единственным изображением итоговой композиции был карандашный рисунок, акварель позволила увидеть предмет в интерьере.

Не менее интересным исследованием стали поиски большой квадратной чаши работы екатеринбургской гранильной фабрики, подаренной в 1841 году императором Николаем I римскому Папе Григорию XVI. Несмотря на заметные размеры (сторона чаши – 1,4 м) эффектный предмет долгое время не удавалось обнаружить в собраниях Ватикана и его музеев. Помог случай: обнаружение фотоснимка и анонимной акварели с видом Сикстинского салона Апостольской библиотеки Ватикана. Эти данные позволили понять расположение русского дара во второй половине XIX – начале XX века, сопоставить это с трагическими событиями декабря 1931 года, когда обрушился целый сегмент здания. Благодаря этому в фондах музеев Ватикана удалось обнаружить уцелевшие фрагменты чаши и ножку предмета, изучить его, проанализировать характер основы малахитовой мозаики, обнаружить подпись старшего мастера Екатеринбургской гранильной фабрики и вернуть предмет в научный оборот.

Чрезвычайно интересным источником сведений о размещении предметов из русского камня в официальной королевской резиденции является опубликованный в 1848 году литографированный альбом с видами Виндзорского замка. В основе издания – цикл из двадцати шести акварелей, исполненных известным британским художником Джозефом Нэшем (Joseph Nash, 1809–1878).

Один из листов запечатлел интерьер «Малиновой гостиной» Виндзорского замка, созданный по заказу короля Георга IV архитектором Джеффри Уайтвиллом в 1824–1840 годах. Использованный для обрамления подаренной в 1827 году эффектной малахитовой вазы медичи декор соответствует уже упомянутой программе: светлый с позолоченной лепниной потолок и такие же пилястры на стенах дополнены текстилем малинового цвета в драпировках окон и обивке стенных панелей. Декоративная

программа интерьера была изменена в конце XIX века, когда по желанию королевы Виктории малахитовая чаша была заменена на новый подарок российского императора – резную вазу из серо-фиолетового порфира работы Колаванской шлифовальной фабрики [7, с. 125, 141].

Еще один лист этого издания воспроизводит вид «Белой гостиной» замка. Здесь, в светлом интерьере центральное место занимает любопытный памятник русского камнерезного искусства и творчества английских бронзовщиков. Эффектная малахитовая квадратная чаша на высоком пьедестале из коргонской яшмы была отправлена из Петербурга в 1827 году. Уже в следующем году она была передана для дополнения золоченой бронзой в лондонскую фирму «Морель и Сиддон», где были выполнены медальоны с профилем короля и лавровые гирлянды для пьедестала, а также накладки на борт и ножку чаши. Также, в заказе были отмечены золоченые ручки, единственным свидетельством существования которых является рассматриваемая акварель. В настоящее время предмет сохранился в Королевских коллекциях [7, с. 124].

На этом же изображении можно увидеть столик на бронзовом золоченом подстолье. По этой части можно идентифицировать местоположение в покоях королевы Виктории подарка, сделанного во в 1844 году императором Николаем I. Изящный рисунок цветочного букета получил роскошную интерпретацию в рельефной мозаике из цветных камней, исполненной мастерами Петергофской гранильной фабрики [9]. Во второй половине XIX–XX столетии это произведение неоднократно перемещалось, однако его первоначальное местоположение в любимой резиденции королевской семьи, зафиксированное на акварели, свидетельствует о высокой оценке дара.

Рассмотренные примеры обращения к акварелям в жанре интерьер не оставляют сомнений в том, что подобные произведения изобразительного искусства являются ценными свидетельствами эволюции модных пристрастий на протяжении столетий, а также источниками информации об истории произведений отдельных видов декоративно-прикладного искусства, в частности – работ российских камнерезов.

Библиографический список

1. Бударина Л.А. Малахитовая фабрика Демидовых: по следам экспонатов первой Всемирной выставки (Лондон, 1851) // Демидовы в России и Италии. Опыт взаимного влияния российской и европейской культур в XVIII–XX вв. на примере нескольких поколений семьи Демидовых. – М.: Издательский центр «Концепт-Медиа», 2013. – С. 259–293.
2. Ludmila Budrina. The strategy of a new material: the Demidoff family and malachite // *Researching Art Markets Past, Present and Tools for the Future* / Edited by Elisabetta Lazzaro, Nathalie Moureau and Adriana Turpin. – London, New York: Routledge, 2021. – P. 182–193.
3. Бударина Л.А. «Великолепный surtout de table» (1822–1824) по заказу Н.Н. Демидова // «Звезда ренессанса», № 26–27, 2018. – СПб., 2018. – с. 196–213.
4. Budrina Ludmila. Malachite Networks: The Demidov and Medici Vases-torchères in The Met. // *Metropolitan Museum Journal*, v. 57 (2022). – P. 148–159.
5. Бударина Л.А. (2022). «Малахитовые залы» виллы Сан-Дonato: реконструкция ансамблей и атрибуция их составляющих. Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение, 12 (3). – С. 525–537.
6. Бударина Л.А. (тексты и составление). Искусство уральских мастеров в императорском дворце. Календарь. – Екатеринбург, 2018. – 13 с.
7. Бударина Л.А. Малахитовая дипломатия. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. – 208 с.
8. Бударина Л.А. Малахитовые залы Петербурга, России, Европы... // Блистательный Петербург. Роль архитекторов XIX века в создании неповторимого облика города. Материалы научно-практической конференции. Кафедра. Сб. науч. Ст. – СПб.: Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», 2011. – С. 23–49.
9. Бударина Л.А. Рельефный натюрморт в работах петергофских камнерезов 1840–1860-х гг.: истоки, контекст, особенности [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. – 2019. – № 4 (68). – URL: http://archvuz.ru/2019_4/21

УДК 7.072.5:[736:75.023.22]

О.А. Бухаркина*

**КОЛЛЕКЦИЯ ДОКУМЕНТОВ УЧАСТНИКА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ,
СОВЕТСКОГО РАБОТНИКА Я.Н. СОБАНЦЕВА
В СОБРАНИИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Ключевые слова. *История повседневности, факты биографии, личные документы, комплектование музейного фонда.*

Аннотация. *Автор на конкретном примере показывает возможности отражения истории повседневности через личные документы.*

О.А. Bukharkina**

**COLLECTION OF DOCUMENTS OF THE PARTICIPANT
OF THE CIVIL WAR IN THE URALS,
SOVIET WORKER YA.N. SOBANTSEV
IN THE COLLECTION OF THE SVERDLOVSK REGIONAL
MUSEUM OF LOCAL LORE**

Keywords. *History of everyday life, facts of biography, personal documents, acquisition of the museum fund.*

Abstract. *The author shows by a concrete example the possibilities of reflecting the history of everyday life through personal documents.*

В настоящее время остаётся актуальной для музеев задача показать в своих экспозициях историю страны через судьбы людей. В связи с этим весьма востребованы предметы, позволяющие отразить тот или иной период повседневности через факты конкретной биографии. Комплектуя свою коллекцию, Свердловский областной краеведческий музей, как и другие, всегда стремился собрать прежде всего те предметы, которые относятся к людям выдающимся (героям войны и труда, руководителям производства,

* Бухаркина Ольга Алексеевна, заведующая документальным отделом фондов Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера (Екатеринбург, Россия); e-mail buharkina1723@yandex.ru.

** Bukharkina Olga Alekseevna, Head of the Documentary Department of the funds of the Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Kler (Ekaterinburg, Russia); e-mail buharkina1723@yandex.ru.

государственным деятелям, писателям, артистам и др.). Это оправданно, но оставляет несколько в стороне материалы наших, возможно, «менее значительных», но не менее интересных земляков. Кроме того, лица широко известные часто не столь бережно относятся к фактам своей биографии и сохранению документов. Для потомков же, как показывает музейная практика, бывают важны даже самые простые житейские мелочи. Настоящим кладезем таких бытовых подробностей и деталей биографии является коллекция документов Якова Никоновича Собанцева (1888–1931), хранящаяся в коллекции письменных источников музея.

Я.Н. Собанцев происходил из крестьянской семьи, с 1896 г. по 1899 г. обучался в Губахинском начальном училище [1], работал на угольных копях, в 1905 г. вдохновился революционными идеями и в марте 1917 г. вступил в партию большевиков [2]. В 1918 г. он возглавил Красную гвардию Теплогорского района (ныне – Пермский край) [3].

Дальнейший его жизненный путь – воплощение принципа: «Куда пошлёт партия». В апреле 1918 г. Яков Никонович был отозван из армии и направлен в распоряжение Уральского округа путей сообщения на борьбу с контрреволюцией на железной дороге – стал ревизором и военным контролером. Свои обязанности Собанцев выполнял, передвигаясь вместе с Красной армией, в частности, с 3-й Армией Восточного фронта.

Начав службу на транспорте, Яков Никонович сразу же получил самые широкие полномочия: «Производить обыски и аресты по всем линиям железных дорог Уральской области, также задерживать лиц, учиняющих самочинно обыски» [4]. Он прикладывает значительные усилия, чтобы в непрестанно меняющейся обстановке Гражданской войны бороться с задержками поездов, упорядочивать перевозку пассажиров и продажу билетов. По всему протяжению Пермской железной дороги одна за другой рассылаются подписанные Собанцевым телеграммы о недопуске пассажиров в товарные вагоны, воинские и санитарные поезда; о принятии строжайших мер по проверке документов проезжающих; о запрещении военным останавливать поезда на перегонах; о прекращении выдачи проездных документов частным лицам, передвигающимся без уважительных причин; о предупреждении злоупотреблений чинов железнодорожной охраны.

Яков Никонович задерживал на дороге дезертиров, как из армии, так и с трудового фронта, следил за работой контрольно-пропускных пунктов, а кроме того – занимался агитационной работой [5]. Мандаты, удостоверения, приказы, служебные письма и телеграммы в фонде Собанцева свидетельствуют о значительных усилиях различных властных структур, предпринимавшихся для наведения порядка на железнодорожном транспорте в 1918–1920 годы.

В 1924 г. Я.Н. Собанцев перешел на службу в Шадринскую контору Первого акционерного общества «Транспорт» и вскоре ее возглавил [6]. В этой должности Яков Никонович сразу же получил массу общественных нагрузок: член правления профсоюза транспортных рабочих; секретарь бюро ячейки МОПР (Международная организация помощи борцам революции), председатель правления межсоюзного клуба им. Томского, народный заседатель в суде и даже редактор стенгазеты «Грузчик» [7]. Каждый факт подтверждён документально.

Высоко ценя Собанцева, в апреле 1925 г. общее собрание транспортных рабочих Шадринского округа присвоило Якову Никоновичу звание «Героя труда». Окружной комитет профсоюза направлял своё ходатайство по инстанциям, вплоть до ВЦСПС в декабре 1927 г. [8], но окончательный ответ так и не был получен.

В 1926 г. Собанцева перебросили на текстильную фабрику «Красный октябрь». Проработав там в должности директора менее года, Яков Никонович на заседании правления Уральского объединения текстильных фабрик в феврале 1927 г. отчитался о повышении на 17 % производственной программы, об улучшении технических результатов и административно-хозяйственного распорядка [9].

В том же 1927 г. Собанцева направили заниматься лесным хозяйством – он стал заведующим лесным отделом Шадринского окружного земельного управления. На этом посту между поездками по делам лесозаготовок, заботами о заключении договоров по найму рабочей силы, производственными совещаниями Яков Никонович находит время для работы с Шадринским научным хранилищем и даже становится его первым почетным членом и председателем правления Общества друзей хранилища [10]. Коллеги Собанцева охарактеризовали его работу в этот период

в следующих словах: «Будучи поставленным на ответственный пост руководителя лесного хозяйства и не являясь специалистом в области лесного дела, тов. Собанцев создал атмосферу чисто товарищеских отношений, при которой работа протекала дружно, и каждый сотрудник, независимо от занимаемой должности, чувствовал себя ответственным за выполняемую им работу» [11].

В сентябре 1928 г. Яков Никонович попал в столицу области, в Свердловск, в трест «Уралтекстиль», откуда в 1929 г., с мая по октябрь, был направлен работать заместителем директора Камышевского пимокатного завода им. Ивана Малышева [12]. С производства валенок Собанцева переводят на торфоразработки, он возглавляет профильный отдел «Уралтекстиля» до ликвидации этого учреждения.

В 1930 г. Я.Н. Собанцева направляют на работу инструктором организационного отдела Уралоблисполкома, затем – ответственным контролером при Президиуме облисполкома по наблюдению за выполнением его постановлений, а с 1931 г. – заместителем заведующего хозяйственным управлением [13]. В феврале 1931-го Якова Никоновича избирают делегатом VIII Уральского областного съезда Советов, затем XV Всероссийского съезда Советов и VI Всесоюзного съезда [14].

Я.Н. Собанцев скончался 26 декабря 1931 г.

Документы и фотографии Я.Н. Собанцева поступили в Свердловский краеведческий музей в 1987 г. от его родственников. После их обработки в коллекции письменных источников был сформирован архивный фонд № 28 и составлена опись № 1 дел постоянного хранения за 1899–1932 г. в количестве 336 дел. Фотографии описаны и заинвентаризированы в фотофонде музея.

Собрание документов Якова Никоновича Собанцева является примером внимательного и бережного отношения человека к каждому факту своей биографии. Яков Никонович документировал свою жизнь день за днем, все стремился зафиксировать и сохранить: извещение о призыве на военный сбор; командировочные удостоверения; служебный билет для проезда по железной дороге; коротенькие заметки и даже объявления из газет, написанные им самим или упоминающие о нем; избирательные повестки; наряд на бесплатную перевозку домашних вещей; больничный лист; рецепт на очки и др. Рассматривая тот или иной из этих

музейных предметов, можно заключить, что он не уникален и далеко не единственный подобный в обширной коллекции, но собранные вместе они представляют исследователю практически без пробелов линию судьбы человека, которому довелось жить в эпоху великих перемен, приспосабливаться к обстоятельствам, искать и найти свое достойное место в жизни.

Библиографический список

1. Государственное автономное учреждение культуры Свердловской области Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (далее ГАУ СО СОКМ). Ф. 28. Собанцев Яков Никонович (1888 – 1931 гг.) участник Гражданской войны, советский работник на Урале. Оп. 1 Д. 1. Л. 1.
2. ГАУ СО СОКМ. Там же. Д. 33. Л. 2.
3. Там же.
4. Там же. Д. 64. Л. 1.
5. Там же. Д. 33. Л. 3–3 об.; Д. 78, Л. 1.
6. Там же. Д. 33. Л. 4.
7. Там же. Д. 167. Л. 1.
8. Там же. Д. 207. Л. 1.
9. Там же. Д. 225. Л. 1.
10. Там же. Д. 235. Л. 1.
11. Там же. Д. 251. Л. 1.
12. Там же. Л. 5.
13. Там же. Д. 291. Л. 1.
14. Там же. Д. 296, 297, 298.

УДК 008:94(47).082

Л.М. Васильева*

ПАМЯТНИК ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II И ВОТКИНСКИМ МАСТЕРАМ ЛИТЬЯ

Ключевые слова. *Воткинский завод, памятник Александру II, И.И. Одаховский, форт Александровский.*

* **Васильева Людмила Михайловна**, член Воткинского городского отделения Удмуртского республиканского отделения Российского общества историков-архивистов, краевед (Воткинск, Россия); e-mail: lisihkamv@mail.ru.

** **Vasilyeva Lyudmila Mikhailovna**, Member of the Votkinsk City Branch of the Udmurt Republican Branch of the Russian Society of Historians and Archivists, local historian (Votkinsk, Russia); e-mail: lisihkamv@mail.ru.

Аннотация. Автор прослеживает историю изготовления памятника императору Александру II из чугунного литья на Воткинском железодельном заводе. Исполнение чугунного памятника отличалось от массовых бытовых изделий из чугуна на данном заводе и стало единичным изделием такого уровня.

L.M. Vasilyeva**

MONUMENT TO EMPEROR ALEXANDER II AND VOTKINSK CASTING MASTERS

Keywords. *Votkinsky Plant, monument to Alexander II, I.I. Odakhovsky, Fort Alexandrovsky.*

Abstract. *The author traces the history of the manufacture of the monument to Emperor Alexander II from cast iron at the Votkinsk Ironworks. The execution of the cast-iron monument differed from the mass household cast-iron products at this plant and became a single product of this level.*

История эта началась с прочитанной на просторах интернета книги Николая Васильевича Одноралова «Скульптура и скульптурные материалы». Так как я интересуюсь изделиями из чугуна, изготовленными на уральских заводах, и коллекционирую их, то просматривая главу «Чугун», я наткнулась на строку: «Одной из известных последних монументальных отливок из чугуна был, в частности, памятник Александру II, отлитый на Воткинском заводе и установленный в форте Александровском в 1895 году» [1, с. 38].

Общеизвестно, что воткинское художественное чугунное литье особая, малоизученная страница декоративного искусства. Среди сохранившихся образцов – чугунная садовая мебель, дверные ручки, печные заслонки, юбилейные блюда, пепельницы, подсвечники, чернильные приборы. Самые ранние сведения о воткинском литье относятся к 1830-м годам. В отличие от продукции заводов в городах Касли и Куса, воткинское литье не шло на широкий российский рынок, а производилось для употребления в близлежащих регионах, что ни в коей мере не влияло на качество литья и его художественное исполнение.

Воткинскими мастерами изготавливались пепельницы, рамки для фотографий (рис. 1) с изображениями воткинских пейзажей, подсвечники в форме якоря, печные дверцы с изображением символа завода – Николаевской башни (рис. 2). Особый вид бытовых

Рис. 1. Чугунная рамка для фотографий с растительным орнаментом и ангелочками. Изделие Воткинского железодельного казенного завода.

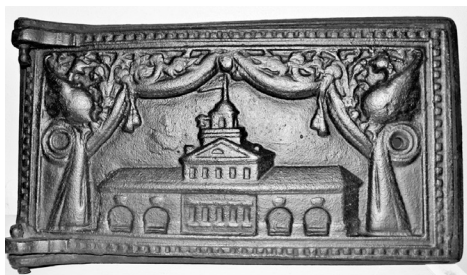

Рис. 2. «Чугунная печная дверца с изображением главного въезда в Воткинский завод – Николаевского корпуса, который был построен в 1832 году по проекту архитектора завода В.Н. Петенкина. Изделие Воткинского железодельного казенного завода.»

изделий – дверные ручки в виде фигуры льва. Ручки эти стали появляться на воротах в воткинских домах после пребывания группы мастеровых, численностью 30 человек, в столице Российской империи городе Санкт-Петербурге в 1858 году для установки шпиля Петропавловского собора. На подобных заводских изделиях редко ставили заводское клеймо или имя мастера.

Художественное литье, отливаемое на Воткинском заводе не было коммерческим. В первую очередь оно олицетворяло степень развития металлургических процессов на заводе, а во вторую очередь удовлетворяло нужды региона в бытовом и кабинетном литье.

А тут памятник императору, да еще для какого-то совершенно незнакомого населенного пункта.

Начался поиск информации по довольно необычному материалу. После длительных и интереснейших поисков получился такой результат.

Фортов с названием Александровский было несколько. Один из них входил в систему обороны Кронштадта, построен в 1838–1845 годах. Другой образован в 1846 году. Под началом генерала В.А. Обручева штабс-капитан Иванин возвел Новопетровскую крепость, которая послужила окончательному закреплению русской колонизации Средней Азии. С этих пор и возникает здесь Александровская слобода, в 1857 году переименованная в Форт-Александровск. С 1882 года Форт-Александровск становится центром Мангышлакского уезда Закаспийской области, в 1896 году ему присваивается статус города.

Предстояло понять, в каком именно форте был установлен воткинский памятник.

В базе данных находящихся на хранении документов в Центральном Государственном архиве Удмуртской Республики повезло обнаружить документ – «Дело об изготовлении для форта Александровского Закаспийской области обелиска в честь героев Хивинского похода 1873 года». [2, с. 1–37]

После прочтения дела, сомнений не осталось: тот самый форт сейчас носит название Форт-Шевченко и находится в Казахстане. Именно здесь, в 1893 году, около крепости на скале, торжественно был установлен чугунный бюст царя Александра II.

27 сентября 1891 года в главную контору Воткинского завода пришло письмо от старшего врача Александровского лазарета Ивана Игнатьевича Одаховского, участника Хивинского похода, с просьбой изготовить чугунную доску, на которой бы «красовались фамилии Героев Хивинского похода и таковая была помещена возле часовни». В письме было стихотворение Одаховского собственного сочинения для помещения его на доску с фамилиями.

Иван Игнатьевич Одаховский, согласно Большому биографическому словарю 2009 года (данные взяты из Критико-биографическому словарю С.А. Венгерова за 1889 год), родился 5 сентября 1828 года [3, часть 9, «ого-оди»].

По версии Российского медицинского списка за 1892 год, Одаховский 1831 года рождения. В этих же списках указан 1857 год, как год окончания курса медицинских наук [4, с. 164]. Начал службу в Военном Министерстве лекарем в 1860 году. В 1872 году получает чин титулярного советника, а к концу службы, в 1892 году, уже имеет чин коллежского советника.

Горный начальник Камско-Воткинских заводов Константин Казимирович Милковский дает поручение специалистам завода сделать проектobelиска. Этот проект посылают Одаховскому на ознакомление, после чего тот пишет: «План памятника прелестный, изящный и в нем не остается ничего прибавить, не убавить, а только любоваться и удивляться, что ваш Воткинский завод дошел до такого совершенства, где может конкурировать с другими заграничными заводами». Проект состоял из четырехгранногоobelиска с фамилиями участников Хивинского похода с трех сторон, стихотворением на четвертой грани и бюста императора Александра II.

Проект памятника царственной особе, как полагается в таких случаях, был отправлен в Санкт-Петербург для получения разрешения на его изготовление. 11 ноября 1892 года Главный Штаб уведомил Одаховского об одобрении императором Александром III данного проекта. По его высочайшему указанию Одаховский переделал некоторые строки стихотворения. Оно стало звучать так, и в таком виде было отлито на памятнике:

Поход Хивинский совершили
Со славой, честью и трудом
Врага, природу победили
Борьбой, оружием и крестом.
Так пусть гремит всегда ура
За веру, Русь и за Царя.

После чего началась работа воткинских литейщиков над заказанным памятником. Вес чугунного памятника составил 46 пудов 35 фунтов (764 кг). Цена в квитанции на отправку указанна 400 рублей. В сентябре 1893 года его отправили паромом

Курбатова с Устьреченской пристани на реке Кама в Казань, оттуда в форт Александровский.

Долго не мог решиться вопрос, где же сейчас находится памятник Александру II и героям Хивинского похода. В поисках помог случай. В социальных сетях, выбрав из жителей Форта-Шевченко умное и приветливое мужское лицо, написала, обрисовав интересующий вопрос, и стала ждать ответ. Этим человеком, на мое счастье, оказался краевед Форта-Шевченко Камиль Абдрахманов. Он и рассказал послереволюционную историю памятника.

Памятник Александру II, на котором высечены имена героев похода 1870 года, после 1920 года был разобран. Бюст царя сняли с постамента. Сам постамент простоял на старом месте до 1970-х гг. Камиль отправил мне фотографию, на которой его брат и отец сняты около постамента на высокой горе. Потом на месте постамента стоял памятник Ленину. А постамент забирал командир одной из находившихся в том районе воинских частей. После 1991 года памятник возвратили на прежнее место. Однако в 2000 году переместили в парк имени Тараса Шевченко, где он сейчас и находится.

Ныне на горе Коргантас, на месте обелиска героям Хивинского похода, установлен мемориальный памятник Досану Тажиеву и Исе Тленбаеву, предводителям национально-освободительного восстания 1869–1870 годов.

А часть бюста Камиль, после долгих поисков, в ходе нашей переписки, нашел в местном краеведческом музее в запаснике, правда находится эта часть бюста, а именно, голова, в совершенно плачевном состоянии. Похоже, пролежала она какое-то время в земле, поэтому утрачена большая часть лица.

Однако, сам факт, что известно литье воткинских мастеров в те далекие годы было не только в своем уезде, а и далеко за его пределами, и что в настоящее время им любят жители Казахстана, довольно приятно осознавать. Это дает повод еще раз с гордостью вспомнить наших заводских умельцев.

Библиографический список

1. Одноралов Н.В. Скульптура и скульптурные материалы. Учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Изобраз. искусство, 1982. – 221 с.
2. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1, Д. 9740. Дело об изготовлении для форта Александровского Закаспийской области обелиска в честь героев Хивинского похода 1873 года. 37 л.

3. Большой биографический словарь 2009 года URL:<http://biografiiviv.ru/doc/encyclopedia/biography/fc/slovar-206-9.htm#zag-99737>.
4. Российский медицинский список, изданный Медицинским Департаментом Министерства внутренних дел на 1892 год, С.-Петербург URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000020166/view/?#page=188>.

УДК 736+679.8

С.Е. Винокуров*

**«КУКУРУЗНАЯ ЛИХОРАДКА» В КАМНЕ:
ЧАСТНЫЙ ЭПИЗОД ТВОРЧЕСТВА УРАЛЬСКИХ
КАМНЕРЕЗОВ 1950–1960-х гг.¹**

Ключевые слова. Камнерезное искусство, Свердловский завод «Русские самоцветы», кукурузная кампания, художественная промышленность.

Аннотация. В статье, базирующейся на материалах архивного фонда свердловского завода «Русские самоцветы», а также произведениях из музейных коллекций, автор поднимает вопрос о влиянии масштабных проектов советского государства на творчество уральских камнерезов и, шире, деятельность художественно-промышленных предприятий СССР.

S. Ye. Vinokurov**

**“CORN FEVER” IN STONECARVING ART:
A PRIVATE EPISODE OF CREATIVITY
OF THE URAL STONECARVERS OF THE 1950s–1960s**

Keywords. Stone carving art, art industry, Sverdlovsk Factory “Russkiye Samotsvety”, corn experiment, art industry.

* **Винокуров Сергей Евгеньевич**, кандидат искусствоведения, заведующий отделом декоративно-прикладного искусства, Екатеринбургский музей изобразительных искусств; старший преподаватель кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: serg.vinokuroff@gmail.com.

** **Vinokurov Sergey Yevgenyevich**, Ph.D (Art History), Head of Decorative Arts Department, Ekaterinbur Museum of Fine Arts; Senior Lecturer, Department of History of Art, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); e-mail: serg.vinokuroff@gmail.com.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00467).

Abstract. *The article, based on materials from the archival fund of the Sverdlovsk factory "Russkiye Samotsvety", as well as works from museum collections, raises the question of the impact of large-scale projects of the Soviet state on the work of the Ural stonecarvers and, more broadly, the activity of art industrial factories of the USSR.*

Одним из ярких проявлений экономического волюнтаризма Н.С. Хрущева стала небезызвестная «Кукурузная кампания» 1950–1960-х гг. Как и практически все глобальные проекты и большие начинания СССР, попытка массового внедрения кукурузы в сельском хозяйстве нашла свое отражение в советском искусстве и массовой культуре. Не ставя перед собой цель оценивания как самой кампании, так и тех произведений, которые были созданы на почве этой масштабной истории, в статье будет представлен частный и отчасти курьезный эпизод деятельности свердловских камнерезов конца 1950–1960-х гг., выявленных в архивном фонде завода «Русские самоцветы» в Государственном архиве Свердловской области. Представляется, что этот эпизод является яркой иллюстрацией степени влияния на художественную промышленность СССР происходящих в государстве событий, в частности на творчество мастеров во многом консервативного в силу своей специфики камнерезного искусства.

*Кукурузная кампания в художественной промышленности
и массовой культуре 1950–1960-х гг.*

Прежде чем обратиться непосредственно к творчеству уральских камнерезов представляется важным провести обзор использования образа кукурузы в рассматриваемый период. Нельзя не отметить, что кукурузный паттерн встречается в советском текстиле несколькими десятилетиями ранее в контексте развития агитационной тематики. Так, на выставке «Ситцевая Россия» [1], проходившей в 2010 году в Всероссийском музее декоративного искусства (Москва) в разделе текстиля 1930-х годов был представлен стенд с образцами ситца, главным декоративным элементом которого наряду с тракторами и «лампочкой Ильича» был паттерн кукурузы. Однако, в данном случае мы можем говорить о кукурузе в художественной промышленности лишь в общем контексте агитационного производства.

Ситуация значительно изменяется в 1950–1960-е годы в связи с предпринятым Н.С. Хрущевым массовым внедрением в сельском хозяйстве. Так, в это время образ кукурузы согласно, с одной стороны, государственному заказу, а впоследствии в качестве момента критики всецело проникает в художественную промышленность и, шире, массовую культуру. Так, нельзя обойти вниманием расцветшее в очередной раз искусство плаката. Сотни вариантов агитационных плакатов, листовок, наклеек на спичечные коробки наполнили советское государство. Благодаря такой активной по своей сути рекламной кампании и по сей день не забыты знаменитые афоризмы, появившиеся в это время: «Кукуруза – источник изобилия», «Каждой тёлке по кукурузе» и т. п.

Отдельно отметим рисованный мультфильм А.В. Иванова, выпущенный «Союзмультфильмом» в 1957 году [2, с. 26, 282]. Широко известный в момент выхода, сегодня этот мультфильм при просмотре требует предварительных пояснений откуда у автора возникло такое внимание к кукурузе, а главное – в чем смысл вызова главного героя в одну из деревень северных широт. Этот яркий и небесспорный с точки зрения отношения автора к самому явлению мультфильм тем не менее был создан согласно устоявшимся уже традициям агитплаката. Спустя два года по его мотивам издательство «Изобразительное искусство» выпустило набор открыток тиражом 125 тысяч экземпляров.

Ярко кукурузный мотив проявился и в деятельности предприятий фарфоровой и стекольной промышленности. Не имея возможности перечислить все проекты фарфористов и стекольщиков этого времени, связанные со знаменитым знаком, отметим любопытный эпизод из современной нам деятельности художников. Так, на выставке «Декоративный минимализм. «Оттепель» в советском фарфоре», проходившей в 2020–2021 году в Государственном Эрмитаже. В экспозиции, наряду с предметами собственно оттепельной эпохи были представлены несколько произведений современных мастеров-фарфористов. Среди них, как ни удивительно, одно из центральных мест занимала композиция 2020 года «Царица полей» скульптора Императорского фарфорового завода Г.А. Белаш. Примечательно, что куратор выставки разместил эту композицию из нескольких початков кукурузы в царских коронах в одной витрине с еще одним произведением современного

мастера – Т.В. Афанасьевой – декоративными пластами, посвященными теме освоения Космоса.

Текстиль, фарфор, стекло, даже новогодние игрушки в виде початков кукурузы, поваренные книги – кукуруза на рубеже 1950–1960-х годов проникла во все сферы деятельности советского государства. Ярким подтверждением этому является и главный объект настоящей статьи.

Кукуруза в камнерезном искусстве и производстве

В процессе работы с архивными делами одного из ведущих художественных предприятий Среднего Урала – свердловского завода «Русские самоцветы» – автором настоящей статьи были обнаружены любопытные сведения, подчеркивающие широкое влияние кукурузной кампании Н.С. Хрущева, не ограничивающееся исключительно сельским хозяйством. Отметим, что в конце 1950-х – начале 1960-х годов свердловский завод «Русские самоцветы» переживает отчетливый кризис развития модельного ряда. Старые модели, отражающие стилистику позднего «сталинского ампира» или «советского ар деко» не отвечали требованиям времени. Пришедшие на протяжении 1950-х годов на завод художники и мастера – выпускники уральских художественных заведений – значительно повлияли на дальнейшее развитие камнерезного производства и расширение ассортимента [3, с. 73].

Одним из интересных инструментов развития художественной и производственной базы завода в 1950-е – 1960-е годы является введение на советских предприятиях системы так называемых рационализаторских бригад, в чьи задачи входила разработка предложений по усовершенствованию технологической и отчасти художественных составляющих производства.

Бригада рационализаторов и изобретателей, сокращенно – «БРИЗ» – была создана и на свердловском заводе «Русские самоцветы». При знакомстве в Государственном архиве Свердловской области с делами этой бригады было обнаружено любопытное в контексте настоящей статьи предложение. Так, на заседании БРИЗа 10 февраля 1962 года мастер-малахитчик цеха № 3 (камнерезный цех) Владимир Яковлевич Бакулин (1929–1984) выступил со следующим предложением:

Рацпредложение от 10 февраля 1962

Бакулин Владимир Яковлевич. Цех № 3. Малахитчик

Предложил вместо использования сирицитового сланца, доставаемого с Кавказа, для тонкой полировки малахита использовать початок кукурузы. «Шлифовка получается такая же». [4]

Любопытно, что уже спустя 5 дней в акте о внедрении рацпредложения было указано следующее:

Акт по рацпредложению №3 от 15.02.1962

Предложение В.Я. Бакулина внедрено в производство.

Заключение начальника камнерезного цеха: «Применение початка кукурузы для шлифовки малахита успешно заменяет сирицитовый сланец, добыча которого связана с большими затратами. Качество работы не ухудшается». [5]

Помимо этого любопытного эпизода не удалось обнаружить упоминаний о кукурузе в дальнейшей деятельности предприятия, не упоминается она и в финансовых отчетах завода в разделе закупленных средств и материалов.

На сегодняшний день нам не известно реально ли применялась кукуруза в том назначении, которое описывается на страницах архивных дел, однако это дало повод посмотреть на произведения уральских камнерезов на тему кукурузы. В ассортименте завода «Русские самоцветы» нам не удалось обнаружить внедренных в производство моделей с изображением кукурузного початка. Однако, в собрании Музея истории камнерезного и ювелирного искусства был выявлен лист с подробным эскизом приза с надписью на металлической ленте «За лучшие показатели по выращиванию кукурузы». Эскиз был подписан главным художником завода Евгением Евграфовичем Васильевым 23 апреля 1962 года. Сам приз представляет собой статуэтку в форме початка кукурузы, предполагавшуюся к созданию из оникса или мрамора в сочетании с нефритом или змеевиков в листьях и ониксового основания.

Известно, что свердловский завод «Русские самоцветы», помимо тиражных изделий, входивший в основной ассортимент, часто реализовывал специальные проекты. Это было тем более частым явлением в период подчинения завода до 1965 года местному наркомату, а именно Свердловскому областному управлению металлообрабатывающей промышленности [3, с. 73].

Непосредственно выполненные в материале произведения на тему кукурузы были выявлены в собрании музея техникума «Рифей», ранее называвшегося «Художественное ремесленное училище № 42». Для свердловского училища № 42, созданного в 1945 году на волне восстановления приостановленных или разрушенных производств, основной базой практики на протяжении советского времени был именно завод «Русские самоцветы». Тесное сотрудничество профессионального учебного заведения и предприятия приносило свои яркие плоды на протяжении нескольких десятилетий [6, с. 61].

Рис. 1. Композиция «Королева полей». ХРУ № 42. 1950-е гг.

Исполнители: Благов С.А., Устинов А.П., руководитель Райков П.И. Яшма, шайтанский переливт, кварц. Музей техникума «Рифей».

Фото автора

Возвращаясь к объекту нашего внимания отметим, что в собрании музея техникума «Рифей», базу коллекции которого составляют выпускные работы студентов училища № 42, нами было обнаружено сразу несколько произведений второй половины 1950-х годов, где в качестве изобразительного мотива появляется початок кукурузы. Во-первых, это объемная композиция «Королева полей» (рис. 1), выполненная студентами С.А. Благовым и А.П. Устиновым под руководством П.И. Райкина. Композиция представляет собой вертикально расположенный початок кукурузы с пышными листьями в основании, созданный в сочетании кварца, яшмы и шайтанского переливта.

Нельзя не отметить и хранящееся в музее произведение, своей темой и принципами оформления напоминающее о традиции создания мозаичных карт – знаменитых «Карты Франции» и «Карты индустриализации СССР» – масштабных проектов, вошедших в историю уральского камнерезного искусства и гранильного производства [7]. Крупное круглой формы панно, с символическим изображением карты Свердловской области и эмблемами

животных растений в медальонах, судя по указанной дате, могло быть создано к очередной Выставке достижений народного хозяйства, в которых училище принимало довольно активной участие с 1950-х годов. Помимо самого жанра работы, свидетельствующего о преемственности между дореволюционным камнерезным искусством Урала и педагогическими традициями училища № 42, внимание привлекает одна из сельскохозяйственных эмблем, а именно – изображение початка кукурузы наряду с изображением колосьев пшеницы и животных.

Представленные в статье примеры обращения советской художественной промышленности к образу кукурузы позволяют, с одной стороны, говорить о той масштабности, с которой подходило советское государство к реализации порой неоднозначных проектов, с другой – рассмотренный частный эпизод деятельности камнерезов Свердловска дает возможность говорить об открытости уральских мастеров к актуальным событиям и явлениям и, наконец, о путях, хоть иногда и курьезных, отклика на требования времени и государства.

Библиографический список

1. Исраелова С. «Ситцевая Россия» // Новое литературное обозрение, № 1 (2011). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/19_tm_1_2011/article/10296/ (дата обращения: 23.01.2023)
2. Капков С.В. Энциклопедия отечественной мультипликации. – М.: Алгоритм, 2006. – 816 с.
3. Винокуров С.Е. Свердловский завод «Русские самоцветы» и Главуелирпром в 1960-е: к проблеме отношений // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2022. № 1 (24). С. 70–77. DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.007>
4. ГАСО. Ф. 2211-р. Оп. 1. Д. 96. Л. 222.
5. ГАСО. Ф. 2211-р. Оп. 1. Д. 96. Л. 113.
6. Будрина Л.А. Фаберже, Коноваленко и уральские камнерезы: миф и история // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2022. № 4(27). С. 58–71. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.04.004>
7. Будрина Л.А. Резной камень в русско-французских взаимоотношениях: история явления в двух картах // 130 лет франко-русскому альянсу: проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества, Екатеринбург, 03–04 декабря 2021 года. – Санкт-Петербург: Издательство «Нестор-История», 2022. – С. 171–182.

УДК 390.1(470.2)

М.Ю. Данков, Д.А. Протс*

«МЕМОРИИ» ЦАРЯ ПЕТРА**(О коллекции предметов Петровского времени
в фондах Национального музея Республики Карелия)**

Ключевые слова. *Предметы Петровского времени, Национальный музей Республики Карелия, Петровский металлургический завод, Выговский монастырь, Марциальные воды, нумизматическая коллекция.*

Аннотация. *Статья посвящена редчайшему собранию петровского времени, из фондов Национального музея Республики Карелия. Это продукция Петровского завода: чугунные артиллерийские орудия, ядра, мирские «била», вериги для «умерщвления плоти», цилиндрические печи. Значительная часть предметов относится к памятникам Поморского круга, включая образцы «мелкой пластики». Интересны памятные чугунные плиты Г.В. Геннина об открытии лечебного источника и строительстве дворца Петра I в Марциальных водах, первом российском курорте. Особо отметим нумизматическое собрание, которое включает медные и серебряные монеты чекана России и Голландской Республики.*

M.Yu. Dankov, D.A. Prots**

«MEMORYI» OF TSAR PETER**(About collections time of Peter in funds National museum
of Karelia Republic)**

Keywords. *Subjects time of Peter the first, National museum of Karelia Republic, Petrovsky metallurgical plant, monastery of Vyg, Marcialinye water,s collection of numismatic.*

* **Данков Михаил Юрьевич**, научный руководитель проекта «Осударева дорога», Действительный член ВОО «Русское Географическое общество» (Петрозаводск, Россия); e-mail: dankov@sampo.ru; mdankov@inbox.ru

** **Dankov Mikhail Yurievich**, Scientific Director of "Osudareva Doroga" (His Majesty's Road) project, Full Member of the Russian Geographical Society (Petrozavodsk, Russia); e-mail: dankov@sampo.ru; mdankov@inbox.ru

* **Протс Диана Анатольевна**, научный сотрудник, хранитель музейных коллекций, БУ «Национальный музей Республики Карелия» (Петрозаводск, Россия); e-mail: fondkgkm@yandex.ru; protcdiana@yandex.ru.

** **Prots Diana Anatolievna**, Researcher, Museum Collections Curator, National Museum of the Karelia Republic (Petrozavodsk, Russia); e-mail: dankov@sampo.ru; mdankov@inbox.ru.

Abstract. *The article is devoted (dedicated) to the rare collection of the time of Peter the Great from the funds of the National Museum of the Republic of Karelia. These are the products of the Petrovsky Plant: cast-iron artillery pieces, cannonballs, mundane “beats”, chains for “mortification of the flesh”, cylindrical furnaces. A significant part of the objects belongs to the Pomeranian circle, including samples of “small plastic art”. The commemorative cast-iron plates by G.V. Gennin about the discovery of a healing spring and the construction of the palace of Peter the Great in the Marcial Waters, the first Russian resort, are of interest. We especially note the numismatic collection, which includes copper and silver coins minted in Russia and the Dutch Republic.*

В фондах Национального музея Республики Карелия хранится раритетное собрание предметов петровского времени. К сожалению, коллекции, формирование которых началось в XIX столетии, сегодня разрознены и малоисследованы [1, с. 140–147]. Основу собрания составляет уникальная продукция казенного Шуйского, с 1704 г. Петровского металлургического завода, которая на десятилетия определила огневую мощь русской армии.

Отметим ствол сигнальной полуфунтовой пушечки [2, КГМ 39754], отлитой на Петровском заводе, которую обнаружили в кон. XIX в. в Каргопольском уезде Олонецкой губернии. Выделяется чугунное орудие 1711 г. [3, КГМ 1623], поднятое в 1960 г. в прибрежной зоне Онежского озера, недалеко от «пробного места». Сейчас находка экспонируется на музейной площадке в Губернаторском саду. Упомянем 1 фунтовую пушку [4, КГМ 309] полевого базирования, обнаруженную в д. Викшозеро Кондопожского района КАССР. В мирное время она использовалась как перекаладина в печи и поступила в фонды в 1959 г. от Ф.К. Самойловой. Интерес может вызвать казенная часть артиллерийского орудия, отлитого на рубеже XVII–XVIII вв. [5, КГМ 39811], которое было «поднято» в урочище «Красивая Поляна» в 1964 г. на пожнях таежной р. Пяла. Исследовательские работы проводились сотрудниками КГКМ по «наводке» Б. Г. Емельянова, обнаружившего фрагмент затинной пищали в 1946 г. Однако находку смогли доставить в Петрозаводск лишь в 1966 г., где началось ее тщательное изучение. Скорее всего, пушка, была изготовлена в «Железной пустыни» на небольшом оружейном заводе Соловецкого монастыря,

упоминаемом в документах XVI–XVIII столетия. Представляет интерес, что в канале орудийного ствола, в «месте разрыва, составляющем 72 мм» сохранилось каменное ядро. Историк И.М. Мулло почти сразу отверг предположение, что монастырская пищаль, обнаруженная в округе Сумского Посада, могла быть «оставлена олонцами пушкарями на трассе «Осударевой дороги», царского «новопостроенного» пути 1702 г. [6, НА НМРК, Инв. № 1706; с. 247–253; с. 160, 152].

В собрании музея выделяется модель мортиры образца нач. XVIII в., изготовленная во второй половине XIX в., но свидетельствующая о мортирах, отливаемых на Петровском заводе [7, КГМ 116; № 5, с. 10]. Предмет случайно на своем огороде, обнаружил житель Петрозаводска И.А. Шкинев. Кроме того, укажем фрагмент ствола пушки, поднятый при земляных работах в 1980 г. на Заводской площади, который можно увидеть в музейной рекреации Губернаторского парка [8, КГМ 39811]. В фондах НМРК находится значительная коллекция 1, 3 и 6 фунтовых ядер, диаметром 4,8, 7,8, 9,2 см, отлитых в нач. XVIII в. [9, КГМ 48403, 43241, 43265]. Вызывает интерес коллекция из 152 ядер, в форме «чугунного литого шара, полого внутри» с «весом 5 кг 465 г» и «круглым отверстием», заблокированным «деревянной пробочкой» [10, НА НМРК, Инв. № 790; с. 223–224]. «Полые» бомбы были обнаружены в 1957 г. в ходе археологических работ в центре г. Петрозаводска, в рекреации квартала зданий СМ КАССР.

Среди ручного огнестрельного оружия в собрании музея интерес вызывает трофейный шведский мушкет [11, КГМ 39288] петровского времени с утраченными деталями «норвежского» замка и цифровой гравировкой на ложе «17×07». Считалось, что вырезанные цифры свидетельствуют о дате, изготовления мушкета 17 октября 1707 г., однако маркировка на деревянном прикладе не что иное, как номер одного из шведских арсеналов [12, с. 54]. При этом монограмма на «свейском» мушкете не является редкостью, такое клеймо встречается на трофейных ружьях в фондах ВИМАИВ и ВС, в коллекции ЦВММ имени императора Петра Великого в Санкт-Петербурге, в московском собрании ГИМА, и в Музее истории Полтавской битвы в г. Полтава. Очевидно «олонецкий» мушкет с затыльником французского типа и грубым прикладом, мог служить образцом для изготовления русских фузей

на Петровском заводе. Известно, что шведские и английские ружья в России появились после инициативы голландского купца Д. Гартмана (Артмана) [13, с. 198]. Генерал-адмирал Ф.А. Головин в депеше дипломату А.А. Матвееву настаивал «Господин Гартман поставит двадцать тысяч ружья из Англии», однако «сие изволь держать тайно» об этом «нихто не ведает» [14, л. 68]. В России такой мушкет «за глаза» стал называться «гартмановой фузейей» [15, с. 16].

На переломе XVII–XVIII вв. широкое распространение в Европе получили штыки-багинеты закрывающие ствол фузии, получившие название «байонет» [16, КГМ 71329]. Один из таких штыков был обнаружен в 1956 г., в ходе музейной экспедиции в Поморье. Одновременно в Национальном музее экспонируется багинет с коленчатой трубкой [17, КГМ 6010], который не блокировал дуло. Скорее всего, штык изготовлен в нач. 1710 гг., на Петровском заводе. Он крепился специальным кронштейном к стволу и позволял петровской лейб-гвардии вести штыковой бой и прицельную стрельбу, что вдвое увеличивало мощь русских атак против армии Карла XII.

Из холодного оружия, в фондах музея, выделяется западноевропейский однодольный палаш, похожий на боевой тесак [18, КГМ 39298], который служил матрицей для оружейных мастеров Петровского завода. На обухе клинка, выделяется елмань с отверстием и хвостиком для рукояти, а в верхней части полотна обнаружен полустертый возможно масонский орнамент с изображением солнца и полумесяца. Монограмма схожа с клеймом немецкого мастера XVII–XVIII вв. П. Мюнixa, из г. Золинген. В коллекции находятcя четыре чугунных мирских била из старых поступлений, которые отлиты на Петровском заводе в 1706 [19, КГМ 41793], и три в 1709 гг. [20, КГМ 41795, 48426, 53437]. Удары в «музыкальную» доску, служили сигналом к началу и завершению работы на заводах, Олонецкой верфи и Заонежских каменоломнях. Новгородский архиепископ Антоний отмечал, что в Константинополе «колокола не держат во святей Софеи» зато «бильцо мало в руке держа, клеплют» [21, с. 178–185]. В монастырях в «било» звонили до XVI в., а в провинции традиция сохранялась до петровского времени.

В собрании музея, находится немало предметов раннего петровского времени, связанных с крестьянской металлургией и датскими горными мануфактурами. «Карельский уклад», получаемый из болотной и озерной руды, задолго до Петра I был оценен

в Европе. Во второй половине XVII в. промышленники П.П. ст. и Х.П. Марселисы, А.И. Бутенант фон Розенбуш и Е. Ван дер Га(р)тен создали сеть частных железоделательных заводов в Фоймогубе, Устьреке, в Лижме и Кедрозере. В фондах хранится коллекция кузнечных инструментов и изделий из металла XVIII в. из д. Покровская и с. Семчезеро Медвежьегорского района [22, КГМ 342/1-7]. Можно выделить фрагменты сопл крестьянских домниц, обнаруженных на берегу Кумчезеро в 1960 г. н. с. музея И.М. Мулло и В.В. Алаовой [23, КГМ 264/1-45]. А также образцы «озерной» гематитовой руды и фрагменты руды из «рудяного» болота (Равдусио) [24, КГМ 362/1-25], древесный уголь и ошлакованное кричное железо [25, 829/1, 2].

О первом Кижском восстании 1694–1696 гг. черносошных крестьян против датского заводчика А. Бутенанта, и сопротивления лазутчикам шведского короля Карла XII свидетельствует «народные» образцы холодного оружия. Коллекция состоит из охотничьих и боевых рогатин с плоским пером [26, КГМ 56, 293], обнаруженных в кон. 1950 гг. в дд. Сельга и Селезнево под Медвежьегорском. Представляют интерес наконечник копья с «пожилинами» [27, КГМ 7455], бердыши в одно острие [28, КГМ 39284, 39286, 39289, 39309], топоры, уставное оружие стрельцов [29, КГМ 7456, 41773], «самопалы» с кремневыми замками, изготовленными местными оружейниками [30, КГМ 39283, 39287, 39290, 39295, 39297]. Отметим восьмигранный ствол гладкоствольной пищали (ручницы), переданный в музей через одного из авторов в 2004 г. [31, КГМ 55055]. Ствол с латунной инкрустацией в виде мальтийского креста на казенной части, обнаружил В.Г. Григорьев в п. Лехта на берегу оз. Шуезеро. Долгое время предмет использовался как штырь для подпорки ворот хлева.

Среди материалов петровского времени вызывают любопытство железные вериги, для «умерщвления плоти» [32, КГМ 7250]. Предмет из старых поступлений не имеет легенды, но подобные вериги могли принадлежать св. Фаддею Блаженному, который подражая великим христианским подвижникам, носил тяжелые оковы, по-верх «темной свитки и жесткой власяницы». По преданию Фаддей предсказал скорую кончину императора Петра I. В октябре 2000 г. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, блаженный, был канонизирован как местночтимый святой.

Значительная часть предметов относится к памятникам Выговского круга. Выделяются образцы «мелкой пластики» [33, с. 76–105], медные складни «Деисус с предстоящими» [34, КГМ 16550, 20860], которые были отлиты в Кодозерском и Огорельшевском скитах Выговского суземка [35, с. 61]. К старообрядческой культуре принадлежит редкий большой 3-х створчатый «Деисусный» складень, правая и центральная створки изображают Богоматерь и Вседержителя [36, КГМ 1988], а также центральная створка малого складня «Богоматерь Всем скорбящим радость» [37, КГМ 8094]. Конечно, выделяются 4-х и 3-х створчатые складни «Двенадцатые праздники» [38, КГМ 1990, 1989, 1984, 20884, 24177] изготовленные мастерами-литейщиками в пер. пол. XVIII в. с полной комбинацией праздничных сюжетов. Музейные сотрудники гордятся створкой миниатюрной «путной» иконки с изображением «Троицы» и Голгофским крестом на обороте, которую странники носили на груди в шитом мешочке-ладанке [39, КГМ 7793]. Также можно отметить иконку «Седмица с припадающими» [40, КГМ 16552], малый «киотный» крест [41, КГМ 1999] идентичный кресту в деревянном киотце [42, КГМ 28614], большой на-престольный 8-ми конечный крест [43, КГМ 1993] и 8-ми конечный крест-распятие, отлитый старообрядцами по образцу XVII в. [44, КГМ 1996].

Безусловное любопытство представляют рукописи петровского времени, собранные в разные годы на территории Олонецкого уезда и современной Карелии [45, с. 147–148, 150]. Прежде всего, речь идет о «Помянниках» усопших крестьян, иногда называемых «поминальниками» [46, с. 140–148]. Наиболее интересным является «Помянник крестьянина деревни Насоновской Никиты Михеева Воронина», в кожаном переплете, на 4-х листах [47, КГМ 1359/19]. Хочется провести параллель с документами старообрядцев д. Насоновская в Андомском погосте, принявших добровольную смерть [48, с. 238–239]. В число рукописей рубежа XVII-XVIII вв., входят «Помянник деревни Кузнецкой Петра Федотьева Шестакова» [49, КГМ 1359/2 Кс-33], «Помянник крестьян Кижского погоста» [50, КГМ 1359/7 Кс-38], «Помянник крестьян деревни Кузнецкой» [51, КГМ 1359/9 Кс-40]. А также «Помянники» крестьян «Кижской трети деревни Леликово...Терентия Алексеева с братьями Распутиными» [52, КГМ 1359/24 Кс-55], «деревни Кургеницы Кижского

погоста Ивана Васильева Дектерева» [53, КГМ 1359/29 Кс-60] и вне географический «Помянник» [54, КГМ 1359/17 Кс-48]. Очевидную ценность среди рукописных книг представляет «Канон Успению Пресвятой Богородицы» [55, КГМ 4270 Кс-66] и рукописный сборник «Жития Василия Нового, великомученицы Варвары, Трифона Печенгского и др.» [56, КГМ 15544 Кс-65]. Отметим сборник рукописных текстов, посвященных святому Димитрию Солунскому [57, КГМ 20824 Кс-218], рукопись «Служба в неделю Фомины, выписанная из цветной Триоди» [58, КГМ 20826 Кс-220] и рукописную книгу пер. пол. XVIII в. «Праздники нотированные» [59, КГМ 20830 Кс-224]. Кроме того, в собрании хранится рукопись датируемая XVI–XVIII вв. «Псалтырь с дополнениями» [60, КГМ 20840 Кс-234]. Конечно, интерес вызывают титульные листы пер. пол. XVIII в. «Праздники певчие» выполненные полууставом, которые в 1981 г. музей получил в дар от собирателя русских древностей И.Н. Заволоко [61, КГМ 18568/1-3]. Однако основной пласт письменных источников эпохи Петра Великого составляют книги общественного и частного богослужения [62, с. 31–37]. Выделим старопечатные книги кириллического шрифта с текстами богослужений. Имеется в виду служебные «Минеи» 1692 г. за сентябрь, две за декабрь и февраль [63, КГМ 12426 Кс-4; КГМ 12426 Кс-4; КГМ 15855 Кс-113; КГМ 15858 Кс-116], 1693 г., за июнь, январь, апрель, июль, май, март [64, КГМ 1324/2 Кс-19; КГМ 15825 Кс-91; КГМ 15837 Кс-21; КГМ 15842 Кс-105; КГМ 16413 Кс-165; КГМ 17079 Кс-22] и 1710 г. за март [65, КГМ 20846 Кс-240]. К этому кругу относится «Шестиднев» 1700 г. с двухцветной типографской печатью [66, КГМ 17100 Кс-208].

Среди старопечатных книг отметим «Апостол» 1688 г. [67 КГМ 16426 Кс-178] и «Пролог (сентябрь-февраль)» 1696 г. времени единоличного восхождения на трон царя Петра [68, КГМ 15843 Кс-15]. В этом смысле трудно не заметить «Новый Завет» изданный спустя три месяца после кончины императора Петра [69, КГМ 15833 Кс-98]. В коллекцию книг кирилловского шрифта, входит «Пролог» 1677 г. [КГМ 15824] с житием святых и поучениями «разнесенными» по дням. Внутри издания, сохранилась запись, о передаче книги «198-го (1690) г(ода) февраля въ 13 де(нь)» по указу противника старообрядчества Иоакима, патриарха Московского и всея России и всех северных стран, «казне Олонецкого

уезду в Рождественско(й) Палеостровско(й) монастырь в ц(е)рковь б(о)жию безденежно(w)». Знаковый дар состоялся при малолетнем Петре Алексеевиче, после трагических Палеостровских гарей 1687 и 1688 годов. Кстати патриарх Иоаким, 25 июня 1682 г. венчал на престол царя Петра, а в августе 1689 г. в момент стрелецкого бунта, утешал юного государя в подмосковном Троицком монастыре.

Подлинным украшением собрания, являются предметы, связанные с историей первого в России курорта, открытого в 1719 г. в с. Дворцы (Марциальные воды). Целебный «колодезь» названный в честь древнеримского бога войны Марса, был устроен у болота Равдсуо в 45 верстах от Петровского завода. В музейной экспозиции, привлекают внимание 2 памятные чугунные плиты. Текст первой [73, КГМ 4928] сообщает «Сей источник исцелительной марциальной воды сыскан для пользы его Царского Величества Петра Первого императора всея российского дела протчей всенародной пользы тчанием его искусством его Величества всенижайшего его раба артиллерии полковника и команданта олонецкого господина Георга Вильгельма Генина/1716». Другая доска [74, КГМ 39202] отмечает возведение государевой усадьбы «Строено радением и трудами артиллерии полковника Олонецкого команданта Георгия Вильгельма Геннина/ 1718 году». Предмет, был обнаружен в 1984 г. при сносе старого дома в д. Долгая Ламба и в 1998 г. доставлен в фонды. В интерьере церкви ап. Петра в Дворцах, сохранилось 2 цилиндрические чугунные печи, отлитые в 1718 г. на Петровском заводе [76, КГМ 8051, 8052], [75, с. 130–157]. Удивительно, но в храме, уцелел иконостас [77, КГМ 5616–5627], перевезенный в 1720-гг. из церкви ап. Петра в Лодейном Поле с интересной иконой имеющей евангельский сюжет «Спасение Петра на водах» [78, с. 89–95].

В музейное собрание входит 3 стула [79, КГМ 10734, 46276, 52649], из «попутной» усадьбы, которые по легенде «точил» царь Петр. Во всяком случае, документы 1929 г. свидетельствуют, что государь их смастерил во время очередной поездки «на воды». Руке царя, вероятно, принадлежат 5 напольных подсвечников для храма [80, КГМ 8039–8043]. Кроме того, в экспозиции находится столик рубежа XVII–XVIII вв. с чертами русско-голландского стиля [81, КГМ 13292–13293] и дубовый стол [71, КГМ 10739], принадлежащий княгине С.Д. Мышецкой, по преданию сестре братьев

А. и С. Денисовых, основателей Выгозерской обители [72, с. 136]. Кроме того любопытны 2 чугунных фрагмента кухонной плиты [82, КГМ 8058/3,4], на которой готовил еду, государев обер-кухен-мейстер И. фон Фельтен.

Однако жемчужиной фондов Национального музея является почти не изученная коллекция серебряных и медных монет петровского времени [83, с. 412–417]. Отметим, крупную серебряную монету, петровского времени, номиналом «ПОЛТИНА», отчеканенную в 1701 г. на Кадашевском монетном дворе в Замоскворечье [84, КГМ 98/2]. Монета, найденная на огороде на ул. Вытегорской, поступила в музейное собрание в 1959 г. от В.Г. Молговского жителя г. Петрозаводска. Она имеет гладкий гурт и шнуровую окантовку с вензелем «G» гравера Соломона Гуэна. Год чекана «1701» обозначен буквами старославянского алфавита «ѠѦѢ», где Ѡ является знаком умножения следующего числа на 1000, «Ѧ» обозначает цифру «1», Ѣ-указывает число «700». При этом выпуск рубля, начался только в 1718 г. и по сообщению датчанина Г. Грунда, соответствовал талеру и равнялся 100 старым копейкам [85, с. 123]. В собрании сохранились разные типы петровских «рублевиков», один из них [86, КГМ 21006], в 1955 г. обнаружил в Петрозаводске на своем огороде П.И. Павлов. Монета с буртиком в виде плетеной веревки, с буквенным обозначением даты «ѠѦѢ» (1718) имеет штампель с инициалами «ОК», резчика-медальера О. Калашникова.

Также выделяется «РУБЛЬ», чекана 1723 г. [87, КГМ 21007], который нашел в 1955 г. П.И. Павлов. Монета с витым ободком относится к «московскому типу», имеет на аверсе поясной профиль Петра I в горностаевой мантии. На монете отсутствуют инициалы гравера, а на обороте размещена монограмма царя с четырьмя скрещенными буквами «П», между которыми отчеканена буква/цифра «I». Появление на рубле вензелей «П» с римской буквой «I» произошло после Ништадтского мира и свидетельствовало, об императорском титуле царя и вовлеченности России в монетную систему Европы. Музейные хранители также бережно сохраняют 2 петровских рубля чекана 1725 г. [88, КГМ 21008, 98/3] полученные в 1983 г. от В.П. Бараева и в 1959 г. от Е.В. Васильевой.

Коллекция медных монет петровского времени, не менее любопытна. Упомянем «КОПЕЙКУ» с буквенным годом выпуска

«АФИ» (1708) и гладким гуртом из старых поступлений чекана Кадашевского монетного двора [89, КГМ 8162], поступившую в фонды через А.Д. Рылееву, заведующую отделом История до-революционной Карелии. Обратим внимание на «КОПЕЙКУ» с буквенным годом чекана «АΨAI» (1711) [90, КГМ 36707/216], которую обнаружили в ходе работы археологической экспедиции под руководством А.М. Спиридонова, вблизи фундамента путевой резиденции Петра I в историческом центре г. Петрозаводска [91, с. 89]. В собрании находятся аналогичные копейки чекана 1712 г. (АΨBI) Кадашевского и Набережного монетных дворов [92, КГМ 8163/6] из старых поступлений. А также монета 1713 г. (АΨГI) [93, КГМ 4553/1] оказавшаяся в музее в 1969 г. Этот тип монеты с надписью «ПОВЕЛТЕЛЪ» выпускался в 1704–1705 и 1707–1718 гг., но если «кадашевские» копейки были выпущены на 50000 рублей, то сумма тиража «набережной» монеты, составила 17 407 рублей 20 копеек.

Любопытна медная «КОПЕЙКА» 1724 г., поступившая на хранение в 1961 г. от М.А. Локтева уроженца д. Бор-Буданцев Медвежьегорского района КАССР [94, КГМ 577/1-21]. С 1724 г. такие монеты со сложным для фальшивомонетчиков сетчатым гуртом и шнуровидным кантом получили жаргонное название «рамочная копейка». Новый дизайн заключался в том, что кириллические буквы, обозначавшие год, впервые заменяются цифрами, а номинал помещается в двойную прямоугольную рамку. Сегодня «рамочные» копейки 1724 г. сохранились в незначительном количестве и имеют нумизматическую редкость. Кроме того в собрании находится особая медная «КОПЕЙКА» 1728 г. называемая «крестовик» [95, КГМ 577/12 1,2]. Известно, что монета с изображением равностороннего креста в двойной рамке с выпуклыми точками в кружках, чеканилась на Кадашевском монетном дворе в годы правления императора Петра II, внука Петра I.

А теперь о гордости музея, 4-х серебряных западноевропейских талерах [96, с. 177–181], в России называемых «ефимки», от полного «иоахтимсталер», места чекана в г. Иоахимсталь (Joachimsthal). Монеты скупались у иностранцев, и казна их использовала в международных расчетах по цене около 50 копеек [97, с. 65]. В коллекции 3 риксдаальдера (rijksdaalder) Республики соединенных провинций Нидерланды, 1694, 1696 и 1699 гг.

[98, КГМ 9865/3, 4, 5] и альбертусталер (albertusdaalder) чекана 1698 г. [99, КГМ 9865/2]. Талеры поступили в музей в 1972 г. от С.И. Марцинкевича, районного инспектора рыбоохраны Калевальского района КАССР и петрозаводского ихтиолога В.Т. Алехина. По словам сдатчиков, клад из 20 монет был обнаружен в развалинах фундамента старой мельницы, в местечке Муасьярви, на Семиповоротном пороге р. Писта (Пистойоки), при обследовании русла реки. На лицевой стороне риксдаальдера 1694 г. под короной видим щит, с профилем льва, который в лапах держит меч и пучок стрел. По кругу расположена латинская фраза «CONCORDIA*RES*PARVAE*GRESCUNT» («при согласии малые дела растут»), принадлежащая древнеримскому историку Г.С. Криспу. В ходе исследования выяснилось, что автором композиции является минцмейстер Й. ван Ромонд, а чекан осуществлен на монетном дворе г. Утрехт. Монета 1696 г., имеет угадываемую восьмигранную форму. На обороте размещен рыцарь в доспехах с поднятым мечом в правой руке, а левой опирающийся на гербовый щит с 4-мя окнами. Монета была отчеканена на монетном дворе Горн в провинции Вестфризия, по рисунку минцмейстера П. ван Рамонда. Третья монета датируется 1699 г. и на аверсе повторяет композицию риксдаальдера 1694 г., с той разницей, что щит делит цифры «16» и «99». На обороте изображен рыцарь в доспехах с поднятым мечом и малым щитом с двумя львами. Талер, отчеканен по эскизу гравера П. ван Ромонда, на монетном дворе Горн.

Между тем выделяется 4-ая монета клада, это альбертусталер выпуска 1698 г., эквивалент золотого дуката, испанского короля Карла II. Эту разновидность «дальдера», чеканил с 1612 г. Альберт VII Австрийский, штатгальтер Испанских (Габсбургских) Нидерландов. В Европе за монетой закрепилось название «патагон» (patagon), хотя в Московии она называлась «крыжовый (крестовый) талер». Любопытно, что на реверсе монеты в растительном орнаменте отчеканен крест Св. Андрея, вскоре, 11 декабря 1699 г. сделанный царем Петром главным корабельным символом Российского флота. Место обнаружения западноевропейских монет, позволяет связать находку эпохи Петра I, с малоизвестным грабительским рейдом 1718 г. шведского отряда майора С. Энберга. Поход из г. Каянеберг на приграничные Панозерский, Ребольский и Ругозерский погосты привел к лишениям крестьян,

у которых захватчики изъяли 6 000 пудов зерна, угнали 700 голов скота, украли 228 невода и 3 000 аршин холста [100, р. 110].

Взгляд на петровскую эпоху, был бы не полным без археологического материала из музейного собрания, включая предметы исторической зоны Петровского Посада (современный г. Петрозаводск) [101, КГМ 36707/1-230, 37888/1-459]. Коллекция состоит из фрагментов курительных трубок голландского типа, осколков западноевропейской столовой посуды и керамики, артефактов из дерева, кости и металла. В собрание входят пуговицы, перстни, обломанные гребни и монеты.

Завершая обзор петровских коллекций из фондов Национального музея Республики Карелия, согласимся, государевы «мемории» позволяют исследователям более внимательно оценить богатый на исторические сюжеты период молодой России царя Петра.

Библиографический список

1. Данков М.Ю. О коллекции предметов петровского времени в собрании Карельского государственного краеведческого музея // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Мат. III Конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 140–147.
2. КГМ 39754. Акт приема № 113 от 19.10.1998 г. Карельский государственный краеведческий музей, с 2011 г. НМРК (Национальный музей Республики Карелия). Фондовая аббревиатура «КГМ» сохранилась. См. Распоряжение Правительства РК от 21.09.2011 № 549 р–П «О переименовании государственного учреждения “Карельский государственный краеведческий музей”».
3. КГМ 1623. Акт приема № 21/1532 от 24.02.1968 г.
4. КГМ 309. Акт приема № 110 от 23.10.1959 г.
5. КГМ 39811. Акт приема № 113 от 19.10.1998 г.
6. НА (Научный архив) НМРК, Инв. № 1706; Мулло И.М. Предварительные итоги археологической экспедиции Карельского государственного музея в 1966 г. в Поморье // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 7. Петрозаводск, 2016. С. 247–253; Мулло И.М. К вопросу о производстве огнестрельного оружия в Карельском Поморье в XVI–XVII вв. // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1992. С. 160, 152.
7. КГМ 116. Акт приема № 43 от 10.04.1959 г.; Коллекции Карельского государственного музея. Каталог поступлений 1959–1960 гг. Вып. 1. Петрозаводск, 1965. С. 10.
8. КГМ 39811. Акт приема № 113 от 19.10.1998 г.
9. КГМ 48403, 43241, 43265. Акт приема № 149 от 20.04.2001 г.

10. НА НМРК, Инв. № 790; Пименов В.В. Отчет о раскопках склада ядер во дворе здания Совета министров (ул. Ленина) // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 6. Петрозаводск, 2011. С. 223–224.
11. КГМ 39288. Акт приема № 91 от 24.08.1998 г.
12. Литвин Т.С. Ручное огнестрельное оружие периода Северной войны в собрании Музея истории Полтавской битвы // Война и оружие. Новые исследования и материалы» Труды междунар. науч.-практ. конф. 15–17 мая 2013 года. Ч. III. СПб., 2013. С. 54.
13. Юркин И.Н. Петр железный. Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб., 2012. С. 198.
14. РГАДА. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам [на русском языке]). Оп. 1. 1701 г. № 1. Л. 68.
15. Жук А.Б. Винтовки и автоматы. М., 1987. С. 16.
16. КГМ 71329. Акт приема № 1 от 18.01.2010 г.
17. КГМ 6010. Акт приема № 15 от 30.03.1973 г.
18. КГМ 39298. Акт приема № 91 от 24.08.1998 г.
19. КГМ 41793. Акт приема № 65 от 31.12.1948 г.
20. КГМ 41795. Акт приема № 65 от 31.12.1948 г. КГМ 48426 Акт приема № 149 от 20.04.2001 г. КГМ 53437. Акт приема (перерегистрация) № 142 от 09.12.2003 г.
21. Цит. по кн.: Белоброва О.А. «Книга Паломник» Антония Новгородского: (К изучению текста // Труды Отдела древнерусской литературы. Отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. XXIX: Вопросы истории русской средневековой литературы. Памяти В.П. Адриановой-Перетц. Л. 1974. С. 178–185.
22. КГМ 342 1-7. Акт приема № 5/910 от 08.02.1960 г.
23. КГМ 264 1-45. Акт приема № 92 от 30.09.1959 г.
24. КГМ 362/1-25. Акт приема № 21/926 от 14.03.1960 г.
25. КГМ 829/1,2. Акт приема № 34/1222 от 17.04.1963 г.
26. КГМ 56. Акт приема № 20 от 03.02.1959 г. КГМ 293. Акт приема № 103 от 10.10.1959 г.
27. КГМ 7455. Акт приема № 56 от 20.11.1973 г.
28. КГМ 39284, 39286, 39289, 39309. Акт приема № 91 от 24.08.1998 г.
29. КГМ 7456. Акт приема № 56 от 23.06.1969 г. КГМ 41773. Акт приема № 65 от 31.12.1948 г.
30. КГМ 39283, 39287, 39290, 39295, 39297. Акт приема № 91 от 24.08.1998 г.
31. КГМ 55055. Акт приема № 18 от 04.02.2005 г.
32. КГМ 7250. Акт приема № 55 от 19.11.1973 г.
33. Винокурова Э.П. Поморское медное литье в собрании Карельского государственного краеведческого музея // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1992. С. 76–105.

34. КГМ 16550. Акт приема № 117 от 22.12.1979 г. КГМ 20860. Акт приема № 52 от 24.08.1983 г.
35. Шелюков Ф.С. Олонецкий музей: Каталог предметов, поступивших в музей с 1871 по 15 мая 1884 года. Петрозаводск, 1884. С. 61.
36. КГМ 1988. Акт приема № 58 от 27.06.1969 г.
37. КГМ 8094. Акт приема № 14 от 17.05.1974 г.
38. КГМ 1990, КГМ 1989, КГМ 1984. Акт приема № 58 от 27.06.1969 г. КГМ 20884, Акт приема № 65 от 14.07.1983 г. КГМ 24177. Акт приема № 19 от 23.02.1987 г.
39. КГМ 7793. Акт приема № 4 от 12.03.1974 г.
40. КГМ 16552. Акт приема № 54 от 11.06.1970 г.
41. КГМ 1999. Акт приема № 58/1671 от 27.06.1969 г.
42. КГМ 28614. Акт приема № 46/3934 от 28.02.1991 г.
43. КГМ 1993. Акт приема № 58 от 27.06.1969 г.
44. КГМ 1996. Акт приема № 58 от 27.06.1969 г.
45. Пигин А.В. Древнерусские рукописи в государственных хранилищах Петрозаводска (Предварительная характеристика) // Рябининские чтения—95. Сб. докл. Петрозаводск, 1997. С. 147–148; 150.
46. Панова Н.М. Памятники книжной культуры в собрании Карельского государственного краеведческого музея // Краеведение и музеи. Петрозаводск, 1992. С. 140–148.
47. КГМ 1359/19. Акт приема № 24 от 13.12.1967 г.
48. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1988. С. 238–239.
49. КГМ 1359/2 Кс-33.
50. КГМ 1359/7 Кс-38.
51. КГМ 1359/9 Кс-40.
52. КГМ 1359/24 Кс-55.
53. КГМ 1359/29 Кс-60.
54. КГМ 1359/17 Кс-48.
55. КГМ 4270 Кс-66.
56. КГМ 15544 Кс-65.
57. КГМ 20824 Кс-218.
58. КГМ 20826 Кс-220.
59. КГМ 20830 Кс-224.
60. КГМ 20840 Кс-23.
61. КГМ 18568/1-3. Акт приема № 57/2307 от 19.03.1981 г.
62. Семаков В.В. Книжная культура Выго-Лексинского общежития // Культура Староверов Выга. Каталог. Петрозаводск, 1994. С. 31–37.
63. КГМ 12426 Кс-4; КГМ 12426 Кс-4; КГМ 15855 Кс-113; КГМ 15858 Кс-116; КГМ 12426 Кс-4; КГМ 12426 Кс-4; КГМ 15855 Кс-113; КГМ 15858 Кс-116

64. КГМ 1324/2 Кс-19; КГМ 15825 Кс-91; КГМ 15837 Кс-21; КГМ 15842 Кс-105; КГМ 16413 Кс-165; КГМ 17079 Кс-22. Акт приема № 8 от 20.03. 1967 г.
65. КГМ 20846 Кс-240.
66. КГМ 17100 Кс-208. Акт приема № 41 от 31.03.1983 г.
67. КГМ 16426 Кс-178.
68. КГМ 15843 Кс-15.
69. КГМ 15833 Кс-98.
70. КГМ 15824.
71. КГМ 10739. Акт приема № 100 от 24.12.1968 г.
72. Михайлова И.К. Мебель XVII–XVIII вв. в собрании Карельского государственного краеведческого музея // Вестник Карельского государственного краеведческого музея: сб. науч. трудов. Вып. 5. Петрозаводск, 2006. С. 136.
73. КГМ 4928. Акт приема № 100 от 24.12.1968 г.
74. КГМ 39202. Акт приема № 89 от 20.08.1998 г.
75. Чудинов И.К. Олонецкие Марциальные воды // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб., 1858. С. 130-157.
76. КГМ 8051, КГМ 8052. Акт приема № 100 от 24.12.1968 г.
77. КГМ 5616–5627. Акт приема № 100 от 24.12.1968 г.
78. Кутьков Н.П. Сюжет «Спасение Петра на водах» в иконостасе Марциальноводской церкви // Марциальные Воды в истории Карелии и России. Мат. науч. конф. 12-13 сентября 2019 года, г. Петрозаводск. Петрозаводск, 2019. С. 89-95.
79. КГМ 10734. Акт приема № 5 от 09.02.1976 г. КГМ 46276. Акт приема № 65 от 31.12.1948 г. КГМ 52649. Акт приема № 12 от 17.05.1958 г.
80. КГМ 8039–8043. Акт приема № 100 от 24.12.1968 г.
81. КГМ 13292–13293. Акт приема № 4 от 13.03.1978 г.
82. КГМ 8058/3,4. Акт приема № 100 от 24.12.1968 г.
83. Данков М.Ю., Проц Д.А. О нумизматической коллекции петровского времени в собрании Национального музея Республики Карелия // деньги в Российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сб. мат. Четвертой межд. науч. конф. (13–15 октября 2021 г., Санкт-Петербург). Вып. IV. СПб., 2021. С. 412–417.
84. КГМ 98/2. Акт приема № 39 от 10.04.1959 г.
85. [Беспярых Ю.Н.] Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмалъм). СПб., 1998. С. 123.
86. КГМ 21006. Акт приема № 93/2730 от 19. 09. 1983 г.
87. КГМ 21007. Акт приема № 93/2730 от 19. 09. 1983 г.
88. КГМ 21008, 98/3. Акт приема № 393/2730 от 19. 09. 1983 г.

89. КГМ 36707/216. Акт приема № 25 от 19.06.1997 г.
90. Жульников А.М., Спиридонов А.М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 89.
91. КГМ 8163/6. Акт приема № 19 от 02.08.1974 г.
92. КГМ 4553/1. Акт приема № 41 от 23.05.1969 г.
93. КГМ 577/1–21. Акт приема № 69 от 28.10.1961 г.
94. КГМ 577/12 1,2. Акт приема № 69 от 28.10.1961 г.
95. Данков М.Ю. Гамбургский оружейный заводчик Петр Марселис и монетная афера 1662 г. // Деньги в Российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сб. мат. Третьей межд. науч. конф. (14–16 октября 2020 г., Санкт-Петербург). Вып. III. СПб., 2020. С. 177–181.
96. Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Первое Европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия. 1697–1698 / науч. ред. Э. Вагеманс. СПб., 2008. С. 65
97. КГМ 9865/3,4,5. Акт приема № 55 от 8.06.1972 г.
98. КГМ 9865/2. Акт № 55 от 8.06.1972 г.
99. Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen kostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. Helsinki, 1995. P. 110.
100. КГМ 36707/1-230, Акт приема № 25 от 19.06. 1997 г.; КГМ 37888/1-459, Акт приема № 2 от 13.01.1998 г.

УДК 340

Н.Н. Зипунникова*

**ФОРМИРОВАНИЕ ЮРИДИКО-МУЗЕЙНОГО
ПРОСТРАНСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ СЮЖЕТ
ОБ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ
(из практик Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева)**

Ключевые слова. *Музей истории юридического университета, юридико-музейное пространство, музейный мир, музейный гипертекст, традиции юридического образования и науки, междисциплинарность.*

* **Зипунникова Наталья Николаевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия); e-mail: museum@usla.ru.

** **Zipunnikova Natalja Nikolaevna**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia); e-mail: museum@usla.ru.

Аннотация. *Автором обозначается проблематика деятельности музея истории конкретного юридического вуза в контексте междисциплинарности и идей музейного гипертекста и музейного мира. Охарактеризованы опыт вузовской музейной работы и ее роль в познании развития отечественного юридического образования и науки. Высказывается гипотеза о значимости сотворчества музеев юридического профиля для формирования юрико-музейного пространства.*

N.N. Zipunnikova**

**FORMATION OF THE LEGAL MUSEUM SPACE:
HISTORICAL AND LEGAL STORY ABOUT THE
INTEGRATION OF EDUCATION, SCIENCE, CULTURE
(From The Practices of the Ural State Law University
Named After V.F. Yakovleva)**

Key words. *Museum of the history of the law university, legal museum space, museum world, museum hypertext, traditions of legal education and science, interdisciplinarity.*

Abstract. *The author outlines the problematics of the activity of the museum of the history of a particular law school in the context of interdisciplinarity and the ideas of museum hypertext and the museum world. The experience of university museum work and its role in understanding the development of domestic legal education and science are characterized. A hypothesis is expressed about the importance of co-creation of museums of a legal profile for the formation of a legal museum space.*

О междисциплинарности научных разысканий и интеграции образования, науки, культуры (вместо введения). Многослойность предлагаемой к рассмотрению проблемы в значительной степени связана с пресловутой междисциплинарностью исследовательских поисков – одним из мегатрендов современности; новая номенклатура научных специальностей в значительной степени стала отражением этого процесса. При этом, как представляется, вряд ли можно утверждать, что в понимании междисциплинарности и, соответственно, в ее реализации достигнуты все необходимые конвенции (и компромиссы). Так или иначе, предложение трактовать область междисциплинарности не как область пересечения разных научных дисциплин, а как их расхождения (т.е. как область «между» ними) [1, с. 14], видится не лишенным оснований. Можно

показать как минимум два примера из отечественной диссертационной практики самого последнего времени, которые иллюстрируют актуальность вопросов междисциплинарности / интегративности / расхождения и дальнейшую необходимость творческой рефлексии по их поводу. Речь идет о познании юридической (историко-правовой, в частности) проблематики представителями иных отраслей социогуманитаристики – историками, культурологами. В первом случае диссертантом осмысляются деятельность и роль в дореволюционном российском юридическом образовании Императорского училища правоведения [2], во втором – нормативно-правовые основания деятельности музеев в российских императорских университетах, с акцентом на формировании таковых учреждений в первом университете в Сибири (Томском) [3]. Кроме прочего, значимость междисциплинарности проявляется, на наш взгляд, в сохранении, изучении и популяризации интеллектуального и культурного наследия, в том числе, – посредством развития музейно-вузовских практик.

Об интеграции (взаимодействии, соотношении) образования, науки и культуры сформировано немало нарративов, включая небезынтересные. Устойчивый потенциал содержит идея прочтения музея, в том числе, университетского, вузовского, как институции, интегрирующей, «связывающей в узел» эти феномены. И это еще один срез междисциплинарности...

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева и музей его истории: «визитная карточка» и возможные линии музейных интерпретаций. УрГЮУ, получивший в 2022 г. имя своего выпускника 1953 г. (тогда вуз назывался Свердловским юридическим институтом или СЮИ), выдающегося правоведа и государственного деятеля Вениамина Федоровича Яковлева (1932–2018), в качестве исторической первоосновы имеет юридический факультет второго университета в Сибири – Иркутского, учрежденного одним из белых правительств в 1918 г. Случившийся не в первый раз «спор о датах» – 1918 vs 1931¹ – стал

¹ Длительное время «точкой отсчета» вузовской истории была отнюдь не плохо показанная в историографии советская реформа подготовки юридических кадров 1931 г. Однако, в самом вузе, в 1934 г. сменившем локацию с Восточной Сибири на Урал, в советские десятилетия, по крайней мере, дважды вставал вопрос о необходимости отсчитывать историю вуза с основания, развития факультета в Иркутске, который в 1931 г. был из университета выделен и реорганизован в самостоятельный Сибирский институт советского права.

частью вузовской биографии, определенной интеллектуальной традицией. Специализированный вуз для подготовки юридических кадров высокой квалификации, развивавшийся в исторической логике «от университетского юридического факультета к юридическому университету», за более чем вековую свою историю накопил значительный опыт, переживание, осмысление которого в полной мере демонстрирует верифицируемость двух важных концептов: (1) вышепоказанный тезис об интеграции образования, науки, культуры и (2) «судьба вуза – судьба страны».

Воссозданный музей истории университета функционирует уже более 10 лет. Его миссией (целью) определены сохранение исторической памяти вуза, изучение традиций юридического образования и науки как важнейшей характеристики генезиса правовой системы, правовой культуры, а также опыта УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева как ведущего юридического вуза России, участвующего в глобальном образовательно-научно-культурном пространстве. Задачи юридино-университетского музея формально закреплены на локальном уровне (актами вуза)¹. В условиях современного развития социогуманитаристики понимание, объяснение музея, включая вузовский, выглядит многомерным. Не имея возможности обозначить все линии интерпретаций, покажем несколько, как думается, значимых.

Юридино-университетский музей как творческая лаборатория памяти. Значение вузовского музея как одного из «мест памяти» (П. Нора) сложно переоценить: тема коммеморативных практик становится одной из системообразующих в нарративах о культуре. В контексте познания иной – военной – сферы отечественной истории показана возможная классификация таковых практик: поминальная, храмоздательская, топонимическая, реконструктивная, номинативно-организационная, художественная, церемониальная [4]. Очевидны и иные возможные подходы. Мероприятия музея истории юридического вуза в рамках экспозиционно-выставочного, культурно-просветительского, образовательно-научного

¹ См.: Положение о Музее истории СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева» // URL: <https://xn--c1azic8c.xn--p1ai/upload/iblock/19e/19e8e2ab8d05b2ebc82bfd3073abda6c.pdf> (Дата обращения: 20.12.2022).

направлений деятельности, по сути, выступают (или могут выступать) актами и практиками воспоминания.

Музей истории юридического университета как часть музейного гипертекста и составляющая музейного мира. Невозможность формирования на базе музея как институции культуры линейного текста экспозиции, создание в нем сложной совокупности текстов дали исследователям основание для введения особой категории – «музейный гипертекст». Это часть гипертекста мировой культуры, нелинейно организованная и открытая для интерпретации совокупность текстов, в которой заложен информационный потенциал музейного собрания, реализуемый в процессе музейной коммуникации и способный стимулировать познавательную активность индивида. Е.С. Лапин, отмечающий, что «в силу своей принципиальной открытости и незаконченности, музейный гипертекст способен выходить за рамки отдельного музейного учреждения и продолжаться в иных музеях», обращает внимание на необходимость дальнейшего теоретического изучения проблемы [5, с. 22–24]. Коммуникация музеев, в том числе, юридического профиля, вполне подтверждает перспективность высказанного прочтения музейной реальности.

В наименьшей степени интересен и концепт «музейного мира», который раскрывается, например, как открытая самоорганизующаяся система, обладающая признаками синергии – совместного действия, сотрудничества представителей материального, интеллектуального, коммуникационного пространств; названные пространства вполне обстоятельно охарактеризованы [6, с. 18; 7, с. 3–74]. Идея сотворчества музеев юридического профиля вполне вписывается и в такой концепт.

Юрико-музейный гипертекст, юрико-музейный мир выступают, как думается, фрагментами (составляющими) музейного гипертекста и музейного мира. Возможность и необходимость развития сотворчества соответствующих музейных институций, очевидно, назрели, формируется и некоторый опыт. Так, в ноябре 2022 г. на площадке музея С.С. Алексеева «Восхождение к праву» (г. Екатеринбург) состоялись исторические дебаты, в которых приняли участие студенты-юристы разных вузов. По инициативе музея истории УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, среди прочих вопросов, для дискуссии была предложена тема «Музеи в сохранении исторического и юридического наследия: устаревшая форма vs актуальная институция».

Дебаты, несмотря на сложность (и, полагаем, непривычность для будущих юристов) заявленной проблематики, оказались содержательными. Или такой пример: в связи с крупными юбилейными датами – со дня рождения Петра Великого, образования прокуратуры России – многие учреждения образования, науки, культуры инициировали выставочные и иные мероприятия, тем самым развивая упомянутый гипертекст. Музей истории УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в деятельном сотворчестве с Управлением архивами Свердловской области организовали на площадке университета большую выставку, в которой, кроме прочего, нашли отражение документы по истории прокуратуры на Урале, отложившиеся в трех областных архивохранилищах [8]. Архивы, в частности, Свердловской области, – не музеи, но также активные участники (меж)музейной коммуникации.

О преемственности вузовских юридико-музейных практик. Не вдаваясь в теорию практик и особенности так называемого прагматического методологического поворота в социогуманитарном знании, заметим, что термин «юридико-музейные практики» является условным, отнюдь не строгим. Источниками познания таких практик применительно к конкретному вузу выступают архивные материалы (особенно по иркутскому периоду вузовского развития (1918–1934), отложившиеся, прежде всего, в Государственном архиве Иркутской области, но также в архиве Иркутского государственного университета) и материалы устной истории, так называемые эго-источники. Последние имеют значение для понимания деятельности музея в СЮИ. Вопрос о преемственности представляется отнюдь не праздным, в юридической (и историко-правовой) науке данная категория занимает одно из центральных мест. Постановка вопроса о преемственности юридико-музейного дела в вузе, полагаем, в известной степени может способствовать продвижению в теоретическом осмыслении проблематики сохранения интеллектуального и культурного наследия.

На юридическом факультете Иркутского университета организовывались кабинеты и музеи. Так, одним из первых музеев – «учебно-вспомогательных учреждений» – был социальный, в числе его целей определялись сбор материалов о социальной жизни, формирование библиотеки по социальным вопросам, их научная разработка, особенно по касающимся местного края проблемам [9]. В Свердловском юридическом институте функционировал музей

боевой и трудовой славы; несмотря на слабую его формализацию и, соответственно, немногочисленную отложившуюся на архивном хранении документацию сформировались устойчивые представления о его работе. Часть материалов (прежде всего, фотодокументы), экспонировавшиеся в музее института, перешли в состав фондов действующего ныне музея истории. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне, о вузовских акторах – ее участниках, изучение опыта работы СЮИ в первой половине 1940-х гг. в значительной степени свидетельствуют о преемственности музейных практик [10].

Традиции юридического образования и науки в музейном дискурсе и роль музейных практик в познании этих традиций. Коммуникационные (и коммуникативные) смыслы музейной работы [11; 12, с. 8] в полной мере проявляются в деятельности музея истории юридического университета. Фондовая работа, научный поиск, выставочно-экспозиционная и экскурсионная деятельность, организация мероприятий в рамках молодежной политики, сохранение вузовской памяти и наследия, укрепление корпоративной культуры, продвижение юрико-университетского бренда – все взаимосвязанные направления музейной активности – в коммуникационном ключе способствуют познанию традиций отечественного юридического образования и науки. Цифровизация музейной работы, особенно актуализированная в последние годы, ее отражение на официальном сайте, в социальных медиа, корпоративной газете «Юрист» также «льет воду на мельницу» этих процессов. И если опыт советских десятилетий в части развития подготовки юридических кадров и правоведения относительно неплохо изучены (хотя и здесь до сей поры имеются значительные лакуны), то в отношении так называемых переходных периодов сохраняется немало задач. Несмотря на значительный интерес к деятельности Белых правительств, заметный в последние десятилетия, вряд ли можно констатировать, что вопросы государственно-правового толка, в том числе, особенности юридического образования как важнейшего перекрестка образования, науки, права, культуры этого времени являются тщательно исследованными. Значительные усилия сибирских коллег [13; 14] дали возможность продвинуться в их познании, но открытых тем еще более, чем достаточно.

К их изучению, в самых разных формах, музей приглашает начинающих исследователей – студентов-юристов. Круговая работа

(например, деятельность кружка СНО по истории государства и права России, с элементами музейного и архивного дела), участие в научных форумах, полилог обучающихся с абитуриентами и их родителями в рамках дней открытых дверей (с рассказами о традициях университета, о его людях разных эпох, др.) в известной степени способствуют формированию творческой, ответственной профессиональной личности будущего юриста. Большая работа с участием студентов-исследователей была проделана к вековому юбилею вуза, значительные планы у юридического университета и музея его истории имеются в деле познания традиций юридического образования и науки в связи с предстоящим осенью 2023 г. 105-летием.

Совместно с университетским архивом музей истории содействует реализации идеи фонда выпускников вуза об (юридико)-университетских династиях. Это большая и перспективная работа имеет имиджевую составляющую, но также свидетельствует о существенном интересе к универсанту – вузовскому человеку. Роль музея в подобном исследовании «юридического мира» видится отнюдь не бесполезной. Эту же цель преследуют сотрудники музея, активно участвуя в творческих встречах выпускников института – академии – университета разных лет. Познавать традиции юридического образования и науки в стране, а также собственно вузовский опыт позволяет и последовательное участие музея в разнообразных юбилейных коммеморациях и их творческое осмысление [15].

О музейной компоненте в научных, учебно-исследовательских, воспитательных и просветительских практиках (вместо заключения). Музей, в том числе, истории юридического университета, будучи творческой лабораторией памяти, частью формирующегося юридико-музейного пространства, а также эволюционирующих музейного гипертекста, музейного мира, способен скреплять, «склеивать» вузовскую научную, учебно-воспитательную и иную деятельность. Находясь на перекрестке образования, науки и культуры, музей истории УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева работает не только на пользу вузовских акторов – студентов, преподавателей, сотрудников, выпускников, а также абитуриентов, но и «внешних» агентов – гостей, участников различных форумов (например, регулярно проводимого в г. Екатеринбурге Европейско-Азиатского правового конгресса). Публикаторская работа сотрудников музея (научные работы, сопровождение публикаций документов, др.), выражаем

надежду, расширяет представления об опыте воспроизводства профессионального юридического корпуса страны и приращения научного знания о личности, обществе, культуре, государстве, праве.

Библиографический список

1. Книгин А.Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 3 (4). – С. 14–20.
2. Олимпиева И.В. Императорское училище правоведения (1835–1918): эволюция юридического образования в России и формирование корпуса просвещенной бюрократии: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2021. – 262 с.
3. Караченцев И.С. Формирование законодательной базы музейного дела университетов России (XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. культурологии. – Кемерово, 2022. – 26 с.
4. Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28–29 мая 2021 г.: сборник статей. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 237–241.
5. Лапин Е.С. Музейный гипертекст: аспекты осмысления // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2017. – № 3 (13). – С. 21–24.
6. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI в. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 230 с.
7. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 396 с.
8. Зипунникова Н.Н., Калинина А.В. Юридический вуз и архивы: опыт взаимодействия (по мотивам выставки к 300-летию Прокуратуры России «“Генерал-прокурор повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко...” История прокуратуры на Урале в свете архивных документов») // Российский юридический журнал. – 2022. – № 2 (143). – С. 172–182.
9. Государственный архив Иркутской области. Ф. р-71. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 6–6об.
10. Зипунникова Н.Н., Калинина А.В. Память о Великой Отечественной войне: стратегии и практики сохранения и трансляции (на примере Уральского государственного юридического университета) // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2020. – № 4 (41). – С. 40–53.
11. Мастеница Е.Н. Эвристический потенциал коммуникационного подхода в музееведении // Труды Санкт-Петербургского государ-

- ственного института культуры. СПб.: СПбГУКИ, 2007. – Т. 172: Современные проблемы межкультурных коммуникаций. – С. 295–302.
12. Кряжевских М.Ю. Коммуникационное пространство музея: формирование культурного дискурса. : автореф. дис. ... канд. культурологии. – Челябинск, 2012. – 26 с.
13. Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 483 с.
14. Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета : биобиблиогр. словарь / сост. и отв. ред. В.Н. Казарин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 252 с.
15. Калинина А.В., Гордик С.А., Еловииков Н.А. Катаргин М.В. Феномен юбилея в познании истории юридического вуза: исследовательские возможности и перспективы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 1. – С. 134–163 // URL: electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/Музей.pdf (Дата обращения: 20.12.2022).

УДК 93/94+69.04

В.С. Ившин*

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ РАННЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ВИРТУАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ г. СВЕРДЛОВСКА 1920-х – 1930-х гг.¹

Ключевые слова. *Историко-культурное наследие, виртуальные исторические реконструкции, цифровая история, источниковедение, методика, проектная документация.*

Аннотация. *В статье рассматривается методика и методология работы с архитектурно-строительной документацией*

* **Ившин Владислав Сергеевич**, аспирант 2-го года обучения «Отечественной истории» УрФУ, ассистент-исследователь кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

** **Ivshin Vladislav Sergeevich**, Postgraduate Student of the 2nd year of Russian History Ural Federal University, Assistant-Researcher at the Chair of Russian History, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); e-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21–78–10119, <https://rscf.ru/project/21-78-10119>.

г. Свердловска 1920-х – 1930-х гг. Автор подробно раскрывает потенциал и существенные ограничения использования данного вида источников в процессе создания виртуальных исторических реконструкций г. Свердловска в обозначенный период.

V.S. Ivshin**

**ARCHITECTURAL AND BUILDING DOCUMENTATION
OF THE EARLY SOVIET PERIOD AS A HISTORICAL
SOURCE UNDER THE VIRTUAL HISTORICAL
RECONSTRUCTIONS OF THE SVERDLOVSK GREEK
OF THE 1920's – 1930's**

Keywords. *Historical and cultural heritage, virtual historical reconstructions, digital history, source study, methodology, project documentation.*

Abstract. *The paper deals with methodology of architectural and construction documentation of Sverdlovsk 1920s – 1930s. The author describes in detail the potential and limitations of this type of sources in the creation of virtual historical reconstructions of Sverdlovsk in the specified period.*

На современном этапе развития цифровых технологий одним из актуальных направлений в области сохранения, репрезентации и актуализации историко-культурного наследия (далее – ИКН) стало создание виртуальных исторических реконструкций (далее – ВИР) объектов архитектурного (архитектурно-пространственного) наследия. Эти процессы хронологически совпали со становлением «цифровой истории», в русле которой наиболее широкое распространение получило создание ВИР с применением 3D-моделирования исторического пространства. Однако, поле «цифровой истории» не очерчено только границами репрезентаций и визуализаций исторического прошлого через моделирование процессов и различных виртуальных реконструкций с помощью цифровых технологий. Эвристическое поле и потенциал «цифровой истории», как показывает практика, значительно шире – это новая исследовательская оптика, определяющая и меняющая саму специфику проведения исторических исследований под влиянием цифровых технологий [1]. И, хотя, само понятие «цифровая история» по-прежнему является дискуссионным в отечественной исторической науке, а зачастую критикуется рядом авторов [Подробнее

см.: 2, 3, 4]. Все же независимо от того, созданы такие проекты под эгидой «исторической информатики» или «цифровой истории», они требуют широкой (комплексной) источниковой базы исследования: от письменных (нарративных) до изобразительных (визуальных, графических) источников. Основным же видом исторических источников, который влияет на «успешность» создания ВИР остается архитектурно-строительная документация (далее – АСД), как часть научно-технической документации (далее – НТД) архитектурно-строительной отрасли: чертежи, генеральные планы, эскизы, планы, выкупировки и т.д.

Данный вид исторических источников сродни НТД не получил должного теоретического осмысления в отечественном источниковедении и не попал ни в одну из известных классификацию исторических источников. Традиционно они причислялись к типу письменных источников, а в лучшем случае к делопроизводственной документации [5]. Попытки оценить эвристический потенциал НТД и включить ее в исторические исследования наблюдались еще в советское время, хотя и были ограничены лишь вопросами хранения данной документации в государственных архивах [6, с. 350–351]. В современной исторической науке уже были предприняты успешные попытки осмысления и включения НТД в различные исторические исследования в русле экономической истории, истории науки и техники и др. [Подробнее см.: 6, с. 351]. Сегодня успехи прослеживаются и на теоретическом уровне отечественного источниковедения, как убедительно доказала современный исследователь Ю.Ю. Юмашева в обстоятельной статье, посвященной источниковым базам ВИР, научно-техническую документацию следует рассматривать как переходящий тип источников: от письменных (технических заданий, справок, пояснительных записок) к изобразительным (чертежам, схемам, техническим рисункам) [5]. Отсюда – наша статья представляет собой попытку включения архитектурно-строительной документации в процесс создания ВИР в региональном (локальном) измерении г. Свердловска 1920-х – 1930-х гг. по материалам органов строительного контроля¹ г. Екатеринбурга–Свердловска, сохранившихся в фондах

¹ Уральское областное управление строительного контроля при Исполнительном комитете Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Свердловск (1928–1931).

Государственного архива Свердловской области (далее – ГАСО). А с другой стороны, представленный ниже текст является рефлексией одного из авторов ВИР облика квартала г. Свердловска на 1938 г., выполненной в рамках проекта «Виртуальный музей городского квартала № 89» [7].

Методика работы с АСД обозначенного периода обладает своей спецификой. Во-первых, сам момент их включения осложнен контекстуализацией и синхронизацией данного вида документации с существовавшей в момент их создания нормативно-правовой базой (постановления, рекомендации, регламенты, стандарты и др.), а также еще одной контекстуализацией «жизненного цикла» документа в процессах конкретного ведомственного делопроизводства. Во-вторых, работа с АСД требует от исследователя ряда специфических знаний, не характерных для специалистов социально-гуманитарного профиля, к примеру познаний в геодезии, архитектурно-строительном проектировании, землеустройстве и т.д. Прочтение чертежей и планов требует знания сугубо технической терминологии, зачастую в достаточно узкой области научно-технического знания. Наконец, в контексте выделенного раннесоветского периода 1920-х – 1930-х гг. процесс создания ВИР осложнен «переходным» характером всех сфер жизни общества, который отразился в том числе на организационных формах архитектурно-градостроительного проектирования. Эти изменения в проектной организации были подробно рассмотрены ведущим современным отечественным исследователем истории советской архитектуры И.А. Казусем на примере анализа системы государственных, акционерных и иных форм проектной организации архитектурно-строительной деятельности [8, с. 17–18]. В частности, И.А. Казусь подробно останавливается на анализе общих социально-демографических процессах урбанизации в центральной части Российской империи в начале XX в., сопровождавшихся мощным процессом градостроительства. Этот процесс значительно осложнялся дефицитом квалифицированных кадров, прежде всего, архитекторов, проектировщиков и зодчих, а также отсутствием реального контроля за городской застройкой. К примеру, как указывает И.А. Казусь на примере Путиловского завода, промышленные проекты реализовывали сами крупные заводы, либо существовавшие при них же частные архитектурно-инженерные

конторы. Стандартизация архитектурно-строительной документации в таком случае зависела от интересов и требований самого заказчика, который старался максимально нивелировать затраты, связанные с проектированием сооружений [8, с. 19, 49]. И, хотя, данные процессы трудно прослеживаются в региональном измерении г. Екатеринбурга начала XX в., все же выводы И.А. Казуса можно спроецировать на региональное измерение города.

Первые годы советской власти сопровождались поиском новых средств и форм государственного контроля в области архитектурно-строительного проектирования и непосредственным надзором за строительством. Однако этим планам препятствовала Гражданская война и последующая череда кризисов советской власти «на местах», что вкупе с уже существовавшим дефицитом квалифицированных кадров нивелировала их реформаторские планы в области архитектурно-строительного проектирования. Даже несмотря на декларируемый переход в 1918 г. на метрическую систему измерений, практическая реализация данного декрета откладывалась на вторую половину 1920-х гг. Однако, уже самое наличие декрета о переходе на новую систему измерений создавало определенную путаницу среди проектировщиков столичного и регионального уровней. Только к середине 1920-х гг. предприняты первые попытки стандартизации в архитектурной деятельности, к примеру, была создана государственная контора с особым статусом – Госстрой, которая не только выполняла функции строительного подряда, а также имела задачи систематизации проектировочной деятельности [8, с. 85–86]. Уже во второй половине 1920-х гг. формируется отраслевой принцип управления архитектурно-строительной деятельностью. Значительная часть архитекторов-проектировщиков был рассредоточена в новых многопрофильных организациях: Индустрой, Химстрой, Гипромез и др. – эти организации ориентировались на промышленное строительство. Но, на волне активного промышленного и жилищно-коммунального строительства к этой деятельности приглашались отдельные проектировщики или проектировочные группы [8, с. 104]. Новосозданные предприятия имели региональные отделения. Так в г. Свердловске с 1927 г. действовало Уральское отделение Гипромеза. Наиболее известным проектом Уральского отделения Гипромеза было архитектурно-строительное проектирование первого проекта здания для типографии издательства «Уральский рабочий» – Дом печати.

Конструктивистская архитектура зачастую требовала новых технологических решений на этапе архитектурно-строительного проектирования зданий и сооружений. Это, в свою очередь, требовало повышения квалификации региональных кадров на местах или существенную «доработку» («переработку») региональных проектов центральными отделениями отраслевых организаций. Данный тезис подтверждает история проектирования свердловского Дома печати, ныне объекта историко-культурного наследия федерального значения. В 1928 г. проектирование нового здания было поручено Уральскому отделению Гипромеза, где непосредственным исполнителем проекта выступил свердловский старший инженер В.А. Сигов (1886–?), чья биография все еще ждет своего исследователя. Проект В.А. Сигова был отправлен на доработку в московский «Госпроект», где был закончен известным архитектором (впоследствии главным архитектором г. Свердловска) Г.А. Голубевым (1883–1949), принимавшем на тот момент деятельное участие в разработке генерального плана «Большого Свердловска» вместе с С.В. Добровским [9, с. 58–59]. К слову, генеральный план города С.В. Добровского предполагал, что площадь Парижской коммуны должны была быть центральной площадью города, а Дом печати – частью архитектурного ансамбля этой площади [9, с. 57–58]. Отсюда – проектирование Дома печати не может рассматриваться как типовой региональный проект. Этим же фактом может быть объяснено деятельное участие центрального архитектурно-проектировочного отделения «Госпроекта».

Тем не менее, проектирование свердловского Дома печати показательно и сжатыми сроками на создание архитектурно-строительной документации и темпами строительства. Заказ на разработку проекта Дома печати был получен Уральским отделением Гипромеза осенью 1928 г. В.А. Сигов завершил проект к декабрю 1928 г., а уже к апрелю 1929 г. его проект был согласован Уральским отделением Гипромез и локальными органами, после чего проект был направлен на согласование в центральное отделение Гипромез, откуда попал на доработку в институт «Госпроекта» к Г.А. Голубеву. Голубев завершил проект к апрелю 1930-го г. и отправив обратно на согласование в главное отделение Гипромеза. При этом само строительство по решению Обкома ВКП(б) начато уже в 1929 г. после согласования Уральским отделением

Гипромеза [9, с. 58–60; 10, с. 305–306]. Можно предположить, что главное и Уральское отделение Гипромеза банально не справлялись с проектной нагрузкой, которую им предъявляло активно жилищное и промышленное строительство, вкуче с призывом неукоснительно следовать темпам «социалистического строительства». Косвенным подтверждением может являться служебная записка, отложившаяся в упомянутом фонде ГАСО. Она была направлена начальнику Управления Окрстройконтроля (Окружного строительного контроля) 19 января 1929 г. с пометой «Срочно» от управляющего Уральским областным государственным Полиграфическим трестом для которого и предполагалось строительство Дома печати. Содержание записки свидетельствует, что проект Дома печати за авторством В.А. Сигова посылался на согласование «вторично», а сам текст заканчивалась призывом не затягивать сроки согласования: «...Уралполиграф просит в самый кратчайший срок рассмотреть представленный проект, для защиты которого, если потребуется, выделяем от УОСНХ инженера тов. Лецениуса В.Г. и от Уралгипромеза по усмотрению последнего» [11, л. 18]. Такая спешка пагубно влияла на качество проработки и детализации АСД. К примеру, генеральный план все того же Дома печати [11, л. 2, 3, 6, 8] не может быть использован для реконструкции архитектурного облика здания, ввиду несоответствия реальных размеров построенного Дома печати по проекту Сигова-Голубева с проектной документацией. Более того, соседствующие здания, изображены на генеральном плане Дома печати условно и схематично, без соблюдения их реальных размеров и фактического расположения относительно проектируемого объекта. Это вводит неподготовленного исследователя в заблуждение о существовавшем историко-архитектурном пространстве. Для решения данной проблемы следует привлекать дополнительный комплекс исторических источников и, как показывает практика использовать фотосъемку (и последующие замеры) существующего архитектурного объекта [5]. Тем не менее, даже с применением современных методов реконструкции (фотосъемки, аэрофотосъемки и др.), воссоздание вспомогательных служб-сооружений (амбары, склады, коммунальные сооружения и др.) не сохранившихся до наших дней, остается попросту невозможной ввиду их низкой детализации в АСД, а также из-за отсутствия собственно их сохранности.

Исследователи могут лишь предполагать, задействовав в ВИР их усредненную модель. Случай генерального плана Дома печати не единственный, такая же ситуация наблюдалась в генеральном плане реконструкции Музучилища (ул. Клубная, 22; сегодня – ул. Первомайская, 22), где в плане усадьбы Музтехникума прилегающие строения даны в упрощенном виде, даже без указания реальных названий сооружений [12, л. 1].

Низкая детализация генеральных планов зданий и сооружений не единственная проблема. Как уже отмечено выше, провозглашенный переход на метрическую систему измерений в 1918 г. создавал определенную путаницу в период с 1920-х гг. Только в 1925 г. создан Комитет по стандартизации, который должен был разработать ведомственные стандарты. Однако, согласно Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1927 г. для разработки АСД вводилась двухстадийная система проектной документации: эскизный технический проект и детальный технический проект. Последний разрабатывался непосредственно строительными организациями и не проходил какой-либо проверки со стороны контрольных органов [13, с. 422]. Учитывая острый дефицит кадров на столичном, а особенно региональном уровнях, стандартизация в ряде случаев провозглашалась лишь де-юре, фактически же она сталкивалась со сжатыми сроками проектировки и строительства. На практике это отражено в использовании дореволюционных и действующих метрических норм и стандартов в АСД, особенно в перепланировке/перепроектировке дореволюционных зданий и сооружений. Этот тезис подтверждается проектом перестройки 1-го этажа под сценой «Дома Октябрьской революции» от 1928 г. (сегодня – часть здания Музкомедии, ул. Ленина, 47 / Карла Либкнехта, 20). На наш взгляд для экономии времени, масштабирование давалось проектировщиками в двух системах измерений: в саженях и метрах [14, л. 16]. Проще говоря, вопросы стандартизации и унификации систем измерений в архитектурно-строительной документации 1920-х – 1930-х гг. решались в каждом конкретном случае отдельно в зависимости от сроков, выделенных на проектировку.

Перепроектировка и доработка готовой АСД также имела ряд специфических черт. Контроль за согласованием планов перепланировки и модернизации существующих зданий и сооружений, а также их непосредственной реализации в г. Свердловске

1920-х – 1930-х гг. несло Управление Окружного инженера. Зачастую такие проекты создавались в упрощенном формате через пояснительную записку о перепланировке с приложением эскизов и чертежей на светокопиях в Управление Окружного инженера. Далее Управление Окружного инженера принималось решение о согласовании и установлении контроля за исполнением проекта с назначением ответственного лица из Управления. Как отмечает Ю.Ю. Юмашева, светокопия (диазография) относится к сложнейшим объектам архивного хранения, комплектования, учета и использования, а потому – их сохранность весьма затруднительна [5]. В контексте обозначенной региональной проблематики г. Свердловска, большинство светокопий, переданных в качестве приложений к пояснительным запискам о перепланировке/пересмотре чертежей в Управление Окружного инженера, к сожалению, не сохранилось или не была нами выявлена. К примеру, 5 мая 1928 г. в Управление Окружного инженера поступила записка от Конторы постройки клуба Пищевиков с просьбой согласовать изменения по утвержденному ранее проекту клуба Пищевиков (сегодня – ул. Первомайская, 26). Следуя содержанию записки, перечень предлагаемых изменений весьма масштабен (всего – 15 пунктов), включая строительство надстройки площадью 456,8 м². В качестве приложения к пояснительной записке, исходя из ее содержания, направлялось 23 экземпляра чертежей-светокопий на 13 листах – ни одного из них нами обнаружено не было [15, л. 9–10]. Иными словами, приложения к пояснительным запискам такого рода, созданных на светокопиях (чертежи, планы, генеральные планы) и представляющие особую ценность для создания ВИР сегодня попросту утрачены. Это возвращает нас к необходимости создания комплексной источниковой базы, включающей фотосъемку существующего архитектурного строения или привлечения дополнительных кинофотофонодокументов. Еще хуже обстоят дела с сохранностью дореволюционных чертежей г. Екатеринбурга конца XIX – начала XX вв. – за давностью времени часть из них выпала настолько, что прочесть какие-либо обозначения с чертежа становится невозможным.

Таким образом, создание ВИР в региональном измерении г. Свердловска 1920-х – 1930-х гг. сталкивается с сильно упрощенным характером архитектурно-строительного делопроизводства.

Упрощенный характер документации такого рода значительно сужает применимость архитектурно-строительной документации этого периода в ВИР рассматриваемых локусов. Создание ВИР г. Свердловска обозначенного периода с опорой только на существующую архитектурно-строительную документацию из фондов ГАСО, на наш взгляд, невозможно. Только с включением дополнительных исторических источников, главным образом, кинофото-фонодокументов ВИР возможно для основной (!) части архитектурного пространства. Все вышесказанное еще раз подтверждает выводы Ю.Ю. Юмашевой о необходимости комплексного подхода к созданию источниковой базы ВИР, включающей современные (цифровые) оптики, к примеру фотосъемка (аэрофотосъемка) архитектурных объектов с их последующим сопоставлением с архитектурно-строительной документацией этого периода. Сам же процесс включения архитектурно-строительной документации по-прежнему затруднен, ввиду отсутствия комплексных методик работы с данным вида исторических источников.

Библиографический список

1. Володин А.Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2015. – Т. 6. – Вып. 8. URL: <https://history.jes.su/s207987840001228-9-1/> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Бородкин Л.И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2012. – №. 1. – С. 14–21.
3. Бородкин Л.И. Digital history и историческая информатика: конвергенция или дивергенция? // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.). – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – 2017. – Ч. 1. – С. 15–19.
4. Бородкин Л.И., Гарскова И.М. Историческая информатика: перезагрузка? // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2011. – №. 2. – С. 5–11.
5. Юмашева Ю.Ю. Источниковая база виртуальных исторических реконструкций объектов историко-культурного наследия: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // Историческая информатика. – 2020. – № 3. – С. 21–50. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33473 (дата обращения: 20.01.2022).

6. Солдатова О.Н. Научно-техническая документация как источник по экономической истории СССР (по материалам Российского государственного архива в г. Самаре) // Экономическая история: ежегодник. – 2017. – С. 350–368.
7. Виртуальный музей городского квартала № 89 [Электронный ресурс] // Квартал 89. URL: <https://ekb89.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).
8. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 464 с.
9. Михайлова Л.Г. К вопросу атрибуции Дома печати в Свердловске // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2014. – №. 4. – С. 57–60.
10. Ленина, д. 49 / Л.И. Токменинова // Свод памятников истории и культуры Свердловской области / отв. ред. В.Е. Звагельская. – Екатеринбург : Издательский дом «Сократ», 2007. – Т. 1. Екатеринбург. – 536 с.
11. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-191. Оп. 1. Т. 3. Д. 3434.
12. ГАСО. Ф. Р-191. Оп. 1. Т. 1. Д. 91.
13. Хитренко А.В., Ким А.А., Смольянинова Т.А. Аспекты правил выполнения рабочей документации архитектурных решений в СССР и России // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса. – 2020. – № 1. – С. 422–425.
14. ГАСО. Ф. Р-191. Оп. 3. Т. 3. Д. 3423.
15. ГАСО. Ф. Р-191. Оп. 3. Т. 3. Д. 5490.

УДК 655.512

А.Ю. Казакова*

ОПЫТ РАБОТЫ РЕДАКТОРА НАД ИСТОРИЧЕСКОЙ РУКОПИСЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА А.С. ЯРЦОВА «РОССИЙСКАЯ ГОРНАЯ ИСТОРИЯ»)

Ключевые слова. *Историческая рукопись, рукописный книжный памятник, проблемы книгоиздания.*

Аннотация. *Раскрываются особенности подготовки к публикации рукописного труда начала XIX в., перечисляются сложности его корректной расшифровки. Проводится попытка воссоздания образа личности автора на основе имеющихся текстовых характеристик источника.*

* **Казакова Анастасия Юрьевна**, главный редактор, ООО «Издательский дом БАСКО» (Екатеринбург, Россия); e-mail: kazakova@basko.ru.

** **Kazakova Anastasia Yuryevna**, Editor-in-Chief, BASKO Publishing House LLC (Ekaterinburg, Russia); e-mail: kazakova@basko.ru.

A.Yu. Kazakova**

**EDITORIAL EXPERIENCE ON A HISTORICAL MANUSCRIPT
(ON THE BASIS OF THE WORK
“RUSSIAN MINING HISTORY” BY A.S. YARTSOV)**

Keywords. *Historical manuscript, handwritten book monument, problems of book publishing.*

Abstract. *The features of preparation for publication of the manuscript of the early 19th century are revealed, the difficulties of its correct decoding are listed. An attempt to reconstruct the image of the author's personality on the basis of the available textual characteristics of the source is made.*

На протяжении нескольких лет ИД БАСКО осуществляет масштабный издательский проект по публикации рукописи А.С. Ярцова¹ «Российская горная история». Подчеркнем, что мы имеем дело с особым видом источника – исторической рукописью (документ начала XIX в.). Около двух веков она хранилась в фондах библиотеки Санкт-Петербургского горного университета. Во второй половине 1940-х гг. проведена расшифровка текста под руководством проф. В.В. Данилевского. Сохранившийся машинописный текст свидетельствует о недопустимо большом количестве неточного и ошибочного прочтения. К тому же к расшифрованной рукописи не делались научные примечания (вероятно, в связи с этим до публикации рукописи тогда не дошло). При знакомстве с этой расшифровкой издателями принято решение готовить оригинальную расшифровку с полным научно-справочным аппаратом. Попробуем пояснить, почему эта книга так долго ждала своей публикации.

Рукопись А.С. Ярцова – не «парадный» чистовой документ, к нему непросто подступиться. Четыре тома «Уральской части» представляют собой черновик с комбинацией разных почерков внутри одного тома: рука секретаря и рука Ярцова; в разных томах секретарские почерки меняются, у каждого из них свои особенности. Почерк самого автора малоразборчив, пишет Аники-та Сергеевич очень плотно (мало расстояние и между буквами,

¹ Аникита Сергеевич Ярцов (Ярцев) ([17] августа 1736 – 2 [14] августа 1819) – русский деятель горнозаводской промышленности, директор высшего Петербургского горного училища, главный начальник Канцелярии Главного заводов правления в 1797–1802 гг., действительный статский советник.

и между строками). В этих местах рукописи используется скоропись: отдельные слова сокращаются, буквы (иногда и слова) могут быть пропущены или недописаны, сливаются из-за обилия чернил. Часть текста утеряна из-за переплета: буквы в некоторых местах уходят в корешок, приходится восстанавливать их по смыслу.

При работе с рукописью интересно проследить индивидуальные детали, отличающие каждого пишущего. Так, в письме самого Ярцова, перешагнувшего 70-летний рубеж, больше архаичной лексики, устаревших форм слов и вариантов написания. Это наиболее удаленный от современных норм язык, и при этом автор наиболее точно использует слова. Почерки секретарей (наверняка более молодых) разборчивы, аккуратны, орфография и стилистика текстов, написанных их рукой, более приближены к сегодняшним нормам, но расшифровку затрудняет незнание писцами отдельных терминов, персоналий, топонимов, из-за чего искажается написание имен собственных и профессиональной лексики. Иногда из-за непонимания смысла (возможно, по невнимательности при диктовке или переписке) искажаются, перестраиваются целые фразы – и в этих случаях составители берут на себя смелость восстанавливать пропущенные части текста, заключая восстановленные фрагменты в квадратные скобки и указывая свое авторство.

По части текстов, переписанных секретарем набело, прошла значительная правка авторской рукой. Аналогично и в написанном самим автором наблюдаются места с обильной поздней редактурой. Эти «культурные слои» дают поле для текстологических исследований, по ним можно буквально проследить процесс работы над текстом. Рукопись нелинейна, она разрастается «вглубь и вширь» дополнениями и примечаниями – Ярцовым используются различные вставки, выноски на поля.

Ярцов активно использует примечания, помещая их непосредственно в тексте рукописи, на меньший формат, либо подстрочно. Как правило, в примечаниях даются какие-либо попутные сведения, не всегда проверенные (например, предположение о происхождении названия народа *чудь* от слова «чудной»), чаще всего более личного, чем основной текст, характера (например, впечатления о посещении описываемых мест). Довольно часто в рукописи встречаются и подклеенные листы; иногда такие поздние вставки становятся новым параграфом.

Помимо собственно текстов, встречаются разным способом представленные числовые, статистические данные – в виде таблиц или отдельно оформленных в тексте столбцов.

Кроме перечисленных сложностей, в «Российской горной истории» представлен научный материал: размышления автора касаются истории, техники, экономики, актуального состояния российской промышленности; подробно разбирается устройство работы отдельных заводов, вкратце описываются технология, станки и строения, упоминаются географические особенности заводских окрестностей. Это означает, что при расшифровке помимо общеупотребительной (в т.ч., напомним, устаревшей) лексики приходится иметь дело и с обилием терминологии (во многом – о вышедшей из применения специальной технике), и с обилием топонимов (зачастую не соответствующих нынешним).

Рукопись оцифрована, работы по расшифровке проводятся по скан-образам. Разумеется, на документах такой сложности применять программное распознавание, даже новейшее и высококачественное, невозможно; работа ведется исключительно вручную. С учетом вышесказанного расшифровка одной страницы в зависимости от разборчивости написанного, от количества правки (которая бывает нескольких уровней: правка исправленного и т.п.) может занимать от 20 минут до нескольких часов.

В первую очередь редакторами-составителями просматривается конкретный том: сколько почерков встречается, в чем их особенности. На наиболее разборчиво написанных местах рукописи разбираются отдельные элементы букв, варианты написания одной и той же буквы; в дальнейшем на сложных участках обращаемся к такому «образцу» для сличения. Литературный редактор А.Ю. Казакова подготавливает первый, черновой вариант расшифровки. Научный редактор Н.С. Корепанов сверяет черновую расшифровку с рукописным текстом: уточняет, исправляет не до конца разобранные или неверно прочитанные.

При редактировании мы стремимся найти баланс между тем, чтобы передать «голос автора», характерную для А.С. Ярцова интонацию, и тем, чтобы быть понятными современному читателю. Орфография и пунктуация в издании приближены к современным, сохранена авторская стилистика. Топонимы приведены в авторском написании. Нужно подчеркнуть, что при публикации нами

сохранены все основные зачеркивания автора: в основном тексте делается сноска, зачеркивания приведены в разделе «Археографические примечания».

И, конечно, мы не могли обойтись без обширного справочного аппарата: к каждому тому научным редактором составлены предисловия, подробные комментарии; приводятся указатели, приложения. С дизайнерами разработана визуальная система обозначений для зачеркнутого и вновь вставленного текста, внутритекстовых и подстрочных авторских примечаний.

Известно, что к рукописи предполагались иллюстрации (встречаем в ней комментарии вида «смотри в приложенной карте под буквою А»), но они утеряны. К каждому изданному тому мы подбирали планы описываемых заводов соответствующего периода из фондов Государственного архива Свердловской области [1–5].

Таким образом, подготовка к печати только одной книги занимает почти год.

А теперь обратимся непосредственно к тексту и попробуем (в отсутствие живописного портрета, поиск которого ведется издательским домом БАСКО с начала осуществления проекта) составить портрет словесный, психологический.

Легко догадаться, что А.С. Ярцов как высокопоставленный чиновник принадлежал к высшему свету, был знаком с Г.Р. Державиным. С большой вероятностью такое знакомство оказало влияние и на стиль его письма [см. 7].

Некоторые признаки, присущие торжественной державинской оде, можно заметить и в ярцовой рукописи. Это, например, патристический пафос высказываний («В одно только прошедшее последнее столетие россияне достигнули своего просвещения и деятельности не только по горным, но и по прочим в науках познаниям», «Как же можно сказать, что будто бы Россия и в той древности своей не была толико просвещенною, как оные торговые города и их народы?»); это и обильное использование возвышенной, согласно ломоносовской теории «трех стилией» [8], и архаичной даже для времени написания лексики («яко», «наипаче», «преузорошный», «десница Всевышнего», «металлы из громовых облаков привлекают к себе огнепалящую струю, или Электрию» и мн. др.) и почти полный отказ от лексики разговорной. Соответственно, иногда употребляются и более сложные, почти вычурные синтаксические конструкции.

Возможно, в логике этого же пафоса и осознания собственной значимости в истории происходит и изменение имени: уже во взрослом возрасте имя Никита (в общем-то, простое, мужицкое) из документов пропадает, автор начинает подписываться более «тяжеловесно», архаично и благородно: Аникита Сергеевич Ярцов.

Еще одно сходство с классической одой – обязательное восхваление государя («Поверят ли они, что все то начато и в действии приведено большею частию Единым только царствовавшим Монархом Петром Великим и высочайшими его последователями?», «...где красота одного языка с науками и искусствами под благополучною державою великого Государя императора Александра Павловича еще и более процветает»), что снова подчеркивает патриотизм и гражданский пафос произведения. Очень характерно в этом ключе завершение «Уральской части» рукописи: «...при благословенном Свыше царствовании величайшего во Владыках земных Государя императора Александра Павловича, коего Высочайшим и неутомимым попечением достигли Русские до толикой неподражаемой и во всей Вселенной блистающей славы, что подобной и в протекших веках во всем обитаемом мире не было, да и быть не могло. Потому что Россия ... при настоящем Божеском покровительстве, при мудром и храбром Русскими воинами предводительстве, его победоносным оружием в 1812 году не только оную ужасную силу из всех Российских пределов изгнала, но, истребив оных, в прах рассеяла по лицу земному. Да и всю Европу от ига работы освободила, чему позднейшие потомки наши едва ли будут верить. Слава тебе, показавшему нам свет!»

Как и в державинской оде, в тексте Ярцова хорошо прослеживаются личная позиция автора, его собственный взгляд [9]. О многочисленных сносках, примечаниях личного характера («Да и мы со своей стороны можем засвидетельствовать, что те иностранные опыты весьма справедливы») мы уже говорили. И если аналогичные труды того времени (В. де Геннина и др.), скорее всего, были некой компиляцией, их можно назвать коллективным трудом, то «Российская горная история» – труд однозначно единоличный, авторский. Отражены взгляды А.С. Ярцова: недовольство конкретным положением дел, критика отдельных персон; неоднократные личные воспоминания («...а паче по той дороге, по коей следует в Казани сухопутно до города Вятки, по которой и сам сочинитель

сей Истории проезжал»). Неточности и ошибки в тексте (как уже упоминаемая *чудь*) – это личные авторские заблуждения.

Можно сказать, что, как и в оде, разговор ведется от наиболее общего к наиболее частному, используется так называемый взгляд сверху: начинается «Горная история» от библейских времен («Начнем же мы то бытие металлов утверждать из Библии, с начала исхода израильтян из Египта»), это как бы взгляд на Россию из космоса, и постепенно фокусировка меняется («Мы, перенесясь от Глазовского медного завода и на нем части реки Камы и поставили себя в верхних пределах оной реки в городе Соликамске, потому что удобнее отсюда описать протяжение Уральского хребта со всеми далее и около течения реки Камы от вершин оной...»), взгляд автора приближается и дает более детальные описания (на Урал, скажем, отведено целых четыре книги). Да и само название – «Российская горная история» (с обширным подзаголовком) – предполагает серьезный, глобальный, общегосударственный подход, чем и оправдан общий пафос повествования.

Подытожим наши представления о личности автора: это человек разносторонний, амбициозный, консервативный, радеющий о государственной пользе, наделенный критическим умом, масштабно мыслящий (11 рукописных томов «Российской горной истории» плюс задуманные приложения, которые в ней упоминаются: «Плавленная часть», «Технологическая часть», «Биография»). Литературные особенности, о которых мы говорили, соответствуют положению А.С. Ярцова как государственного мужа, светского, хорошо образованного человека, но довольно нетипичны для него как горного инженера, человека технического склада. В то же время пишет он и как заводской человек, со знанием дела, добивается точных фактических описаний, использует множество терминов (которые впоследствии, при правке, заменяет на более понятные, старается использовать больше общеупотребительной лексики, дает разъяснения).

Библиографический список

1. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. Кн. 1. – Екатеринбург : Баско, 2018. – 378 с.
2. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. Кн. 2. – Екатеринбург: Баско, 2019. – 295 с.
3. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. Кн. 3. – Екатеринбург: Баско, 2020. – 424 с.

4. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. Кн. 4. – Екатеринбург : Баско, 2021. – 346 с.
5. Российская горная история. Колыванская часть (Алтай). – Екатеринбург : Баско, 2022. – 372 с.
6. Российская горная история. Нерчинская часть. – Екатеринбург : Баско, 2022. – 272 с.
7. Державин Г.Р. Разсуждение о лирической поэзии или об оде : [электронный ресурс] // – URL: <http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/proza/razsuzhdenie/razsuzhdenie.htm>
8. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. – Т. 7. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 589–590.
9. Ларкович Д.В. Г.Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания: монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 344 с.

УДК 94(47).05 = 94(470)

А.Н. Карфидов*

ИМЯ ПЕТРА ПЕРВОГО В НЕВЬЯНСКЕ

Ключевые слова. *Петр Первый, Невьянск, Демидовы, Невьянский государственный историко-архитектурный музей.*

Аннотация. *Автор анализирует роль Петра Первого в создании крупной металлургии на Урале и в судьбе Невьянского завода, ставшего первым металлургическим предприятием нового типа в уральском крае. Рассмотрен ряд мер, предпринятых в последние годы в Невьянске, направленных на увековечение памяти первого российского императора.*

А.Н. Karfidov**

NAME OF PETER THE GREAT IN NEVYANSK

Keywords. *Peter the Great, Nevyansk, Demidovs, Nevyansk State Historical and Architectural Museum.*

Abstract. *The author analyzes the role of Peter the Great in the creation of large-scale metallurgy in the Urals and in the fate of the*

* Карфидов Алексей Николаевич, старший научный сотрудник, Невьянский государственный историко-архитектурный музей (Невьянск, Россия); e-mail: metodic@museumnev.ru.

** Karfidov Alexey Nikolaevich, Senior Researcher, Nevyansk State Historical and Architectural Museum (Nevyansk, Russia); e-mail: metodic@museumnev.ru.

Nevyansk plant, which became the first metallurgical enterprise of a new type in the Ural region. Considered a number of measures taken in Nevjansk in recent years, aimed at perpetuating the memory of the first Russian emperor.

В 2022 году широко, в масштабах страны отмечалось 350-летие со дня рождения императора Петра I. Невьянск не остался в стороне от этого события.

Не ошибусь, если скажу, что на протяжении трех веков личность Петра I вызывает огромный интерес у самых широких слоев населения. Связано это с обширной реформаторской деятельностью первого российского императора в различных областях государственного управления и общественной жизни. В петровскую эпоху были созданы новые органы власти, передовые армия и флот, внесены изменения в административное деление страны, усовершенствована денежная система, дан мощный импульс развитию промышленности, культуры и образования, наконец, основана новая столица – Санкт-Петербург.

Если говорить о мерах, предпринятых Петром I в области промышленности, то именно в петровскую эпоху началось создание крупной металлургии в уральском крае. При непосредственном участии Петра I был построен и пущен Невьянский металлургический завод, вместе с Каменским заводом, ставший символом промышленного освоения Урала.

В соответствии с государственной программой по созданию на Урале крупного промышленного района, разработанной ближайшим сподвижником царя главой Сибирского приказа Андреем Виниусом, в крае начались поиски железной руды. Экспертиза найденной руды, проведенная отечественными и иностранными специалистами, показала высокое качество получаемого из нее железа. «Железо в деле так презрядно, что лутчедоброотоу и мягкотию быть не возможно... оно лутчи лучского [лучше лучшего] железа и некоторых свейских [шведских]», – отмечал тульский кузнец Никита Демидович Антюфеев (Демидов), имя которого вскоре будет неразрывно связано с историей Невьянска и Урала [1, с. 56].

Петр I, ознакомившись с предпринятыми А.А. Виниусом мерами, издал указ «в тех местах, где пристойнее, и к железным рудам ближе... завод завести» [1, с. 58].

Повеление царя было исполнено. Весной 1700 года на строительстве завода на берегу реки Нейвы прибыли опытные в заводском деле мастера, а 15 декабря 1701 года невянская домна выдала первую партию чугуна. Таким образом, Невьянск может с полным правом называть себя одним из петровских городов России.

Но, в отличие от пущенного в том же 1701 году Каменского завода, оставшегося государственным, Невьянский завод весной 1702 года был передан царем тульскому кузнецу Никите Демидову.

При этом, передавая предприятие Демидову, Петр I поставил перед новым владельцем государственные задачи. Это, прежде всего, требование наладить поставки в казну военной продукции: «Ставить ему с тех заводов... воинские припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранаты... и кованого железа изготовить сколько возможно... И для того вящее приложить к тому делу тщание» [1, с. 93].

И, надо сказать, завод достался новому хозяину не бесплатно – Никита Демидов за пять лет должен был возместить государству расходы на его строительство в сумме 11 887 рублей 95 с половиной копеек. В итоге Демидов расплатился с казной за три года поставками «воинских припасов».

Пуск Невьянского завода стал первым успехом в деле создания крупной металлургии на Урале.

На экскурсии по экспозиции музея посетители часто спрашивают, был ли Петр I в Невьянске. Иногда вопрос звучит таким образом: «Когда Петр I приезжал в Невьянск, он осматривал заводское производство? Он поднимался на башню?»

В ответ приходится расстраивать посетителей, говоря, что, к сожалению, ни на Урале, ни тем более в Невьянске первый российский император не был, и Наклонную башню (кстати, построенную уже после его смерти) не видел.

Тем не менее, Петр I, даже передав завод Демидовым, в последующем не раз активно вмешивался в судьбу Невьянского завода, внося коррективы в ассортимент выпускаемой продукции, предоставляя демидовскому предприятию новые заказы (например, на поставки фонтанных труб для дворцовых парков), давая распоряжения о присылке на завод мастеров. Например, по именному указу на Урал с Олонца был прислан доменный мастер Федор Казанцев, построивший в Невьянске в 1716 году первую отечественную домну круглого сечения. Никите Демидову был предоставлен ряд

льгот и привилегий, поставивших его в исключительно выгодные условия. В частности, в 1709 году был пожалован чин комиссара, приравнявший заводовладельца к государственным служащим, с повелением: «управлять всякое заводское дело и воинские припасы готовить...» [2, с. 23].

Построенный как государственное предприятие, Невьянский завод старанием Никиты Демидовича Демидова и его старшего сына Акинфия Никитича был превращен в передовое предприятие того времени, выпускавшее продукцию высокого качества. Кроме «воинских припасов» значительную часть продукции составляло железо разных сортов и изделия из него.

Как первый и самый крупный, Невьянский завод стал «столицей» созданного Демидовыми на Урале огромного «горного ведомства». В демидовской промышленной державе (к моменту смерти Петра I у Демидовых в крае было построено 6 заводов), как в настоящем государстве имелись свои подданные, законы, войско, флотилия судов, крепости с пушками и «столица» – Невьянский завод, признанный «между всеми Сибирскими железными заводами важнее и превосходнее протчих» [2, с. 46].

Участие Петра I в судьбе Невьянского завода не забыто и в настоящее время. В частности в нашем городе в последние годы предпринят ряд мер, направленных на увековечивание памяти первого российского императора.

В 1997 году, в год 325-летия со дня рождения Петра I, по инициативе руководства механического завода (бывшего демидовского) на площадке перед заводоуправлением был установлен памятник двум основателям города – Петру I и Никите Демидову. Справедливости ради надо сказать, что каркас памятника был поставлен в конце 1994 года, а три года спустя завершилось оформление постамента и прилегающей территории, после чего в начале июля состоялось торжественное открытие памятника.

Автор памятника: известный невянский художник и скульптор, преподаватель художественной школы Алексей Ефремович Надтока.

Фигуры Петра I и Демидова выкованы из медных листов. Внутри фигуры полые, что облегчает их вес и давление на монумент. Металлический постамент, на котором установлены фигуры императора и тульского кузнеца, с внешней стороны оформлен огромными валунами, что создает иллюзию горного склона. Фигуры

изображены в динамике: Никита Демидов одной рукой придерживает развевающийся на ветру кафтан, а второй указывает царю на лежащие вокруг природные богатства. Петр I в треуголке и с тростью в руках стоит напротив Демидова, внимательно слушая рассказ кузнеца. [3, с. 2]

В год следующего петровского юбилея, в 2002 году, и через год после 300-летия Невьянска на территории музейного комплекса был открыт еще один памятник Петру I и Никите Демидову (памятник работы А.Е. Надтоки находится на территории завода, что затрудняет доступ к нему туристов). Фигуры царя и заводовладельца, выполненные из чугуна, установлены на массивном постаменте, облицованном гранитными плитами. Авторы нового памятника: екатеринбургский скульптор К.В. Грюнберг и архитектор А.Г. Мазаев.

Памятник был открыт в июле 2002 года в присутствии губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя, председателя областного правительства А.П. Воробьева и других почетных гостей [4, с. 2].

Весной 2009 года Невьянский государственный историко-архитектурный музей в числе других учреждений культуры и образования Свердловской области принял участие в мероприятиях в рамках общероссийской программы «Путь Петра Великого». В музее состоялся круглый стол на тему «Историко-культурное наследие Невьянска», в котором приняли участие местные краеведы, преподаватели и учащиеся.

В год прошлого юбилея, в 2012 году, вновь звучала тема «Петр I и Невьянск». Так, в рамках музейного праздника «День чествования Невьянской наклонной башни Демидовых» была представлена театрализованная программа «По страницам невянской истории», где Петр I стал одним из главных действующих лиц. А в конце года в стенах музея была проведена петровская благотворительная ассамблея с участием невянских предпринимателей.

И в 2022 году, сотрудники музея разработали и провели несколько мероприятий, приуроченных к 350-летию со дня рождения Петра I. Во время музейного праздника «День чествования Невьянской наклонной башни Демидовых» и фестиваля «МастерГрад» мы презентовали музейный квест «На троне вечный был работник», включающий в себя интеллектуальные и спортивные этапы. На Наклонной башне в день ежегодного музейного праздника «День чествования Невьянской наклонной башни

Демидовых» состоялись традиционные вечерние театрализованные экскурсии. В этот раз одним из главных героев театрализации, названной «Волю Петра исполняя...», стал первый российский император. Тема «Невьянск – один из петровских городов России» была включена в программу традиционной музейной конференции «Невьянские исторические чтения», прошедшей в конце ноября. Кроме этого, в течение года сотрудники музея читали лекции, рассказывающие о вкладе российского императора в основание Невьянска. Был разработан и презентован масштабный передвижной выставочный проект, посвященный Петру I. Наконец, в декабре состоялись традиционные музейные театрализованные новогодние мероприятия «Демидовская елка», главным героем которых, вместе с Акинфием Никитичем Демидовым и его супругой Евфимией Ивановной, стал первый российский император.

Надеемся, что эти разноплановые мероприятия, проведенные сотрудниками Невьянского музея в течение 2022 года, послужили лучшему знакомству посетителей музея с личностью Петра I и его деятельностью, направленной на развитие Невьянского завода.

Библиографический список

1. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв., Опыт исследования по истории уральской металлургии, том 1. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. – 524 с.
2. Долгушин И.В. и др. Невьянск. – Св.: Средне-Уральское книжное издательство, 1982. – 144 с.
3. Гарипова А. Человек, украшавший город // Трудовая вахта. – 2001. – № 31. – С. 2.
4. Открыт памятник Петру I и Никите Демидову // Звезда. – 2002. – № 30. – С. 2.

УДК 94(47).084.9

М.А. Козлова*

ЛИЧНОСТЬ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ УРАЛА: ТАГИЛЬСКИЙ ЦЕМЕНТ

Ключевые слова. *Культурное наследие, автобиография, индустриальное наследие, идентичность заводчан, историко-культурное наследие.*

Аннотация. *Статья представляет собой анализ воспоминаний заводчан, работников Цементного завода г. Нижний Тагил. В рамках рассмотрения автобиографических текстов исследуется процесс формирования заводской идентичности. Анализируются положительные и негативные коннотации, связанные с заводским прошлым.*

М.А. Kozlova**

PERSONALITY IN THE INDUSTRIAL HERITAGE OF THE URALS: TAGIL CEMENT

Keywords. *Cultural heritage, autobiography, industrial heritage, identity of factory workers, historical and cultural heritage.*

Abstract. *The article is an analysis of the memories of factory workers, employees of a Cement plant in Nizhny Tagil. As part of the consideration of autobiographical texts, the process of forming a factory identity is investigated. The positive and negative connotations associated with the factory past are analyzed.*

Обращение к роли личности в анализе предприятий является ключевым аспектом исследования индустриального прошлого уральского региона, представляющего большой интерес [1, с. 9]. Успех развития завода, реализации плана, контроль качества во многом зависели от личностного фактора. Принципиально важным здесь становится обращение к личному опыту заводчан [2, с. 70].

Нижнетагильский цементный завод был принят в эксплуатацию в апрель 1953 года. Изначально рассчитанный на ежегодное производство 410 тыс. тонн продукции, в 1960 г. выработка

* **Козлова Мария Алексеевна**, магистрант Уральского Федерального университета им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: kozlova.marya2018@yandex.ru.

** **Kozlova Maria Alekseevna**, Undergraduate of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: kozlova.marya2018@yandex.ru.

цемента достигла 810 тыс. тонн в год. В 1971 году предприятие перешагнуло миллионный рубеж. Завод неоднократно модернизировался, в 1958 г. была пущена в эксплуатацию третья вращающаяся печь, впервые в стране спроектирована на открытой площадке. Большое число работников предприятия отмечены правительственными наградами и почетными званиями. По воспоминаниям заводчан: в 50–70-е гг. прошлого века с использованием тагильского цемента было построено 100 тысяч квартир, 34 детских сада, 20 школ и 320 объектов соцкультбыта [3, с. 7–8.]. Предприятие просуществовало 43 года. С 1996 года цементный завод перешел в частную собственность и впоследствии ликвидирован. Однако коллектив сотрудников завода сохранил и смог опубликовать архив материалов и воспоминаний заводчан.

В 2013 году силами Совета ветеранов Цементного завода были опубликованы воспоминания заводчан в честь 60-летнего юбилея предприятия в трехстах экземплярах. Воспоминания являются важным источником в изучении индустриального развития Нижнего Тагила и Уральского региона. В автобиографических текстах бывших работников Цементного завода прослеживаются несколько общих мотивов, коллективных воспоминаний, формирующих так называемую заводскую идентичность. К ним можно отнести эмоциональный акцент повествования, высокую роль партийных организаций в жизни заводчан, а также акцентирование внимания на коллективе. В автобиографиях раскрывается стремление вписать себя и своих товарищей в контекст советской истории, показать совершенство организации производства и культурной жизни.

Цементники с гордостью вспоминают победы во Всесоюзном социалистическом соревновании, награждение почетным юбилейным знаком в ознаменование 50-ти летия образования Советского Союза. В начале 90-х гг. звание «Заслуженный цементник» носили 52 трудящихся завода [4, с. 19].

С отдельным вниманием заводчане вспоминают о проблеме снижения уровня пыли, экологии и культуре производства. Проблема экологии как никогда актуальна для тагильчан и сегодня. В 1962 г., как отмечает главный инженер Николай Иванович Макаров, на заводе была создана первичная организация общества по охране природы, более 20-ти постов охраны контролировали работу аспирационных устройств. Пылеунос удалось сократить в 10 раз [5, с. 69].

В воспоминаниях цементники указывают на высокую степень сплоченности коллектива. Сотрудники предприятия были связаны не только производственными отношениями, с коллегами обсуждали и бытовые проблемы, семейные обстоятельства, заводили дружбу, формировались рабочие династии цементников. Бывшие цементники отмечают вовлеченность руководящего состава в производственный процесс и заводскую жизнь, с теплом и благодарностью вспоминают бывшего директора завода Виктора Касьяновича Шайдюка, председателя профсоюза Леонида Петровича Шарова: «Как-то не было у нас различий где начальники, а где простой рабочий. И большая часть работы была не в кабинетах, а в цехах, где всегда услышишь толковый совет» [5, с. 70].

Важным элементом заводской идентичности стал энтузиазм рабочих. Во многом завод развивался благодаря личной инициативе кадрового состава и руководителей предприятия. Заводчане вспоминают о своих частых предложениях по модернизации производства, улучшению качества продукции, перевыполнении планов. Здесь ярко выражен и эмоциональный контекст. Воспоминания отражают не просто трудовые будни рабочих, но являются реконструкцией жизненного пути каждого в отдельности и всех тагильских цементников. Как пишет бывший начальник отдела кадров завода Людмила Александровна Хрипакова: «Жили мы, как дышали – просто, естественно, дружно. Все службы были в одной связке: делать план, заботиться о людях и их семьях, повышать зарплату, выдавать ее своевременно. Строили планы по увеличению выпуска цемента, по решению социальных программ» [7, с. 38.].

Важным в рассматриваемых автобиографических текстах является стремление акцентировать внимание не только на своем заводском опыте и жизненном пути, но и реконструировать связи с коллегами-цементниками. Нередко авторы воспоминаний уходят от переживаний личного опыта к попытке выстроить положительные образы бывших сотрудников предприятия. Отчасти это связано с продолжением личного взаимодействия уже после закрытия завода. Это обстоятельство вносит еще больший эмоциональный окрас в текстах воспоминаний.

Еще одним фактором, влияющим на формирование исключительно положительного образа заводской жизни, представленного в воспоминаниях, является возрастной показатель заводчан.

В составе трудового коллектива наблюдалось преобладание молодежи от 17 до 30 лет. Нередко свой трудовой путь на заводе начинали и с 15–16 лет (по воспоминаниям, в лаборатории завода шутили, что скоро начнут принимать из детсада). Заводчанки вспоминают, как в юном возрасте ввиду необходимости материально поддерживать семью оказались на производстве: «Первое впечатление от завода — чувство растерянности и тревоги. В цехах огромные машины по выпуску шифера, мощные вращающиеся печи и мельницы по выпуску цемента, всюду грохот, шум. На фоне этого механического процесса люди выглядели его составной частью» [8, с. 93]. Так, воспоминания о работе на производстве связаны исключительно с положительной коннотацией в большой степени потому, что относятся ко времени юности и молодости сотрудников завода.

Негативный образ, относящийся к воспоминаниям о цементном, выстраивается ввиду опыта переживания коллективной травмы, связанной с процессом ликвидации предприятия в 90-е годы. Как вспоминают заводчане «Перестройка разделила жизнь на до и после. Наступила полная неопределенность». Изменился принцип работы завода, реализации продукции, ухудшилось экономическое положение рабочих, завод пошел на металллом, превратившись в руины. Самоощущение заводчан изменилось, привычный ход жизни нарушился. Резкое ухудшение состояния предприятия заводчане связывают с личностным фактором нового руководства. Большинство цементников в опубликованных воспоминаниях дали краткую характеристику данному периоду, спустя два десятилетия пережитый опыт остался травматичным.

При описании процессов, связанных с приватизацией предприятия, бывшие сотрудники использовали понятия «разгул», «варварское разорение», «бесперспективность завтрашнего дня», «борьба за сохранение», «разочарование». Свидетельством борьбы за сохранение завода является сохранившийся текст телеграммы, направленной в Москву в министерство цементной промышленности, а также руководству города и области. Заводчане требовали остановить приватизацию предприятия, а также освободить нового директора от занимаемой должности, связывая исключительно с его личностью процессы разрушения цементного завода.

Данный эпизод показывает искреннюю инициативу и борьбу за сохранение предприятия и устоявшегося рабочего уклада. Однако

ответа на телеграмму не последовало, приватизация завода завершилась. Упомянутый ранее бывший директор завода Шайдюк, своими глазами увидев состояние «умирающего предприятия» скончался от инсульта через несколько дней. В воспоминаниях данный эпизод всплывает неоднократно, с большой долей эмоционального окраса.

Таким образом, обращение к воспоминаниям является неотъемлемым аспектом изучения индустриального наследия нашего региона. Автобиографии формируют представление об образе жизни заводчан, их самовосприятии, раскрывают межличностные контакты, что позволяет реконструировать идентичность рабочих завода. В целом, воспоминания о работе на цементном связаны с положительной коннотацией, однако коллективная травма периода перестройки и последующая ликвидация Цементного завода остается ключевой и главной «болью» бывших цементников. Однако несмотря на коллективную травму группа рабочих, ветеранов, ликвидированного предприятия продолжает идентифицировать себя с заводом. В настоящий момент ушли из жизни многие сотрудники цементного, однако память о них живет в воспоминаниях бывших цементников, которым в следующем году предстоит отметить 70-летний юбилей завода.

Библиографический список

1. Запарий В.В. Индустриальное наследие России и Урала: выявление, изучение, использование // Экономическая история. – 2010. – № 3. – С. 4–10.
2. Граматчикова Н.Б., Енина Л.В. Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 55–75.
3. Предисловие / Тагильский цемент. – Нижний Тагил: Репринт, 2014. – С. 6–9.
4. Фомина Ф.В. Память о прожитом / Тагильский цемент. – Нижний Тагил: Репринт, 2014. – С. 10–27.
5. Макаров Н.И. На посту главного инженера / Тагильский цемент. – Нижний Тагил: Репринт, 2014. – С. 64–73.
6. Хрипакова Л.А. Это нашей истории строки / Тагильский цемент. – Нижний Тагил: Репринт, 2014. – С. 28–44.
7. Печенкина Г.И. Лаборатория – единая семья / Тагильский цемент. – Нижний Тагил: Репринт, 2014. – С. 93–98.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА «УРАЛЬСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ. В ПОИСКАХ ПУТИ»

Ключевые слова. *Историко-культурное наследие, культурные инициативы, культура Урала, туризм.*

Аннотация. *Авторы рассказывают об опыте создания и реализации проекта, направленного на поддержку краеведческих инициатив в Свердловской области. Формирование идентичности на основе историко-культурного наследия рассматривается как ресурс развития населенных пунктов. Раскрывается не только просветительская, но и социальная роль данного проекта.*

L.A. Konovalova, L.V. Kozyreva**

SOCIAL SIGNIFICANCE OF THE EXHIBITION PROJECT “URAL CROSSROADS. IN SEARCH OF THE WAY”

Keywords. *Historical and cultural heritage, cultural initiatives, culture of the Urals, tourism.*

Abstract. *The authors talk about the experience of creating and implementing a project support local history initiatives in the Sverdlovsk region. Formation of identity based of historical and cultural heritage is considered a resource for the developing communities. Not only the educational but also the social role of this project is revealed.*

О проблеме сохранения историко-культурного наследия говорится много. Публикуются новые краеведческие исследования,

* **Коновалова Лариса Анатольевна**, заведующая Музейным клубом «Дом Агафуровых» Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (Екатеринбург, Россия); e-mail: larisakonovalova@yandex.ru.

* **Козырева Любовь Валентиновна**, старший научный сотрудник Музейного клуба «Дом Агафуровых» Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (Екатеринбург, Россия); e-mail: igrotrener@yandex.ru.

** **Konovalova Larisa Anatolyevna**, Head of the Museum Club “House of the Agafurovs”, The Sverdlovsk Regional Museum of Local History n.a. O.Ye. Kler, (Ekaterinburg, Russia); e-mail: larisakonovalova@yandex.ru.

** **Kozyreva Lyubov Valentinovna**, Senior Researcher at the Museum Club “House of the Agafurovs”, The Sverdlovsk Regional Museum of Local History n.a. O.Ye. Kler (Ekaterinburg, Russia); e-mail: igrotrener@yandex.ru.

создаются частные музеи, предлагаются новые экскурсионные маршруты. Такие краеведческие проекты возникают от стремления показать то, что любимо, и желания поделиться тем, что греет душу и придает силы (особенно в кризисное время). Проблема в другом: как раскрыть для возможно большего числа людей актуальность богатого жизненного опыта предыдущих поколений и ценность (в том числе, и практическую) культурных инициатив? К сожалению, многие люди, в текучке повседневных забот, забывают об этом ресурсе – историческом наследии. Благодаря тем, кто на своем опыте почувствовал, что обращение «к корням» реально помогает в современной жизни, появилось много интересных краеведческих проектов, но о них мало информации, и туристы ездят по налаженным маршрутам, не подозревая о том, что есть что-то другое. Наши предки, в отличие от нас, лучше чувствовали природу, и выбирали место для поселения неслучайно. И в каждом населенном пункте есть своя «изюминка», «место силы», которое, даже потеряв свою практическую выгоду, хранит ценный исторический опыт.

Поэтому, целью проекта «Уральские перекрестки. В поисках пути» является знакомство жителей Свердловской области с исторически сложившимися «местами Силы» на маршрутах старых Уральских дорог (которые в эти годы отмечают юбилейные даты), рассказ об их культурно-историческом значении, и главное – популяризация культурных инициатив, которые существуют в этих местах сегодня.

В связи с этим, миссия Проекта состоит в следующем:

- способствовать организации продуктивного сотрудничества людей и сообществ, заинтересованных в возрождении «мест Силы»;
- наполнить новым содержанием экспозиции местных музеев и повысить их привлекательность для местных жителей через участие в проекте «Уральские перекрестки. В поисках пути», обмен опытом между музейными сотрудниками;
- раскрыть значимость культурных инициатив в глазах местного сообщества и способствовать популяризации их опыта среди населения Свердловской области.

Для того, чтобы показать смысл и значение современных культурных инициатив, их связь с предыдущим историческим опытом,

было необходимо найти и структурировать огромное количество информации по обширным историческим периодам. Поэтому, экспозиция выставки состоит из:

- входного баннера, объясняющего смысл и тематику выставочного проекта;

- деревянного столба с указателями названий дорог (с условными датами начала их «исторической эксплуатации») – для создания образа выставки на входе в экспозицию;

- карты Уральских дорог, ведущих из Европы в Азию (на основе карты, созданной Семеновым-Тянь-Шанским в 1909 году) – для демонстрации особенностей формирования дорог на протяжении истории освоения Урала;

- 20 стендов (размещаются на конструкции из металлических труб системы Джокер, описывающих историю освоения Урала (преимущественно Свердловской области);

- экспонатов из фондов Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера, из фондов музеев Свердловской области и частных коллекций в соответствии с разделами выставки;

- вырубных фигур по тематическим разделам выставки для создания фотозон и привлечения посетителей;

- большой настольной деревянной пазл-карты Свердловской области с подсветкой – для визуализации особенностей административно-территориального устройства Свердловской области и включения карты в игровой процесс для детских групп;

- дополнительной визуальной информации, состоящей из картин или репродукций с картин художников Свердловской области по темам выставки, манекенов для жанровых сцен, предметов декоративно-прикладного искусства и народных промыслов разных уральских народов (для демонстрации особенностей этнической идентичности);

- напольной карты Уральских дорог с фишками и дополнительным игровым материалом (для организации игры с детьми).

- столов с дополнительной информацией и раздаточными материалами.

Получилась мобильная выставка – конструктор, состоящая из 5 тематических зон, которая может экспонироваться и целиком, и частями. Таким образом, успешно выполняется задача

популяризации истории Урала и представления разнообразных краеведческих проектов. А еще, выставку можно рассматривать как путеводитель «Путешествие выходного дня», с помощью которого можно составить индивидуальный маршрут по определенной теме. Этой теме в каждом разделе выставки посвящен один из стендов, рассказывающий о современных инициативах, современных интересных локациях и людях.

Так как основными образами выставки являются дороги и их пересечения (с Уральским хребтом, с населенными пунктами, с судьбами людей и пр.), рассказ об истории возникновения дорог начинается у карты. В 2021–2023 году многие дороги, пересекающие Уральский хребет по территории современной Свердловской области, отмечают свои юбилейные даты от начала их эксплуатации (и тем не менее, многие даты являются достаточно условными). А именно:

- Чусовской водный путь – 625 лет в 2021 году (первое упоминание в новгородских летописях в 1396 г., первые поселения с 1586 г., поход Ермака в 1581 г.);

- Чердынская (Вишерская) дорога – 550 лет в 2022 г. (одно из первых упоминаний – 1472 г.);

- Старая Казанская дорога – 435 лет в 2021 г. (упоминание в 1586 г. в связи с путем из Сибири в Уфу, сама дорога существовала по Южному Уралу, по некоторым данным, с конца XIV века);

- Бабиновская дорога – 425 лет в 2022 г. (с 1597 г. начало эксплуатации);

- Сибирский тракт – 240 лет в 2023 г. (с 1783 г.);

- Уральская горнозаводская дорога – 145 лет в 2023 г. (с 1878 г.);

- Транссибирская магистраль – 130 лет в 2021 г. (начало строительства в 1878 г.).

Остальное содержание выставки распределяется по 5 разделам выставки. Для разделов были придуманы образы-названия, позволяющие более наглядно раскрывать историю освоения Урала и связать ее с дорогами, перекрестками и культурной идентичностью уральцев.

Раздел «Дорогой мифов» рассказывает о мифах об Урале, мифах коренных уральских народов, горнозаводских мифах, а также о том, где мы в настоящее время можем прикоснуться к мифологической истории Урала.

Раздел «Торговыми путями» раскрывает историю возникновения торговых отношений и дорог, возникших как их продолжения. Показывает процессы изменения торговых путей, характеризует особенности уральской торговой жизни и демонстрирует современные инициативы в области организации бизнеса и торговых отношений.

Раздел «Дорогой Металла» раскрывает историю существования самого важного ресурса для Урала – процесс становления металлургии и традиции с ним связанные. Раздел показывает современный потенциал этой отрасли, которая на данный момент является не только промышленным, но и огромным культурным ресурсом.

Раздел «Дорогой Диалога» рассказывает о процессах заселения Урала, многонациональном составе и о ресурсах многовекового опыта наших предков-уральцев, позволяющего заимствовать лучшее друг у друга и сохранять свою этническую идентичность.

Раздел «Дорогой Мастера» раскрывает суть уральского мастерства и объясняет его особенности и уникальность. Раздел также рассказывает о современниках, чье мастерство и культурные инициативы радуют окружающих и приносят известность Уралу.

В каждом из разделов размещалась фотозона, соответствующая своей образной «дороге». «Дорога Мифов» – фигура П.П. Бажова на фоне фотопейзажа Уральских гор. «Торговыми путями» – фигура купцов Агафуровых на фоне фотопейзажа Ирбитской ярмарки. «Дорога Металла» – фигура металлурга Обухова. «Дорога Народов» – фигура Вогула (с картины пермского художника А. Шкурко). «Дорога Мастера» – фигура Горщика на фоне фотопейзажа горной штольни (с картины Г. Мосина из фондов СОКМ).

Так как на выставке затронуты разные стороны и этапы истории Урала, жители каждого населенного пункта находят на выставке что-то «свое», это способствует развитию идентичности и пониманию «роли личности в истории», причём не только «великих личностей», но и каждого из нас. И знание о том, что ТВОЙ прадед, стоя на ЭТОМ месте, сумел найти решение очень сложной задачи, может вдохновить сильнее, чем хрестоматийная «жизнь замечательных людей»! Взрослые посетители выставки с удовольствием рассказывали семейные истории, специалисты предприятий делились деталями производственных процессов (и очень удивлялись, если музейный сотрудник из Екатеринбурга оказывался

«в теме»). Школьникам (а школы очень хорошо организовали приезд детей из отдаленных поселков) мы рекомендовали искать и рассказывать в интернете о местных особенностях; на примерах активных молодых людей показывали, что нет неинтересных мест, и даже маленький проект меняет жизнь вокруг.

Кроме выставки в рамках проекта были также созданы фильм «Урал. Новые путешествия по старым дорогам» (студия «TATEV VIDEOPRODUCTION» и СООО «Культурное просвещение») и буклет «Встречи на перекрестках» (составитель Козырева Л.В.). Всего в рамках проекта нам удалось рассказать о 70 культурных инициативах. К сожалению, многие проекты в буквальном смысле оказались «за кадром» из-за того, что не обо всём можно рассказать с помощью фотографии и короткого текста. Выбирать героев и для выставки, и для фильма, и для буклета было нелегкой задачей, так как, живя рядом с такими людьми, мы не всегда осознаем, что они и есть самые настоящие Мастера своего дела или просто увлеченные неравнодушные люди, труд которых радует окружающих и приносит известность Уралу.

В Екатеринбурге, в Музейном клубе «Дом Агафуровых» (подразделение СОКМ) выставка экспонировалась с марта до начала августа 2022 года. Потом началась гастрольная жизнь нашего проекта. До конца года выставка побывала в 9 населенных пунктах Свердловской области. Первой остановкой стала Ирбитская ярмарка. Здесь было наглядно видно, как культурная инициатива М.И. Смердова – «Город мастеров» изменила жизнь города и стала главным украшением современного варианта Ирбитской ярмарки, ради чего и едут сюда люди из разных городов.

После Ирбита выставка демонстрировалась в Богдановиче, Красноуфимске, Ивделе, Кировграде, в с. Чусовое, в пгт Староуткинск, в п. Битимка и Первоуральске. В каждом населенном пункте раскрывалось его значение в истории Урала.

Путешествие с выставкой по городам и поселкам Свердловской области обогатило культурную жизнь не только жителей городов и поселков. Личное общение с тысячами посетителями выставки было очень полезно для нас, музейных сотрудников. Мы собрали большое количество информации об истории Урала и культурных проектах, приобрели немалое количество единомышленников, познакомились с большим количеством людей, о которых

хочется рассказать в будущем. Поездки по области воодушевляют, когда видишь стремление людей делать свою жизнь интереснее и содержательнее. Наша выставка продолжает пополняться информацией о культурных инициативах, а мы с восхищением рассказываем о людях, которые любят свою «малую Родину» и понимают её ценность для других людей. Таким образом, краеведческий проект выполняет важную социальную функцию.

Над зрелищностью проекта работали дизайнеры Ксения Есипова и Ольга Иванова. Структура проекта и его содержание с играми, квестами и путеводителями создавалась Любовью Козыревой и Ларисой Коноваловой. А то, что выставку увидели около 5000 человек, живущих в области – заслуга предпринимательского таланта Михаила Смердова. В конце 2022 года фигуры для фотозон были подарены разным небольшим музеям и украсили соответствующие экспозиции.

Мы были очень рады, когда наш проект поддержал Президентский фонд культурных инициатив. Видимо, наша заинтересованность и решимость вкладываться в этот проект (мы довели софинансирование до 48 %) вызвали желание помогать в его осуществлении.

Приглашаем всех к общению и сотрудничеству. Как шла подготовка и реализация проекта можно прочесть в нашей группе в социальной сети «ВКонтакте» – «Музейный клуб Дом Агафуровых».

УДК 9(929)

О.В. Кораблева*

ИСТОРИЯ МУЗЕЯ В ЛИЦАХ (1919–1962)

Ключевые слова. *Создание музея, экспонаты, пополнение фондов, экспозиции, директора музея.*

Аннотация. *В статье рассказывается о роли директоров Козьмодемьянского музея, которые внесли наибольший вклад в развитие и формирование фондов музея, организовывали и вели экспозиционную и экспедиционную работу в период 1919–1962 гг.*

* **Кораблева Оксана Валерьевна**, заведующая отделом учета и хранения, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (Козьмодемьянск, Россия); e-mail: korableva.ox@yandex.ru.

O. Korableva**

HISTORY OF THE MUSEUM IN PERSONS (1919–1962)

Keywords. *Creation of the museum, exhibits, replenishment of funds, expositions, museum directors.*

Abstract. *The article describes the role of the museum's directors, who made the greatest contribution to the development and formation of the museum's funds, organized and conducted exposition and expedition work in the period of 1919–1962.*

В городе Козьмодемьянске пять музеев, но «жемчужиной» города, да и всего Поволжья является художественно-исторический музей им. А.В. Григорьева, которому 7 сентября 2019 года исполнилось 100 лет.

За время существования музея было сказано много добрых слов в адрес основателя и первого профессионального художника Горномарийского района Республики Марий Эл Александра Владимировича Григорьева. Становление художника началось в Казанской художественной школе, затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Григорьев стоял у истоков появления революционного искусства: был одним из создателей, а позднее председателем АХРРа, позднее возглавлял организацию «Всекохудожник» и Союз советских художников. Работая в Москве на ответственной работе, никогда не забывал о Козьмодемьянске, где был музей, для открытия которого он много сделал. И на протяжении всей своей жизни способствовал пополнению фондов живописными, графическими и скульптурными произведениями.

Благодаря стараниям Григорьева в музее сформировалась великолепная коллекция живописи известных художников XIX–XX вв. С уверенностью можно сказать, что без Григорьева не было бы той уникальной для маленького провинциального городка художественной коллекции. На фоне огромных заслуг Александра Владимировича мы часто забываем тех людей, которые так же как он были преданы любимой работе, хранили и приумножали музейные богатства.

**** Korableva Oksana Valeryevna**, Head of the Accounting and Storage Department, Kozmodemyansky Cultural and Historical Museum Complex (Kozmodemyansk, Russia); e-mail: Republic of Mari El; e-mail: korableva.ox@yandex.ru.

Сегодня вспомним имена директоров, которые внесли наибольший вклад в развитие и формирование фондов музея: Бочкарева Семена Васильевича, Пузырникова Сергея Федоровича, Чудакова Михаила Николаевича, Пландина Ивана Михайловича, Михеевой Анастасии Михайловны. Возникает вопрос: почему выбран именно такой период времени – 1919–1962 гг. Это все объяснимо, 1919 – это год основания музея. В стране шла гражданская война, но козьмодемьянская интеллигенция изыскала средства и возможности для открытия музея, первого в республике. Музееведение было делом новым, поэтому работники музея тех лет явились «первопроходцами» в этой сфере. В целом период 1919–1962 гг. – это время формирования основных коллекций, именно в эти годы шло огромное поступление наиболее ценных экспонатов в фонды. Также тема, касающаяся работы директоров, никогда не изучалась, поэтому должна быть интересна.

Изучая документальные фонды музея, которые составляют более 30 тыс. единиц хранения, можно почерпнуть огромную информацию, в данном случае, о роли директоров в фондовой, экспозиционной и экспедиционной работе.

Первым заведующим музея был Семен Васильевич Бочкарёв – коллежский ассессор, бывший инспектор Козьмодемьянского высшего начального училища. Родился он 15 февраля 1885 г. в местечке Спасский затон Казанской губернии. В 1899г. окончив церковно-приходскую школу, Семен был принят в городское училище при Казанском учительском институте. Диплом с отличием открыл дорогу в учительский институт. А уже в 1905 г. Семен начал свою деятельность на учительском поприще в училищах Чебоксар, Ядрина.

С 1918 г. Семен Васильевич – учитель арифметики, физики и педагогики в женской гимназии г. Козьмодемьянска. Именно в это время ему приходит идея о создании школьного музея. Он обратился к зав. отделом народного образования А. Григорьеву с просьбой дать ему помещение. В своих воспоминаниях Александр Владимирович писал: «Я вцепился за идею организации музея, но с одной оговоркой – что надо организовать не школьный музей, а общенародный, краеведческий с художественным отделом» [7, с. 21]. «Григорьев знал, что возможность создания художественного отдела реальна, так как летом 1918 г. в Козьмодемьянске остановилась передвижная выставка казанских

художников, и около 40 ее экспонатов складировалось в уездном отделе образования. По настоянию Григорьева уездный исполком выделил здание бывшего купца Торсуева, которое являлось одним из лучших в городе для музея». [6, с.4]

Бочкарев сразу окунулся в дело по организации музея, начал переносить накопленные экспонаты в переданное ему здание.

10 сентября 1919г Семен Васильевич познакомился с документами уездного отдела народного образования, где говорилось о том, что он становится заведующим Козьмодемьянского музея. Разворачивается плодотворная работа по обустройству и созданию экспозиций и формированию фондов. Многие экспонаты перебирались из запыленных школьных шкафов в залы музея. Даже в настоящее время музейщики могут похвастаться экспонатами, поступившими из женской и мужской гимназий.

Кроме творческой работы в музее Бочкареву приходится решать и хозяйственные вопросы: дрова, освещение и т.п.

10 октября следует обращение во внешкольный подотдел: «Прошу принять меры к снабжению помещения музея дровами по возможности в пиленном виде, по расчету на 6 печей, во избежании порчи картин...»

Уже к 1 декабря, т.е. за 3 месяца, музей обслужил 3269 человек и имел 1400 экспонатов, 3000 томов книг.

Наступает 1920 год, 28 января, когда в Траурной комнате прощаются с первым заведующим музеем Семеном Васильевичем Бочкаревым. Ему исполнилось бы только 35 лет. Пусть проработал он не долго, но остался в истории музея, как со организатор А.В. Григорьева и первый заведующий первого музея в марийском крае.

Сергей Федорович Пузырников, директором музея трудился в трудные годы становления советской власти. Из воспоминаний дочери Сергея Федоровича: «Папа мой мариец родился 25 сентября в 1885 в д. Четнаево Горномарийского района, в семье бедняков. В детстве ему часто приходилось работать пастухом. Позже он ушел в город и работал дворником. Только потом он попал в музей и долгое время работал там». [1, с1]

А.В. Григорьев так вспоминал историю появления Пузырникова в музее: «В сентябре 1919 г. открывался музей, перевозили вещи в отведенное здание. Со стороны за работой наблюдал молодой человек, «Можно помочь вам? Я слышал, что здесь открывается

музей. Если есть возможность, я готов в нем работать. Пузырникову предложили место сторожа. На следующий день ему вручили ключи от музея и комнаты. Так Сергей Федорович оказался в музее. Не прошло и недели, как крестьяне Козьмодемьянского уезда начали возить в музей кости мамонта. На территории, прилегающей к Козьмодемьянску в прошлые времена, очевидно, водились мамонты, поэтому во всех оврагах можно было найти их кости.

Затем, по зову Пузырникова, в музей стали приносить животных и птиц, обитающих в окрестностях. Музей стал посещаться местными жителями, а Сергей Федорович посетителям давал объяснения. Работал с душой, постоянно пополняя багаж знаний. Уже в 1920 г. Пузырников стал работать ответственным хранителем, а закончив курсы музейных работников в Нижнем Новгороде, с середины 1921 г., возглавил музей на долгие 17 лет.

Он очень переживал за музей и гордился им. Со слов дочери: «Папа очень любил ходить на охоту, но не для того, чтобы развлекаться и отдохнуть, а чтобы собрать экспонаты. Почти всех зверей и птиц отец отлавливал сам, и изготавливал из них чучела» [1, с. 2]. Также Пузырников периодически организовывал экспедиции по сбору церковных ценностей, археологических и палеонтологических находок по району.

Во время его руководства музей перебрался из дома купца Торсуева С.С. в здание Смоленского собора. Здесь Сергею Федоровичу пришлось развернуть огромные ремонтные работы, оформить новые экспозиции.

Страшные 1930-е годы не щадили никого. По ложному доносу 18 июля 1938 г. Сергей Федорович был арестован органами НКВД. Одно из обвинений звучало так: «Экспозиционная работа находится на самом низком уровне, экспонаты в пыли... В этнографическом отделе расположены картины следующим образом: во главе висит картина «Правление колхоза», а под ней – «Старик с котомкой», сидящий возле старого жилища и задумавшийся о своей нищей жизни, а под картиной расположен устаревший этнографический материал.» Пузырников был арестован и посажен в тюрьму города Казани. Вскоре родным сообщили, что он скончался от сердечного приступа. Из справки государственного архива Республики Марий Эл: «по постановлению Особой тройки при НКВД Марийской АССР, был расстрелян 10 октября 1938 г.» [8]

Михаил Николаевич Чудаков в должности директора трудился не долго, с середины 1938 г. до своего ухода на фронт в сентябре 1941 г. Необходимо отметить, что Чудаков пришел на место репрессированного директора Пузырникова – а для этого требовалось определенное мужество. За эти три года Михаил Николаевич сделал все возможное, чтобы поднять значимость музея, укрепить авторитет этого уникального учреждения культуры. Много приходилось заниматься хозяйственной работой: то добывать тес для ремонта крыши, то лес чтобы сделать полы в залах, и тем самым расширить экспозиции.

Заботясь о коллегах Чудаков установил шести дневную рабочую неделю с выходным в воскресенье.

В тоже время Михаил Николаевич был требовательным руководителем и во всем любил порядок.

Интенсивно шел сбор экспонатов для пополнения музейных фондов. Чудаков живо интересовался историей и культурой родного края. В 1940 г. добился в городском совете, чтобы началась реставрация памятника Стрелецкой часовни.

О личной жизни М.Н. поделилась дочь Роза Михайловна. Родился он в 1903 г. в с Чермышеве Еласовского с/с. Сама Роза свою трудовую деятельность тоже начинала с Козьмодемьянского музея, затем продолжала дело отца, долгое время работала главным хранителем национального музея им. Т. Евсеева в г. Йошкар-Оле. [2, с. 1]

Михаил Николаевич Чудаков был призван в ряды РККА в сентябре 1941 г. и пропал без вести в феврале 1942 г., но то, что он успел сделать, дает нам право навсегда вписать его имя в историю музея.

Иван Михайлович Пландин Козьмодемьянцам известен как художник, краевед, фотограф. Но одной из страниц жизни Ивана Михайловича, является работа в козьмодемьянском музее. Родился 30 марта 1888 года в крестьянской семье, в с. Большая Пицца Нижегородского уезда.

В 1910 г. Иван Михайлович приехал в Козьмодемьянске и остался здесь навсегда. 1915–1917 годы прошли на фронтах Первой мировой войны, затем служба в красной армии.

С открытием краеведческого музея в 1919г. он стал неизменным членом музейного совета и участником многих музейных экспедиций и художественных выставок.

В 1940 г. Иван Михайлович окончил художественные курсы в Москве, что, безусловно, сказалось на развитии его творчества.

Одной из ярких страниц жизни Ивана Михайловича, является работа в музее им. Григорьева в г. Козьмодемьянске. С 1934 г. он занимает должности художника и экскурсовода, а в годы Великой Отечественной войны с 1941 по 1946 гг. – заведующего музеем. Развивать музейное дело, в годы войны было сложно. Поэтому Иван Михайлович вел большую работу по сохранению, реставрации и консервации экспонатов, в частности, картин. Художник В.К. Сергеев вспоминал: «Во время Отечественной войны музей был закрыт, Иван Михайлович глубоко переживал за картины. Музей не отапливался. Пландин проверял его каждый день. Вдыхая жаловался на сырость и холод. После окончания войны нужно было спасать пострадавшие от сырости картины: полотна провисали, краска осыпалась, рамы разваливались. Некоторые работы покрылись плесенью. Был созван совет музея и решено сделать все возможное, что в наших силах. Дождаться реставраторов в то время было сложно. Вдвоем с И.М. Пландиным мы подкрепили рамы, подчистили картины, сделали очень осторожно подтяжку холстов, так как подрамники тоже все разваливались. Некоторые места закрепили, заменили шнуры и сделали развеску» [3, с.1]. Картины остались целы до наших дней.

В августе 1958 г. Пландину было присвоено Почетное звание Заслуженного деятеля искусств Марийской АССР. В эти годы он пишет в своих воспоминаниях: «Работаю с большим удовольствием и желанием, но энергия ослабевает, годы дают знать о себе. О больших работах не думаю, но думаю осуществить одну задачу – побольше написать портретов людей нашего поколения и оставить их на память. Сделать это я в силах и буду работать, пока позволяют глаза и руки. Вот чем я живу и в чем вижу смысл жизни» [4, с. 2].

Жил художник в своём маленьком деревянном домике, там же он и умер 25 января 1968 г. Материальных ценностей художник не нажил, но в наследство городу осталось огромное духовное богатство, более 300 живописных работ хранятся в фондах художественно-исторического музея.

Анастасия Михайловна Михеева родилась 8 ноября 1920 г. в д. Нижняя Байса Лебяжского уезда Вятской губернии в семье

служащего заготовительной конторы. Закончила Кировский педагогический институт. В 1947 г. вышла замуж за фронтового офицера Михеева Андрея Ивановича специалиста-технолога молочной промышленности, которого в 1948 г. направили в г. Козьмодемьянске на должность главного технолога молочного завода. Так семья Михеевых оказалась в Козьмодемьянске. С февраля 1952 г. до конца 1962 г. Анастасия Михайловна возглавляла музей. До прихода Анастасии Михайловны на этой должности сменилось множество директоров со стажем работы 2–3 года, поэтому музейная жизнь была размеренной и неторопливой. Но все изменилось с приходом нового директора, жизнь закипела, а сотрудникам стало интересно работать.

По предложению Михеевой были открыты новые отделы: История дореволюционного прошлого нашего края, отдел послевоенного советского периода, подотдел птицеводства; начался сбор экспонатов по шелководству. Больше стало уделяться внимания формированию документального и фото фондов.

Анастасия Михайловна предпринимала различные способы, чтобы привлечь посетителей в музей. Распространялись объявления с приглашением посетить картинную галерею и услышать историю края. Михеева лично обращалась к директорам школ с просьбой направлять школьников на экскурсии в музей. И Михеева смогла добиться своей цели – количество посетителей возросло в несколько раз (для сравнения перелистаем книги учета из музейного архива: в 1950 г. – 2478 посетителей, а уже в 1954 г. – 9457 человек).

Перед работниками музея встала новая задача: улучшить и расширить экспозиции, пополнить их новой информацией, а фонды экспонатами. С этой целью установилась переписка со многими музеями страны и с известными художниками того времени.

В первую очередь с семьей А.В. Григорьева. Переписка с Григорьевыми была очень теплая, даже больше личная, чем деловая. Анастасия Михайловна в каждом письме не перестает благодарить Александра Владимировича за то, что он сделал для музея и города, за картины, которые он передает в музей.

Не только письма, но и личные встречи Михеевой с семьей Григорьева говорят об их теплой дружбе. Александр Владимирович с уважением относился к Анастасии Михайловне, отзывался о ней как о серьезном ответственном работнике. Считал, что за время

руководства музеем научная работа сотрудников вышла на более высокий уровень, фонды музея расширились и обновились. Часто организовывались выставки местных художников, тем самым, стимулирую художников к работе.

По семейным обстоятельствам семья Михеевых в августе 1962 г. переехала в г. Ижевск. Там Анастасия Михайловна долгие годы проработала в Удмуртском республиканском краеведческом музее главным хранителем. Тоска по Козьмодемьянску и родной галерее не оставляет Анастасию Михайловну. Она в письмах писала об этом: «Я всё ещё скучаю об этом музее, о тех товарищах, с которыми работала. Мне очень приятно, что и меня ещё помнят там, очень тепло встречают» (1970 г.).

А помнили Анастасию Михайловну, наверное, не только потому, что она когда-то была директором, а ещё и потому, что она сделала многое для развития музея, пополнения фондов, и повышения культуры населения Козьмодемьянска.

Благодаря вышеупомянутым директорам музея удалось сформировать, сохранить и приумножить музейные ценности, которые в настоящее время составляют около 70 тысяч экспонатов. Сегодня они имеют большое значение в развитии искусства в России и позволяют развивать музейное дело в г. Козьмодемьянске и Республике Марий Эл.

Библиографический список

1. Воспоминания Путятинской (дочери Пузырникова С.Ф.) 2 с.
2. Воспоминания Кабановой Р.М. (дочери Чудакова М.Н.) 3 с.
3. Воспоминания Сергеева В.К. 1 с.
4. Воспоминания Пландина И.М. 2 с.
5. Захаров С.И. Молодость древнего города. Йошкар-Ола., 1983. 199 с.
6. 6. Муравьев А.В. Создатели музея в городе Козьмодемьянске. // Ведомости Козьмы и Дамиана. 2004. № 31. 6 с.
7. Сануков К.Н. Судьба художника. Йошкар-Ола., 1991. 159 с.
8. Справка. Сведения о Пузырникове С.Ф. // ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл». Ф. Р-1086. Оп5. Д. 87. Л. 28, 30, 41, 129.

УДК 748

А.Г. Крицкая, С.Е. Винокуров*

**КОЛЛЕКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТЕКЛА
В ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ МУЗЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
ИСКУССТВ: ФОРМИРОВАНИЕ, СОСТАВ,
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Ключевые слова. Коллекция, художественное стекло, Екатеринбургский музей изобразительных искусств.

Аннотация. В статье приводится обзор истории формирования коллекции художественного стекла Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Авторы приводят информацию об основных эпизодах пополнения коллекции, дают справку о ее составе с приведением наиболее ярких примеров, рассматривают историю и перспективы изучения этой части собрания крупного художественного музея уральского региона.

A.G. Krickaya, S.Ye. Vinokurov**

**COLLECTION OF ART GLASS IN THE EKATERINBURG
MUSEUM OF FINE ARTS: FORMATION, COMPOSITION,
PROBLEMS OF STUDY**

Keywords. Collection, art glass, Ekaterinburg Museum of Fine Arts.

Abstract. The article provides an overview of the history of the formation of the art glass collection of the Ekaterinburg Museum

* **Крицкая Анастасия Геннадьевна**, научный сотрудник отдела декоративно-прикладного искусства, Екатеринбургский музей изобразительных искусств (Екатеринбург, Россия); e-mail: a.krickaya@gmail.com.

* **Винокуров Сергей Евгеньевич**, кандидат искусствоведения, заведующий отделом декоративно-прикладного искусства, Екатеринбургский музей изобразительных искусств; старший преподаватель кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: serg.vinokuroff@gmail.com.

** **Krickaya Anastasiya Gennadievna**, Senior Researcher, Decorative Arts Department, Ekaterinburg Museum of Fine Arts (Ekaterinburg, Russia); e-mail: a.krickaya@gmail.com.

** **Vinokurov Sergey Yevgenyevich**, Candidate of Art Science, Head of Decorative Arts Department, Ekaterinburg Museum of Fine Arts; Senior Lecturer, Chair of Art History and Museum Studies, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); e-mail: serg.vinokuroff@gmail.com.

of Fine Arts. The authors provide information on the main episodes of the replenishment of the collection, give information about its composition with the most striking examples, consider the history and prospects for studying this part of the collection of a large art museum of the Ural region.

Екатеринбургский музей изобразительных искусств (ЕМИИ) отсчитывает свою историю с 1936 года. Изначально его коллекция сформировалась на основе художественного отдела Государственного областного музея (сегодня – Свердловский областной краеведческий музей). Из 1200 предметов, поступивших в фонды в момент открытия галереи, основу коллекции художественного стекла заложили всего восемь предметов [1, с. 220]. В последующие десятилетия собрание формировалось в основном в результате передачи обширных коллекций, в состав которых входили и предметы художественного стекла.

Небольшая по количественному составу коллекция до недавнего времени в силу ряда причин практически не привлекала внимание научных сотрудников музея. Первой серьезное внимание на предметы художественного стекла в собрании музея в 2015 году обратила Людмила Алексеевна Будрина, на тот момент заведующая отделом декоративно-прикладного искусства ЕМИИ. Интерес специалиста к произведениям художественного стекла в собрании музея был обусловлен подготовкой к масштабному выставочному проекту, посвященному послевоенному дару Эрмитажа Свердловской картинной галерее [2, с. 97–105]. В связи с тем, что изучение произведений, входящих в состав рассматриваемой коллекции, находится на начальном этапе, в дальнейшем в тексте будет приведен краткий обзор состава собрания художественного стекла с выделением основных этапов его формирования.

Так, в передаче 1936 года, включавшей, как было отмечено ранее, всего восемь предметов художественного стекла, можно выделить кружку с крышкой в стиле бидермейер (Рис. 1, Инв. № Ф-32). Как удалось установить, предмет был создан в одной из частных мастерских в Богемии в 1830–1860-е годы из стекла с рубиново-красным нацветом и декорирован анималистическими композициями на тему охоты. Стилистически кружка связана с известным немецко-чешским технологом и художником по стеклу – Фридрихом Эгерманном (Friedrich Egermann, 1777–1864),

Рис. 1. Пивная кружка с крышкой. Северная Богемия, Хайда. 1830–1860 гг.

Стекло бесцветное, стекло рубиновое, олово, выдувание в форму, гутная техника, гравировка, литье, монтирование. 13.0×11.4×7.2. ЕМИИ (публикуется впервые)

который в начале XIX века изобрел процесс «окрашивания» поверхности стекла в желтый, а затем и рубиново-красный цвета. В середине XIX века Богемия стала популярна благодаря своим многочисленным туристическим направлениям, которые предлагали спа-процедуры и отдых на горячих источниках. Вариантом дорогого сувенира для туристов были такие пивные кружки. Отметим, что кружка из собрания ЕМИИ как раз относится к кругу таких памятников, что подтверждается надписью на крышке на немецком языке: «А.Х. Сувенир из Хайды» (А.Н. Andenken von Hayda).

Следующим важным этапом пополнения коллекции стал конец 1940-х годов, когда в составе послевоенной передачи Государственного Эрмитажа были переданы более ста произведений декоративно-прикладного искусства, шестнадцать из ко-

торых представляли предметы художественного стекла основных производств отечественного и европейского стеклоделия середины XVIII – начала XX века. Эти предметы существенно дополнили коллекцию и позволили показать основные центры и крупнейшие производства стекла в России и Западной Европе.

Среди переданных Государственным Эрмитажем произведений стекла самым ранним является бокал с монограммой императрицы Екатерины II (Инв. № Ф-215), исполненный на стеклянной мануфактуре князя Г.А. Потемкина в 1760–1770-е годы. После смерти князя завод будет выкуплен императрицей и назван Императорским стеклянным заводом. Бокал выполнен по принципам, сложившимся в Петровскую эпоху: кубок на высокой ножке в виде балясины с несколькими «яблоками» на круглом основании и с конусообразным туловом (похожим на перевернутый колокол). Украшались они как

правило государственным гербом (двуглавый орел с атрибутами власти) и монограммой царствующего монарха. Изготавливали такие предметы их по заказу дворцовой канторы и предназначались для обихода императорского двора [3, с. 40–41].

Самым поздним по времени создания предметом, переданным в собрание Свердловской галереи из Эрмитажа, является вазочка, с изображением лотоса (Инв. № Ф-210), созданная в мастерской прославленного французского стеклодела и краснодеревщика Эмиля Галле в конце XIX века. В состав передачи входили также предметы других отечественных и европейских производств, уточнение атрибуции которых – одна из задач дальнейших исследований.

Особую роль в формировании коллекции русского стекла сыграли поступления от частных лиц – коллекционеров и любителей искусства. Среди них отдельно выделим переданную в 1960 году по завещанию коллекцию свердловского архитектора Константина Тимофеевича Бабыкина (1880–1960). Благодаря этому поступлению неравнодушного коллекционера музейное собрание пополнилось произведениями зарубежной и отечественной живописи, графики, фарфора и тридцатью произведениями художественного стекла [4, с. 107].

Стекло в этой передаче было представлено образцами производства XVIII–XX веков, выполненными на крупнейших стекольных заводах России: Императорском стеклянном заводе, Никольско-Бахметевском, Дятьковском и Гусевском хрустальных заводах. В основном это небольшие предметы для сервировки: бокалы, фужеры, рюмки, графины и сосуды (для специй). Очевидно, что предпочтение коллекционера отдавалось высоким бокалам. Так, в коллекции представлены пять бокалов формы флейта, изготовленных на Императорском стеклянном заводе в XIX веке.

Выделяется в коллекции Бабыкина также комплекс предметов из многослойного стекла с синим нацветом, украшенных богатой огранкой. Произведения выполнены по мотивам «Готического» сервиза, исполненного на Императорском стеклянном заводе в 1830-е годы. Обращающиеся к одному источнику в стилистике и технологии, тем не менее все предметы изготовлены на разных стекольных заводах (России) в XIX веке.

С именем еще одного архитектора связано следующее поступление. В 1979 году из фондов Министерства культуры

РСФСР в музей поступил комплект авторского стекла, графин с пробой и рюмка из винного сервиза «Шарик» 1960-х годов (Инв. № Ф-340, Ф-341), выполненных художником Борисом Александровичем Смирновым на Ленинградском заводе художественного стекла (ЛЗХС). Борис Александрович Смирнов, один из создателей отечественной школы художественного стекла, был выпускником ленинградского отделения ВХУТЕИНа, где получил образование архитектора и художника. Выпустившись в 1927 году, он успешно работал архитектором, затем все военные годы (1941–1945) он отслужил офицером на Балтийском флоте. После войны Смирнов увлекся декоративно-прикладным искусством и под руководством Веры Игнатьевны Мухиной обратился к художественному стеклу. Помимо уникальных выставочных произведений, он создавал много утилитарных предметов, таких, как уже упомянутый прибор для вина «Шарик» (1966). Сервиз выполнен по более раннему образцу 1961 года. Борис Александрович был признанным главой ленинградской школы изделий из стекла и хрусталя, в его работах отчетливо просматриваются ее (школы) принципы: лаконичные и строгие формы, стремление к технологическим экспериментам в декорировании изделий [5, с. 8]. Так, винный прибор из собрания ЕМИИ был создан из бесцветного стекла с декором в виде полосок, выполненных технологией травления.

На протяжении следующих десятилетий в собрание музея поступали единичные дары от частных лиц. Например, предметы из парфюмерного набора, согласно книге поступлений приобретенные в 1989 году у жителя Екатеринбурга. Комплект состоит из трех флаконов для духов разного объема и двух шкатулок (Инв. № Ф-572, Ф-573, Ф-574, Ф-575, Ф-576) для хранения пудры или безделушек. Все предметы выполнены из хрусталя с зеленым нацветом, их поверхности декорированы алмазной гранью. Такие наборы выпускали на заводе Баккара в 1915–1925 годах, а в советское время пытались повторять на советских стекольных заводах. Атрибуция комплекта из собрания нашего музея еще находится в процессе уточнений.

Крупный эпизод пополнения коллекции связан с уникальным случаем передачи частной коллекции Рэны Михайловны Лотаревой (1932–2018), внучатой племянницы знаменитого ленинградского коллекционера Казимиры Константиновны Басевич

(1898–1973). В состав большого дара вошли тридцать два предмета художественного стекла начала XX века. Наиболее интересными из них являются часть сервиза из хрусталя, изготовленного на заводе Нечаева-Мальцова. Поверхности предметов украшены фирменной «мальцовской» гранью и гравированными в овальных резервах вензелями под дворянской короной (Инв. № Ф-1018) [6].

Последний момент, который выделим в истории формирования коллекции, связан с редкой для современной деятельности музея закупкой произведений, состоявшейся в конце 2021 года. В результате собрание музея пополнилось несколькими произведениями западноевропейских стекольных мануфактур первой трети XX века. Среди них отдельно выделим две вазочки прославленной мастерской Эмиля Галле (Инв. № Ф-1179, Ф-1180), дополнивших типологический ряд предметов этого предприятия, уже представленных в собрании музея.

В заключение еще раз отметим, что на сегодняшний день лишь несколько предметов атрибутированы без вопросов. Небольшое количество произведений имеют условную атрибуцию. Однако большая часть предметов до сих пор обозначена в собрании музея теми сведениями, которые были известны на момент поступления. Отсутствие внимания музейных специалистов к произведениям художественного стекла на протяжении многих десятилетий можно связать сразу с несколькими причинами, в том числе кадровыми. Как известно, декоративно-прикладное искусство в программе профессионального образования историков искусства играет далеко не первую роль. Еще одной серьезной проблемой является чрезвычайная сложность в изучении художественного стекла. Как известно, стекло никогда не подлежало обязательному маркированию или клеймению, что существенно затрудняет определение его даты и места создания и требует большой насмотренности специалиста, кропотливого поиска и сопоставления с аналогами, умения выявить более поздние повторения оригинальных образцов, распространенные в этой области прикладного искусства. Это тем более справедливо по отношению к произведениям с оборванным провенансом, как в случае с коллекцией ЕМИИ.

Лишь сегодня, в эпоху открытости большого количества музейных и частных коллекций, у специалистов появилась возможность широкого поиска аналогов и информации о стекольных предприятиях,

что во многом помогает продвинуться в изучении предметов художественного стекла. В отношении коллекции художественного стекла Екатеринбургского музея изобразительных искусств подчеркнем, что несмотря на небольшой объем собрания, тем не менее хронологически оно охватывает период с конца XVIII до конца XX века, а каждый из предметов является яркой иллюстрацией определенной эпохи и стиливого направления. Изучение этих произведений, как показывает практика, дает возможность расширения наших представлений о составе и ценности музейных коллекций региона.

Библиографический список

1. Афанасьева А.Н., Будрина Л.А., Особенности комплектования коллекции фарфора и художественного стекла в Екатеринбургском музее изобразительных искусств на примере пяти больших поступлений // Декабрьские диалоги. Выпуск 24. Материалы XXIV Всероссийской (с международным участием) научной конференции памяти Ф.В. Мелёхина. 17–18 декабря 2020 года. Омск: «Золотой тираж», 2021. – 254 с.
2. В память о прошлом на будущее. Каталог выставки. Екатеринбургский музей изобразительных искусств. 5 апреля – 2 октября 2016. Екатеринбург: ООО «ПК АСТЕР-ЕК», 2016. – 208 с.
3. Малинина Т.А. Императорский стеклянный завод. XVIII – начало XX века. – СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2009. – С. 456
4. Афанасьева А.Н., Будрина Л.А. Коллекция фарфора и стекла архитектора К.Т. Бабыкина и её место в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств // Музей на карте региона: исследование, сохранение, перспективы развития: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / [под общ. ред. Н.В. Клементьевой]. Киров: Лобань, 2020. – 336 с.
5. Художественное стекло XX – начала XXI века. Книга 1. А–Л: Генеральный каталог ГМЗ «Царицыно» / авт. вступ. ст. С.Ю. Парчак, Л.Ф. Романова (при участии А.Г. Герасимовой [Стёпиной]); авт. сост. С.Ю. Парчак, Л.Ф. Романова. – М.: ГМЗ «Царицыно», 2022. – 339 с.
6. Владелица Красного коня. Дар Казимиры Басевич музея России Екатеринбургский музей изобразительных искусств 10 августа – 30 сентября 2018. Екатеринбургский музей изобразительных искусств. Государственный Третьяковская галерея. Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Екатеринбург: ЕМИИ, 2018. – 176 с.

УДК 908 (470.5)

Г.А. Кругликова*

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Ключевые слова. *Историко-культурное наследие, образование, воспитание, историческая память, музейная педагогика.*

Аннотация. *Автор поднимает теоретические проблемы изучения историко-культурного наследия в современном образовательном процессе. Прослеживаются особенности государственной политики в отношении культурного наследия. Определяется потенциал культурного наследия в учебно-воспитательном процессе. Показан опыт деятельности школьных музеев, направленный на сохранение исторической памяти как одной из составляющих культурного наследия, на реализацию программ по патриотическому воспитанию, гражданскому и нравственному становлению молодежи.*

G.A. Kruglikova**

CULTURAL HERITAGE IN THE SYSTEM OF MODERN EDUCATION IN RUSSIA

Keywords. *Historical and cultural heritage, education, upbringing, historical memory, museum pedagogy.*

Abstract. *The author raises the theoretical problems of studying historical and cultural heritage in the modern educational process. The peculiarities of the state policy regarding cultural heritage are traced. The potential of cultural heritage in the educational process is determined. The experience of school museums is shown, aimed at preserving historical memory as one of the components of cultural heritage, on the implementation of programs for patriotic education, civic and moral formation of youth.*

* Кругликова Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru.

** Kruglikova Galina Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Russia, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia); e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru.

Памятники природного и культурного наследия играют в нашей стране особую роль. Тысячи объектов истории и культуры в России относятся к группе охраняемых, тридцать один из них признаны мировыми шедеврами человеческого гения и феноменами исключительной природной красоты и эстетической важности. Это актуализирует потребность общества в изучении истории и сохранении памяти о прошлом.

Выступая на заседании совета при Президенте по культуре и искусству в 2020 г., В.В. Путин акцентировал внимание на том, что одной из важнейших задач государства является сбережение уникального наследия России: «четкое юридическое оформление должны получить такие понятия, как обязанность государства беречь, поддерживать и развивать культуру и самобытность народов России, помогать соотечественникам, проживающим за рубежом, сохранять общую культурную идентичность. И конечно, одна из важнейших задач государства – это сбережение уникального наследия нашей страны» [3].

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в России и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, а также сохранение культурного и исторического наследия народов России. «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития», – говорится в документе [5]. Основными задачами по реализации данных положений являются: сохранение материального и нематериального культурного наследия российского народа, поддержка общественных проектов, направленных на патриотическое воспитание граждан, сохранение исторической памяти и культуры народов Российской Федерации, укрепление культурного суверенитета Российской Федерации и сохранение ее единого культурного пространства.

В ноябре 2022 г. были внесены изменения в федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия

(памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В частности, фразы о целевых и региональных программах были заменены на понятие «государственный программы». В статье 12 п.1 прописано уточнение «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия осуществляются в том числе в рамках соответствующих государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, муниципальных программ, предусмотренных бюджетным законодательством» [2]. Таким образом, государство в очередной раз продемонстрировало на законодательном уровне внимание и ответственность властных структур в этом вопросе. Изучение, сохранение и развитие объектов наследия получило постоянную и широкую поддержку.

Образование тесно связано с вопросами изучения и сохранения историко-культурного наследия. Современный учебно-воспитательный процесс, опираясь на нормативно-правовые установки, определил эту сферу в качестве приоритетной. В обновленных федеральных государственных образовательных стандартах, Стратегии развития воспитания граждан Российской Федерации до 2025 г. одним из важнейших направлений педагогической деятельности обозначено приобщение детей к культурному наследию [4]. Это предполагает эффективное использование уникального российского культурного наследия, развитие музейной, театральной педагогики, повышение роли библиотек, поддержка и развитие этнических культурных традиций и народного творчества.

Одной из задач школьного исторического образования провозглашены «знание истории культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества» [5, с. 13]. К личностным результатам освоения школьниками истории Стандарт относит «воспитание российской гражданской идентичности, в том числе за счет расширения поисковой музейно-краеведческой деятельности школьника» [4, с. 7–8]. Таким образом, весь образовательный процесс строится на принципах изучения и воспитания уважения к культурно-историческому наследию нашей страны.

Об этом говорил Президент РФ на открытии Первого Всероссийского школьного исторического форума «Сила – в правде!», который прошел весной 2022 г. «Глубокое знание своей истории, уважительное, бережное отношение к великому патриотическому, духовному,

культурному наследию Отечества позволяет делать верные выводы из прошлого», – подчеркнул Президент России Владимир Путин [1]. Знания о нем обеспечивает не только должный уровень образования, но формирует гражданственность, патриотизм, внимание к национальным истокам, социальную ответственность человека.

Музеи стали активными участниками современного образовательного процесса. Они не только способствуют изучению и сохранению культурного и природного наследия, но и играют важнейшую роль в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения. Включение музейных материалов в учебно-воспитательный процесс позволяют школьникам видеть историко-культурный контекст вещей, способствуют умению реконструировать образы соответствующей эпохи, формируют уважение к другим культурам, готовность понимать и принимать систему гуманистических ценностей. Эти факторы в конечном итоге определяют самореализацию каждого учащегося.

Особо хочется отметить в этом направлении деятельность школьных музеев. Музеи образовательных организаций прочно заняли свою нишу хранителей исторической памяти. Их деятельность по изучению, сохранению наследия, а также созданию условий для формирования чувств патриотизма, интереса к отечественной истории, уважительного отношения к нравственным ценностям прошлых поколений заслуживает уважения и поддержки со стороны профессионального сообщества.

Активное использование материалов музеев в проектной деятельности способствует развитию навыков исследовательской работы учащихся, коммуникативных компетенций, поддержке творческих способностей. Многие ребята именуют себя «помощниками музея», «следопытами», «поисковиками». Это, в свою очередь, оказывает влияние на воспитание позитивного отношения учащихся к активной социально-значимой деятельности через вовлечение их в работу музея, организацию и проведение экскурсий, участие в мероприятиях краеведческой направленности. Особое место в этой деятельности занимает организация встреч с ветеранами, участниками Великой Отечественной войны, ветеранами труда, Героями России.

Большую популярность в рамках приобщения молодежи к историко-культурному наследию приобретает проект «Урок в музее», реализуемый образовательными учреждениями и предполагающий

организацию занятия или цикла занятий, направленных на усвоение классом содержания предмета в соответствии с ФГОС.

Урок в музее – это не экскурсия, к которой привыкли ребята. Это полноценное занятие с организацией самостоятельной работы, творческой деятельности в музейном пространстве. Взаимодействие с музейными работниками позволяет выстроить образовательный процесс на основу музейного собрания, учитывать возраст и особенности классного коллектива, а также использовать преимущества среды для наглядного и глубокого изучения предмета.

Самостоятельная работа в этом случае носит творческий, исследовательский характер и включает в себя создание детских музейных гидов, путеводителей, заданий для рабочих тетрадей, образовательных интернет-сайтов, мультимедийных презентаций. «Насыщенная» наглядность, необычная обстановка, движение во время занятия – особенности музейного урока, которые воспринимаются школьниками с удовольствием и желанием продолжать. И в этом случае сотрудничество учителей и музейных работников приносит реальную пользу как с точки зрения достижения образовательных результатов, так и в воспитательном процессе.

Подобное сотрудничество является интересным, полезным, но встречающим немалые трудности. В этом случае в более выигрышном положении оказываются именно школьные музеи, о которых мы отмечали выше. Школьный музей становится не просто местом, где хранятся предметы старины, проводятся экскурсии. Это научно-исследовательский центр, база для самостоятельных исследований учащихся, клуб, место коммуникации участников образовательного процесса, дискуссий, конференций.

Главное отличие образовательно-воспитательного эффекта в деятельности школьного музея от государственного заключается в том, что ученик выступает не как потребитель продукта музейной деятельности, а как активный его создатель. Феномен школьного музея состоит в том, что его образовательно-воспитательное влияние на учеников наиболее эффективно проявляется в процессе их участия в осуществлении различных направлений музейной деятельности.

Культурное наследие в образовательном процессе, будучи представленным в школьном музее, приобретает ряд особенностей:

– участия учащихся в государственно ответственном деле – сохранении памятников истории и культуры;

- большая, чем в других музеях доступность музейных коллекций;
- возможность проверить себя в будущей профессии;
- комфортная атмосфера для ведения диалога с музейным предметом;
- формирование норм социального поведения;
- наконец, самим ученикам дана возможность «создавать музейный предмет». Такая установка школьного музея, который не копит фондовые залежи, а работает с каждым музейным предметом, предлагая его для знакомства и изучения посетителю, что свидетельствует о повышенном внимании детского музея к другой сфере деятельности – культурно- образовательной.

Таким образом, школьные музеи являются одним из ярких явлений общественной культуры и образования, эффективным средством обучения и воспитания подрастающего поколения. Музеи становятся местом социализации, где учащиеся осваивают новые профессиональные роли, получают навыки коммуникации, что, в конечном итоге, способствует воспитанию в них духовно-нравственных ценностей и сохранению исторической памяти.

Образование напрямую связано с культурным наследием. И современный учебно-воспитательный процесс действительно может быть полезным в распространении и сохранении культурного наследия, если учителя будут выбирать правильные средства и формы. Нужны проекты, которые повышают осведомленность и чувствительность подрастающего поколения к признанию великих ценностей всего мира, а для этого культурное наследие необходимо представить в привлекательной для детей и молодежи форме.

Совместная интерпретация культурного наследия с молодежью может быть очень мощным инструментом для того, чтобы вызвать дебаты и размышления по вопросам сложных проблем, а также позволит сохранить положительный опыт сохранения исторической памяти, культурного наследия и способствовать объединению народа, возрождению и сохранению семейных традиций для передачи будущим поколениям.

Библиографический список

1. Минпросвещения России [официальный сайт]: URL: <https://edu.gov.ru/press/5021/vladimir-putin-glubokoe-znaniye-svoey-istorii-uvazhitelnoe-berezhnoe-otnosheniye-k-velikomuyu-patrioticheskiy>

- komu-duhovnomu-kulturnomu-naslediyu-otechestva-pozvolyaet-delat-vernye-vyvody-iz-proshlogo/?ysclid=ld7cicmeu6343948995 (дата обращения 22.01.2023)
2. Президент России [Офиц. сайт]: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48442> (дата обращения 22.01.2023)
 3. РИА Новости [Офиц. сайт]: URL: <https://ria.ru/20201027/kultura-1581794351.html?ysclid=ld7cd9nyex490156873> (дата обращения 22.01.2023)
 4. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года //Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения 24.01.2023)
 5. Указа Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности в Российской Федерации». – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения 22.01.2023)
 6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден 31.05.2021, № 287). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027?ysclid=ldao808h7l611265601>

УДК 008:94(47).084

Е.П. Кушниренко*

ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В РАБОТЕ С ДЕТСКОЙ АУДИТОРИЕЙ МУЗЕЯ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКИ «ВЕЛИКИЙ ПЁТР»

Ключевые слова. *Император Пётр I, передвижная выставка, Свердловский областной краеведческий музей, фонды музея, детская аудитория.*

Аннотация. *Автор делится опытом организации детской передвижной выставки для небольших городов и поселков Свердловской области, которую Свердловский областной краеведческий музей подготовил к 350-летию со дня рождения императора Петра Великого.*

* **Кушниренко Екатерина Петровна**, старший научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музея (г. Екатеринбург, Россия); e-mail: e-katerina16@mail.ru.

****Kushnirenko Ekaterina Petrovna**, Research Fellow of Sverdlovsk Regional Museum of Local History (Ekaterinburg, Russia); e-mail: e-katerina16@mail.ru.

E.P. Kushnirenko**

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE WORKING
WITH A CHILDREN'S AUDIENCE OF THE MUSEUM
ON THE EXAMPLE OF A TRAVELLING EXHIBITION
“THE GREAT PETER”

Keywords. *Emperor Peter I, travelling exhibition, Sverdlovsk Regional Museum of Local History, museum repository, children's audience.*

Abstract. *The author shares the experience of organizing a children's travelling exhibition for small towns and villages of the Sverdlovsk region, which the Sverdlovsk Regional Museum of Local History prepared for the 350th anniversary of the birth of Emperor Peter the Great.*

В данной статье мы бы хотели рассказать о нашем опыте организации детской передвижной выставки, которую Свердловский областной краеведческий музей подготовил к 350-летию со дня рождения императора Петра Великого.

Пётр I – уникальная фигура российской истории, поскольку мало какой правитель получал столь же широкое общественное признание и почитание потомков. Воспевание личности Петра, подчеркивание его исключительных качеств было характерно для публицистики петровского времени и неизбежно влекло за собой создание настоящего культа первого российского императора. Отмечать необычайные черты личности самодержца впоследствии стало своеобразной хрестоматийной обязанностью мемуаристов, а затем и историков. В литературе, начиная с работ Якова Штелина и заканчивая популярными сочинениями Евгения Анисимова, Пётр традиционно представлял перед читателями в образе гения, великого реформатора, «работника на троне». Идея служения государству воспевалась как главная добродетель Петра и цель его правления. Император соединял в себе демократичность и стальную характер, рационализм и веру в бога, вспыльчивость и великодушные. Нашей целью было рассказать о выдающейся и противоречивой личности Петра понятным языком с опорой на имеющиеся в нашем распоряжении музейные памятники.

Выставка предназначалась для трех филиалов Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера в Арти, Пышме

и Асбесте. Специфика нашего музея состоит в том, что, помимо 8 площадок в Екатеринбурге, мы также располагаем десятью музейми-филиалами на территории Свердловской области. Как правило, это удаленные от Екатеринбурга, небольшие по численности города и поселки, находящиеся вне популярных туристических маршрутов. Жители данных населенных пунктов не всегда имеют возможность привозить учащихся в областной центр или столичные музеи. При этом некоторые из указанных населенных пунктов были основаны еще в XVII веке, и Петровские реформы оказали существенное влияние на их историю. К тому же фигура Петра I напрямую связана с историей нашего региона в целом. Благодаря его деятельности возникли многие уральские заводы, да и сам город Екатеринбург своим появлением обязан первому российскому императору.

В Музее истории и археологии Урала петровская эпоха отражена в постоянной экспозиции, где представлена значительная часть наших фондовых музейных предметов, относящихся к XVIII столетию. Если говорить о трех филиалах, для которых и готовилась наша выставка, в них постоянной экспозиции нет. Музеи работают как выставочное пространство и нередко сотрудничают с местными художниками и коллекционерами. В связи с этим нам было особенно важно показать тему всесторонне, популяризировать научные знания о Петре и его времени, с одной стороны; а с другой — вписать её в уральский контекст. Тема Петра Великого и его реформ хорошо подходит для показа детям младшего школьного возраста ввиду своей доступности и обилия ярких образов, связанных с императором (например, Петр, собственноручно «прорубающий» окно в Европу, бреющий бороды боярам, работающий на верфи и т.д.). Исходя из вышесказанного, мы решили остановиться на традиционной тематике выставки с привлечением местного компонента. Мы выделили 8 больших тем, раскрывающих личность великого реформатора с разных сторон: детство Петра, потешные войска и флот, а также Великое посольство, оказавшее огромное влияние на личность молодого царя и во многом предопределившее ход дальнейших реформ; основание новых городов, реформы государственного устройства и промышленности, образования и культуры, сподвижники Петра и его наследие в нашей повседневной жизни.

В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранится интересное собрание предметов петровской эпохи,

Рис. 1. Выставка Великий Петр в Артинском историческом музее

иллюстрирующих историю Урала и страны в целом: книги из личной библиотеки Василия Никитича Татищева, продукция уральских заводов, предметы быта первой четверти XVIII века и т.д. Темы, связанные с Уралом, в плане экспозиционного показа были самыми легкими, поскольку их можно было проиллюстрировать уже имеющимся материалом. Например, для темы «Основание новых городов» мы использовали предметы периода строительства Екатеринбургского завода (лопата-заступ, кованые гвозди), орудия наказания рабочих людей (медное клеймо, ножные кандалы). В тему развития промышленности прекрасно легла продукция уральских заводов и фабрик XVIII столетия, не только военная, но и художественная, включая медную посуду и предметы из полудрагоценных камней. Рассказывая о сподвижниках Петра, мы также выделили важные для Урала фигуры – Татищева и де Геннина через показ книг из личной библиотеки Татищева или же медных плат, которые начали выпускать на Екатеринбургском заводе по инициативе де Геннина.

Темы, которые мы не могли в полной мере раскрыть на материале музейных фондов, мы показывали посредством копий,

реконструкций, а также исторических миниатюр. Мы решили обратиться к классическим художественным образам и включить в экспозицию отпечатанные на холсте копии знаменитых живописных работ из музеев России и Европы. Мы благодарны коллегам из Музеев Московского Кремля и Ставропольского краеведческого музея изобразительных искусств за предоставленные цифровые копии «Портрета царевича Петра Алексеевича» и картины Николая Неврева «Пётр I в иноземном наряде перед матерью своей царицей Натальей, патриархом Адрианом и учителем Зотовым». Также была изготовлена копия картины художника Готфрида Кнеллера «Портрет Петра I Великого», оригинал которой хранится в Rijksmuseum в Амстердаме.

Поскольку наша выставка предназначена прежде всего для детской аудитории, мы посчитали важным добавить в её пространство игрушки, которыми играли дети петровской эпохи. Театральный художник Игорь Нохрин изготовил несколько деревянных лошадок, похожих на тех, с которыми в детстве играл Петр, а также авторские куклы самого Петра и Екатерины I. Чтобы проиллюстрировать и оживить военную тематику, а именно Полтавскую битву, мы решили использовать оловянные военные миниатюры, которые разместились на символическом поле боя в виде плана Полтавского сражения. Тем самым мы хотели ещё раз подчеркнуть то, что все великие победы берут начало в детских играх будущего императора. Подобным же образом мы дополнили карту Санкт-Петербурга 1725 года масштабными моделями знаковых памятников Петровского времени, чтобы в памяти детей сохранились объемные образы, связанные с Санкт-Петербургом эпохи Петра, а не просто схематичное изображение каналов, площадей и улиц. Кроме того, в залах выставки каждый ребенок может в буквальном смысле «помериться ростом» с Петром Великим.

Группа, работавшая над созданием выставки, включала в себя научных сотрудников отдела истории и сектора музейной педагогики. Музейными педагогами специально для выставки был подготовлен буклет с заданиями, который маленькие посетители могли брать перед началом просмотра и отвечать на вопросы по мере продвижения по залам. Также были разработаны экскурсии по выставке, адаптированные для детей разных возрастных групп. Автор художественного решения выставки – художник Свердлов-

ского областного краеведческого музея Александр Баженов. По его замыслу планшеты с экспликациями были украшены оригинальной графикой в стиле комикс-арт – нарисованный Петр, один или в компании сподвижников, стал для детей своеобразным проводником по выставке. К каждому рисунку мы подобрали меткую и подходящую по тематике цитату из писем и указов Петра.

В нашей выставке Пётр Великий предстает как человек, переживший трудное и подчас страшное детство, но не сломавшийся и сохранивший любознательность, деятельный характер и жажду знаний; как царь-труженик, который входил в мельчайшие детали управления государством, мог своими руками построить корабль и зарядить пушку, искренне болел душой за каждое большое и малое дело. Значительная часть выставки рассказывает о роли Петра как демиурга не только в отношении Санкт-Петербурга, но и в отношении Урала, который во многом именно ему обязан статусом опорного края державы. Внимание уделяется также Петру-преобразователю, создавшему из Московии Российскую империю. Конечно, в рамках детской выставки мы не ставили себе задачи показать спорные, неоднозначные или малоизученные аспекты петровского правления. Главным для нас было обозначить и донести до детской аудитории значение Петра Великого как выдающегося правителя и одной из ключевых исторических личностей нашей истории.

Показанный нами образ Петра Великого носит выраженный дидактический характер. Через изучение и понимание судьбы первого российского императора дети могут не только проникнуться чувством патриотизма, но и осознать силу личности, ее способность переломить ход истории посредством воли, энергии и образования. Представляя Петра как агента прогресса, мы подталкиваем детей к необходимости самим узнавать новое, принимать решения и непрерывно двигаться вперед. В то же время, личность Петра ставит перед старшей школьной аудиторией ряд вопросов морального свойства: соотношение цели и цены преобразований, возможность движения к прогрессу с помощью насилия, допустимость социальных экспериментов и резкой ломки общества и т.д.

Всего за период работы с 21 мая 2022 г. по 22 января 2023 г. передвижную выставку «Великий Петр» в трех филиалах Свердловского областного краеведческого музея посетили 1428 человек.

УДК

А.М. Логинова*

СИБИРСКИЙ ШАХ И МАТ: ШАШКИ И ШАХМАТЫ В ТОБОЛЬСКОЙ РЕЗНОЙ КОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Ключевые слова. Шахматы, шашки, кость, резная кость, тобольская резная кость, декоративно-прикладное искусство.

Аннотация. Статья рассказывает об особенностях формообразования и декорирования шахмат и шашек в работах тобольских косторезов второй половины XX века.

А.М. Loginova**

SIBERIAN CHECK AND MAT: DRAFTS AND CHESS IN THE TOBOLSK CARVED BONE OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Key words. Chess, checkers, bone, carved bone, Tobolsk carved bone, decorative art.

Abstract. The article tells about the features of shaping and decorating chess and checkers in the works of Tobolsk bone cutters of the second half of the 20th century.

Тобольская резьба по кости – традиционный региональный промысел, получивший свое начало в XVIII веке [1, с. 124]. С течением времени, в регионе сложились определенные правила и каноны обработки благородного материала, а также возникло особое явление – тобольская костяная миниатюра. Отмеченная точностью социальных характеристик и жизненных реалий, небольшая жанровая скульптура стала отличительной чертой косторезного центра. Кроме того, на протяжении всего развития косторезного искусства в Тобольске, мастера резали небольшие бытовые вещи: пресс-папье, ювелирные изделия, ножи для бумаг, а также шахматы и шашки.

Шахматы были одной из самых популярных игр в Советском союзе. Начиная с 1930-х годов в большом количестве открывались

* **Логинова Арина Михайловна**, старший научный сотрудник, Екатеринбургский музей изобразительных искусств (Екатеринбург, Россия); e-mail: arinaloginova42@gmail.com.

** **Loginova Arina Mikhailovna**, Senior Researcher, Ekaterinburg Museum of Fine Arts (Ekaterinburg, Russia); e-mail: arinaloginova42@gmail.com.

шахматные секции во Дворцах пионеров и Детско-юношеских школах по всему СССР, что было связано с поддержкой этого вида спорта правительством. Отечественные шахматисты выступали на международных турнирах и завоевывали престижные награды. Во второй половине столетия игра ничуть не потеряла свою популярность, а отечественные игроки приобрели мировую известность: с 1952 по 1990 годы мужская команда СССР на Всемирных шахматных олимпиадах 18 раз завоевывала 1-е место, а женская команда с 1957 по 1990 была победительницей десяти шахматных олимпиад. Еще одной известной игрой получившей широкое распространение в советском союзе стали шашки. Незадолго до Великой Отечественной войны прошел первый турнир по столклеточным шашкам, а с 1954 года в СССР стали проводиться различные турниры, первенства республик и страны. Закономерно, что большая популярность игр отразилась на творчестве мастеров декоративно-прикладного искусства. Резчики не просто изготавливали фигуры и доски для игр, но и экспериментировали с формой, цветом и пластикой шахмат и шашек.

В собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств хранятся 2 игровых комплекта – комплект шашек «Морские», исполненный Маргаритой Гатиной Сандлерской в 1989 году и комплект шахмат «Северные» Гавриила Андреевича Хазова, датируемый концом 1960-х – началом 1970-х гг. Оба комплекта отражают особенности обработки материала своего времени, а также являются образцами устоявшихся в промысле тем.

Шахматы «Северные» Гавриила Андреевича Хазова выполнены из зуба кашалота, одного из популярных материалов, используемых в середине столетия. Шестидесятые годы – это период обращения к новому пластическому языку. В это время в тобольском косторезном промысле сложился определенный круг тем и сюжетов (основными темами творчества тобольских косторезов становятся: жизнь коренных народов Сибири, сказки и былины, сцены сентиментального характера, жизнь советского человека), были разработаны специфические приемы, сформирован определенный пластический язык. Каждая фигура комплекта – объемная миниатюра в кости. Комплект изображает представителей коренных народов Сибири и их традиционные элементы жизненного уклада, так фигуры «король», «королева», «слон» и «пешка» изображают

косторезном промысле начиная с 70-х годов XX столетия [1, с. 126]. Подчеркивая природные особенности материала, автор резала кость поперек, создавая объемные игральные фигурки в виде рыб со сквозными отверстиями по бокам. Отмечу, что при работе с цевкой мастера не всегда идут по пути подчеркивания природных особенностей материала, а зачастую предпочитают прибегать к склейке для придания фигурам желаемого объема [1, с. 126]. Каждая фигура комплекта «Морские» обработана по всей поверхности с условно обозначенными рыбьей чешуей, головой и хвостом. Все шашки соединяются на кожаный шнур. Подобные композиционные приемы Маргарита Гатиновна использовала и в других своих работах. В качестве примеров можно привести комплекты шашек «Зайчата» (1988, Тобольский историко-архитектурный музей заповедник) [3] и «Лесные шашки» (1990–91, Музей изобразительных искусств Кузбасса) [4], где как и в уже описанных произведениях мастер условно обозначает фигуры животных, выделяя узнаваемые черты – заячьи уши и морды медвежат.

По другому пути формообразования автор пошла при создании шахматного комплекта «Тобольский кремль», выполненного совместно с Маргаритой Сафрлеевой-Боцман (1992, Музей изобразительных искусств Кузбасса) [4]. В нем авторы пошли по пути склейки цевки для предания необходимого объема. Каждая фигура состоит из двух вертикально склеенных частей, которые в свою очередь крепятся на костяном основании. В зависимости от вида, на некоторые фигуры сверху крепится дополнительная деталь (к примеру конь, заостренное навершие в фигуре «слонов» или навершие в виде купола храма в фигурах «короля»). Все фигуры комплекта имеют роспись масляными красками с изображениями трав и цветов или зданий («слоны»). Белые и черные армии различаются благодаря тонировке основания. При этом хочется подчеркнуть, что все вышеупомянутые наборы шахмат и шашек являются массовой продукцией, образцы которых отличаются друг от друга отдельными элементами и деталями, сохраняя при этом общую концепцию и композиционное решение. Примером может служить комплект «Тобольский кремль» из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника» (1988) [3], который при сохранении общей концепции и формообразования имеет более простую роспись, а различие «черной» и белой» армий заключается в цвете фигур.

Таким образом, в созданных во второй половине XX столетия комплектах шахмат и шашек, двух игр, пользовавшихся особой популярностью в Советском Союзе, авторы вдохновлялись темами и сюжетами костяной миниатюры, уже устоявшимися в промысле. Соединяя их с новыми материалами и способами обработки кости, художники создавали уникальные комплекты, в которых каждая фигура – отдельное произведение искусства со своей выразительной пластикой. Шахматы и шашки тобольских резчиков, представленные в музейных коллекциях России в целом и Екатеринбургского музея изобразительных искусств в частности – яркие образцы развития творческой мысли мастеров и тенденций своего времени.

Библиографический список

1. Белоусова Н.И. Тобольская резная кость // Екатеринбургский музей изобразительных искусств: Альбом. Екатеринбург, 2003. С. 124–131.
2. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://damuseum.ru/> (дата обращения 20.01.2023)
3. Тобольский историко-архитектурный музей заповедник [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tiamz.ru/> (дата обращения 20.01.2023)
4. Музей изобразительных искусств Кузбасса [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kuzbassizo.ru/> (дата обращения 20.01.2023)

УДК 549.283(470.5)

Т.В. Мельникова*

«СКАЖИ ИМЯ СВОЕ»: О МЕТАМОРФОЗАХ НАЗВАНИЯ ОДНОГО УРАЛЬСКОГО ЗОЛОТОГО САМОРОДКА

Ключевые слова. *Музейный предмет, золотоплатиновая промышленность СССР, Косой Брод, старатели, золотой самородок, атрибуция, оригинальное название, локальное название.*

Аннотация. *В статье рассматривается проблема сохранения оригинального названия музейного предмета и другой учетной информации на примере золотого самородка, известного на Урале под именем «Лосиное ухо». Изложена история*

* Мельникова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, главный хранитель, Частное учреждение «Минералогический музей «Планета»» (Екатеринбург, Россия); e-mail: amiri1963@mail.ru.

его находки. Исследуется вариативность названий данного самородка: от официального до локальных, а также обращается внимание на имеющее место «раздвоение» музейного образца и появление разных вариантов его веса.

T.V. Melnikova**

“SAY YOUR NAME”: ABOUT THE METAMORPHOSES OF THE NAME OF ONE URAL GOLD NUGGET

Keywords. *Museum item, gold platinum industry of the USSR, Kosoy Brod, prospectors, gold nugget, attribution, original name, local name.*

Abstract. *The article deals with the problem of preserving the original name of a museum object and other accounting information on the example of a gold nugget known in the Urals as “Elk Ear”. The history of its discovery is outlined. The variability of the names of this nugget is investigated: from official to local, and attention is paid to the “splitting” of the museum piece and the appearance of different variants of its weight.*

«Скрытый от взоров под глыбой земли
златой самородок на свет извлекли»

Б. Федоров

В Гохране России хранится богатейшая в мире коллекция золотых самородков. В их числе самородок, найденный на территории Свердловской области 15 декабря 1935 г. и известный у нас под именем «Лосиное ухо» – в названии запечатлена форма самородка. Однако не все так просто... С названием данного самородка за десятилетия его бытования вне недр земли случились такая фантазмагорическая путаница, которая поднимает проблему сохранения даже не собственно музейного предмета, а сопутствующей, но важной информации о нем, в противном случае музейный предмет рискует однажды превратиться в «собаakit».

Начнем с собственно истории находки нашего «героя». В 1930-е годы потребности СССР в были настолько велики, что старателей запрещалось привлекать к всеобщим трудовым повинностям, таким, как например, лесозаготовки [1, с. 1]. В 1935 г.

** Melnikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Chief Curator, Private institution Mineralogical Museum “Planet” (Ekaterinburg, Russia); e-mail: amiri1963@mail.ru.

золотоплатиновая промышленность СССР активно включилась в стахановское движение, охватившее все отрасли советского народного хозяйства. Трудовой почин старателей повысить добычу золота получил звучное название и имя номинально главного человека в стране – «Поход имени Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина за перевыполнение программы добычи золота». Стахановской была и старательская бригада Ильи Семеновича Пальцева из Косого Брода. Как и другие местные артели старателей она была малочисленна. В нее входили: Илья Семенович Пальцев, бригадир; Иван Аристархович Пальцев, забойщик; Раиса Н. Волкова, воротовщица, и лошадь, доставшаяся Р.Н. Волковой в качестве приданого и чье прозвание до нас не дошло.

На Кособродский прииск (территория Сысертской приисковой партии) артельщики выехали с рассветом 14 декабря 1935 г., долго искали разработку покойного Аристарха Пальцева. В тот же день в борту Аристархова разреза в Никольском логу в урочище Канава разбили круглый шурф диаметром около метра – дудку, где 15 декабря 1935 г. на глубине 4 метра И.С. Пальцев и обнаружил золотой самородок весом 13 787 грамм [2, с. 23–24; 3, с. 1].

По одной из легенд, которыми в большом количестве оброс факт находки этого самородка золота, старатели не опознали его в куске «непонятной породы», приняв первоначально за медь: «В жизни самородок не играет, как обручальное кольцо. Выглядит по-иному. Нигде не блестит, темный, покрыт окислами железа. Любой человек, будь то старатель, геолог, потопчется на нем и уйдет» [4, с. 297]. В находке старателей золото, якобы, опознали только в конторе Кособродского участка.

Согласно же информации, опубликованной в газете «Правда», старатели после промывки «твердого тела» хорошо понимали, что обнаружили золото. Начальник приемочного пункта Ф.А. Зюзов в деревне Косой Брод, куда Пальцев с бригадой доставили находку, буквально «опешил», а на пункте приемки золота не оказалось даже подходящих весов для взвешивания золотого самородка. Его точный вес удалось установить только в десять часов вечера в селе Полевское, в управлении Сысертских приисков в присутствии главного инженера П.М. Чванова. Размер самородка зафиксировали следующий: длина 38 см, ширина 7, толщина 4 [5, с. 1; 2, с. 24].

Уже 16 декабря 1935 г. в газете «Уральский рабочий» было опубликовано первое короткое сообщение о находке уникального по весу золотого самородка, переданное по телеграфу и подписанное зам. директора, главным инженером Ивановым, секретарем парткома Нефедовым, председателем приискового комитета Козловым: «Полевское. 15 декабря. Старателями артели Пальцева Ильи Семеновича на Кособродском участке Сысертского приискового управления сегодня найден самородок золота весом в 13 килограмм 787 грамм» [5, с. 1].

17 декабря 1935 г. «Правда» разместила на своих страницах открытое обращение бригады старателей в редакцию газеты с информацией о находке золотого самородка и с просьбой «передать нашу радость великому вождю товарищу Сталину». «Уральский рабочий» опубликовал данное обращение 18 декабря [5, с. 1; 6, с. 2].

Начальник Главзолота СССР Александр Павлович Серебровский в интервью корреспонденту газеты «Правда» по горячим следам отметил: «Находка старателя Пальцева, бесспорно, большое и интересное событие. ... самородок Пальцева ... может считаться третьим по величине из всех самородков, известных в нашей золотой промышленности. ... То обстоятельство, что Пальцев нашел глыбу золота в давно обжитом районе, недалеко от Свердловска, свидетельствует о колоссальных, еще не тронутых богатствах, которыми мы располагаем даже в так называемых «старых». Много лет эксплуатируемых районах золотой промышленности» [5, с. 1; 6, с. 2; 2, с. 25].

В первой научной публикации о золотом самородке авторы П.М. Чванов и В.П. Трифонов писали, что на тот момент он являлся «самым крупным из найденных при Советской власти» [7 с. 32].

После известия об уникальной находке в Полевское приехали первый секретарь Свердловского областного комитета партии И.Д. Кабаков, корреспондент центральной газеты «Правда», руководитель треста Уралзолото, геологи [2, с. 24].

Артельщики получили за самородок 18 тыс. руб. в золотом исчислении: на них купили коров, различный инвентарь. Им была предоставлена возможность приобрести хорошие дома [8, с. 1]. По сведениям А. Кожевникова, немалую часть полученной суммы они отдали на ремонт и строительство детских учреждений, больницы и школ в Полевском районе. В честь богатой находки начальство

организовало «массовое угощение», которое долго помнили жители села Косой Брод [2, с. 25].

Руководство треста Уралзолото премировало братьев Пальцевых патефонами и двадцатью пятью грампластинками к ним, а Раису Волкову – швейной машинкой [9, с. 4]. Кроме того, члены бригады были награждены курортными путевками в Кисловодск. 24 декабря, на момент выхода «Уральского рабочего» они уже были на пути в Ставропольский край [8, с. 1].

На месте находки уникального золотого самородка больше ничего не нашли: ни геологи, ни старатели, в том числе бригада Пальцева, ни первый секретарь обкома партии, который согласно одной из легенд, самолично спускался в шурф [2, с. 24; 10]. Тем не менее, геологоразведочный сектор треста Уралзолото сразу же после находки провел тщательное обследование Кособродского участка, результаты которого были готовы уже к концу декабря 1935 г. Анализы выявили, что «золотоносный кварц на этом месторождении должен содержать гнездовидные образования золота», а значит находка золотого самородка была не случайной. Поэтому руководство треста приняло решение приступить к сплошной выработке всего обследованного геологами золотоносного участка [11, с. 3], а геологоразведочный сектор Уралзолото запланировал геологоразведочные работы на Сысертском золотоносном участке во время экспедиционного сезона 1936 г. [12, с. 3].

По итогам 1935 г., богатого на добычу крупных самородков, трест Уралзолото ввел их паспортизацию, что позволяло учесть наиболее богатые месторождения и «точнее изучить условия образования самородков». Паспорт составляли на каждый самородок весом более 20 грамм. В нем фиксировали: месторождение, геологическую характеристику прииска,писание внешнего вида и строения самородка и т.п. Первый паспорт заполнили на самородок весом 13 кг 787 грамм, найденный на Кособродском золотоносном участке [13, с. 3]. На середину января 1936 г. названия он еще не имел. Возможно, именно описание самородка, а именно его формы, при паспортизации породило появление уральского названия «Лосиное ухо».

24 декабря 1935 г. «Уральский рабочий» проинформировал читателей, что самородок уже направлен в Москву [8, с. 1]. Ни в одной из уральских публикаций декабря 1935 г. о находке золотого самородка не упоминается его название, не приводится описание формы.

В столице, прежде чем попасть в Гохран СССР, Серго Орджоникидзе и Александр Павлович Серебровский продемонстрировали уральский золотой самородок И.В. Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП (б).

Официальное название уникальной находке было присвоено в январе 1936 г. На момент подписания в печать первого номера журнала «Советская золотопромышленность» за 1936 г., а случилось это 26 января, самородок уже носил имя «Самородок золотого похода им. М.И. Калинина» [7, с. 35].

В научном паспорте, составленном экспертами Гохрана России, в том числе главным экспертом Василием Николаевичем Орловым, золотой самородок, найденный 15 декабря 1935 г. старательской бригадой Ильи Семеновича Пальцева, обозначен именно как «Самородок золотого похода им. М.И. Калинина» [14]. Однако среди жителей Среднего Урала за ним прочно закрепилось название «Лосиное ухо». Оно используется как в научно-популярной [например, 15, с. 34], так и в научной литературе [например, 4, с. 297].

А вот посетители выставки «Алмазный фонд» Гохрана России не найдут там ни самородка «Лосиное ухо», ни «Самородка золотого похода им. М.И. Калинина», при том, что он там экспонируется, но под названием... «Лошадиная голова»! [16, с. 195; 17, с. 168; 18].

Для обозначения золотого самородка с оригинальным названием «Самородок золотого похода им. М.И. Калинина» также используются названия «Кособродский», «Сысертский» [14].

Заведующая Историческим музеем города Полевского и Планетарием Наталья Михайловна Гуркина в видеосюжете «Золотой самородок «Лосиное ухо: чем он уникален? #30 Предметные истории» озвучила еще одно, иногда встречающееся название золотого уника – «Лапоть» [19]. Возможно, его слышал П.П. Бажов, поэтому в сказе «Жабреев ходок» самородки, которые сдавал в контору сказовый герой – Жабрей, имели вид «лапоточков» [20, с. 384–395].

Название же «Лосиное ухо» настолько укоренилось в сознании уральцев, что даже в научном издании сказов П.П. Бажова в пояснительной сноске 82 к сказу «Жабреев ходок» читаем следующее: «Денисовский рудник – Денисовский золотой прииск недалеко от дер. Косой Брод. В 1935 г. здесь был найден золотой самородок (Лосиное ухо) весом более 13 кг» [20, с. 395].

Многочисленны разночтения и в информации о весе «Самородка золотого похода им. М.И. Калинина».

В газете «Уральский рабочий» после находки в конце 1935 г. неоднократно был указан следующий вес золотого самородка – 13 килограмм 787 грамм. Этот же вес приводят П.М. Чванов, В.П. Трифонов в журнале «Советская золотопромышленность» [7, с. 32], доктор геолого-минералогических наук, профессор В.В. Филатов в «Тематико-экспозиционном плане выставки «250 лет золото-платиновой промышленности Урала» в Музее истории камнерезного и ювелирного искусства [21, л. 19], сайт «Кладоискатель» [22].

А. Кожевников, краевед из г. Полевской в 1977 г. в статье «Как нашли «Лосиное ухо» написал: 13 878 г. [2, с. 24].

Согласно сайту Государственного краевого музея геологии Средней Сибири (г. Красноярск, пр. Мира, 37) вес золотого самородка «Золотого похода» – 13 800 г, а золотого самородка «Лошадиная голова» – 13 777 г. [23].

Часто употребляется приблизительное обозначение веса самородка: около 14 килограмм.

Даже в разных изданиях Гохрана России наш самородок как «Лошадиная голова» «весит» по-разному:

- 13,6 кг [16, с. 195];
- 13 900 г [17, с. 168].

Точен в отношении информации о весе золотого самородка «Лосиное ухо» сайт «Информация о Свердловской области и Урале» – 13 776 г. [24].

Официальный вес «Самородка золотого похода им. М.И. Калинина» зафиксирован в его научном паспорте и статье экспертов Гохрана России В.Н. Орлова и И.Б. Таищевой «Уральские самородки золота XX века в Алмазном фонде России» – 13 776,6 грамма [14; 25, с. 45].

Путаница с названием и весом привела к «раздвоению» данного самородка. Так, на сайте Государственного краевого музея геологии Средней Сибири в рамках статьи «Золотые самородки – удивительный «Божий дар» была опубликована информация «Уникальные по размерам самородки золота». «Самородок золотого похода им. М.И. Калинина» включен в нее дважды: под именем «Золотого похода» весом 13,8 г, обнаруженный на Урале в бассейне

р. Чусовой в Сысертском районе в 1935 г., и под именем «Лошадиная голова» весом 13,777, обнаруженный на Урале в 1936 г. [23]. Кстати, в Путеводителе по выставке «Алмазный фонд» 2013 г. написано, что найден самородок «Лошадиная голова» на Урале в 1936 г. [17, с. 168]. Кстати, «пляска» с хронологией началась еще в декабре 1935 г. В газете «Уральский рабочий» от 16 декабря (№ 288) сообщалось, что золотой самородок найден 15 декабря [3, с. 1], а в номере 295 от 24 декабря написали уже другую дату находки – 17 декабря [8, с. 1]. Перед нами еще одна точка преткновения в истории нашего самородка золота, а ведь прошло всего 77 лет со дня его находки.

Итак, золотой самородок, найденный 15 декабря 1935 г., все-таки один. Он хранится в Гохране России, экспонируется на выставке «Алмазный фонд». Его официальное название «Самородок золотого похода им. М.И. Калинина». Название «Лосиное ухо» – местное уральское, связанное с его формой.

Используя статью А. Кожевникова, приведу краткую биографию старателей, обнаруживших уникальный «Самородок золотого похода им. М.И. Калинина».

Илья Семенович Пальцев, худой, сноровистый, рано лишился родителей, трудился лесорубом, каталем и забойщиком на подземных горных работах в Косом Броду и на Красной Горке. Он сражался на фронтах Великой Отечественной войны и погиб в апреле 1944 г. под Киевом, у станции Дарница. У него было две дочери и сын.

Иван Аристархович Пальцев, забойщик, двоюродный брат И.В. Пальцева, по возрасту старший, крупный – «здоровенный» – мужчина; до старательства плотничал – строил клуб и школу в селе Косой Брод, школу в Северском поселке. Умер через 1,5 года после находки самородка «Лосиное ухо».

Раиса Н. Волкова (1895–1975), старая дева, очень сильная («спокойно вытаскивала из шурфа 80-килограммового мужчину»), как и И.С. Пальцев, рано похоронила отца. Лошадь осталась ей в приданое. Из-за лошади и попала она в старательскую артель. Р.Н. Волкова прожила 80 лет [2, с. 25; 4, с. 297].

В середине марта 1936 г. трест Уралзолото передал Свердловскому горному институту муляж золотого «Самородка золотого похода им. М.И. Калинина», выполненный на Свердловском аффинажном заводе [26, 4]. Скорее всего, именно он хранится сегодня

в Уральском геологическом музее. Также муляжи самородка разной степени точности представлены в экспозициях Музея истории камнерезного и ювелирного искусства и Свердловского объединенного краеведческого музея (в филиале – Исторический музей г. Полевского и Планетарий).

Библиографический список

1. Уральский рабочий (далее УР). – 1936. – 17 марта (№ 063).
2. Кожевников А. Как нашли «Лосиное ухо» // Уральский следопыт. – 1977. – № 4. – С. 23–25.
3. УР. – 1935. – 16 дек. (№ 288).
4. Драгоценные металлы Урала: в 2-х ч. / Под ред. профессора И.В. Деметьева / Горнопромышл. ассоциация Урала, Ур. гос. горно-геолог. академия. – Ч. II. – Екатеринбург, 2004.
5. Правда. – 1935. – 17 дек. (№ 346).
6. УР. – 1935. – 18 дек. (№ 290).
7. Чванов П.М., Трифонов В.П. Самый большой советский самородок золота // Советская золотопромышленность (журнал). – 1936. – № 1. – С. 32–35.
8. УР. – 1935. – 24 дек. (№ 295).
9. УР. – 1935. – 20 дек. (№ 291).
10. Полевые материалы автора. 2022, от Тамплона Е.Ф.
11. УР. – 1935. – 29 дек. (№ 299).
12. УР. – 1936. – 10 апр. (№ 083).
13. УР. – 1936. – 17 янв. (№ 014).
14. Гохран России Министерства финансов РФ. Научный паспорт музейного предмета «Самородок золотого похода им. М.И. Калинина» (учет. № 413).
15. Лаврова С. Урал. Кладовая Земли. – М.: Белый город, 2007. – 48 с.
16. Алмазная сокровищница России. – Дизентис, Изд-во Дезертина, 1994. – 203 с.
17. Путеводитель по выставке «Алмазный фонд». – М.: ООО «Артифо», 2013. – 216 с.
18. Видео-экскурсия по выставке «Алмазный фонд» Гохрана России – Гохран России. Официальный сайт // Музей | Алмазный фонд (gokhran.ru) – дата обращения 19.11.2022
19. Золотой самородок «Лосиное ухо»: чем он уникален? #30 Предметные истории // Свердловский областной краеведческий музей им. О. Клера на YouTube, запись 21.10.2020.
20. Бажов П.П. Малахитовая шкатулка: научное издание / П.П. Бажов. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. – 896 с.

21. Филатов В.В. Тематико-экспозиционный план выставки «250 лет золото-платиновой промышленности Урала» // Научный архив МИКЮИ. Оп. 1-р. Д. 17. 33 лл.
22. Бычья голова и заячьи уши. Из истории некоторых российских золотых самородков // Кладоискатель. – 2012. – Март. // http://clubklad.ru/upload/newspaper/klad_03_p03.pdf – Дата обращения 08.12.2020.
23. Золотые самородки – удивительный «Божий дар» // Сайт Музея геологии Средней Сибири <http://museum.krasfond.ru/library/interesnye-fakty/89-zolotyie-samorodki-udivitelnyj-bozhij-dar.html> – Дата обращения 11.12.2020
24. Золотой самородок «Лосиное ухо» // <http://semantic.uraic.ru/post/postbrowse.aspx?f=p&o1=3359&q=true> (сайт «Информация о Свердловской области и Урале») – Дата обращения 07.12.2020
25. Орлов В.Н., Таищева И.Б. Уральские самородки золота XX века в Алмазном фонде России указан точный вес «Самородка золотого похода им. М.И. Калинина» // – Дата обращения 16.11.2020.
26. УР. – 1936. – 16 марта (№ 062).

УДК 94(470.5):351.853

С.П. Постников*

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА СВЕРДЛОВСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО ИНСТИТУТА (УрГАХУ) «КАМЕННЫЙ ПОЯС» КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА

Ключевые слова. *История, архитектура, историко-культурное наследие Урала, Свердловский архитектурный институт.*

Аннотация. *В докладе представлена история уникальной программы «Каменный пояс» Свердловского архитектурного института – Уральского государственного архитектурно-художественного университета с момента ее возникновения до завершения. Сделан вывод, что данная программа способствовала сохранению многих объектов историко-культурного наследия Урала.*

* **Постников Сергей Павлович**, главный научный сотрудник, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алферова, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, доктор исторических наук, профессор (Екатеринбург, Россия); e-mail: spostnikov@mail.ru.

S.P. Postnikov**

THE INTEGRATED PROGRAMME OF SVERDLOVSK ARCHITECTURAL INSTITUTE (USUAA) "THE STONE BELT" AS A FACTOR OF URAL HISTORICAL CULTURAL HERITAGE CONSERVATION

Keywords. *History, architecture, historical cultural heritage of the Urals, Sverdlovsk Architectural Institute.*

Abstract. *The report reviews the history of the unique programme «The Stone Belt» of Sverdlovsk Architectural Institute (now the Ural State University of Architecture and Art) since its origin to completion. It is concluded that the programme contributed to the preservation of many an object of the Ural historical cultural heritage.*

Комплексная программа «Каменный пояс» была уникальным явлением в истории высшего образования Урала и всей России. К сожалению, ее история не нашла должного освещения в историографии. Часть работ была написана «по горячим следам» ее участниками [1]. Другая часть публикаций основана главным образом на личных воспоминаниях организаторов [2]. «Субъективный фактор» не исключен и в других изданиях [3; 4].

Между тем большое количество материалов о программе «Каменный пояс» содержится в государственных архивах Свердловской области, которые значительно углубляют и дополняют наши представления о данном уникальном явлении в истории высшего образования Урала.

По вопросу возникновения программы «Каменный пояс» в литературе имеются некоторые разногласия, которые не имеют, на наш взгляд, принципиального значения. По мнению А.А. Старикова, одного из организаторов и активных участников программы, «Каменный пояс» начал осуществляться в 1971 г., когда под руководством Н.С. Алферова состоялась первая экспедиция в Нижнюю Сияниху для выявления памятников истории и культуры края. По некоторым архивным данным, программа «Каменный пояс» стала

**** Postnikov Sergey Pavlovich**, Chief Researcher, Ural State University of Architecture and Art named after N.S. Alferov, Chief Researcher of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ekaterinburg, Russia); e-mail: spostnikov@mail.ru.

воплощаться в институте с 1973 г. [5]. Но здесь нет противоречия, т.к. экспедиции предпринимались раньше, чем программа была официально оформлена. С тех пор эта программа органического соединения научно-исследовательской деятельности студентов с учебно-воспитательным процессом стала генеральным направлением в повышении качества знаний студентов, их академической активности, насыщения учебного цикла социальным содержанием.

Вскоре программа «Каменный пояс» была одобрена Свердловским областным комитетом КПСС. А 27 октября 1977 г. опыт Свердловского архитектурного института по реализации данной программы обсуждался на Коллегии Минвуза СССР, получил одобрение и был рекомендован для использования другими высшими учебными заведениями. В 1980 г. специальная комиссия Министерства еще раз глубоко проанализировала и положительно оценила деятельность САИ по программе «Каменный пояс» [6]. В инструктивном письме Минвуза РСФСР от 15 марта 1978 г. отмечалась «широта научных исследований программы «Каменный пояс» предусматривает возможность привлечения к ее осуществлению других вузов Урала. Аналогичные программы по соединению учебно-воспитательной и научной деятельности могут быть разработаны и другими вузами Министерства с учетом специфики районов и профиля подготовки специалистов» [7].

Реализовывалась программа при финансовой поддержке Министерства культуры РСФСР, республиканских и областных отделов культуры Башкирской АССР, Удмуртской АССР, Свердловской, Курганской, Челябинской областей. Только за 1981–1985 гг. силами студенческих экспедиций было обследовано более 500 памятников истории и культуры с общим охватом 1500 городов и других населенных пунктов [8]. Ежегодно в экспедициях студентов и преподавателей САИ принимали участие от 200 до 300 человек [9].

В докладе секретаря партбюро Г.С. Заикина, также одного из организаторов программы, на партсобрании 19 февраля 1981 г. отмечалось, что программа «Каменный пояс» является конкретной формой соединения учебно-научно-воспитательного процесса с решением практических вопросов экономического и социального развития страны. Он также подчеркнул роль программы в дальнейшем развитии научных исследований института и ее благотворное влияние на научно-творческий климат в коллективе [10].

Всего, по данным А.А. Старикова, в ходе реализации программы «Каменный пояс» было выявлено свыше 5 тысяч объектов культурного наследия, поставлено на госохрану более 1 тысячи памятников истории и культуры [11]. Кроме того, на материалах научных экспедиций «Каменный пояс» в 1975 г. был создан Музей архитектуры и промышленной техники Урала [12]. Результаты исследований по программе были изложены в ряде научно-технических отчетов, использованы в сотнях научных статей, курсовых и дипломных проектов, а также при подготовке 19 кандидатских и одной докторской диссертации. Многие объекты культурного наследия Урала были реставрированы по проектам студентов и преподавателей УрГАХУ.

За большую и плодотворную работу по изучению и сохранению историко-культурного наследия Урала руководители программы «Каменный пояс» А.Э. Коротковский был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, Г.С. Заикин и А.А. Стариков – орденом «Знак Почета» [13].

К сожалению, программа «Каменный пояс» в 1991 г. была приостановлена в связи с прекращением финансирования субъектами Российской Федерации. Однако ее материалы продолжили широко использоваться учеными САИ–УрГАХУ в материалах исследований. Это работы В.Е. Звагельской, А.В. Долгова, А.Ю. Каптикова, Е.К. Золотова, А. А. Старикова, Л.П. Холодовой, Р.М. Лотаревой и других [14].

Библиографический список:

1. Стариков А. Каменный пояс России // Уральский следопыт. 1989. – С. 2–3.
2. Коротковский А.Э., Заикин Г.С., Стариков А.А. Единая программа творческой деятельности // Вестник высшей школы. – 1980. – № 10. – С. 39–41.
3. Стариков А.А. Каменный пояс // Уральский государственный архитектурно-художественный университет: энциклопедический словарь / гл. ред. В.А. Блинов. – Екатеринбург: Архитектон, 2017. – С. 124.
4. Творческий путь градостроителя Ольги Уссовой /организатор, редактор и составитель А.М. Ликин. – Пермь: ООО «Пермское книжное издательство, 2019. – 244 с.; илл.
5. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 690. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.
6. Там же.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 26. Л. 24.

8. Там же. Л. 28.
9. ЦДООСО. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.
10. ЦДООСО. Ф. 690. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.
11. Стариков А.А. Каменный пояс / А.А. Стариков // Уральский государственный архитектурно-художественный университет: энциклопедический словарь / гл. ред. В.А. Блинов. – Екатеринбург: Архитектон, 2017. – С. 124.
12. Штубова Е.В. Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ Уральский государственный архитектурно-художественный университет: энциклопедический словарь / гл. ред. В.А. Блинов. – Екатеринбург: Архитектон, 2017. – С. 220–223.
13. Стариков А.А. К 50-летию программы «Каменный пояс»: Итоги и перспективы // Диалоги о защите культурных ценностей: Материалы I Международной научно-практической конференции, 14 мая 2021 г. / под ред. Е.Ю. Витюк, Ю.В. Кондаковой, Е.В. Штифановой. – Екатеринбург: УрГАХУ. – С. 38–41.

УДК 008:94(47).084

О.Н. Просникова*

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР – ИСТОРИЧЕСКИЙ БРЕНД ЕКАТЕРИНБУРГА

Ключевые слова. *Екатеринбург, Исторический сквер, Музей Екатеринбургского монетного двора, исторический бренд, город русской медной монеты.*

Аннотация. *Автор отслеживает причинно-следственные связи основания Екатеринбурга Петром Великим ради меди как монетного металла и актуальность возрождения памяти о Екатеринбургском монетном дворе как историческом бренде Екатеринбурга.*

O.N. Prosnyakova**

EKATERINBURG MINT – HISTORICAL BRAND OF EKATERINBURG

Keywords. *Ekaterinburg, Historical Square, Museum of the Ekaterinburg Mint, historical brand, city of the Russian copper coin.*

* **Просникова Ольга Николаевна**, заведующая информационно-образовательным отделом Музея архитектуры и дизайна, Уральский архитектурно-художественный университет им Н.С. Алферова (Екатеринбург, Россия); e-mail: prosnikova@gmail.com.

** **Prosnyakova Olga Nikolayevna**, Head of the Information and Education Department of the Museum of Architecture and Design, Ural University of Architecture and Art named after N.S. Alferov (Ekaterinburg, Russia); e-mail: prosnikova@gmail.com.

Abstract. *The author traces the cause-and-effect relationships of the founding of Ekaterinburg by Peter the Great for the sake of copper as a monetary metal the relevance of reviving the memory of the Ekaterinburg Mint as a historical brand of Ekaterinburg.*

Во времена правления Петра I были основаны два крупнейших города, которым изначально отводилась ведущая роль в развитии Российской империи и которые занимают особое место и теперь, в современной России. В 1703 году был заложен Санкт-Петербург – как новая столица Российской империи взамен Москвы, названный в честь небесного покровителя Петра I. Спустя менее двух десятков лет началась история Екатеринбурга, задуманного как «столица горнозаводского царства» и названного в честь имени супруги императора – Екатерины I.

Чуть больше 300 лет тому назад, в 1721 году, закончилась Северная война, в результате которой Россия стала морской державой. После заключения Ништадтского мира со шведами приближенные провозгласили Петра I императором, а он сам Московское царство – Российской империей. На следующий день после этого события, 23 октября 1721 года, Петр I подписал инструкцию, третий пункт которой гласил: «Построить при реке Исети город, и в нем медный и стальной заводы, и Правление всех Сибирских горных дел» [1, с. 88]. Этим документом была предопределена одна из основных «специализаций» Екатеринбурга на последующие 300 лет – медная...

Дело в том, что пятый пункт Ништадтского договора оговаривал, что победившая сторона, то есть Россия, принимает на себя обязательство уплатить деньги побежденной стороне, то есть Швеции за присоединение Лифляндии. Размер выкупа составлял два миллиона талеров (ефимков). В 1721 году при весе монеты 28 граммов – это 56 тонн серебра. Ежегодный бюджет России в те годы составлял порядка 4–5 миллионов рублей, так что Петр I обязался отдать шведам половину всего бюджета страны. В то же время в 1721 году бюджет Швеции составлял около 6 миллионов шведских далеров, или 2 миллиона ефимков. Таким образом, шведы получили от России сумму, эквивалентную их годовому бюджету. Деньги были уплачены полностью, о чем в феврале 1727 года новый шведский король Фредерик I передал русскому

послу в Стокгольме князю Василию Долгорукову квитанцию о принятии Швецией двух миллионов талеров.

Северная война была выиграна благодаря невероятному усилению налогового гнета. Петр I в течение всей своей жизни стоял перед проблемой поиска денежных средств без привлечения внешних заимствований. Основная идея денежной реформы 1700 года состояла в том, что Петр I ввел медную монету для вымена серебряной мелкой монеты, из которой с 1701 года начали чеканить полтину нового образца, а с 1704 – серебряные рубли с уменьшенным количеством серебра. Только за три года (1701–1703), в течение которых полным ходом шла чеканка новой монеты, бюджет получил 1,9 миллиона рублей чистой прибыли.

Но медь покупали окольными путями у воюющей стороны Швеции, машины для чеканки завозились из Европы, эти машины приводились в движение с помощью мускульной энергии людей или конной тягой, поэтому себестоимость изготовления медных монет была высока. Медь является самым твердым монетным металлом, в отличие от «мягких» – золота и серебра, ручная чеканка которых не требовала больших затрат энергии. Петр I вынужден был три раза сокращать содержание меди в монетах во время Северной войны. Самые легкие и самые крохотные медные монеты – полушки (чуть больше 1 грамма) чеканились с 1718 по 1721 годы и породили волну фальшивомонетничества.

Еще в 1702 году, когда начали строить первые железоделательные заводы Урала, неподалеку от места строительства будущего Екатеринбурга, на восточном склоне Уральских гор была найдена медная руда. Этот рудник впоследствии назовут Гумешевский (тот самый, откуда родом и бажовская хозяйка Медной горы).

Следующий шаг – строительство Уктусского завода, на котором в 1712 году началась выплавка меди (а это уже территория современного Екатеринбурга). Но в 1718 году Уктусский завод сгорел. Поэтому неотложной задачей Петра I после завершения Северной войны в 1721 году стало решение вопроса источников собственной меди как монетного металла.

До приезда в конце 1722 года в Сибирь (термина «Урал» тогда не существовало, использовалось другое слово «Камень») Вильгельма де Геннина все государственные попытки строительства казенных или частных медеплавильных заводов в этом регионе

оказались безуспешными. В феврале 1723 года де Геннин на основании им же разработанной инструкции получает законное разрешение на строительство нового металлургического завода по производству меди и стали.

В начале марта, с первыми весенними лучами разворачивается грандиозная стройка, вторая по величине в России после строительства Санкт-Петербурга. Первым сооружением завода стала медеплавильная фабрика по новой технологии четырех-передельной «гармахерской» меди, пригодной для чеканки монет.

Поэтому своеобразным отчетом де Геннина Петру I явился поднос из первой плавки меди 8 июня 1723 года на строящемся еще заводе, отправленный Екатерине I с личным адъютантом де Геннина. В этом письме де Геннин просил разрешения именовать «Новозачатые Исетские заводы» и крепость – Екатеринбургские и Екатеринбургом, соответственно, в память имени Екатерины. Этот поднос до сих пор хранится в Петровской коллекции Эрмитажа.

Письмо В.И. де Геннина Екатерине I:

«Всемиловитейшая государыня, императрица и великая княгиня Екатерина Алексеевна, всемиловитая наша матушка!

Всенижайше доношу Вашему императорскому величеству, что я, раб Ваш, в Сибири з женою своею жив, токмо дочь моя едина бывшая отиде к Богу в вечный покой. И живу здесь при работе, уповая на Бога и на Ваше величество, чтоб незабвен был.

Всепокорне прошу Вашего величества, дабы поведено было мне, нижайшему, по окончании здешнего дела, паки ехать к Вашему величеству и пасть пред ногами Вашими за такое Ваше милосердие.

И понеже я, нижайший, ездил прошедшею зимою во всех здешних дистриктах, осмотрел в горах руды медные и железные, и изготовил материалы, где способно строить и размножить медных заводов и железных, и стальных фабрик по указу его императорского величества, то я зачал при реке Исете, где место сыскал лутчи: воды довольно и лесов, и руды на многа лета.

И около оных заводов заказал крепость делать, чтоб башкиры, наши соседи, не могли ее разорить.

А оную крепость и завод осмелился именовать до указу Катериненбурх, а заводы – Катериненбургские, в память высокославного имени Вашего величества. Для того во имя Вашего величества

Рис. 1. Поднос из первой сибирской меди.
Россия. Екатеринбург. 1723 г. 30×30×2,2 см.
Медь; ковка, гравировка. Государственный Эрмитаж

велел именовать, что на Олонце построены заводы и именованы во имя его императорского величества, а сим заводам надлежит именованным быть во имя Вашего величества, однако ж о том ожидаю указу.

А строитца ныне завод приписных слобод крестьянами, а за работу им зачитаетца за подать – по два гроша на день человеку, а доимки на них много, а платить деньгами не могут, то они за тое доимку лутчи могут зарабатывать.

А каковы те заводы и крепость, тому объявляю абрес пространно, которой высмотря, позволите показать всемилостивейшему нашему государю и благодетелю моему, и что он скажет, то, пожалуй, прикажи кому-нибудь писать, для того, я уже три письма к нему писал о ево делах нужнейших, а он не отвечал, разве недосуг или письмо мое не смеет никто ему дать, или сам он не хочет читать. А я, право, и не докучаю ему в тех письмах о деревнях опальных, хотя у меня ни единого дворишка нет, пущай перед

счастливыми, и ни о чем ином, кроме дел ево любезнейших о строении и умножении заводов, и что ко оному надобно для исполнения ево указа, имею попечение, чтоб я ему угодил для пользы государства вашего.

А у оной крепости работает полк салдат пехотных, которые присланы ис Тобольска для обережи, пока завод построятца, а жалованья на работные дни по алтыну на летней день человеку, а я хотел оным солдатам сверх жалованья давать на работные дни вполы против питербургского сверх их жалованья, только без указа давать не смею, чтоб на мне после было не доправлено. И о том я преж сего писал, только указ еще от хозяина Вашего не получил.

А оную крепость и завод надеюсь нынешним летом построить, а как построятца, перед Олонецкими заводами железные всякие припасы впредь будут гораздо становится дешевле для того, лесов и руд довольно, и места хлебородные, и работников наймовать можно дешевле ж.

В прочем остаюсь

Вашего величества, всемилостивейшей нашей
государыни всепокорнейший раб.

Вилим Геннин.

Екатеринбурх, июня 12 день 1723 году

P.S. При сем посылаю до Вашего Императорского Величества, нашей всемилостивейше государыни матушки новой очищательной фабрики, какова в Росии не бывало, первой плод – из чистой меди презентом талер, и желаю... с него кушать... во здравие и радость [2, С. 90–92].

Ответ Екатерины был следующий: «Благородный господин генерал майор. Письмо ваше, июня от 12 дня, через адъютанта Шкадера до нас дошло, купно с чертежом новопостроенного заводу на реке Исете и с подносом медным, сделанным на оном заводе. И оный чертеж, и поднос, и письма ваши Его Императорское Величество изволил смотреть, и угодно оное его величеству явилось. За что к вам Его Величество изволил писать с благодарением, к притом указал давать солдатам за работу, сверх их жалованья по три деньги на день; а о протчих делах указ вам от Его Величества прислан будет впредь. Что же вы писали, что построенный на Исете завод именовали, до указа, Катиринбурх, и оное також Его Величеству угодно.

И мы вам, как за исправление положенного на вас дела, так и за название во имя наше завода новопостроенного, благодарствуем. Впрочем пребываем. Императрица Екатерина из Санкт Петербурха, августа 28 дня 1723 года». [2, С. 93–94.]

В кратчайшие сроки на Урале генерал решил комплекс проблем:

- разведал рудные месторождения меди,
- наладил добычу медной руды,
- построил вододействующие медеплавильные фабрики поблизости от водных транспортных путей.

Но технологические процессы на московских монетных дворах остались прежними, зависящими от конной тяги и ручного труда, поэтому с 1723 года казна переходит на выпуск «легких» пятаков, как и полушки 1718–1721 годов, что усиливает кризис недоверия к медным монетам.

Займствуя опыт побежденной Швеции, Вильгельм де Геннин предлагает Петру I изготавливать полновесные медные платы (деньги, обеспеченные весом металла, затраченного на их производство), которые не было смысла подделывать. Технологическая цепочка изготовления плат была короче, чем монетный передел. Производство медных плат машинным способом медных было запущено в Екатеринбурге уже после смерти императора при Екатерине I после указа 1725 года. Генерал очень гордился вододействующими машинами собственного изобретения, которые работали чуть больше года...

Целых восемь лет столицы не решались поделить с Екатеринбург своей привилегией – чеканкой монет общегосударственного образца, доверяли только изготовление полуфабрикатов – кружков для медных монет. И только с возвращением на Урал Василия Никитича Татищева была запущена чеканка медных монет вододействующими машинами после указа Анны Иоанновны 1735 года.

Технические достижения развитых европейских стран, центральной России, Олонецкого края на Урале творчески перерабатывались. Вильгельмом де Генниным был построен крупнейший в мире Екатеринбургский гидротехнический промышленный комплекс. Высокая рентабельность монетного передела, основанная на машинах, работающих силой воды, по сравнению со столичными

монетными дворами наводит правительство на мысль об изменении специализации Екатеринбургского завода. Специальным указом Екатерины II 1763 года учреждается Екатеринбургский монетный двор. С этого времени возникает бренд «Е.М.», которым стали помечать все монеты, а Екатеринбург становится для всех жителей Российской империи городом русской медной монеты. А еще через 6 лет, Екатерина II повелевает перепрофилировать все фабрики Екатеринбургского завода, за исключением камнерезной, для чеканки монет. Убрали даже плавку меди!

Во второй половине XVIII века Екатеринбургский монетный двор становится крупнейшим региональным монетным двором России и градообразующим предприятием Екатеринбурга. За 150 лет его существования здесь было отчеканено 80 % медных монет Российской империи, исключительно энергией падающей воды...

Предметом промышленного дизайна считается продукция, отвечающая трем условиям. Обязательно машинное производство (в отличие от ручного или мануфактурного), тиражность и функциональность, основанная на художественном конструировании. Медные монеты Екатеринбургского монетного двора, являясь как мерило стоимости утилитарным продуктом массового машинного вододействующего производства, удовлетворяют все этим критериям.

В 2000 году в Лондоне увидела свет знаковая для истории дизайна книга «300 лет промышленного дизайна: Функция, Форма и Техника, 1700–2000» («300 Years of Industrial Design: Function, Form, Technique, 1700–2000» Adrian Heath, Snorre Stephensen, Ditte Heath, Aage Lund Jensen). Имя Адриана Хита (1920–1992 гг.) – британского художника-абстракциониста, коллажиста и конструктивиста, стоит на первом месте, так как издание готовилось на протяжении 25 лет. С 1969 года Адриан Хит являлся старшим научным сотрудником Гламорганского института высшего образования (Уэльс). Исследовательская работа университета в области искусства и промышленного дизайна считается ведущей в мире. С этого момента историю европейского промышленного дизайна стали отсчитывать с XVIII века.

Примечательно, что к утилитарному и декларативному дизайну всех серий медных монет имели непосредственные отношения

Романовы от Анны Иоановны до Александра II. Несмотря на то, что медные монеты в России вошли в постоянный обиход только при Петре I, уже при его дочери, Елизавете Петровне, медная монета становится преобладающей в денежном обращении России, а серебро стало использоваться большей частью для внешнеторговых операций. Поэтому любой император или императрица понимали декларативную функцию массовых медных денег, даже в XIX веке, когда Николай I главной платежной монетой установил серебряную.

Постоянное усложнение технологического цикла монетного производства помимо эстетической стороны имело и практический смысл – затруднение подделки. Пятак Александра II образца 1867 года был еще легче, чем “легкий” пятак Петра I 1723 года...

Монеты Екатеринбургского монетного двора вызывают восхищение еще и тем, что это продукты уникального, экологически чистого производства, существовавшего в центре Екатеринбурга, в отличие от продукции, например, Санкт-Петербургского монетного двора, где первоначально чеканка производилась вручную и конной тягой, а позднее использовалась энергия дымных паровых машин.

Актуальная реставрация положительного бренда Екатеринбургa требует создания Музея Екатеринбургского монетного двора на месте своего существования в Историческом сквере, где будут экспонироваться монеты – носители исторического городского бренда, вернувшиеся на место своего изготовления, как шедевры Екатеринбургского промышленного дизайна XVIII–XIX веков.

Библиографический список

1. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. Книга первая. – Екатеринбург. – 2018.
2. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Составитель М.О. Акишин. – Екатеринбург. – 1995. – С. 90–92.
3. Просникова О.Н. «Екатеринбургский монетный двор». – Санкт-Петербург: Издательский дом «Первоград». – 2021.

УДК 94(47).05=94(470)

О.А. Шипицына*

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА: АНСАМБЛЕВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова. *Архитектурно-индустриальное наследие, ансамблевый потенциал, исторические промышленные территории, Урал.*

Аннотация. *В статье выявляется специфика промышленного освоения Урала. Формулируются теоретико-методологические основания изучения архитектурно-индустриального наследия региона. Описываются особенности определения ансамблевого потенциала пространства исторических промышленных территорий Урала.*

О.А. Shipitsyna**

THE SPECIFICS OF STUDYING THE ARCHITECTURAL AND INDUSTRIAL HERITAGE OF THE URALS: ENSEMBLE POTENTIAL OF THE HISTORICAL INDUSTRIAL TERRITORY

Keywords. *Architectural and industrial heritage, ensemble potential, historical industrial territories, the Urals.*

Abstract. *The article reveals the specifics of the industrial development of the Urals. The theoretical and methodological foundations of the study of the architectural and industrial heritage of the region are formulated. The features of determining the ensemble potential of the space of the historical industrial territory of the Urals are described.*

Выбор стратегии изучения архитектурно-индустриального наследия Урала в настоящее время определяется с одной стороны

* Шипицына Ольга Александровна, кандидат архитектуры, профессор кафедры теории и истории архитектуры и искусств, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алферова (Россия, Екатеринбург); e-mail: oshipits@usaaa.ru.

** Shipitsyna Olga Aleksandrovna, Candidate of Sciences in Architecture, Professor of the Department of Theory and History of Architecture and Arts, Ural State University of Architecture and Art named after N.S. Alferov (Ekaterinburg, Russia); e-mail: oshipits@usaaa.ru.

спецификой освоения территории этого старопромышленного региона России с начала XVIII в. по середину XX в., а с другой – общемировыми тенденциями комплексного сохранения историко-культурного наследия, зарождение которых во многом было обусловлено официальным признанием в 1992 г. культурного ландшафта категорией наследия [1]. Концепция культурного ландшафта как объекта наследия позволила уйти от решения частных вопросов охраны единичных памятников и сделала сегодня актуальным «представление о наследии как системном образовании, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды» [2, с. 7]. При этом наиболее перспективным для изучения и сохранения архитектурно-индустриального наследия Урала является территориальный или пространственный подход, когда «основным объектом охраны и использования становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами традиционной культурной и хозяйственной деятельности, исторически сложившимися системами расселения» [2, с. 7]. В результате применения этого подхода смещается акцент с решения вопросов отдельного памятника на исследование архитектурного пространства исторических промышленных территорий в целом, причем вне зависимости от степени сохранности на них объектов архитектурно-индустриального наследия. Следовательно, изучение индустриального Урала в формате культурного ландшафта позволит представить архитектурно-индустриальное наследие этого региона как сложно организованное целостное образование (систему), сохранение которого строится с учетом выявленных внутренних механизмов развития исторических промышленных территорий.

Формирование уникального горнозаводского культурного ландшафта Урала происходило с начала XVIII в. в процессе возведения огромного для того времени количества промышленных и горнодобывающих предприятий. И если в первые сто лет закладывались принципы освоения территории всего региона и приемы планировочной организации отдельного завода в структуре поселения, то в первой половине XIX в. с приездом на Урал профессиональных архитекторов начинают вырабатываться объемно-пространственные особенности создания промышленных зданий и сооружений на тот момент с применением стилистики классицизма.

Причем согласно Горному положению 1806 г., «архитекторы горного ведомства осуществляли руководство не только промышленным строительством, но и планировкой, проектированием и строительством горнозаводских поселений и городов» [3, с. 23]. Так, изучение исторических документов фонда Горного департамента в Российском государственном историческом архиве показало, что архитектором Гороблагодатских казенных заводов А.З. Комаровым было подготовлено несколько альбомов проектов заводских и общественных построек основных промышленных поселений округа (Кушвинского, Баранчинского, Верхне-Туринского, Нижне-Туринского, Серебрянского). В частности, альбом чертежей по Баранчинскому заводу датирован 1828-м годом и состоит из 14 листов, на которых размещены: генеральный план поселения; планы и фасады промышленных объектов (доменного цеха, различных передельных фабрик, заводоуправления, заводской конюшни) и гражданских построек (Церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, госпиталя, нескольких казенных домов, здания пожарной службы и др.) [4]. Все представленные в альбоме проекты зданий выполнены в единой стилистике классицизма, что позволило архитектору организовать общий ансамбль промышленного и общественного пространств поселения.

Вплоть до конца XIX в. развитие индустриального Урала происходило в границах уже освоенной ранее территории, поскольку новых заводов почти не строилось, а обновление производственных мощностей шло за счет модернизации уже существующих промышленных предприятий. В процессе реконструкции старых и возведения новых зданий и сооружений, как правило, увеличивалась территория и усложнялась планировочная структура завода. В то же время получало развитие и общественное пространство поселения, благодаря строительству новых объектов. При этом стилового единства зданий в архитектурном ансамбле завода уже не было, но обогащалась его образная палитра и сохранялась пространственная согласованность между объектами. Например, в процессе реконструкции Баранчинского завода конца XIX в. вносимые горным инженером А.Н. Кузнецовым изменения не только не разрушили сформированный А.З. Комаровым архитектурный ансамбль, а наоборот усилили его композиционные качества, доведя их до логического завершения.

Одновременно с реконструкцией старых вододействующих заводов в конце XIX в. начинается строительство новых промышленных предприятий, которые были запроектированы согласно современным принципам производственной и пространственной организации территории. С 1920-х гг. в период индустриализации снова началось промышленное освоение территории Уральского региона благодаря строительству заводов нового типа с применением стилистики функционализма или конструктивизма. Масштаб освоения региона уже не был столь значительным как это было в XVIII в., но наряду с крупнейшими металлургическими заводами появились и промышленные предприятия новых для Урала отраслей, например, машиностроения. Доминирование в этот период стиля «конструктивизм» повлияло и на объемно-пространственные характеристики предприятий/комбинатов. Причем, как и в первой половине XIX в. при проектировании новых заводов снова стала подниматься тема ансамбля, теперь уже промышленного. Так, архитектор А.Э. Зильберт в 1936 г. написал: «архитектору, работающему над планировкой промтерритории, одновременно с проработкой инженерно-организационной схемы плана, необходимо тщательно учитывать общие перспективы застройки всего промышленного комплекса под углом зрения, с одной стороны, композиционного единства всего ансамбля, наличия общего стилового единства, и с другой – последовательности в организации пространства» [5, с. 17]. Следовательно, появилась новая разновидность ансамбля – это индустриальный ансамбль, в процессе создания которого одновременно учитывались технико-технологические и художественно-эстетические требования. При этом индустриальные ансамбли, следуя уральской традиции, стали также занимать ключевое место в композиции нового типа поселения – соцгорода, хотя и находились на его периферии.

Таким образом, в течение двух с половиной веков (XVIII в. – середина XX в.) на территории индустриального Урала была сформирована самобытная региональная архитектурная система, ключевым элементом которой стал изначально заводской комплекс, а затем – ансамбль. Причем применение ансамблевых принципов классицизма в планировке заводов первой половины XIX в., а потом приемов функционализма при возведении новых предприятий в период индустриализации первой половины XX в. дважды качественно

меняло промышленное зодчество Урала. В результате выявления особенностей развития индустриального Урала была определена одна из важнейших закономерностей формирования промышленного зодчества этого региона, а именно: качественное преобразование архитектурного ансамбля завода первой половины XIX века в индустриальный ансамбль первой половины XX века. Поэтому, следуя выявленной закономерности, были определены теоретико-методологические основания изучения архитектурно-индустриального наследия.

Первое: ориентация на комплексное исследование исторических промышленных территорий, поскольку только в этом случае конкретный памятник индустриальной эпохи будет представлен во взаимодействии с другими подобными объектами, с окружающими их поселениями, действующими предприятиями и природной средой. Причем масштаб этих территорий может быть совершенно различным в диапазоне: от исторически сформировавшегося общественно-промышленного комплекса/ансамбля малого уральского города до территории, в границах которой несколько подобных комплексов/ансамблей объединены между собой производственными, культурными, пространственными и другими связями, в общий индустриальный культурный центр [6]. Самый крупный масштаб исторической промышленной территории – это собственно индустриальный Урал в границах его освоения за два с половиной века.

Второе: акцентирование внимания на особенностях ансамблевого формирования исторических промышленных территорий, поскольку только в этом случае будет комплексно изучена специфика формирования промышленного зодчества Урала. Причем исследованию подлежат все территории, несущие информацию об индустриальной эпохе, – это не только сохранившиеся в разном объеме исторические промышленные комплексы, заброшенные пространства вместе с иногда полуразрушенными архитектурными объектами и инженерными сооружениями, но и индустриальные ландшафты и места, которые находятся в центрах уральских поселений и сохраняют лишь память о когда-то действовавшем здесь промышленном предприятии. Провести подобное комплексное исследование становится возможным, если заимствовать из области теории архитектуры специально разработанную методику

выявления ансамблевого потенциала архитектурного пространства. Поэтому и необходимо более подробно раскрыть содержание самого понятия «ансамблевый потенциал» и алгоритм применения вновь вводимой методики.

В рамках теории архитектуры ансамблевый потенциал определяют «как степень реализации структурного целого, образуемого художественно осмысленным диалогическим согласием всех компонентов архитектурного пространства» [7, с. 130]. Методику выявления ансамблевого потенциала применяют на стадии предпроектной работы, что позволяет выбрать наиболее оптимальное проектное решение при реконструкции существующего участка города. Поскольку методика ориентирована на изучение, как правило, исторической среды, то она вполне может быть использована в процессе исследования пространственной организации исторических промышленных территорий с выявлением значимости объектов архитектурно-индустриального наследия.

При этом пространство исторической промышленной территории рассматривается как открытая самоорганизующаяся система, которая за время своего существования проходит разные стадии формирования: от возникновения до упадка. Наличие ансамблевости или ее отсутствие – есть две стороны одного и того же единства. Эти структурные состояния открытой системы пространства исторической промышленной территории способны непрерывно сменять друг друга. Гармоничность и внутренняя согласованность, характеризующие ансамблевость пространства, в силу разных внешних и внутренних причин может смениться хаотичным и несвязанным многообразием, а это уже «неансамблевость». Примеров подобных переходов множество, так, не востребованность определенных производств приводит к закрытию промышленного предприятия, а затем и к запустению исторической промышленной территории и постепенному разрушению архитектурно-индустриального наследия, которое обладает самостоятельной культурной ценностью. Поэтому основная цель выявления потенциала ансамблевого саморазвития или ансамблевого потенциала – это определить на какой стадии находится сейчас пространство конкретной территории и какие ресурсы надо задействовать, чтобы наиболее оптимально использовать сохранившееся здесь архитектурно-индустриальное наследие. В рамках предлагаемой методики изучение

пространства исторической промышленной территории происходит на двух уровнях: формальном и содержательном.

На формальном уровне исследуется структурная организация всех компонентов исторической промышленной территории, а также степень целостности пространства. Следовательно, выявляется насколько территория отвечает или не отвечает ансамблевым характеристикам. При этом проводится изучение объемно-пространственной организации, планировочной структуры, функциональных особенностей и предметного наполнения архитектурного пространства, а также дается представление о композиционном разнообразии и закономерностях построения элементов и целого.

На содержательном уровне исследуется информационная насыщенность и историко-культурная ценность пространства исторической промышленной территории. Следовательно, выявляется насколько территория значима для отдельного города-завода и горнозаводской системы в целом. При этом проводится ретроспективный анализ развития территории, изучение имеющихся в пространстве разных слоев культуры и разнообразия культурных функций, важных составляющих индустриальной культуры, исследование степени сочетания образного и смыслового единства элементов пространства.

Результатом двухуровневого исследования является комплекс аналитических материалов (таблиц и схем) и графоаналитических моделей (исторического развития, функционально-смыслового зонирования, объемно-пространственной организации, визуального восприятия пространства и др.), наглядно отражающий ансамблевый потенциал пространства исторической промышленной территории.

Таким образом, самое общее описание специфики изучения архитектурно-индустриального наследия Урала показывает те возможности, которые открываются в процессе использования новых методик, заимствованных из области теории архитектуры. Проведение комплексного исследования с применением этих методик позволяет выявить отличительные особенности и ансамблевой потенциал пространства не только конкретной исторической промышленной территории небольшой по размеру, но и исторически сложившегося индустриального культурного центра, который включает уже несколько разных по степени сохранности и размеру

территорий. Эти укрупненные территории исторически объединены между собой производственными, пространственными, культурными и другими связями. Раскрытие этих связей позволяет как бы изнутри постепенно показать уникальный по своей организации горнозаводской культурный ландшафт Урала. Вот так после крупномасштабного промышленного освоения Урала в XVIII в. через три столетия в XXI в. может наступить комплексное освоение уже архитектурно-индустриального наследия этого региона.

Библиографический список

1. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention World Heritage Convention [Электронный ресурс] // UNESCO. – URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines>
2. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
3. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX века. – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1960. – 214 с.
4. РГИА. Ф. 37. Горный департамент. Оп. 63. Ч. 1. Д. 7. Л. 1–14.
5. Зильберт А.Э. Планировка промышленной территории // Проблемы архитектуры: Сб. материалов / Под ред. А.Я. Александрова. Т. 1, кн. 2. – М., 1936. – С. 7–38.
6. Солонина Н.С., Шипицына О.А. Индустриальное наследие Урала: архитектурно-презентационная актуализация: монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГХУ, 2020. – 382 с.
7. Шипицына О.А., Маргушин А.Л. Ансамблевый потенциал архитектурного пространства // Приволжский научный журнал. – 2010. – № 1. – С. 128–133.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗГО – Архив Златоустовского городского округа
АлтГУ – Алтайский государственный университет
Архив КМО – Архив Кунгурского муниципального округа
ВИМАИВ и ВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский союз молодежи
ВНИИЖТ – Научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации»
ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАПОУ – Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАУК – Государственное автономное учреждение культуры
ГБУ – Государственное бюджетное учреждение
ГКБУ – Государственное краевое бюджетное учреждение
ГКУ – Государственное казенное учреждение
ЕМИИ – Екатеринбургский музей изобразительных искусств
Е. И. В. – Его Императорского Величества
ИКН – Историко-культурное наследие
КГМ – Карельский государственный музей
КГПУ – Карельский государственный педагогический университет
ЛНИИЖТ – Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта
МБУК – Муниципальное бюджетное учреждение культуры
МГУ – Московский государственный гуманитарный университет
МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
МГМИ – Магнитогорский горно-металлургический институт
МИИТ – Российский университет транспорта (РУТ)
МКУ – Муниципальное казенное учреждение
МПС – Министерство путей сообщения
НИИ – Научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НМРК – Национальный музей республики Коми
НТГИА – Нижнетагильский городской исторический архив
ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОП СО – Общественная палата Свердловской области
ОРС – Отдел рабочего снабжения

ПАО – Публичное акционерное общество
ПермГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории
РААСН – Российская академия архитектуры и строительных наук
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГИА – Российский государственный исторический архив
РМАТ – Российская международная академия туризма
СО – Свердловская область
СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
УдмФИЦ УрО РАН – Удмуртский федеральный исследовательский центр
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук
УрГЮУ – Уральский государственный юридический университет
УРФУ – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
УЭМИИТ – Уральский электромеханический институт инженеров транспорта
ФГАОУ ВО – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
ФГБУК – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ФКУ – Федеральное казенное учреждение
ЦВММ – Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЧИППКРО – Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования

Научное издание

Тринадцатые Татищевские чтения

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 года)*

Редактор С.А. Корепанова

Верстка Е.М. Иванова

Корректор С.В. Лёзова

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Times NR.

Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 29.